

Костромской
государственный
университет

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2025

Том 31

№ 4

Октябрь – Декабрь

VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2025

Volume 31

№ 4

October – December

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ГРУППАМ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ:
5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ; 5.9. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Костромской государственный университет, Кострома;
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ОСИПЕНКО ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
начальник отдела сопровождения публикационной деятель-
ности, Костромской государственный университет, Кострома

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственный университет, Кострома

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА
доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

БОГДАНОВА ОЛЬГА АЛИМОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент
РАН, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет, Кострома

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт Всеобщей истории
Российской академии наук, Москва

ЗЕЛЕНЕЕВ ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Марийский государственный университет,
Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

ИЛЬИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Вологодский государственный университет, Вологда

КАНИНСКАЯ ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА
доктор исторических наук, профессор,
Ярославский государственный университет
имени П.Г. Демидова, Ярославль

КАТЕРМИНА ВЕРОНИКА ВИКТОРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Кубанский государственный университет, Краснодар

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет, Кострома

КРЮКОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет, Волгоград

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского, Ярославль

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
DSc in Philology, Leading Research Fellow,
Kostroma State University, Kostroma;
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

EXECUTIVE SECRETARY

TATYANA VLADIMIROVNA OSIPENKO
Head of Kostroma State University's division of publication
activity conducting, Kostroma State University, Kostroma

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
DSc in History, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH
DSc in Philology, Professor,
Russian Sciences Academy Corresponding Member,
Ural Federal University, Yekaterinburg

OL'GA ALIMOVNA BOGDANOVA
DSc in Philology, Leading Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN
DSc in History, Professor,
Russian Sciences Academy Corresponding Member,
Lomonosov Moscow State University, Moscow

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV
PhD in History Sciences, Senior Staff Scientist,
Universal History Institute,
Russian Academy of Sciences, Moscow

YURIY ANATOL'YEVICH ZELENEYEV
DSc in History, Professor,
Mari State University,
Yoshkar-Ola, Mari El Republic

ELENA NIKOLAYEVNA IL'INA
DSc in Philology, Professor,
Vologda State University, Vologda

GALINA NIKOLAYEVNA KANINSKAYA
DSc in History, Professor,
Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl

VERONIKA VIKTOROVNA KATERMINA
DSc in Philology, Professor,
the Kuban State University, Krasnodar

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

IRINA VASIL'EVNA KRYUKOVA
DSc in Philology, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
DSc in Philology, Professor,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет, Кострома

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
член-корреспондент РАН, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва

НИКИТИН ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Государственный университет просвещения, Москва

ОКОЛОТИН ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ
доктор исторических наук, доцент,
Ивановский государственный университет, Иваново

ПЕТЕЛИН БОРИС ВАЛЕНТИНОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет, Череповец

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет, Иваново

ПУШКАРЁВА НАТАЛЬЯ ЛЬВОВНА
доктор исторических наук, профессор,
Институт этнологии и антропологии
имени Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук, Москва

СИТДИКОВ АЙРАТ ГАБИТОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Академия наук Республики Татарстан, Казань

СУПРУН ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет, Волгоград

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
имени Л.Н. Толстого, Тула

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет, Кострома

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет, Иваново

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет, Кострома

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
имени А.М. Горького РАН, Москва

ХРИСТЕНКО ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ
кандидат исторических наук, доцент,
Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
DSc in Philology, Associate Professor,
Russian State University for the Humanities, Moscow

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
DSc in Philology, Director of Research, Russian Sciences
Academy Corresponding, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
DSc in Philology, Leading Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

OLEG VIKTOROVICH NIKITIN
DSc in Philology, Professor,
State University of Education, Moscow

VLADIMIR SERGEYEVICH OKOLO TIN
DSc in History, Associate Professor,
Ivanovo State University, Ivanovo

BORIS VALENTINOVICH PETELIN
DSc in History, Professor,
Cherepovets State University, Cherepovets

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
DSc in History, Professor,
Ivanovo State University, Ivanovo

NATAL'YA L'VOVNA PUSHKARYOVA
DSc in History, Professor,
Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences,
Moscow

AYRAT GABITOVICH SITDIKOV
DSc in History, Professor,
Academy of Sciences of Tatarstan autonomy, Kazan

VASILY IVANOVICH SUPRUN
DSc in Philology, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
DSc in Philology, Professor,
Tula State Pedagogical University
named after L.N. Tolstoy, Tula

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
DSc in Philology, Professor,
Ivanovo State University, Ivanovo

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
DSc in Philology, PhD in English,
Leading Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow

DMITRIY NIKOLAYEVICH CHRISTENKO
PhD in History, Associate Professor,
Russian State Agrarian University –
Timiryazev Moscow Agricultural Academy, Moscow

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва

ЩЕРБАК АНТОНИНА СЕМЁНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина, Тамбов

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

КОПЫЛОВ ИГОРЬ ЛЕОНОВИЧ
кандидат филологических наук,
директор Института языкознания имени Якуба Коласа,
Центр исследований белорусской культуры, языка
и литературы Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь

НЕДА АНДРИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Университет Черногории, Никшич, Черногория

ТЮРКАН ОЛДЖАЙ
доктор филологических наук, профессор,
Стамбульский университет, Стамбул, Турция

ЧЖУ ЦЗЯНЬГАН
доктор филологических наук,
профессор Института иностранных языков и литератур,
Сучжоуский Университет, Сучжоу,
провинция Цзянсу, Китай

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
DSc in Philology, Director of Research,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

ANTONINA SEMYONOVNA SHCHERBAK
DSc in Philology, Professor,
Derzhavin Tambov State University,
Tambov

**FOREIGN MEMBERS
OF THE EDITORIAL BOARD**

IGOR LEVONAVICH KAPYLOŬ
PhD in Philology,
Director of Institute of Linguistics named after Jakub Kołas,
Centre for Studies of Belarusian Culture, Language
and Literature, National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

NEDA ANDRIĆ
DSc in Philology, Professor,
Montenegrin University, Nikšić, Montenegro

TÜRKAN OLCAY
DSc in Philology, Professor,
Istanbul University, Istanbul, Turkey

ZHU JIANGANG
DSc in Philology,
Professor of institute of foreign languages and literatures,
Suzhou University, Suzhou,
Jiangsu Province, China

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Левченко А.И., Груздев В.В., Груздева М.Л.**
«Революция» в США: миф или реальность
- 12 **Христенко Д.Н.**
Американское самовосприятие в китайском зеркале:
анализ экспертного сообщества США
и администрация Д. Трампа
- 20 **Крехов С.С.**
От Севастополя к Сольферино:
итальянская кампания 1859 г.
в зеркале русской военной мысли
- 25 **Шигарева А.Н.**
История стран Запада
в творчестве русской просветительницы А.Ф. Быковой
- 32 **Красильников А.С.**
Провинциальный город эпохи НЭП: отражение новой
жизни в произведениях художественной литературы
местных периодических изданий
- 40 **Орешкин О.Ю.**
Взаимодействие экспортных
объединений НКВТ СССР с предприятиями
Московской области по вопросам выполнения
экспортного плана в 1933 г.
- 48 **Генералова С.В.**
Жизнеобеспечение политической элиты
в первые годы советской власти
- 55 **Капитанов В.А.**
О происхождении
«10 лет без права переписки»
- 63 **Околотин В.С., Велибеков Э.Ш.**
Производство боеприпасов на заводах № 260 и 521
в предвоенный период и в годы
Великой Отечественной войны (1939–1943 гг.)
- 72 **Полугодин А.Д.**
Порховская городская управа в период
немецко-фашистской оккупации 1941–1944 гг.:
функционирование и организация жизни
в оккупированном городе (по материалам
Государственного архива Псковской области)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 85 **Туфанова О.А.**
Поэтика рассказов о мятежах в древнерусских летописях
XII–XVI вв.: к проблеме «девиантности»
- 93 **Токарев Г.В.**
Семиотический принцип интерпретации художественно-
го текста (на материале рассказа
Л.Н. Толстого «Поликушка»)
- 99 **Михновец Н.Г., Имансу А.С.**
«Козьма Захарыч Минин, Сухорук» <Первая редакция>
А.Н. Островского в диалогах времени:
познание народа
- 109 **Едошина И.А.**
Александр Островский:
генезис драматической формы
(«Картина семейного счастья» / «Семейная картина»)
- 116 **Смирнова И.Ю.**
Художественное освоение
А.И. Эртелем наследия Н.А. Некрасова:
от эпической полноты поэм к проблеме
народного характера в прозе
- 126 **Голодняк О.В.**
Сценические адаптации «Тараса Бульбы»
во второй половине XIX – начале XX в.
- 133 **Тюрина Е.А.**
Визуально-вербальные стратегии агитации
В.В. Маяковского в «Окнах РОСТА»
(хроника сентября 1920 г.: Врангель,
голод, холод и разруха)

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 7 **A.I. Levchenko, V.V. Gruzdev, M.L. Gruzdeva**
“Revolution” in the USA: myth or reality
- 12 **D.N. Khristenko**
American self-perception in the Chinese mirror:
an analysis of the U.S. expert community
and Donald Trump administration
- 20 **S.S. Krekhov**
From Sevastopol to Solferino:
the Italian War of 1859
in the mirror of Russian military thought
- 25 **A.N. Shigareva**
The history of Western countries in the creative work
of the Russian female enlightener Aleksandra Bykova
- 32 **A.S. Krasilnikov**
A Russian provincial city of the NEP era:
reflection of new life in works
of fiction in local periodicals
- 40 **O.Yu. Oreshkin**
Interaction of export associations of the People’s
Commissariat for Foreign Trade of the USSR with
enterprises of Moscow Region on the implementation of the
export plan in 1933
- 48 **S.V. Generalova**
The life support of the political elite
in the early years of Soviet power
- 55 **V.A. Kapitanov**
On the origin of “10 years without the right
of correspondence”
- 63 **V.S. Okolotin, E.Sh. Velibekov**
Production of Ammunition at Factories No. 260 and 521
in the Pre-War Period and During
the Great Patriotic War (1939–1943)
- 72 **A.D. Polugodin**
Porkhov township during the Nazi occupation
of 1941–1944: functioning and organisation
of life in the occupied town
(based on the materials of the State Archive
of Pskov Region)

SCIENCE OF LITERATURE

- 85 **O.A. Tufanova**
Riot stories poetics in Old Russian chronicles of the
12th–16th centuries: on the problem of “deviance”
- 93 **G.V. Tokarev**
Semiotic approach to the interpretation of literary text
(based on Leo Tolstoy’s
short story “Polikushka”)
- 99 **N.G. Mikhnovets, A.S. Imansu**
“Koz’ma Zakhar’ich Minin, Sukhoruk” <First Edition>
Alexander Ostrovsky in the dialogues of time:
understanding of people
- 109 **I.A. Edoshina**
Alexander Ostrovsky: the genesis of dramatic form
(“The Tableau of Family Happiness” /
“The Family Tableau”)
- 116 **I.Yu. Smirnova**
Artistic development of the legacy
of Nikolay Nekrasov by Alexander Ertel:
from the epic fullness of poems to the problem
of national character in prose
- 126 **O.V. Golodniak**
Stage adaptations of “Taras Bulba”
in the 2nd half of the 19th – the early 20th century
- 133 **E.A. Tyurina**
Visual-verbal strategies of agitation
by Vladimir Mayakovsky in the *ROSTA Windows*
(September 1920 chronicle: Wrangel, famine,
cold, and devastation)

- 140 Зими́на Е.В.**
Блистательная Порты в английской драме XVI–XVII вв.
- 147 Шапошников В.И.**
Восток как «чужой» в поэтическом творчестве В. Гюго
- 152 Овчаренко О.А.**
К вопросу о мистической составляющей
ортономимной лирики Фернанду Пессоа
- 157 Погадаева Е.В.**
Мачу-Пикчу как символ латиноамериканского пограничья
в поэме Пабло Неруды «Вершины Мачу-Пикчу»

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 165 Волкова Е.Б., Коротун В.Л.**
Сложноподчинённые предложения контаминированной
структуры в научном стиле русского языка
(на материале произведений математического цикла)
- 173 Галкина Н.П.**
Различение собственно-уступительных
и присоединительно-уступительных отношений
в контексте сложноподчинённых предложений
- 179 Бодрова Е.В.**
Неофраземы с сенсорно-вкусовым компонентом
в юмористическом дискурсе: когнитивные процедуры
и прагматические установки автора
- 187 Бугреева Е.А.**
Способы трансляции культурных кодов
в современной сетевой поэзии
- 196 Нью Анна**
Сопоставительный анализ метафорических концептов
возраста в русском и китайском языках
в рамках когнитивной лингвистики

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- 208** Отпечаток времени. По страницам альбома
о семье Срезневских...
- 210 Васильева О.В.**
Срезневские. С XVIII века до наших дней
- 217 Ганцовская Н.С.**
Фотоальбом как символ культуры

222 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

- 140 E.V. Zimina**
The Sublime Porte in the 16th–17th century English drama
- 147 V.I. Shaposhnikova**
The Orient as “The Other” in Victor Hugo’s poetry
- 152 O.A. Ovcharenko**
On the problem of mystical component
of heteronymic lyrics by Fernando Pessoa
- 157 E.V. Pogadaeva**
Macchu Picchu as a symbol of Latin American borderlands
in Pablo Neruda’s “Alturas de Macchu Picchu”

SCIENCE OF LANGUAGE

- 165 E.B. Volkova, V.L. Korotun**
Complex sentences of contaminated structure
in the scientific style of the Russian language
(based on the works of the mathematical cycle)
- 173 N.P. Galkina**
Distinction between proper-concessive
and accessory-concessive relations
in the context of complex sentences
- 179 E.V. Bodrova**
Neophrasemes with a sensory-gastric component
in humoristic discourse:
cognitive procedures and pragmatic attitude of the author
- 187 E.A. Bugreeva**
Dynamics of cultural codes
in contemporary online poetry
- 196 Niu Anna**
Comparative analysis of metaphorical concepts
of age in Russian and Chinese languages within
the framework of cognitive linguistics

BOOKSHELF

- 208** The imprint of time. Through the pages of an Album
about the Sreznevsky Family...
- 210 O.V. Vasilyeva**
The Sreznevskys. From the 18th Century to the Present Day
- 217 N.S. Gantsovskaya**
Photo Album as a symbol of culture

222 REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 7–11. ISSN 2073-1426

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 27, no. 4, pp. 7–11. ISSN 2073-1426

Научная статья

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

УДК 327

EDN GDYMEG

<https://doi.org/10.34216/2073-1426-2025-31-4-7-11>

«РЕВОЛЮЦИЯ» В США: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Левченков Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, Луганский филиал Воронежского института МВД России, г. Луганск, Россия, kolundaev94@mail.ru

Груздев Владислав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, директор филиала, Азовский морской институт (Мариупольский филиал ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» в Донецкой Народной Республике), г. Мариуполь, Россия; Костромской государственный университет, г. Кострома, Россия; Донбасский государственный университет юстиции, г. Донецк, Россия, vgruzdev@kosgos.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Груздева Мария Львовна, доктор философских наук, доцент, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, г. Кострома, Россия, maria.gruz2020@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7452-3347>

Аннотация. В статье предпринята попытка всесторонне исследовать такой социально-экономический и политико-правовой феномен, как «революция», возможность возникновения и осуществления радикальных протестных движений аналогичного уровня в США и других западных странах в ближайшей перспективе. Для достижения поставленной цели были использованы работы западных ученых, видных специалистов в этой области знаний. Выявлены особенности и условия, при которых в США возможны массовые протестные действия населения в отношении существующего политического режима, а также средства и способы противостояния им со стороны власти. Сделан вывод, что в данное время в США имеется ряд признаков, которыми характеризуется такое понятие, как «революционная ситуация».

Ключевые слова: революция, революционная ситуация, власть, относительное обнищание населения, полиция, армия, политический режим, мигранты.

Для цитирования: Левченков А.И., Груздев В.В., Груздева М.Л. «Революция» в США: миф или реальность // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 7–11. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-7-11>

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZEW-2023-0003

Research Article

“REVOLUTION” IN THE USA: MYTH OR REALITY

Alexander I. Levchenkov, DSc in Jurisprudence, Professor, Lugansk branch of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Lugansk, kolundaev94@mail.ru

Vladislav V. Gruzdev, DSc in Jurisprudence, Professor, director of a subsidiary, Azov Maritime Institute (Mariupol branch of the federal state autonomous educational institution of higher education “Sevastopol University” in Donetsk People’s Republic), Mariupol; Kostroma State University, Kostroma, Russia; Donbass University of Justice, Donetsk, vgruzdev@kosgos.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Maria L. Gruzdeva, DSc in Jurisprudence, Associate Professor, Marshal of the Soviet Union Timoshenko Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Defence, Kostroma, Russia, maria.gruz2020@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7452-3347>

Abstract. The article attempts to comprehensively study such a socio-economic and political-legal phenomenon as “revolution” and the possibility of the emergence and implementation of radical protest movements of a similar level in the United States and other Western countries in the near future. To do so, a number of works by Western scientists, prominent specialists in this field of knowledge, were used. The features and conditions under which, mass protest actions of the population against the existing political regime are possible in the United States, as well as the means and methods of opposition to them by the authorities, are revealed. It is concluded that at present, in the United States there are a number of features that characterise such a concept as “revolutionary situation”.

Keywords: revolution, revolutionary situation, power, relative impoverishment of population, police, army, political regime, migrants.

Для цитирования: Levchenkov A.I., Gruzdev V.V., Gruzdeva M.L. "Revolution" in the USA: myth or reality. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 7–11. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-7-11>

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEW-2023-0003

Как известно, реальность состоит, с одной стороны, из стабильных, а с другой – из постоянно изменяющихся, переходных процессов и состояний. В таких условиях познание объективной действительности представляет значительную трудность для исследователя по различным причинам. Одна из них заключается в существующем противоречии между имеющимся в наличии у ученого определенным, устоявшимся объемом знаний с новыми знаниями, которые он получает в ходе познания объективной реальности. Можно предположить, что как раз в процессе разрешения этого противоречия и возникают новые знания в форме более адекватного образа исследуемого объекта. Создавать новую теоретическую модель действительности ученый будет лишь тогда, когда на нее существует значительный общественный запрос.

При этом, естественно, будут даваться во многом субъективные оценочные характеристики как «старой», так и «новой» теоретической конструкции. Чаще всего «старая» модель миропонимания признается «ошибочной», неадекватной существующим реалиям. Однако «старая» модель мировосприятия также базируется на достигнутом уровне познания объективной реальности в конкретных временных рамках (исторического периода). Следовательно, «новая» теоретическая конструкция не должна отбрасывать полностью, окончательно и бесповоротно ранее полученные знания.

В.М. Сырых обоснованно указывает на то, что полное и всестороннее познание предполагает непремное изучение двух основных составляющих исследуемого объекта – современного состояния и истории развития. Важно учитывать временные исторические границы исследуемого статического состояния и не подменять структурную связь исследуемого явления с внешней средой его генетической связью с предшествующими состояниями. В противном случае исследователь рискует прийти к неверным, ошибочным результатам [Сырых: 45–46].

Сегодня мы не в состоянии дать абсолютно верный ответ на вопрос об адекватности или неадекватности приобретенных в результате проведенных исследований новых представлений о самой этой реальности. Д. Фаулз вообще считал, что «ни научно, ни художественно выраженная реальность не является самой реальной реальностью» [Фаулз: 233]. Таким образом, наши знания и понимание «революционной ситуации» в марксистско-ленинской редакции

уже не отвечают полностью современному осмыслению и видению объективной реальности. Не отбрасывая совсем «старые» теоретические концепции относительно «революционной ситуации» (например, ленинское гениальное и вневременное, констатирующее готовность масс к масштабным протестным движениям – «верхи не могут, а низы не хотят так жить дальше»), для достижения объективной истины считаем целесообразным использовать исследование данного политического феномена, предложенное в работах известных западных ученых. Тем более что, по словам Д. Фаулза, «сегодня большинство ученых – не настоящие ученые, поскольку они не посвящают себя эвристическим поискам знаний: они всего лишь технологи, то есть применяющие знания на практике» [Фаулз: 234].

В связи с происходящими сегодня в мире трансформациями социально-экономического, политического, этно-религиозного и экологического характера у многих, в том числе и ученых, возникают вопросы: могут ли Европа и Америка «взорваться» изнутри, способно ли их население на серьезные протестные движения вплоть до смены существующих правительств и радикального изменения направлений внутренней и внешней политики. Это то, о чем в свое время была написана книга Т. Читтама [Читтам].

Если отталкиваться от мнения Д. Фаулза, утверждавшего, что «общественный застой быстрее всего происходит в экстремальных обществах – крайне справедливых или крайне несправедливых, что неизбежно приводит к одному из трех последствий: к войне, разложению или революции» [Фаулз: 179], то такой вариант развития событий для США сегодня существует, но вероятность его не является большой.

Тем не менее есть основания считать, что в этих странах «созревает» или уже существует «революционная ситуация», но только не в классическом марксистско-ленинском ее понимании («низы» не хотят, а «верхи» не могут) (см.: [Ленин]). Эта формула там не работает потому, что западному обывателю в условиях понимания уровня жизни в других странах есть что терять, и их обеспечение в целом по-прежнему остается гораздо выше, чем в большинстве других государств.

Однако О. Гюфе в своей достаточно известной работе «Демократия в эпоху глобализации» [Гюфе] пришел к выводу, что протестные движения в западных странах, в том числе и в радикальных формах, возможны, если государство не выполняет свои

обещания в отношении своих граждан, и в первую очередь в экономической сфере. То есть речь идет о значительном снижении уровня жизни населения в сравнении с тем, который оно имело ранее, имеет в данное время и которое обещано ему (более высокий уровень) руководством страны в будущем. О. Гюфе пишет, что у западного обывателя государственная власть не является абсолютной величиной, она изменяется и зависит от трех параметров: а) задач государства, поставленных перед ним в социальной сфере; б) ожиданий относительно их реализации; в) достигнутых фактических результатов. Ученый подчеркивает, что государство, которое исполняет немногие задачи, но они соответствуют ожиданиям граждан, является более могучим в сравнении с тем, которое исполняет большое количество задач, однако, несмотря на достигнутые результаты, они не соответствуют завышенным ожиданиям жителей страны [Гюфе: 139].

Таким образом, на Западе в ближайшей перспективе могут произойти «революционные» события, но только при наличии вышеобозначенных факторов и процессов. Развивая свою мысль далее в этом направлении, О. Гюфе считает следующие основания лишения власти данного государства правомерными:

- низкая эффективность его функционирования;
- снижение его способности к управлению общественными процессами;
- значительная компрометация существующего политического режима;
- разочарование населения в действующей власти;
- утрата легитимности власти;
- утрата суверенитета.

С. Лорти также утверждает, что значительные слои населения будут готовы к протестным движениям при наличии следующих условий:

- неудовлетворенность существующей системой должна достичь определенного уровня;
- для ее устранения должны быть предложены преобразования, внушающие доверие значительным массам населения;
- правящий режим должен ослабить свой контроль над обществом на достаточно длительное время, которое даст возможность его оппонентам консолидироваться и усилить свои позиции;
- должно быть достаточное количество людей, которые смогут возглавить борьбу за перемены.

Каждый из этих факторов является обязательным и необходимым для распада существующей системы, при этом каждый из них в отдельности недостаточен для свержения существующей власти [Лорти: 149]. То есть, по мнению ученого, кардинальные изменения невозможны до тех пор, пока в обществе не созреет массовая неудовлетворенность существующим порядком.

Развивая свою мысль далее, С. Лорти считает, что радикальные изменения в социумах не смогут состояться без наличия конкретной альтернативной организационной модели. «В отличие от шквальных восстаний, революции, даже “тихие” не возникают спонтанно. Им всегда предшествует понимание проблем и размышления по поводу их решения. Существующие властные институты, как правило, могут противостоять любому уровню неудовлетворенности, если нет предложений относительно иной (новой) надежной системы, которая может прийти на смену «старой» [Лорти: 151].

При этом коррумпированная власть всегда будет слабой или, по крайней мере, будет характеризоваться нерешительностью и неуверенностью в выборе и использовании средств (в том числе и силовых), которые она имеет в своем распоряжении для подавления протестных движений [Лорти: 152].

Также в такой ситуации важным фактором является наличие в стране людей, настроенных на реформы и способных их осуществлять. И таких людей, считает ученый, должно быть достаточно много [Лорти: 154].

Очень хорошо о возможностях сопротивления модернизации политической системы писал в свое время (70-е годы прошлого столетия) Д. Истон: «Для всякой социальной системы, включая и политическую, — адаптация является чем-то большим, чем простое приспособление к событиям жизни. Система может успешно отражать, ассимилировать любое враждебное ей влияние» [Varieties of Political Theory: 147].

Не ограничиваясь общими положениями, ученый вводит в научный оборот ряд новых понятий. Так, он делит среду, в которой функционирует политическая система, на «внутреннюю» и «внешнюю». Первая является, по его словам, «внутриобщественной» (функционирует в рамках конкретного государства). «Внешняя система» формируется в процессе международных отношений. Одновременно неблагоприятная ситуация во внешней и внутренней системах может «расшатать» существующую в стране власть и привести ее к падению. «Напряжение» в системе возникает тогда, когда есть опасение, что в обществе уже невозможно более авторитарно распределять ценности (материальные и духовные) или заставить большинство членов общества молчаливо принимать такое распределение. Например, пишет Д. Истон, если страна потерпела поражение в военном конфликте и дополнительно к этому наступил экономический кризис, то непременно возникает дезорганизация общества, массовое недовольство существующей политической системой. В таких условиях власти могут оказаться неспособными выполнять свои функции вообще, принимать

ответственные решения. Если разрушительное влияние внутренней и внешней среды переходит «критическую точку», то политическая система (существующая власть) может быть разрушена. При этом Д. Истон подчеркивает, что иногда правители, стремясь удержаться у власти, поощряют внутренние беспорядки и увеличивают опасность войны с другими государствами (см.: [Гіденс: 149]).

Для того чтобы система выжила, по мнению ученого, необходимо «анализировать функции, без которых она не может уцелеть», и те реакции, которые она сможет выработать для своего спасения. При этом он обращает особое внимание на ее возможности эффективно отвечать на давление внешней и внутренней среды.

Практически об этом же пишет и Д. Дейвис, утверждая, что социальные протесты и сама революция происходят тогда, когда в условиях жизни людей наблюдаются зримые ухудшения. При этом, когда жизненный уровень начинает расти, возрастает и уровень ожидания людей. Если после этого процесс улучшения фактических условий их жизни замедляется из-за краха своих ожиданий, тогда возникает и реальная угроза протестных действий со стороны населения в отношении власти, ее институтов и конкретных носителей [Гіденс: 583]. То есть к протестам (революциям) в наше время приводит не абсолютное обнищание населения, как это было с рабочим классом во второй половине XIX в., а относительное обнищание – расхождение между тем, что люди имеют, и тем, что обещали им по праву, и, следуя принципу социальной справедливости, они должны иметь.

Ч. Тилли в своей работе «От мобилизации к революции» прямо указывает, что протестные движения возникают тогда, когда у населения нет институализированных средств быть услышанными или когда действующая власть откровенно и грубо игнорирует их требования. При этом, подчеркивает ученый, «уличные протесты» (демонстрации), даже если они массовые, могут быть безуспешными, если эти акции не поддерживаются хорошо организованной группой. Степень насилия «демонстрантов» зависит от множества факторов, и в первую очередь от имеющихся в распоряжении власти силовых, организационных, информационных возможностей и ресурсов для его предотвращения. Но самое главное, по мнению Ч. Тилли, – успешный захват демонстрантами власти зависит непосредственно от степени контроля руководством страны армии, полиции, спецслужб, СМИ, масштабов конфликта, уровня организованности участников протестных движений.

Резюмируя вышесказанное, Ч. Тилли все же считает, что «действия толпы и бунт являются характерным проявлением краха ожидания людей, которые не могут традиционными способами выразить

свое неудовлетворение существующей властью и требовать проведения необходимых реформ» [Гіденс: 583–586]. Как известно, сегодняшние бурные события в Калифорнии, которые получили прямое продолжение в массовых протестных акциях по всей стране (14 июля 2024 г. в них приняли участие более 1,5 миллиона человек), при финансовой и организационной поддержке демократов могут послужить «толчком» к началу «гражданской войны» в США в той или иной форме – не классической.

Чем определяется (какими критериями) эффективность действия любой власти? Как мы знаем, основными показателями ее эффективности или неэффективности являются ВВП страны (рост, снижение, стагнация) и реальный уровень жизни ее населения. Если он постоянно снижается, то можно считать, что властвование национальных элит является неэффективным.

Если теряется контроль над происходящими в стране социально-экономическими и политическими процессами, то в таких условиях радикально снижается авторитет политических партий, используемых идеологий, политического и экономического курсов страны, разочарование населения в руководителях и т. п., что, в свою очередь, прямо ведет к утрате легитимности существующей власти внутри страны и государственного суверенитета на международной арене. События, происходящие сегодня в Германии, провал на выборах в бундестаг (парламент) «зеленой» коалиции и резкое усиление авторитета правых и левых партий свидетельствует о наличии зримых элементов «революционной» ситуации в стране. Этому предшествовало разорение в Германии 176 тыс. предприятий и рост безработицы как следствие продолжающейся поддержки действующего на Украине режима.

Перечисленные выше признаки в полной мере присущи украинской власти, а также многим западным государствам. При этом деструктивные тенденции стремительно ускоряются, угрожая основным государствам западной демократии – Франции, Германии, Италии и даже США и Великобритании (события в Палестине, боевые действия Израиля и Ирана, Индии и Пакистана).

С. Лотри писал, что для успешной смены существующего в стране политического режима (власти) недовольство им должно достичь «определенного уровня». Мы можем только предполагать, насколько этот уровень в США будет являться достаточным для изменения (модернизации) существующей системы. В зависимости от множества факторов существующая система может быть трансформирована в нескольких вариантах.

1. США занимаются решением внутренних проблем и перестает быть «международным арбитром».

2. Пытаясь отстоять свои «завоевания», радикальные силы (демократы, «глубинное государство») США начинают в стране гражданскую войну, уничтожая своих оппонентов, делая ставку в том числе и на мигрантов.

3. Третий вариант – начало боевых действий вне североамериканского континента. Вооруженный конфликт на Украине может быть расширен путем непосредственного участия в нем европейских стран, замороженные конфликты в Азии могут достаточно быстро принять горячую форму.

Речь идет о проверенном на деле способе избежания внутреннего конфликта путем мнимой консолидации всех слоев населения страны для борьбы с внешним противником. К этому следует добавить быстрое вхождение вышеперечисленных государств в мировой экономический и политический кризисы. Это еще более усугубляет создавшуюся ситуацию и подталкивает человечество к мировой войне.

Однако любая революция (протестное движение) может быть как и предвестником войны, так и одним из ее главных результатов. Ситуация с возможностью революции (гражданской войны) в США осложняется тем, что у правящего класса существует большой запас прочности, огромные и эффективные ресурсы – мощный правоохранительный аппарат, армия, финансы, информационные структуры и т. п. Все это позволяет достаточно эффективно адаптироваться к любой критической ситуации.

В то же время можно говорить о признаках нарастания протестных настроений на Западе, их углублении и усложнении форм. И в этом варианте поводом к действиям, которые могут повлечь целую цепь связанных между собой последствий, могут стать факторы, имеющие достаточно случайный характер: то, что в литературе получило наименование «черный лебедь» [Талеб].

Список литературы

- Гіденс Е. Соціологія. Київ, 1999. 726 с.
- Гьофе О. Демократія в епоху глобалізації: пер. з нім. Київ: ППС-2002, 2007. 436 с.
- Ленин В.И. Первое мая. Маевка революционно-го пролетариата. Москва: Госполитиздат, 1955. 32 с.
- Лорті С. Шеф Моріс Дюплессі і провінція Квебек: пер. з англ. Київ: Група міжнар. співробітництва, 2004. 233 с.
- Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 2. Логика правового исследования. Москва: Юстицинформ, 2004. 560 с.
- Талеб Н.Н. Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. 2-е изд., доп. Москва: КоЛибри, 2013. 735 с.

Фаулз Д. Аристос / пер. с англ. И. Бессмертной. Москва: АСТ, 2008. 347 с.

Фромм Е. Мати чи бути / пер. з нім. О. Михайлова, А. Буряк. Київ: Український письменник, 2010. 222 с.

Читтам Т. Крах США. Вторая гражданская война. 2020 год / пер. с англ. В.А. Титкова. Москва: Книжный мир, 2010. 223 с.

Varieties of Political Theory, ed. by D. Easton. Englewood Cliffs. N. J., Prentice-Hall, 1966, pp. IV, 154.

References

Chittam T. *Krakh SShA. Vtoraia grazhdanskaia voina. 2020 god* [The Collapse of the United States. The Second Civil War, 2020], trans. from English by V.A. Titkov. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2010, 223 p. (In Russ.)

Fowles J. *Aristos* [Aristos], trans. from English by I. Bessmertnaya. Moscow, AST Publ., 2008, 347 p. (In Russ.)

Fromm E. *Mati chi buti* [To Be or No], trans. from Germ. O. Mikhailov, A. Buriak. Kiev, Ukrain'skii pis'mennik Publ., 2010, 222 p. (In Ukrainian)

G'ofe O. *Demokratiia v epokhu globalizatsii* [Democracy in the era of globalization], trans. from Germ. Kiev, PPS-2002 Publ., 2007, 436 p. (In Ukrainian)

Gidens E. *Sotsiologiia* [Sociology]. Kiev, 1999, 726 p. (In Ukrainian)

Lenin V.I. *Pervoe maia. Maevka revoliutsionnogo proletariata* [May Day. May Day of the revolutionary proletariat]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, 32 p. (In Russ.)

Lorti S. *Shef Moris Diuplessi i provintsii Kvebek* [Chef Maurice Duplessis and the Province of Quebec]. Kiev, Grupa mizhnar. spivrobitnitstva Publ., 2004, 233 p. (In Ukrainian)

Syrykh V.M. *Logicheskie osnovaniia obshchei teorii prava. T. 2. Logika pravovogo issledovaniia* [Logical foundations of the general theory of law. T. 2. Logic of legal research]. Moscow, Iustitsinform Publ., 2004, 560 p. (In Russ.)

Taleb N.N. *Chernyi lebed': pod znakom nepredskazuemosti* [The Black Swan: Under the Sign of Unpredictability], 2nd ed., suppl. Moscow, KoLibri Publ., 2013, 735 p. (In Russ.)

Varieties of Political Theory, ed. by D. Easton. Englewood Cliffs, N. J., Prentice-Hall Publ., 1966, pp. IV, 154.

Статья поступила в редакцию 08.07.2025; одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 08.07.2025; approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 03.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 12–19. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 12–19. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

УДК 327 (73+510)

EDN AIOZKK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-12-19>

АМЕРИКАНСКОЕ САМОВОСПРИЯТИЕ В КИТАЙСКОМ ЗЕРКАЛЕ: АНАЛИЗ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА США И АДМИНИСТРАЦИЯ Д. ТРАМПА

Христенко Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный аграрный университет МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия, khristenko1983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6221-8991>

Аннотация. Автор статьи рассматривает аналитические выкладки влиятельных представителей экспертного сообщества США о том, что Пекин в начале XXI в. превратился для Вашингтона в опасного соперника, угрожающего лидерству Америки на мировой арене. Кроме экономической конкуренции этому способствовала и растущая политическая самостоятельность Китая, активно взаимодействующего с Россией в формате группы БРИКС. В этих условиях в американском экспертном сообществе стали все чаще задаваться вопросом – в чем причина столь быстрого экономического и политического взлета Китая? В статье проанализированы результаты исследования Т. Фридмана и М. Мандельбаума, которые рассматривают внешнюю и внутреннюю политику США через «китайское зеркало», констатируя неутешительные для Вашингтона выводы. Автор статьи приходит к заключению, что их оценки подтверждаются статистическими данными и фактами американской действительности.

Ключевые слова: США, Китай, Белый дом, внешняя политика, эксперты, самовосприятие, имидж.

Для цитирования: Христенко Д.Н. Американское самовосприятие в китайском зеркале: анализ экспертного сообщества США и администрация Д. Трампа // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 12–19. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-12-19>

Research Article

AMERICAN SELF-PERCEPTION IN THE CHINESE MIRROR: AN ANALYSIS OF THE U.S. EXPERT COMMUNITY AND DONALD TRUMP ADMINISTRATION

Dmitrii N. Khristenko, PhD in History, Associate Professor, Timiryazev Russian State Agrarian University, Moscow, Russia, khristenko1983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6221-8991>

Abstract. The author of the article considers analytical conclusions of influential representatives of the U.S. expert community that Beijing in the early 21st century has become a dangerous rival for Washington, threatening America's leadership on the world stage. In addition to economic competition, China's growing political independence, which is actively cooperating with Russia in the BRICS group format, has also contributed to this. Under these circumstances, the American expert community has increasingly begun to ask, what the reason for China's rapid economic and political rise is. The article notes that the main result of these reflections is a thoughtful study by representatives of the American intellectual elite, who view U.S. foreign and domestic policy through a "Chinese mirror," coming to disappointing conclusions for Washington. The author of the article concludes that their assessments are confirmed by statistical data and facts of American processing.

Keywords: U.S., China, White House, foreign policy, experts, self-image, image.

For citation: Khristenko D.N. American self-perception in the Chinese mirror: an analysis of the U.S. expert community and Donald Trump administration. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 12–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-12-19>

В XXI в. место главного геополитического соперника США уверенно занял Китай, значительно изменив приоритеты американской внешней политики. На протяжении полувека фактор Поднебесной играет важную роль в дипломатических расчетах Госдепартамента США. Еще во времена холодной войны Белый дом пытался с подачи харизматичного госсекретаря Г. Киссинджера разыграть «китайскую карту» в противостоянии с Советским Союзом. Визит президента Р. Никсона в 1974 г. в Пекин открыл эру двустороннего сотрудничества против якобы имевших место «экспансионистских устремлений» Москвы, заставив советское руководство отвлекать силы и ресурсы на парирование угрозы с Востока. В результате было в значительной степени ослаблено европейское направление, где происходило основное противостояние с Вашингтоном. Открытие китайского рынка и массовый приход на него западных инвесторов и корпораций, размещавших там свои производства, продолжил «медовый месяц» в отношениях США и Китая. События 11 сентября 2001 г. и американские интервенции на Ближний Восток с целью его «демократического реформирования», объявленная Америкой борьба с исламским фундаментализмом также продолжали создавать у широкой общественности США впечатление относительной стабильности на азиатском направлении, прежде всего в отношении Китая. Но уже тогда наиболее проницательные эксперты, такие как Ф. Фукуяма, предупреждали, что в недалеком будущем основным соперником Вашингтона станет именно Пекин. Американский мыслитель подчеркивал, что радикальный исламизм не представляет никакой идеологической привлекательности вне мусульманского мира, а сами мусульманские государства не обладают инновационной и устойчивой экономикой. Другое дело Китай, чья нарастающая экономическая мощь представляет вызов для Америки, а строгая конфуцианская этика привлекает к себе много сторонников [Фукуяма; Fukuyama].

Последующие события показали правоту этого тезиса. Согласно данным Международного валютного фонда (МВФ), на апрель 2025 г. Китай по размеру ВВП по паритету покупательной способности (ППС), то есть с учетом разницы цен на потребительскую корзину в разных странах, уверенно обходил США, заняв первое место в мире. Общий размер ВВП по ППС Китая составил 40 трлн. долларов, а США – только 30 трлн. Следующая по списку Индия имеет размер ВВП почти в 2 раза меньше – 17 трлн долларов [International Monetary].

Стало очевидно, что Пекин превратился для Вашингтона в опасного соперника, чему кроме экономической конкуренции способствовала растущая политическая самостоятельность Китая, активно

взаимодействующего на мировой арене с Россией в формате группы БРИКС. В этих условиях в американском экспертном сообществе стали все чаще задаваться вопросом: в чем причина столь быстрого экономического и политического взлета Китая и почему Америка все более явно проигрывает в гонке за мировое лидерство Поднебесной?

Результатом этих размышлений стало глубокое и профессиональное исследование двух влиятельных представителей американской интеллектуальной элиты, Т. Фридмана и М. Мандельбаума, под названием «Какими мы были раньше» [Friedman, Mandelbaum]. Первый из них – корреспондент «New York Times» и популярный писатель, трижды получавший за свои репортажи Пулитцеровскую премию по журналистике. Широкую известность в научно-академическом круге Томасу Фридмену принесли его работы – 5 книг-бестселлеров, включая знаменитую работу «Плоский мир», которая была переведена на множество языков, в том числе и русский [Friedman]. Второй автор, Михаэль Мандельбаум, – известный ученый, профессор университета Джона Хопкинса. Его перу принадлежит 12 книг, а его статьи регулярно появляются в ведущих журналах США, включая «Foreign Affairs» и «Foreign Policy».

Книга «Какими мы раньше были» стала их первым совместным творением, но, возможно, не последним, учитывая, что авторов, по их собственным словам, связывает двадцатилетняя дружба. Как признаются сами Т. Фридмен и М. Мандельбаум, к написанию данной книги их побудил тот факт, что все их дискуссии и беседы в последние годы начинались с внешней политики, а заканчивались внутренней: что случилось или не случилось в Соединенных Штатах. Так или иначе, они возвращались к Америке и ее неспособности решить огромные вызовы, встающие перед страной. Уже в первых строках своего произведения авторы подчеркивают, что их книга об Америке «началась в Китае». Толчком к ее написанию послужили несколько поездок авторов в Китай, а также повсеместное ощущение в США, что лучшие дни Америки остались в прошлом, а лучшие дни Китая еще только впереди. В подтверждение этого тезиса Т. Фридмен описывает свою встречу с американскими школьниками старших классов, в ходе которой одна из учениц, выражая общее мнение, заявила: «Все выглядит так, что китайцы обладают большими амбициями и волей, чем мы». Когда Т. Фридмен спросил, как она пришла к такой мысли, девушка не смогла объяснить. Ведь она никогда не была в Китае. Но ее мнение отразило ощущение, которое «просто витает в воздухе» – прекрасный показатель того, как молодое поколение американцев воспринимает ситуацию [Friedman, Mandelbaum: 5].

Именно феномен Китая, о котором в Америке говорят повсюду, особенно ярко подчеркивает нынешнее предкризисное положение дел в США. Удачно вплетая в ход своих рассуждений примеры из повседневности, авторы с видимым огорчением пишут о слабой производительности сегодняшней Америки. На то, чтобы построить огромный выставочный центр в г. Тяньджине, лежащем в 115 км от Пекина, китайским рабочим потребовалось 32 недели, в то время как сотрудникам вашингтонского метрополитена пришлось затратить соизмеримое количество времени – 24 недели – на починку всего лишь двух небольших эскалаторов, в каждом из которых насчитывалось не более 21 ступени [Friedman, Mandelbaum: 3–4].

По мнению авторов, медленный закат Америки вызван 4 причинами. Во-первых, после окончания холодной войны американская политическая элита фактически почивала на лаврах, перестав задаваться ответом на вопрос: в каком мире мы живем и что необходимо сделать, чтобы процветать в этом мире? Во-вторых, за последние двадцать лет Америка не сумела решить свои наиболее серьезные проблемы – образование, дефицит бюджета, энергетику и изменение климата – и сейчас они усугубились до такой степени, что уже больше не могут игнорироваться и должны быть решены путем коллективных действий и коллективного самопожертвования. В-третьих, усугубляя ситуацию, США перестали инвестировать в традиционную для этой страны формулу величия, которая восходит к основателям страны. В-четвертых, политическая система США резко поляризовалась, а система ценностей подверглась серьезной эрозии [Friedman, Mandelbaum: 9].

Ключевое противоречие авторы формулируют следующим образом: «С нашей точки зрения, все сравнения между Китаем и Соединенными Штатами, которые можно услышать сегодня в Америке, идут вообще не о Китае. Они о нас. Китай просто зеркало. На самом деле мы говорим о самих себе и потере нашей уверенности в самих себе. Мы видим в китайцах черты, которыми когда-то мы обладали сами – черты, которые сформировали нас как нацию – но которые, как кажется, мы утратили» [Friedman, Mandelbaum: 11].

Действительно, падение коммунизма и окончание холодной войны драматически ускорило процесс глобализации, которая в свою очередь убрала преграды на пути глобальной экономической конкуренции. В результате мир стал гораздо более открытым и конкурентным. Однако американские элиты этого не поняли, США расслабились, успокоились и почивали на лаврах. Китай же, наоборот, значительно интенсифицировал усилия по внедрению новейших технологий, причем не гнушался даже «промышленным шпионажем» и открытыми заимствованиями

западных технологий [Как Китай; Промышленное пиратство; Китай украл], следуя известному высказыванию Дэн Сяопина: «Неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей». Неслучайно именно он в 1978 г., во время визита в Китай менеджеров автомобильной компании General Motors, согласился создать совместное предприятие с местной компанией в обмен на передачу технологий для развития отсталой китайской промышленности [Как Китай].

Критическим для США стала инертность традиционного мышления американских элит, которое ориентировалось на Европу, в то время на авансцену мировой политики все активнее выдвигался Азиатско-Тихоокеанский регион. Невозможность США осознать формирование нового мира и приспособиться к нему оказалась для них колоссальной и дорогостоящей ошибкой.

Таким образом, современная ситуация поставила перед Америкой четыре главных вызова: во-первых, как приспособиться к глобализации? Во-вторых, как присоединиться к всеобъемлющей информационной революции? В-третьих, как преодолеть хронический бюджетный дефицит? В-четвертых, как справиться с все возрастающей энергетической зависимостью и климатическими угрозами?

Именно эти четыре вызова и то, как США их встретят, и определит будущее Америки. Фридман и Мандельбаум подчеркивают, что все разговоры о Китае вызывают в американцах старшего возраста чувство «дежа вю». В конце 1980-х гг. США столкнулись с похожими вызовами со стороны Японии. Это соперничество закончилось тем, что Япония была вынуждена уступить в экономическом соревновании. Вот почему у некоторых экспертов есть искушение надеяться, что Китай сегодня – это просто большая Япония. «К несчастью для нас, – возражают Фридман и Мандельбаум, – Китай и глобализация гораздо более разрушительны для США. Япония таила опасность для одного американского города Детройта и двух видов промышленности: автомобильной и бытовой электроники. Китай и процесс глобализации угрожают каждому городу в Америке и каждой отрасли промышленности [Friedman, Mandelbaum: 18].

С этим утверждением экспертов нельзя не согласиться – к 2024 г. национальный долг США составил более 34 трл долларов, или свыше 100 тыс. долларов на каждого американца [What is the National]. Одновременно как в американских городах, так и сельских районах в последние годы все активнее набирает силу процесс деиндустриализации [Deindustrialization]. Неслучайно Д. Трамп объявил главной задачей сдерживание Китая, который, по его утверждению, фактически объявил экономическую войну США, наращивая за счет дешевого юаня китайский экспорт в Америку и разоряя местных производителей. Важно понимать,

что эти заявления главы Белого дома были продиктованы требованиями жителей «ржавого пояса» Америки (штаты Мичиган, Пенсильвания, Огайо, Индиана), составляющих значительную часть его электоральной базы. Некогда процветающий индустриальный регион превратился в «ржавый пояс», не выдержав глобальной конкуренции с растущим Китаем и другими «азиатскими тиграми», что привело к упадку в промышленности, потере высокооплачиваемых рабочих мест и кризису среднего класса [Moore; Temin].

Пытаясь выработать стратегию по противодействию этим разрушительным тенденциям, Фридман и Мандельбаум выделяют пятичленную формулу, на протяжении десятилетий обеспечивавшую Америке процветание: 1) обеспечение бесплатного государственного образования для все большего количества американцев; 2) строительство и модернизация инфраструктуры: дорог, мостов, аэропортов; 3) привлечение талантливых иммигрантов; 4) поддержка правительством научных исследований и разработок; 5) внедрение необходимого государственного регулирования для частно-предпринимательской деятельности.

Сейчас эта формула не действует, и США требуются парадигмальные сдвиги для возобновления ее работы. Авторы приводят следующий пример. Хотя Хилари Клинтон никогда не обращалась к ним за советом по поводу своей карьеры, в случае если бы она это сделала, то лучшей рекомендацией для нее было бы отказаться от предложения американского президента Б. Обамы стать госсекретарем США. Вместо этого ей надо было бы попросить действительно ключевой пост в Белом доме: «Во времена холодной войны это был пост госсекретаря... Сейчас же гораздо большее значение имеет качество образовательной системы. Ей следовало бы сказать: “Спасибо, господин президент, но я не хочу быть госсекретарем. Я хочу быть в центре нашей политики национальной безопасности. Я хочу руководить американским образованием”» [Friedman, Mandelbaum: 100].

При этом, как подчеркивают авторы исследования, Америке нужно решить две главные проблемы в образовании. Первое – преодолеть разрыв между меньшинствами (афроамериканцами, латиноамериканцами) и белыми жителями по среднему показателю в чтении, письме и математике; а во-вторых, необходимо преодолеть все увеличивающуюся пропасть между средним американским студентом и средним студентом развитых индустриальных стран Азии, включая Китай, Тайвань, Гонконг, Корею и т. д. [Friedman, Mandelbaum: 103].

В мировом рейтинге по знанию математики американские студенты находятся в самом конце списка, уступая не только Китаю, который занимает первое место, и ведущим европейским державам, но и таким восточно-европейским странам, как Словения,

Польша, Чехия. В области гуманитарных наук США имеют средний показатель и несколько ниже располагаются в сфере естественно-научных дисциплин [Friedman, Mandelbaum: 106].

Ситуация усугубляется тем, что проблемы в сфере образования никогда не оказываются в центре общественного внимания в США. В результате США необходимо поддерживать постоянный поток квалифицированных легальных иммигрантов в страну независимо от того, будут это «синие воротнички» или научные сотрудники. По данным Национального фонда американской политики на 2018 г., больше половины стартапов стоимостью свыше 1 млрд долларов были либо целиком основаны иммигрантами, либо они входили в состав соучредителей. Так, к примеру, руководители таких мировых технологических гигантов, как «Микросфот», «Гугл», «Убер» являются бывшими иммигрантами [Tech companies]. В этих условиях озвученные Д. Трампом в 2025 г. планы по ужесточению миграционного законодательства и пограничного контроля создают прямую угрозу для Силиконовой долины как мирового инновационного центра. Крупнейшие технологические компании уже разослали своим работникам иностранного происхождения рекомендации не выезжать из США, поскольку с большой вероятностью они не смогут въехать обратно [Tech companies].

Учитывая, что в последние десятилетия свыше одного миллиона иностранных профессионалов и членов их семей в США находились в очереди только на 120 тысяч виз на постоянное проживание, причем для некоторых из них срок ожидания решения составлял больше 10 лет, ситуация приобрела критический характер. Совершенно очевидно, что Вашингтон совершил стратегические ошибки в расстановке приоритетов развития во внешней и внутренней политике. «Недооценив вызов, поставленный перед Америкой, 11/9¹ (9 ноября 1989 г.) – день, когда пала Берлинская стена, – мы усугубили ошибку, переоценив вызов 9/11 (11 сентября 2001 г.). Мы напрасно потратили последовавшее десятилетие, сфокусировав национальное внимание и ресурсы на акторах, проигравших от глобализации – Аль-Каиде, Ираке, Пакистане и Афганистане, тогда как наши долгосрочные вызовы проистекают от победителей, большинство из которых находится в Азии. Мы посвятили себя национальному строительству в Месопотамии и Гиндукуше, когда нам следовало сконцентрироваться на национальном строительстве дома, в Америке», – подчеркивают Фридман и Мандельбаум [Friedman, Mandelbaum: 238].

Эту мысль авторов только подкрепляет дальнейшее развитие событий на мировой арене, когда летом 2021 г. Америка бросила на произвол судьбы союзников в Афганистане, выведя свои войска, и к вла-

сти в Кабуле вновь, спустя двадцать лет, пришли талибы. Сотни миллиардов долларов, тысячи жизней американских солдат оказались потрачены напрасно, став свидетельством поражения Америки, которое наблюдатели сравнивали с Вьетнамом [Vietnam and Afghanistan].

Весьма показательна ситуация с самым густонаселенным штатом США – Калифорнией. В XX в. Калифорния полностью оправдывала свое неофициальное название – «золотой штат», воплощая понятие американской мечты, которая стала реальностью. В начале XXI в. ситуация кардинально изменилась. Калифорния страдала от безработицы, составляющей 12,5 % (это выше, чем 9 % в целом США), а бюджетный дефицит штата превысил 25 млрд долларов. Особенно тяжелая ситуация сложилась в г. Сан-Диего. Второй по численности населения город в штате, чье население составляло 1,4 млн человек, оказался на грани банкротства. В целом финансовое положение Калифорнии оказалось худшим среди 15 наиболее крупных штатов Америки. И хотя Калифорния по-прежнему является самым густонаселенным штатом, общее количество жителей в котором приближается к 40 миллионам, внутренняя миграция показывает отрицательный прирост. Значительно больше людей покидает ее территорию, чем приезжает на смену им из других регионов США – факт, немислимый во времена расцвета «золотого штата». В результате, делают вывод авторы, «если Калифорнийская мечта и не умерла, то она находится в состоянии комы» [Friedman, Mandelbaum: 272–273].

Самым очевидным свидетельством этого стал неудавшийся проект Калифорнийской высокоскоростной железной дороги. В то время как Китай совершил настоящий рывок в строительстве скоростных железнодорожных линий, еще в 2013 г. выйдя на первое место в мире по длине магистралей [Китайские скоростные], то Америка безнадежно отстала не только от Поднебесной и Японии, но даже и от европейских партнеров – Франции, Испании и Германии. Фактически в США устойчивое железнодорожное сообщество существует только на восточном побережье, соединяя столицу и крупные города северо-востока, охватывая не больше 10 % территории страны. Изменить положение дел должно было строительство высокоскоростной магистрали в Калифорнии – от Сан-Франциско до Лос-Анджелеса, однако за 20 лет проект фактически не сдвинулся с места, оставшись на уровне обсуждения документации и поиска источников финансирования, а также прокладки нескольких небольших участков. Наконец, в июле 2025 г. администрация Д. Трампа объявила о полном прекращении финансирования железной дороги [Trump administration].

В результате, как это ни удивительно, но главную надежду авторы работы видят только в армии.

Посещение американских вооруженных сил в Ираке и флота США у берегов Персидского залива уверило Фридмана в том, что у Америки все еще есть шанс. Две вещи поразили его. Первое – это этническое и религиозное разнообразие американских военно-морских сил: черные, белые, латиноамериканцы, христиане, евреи, атеисты, мусульмане – все они работали вместе, объединенные общей идеей, а не принуждением. Второе – это диспропорционально большое количество офицеров-женщин в американском флоте, что особо контрастировало с экипажем союзного иракского судна, который, напротив, состоял только из мужчин, являвшихся почти исключительно мусульманами-шиитами. В результате Фридман делает вывод, что разнообразие – это важнейший источник силы США [Friedman, Mandelbaum: 302–303].

Авторы исследования также отмечают, что Америка все еще превосходит Китай по продуктивности. 11,5 млн американских рабочих производят товаров примерно на такую же сумму, что и 100 млн китайских рабочих, что является выдающимся результатом [Friedman, Mandelbaum: 315]. Из-за высокого уровня американской производительности, связанного с высокой квалификацией рабочих и управляющих, а также все более и более продвинутыми машинами, роботами и программным обеспечением, стоимость продукта, созданная средним американским рабочим, гораздо больше, чем стоимость, созданная средним китайским рабочим, что означает, что американский рабочий все еще зарабатывает гораздо больше, чем китайский рабочий.

Вместо того чтобы массово производить относительно дешевые товары, которые создают многочисленные малооплачиваемые, неквалифицированные рабочие места, американская промышленность должна быть сфокусирована на высокооплачиваемых, высокопроизводительных предприятиях, которые выпускают самолеты, медицинское и научное оборудование, системы контроля, высокотехнологичное оборудование, химикаты и т. д. В 2009 г. средний американский рабочий зарабатывал, включая премии и надбавки, 74 447 долларов в год, что несоизмеримо с его китайским коллегой [Friedman, Mandelbaum: 315]. Именно поэтому создание рабочих мест в США должно стать национальным приоритетом, а не субпродуктом других политических решений» [Friedman, Mandelbaum: 317]. В настоящее время Америка испытывает недостаток в инженерах, химиках, программах и многих других специалистах естественно-технических направлений. Исходя из этого, авторы выдвинули предложение – обложить дополнительным налогом в 15 тыс. долларов студентов в бизнес- и юридических школах, с одновременной субсидией в эти же 15 тыс. долларов для студентов технических и естественных специальностей. Необходимо

привлечь лучшие умы в производство, а не в умение изобретать сложные финансовые инструменты для «Уолл-стрит» [Friedman, Mandelbaum: 318].

Подводя итоги, можно отметить, что блестящий анализ проблем, которые стоят перед американским обществом XXI в., заслуживает высокой оценки. Фридман и Мандельбаум совершенно точно констатировали цивилизационный вызов, который представляет для США современный Китай. В этом с ними солидарны и европейские коллеги. Марк Леонард, директор Европейского совета по международным делам, отмечает: «Что же касается Китая, то с учетом огромных ресурсов, экономического динамизма и политического мастерства, проявляемого его руководителями, следует признать в нем в долгосрочной перспективе наиболее серьезного претендента на всемирное лидерство» [Леонард: 10].

Работа Фридмана и Мандельбаума в каком-то смысле перекликается с трудом известного политолога Хантингтона «Кто мы?..», посвященного вопросам американской идентичности. Два этих исследования написаны с разных позиций: Хантингтон видит причины кризиса в потере внутреннего единства в США, нежелании переселенцев ассимилироваться, поднимает вопросы латиноязычной иммиграции, говорит об опасности культурной, а затем и политической потери Юга-Запада США (Калифорнии, Нью-Мексико, Аризоны и др.) [Huntington], он выступает с явных консервативных позиций, которые созвучны идеям ряда радикальных политических движений в США [Христенко 2012]. Фридмен и Мандельбаум, наоборот, убежденные либералы и требуют привлекать больше талантливых иммигрантов, продвигать глобализацию и бороться с климатическими изменениями, но при этом все сходятся во мнении о том, что Америка находится в состоянии полномасштабного кризиса. И в этом, пожалуй, состоит главный и неоспоримый вывод исследования.

Именно поэтому Д. Трамп, начиная со своего первого срока в Белом доме, всегда воспринимал Китай как главного экономического и политического соперника США на мировой арене, без победы над которым невозможно возвращение Америки к мировому лидерству. Весной 2018 г., в ходе своей первой каденции на посту президента, администрация Д. Трампа ввела 25-процентные пошлины на широкий спектр китайских товаров общей стоимостью свыше 60 млрд долларов. Целью введения пошлин было объявлено сокращение торгового дефицита между двумя странами, составлявшего около 350 млрд долларов. Ранее Трамп обращался к руководству Китая с просьбой снизить дефицит на сумму в 100 млрд долларов, однако эта инициатива, по его словам, оказалась безрезультатной. Следующий этап обострения отношений, получивших в прессе США обозначение «торговой

войны», начался осенью 2019 года, когда Соединенные Штаты повысили тарифы еще на ряд экспортных китайских товаров, установив дополнительный налог в размере 15 %. Объем затронутых данным решением торговых операций составлял порядка 112 млрд долларов [Христенко 2020].

Начало глобальной пандемии коронавирусной инфекции в 2020 г. предоставило Белому дому дополнительную возможность усилить давление на Китай. 15 апреля 2020 г. ведущий консервативный канал «Fox News», активно поддерживающий администрацию Д. Трампа, опубликовал сенсационный материал, утверждая, что новый коронавирус искусственно возник в лаборатории города Ухань, став следствием попыток Китая обогнать США в области исследований патогенов и методов борьбы с ними. Позже официальный представитель Госдепартамента Майкл Помпео подтвердил наличие «обширных свидетельств» происхождения вируса из китайской лаборатории. Параллельно с этим американские власти заявили об изучении возможности усиления экономических санкций против Китая в качестве своеобразного «возмездия» за распространение инфекции.

Действия официального Вашингтона получили энергичную поддержку и на региональном уровне. Генеральный прокурор штата Миссури Эрик Шмитт инициировал судебный процесс против властей Китая, обвинив Пекин в преднамеренном сокрытии данных относительно новой болезни, что привело к гибели сотен американцев только в этом штате. Схожий иск был подан и генпрокурором Л. Фитчем из штата Миссисипи, который заявил, что действия Китая не могут остаться безнаказанными, и он от имени жителей штата будет добиваться справедливости в суде.

Представители республиканского крыла политической элиты США, в частности бывший спикер нижней палаты Конгресса Н. Гингрич, выразили полную солидарность с местными инициативами штатов, предлагая на федеральном уровне принять специальные законопроекты, позволяющие семьям погибших граждан подавать коллективные или индивидуальные иски непосредственно к китайским властям.

Кроме того, Белый дом прекратил финансирование Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), прямо обвинив ее в сокрытии данных о ситуации в Китае. Президент США Дональд Трамп публично раскритиковал деятельность ВОЗ, заявив, что ее поведение способствовало политике «дезинформации» Китая о коронавирусе COVID-19 и привело к более масштабной вспышке заболевания, чем могло бы быть в противном случае.

Сменивший в 2021 г. Д. Трампа на посту главы Белого дома демократ Дж. Байден хоть и выступал периодически по вопросу необходимости сдерживания Китая, большую часть своего срока посвятил проти-

водействию России после начала украинского кризиса в 2022 г. Это вызывало закономерную критику со стороны экспертного сообщества США, которые устами одного из ведущих специалистов по международным отношениям Миршаймера требовали возврата к системе реальной политики [Mearsheimer, 2022; Mearsheimer, 2025].

Неслучайно победивший на выборах 2025 г. с большим отрывом Д. Трамп начал свой второй срок с переориентации внешней политики США на противодействие Пекину, повысив пошлины на китайские товары до 125 % [Трамп]. По всей видимости, здесь сказывалось как его внимание к экспертному сообществу (Т. Фридман, М. Мандельбаум, Дж. Миршаймер) и нуждам американских производителей и домохозяйств, так и его бывшая деятельность как бизнесмена, особенно остро воспринимающего экономическое отставание Америки от Китая.

Таким образом, можно констатировать, что политика и первой, и второй администрации Трампа характеризуется резким обострением двусторонних отношений с Китаем, вызванным стремлением восстановить доминирующую роль США на мировой арене. Идеологической основой действий Белого дома стали результаты исследований представителей экспертного сообщества США, свидетельствующие о серьезном кризисе в экономическом развитии страны, которая явно проигрывает в гонке технологий Китаю. Пытаясь восстановить утраченные позиции, Вашингтон под различными поводами и предложениями усилил давление на Пекин, стремясь добиться снижения роста китайской экономики путем введения значительных ограничительных мер и торговых барьеров. Значение этого факта выходит далеко за пределы чисто экономических отношений двух крупнейших держав современного мира, свидетельствуя о серьезном перераспределении геополитического баланса сил. В условиях конфликтных отношений с США Пекин все активнее взаимодействует с Москвой в рамках группы БРИКС, а также является неформальным лидером «глобального Юга», формируя действительно многополярный мир, которого активно добивается и внешняя политика России.

Примечания

¹ В США при числовой записи календарных дат, как правило, сначала указывается месяц, а потом день.

Список литературы

Источники

Как Китай отбирает технологии у американских компаний // Ведомости. 1.10.2018. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/10/01/782514-na?from=copy_text (дата обращения: 22.07.2025).

Китай украл «критическую» технологию для выпуска современных процессоров под санкциями США // CNEWS. 15.02.2023. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-02-15_kitaj_ukral_supervazhnyuyu (дата обращения: 15.08.2025).

Китайские скоростные поезда обогнали весь мир // РБК. 24.04.2013. URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/04/2013/570407649a7947fcbdd448350> (дата обращения: 11.08.2025).

Промышленное пиратство в Китае – не воровство, а идеология // Профиль. 26.11.2022. URL: <https://profile.ru/abroad/promyshlennoe-pirastvo-v-kitae-ne-banalnoe-vorovstvo-a-ideologiya-1204693> (дата обращения: 05.07.2025).

США вновь обвинили Китай в краже технологий и интеллектуальной собственности // ТАСС. 21.11.2018. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5815964> (дата обращения: 17.07.2025).

Трамп повысил пошлины на китайские товары до 125 % // Forbes. 09.04.2025. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/534736-tramp-povycil-posliny-na-kitajskie-tovary-do-125> (дата обращения: 21.06.2025).

Deindustrialization and the American City. The Consilience Project. February 22, 2021. URL: <https://consilienceproject.org/deindustrialization-and-the-american-city/>

International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEO/WORLD> (дата обращения: 19.08.2025).

Mearsheimer J. Playing With Fire in Ukraine: The Underappreciated Risks of Catastrophic Escalation. Foreign Affairs; August 17, 2022. URL: <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/playing-fire-ukraine> (access date: 15.07.2025).

Mearsheimer J. Ich hätte dasselbe getan wie Putin. Ich hätte die Ukraine sogar noch früher überfallen. Neue Zürcher Zeitung; May 6, 2025. URL: <https://www.nzz.ch/international/john-mearsheimer-ich-haette-dasselbe-getan-wie-putin-ich-haette-die-ukraine-sogar-noch-frueher-ueberfallen-ld.1882659> (access date: 24.08.2025).

Tech companies are telling immigrant employees on visas not to leave the U.S. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2025/03/31/immigration-h1b-fear-siliconvalley/> (access date: 11.07.2025).

Trump administration pulls billions in funding for high-speed rail project; state leaders call decision 'illegal'. Los Angeles Times. URL: <https://www.latimes.com/california/story/2025-07-16/trump-administration-cancels-funding-for-high-speed-rail-project> (access date: 10.08.2025).

Vietnam and Afghanistan: A tale of two US military withdrawals. Arab News. September 6, 2021. URL: <https://www.arabnews.com/node/1923356/world>

What is the National Debt Today? Peter G / Peterson Foundation. URL: [https://www.pgpf.org/national-debt-clock#:~:text=The%20%2434%20trillion%20\(and%20growing,funds%20and%20other%20government%20accounts](https://www.pgpf.org/national-debt-clock#:~:text=The%20%2434%20trillion%20(and%20growing,funds%20and%20other%20government%20accounts) (access date: 17.07.2025).

Исследования

Леонард М. О чем думают в Китае? Москва: АСТ, 2010. 224 с.

Фукуяма Ф. Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие. Москва: АСТ, 2008. 288 с.

Христенко Д.Н. «Движение чаепития» и внешняя политика США при администрации Б. Обамы // Вестник Московского университета. Сер. XXV: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 2. С. 62–86.

Христенко Д.Н. Этические проблемы международного сотрудничества в медицинской сфере в условиях пандемии коронавируса // Медицинская этика. 2020. № 2. С. 65–73.

Friedman T. The World is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. New York, Farrar, Straus and Giroux Publ., 2005, 488 p.

Friedman T., Mandelbaum M. That Used to Be Us. New York, Picador, 2011, 402 p.

Green G. Deindustrialization of rural America: Economic restructuring and the rural ghetto. Local Development and Society, 2020, vol. 1, no. 1, pp. 15–25.

Fukuyma F. China's rise challenges end of history. Global Times, 19.11.2012.

Huntington S. Who we are? The Challenges to America's National Identity. New York, Simon & Schuster Publ., 2004, 448 p.

Moore M. Downsize This! New York, Crown Publ., 1996, 277 p.

Temin P. The Vanishing Middle Class: Prejudice and Power in a Dual Economy. Massachusetts Institute of Technology, 2018, 288 p.

References

Fukuyma F. *Amerika na rasput'e. Demokratiya, vlast' i neokonservativnoe nasledie* [America at the Crossroads:

Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy]. Moscow, AST Publ., 2008, 288 p. (In Russ.)

Leonard M. *O chem dumayut v Kitae?* [What does China think]. Moscow, AST Publ., 2010, 224 p. (In Russ.)

Khristenko D. «Dvizhenie chaepitiya» i vneshnyaya politika SSHA pri administracii B. Obamy [The “Tea Party Movement” and U. S. Foreign Policy under the B. Obama Administration]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye Otnosheniya I Mirovaya Politika* [Moscow University Journal of World Politics], 2012, no. 2, pp. 62–86. (In Russ.)

Khristenko D. *Ehticheskie problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v medicinskoj sfere v usloviyakh pandemii koronavirusa* [Ethical Issues of International Medical Cooperation In The Context Of The Coronavirus Pandemic]. *Medicinskaya Ehtika* [Medical Ethics], 2020, no. 2, pp. 65–73. (In Russ.)

Friedman T. The World is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. New York, Farrar, Straus and Giroux Publ., 2005, 488 p.

Friedman T., Mandelbaum M. That Used to Be Us. New York, Picador Publ., 2011, 402 p.

Green G. Deindustrialization of rural America: Economic restructuring and the rural ghetto. Local Development and Society, 2020, vol. 1, no. 1, pp. 15–25.

Fukuyma F. *China's rise challenges end of history*. Global Times, 19.11.2012.

Huntington S. Who we are? The Challenges to America's National Identity. New York, Simon & Schuster Publ., 2004, 448 p.

Moore M. Downsize This! New York, Crown Publ., 1996, 277 p.

Temin P. The Vanishing Middle Class: Prejudice and Power in a Dual Economy. Massachusetts Institute of Technology, 2018, 288 p.

Статья поступила в редакцию 31.08.2025; одобрена после рецензирования 07.09.2025; принята к публикации 08.09.2025.

The article was submitted 31.08.2025; approved after reviewing 07.09.2025; accepted for publication 08.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 20–24. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 20–24. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(450)''1859''

EDN MKCIBN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-20-24>

ОТ СЕВАСТОПОЛЯ К СОЛЬФЕРИНО: ИТАЛЬЯНСКАЯ КАМПАНИЯ 1859 Г. В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ВОЕННОЙ МЫСЛИ

Крехов Сергей Сергеевич, аспирант, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, sergej.krexov.97@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу Итальянской кампании 1859 г. и рассматривается в рамках концепции В.Л. Цымбурского о «сверхдлинных военных циклах» как переломных моментах в эволюции военного искусства. Война в Италии стала не только основным этапом национального объединения, но и важным рубежом в развитии индустриальных войн. В центре внимания – военные инновации: железные дороги, новые образцы артиллерии, тактическая реорганизация французской пехоты. Подчеркивается восприятие этих изменений русским военным наблюдателем М.И. Драгомировым, описавшим характерные признаки военной модернизации. Значительное внимание уделено также последующему осмыслению кампании в работе А.А. Свечина. Отмечается, что данные новшества закрепили тенденции, впервые обозначившиеся ещё в Крымской войне 1853–1856 гг. Делается вывод, что Итальянская кампания 1859 г. стала ключевым «звеном» в длинном цикле военной истории Европы.

Ключевые слова: Итальянская кампания 1859 г., индустриальная война, В.Л. Цымбурский, железные дороги, нарезная артиллерия, стрелковое оружие, тактика.

Для цитирования: Крехов С.С. Итальянская кампания 1859 г.: «индустриальная война» нового типа // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 20–24. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-20-24>

Research Article

FROM SEVASTOPOL TO SOLFERINO: THE ITALIAN WAR OF 1859 IN THE MIRROR OF RUSSIAN MILITARY THOUGHT

Sergey S. Krekhov, postgraduate, Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, sergej.krexov.97@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Italian War of 1859, and is considered within the framework of Vadim Tsymburskiy's concept of "super-long military cycles" as a turning point in the evolution of military affair. Italy's war against Austria became not only the main stage of national unification, but also an important milestone in the development of industrial wars. The focus is on military innovations - railways, new types of artillery, tactical reorganisation of the French infantry. The perception of these changes by the Russian military observer Mikhail Dragomirov, who described the characteristic features of military modernisation, is emphasised. Considerable attention is also paid to the subsequent understanding of the campaign in the work of Alexander Svechin. It is noted that these innovations consolidated the trends that first emerged in the Crimean War of 1853-1856. It is concluded that the Italian War of 1859 became a key "link" in the major cycle of European military history.

Keywords: Italian campaign of 1859, industrial war, Vadim Tsymburskiy, railways, rifled artillery, rifled guns, tactics.

For citation: Krekhov S.S. From Sevastopol to Solferino: the Italian War of 1859 in the mirror of Russian military thought. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 20–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-20-24>

Принимая за основу гипотезу отечественного философа В.Л. Цымбурского о «сверхдлинных военных циклах», согласно которой предполагается, что мировая политика и военные конфликты развиваются в рамках крупных исторических ритмов, определяющих смену форм вооружённого противоборства, рассмотрим через призму этой гипотезы Итальянскую военную кампанию 1859 г.

Каждое новое столетие приносит качественные изменения в военной сфере, отражающие не только технический прогресс, но и трансформации мировой системы. По мнению В.Л. Цымбурского, именно войны второй половины XIX в. стали своеобразным рубежом: от классической маневренной войны, основанной на династических армиях, к индустриальной, массовой войне, где решающую роль начинают играть промышленные технологии, транспорт и мобилизационные возможности общества. Он пишет: «За множеством факторов, относящихся к истории военного искусства и военного строительства, прослеживается единый паттерн: состязание возможностей мобилизации и уничтожения, со впечатляющей регулярностью протекающее так, что каждая сверхдлинная милитаристская волна проходит под главенством одной из этих возможностей, причем из четырех миновавших волн у трех – достоверная амплитуда в 150 лет» [Цымбурский: 44–45].

Итальянская кампания 1859 г. может быть рассмотрена как важное звено в этом сверхдлинном цикле: она показала, как сочетание новых средств вооружения, железнодорожной логистики и массовой мобилизации начинает формировать облик «войны нового типа». В этом смысле она соединяет эпоху наполеоновских войн начала XIX в. с индустриализованными конфликтами конца века и мировыми войнами XX в.

Французский император Наполеон III, проводивший политику освобождения итальянской нации от австрийского господства, тайно подписал с Сардинией конвенцию о наступательном и оборонительном союзе на случай объявления войны Австрией. В апреле 1859 г. Австрия выдвинула ультиматум Сардинскому королевству о демилитаризации. Сардинский король Виктор Эммануил II ответил отказом, что сподвигло австрийские войска пересечь границу и начать боевые действия. Австрийская армия поставила перед собой задачу немедленно разгромить Сардинию, прежде чем Франция смогла бы прийти на помощь своему союзнику. В свою очередь, французские войска во главе с Наполеоном III были немедленно переброшены по железной дороге в Италию.

Одержав победы в битвах при Мадженте и Сольферино в июне 1859 г., Франция и Сардиния выиграли войну и заявили права на богатейшую итальянскую провинцию Австрии – Ломбардию, которую

Луи-Наполеон затем уступил Сардинии в обмен на Ниццу и Савойю.

Будучи национально-освободительной войной, а не завоевательной, Итальянская кампания 1859 г. являлась важнейшим этапом «Рисорджименто» – процесса объединения земель, расположенных на Апеннинском полуострове, в единое Итальянское государство.

Кроме того, данный конфликт продемонстрировал растущую важность промышленных технологий, в частности железных дорог, для военной логистики и транспортировки войск.

Прусский генерал Крафт Гогенлоэ-Ингельфинген в своих «Письмах о стратегии» писал: «Для нас Итальянская война – война современная, поэтому она очень интересна и крайне поучительна, тем более что не имеет ничего общего с наполеоновскими войнами» [Hohenlohe-Ingelfingen: 103].

Итальянская кампания 1859 г. стала логическим продолжением процессов, обозначившихся ещё в Крымской войне (1853–1856 гг.), которую многие исследователи называют первой индустриальной войной¹. По оценкам В.И. Самсонова, «Англичане в первый период военных действий не уделяли должного внимания технике и организации и чуть не погибли. Но сумели вовремя одуматься. Не испугавшись трудов и издержек, они снабдили армию прекрасным техническим оборудованием, – и вышли победителями» [Самсонов: 1]. Именно в Крыму впервые масштабно применялись железные дороги, телеграф и пароходы. Однако в 1859 г. эти факторы приобрели системный характер, что позволяет рассматривать кампанию как следующий шаг в развитии индустриальных войн.

Русский военный атташе М.И. Драгомиров, непосредственно наблюдавший за событиями Итальянской кампании 1859 г., обращал внимание на следующие факторы военного преобразования: «1) усовершенствованное военное оружие; 2) распространение железных дорог; 3) громадный рост численности армии и, как следствие этого роста, короткие сроки службы» [Драгомиров 1894: 29].

Во время Гражданской войны в США (1861–1865 гг.) американцы стали систематически использовать железные дороги для транспортировки солдат. Однако именно Итальянская кампания 1859 г. произвела настоящую революцию в военной мобильности. По словам французского генерала де Лакруа, «война 1859 года в Италии стала отправной точкой для применения железнодорожного транспорта в военных целях» [Revue des deux mondes: 414].

Бюро статистики Главного управления мостов, дорог и железных дорог Министерства сельского хозяйства, торговли и общественных работ Франции в декабре 1859 г. опубликовало отчет о военных пе-

ревозках по французским железным дорогам, в котором были приведены следующие данные: «В период с 20 апреля по 15 июля 1859 года – 86 дней, в течение которых более 220 000 человек и их снаряжение были перевезены из французского гарнизона в самое сердце Ломбардии» [Notice sur les transports militaires: 5].

В своих мемуарах французский военный врач доктор Ладуар с восторгом писал об этом моменте: «Какая наука, какой труд, чтобы преуспеть в преодолении трудностей природы! Гигантские скалы, преграждающие дорогу, пропустили железную дорогу... Потоки бурлят с ревом и, кажется, не поддаются человеческим усилиям, чтобы их заглушить, и все же сердце горы пронзено, потоки пойманы, а огненный локомотив связал Францию и Италию!» [Ladoire: 154].

Важно подчеркнуть, что такая скорость переброски войск имела и свои недостатки: прибывшие на место солдаты оказались без необходимого количества продовольствия, медикаментов, средств для строительства мостов, осадных орудий и т. д.

Драгомиров отмечал: «Железные дороги обнаружили в эту кампанию все свои сильные и слабые стороны: большие сбережения во времени и в издержках и большие расходы на сам путь; чрезвычайная регулярность сообщений, освобождение их от случайностей, до возможности минутного расчёта, и зависимость самих дорог от случайностей – прямо показали, во-первых, что пути этого рода имеют значение коммуникационных, но не операционных линий; во-вторых, что они могут принести пользу всеобщую и продолжительную только при условии высокого промышленного развития воюющих сторон» [Драгомиров 1881: 182].

Иными словами, железные дороги переосмыслили значение массовой армейской мобильности, окончательно порвав с наполеоновской практикой принудительного пешего перемещения больших корпусов на дальние расстояния. Так, во время русской кампании 1812 г. Великой армии Наполеона удалось преодолеть большое расстояние, но лишь ценой крайней усталости войск, которая в определенный момент начала работать против них.

Наполеон III, как и его знаменитый дядя, был последовательным сторонником артиллерии и пристально следил за новыми разработками в области данного вооружения. Поэтому французы смогли выйти на поле боя, вооружившись новыми 12-фунтовыми и 4-фунтовыми нарезными пушками, которые намного превосходили австрийские гладкоствольные.

В этом конфликте французская армия впервые применила орудия системы «Ла-Хитта». Появившиеся нарезы в канале ствола придавали снаряду вращение. Изменилась и форма самого снаряда – с шарообразной на цилиндрическую. Теперь пушка могла

стрелять дальше, при этом снарядами почти вдвое большего веса, чем ранее.

Драгомиров писал: «Удачные опыты над нарезными 12-фунтовыми пушками старой конструкции побудили заменить ими все орудия осадной артиллерии, назначенные для прицельной стрельбы; это было весьма важным упрощением вообще, но на ту минуту, перед самой войною, потребовало нарезки 200 пушек и приготовления к ним снарядов, по 960 на орудие, что, конечно, не могло быть достигнуто иначе, как ценою самых энергических и далеко не обычных усилий» [Драгомиров 1881: 177].

Когда впервые было предложено введение нарезных пушек, многие военные, исходя из традиций прежней артиллерийской службы, недооценивали важность их дальноточной стрельбы. Однако в ходе кампании 1859 г. было обнаружено, что хотя обстрел с большого расстояния не может опрокинуть и обратить в бегство пехоту, тем не менее он может заставить противника развернуть свои колонны, затруднить его дальнейшее передвижение, помешать его резервам занять выгодные позиции, уничтожить людей и лошадей и таким образом повлиять на судьбу сражения столь же решительно, хотя и не столь блестяще, как во время артиллерийской атаки при Ваграме².

В американском сборнике, посвященном новой полевой артиллерии Европы, автор Фрэнк Тейлор пришёл к следующему выводу: «Мощь дальноточной артиллерии, позволяющая концентрировать огонь с нескольких удаленных батарей, была важна для французов, поскольку позволяла им сдерживать внезапные атаки на слабые места своей линии. При Сольферино введение в действие большого отряда австрийской кавалерии было полностью предотвращено благодаря этому средству» [Taylor: 19].

Одновременно с этим в значительной степени возросла огневая мощь австрийской пехоты. Армия Габсбургов была вооружена прекрасным образцом нового нарезного ружья, которое на средних и больших дистанциях превосходило французское. По оценкам А.А. Свечина, «незнакомство пехоты со своим оружием и закрытый характер местности в Ломбардии не позволили австрийцам полностью использовать выгоды их лучшего ружья. Однако если потери убитыми и ранеными в боях 1859 г. были одинаковы с обеих сторон, несмотря на постоянные неудачи австрийцев, то этот результат может быть объяснен только техническим превосходством австрийцев, уравнивавшим потери при их тактических неудачах» [Свечин: 96].

Швейцарский бизнесмен и основатель Красного Креста Анри Дюнан оставил следующие воспоминания об ужасах битвы при Сольферино: «От ударов цилиндрических пуль кости разлетаются во все стороны, так что эти раны всегда очень опасны. Осколки

гранат и конические пули дробят кости, тоже вызывают сильную боль и нередко наносят ужасные внутренние повреждения. Всевозможные осколки, обломки костей, клочки одежды, остатки снаряжения, земля, куски свинца раздражают раны и усиливают мучения раненых» [Дюнан: 55].

Стоит подчеркнуть, что данная война примечательна не только своими инновациями в военных технологиях. По мнению военного историка Ричарда Брукса, «итальянская кампания, отодвинутая на второй план последующими, более кровопролитными конфликтами, стала важнейшим шагом в развитии пехотной тактики Первой мировой войны» [Brooks: 4].

Формально тактика осталась прежней, однако Наполеон III незадолго до войны реорганизовал свою пехоту, сократив число шеренг с трёх до двух и уменьшив число рот в батальоне с восьми до шести. Это позволило снизить глубину построения и, следовательно, уязвимость для ружейного огня³.

Следует также отметить, что Австрийской армией в 1859 г. командовала узкая аристократическая когорта во главе с кайзером Францем Иосифом, окружившим себя пожилыми дворянами, разделявшими его устаревшие военные взгляды. Зацикленный на мелочах армейских уставов, он не успел уловить социальные и военные преобразования своего времени.

Офицерский корпус отражал социальные предубеждения высшего командования. Звания получали лишь те, кто мог их себе позволить. Повышение в звании зависело от почетного шефа полка – ингабера, который руководствовался скорее социальными, чем профессиональными соображениями.

В свою очередь, Наполеон III обладал личной энергией и неподдельным интересом к военным делам, что резко контрастировало с самодовольным невежеством его противника. Старшие офицеры обычно являлись выпускниками военной академии Сен-Сира либо Политехнической школы. Хотя наполеоновские традиции централизации часто и ограничивали инициативу, многие полковые офицеры были бывшими рядовыми, получившими повышение за выслугу лет или проявленную храбрость в бою. Именно такие люди обеспечивали сплочённость и профессионализм, которых так не хватало австрийским офицерам.

Таким образом, Итальянская кампания 1859 г. является своеобразным «Рубиконом» и поворотным моментом в истории, поскольку ознаменовала собой конец классической войны и переход к промышленной массовой войне. Эффективное использование Наполеоном III железных дорог свело на нет первоначальное численное преимущество австрийцев и позволило французам перехватить стратегическую инициативу, а нарезные орудия помогли завершить войну всего за пару месяцев.

Примечания

¹ По словам британского историка Орландо Файджеса, «это был новый тип индустриальной войны, и Россия с её отсталой крепостной экономикой не могла с ней состязаться» [Figes: 360].

² В сражении при Ваграме 1809 г. артиллерия под командованием генерала Лористона обеспечила мощную огневую поддержку французским войскам, нанеся значительный урон австрийцам. Ураганный огонь артиллерии был одним из ключевых факторов, склонивших чашу весов в пользу французов и обеспечивших им победу в битве.

³ Данные изменения произошли после Крымской войны 1853–1856 гг. и являются следствием опыта, полученного французами в ходе боевых действий. Им стало известно, что цилиндрические пули пробивали сразу несколько русских солдат подряд.

Список литературы

- Драгомиров М.И.* Военные заметки. Санкт-Петербург: Тип. Главного управления уделов, 1894. 30 с.
- Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1858–1880. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашова, 1881. 634 с.
- Дюнан А.* Воспоминание о битве при Сольферино. Москва: Международный Комитет Красного Креста, 2009. 108 с.
- Самсонов В.И.* Английская железная дорога в Балаклаве в эпоху Крымской войны. Севастополь, 1931. 19 с.
- Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. Т. 2. Москва: Гос. изд-во, 1928. 621 с.
- Цымбурский В.Л.* Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // Полис. Политические исследования, 1996. № 3. С. 27–55.
- Brooks R.* Solferino 1859: The battle for Italy's Freedom. Osprey Publishing, 2009, 96 p.
- Figes O.* The Crimean War A History. New York, Metropolitan Books, 2011, 607 p.
- Hohenlohe-Ingelfingen K.* Lettres sur la stratégie. Paris, Louis Westhauser, 1887, 782 p.
- Ladoire E.* Souvenirs d'un Médecin-Major publiés par A.-M. Gossez. Italie, 1859. Revue d'Histoire du XIXe siècle –1848, 1918, no. 78, pp. 158–168.
- Notice sur les transports militaires par les chemins de fer français vers le théâtre de la guerre d'Italie, décembre 1859. file:///C:/Users/user/Downloads/Mil_Italie_1859_CRDAJ.pdf
- Revue des deux mondes: recueil de la politique, de l'administration et des moeurs. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k431881d/f414.item>

References

- Dragomirov M.I.* *Voennye zametki* [Military notes]. St. Petersburg, Printing house of the Main Administration of Appanages Publ., 1894, 30 p. (In Russ.)

Dragomirov M.I. *Sbornik originalnykh i perevodnykh statei M. Dragomirova, 1858–1880* [Collection of original and translated articles by M. Dragomirov, 1858–1880]. St. Petersburg, V.S. Balashov Printing House Publ., 1881, vol. 1, 634 p. (In Russ.)

Dunan A. *Vospominanie o bitve pri Solferino* [Recollection of the Battle of Solferino]. Moscow, International Committee of the Red Cross Publ., 2009, 108 p. (In Russ.)

Samsonov V.I. *Anglijskaya zheleznaya doroga v Balaklave v epohu Krymskoj vojny* [English railway in Balaklava during the Crimean War]. Sevastopol', 1931, 19 p. (In Russ.)

Svechin A.A. *Evoliutsiia voennogo iskusstva. T. 2* [The evolution of the art of war. Vol. 2]. Moscow, Military Publishing House Publ., 1928, 621 p. (In Russ.)

Tsymburskii V.L. *Sverkhdlinnye voennye tsikly i mirovaia politika* [Super-long military cycles and world politics]. *Polis* [Policy], 1996, vol. 3, pp. 27–55. (In Russ.)

Brooks R. *Solferino 1859: The battle for Italy's Freedom*. Osprey Publ., 2009, 96 p.

Figes O. *The Crimean War A History*. New York, Metropolitan Books Publ., 2011, 607 p.

Hohenlohe-Ingelfingen K. *Lettres sur la stratégie*. Paris, Louis Westhausser Publ., 1887, 782 p.

Ladoire E. *Souvenirs d'un Médecin-Major publiés par A.-M. Gossez. Italie, 1859*. *Revue d'Histoire du XIXe siècle – 1848, 1918*, no. 78, pp. 158–168.

Notice sur les transports militaires par les chemins de fer français vers le théâtre de la guerre d'Italie, décembre 1859. file:///C:/Users/user/Downloads/Mil_Italie_1859_CRDAJ.pdf

Revue des deux mondes: recueil de la politique, de l'administration et des moeurs. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k431881d/f414.item>

Статья поступила в редакцию 28.08.2025; одобрена после рецензирования 08.09.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 28.08.2025; approved after reviewing 08.09.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 25–31. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 25–31. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.2. Всеобщая история

УДК 94(470+410)

EDN SJQHMX

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-25-31>

ИСТОРИЯ СТРАН ЗАПАДА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬНИЦЫ А.Ф. БЫКОВОЙ

Шигарева Анна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, schigareva.an@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5426-9193>

Аннотация. Статья посвящена творчеству Александры Федоровны Быковой – автора популярных очерков по всеобщей истории, написанных в России в конце XIX – начале XX в. Проблема идеологического и культурного влияния посредством просвещения историческим опытом западных стран репрезентативно раскрывается на примере литературных трудов Быковой. Ее творчество восполнило недостаток в России учебной и популярной литературы по истории Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и других стран Запада. Исторические интерпретации, созданные в сложный, переходный для России период, продемонстрировали не только блестящую подготовку автора в области истории, географии, но и литературный талант, а также обнаружили политические симпатии писательницы, её представления о «народной свободе». Учитывая немногочисленность источников о личности писательницы, ее общественные идеалы были воссозданы с опорой на многочисленные исторические работы. В результате были сформулированы выводы, которые корректируют общий портрет представителей либеральной интеллигенции в России. Описан и обобщен уникальный опыт одной из первых попыток создания серии книг для чтения по истории стран Европы и Америки.

Ключевые слова: интеллигенция, зарубежная история, Запад, Европа, Америка, просвещение, либерализм, реформы, Александра Федоровна Быкова, модернизация, власть, общество.

Для цитирования: Шигарева А.Н. История стран Запада в творчестве русской просветительницы А.Ф. Быковой // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 25–31. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-25-31>

Research Article

THE HISTORY OF WESTERN COUNTRIES IN THE CREATIVE WORK OF THE RUSSIAN FEMALE ENLIGHTENER ALEKSANDRA BYKOVA

Anna N. Shigareva, PhD in History, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, schigareva.an@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5426-9193>

Abstract. The article is devoted to the work of Aleksandra Bykova, the author of popular essays on world history written in Russia in the late 19th – early 20th centuries. The problem of ideological and cultural influence through enlightenment with the historical experience of Western countries is representatively revealed using the example of Bykova's literary works. Her work made up for the insufficiency of educational and popular literature on the history of England, France, the United States of America and other Western countries in Russia. Historical interpretations created during a difficult transitional period for Russia, demonstrated not only the author's brilliant training in history and geography, but also her literary talent, and they also revealed the writer's political sympathies and her own ideas about "people's freedom". Given the scarcity of sources about the writer's personality, her social ideals were recreated based on numerous historical works. As a result, conclusions were formulated, that add some traits to the overall portrait of a representative of the liberal intelligentsia in Russia. The unique experience of one of the first attempts to create a series of books for reading on the history of European and American countries is described and summarised.

Keywords: intelligentsia, foreign history, historical West, Europe, America, Enlightenment, liberalism, reforms, Alexandra Feodorovna Bykova, modernisation, power, society.

For citation: Shigareva A.N. The history of Western countries in the creative work of the Russian female enlightener Aleksandra Bykova. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 25–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-25-31>

История XIX–XX вв. показала всю сложность и трагичность отношений, сложившихся между образованной частью общества и народом в России. Роль русской интеллигенции в пробуждении революционного сознания народа общепризнана. Изучение многогранного феномена предреволюционного просвещения через «слово» и «книгу» в России – стране по-прежнему патриархальной, но ставшей на путь модернизации – дополнило бы представление о культурных истоках русской революции, о проблеме власти и общества, особенностях женского движения в России. Значимое место в предреволюционной исторической публицистике для народа занимали очерки А.Ф. Быковой (1863–1929 гг.), урожденной Проскуряковой. Несмотря на их очевидную популярность, имя Быковой впоследствии оказалось забытым, известным лишь узкому кругу специалистов. На фоне политических потрясений XX в., репрессий в отношении представителей «старого режима», дворяне, как и их потомки, рассматривались в качестве «осколков» враждебного мира, которые должны были выстраивать свою стратегию выживания в новом обществе. Социальное происхождение Быковой, арест и расстрел супруга в годы Гражданской войны, общая политическая динамика, избавление советской школы от «буржуазного наследия», классовый подход к истории – все это на долгое время отправило в небытие литературное наследие писательницы. Какие мотивы лежали в основе активной общественной и литературной деятельности дворянки, курсистки, супруги чиновника? Каким образом писательница оказалась в рядах энтузиастов народного образования? Имеет ли место в творчестве Быковой самобытная концепция западничества с упором на восприятие народного сознания? (см.: [Шигарева: 33–36]) По причине скудности дошедших до сегодняшнего дня сведений пришлось буквально по крупицам восстанавливать ее жизненный путь. К сожалению, пока не обнаружены фотографии А.Ф. Быковой. Перед нами яркий пример того, когда творчество исторического субъекта и есть основной источник о его личности, взглядах и ценностных установках.

О судьбе самой писательницы известно немного. Родилась в Санкт-Петербурге, в семье юриста, сенатора, тайного советника Фёдора Ивановича Проскурякова (1830–1904 гг.), глубокого знатока римского права, автора перевода «Институты императора Юстиниана». Можно предположить, что будущая писательница с детства находилась в окружении образованных людей, для которых важны были знания и научные интересы. Это обстоятельство сыграло важную роль в формировании её интереса к истории, к книгам, к образованию и, позднее, к просветительской деятельности как служению обществу.

Известно, что во второй половине XIX в. возникли земства, которые работали над подготовкой учительских кадров, в частности, упор делался на женское образование. Вопрос становления женского образования в России во второй половине XIX в. представляет значительный исследовательский интерес. По мнению Т.А. Шилиной, одним из решающих факторов, оказавших влияние на трансформацию традиционной модели женского поведения, стало массовое обнищание дворянских семей. Это способствовало переосмыслению роли женщины в обществе и постепенному отходу от патриархального сценария – жены, матери и хозяйки, а также от практики раннего замужества. Правительство страны беспокоило отъезд женщин в заграничные университеты, поэтому под давлением общественности в 1869 г. были открыты женские курсы университетского типа в Петербурге и Москве. Александра Фёдоровна принадлежала к состоятельному столичному дворянству, более свободному от предрассудков об образовании для женщин. В 1884 г. она окончила петербургские педагогические курсы по словесному отделению, затем продолжила изучение истории и литературы при Московском университете. Таким образом, несмотря на редкость женского писательского труда до революции, Александру Фёдоровну следует отнести к тем авторам, которые получили соответствующую профессиональную подготовку.

Супругом Александры Фёдоровны стал представитель ее круга, молодой человек на три года старше ее – Александр Николаевич Быков (1860–1919 гг.). Впоследствии он стал фабричным инспектором, профессором, специалистом по фабричному законодательству, состоял в партии конституционных демократов, являлся также автором научных статей в области права и очерков о быте рабочих. Быковы соединяли в себе лучшие черты русской дореволюционной элиты: интеллектуалы, гуманисты, занимавшиеся научным и литературным творчеством, симпатизировавшие прогрессивным изменениям в обществе.

Примечательно, но литературные и профессиональные интересы Александры Фёдоровны совершили в судьбе ее дочери Татьяны Александровны Быковой (1893–1975 гг.) – заслуженного ленинградского библиографа, переводчицы, книговеда. Глубокое знание языков, эрудированность, широта восприятия, интерес к всеобщей истории позволили ей на высоком уровне выполнять научную работу библиографического и источниковедческого характера, вести научную переписку с иностранными специалистами [Жуковская]. Таким образом, она продолжила литературную и научную направленность деятельности своей матери.

Написание всеобщей истории русским автором для простого читателя конца XIX в. требовало серьёз-

ной подготовки и особых литературных навыков. В этот период Россия вступила в контекст модернизации, пришедшей с Запада, отсюда общественный интерес к пути, пройденному европейскими народами, прежде всего Англией и Францией, к их средневековой и современной истории. Еще до появления подходов, ставящих под сомнение европоцентризм, Быкова предприняла попытку рассмотреть историю Запада «извне», с позиции русского читателя. Русский народ, по её мнению, нуждается в воспитании духа народной свободы, в усвоении либеральных идей и выработке собственной программы действий.

Образованная женщина, проникнутая духом служения делу Просвещения, увлечённая историей, несомненно, имела литературный вкус и талант. Страницами автора земли «туманного Альбиона» предстают не такими уж «туманными» и «далекими»: «Англия и Шотландия лежат на одном острове... тот, что побольше... величиной с нашу Астраханскую губернию» [Быкова 1918: 1]. Схоже по стилистике описание географического расположения Нидерландов в другом очерке: «У берегов Немецкого моря (Северное море. – А. III.) между Германией и Францией расположены два государства – Голландия и Бельгия. 300 с лишним лет назад эти два государства составляли одно, известное под именем «Нидерланды» [Быкова 1909: 3]. Некоторые очерки были снабжены картами. Эта особенность позволила позднее относить ее работы к историко-географическим трудам, учебной литературе. Специфика очерков А.Ф. Быковой состояла также в особой русской центричности работ по всеобщей истории: «...к западу от Русской земли...» Таким образом, в центре внимания – Россия, Русская цивилизация, чьи проблемы и радости были близки сердцу автора.

В советский период, несмотря на доступность изложения и основательность, работы Быковой не были востребованы. С развитием историографии в XX в. многие классические интерпретации, прочно обосновавшиеся в учебной литературе, как марксистские, так и либеральные, были потеснены более современными подходами. Однако начиная с конца 1980-х гг. дореволюционные исторические работы немарксистского содержания стали переживать своеобразный «ренессанс». Литературное наследие А.Ф. Быковой по-прежнему остается букинистической редкостью, оно частично оцифровано и представлено в открытых источниках. В этой связи возникает вопрос о месте и значении уникальных работ Быковой в русской историографической традиции, ее вкладе в развитие методики преподавания истории, в формирование либеральной идеологии в России посредством популяризации зарубежной истории.

В работах Быковой либеральная мысль прослеживается выпукло, по сути, «борьба за свободу» и есть

главная связующая нить между эпохами и странами: принятие и защита Великой хартии вольностей, отстаивание религиозной свободы, Реформация, борьба королей с парламентом, протесты и восстания народных масс в Европе, движение за избирательную реформу.

Публикации по английской истории дополнялись и расширялись хронологически. Схожие по содержанию книги выходили под разными названиями: «История развития английской Конституции» впоследствии именовалась как «История Англии с XI века до начала мировой войны». Историческое повествование в первых изданиях доводилось до избирательной реформы 1885 г., когда большая часть мужского населения королевства получила право голоса: «...мы рассказали о том, как сложилось могущественное Английское государство, как Англия из маленького государства превратилась во всемирную монархию, какую внутреннюю и внешнюю борьбу пришлось пережить английскому народу, прежде чем он достиг такого могущества и завоевал современное свое положение» [Быкова 1905а: 259]. Ведущее место отводилось описанию борьбы парламента с королями, попыткам короля подчинить своей власти палату лордов и палату общин. Одному только факту принятия Иоанном Безземельным Великой хартии Вольностей посвящено несколько иллюстраций, подчёркивающих драматизм и накал политических событий в средневековой Англии. Власть и народ, власть и общество – это центральная линия исторического повествования. Немногочисленные портреты правящих персон и государственных деятелей соседствуют с изображениями бесправия английского народа. Симпатии автора, несомненно, на стороне угнетённых – и это не в духе английского историописания, а в духе мироощущения русской интеллигенции: «быть на стороне слабых и угнетённых». Неслучайно контуры идеального правителя прослеживаются в личностях тех монархов, которые забыли о своих интересах и всецело посвятили себя служению народа. К таковым писательница отнесла и «великого мужа» Нидерландов Вильгельма Оранского, популярного у французов Генриха IV Бурбона, а также широко отметившую вместе со всей нацией в 1896 г. юбилей восшествия на престол королеву Викторию.

Существует мнение, что Александра Фёдоровна принимала участие в составлении книги «Что читать народу» (1884–1906 гг.). Это критический указатель книг для народного и детского чтения, составленный учительницами Харьковской частной женской воскресной школы. Для просвещённого XIX в. характерно не только высокое внимание к народной грамоте, но и стремление женского учительского движения адаптировать научные знания к восприятию простого человека, «чтобы народ имел доступную по цене, по-

нятную, полезную и здоровую книгу» [Сытин: 113]. Издание вышло в трёх томах в 1884, 1889 и 1906 гг. Цель книги – выявить отношение читателей и слушателей к тем или иным книгам, чтобы составить для издателей и учителей аннотированные рекомендательные списки литературы для чтения. Особый интерес вызывает сам подход: учеников спрашивали мнение о прочитанных книгах, и только после этого произведение вносилось в список (с отзывом читателя). Корифей книжного дела в царской России Иван Дмитриевич Сытин назвал эту инициативу «интереснейшим исследованием», в результате которого «учителя опытным путем пришли к выводу, что нет никакой надобности создавать особую “народную” литературу и что художественные произведения наших лучших авторов одинаково доступны как для людей образованных, так и для очень мало образованных» [Сытин: 134].

А.Ф. Быкова имела отношение практически ко всем известным общественным инициативам в деле просвещения русского народа в пореформенный период: педагогика, библиотечное дело, переводческая деятельность. Однако основное призвание этой образованной и деятельной женщины – написание книг по всеобщей истории. Тематика зарубежной истории требовала качественных глубоких знаний, широкого кругозора, владения иностранными языками, знакомства с источниками и историографией. Сочетание этих качеств и навыков позволило ей создать серию исторических очерков по зарубежной истории. По русской истории Быкова написала «Смутное время на Руси» (1912 г.), что весьма созвучно общественным настроениям кануна Первой мировой войны. Таким образом, Быкова являлась автором серии книг по определенному историческому направлению, что соответствовало просветительской тактике Сытина «книгу нужно издавать не “одиночкой”, а группами, сериями, отдельная книжка даже при самой животрепещущей теме может затеряться среди массы книг, а при выпуске группами книгу скорее заметит читатель» [Сытин: 9–10].

Интересен тот факт, что работы были сфокусированы не только на «эпохах перемен» на Западе, но и давали представление об общей картине развития стран и народов, живо и наглядно повествовали о происхождении, быте и нравах европейских народов, культах местных святых и национальных праздниках.

Таким образом, изучение биографии и трудов А.Ф. Быковой позволяет не только оценить её вклад в популяризацию исторических знаний, но и глубже понять, как формировалось восприятие образа Запада в российском обществе на рубеже XIX–XX вв. Исследование её жизни также открывает важные аспекты развития женского образования в Российской импе-

рии, которое в этот период переживало важные изменения, связанные с расширением возможностей для женщин в сфере образования и профессиональной деятельности. Творчество и общественная деятельность А.Ф. Быковой служат важным свидетельством тех исторических и социальных процессов, которые оказывали влияние на судьбы женщин того времени, на развитие культурных и научных традиций в России, формирование исторической памяти не только интеллигенции, но и всех слоев русского общества, интересующихся вопросами истории.

В центре научного интереса автора такие страны, как Англия, Соединенные Штаты Америки, Франция, символизирующие прогресс и ценности, которые А.Ф. Быкова считает полезными для России. Немецкий мир в очерках практически не был представлен. Её работы были направлены на повышение уровня исторического сознания русского народа, который, по мнению автора, нуждается в развитии национального самосознания в духе народной свободы. Творчество Быковой ориентировано на широкий круг читателей, что подчеркивает её желание воспитать новое поколение, осведомленное о либеральных идеалах и истории. Таким образом, книга имела не только образовательное, но и воспитательное значение, по мнению автора, «история поучительна» [Быкова 1905а: 259].

В чем же поучительное значение книг по истории западных стран для российского читателя на рубеже XIX–XX вв.? Политическое развитие стран А.Ф. Быкова избрала в качестве ведущего вектора, что вполне соответствует оценкам либеральной историографии XIX в., показательны в этом отношении «Рассказы из истории Франции XVII и XVIII века», охватывающие период могущества абсолютистской Франции до ее крушения. В отношении истории Франции чувствуется влияние работ А. де Токвиля, в целом заметное для российских публицистов и историков второй половины XIX в. [Юшников: 18] В духе классической концепции кризиса «старого порядка» А.Ф. Быкова даёт негативную оценку состояния французского дворянства: «...ненужное и бесполезное дворянство по-прежнему оставалось привилегированным сословием, оно обладало большими богатствами и сохранило свои старинные права и привилегии, разорительные для населения. Эти права и привилегии сделали дворянство вредным для государства и ненавистным народу» [Быкова 1905б: 193]. Парадоксально, что подобный исторический «приговор» дворянскому сословию исходил из уст русской потомственной дворянки, образованной и просвещенной, мечтающей о социально-политической модернизации в России. Развитие Просвещения в России не только привело к распространению подобных идей в умах революционных слоёв, но и повлияло на политиче-

ское сознание и самовосприятие национальной элиты, которая расписалась в собственной исторической несостоятельности ещё до потери привилегированного положения. Анахронизмом, по мнению Быковой, к XVIII в. стало и французское духовенство: «Несмотря на свои богатства и громадные доходы, духовенство, так же как и дворянство, очень мало платило в государственную казну. Французское духовенство всегда в высшей степени нетерпимо относилось к свободе совести и с ненавистью к еретикам. Эти свои качества оно сохранило и в XVIII веке». Последних Бурбонов Быкова характеризует как слабых, неспособных правителей, имеющих консервативные симпатии, например, к католической церкви. В ситуации социальной несправедливости и политического беспорядка сокрушительный бунт третьего сословия выглядел закономерным и справедливым: «Все, кто не принадлежал к дворянству или духовенству, составляли третье сословие. В третье сословие включали одинаково как горожан, так и сельских жителей. Но это третье сословие резко делилось на две части: на высший класс сельского и городского населения, или буржуазию, и на народ. Наиболее забытым и обездоленным классом населения были крестьяне» [Быкова 1905б: 235–237]. Что должна была делать власть в лице Людовика XVI в условиях надвигающейся революции, возрастающей «розни сословий» и угрозы финансового банкротства? Для Быковой ответ был очевиден: прислушаться к требованиям народа, взяться за проведение необходимых реформ. Задача оказалась непосильной для «слабого и неспособного» Людовика, в результате нация отвернулась от власти, возложив надежды на Генеральные штаты [Быкова 1905б: 320]. Центральный эпизод истории Франции нового времени – Французская революция конца XVIII в. – подается как путь к возрождению «новой Франции» «дружными усилиями всей нации» [Быкова 1905б: 320]. Следует отметить, что оценочная сторона суждений о Французской революции все же далека от крайностей идеализации этого явления в России, сложившегося в XIX в. особого «русского культа Французской революции», ставшего «частью исторической памяти русской интеллигенции» [Чудинов: 10]. Признавая прогрессивное значение перемен, произошедших во Франции в конце XVIII века, Быкова писала также о «сильных потрясениях и тяжелых испытаниях» революции во Франции [Быкова 1905б: 320].

Через историю Ирландии Александра Фёдоровна раскрывает тему борьбы за независимость, повествуя об ирландских восстаниях против английских завоевателей. Одна из глав посвящена уничтожению ирландского парламента, который был «рупором свободы» для ирландского населения, подробно обозначив деятельность «ирландского Демосфена» Генри Грат-

тана (1746–1820 гг.), депутата ирландского, а затем английского парламентов, ратовавшего за автономию Ирландии и эмансипацию католиков [Быкова 1902: 94–95]. Завоевание религиозной и политической свободы – вот путь, избранный европейскими народами и возвысивший их во всех отношениях. Идеи необходимости ограничения власти монарха, справедливой борьбы парламента за свои права, обоснованные многочисленными примерами европейской истории, должны были восприниматься как актуальные читающей Россией конца XIX – начала XX в.

Примечательно, что знакомство русского читателя с историей других стран Быкова начинается с «американского чуда» – с истории Соединённых Штатов Америки. Труд писательницы, снабжённый картой и рисунками, можно рассматривать как источник для изучения восприятия США в российском обществе того времени. Модернизация США, их экономический рост и положение в мире вызвали большое любопытство среди русских людей. Издание 1913 г. (4-е издание. – *А. III.*) предназначено для школы и домашнего чтения, народных библиотек. Титульный лист учебного пособия наглядно демонстрирует ситуативные контексты ознакомления с книгой: школа, где роль учителя выполняет женщина, и семейный круг, опять-таки при доминировании женских фигур [Быкова 1913]. Интерес А.Ф. Быковой к государственному устройству, занятиям жителей, положению американского рабочего и рабочих союзов указывает также на социально-экономическую направленность её работы. Центральный вопрос, который задаёт историк по поводу современного ей состояния Америки, – «Почему Америка идёт так быстро вперёд?» – отражает общее стремление понять причины успешности американского варианта модернизации. Это позволяет рассматривать книгу как попытку осмысления факторов, способствовавших быстрому развитию США. Примечательно, что в конце XIX в., когда традиционные общества Европы переживали период болезненной трансформации, современная история США представлялась чем-то исключительным, достойным подражания. Быкова пыталась найти ответ на вопрос о том, какие особенности американской истории позволили стране так быстро преодолеть отставание и занять лидирующие позиции на мировой арене. Её интерес к рабочему вопросу, вероятно, связан с пониманием того, что индустриализация и модернизация несут в себе не только прогресс, но и новые социальные вызовы, с которыми также столкнулась пореформенная Россия.

Тема завоевания внешнеполитической независимости в ходе национально-освободительной борьбы было продолжено в очерках по истории Италии (1796–1870 гг.) [Быкова 1910]. В это время в Италии, в сердце католического мира с ведущим

аграрным сектором экономики, шло формирование национального самосознания, революционных движений, политического объединения на новых либеральных началах, что было схоже с процессами, происходившими в России в начале XX в.

Небольшой объём книг Быковой, ориентированных на массового читателя, был обусловлен ее попыткой облегчить восприятие исторической информации, не теряя при этом научной ценности материала. Это свидетельствует об ответственном отношении к литературному делу, стремлении внести вклад в развитие исторического образования и распространение знаний среди широкой общественности.

Прочтение работ А.Ф. Быковой расширяет наше понимание спектра мнений в русской просветительской среде конца XIX – начала XX в., позволяет уточнить источники, рассматривающие динамику идейных течений и их эволюцию в предреволюционный период, помогает подвергнуть сомнению критический стереотип об образе либерально настроенной интеллигенции в России: «В массе это люди полубразованные, обиженные на мироздание, но всегда приписывающие себе prerogatives спасителей Отечества. Люди эти понемногу читают, понемногу пишут, понемногу думают, но всегда по шаблону» [Бердяев: 67]. Изучение очерков Быковой углубляет представление о роли женщин в сфере социально-гуманитарного знания в России накануне революции. Продолжая полемику с Н.А. Бердяевым, невысоко ценившим сущность и форму подачи либеральной идеологии в дореволюционной России, нельзя не признать тот факт, что исторические очерки Быковой по истории западных стран являются содержательно выверенными, увлекательными и вдохновляющими.

Книги А.Ф. Быковой оказали влияние на формирование представлений о Западе в российском обществе (как позитивных, так и критических), способствовали популяризации знаний о западной истории и культуре, тем самым создавая предпосылки для общественного обсуждения будущего устройства России.

Список литературы

Источники

Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. Москва: Канон, 1998. 400 с.

Быкова А.Ф. Англия и англичане, их прошлое и настоящее. Ростов-на-Дону: «Дон. речь» Н. Парамонова, 1906. 124 с.

Быкова А.Ф. Вильгельм Оранский: борьба Нидерландов за независимость и свободу вероисповедания. Москва: А.М. Муринова, 1909. 79 с.

Быкова А.Ф. История Англии с XI века до начала мировой войны. Санкт-Петербург: Петербург, 1918. 320 с.

Быкова А.Ф. История развития английской Конституции: Рассказы из истории Англии XI–XIX вв. Санкт-Петербург: Шк. и библ. дело, 1905а. 263 с.

Быкова А.Ф. Рассказы из истории Италии XIX в. Москва: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1910. 78 с.

Быкова А.Ф. Рассказы из истории Ирландии: Рассказы из истории Ирландии: (С XII в. до наших дней). Санкт-Петербург: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1902. 236 с.

Быкова А.Ф. Рассказы из истории Франции XVII и XVIII века: От Генриха IV (1593) до Людовика XVI (1789 г.): (Эпоха Бурбонов). Санкт-Петербург: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1905б. 320 с.

Быкова А.Ф. Североамериканские соединенные штаты. 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Общественная польза, 1909. 138 с.

Быкова А.Ф. Североамериканские Соединенные Штаты. 4-е изд. Санкт-Петербург: Скл. изд. в кн. маг. «Обществ. польза», 1913. 138 с.

Быкова А.Ф. Смутное время на Руси (1598–1613). Москва: Юрайт, 2025. 105 с.

Быкова А.Ф. Франция и французы: Очерк развития республики и демократии. Москва: «Польза» В. Антик и К°, 1908. 134 с.

Жуковская Т.Н. Быкова Татьяна Александровна // Биографика СПбГУ: Историки Петрограда – Ленинграда (1917–1934). URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/3803-bykova-tatana-aleksandrovna.html> (дата обращения: 10.08.2025).

Открытый список: База данных жертв политических репрессий. URL: <https://ru.openlist.wiki/> (дата обращения: 10.08.2025)

Сытин И.Д. Жизнь для книги. Москва: Госполитиздат, 1962. 279 с.

Исследования

Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. Москва: Наука, 2007. 310 с.

Шигарева А.Н. «К западу от Русской земли, в Атлантическом океане, лежат два больших острова, которые называются Британскими островами...» (к вопросу изложения истории Англии А.Ф. Быковой) // Сапоговские штудии – 2024. Вопросы гуманитарного знания: сб. науч. ст. Кострома: КГУ, 2024. Вып. 7. С. 33–36.

Шигарева А.Н., Тютнева Д.С. Исторический Запад и «бунташная» Россия в просветительской интерпретации А.Ф. Быковой // Сапоговские штудии – 2025. Актуальные вопросы гуманитарного знания: сб. науч. ст. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2025. Вып. 8. С. 17–20.

Шилина Т.А. Эволюция женского образования в России: государственная политика и общественная инициатива (конец XVIII – начало XX вв.): автореф. ... дис. канд. ист. наук. Саратов, 2010. 27 с.

Юшников А.В. Образ Великой Французской революции в русской периодике и публицистике конца 1850-х – начала 1880-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 28 с.

References

Chudinov A.V. *Frantsuzskaia revoliutsiia: istoriia i mifi* [The French Revolution: History and Myths]. Moscow, Nauka Publ., 2007, 310 p. (In Russ.)

Iushnikov A.V. *Obraz Velikoi Frantsuzskoi revoliutsii v russkoi periodike i publitsistike kontsa 1850-kh – nachala 1880-kh gg.* [The Image of the Great French Revolution in Russian Periodicals and Journalism of the Late 1850s – Early 1880s: PhD thesis, summary]. Tomsk, 2013, 28 p. (In Russ.)

Shigareva A.N. «K zapadu ot Russkoi zemli, v Atlanticheskoi okeane, lezhat dva bol'shikh ostrova, kotorye nazyvaiutsia Britanskimi ostrovami» (k voprosu izlozheniia istorii Anglii A.F. Bykovo) [«To the west of the Russian land, in the Atlantic Ocean, there are two large islands called the British Isles...» (On the Presentation of the History of England by A.F. Bykova)]. *Sapogovskie shtudii* – 2024. *Voprosy gumanitarnogo znaniia: sb. nauch. st.* [The Sapogov studies – 2024. Questions of humanitarian knowledge: collection of scientific articles]. Kostroma, Kostromskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2024, vol. 7, pp. 33–36. (In Russ.)

Shigareva A.N., Tiutneva D.S. *Istoricheskii Zapad i «buntashnaia» Rossiia v prosvetitel'skoi interpretatsii A.F. Bykovo* [The Historical West and “rebellious” Russia in the Educational Interpretation of A.F. Bykova]. *Sapogovskie shtudii* – 2025. *Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniia: sb. nauch. st.* [The Sapogov studies – 2025. Current issues in the humanities: collection of scientific articles]. Kostroma, Kostromskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2025, vol. 8, pp. 17–20. (In Russ.)

Shilina T.A. *Evoliutsiia zhenskogo obrazovaniia v Rossii: gosudarstvennaia politika i obshchestvennaia initsiativa (konets XVIII – nachalo XX vv.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Evolution of Women's Education in Russia: State Policy and Public Initiative (Late 18th – Early 20th Centuries): PhD thesis, summary]. Saratov, 2010, 27 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.08.2025; одобрена после рецензирования 07.09.2025; принята к публикации 11.09.2025.

The article was submitted 31.08.2025; approved after reviewing 07.09.2025; accepted for publication 11.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 32–39. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 32–39. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(470)''1921/1922''

EDN FIWFI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-32-39>

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД ЭПОХИ НЭП: ОТРАЖЕНИЕ НОВОЙ ЖИЗНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МЕСТНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Красильников Александр Сергеевич, аспирант, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, eslyy66@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-5535-1341>

Аннотация. В статье проведен комплексный анализ художественных текстов, выходивших в основных печатных СМИ города Вологды в период НЭП. Автор исследовал широкий спектр рассказов, фельетонов, стихотворений и басен местных литераторов. На основе этого был произведен анализ тематического разнообразия художественных произведений в газетах и журналах и степени содержания в них элементов агитации и пропаганды. В ходе исследования были выявлены особенности отображения и восприятия населением изменений в социальной сфере, которые последовали после принятия новой экономической политики.

Ключевые слова: история, художественная литература, газеты, НЭП, город, провинция, повседневность.

Для цитирования: Красильников А.С. Провинциальный город эпохи НЭП: отражение новой жизни в произведениях художественной литературы местных периодических изданий // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 32–39. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-32-39>

Research Article

A RUSSIAN PROVINCIAL CITY OF THE NEP ERA: REFLECTION OF NEW LIFE IN WORKS OF FICTION IN LOCAL PERIODICALS

Alexander S. Krasilnikov, postgraduate, Vologda State University, Vologda, Russia, eslyy66@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-5535-1341>

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of literary texts published in the main print media of the City of Vologda. The author examined a wide range of stories, feuilletons, poems and fables by local writers. Based on this, an analysis was made of the thematic diversity of literary works in newspapers and magazines and the degree, to which they contained elements of agitation and propaganda. The study paid special attention to the features of the display and perception by the population of changes in life sociality that had followed the adoption of the so-called New Economic Policy.

Keywords: history, fiction, newspapers, New Economic Policy of Soviet power, city, province, everyday life.

For citation: Krasilnikov A.S. A Russian provincial city of the NEP era: reflection of new life in works of fiction in local periodicals. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 32–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-32-39>

В условиях короткого промежутка относительной свободы эпохи НЭП (1921–1928 гг.) газеты становились важным зеркалом социально-экономических изменений, настроений и идентичности городского населения. Вологда как один из значимых провинциальных центров Северо-Запада России в этот период переживала важные трансформации, которые и нашли отражение на страницах СМИ. Анализ материалов вологодских газет и журналов позволяет проследить образ города в художественной литературе и журналистике, выявить особенности восприятия провинциальной жизни и её отражения в культурном дискурсе эпохи. Такой подход способствует расширению пред-

ставлений о роли печатных источников в культурной памяти региона и помогает осмыслить процессы формирования городской идентичности на материале конкретных исторических документов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого понимания роли местных печатных изданий в формировании образа провинциального города в эпоху НЭП. В условиях быстроменяющегося социально-политического контекста именно газеты служили важным источником информации о жизни города, его проблемах и достижениях.

Целью данного исследования является анализ отражения общественной жизни Вологды в художе-

ственной литературе, публиковавшейся на страницах местных газет. Объектом исследования выступает социокультурный аспект городской жизни, а предметом – репрезентация общественных процессов и событий Вологды в период проведения активной новой экономической политики через призму художественных произведений, опубликованных в местных газетах.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1921 по 1926 г., то есть до начала масштабных процессов свертывания политики НЭПа [Соколов: 125], что позволяет проследить особенности формирования образа города в условиях экономического подъема, вызванного относительной либерализацией экономической жизни.

Вологда 1920-х гг. представляла собой типичный северный провинциальный город с преимущественно деревянной застройкой, богатой церковной архитектурой. Город был достаточно крупным, с населением около 40 тысяч человек [Коковин: 10]. Благодаря своему географическому положению и богатой литературной традиции Вологда по праву являлась важным центром литературной жизни Русского Севера [Непеин: 4]. Город находился относительно недалеко от двух крупных культурных центров – Москвы и Ленинграда, что способствовало развитию местной литературной жизни.

В 1920-х гг. город переживал период значительных перемен, связанных с восстановлением и развитием после комплексных кризисов послереволюционного времени. К началу 1920-х гг. бюджет губернского центра был настолько ограничен, что не обеспечивал быстрого восстановления городской инфраструктуры. Однако уже к 1921 г. начались первые шаги на пути к оживлению экономики и социальной сферы [Некрасов: 112]. Курс на быстрый экономический рост и развитие города был обозначен на VI губернском съезде Советов в декабре 1920 г. с участием председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета М.И. Калинина. На съезде обсуждались планы восстановления экономики региона. Экономический подъем в городе особо проявился в росте населения: в 1922–1923 гг. численность увеличилась почти на девять тысяч, а в последующие годы – еще более чем на две тысячи ежегодно, свидетельствуя о притоке рабочих и специалистов, привлеченных к восстановительным работам и развитию промышленности. В этот период началось внедрение элементов плановой экономики.

Судить о развитии экономики города мы также можем по работе банков. Так, уровень кредитования кооперативных и частных предприятий рос ежегодно [Лебедев: 34]. Таким образом, НЭП провоцировал быстрый экономический рост города, за которым следовали и социокультурные изменения. В особенно-

сти эти проявления новой экономической политики и изменений в жизни чутко воспринимались газетами и журналами [Владимиров: 5].

В первой половине 1920-х гг. в Вологде издавалось три крупные универсальные газеты для массового читателя: «Красный Север», «Вологодская жизнь», «Северянин». СМИ служили важнейшим зеркалом жизни, чутко реагируя на изменения в общественном сознании. Периодика 1920-х является важным источником по многим сферам жизни людей.

«Красный Север» – ежедневная партийная газета, являвшаяся органом нескольких партийных структур и органов власти; она оставалась единственной городской газетой, издававшейся на протяжении всего десятилетия, и продолжает существовать по сей день.

«Вологодская жизнь» выходила с июля 1922 по февраль 1923 гг. дважды в неделю, служила официальным органом Вологодского горсовета. В ней публиковались постановления городских властей, объявления, материалы по истории города, а также сатирические фельетоны, басни и стихи.

Газета «Северянин», издававшаяся с июня по октябрь 1922 г. (всего 18 номеров), представляла собой издание экономической направленности, выпускаемое бюро губернских организаций. На ее страницах публиковались фельетоны о НЭПе и городском хозяйстве, пейзажные стихи о природе Севера. «Северянин» была единственной частной газетой в городе, издавалась с июня по октябрь 1922 г. Издателем газеты было «Бюро Вологодских губернских экономических организаций». Интересно, что в активный конфликт с «Северянином» вступил «Красный север» [Петр от Вознесенья: 3], на что тот отвечал фельетонами. Так, мы находим такие строчки: *«Нет, каково! И бумагу нашли непманы и шрифт! И даже башмак в натуральном виде пропечатали! Вот, приблизительно, в каких выражениях приветствует появление “Северянина” “Красный Север”. Но этими ласковыми словами дело не ограничивается, “Красный Север” идет дальше. Он высказывает даже пожелание: Если “Северянин” не изменит своей физиономии (почему бы не сказать: с рожи, – было бы более стильно), то придется спросить: “диктатура, где твой хлыст?” Попросту говоря, это значит: Ежели ты такой сякой “Северянин” еще покажешься мне на глаза в таком виде, так я тебя, голубчика, так хлыстом “отлепортую”, что своих не узнаешь [Он: 4].* Этот локальный конфликт отображает не только борьбу за читателя, но и отношение редакции «Красного Севера» к частному изданию.

Помимо газет, важно отметить и журнал «Карусель», содержание которого практически полностью отдавалось под осмысление новой экономической политики. Стихи, фельетоны и рассказы журнала были юмористической и сатирической направленности.

Основное направление удара художественного слова – нэпманы, церковники и спекулянты, но также представлена сатира и на международные темы. «Карусель» – уникальное издание, единственный сатирический журнал Вологды и в целом одно из немногих подобных изданий на территории России в начале 1920-х гг. [Стыкалин: 312]

Всего в этих изданиях было выделено 762 произведения: короткие рассказы, стихи, басни, фельетоны и зарисовки. Из этого массива художественных произведений мы исключили тексты, посвященные традиционным советским мотивам: партийным лидерам, революции, труду и антирелигиозной агитации. Кроме критерия явной агитации и советского дискурса, мы также исключали произведения пейзажной лирики, общие бытовые зарисовки. Всего таких произведений нашлось 390 единиц. Получившаяся выборка была разделена на тематические категории.

В основе классификации лежит преобладающая идея произведения. Она выделяется с помощью часто встречаемых типажей, повторяющихся образов, сюжетов и тропов, что можно обобщить термином «социокультурный маркер» [Галиева: 14]. Именно социокультурные маркеры и позволяют отнести эти художественные работы в отдельные категории. Конечно, важно учитывать, что у каждого автора могут быть свои возобновляющиеся темы и идеи индивидуального творчества, но в данном исследовании мы берем большую хронологическую и тематическую выборку, что позволяет пренебречь авторскими особенностями.

Первая категория «Город и НЭП» охватывает произведения, в которых отражаются особенности развития городского пространства в условиях реализации новой экономической политики. В рамках данной категории исследуются темы модернизации городской инфраструктуры, социально-экономических преобразований, а также изменения в городской культуре и быте. Произведения этой категории позволяют проследить, как в литературе формировался образ города как центра перемен, прогресса и новых возможностей. Анализ таких произведений помогает понять отношение общества к процессам индустриализации, урбанизации и модернизации городской среды, а также их отражение в массовой культуре и идеологии того времени.

Категория «Пороки общества» включает произведения, в которых поднимаются вопросы социальных недостатков и деструктивных общественных явлений. Такие произведения часто имеют утилитарную функцию: служат инструментом критики существующих проблем и слабых сторон социального устройства. Фельетоны и рассказы здесь используют яркие образные средства для привлечения внимания к проблемам морали, порядка и социальной справедливости.

В категорию «Благоустройство города» включены произведения, посвященные вопросам улучшения городской среды: инфраструктуры, санитарии и внешнего облика Вологды. В рамках исследования эти художественные работы отражают стремление к созданию комфортного и современного городского пространства в условиях перемен эпохи НЭП. Анализ таких текстов показывает отношение общества к вопросам градостроительства, эстетики и санитарии, а также роль пропаганды благоустройства как части идеологии прогрессивного развития города. Эти произведения помогают понять ценности и приоритеты того времени в формировании облика современного города.

Категория «Город и деревня» включает произведения, в которых прослеживаются взаимосвязи и контрасты между городским и сельским образом жизни. Данная категория служит важным инструментом для анализа представлений о социально-культурных связях между городом и деревней, а также для выявления тенденций в изображении сельской жизни, её роли в общественной жизни.

Анализ показывает, что в газетах и доминирует тема «Город и НЭП», которая занимает практически половину (168 произведений, 43 %) от всех публикаций выборки. Это свидетельствует о значительной ориентации изданий на освещение социально-экономических преобразований, связанных с новой экономической политикой. В данной статье мы ограничимся подробным рассмотрением произведений данной категории.

Особо популярные темы для художественной интерпретации в данной категории – осмысление НЭПа и образ нэпмана, вопросы экономического благополучия города, в особенности роста цен и спекуляции.

Рассмотрим образ нэпмана. Для примера обратимся к журналу «Карусель». В 4-м номере журнала печаталось произведением «Нэпман. Современная сказка», в которой автор *«перевел на современный нэпмано-русский язык классические сюжеты»* [Биба-бо: 6]. По сюжету сказки в 1922 г. лирический герой на ковче-самолете прилетел в Вологду (*«Грязновато, но ничего, жить можно»*) и начал исследовать город, удивляясь его «сытости»: *«Идет, видит: магазин богатеющий – стекла зеркальные, вина заморские, пряники печатные, лимоны мессинские, масло прованское, чего-чего и не наставлено. Спросил у прохожего гражданина: Скажите, мол, пожалуйста, кто будет этому магазину владелец?»*

– Нэпман, – коротко ответил прохожий.

– Нэпман! Ишь, какая звучная фамилия!»

Описание сытой жизни и богатств нэпмана составляют большую часть сказки. Здесь мы выделяем юмористический прием – непонимание героем, кто такой «нэпман», и принятие его за некоего бога-

того иностранца с интересной фамилией. Такое обобщение всего НЭПа с неким абстрактным «дельцом», а не с кооперативами или государством встречается повсеместно. Это показывает, что вся новая политика воспринималась как явление, которое служит и обогащает не «народ», а лишь «нэпманов». Такое изображение отчуждения богатства от народа и государства в пользу нэпманов ярко показывает отношение к новым реалиям.

Финал сказки расставляет все на свои места: *«Долго ли, коротко ли так он мечтал о чужом счастье, только вдруг видит: ведут по мостового человека. Кругом конвоиров со строгими лицами. Думает: Попался, молодец, видимо, за скверные дела! И спрашивает:*

– Кого ведут?

– Отвечают: Нэпман!

– Как? Тот самый Нэпман, который...

И заплакал чужестранец, проклиная превратность судьбы».

Примечательно, что автор не намекает читателю на причину ареста, позволяя ему самому догадаться, что все богатства, описываемые им, были нажиты нечестным путем. На уровне художественного восприятия автор проявляет некое злорадство как эмоциональную реакцию на социальные перемены и конфликты эпохи. Оно вызвано задетым чувством справедливости в связи с сравнением уровня жизни нэпманов и простого народа. Таким образом, автор использует эти эмоции для усиления драматургического эффекта и подчеркивания конфликта между новыми слоями общества.

Другой подобный пример мы находим в поэме «Поп и НЭП, или На всякого мудреца довольно простоты» [Аверин: 5]. Структура произведений похожа: герой, в данном случае поп, дивится на новую жизнь: *«По базару захолустный ходит поп... / Столько всякого товару, что глаза полезли в лоб! / С кожей, с мясом, с рыбой лавки!»*

И опять герой задается вопросом, в чем же причина внезапного обилия товаров и богатства, и узнает, что она в НЭПе: *«НЭП, должно быть, иностранец! / Русской нет фамилии НЭП! / Швед, француз или испанец / Данный волею судеб. / Видно, мальй с капиталом...»*

Финал, однако, неоднозначен. Мы не находим карсиса – наказания, подобного аресту из предыдущей «сказки». Для попа все кончается оптимистично: *«Накупив жене обновок / Белых булок – поп Ермил / Без излишних установок / Восвояси укатил / Поклоняясь силе слепо / Восхваляя капитал / Поп с тех пор за службой НЭПа / Поминать “за здоровье” стал».*

Отношение резидента эпохи к НЭПу проявляется в фразе «поклоняясь силе слепо» и в общем изображении глупого персонажа, который не осознает

сути новой экономической политики. В произведениях того времени часто встречается общее восприятие НЭПа как непонятного и загадочного явления. Герои зачастую испытывают недоумение по поводу природы НЭПа, путая его с конкретными личностями, фамилиями или именами отдельных лиц. Такое отношение отражает недостаток информированности и сложность восприятия нововведений в обществе, а также показывает разрыв между официальной идеологией и массовым пониманием происходящих изменений.

Поп принимает нэпмана за своего «союзника», как того, кого можно «восхвалять» – в этом проявляется критика, осуждение. Так мы находим тенденцию связывания НЭПа с негативным, антисоветским образом. Религиозные мотивы в новой послереволюционной литературе к 1920-м гг. уже плотно ассоциировались с отрицательными героями, в число которых входила большая прослойка людей, попадавших под категорию «бывших» [Баранова: 28].

Другим примером любви «бывших», непролетарских элементов к НЭПу мы находим в газете «Вологодская жизнь», где публиковалась «юридическая фантазия в 2-х картинках с провалом “Экзамен”» [Нэп 1922: 4], описывающая, как старорежимный юрист готовится к экзамену по советскому праву. Так, его подготовка к экзамену превращается в попойку: *«Иванов: Черт возьми! Завтра экзамен, а в голове словно в Жилотделе. Настоящий, кавардак! Вот ежели бы догма или римское право, живо бы вспомнил о то.... Эх! Выпить разве для куражу (пьет). А теперь за здоровье Нэпа! (пьет). А теперь за священную собств.... Кхм... (пьет). А ну еще... за это... как его... (пьет)».* Как и в случае с попом, два осуждаемых образа – «бывший», уважающий собственность, и алкоголь ассоциируются с НЭПом, когда герой пьет за «здоровье нэпа».

Таким образом, олицетворение НЭПа населением – частая тема художественных текстов. Непонимание сути новой экономической политики и ассоциация его лишь с богатыми нечестными воротилами-«нэпманами» – черта ментальности населения провинциального города.

Сам нэпман в произведениях – образ негативный, но только с точки зрения сатиры. Осуждения или отрицания в произведениях встречается мало, скорее играют чувства зависти, но не злости. Так, в журнале «Карусель» представлен такой стих про НЭП: *«(Читается нэпманами вместо утренней молитвы). НЕП-репятствуй НЕП обману НЕП-огода / НЕП-олдня, НЕП-олнедели, НЕП-олгода. / НЕП-родажа НЕП-оману НЕП-ривычна, НЕП-риватна, НЕП-олезна, НЕП-рактична. / НЕП-латеж НЕП-огащать НЕП-ерестану / НЕП-оперечить НЕП-обману! НЕП-реклонный НЕП, /НЕП-робудет*

НЕП-обман НЕП-редводимый. Чур меня! Чур меня! Чур меня!» [Лесовик: 4]. Эта скороговорка – высмеивание нового образа жизни с новыми капиталистическими ценностями.

Перейдем к рассмотрению художественного осмысления проблемы НЭПа – спекуляции. Термины «спекулянт», «спекуляция», «спекулька», «спекуль» – самые часто встречаемые в этой категории произведений.

Общее представление о влиянии НЭПа на благополучность жизни горожан выражается в стихе «До пришествия к нам НЭПа» [Рош: 3], в начале которого лирический герой рассказывает о трудностях «прошлой» жизни: «*До пришествия к нам НЭПа / Наша жизнь была нелепа: / Хлеба фунт – пятьсот монет / Масла на базаре нет / Ситцы были недоступны / Солью торговать преступно / Все кричали: вольный торг / Бестоварье бы исторг*».

Здесь примечательно признание в ожидании и надеждах на «вольный торг». Однако надежды не оправдались: «*Как дождались мы НЭПа / Ста-ла жизнь совсем свирепа: / Сколько стоил прежде хлеб – / Стоит то теперь пять реп, / В магазинах, на базаре, / Недостатка нет в товаре, / Недоступен только он: Что на вещь – то миллион! <...> Ста-ли все миллионеры / – Только в деньги нету веры. / Всяк спешит скорей их сбить. / Верно, бедным лучше быть*».

И здесь мы встречаем образ нэпмана: «*Кое кто, практичный в жизни. / Избежал дороговизны, / Забрался в новейший бест – / Поступил на службу в трест. / Тут ему живется вольно... <...> А нэповские дельцы / Нас стригут сильнее раз в десять, / И обмерят, и обвешают, / Обсчитают, обойдут, / Вокруг пальца обведут*».

В заключение стиха нам важно общее восприятие НЭПа в категориях «хитрости»: «*Сколько, ловок ты и слеп / Господин товарищ НЭП! / Вокруг носу ты все вьешься / Только к руки не даешься / Обещая много нам, / Только мажешь по губам. Как же быть с тобой поэту?*»

Таким образом, фельетонист отмечает, что, несмотря на улучшение материального положения у некоторых жителей города, вера в «торг» утрачена. Люди стремятся к сытости, но одновременно чувствуют и недоверие к новой системе, что отражает социальную напряженность и кризис моральных ценностей эпохи.

В стихотворении ярко выражено отношение автора к новым торговым реалиям: он показывает как позитивные стороны (улучшение жизни для простых людей), так и негативные – рост спекуляции, обманов («обмеряют», «обвешивают», «обведут вокруг пальца»). Образ «нэповских дельцов» символизирует новые социальные противоречия: с одной сторо-

ны, возможность зарабатывать и жить лучше, с другой – спекуляция.

В рубрике «Маленький Фельетон» «Вологодская жизнь» помещает произведение «Разговор оптимиста с пессимистом. (Из бытовых настроений)» [Нэп 1923: 3], где мы находим строчки, демонстрирующее отношение к общей экономической ситуации:

«– *А вас что клонит к мажору?*

– *Меня? Да вот хоть бы газеты. Читали, например, заметку о том, что ежедневная выручка каждого из вологодских ресторанов доходит за день до пяти тысяч рублей т. е. до пяти миллиардов по прошлогодней терминологии!*

– *Это по-вашему хорошо?*

– *Конечно. Повышение общей жизнерадостности. А потом от плохой жизни в рестораны не ходят.*

– *А, по-моему, это явление печальное. Пьянство, хулиганство, разврат и прочие пороки, отсюда вытекающие – вот результат ресторанного благополучия.*

– *Ну, батенька, на вас не угодишь.*

– *А видели вы в газете табличку безработных, зарегистрированных биржей труда. Около полторы тысячи безработных! Это как по-вашему? Благополучие?*

– *Ничего не вижу печального. Во-первых, это результат оздоровления учреждений: большинство безработных бывшие советские служащие».*

Неправильное понимание хозрасчета также было одним из актуальных вопросов на страницах «Вологодский жизни» и «Северянина». Этому посвящён фельетон «Хозрасчёт или хозграбеж» [Нэп 1922: 3]: «*В эту ночь я видел сон: Большая площадь. Толпа. Эшафот. Палач с топором. Громовой голос:*

– *Ты такое-сякое учреждение?*

– *Мы-с.*

– *По какому праву ты драло с жильцов миллиарды?*

– *Хозрасчет-с.*

– *Врешь! Это хозграбеж! А знаешь, чем это пахнет?*

– *Не можем знать-с.*

– *Вот он тебе сейчас покажет! И палач взмахнул топором...»*

Такие тексты раскрывали «грабительскую», по мнению фельетонистов газет, суть новой политики. Особое внимание газеты уделяли влиянию НЭПа на подрастающее поколение – в «Северянине» периодически встречаются рассказы о пагубном влиянии НЭПа на детей и подростков. Новый расцвет торговых отношений, по мнению авторов, воспитывает в подрастающем поколении жадность и эгоизм.

Так, примером тому служит маленький рассказ «Картинки жизни». В нем школьники рассуждают о своих мечтах и целях в жизни, выражая общее же-

ление иметь «миллионы» и быть «нэпманами» [Адский: 1922: 4].

При этом в «Красном Севере» НЭПу, экономической и финансовой стороне жизни города уделялось не так много внимания. В партийной газете эта тема построена на оппозиции к достойному, трудовому, пролетарскому образу жизни, а стиль исключает юмор и иронию. Встречаются лишь скупые слова осуждения, как, к примеру, в фельетоне «Тарифная эквилибристика» [Боб: 4]: *«Интересно, задумался ли наш Губпрофсовет над вопросом, чем и как существуют пресловутые “совработники”. Где декларированное центром удовлетворение “физиологических” потребностей рабочего и служащего? Где?»*

– На спекулке, – ответим мы. Туда жертвы тарифной эквилибристики волокут свои жалкие пожитки и там эта эквилибристика встречает полное одобрение».

Конкуренция в торговле – яркий признак расцвета торговых отношений в городе. Волновала вологодских фельетонистов и литераторов, к примеру, тема назойливой рекламы и конфликтов между пивзаводами в Вологде – «Новой Богемией» и «Новой Баварией». В 27-м номере «Вологодской жизни» за 1922 г. представлен взгляд из прошлого на Вологду 1947 г., где конфликт между пивзаводами перерос в геополитическое противостояние [Тит Бродяга: 4]. Довольно пугающим видится в этом сатирическом фельетоне предсказание войны России и Германии в 1940-х гг. и то, что пленные немцы будут участвовать в городском строительстве, как было и в реальности: *«Как известно, около того же времени происходила война России с Германией, и в Вологду высылались пленные немцы. Возможно, что немцев скопилось в Вологде столь изрядное количество, что в один прекрасный день они, пылая жаждой реванша напали на вологжан, победили их, захватили город и поделили его на Баварию и Богемию».*

Интересно, что по поводу этого фельетона высказался «Красный Север» в своей заметке «Мысли вслух» [А.К.: 3]. Автор отвечает на юмористический тон вполне серьезно, обвиняя в неприглядном изображении будущего города: *«Нэп с эпическим спокойствием летописца повествует о том, как на территории Вологды, накануне восьмисотлетнего юбилея нескладной, деревянной жизни, где несмотря на почтенный возраст, нет ни трамвая, ни канализации, ни настоящего водопровода; где на площадях можно потонуть в грязи, где в век небоскребов, аэропланов, радио, Штейнахов и Эйштейнгов сгорает чуть ли не четверть города, где громадный водный путь живет два три месяца в году, и необъятные пространства богатейшей земли отрезаны от всякого сообщения со столицей края».*

Интереснейшим отражением насущных проблем города была рубрика «Вологодский словарь», дающая определения важным явлениям городской жизни и вышедшая всего в двух номерах в 1922 г. [Нэп 1922: 3]. Здесь под прицелом сатиры оказывается большое количество вопросов, волнующих вологжан. Мы находим и проблемы благоустройства города: дрова в реке, грязь, мостки. «Словарь» обличал и пороки: «танцульки» названы трудовой повинностью, самогонка – важнейшим изобретением. Рубрика обличала НЭП, описаны спекулянты (*«Аппетит – предмет первой необходимости для спекулянта. Предмет роскоши для обывателя»*) и буржуи (*«Буржуй. Новейшее ругательное слово. Когда хотят кого-либо обложить, говорят: «Ах ты буржуй! И дядя твой буржуй, и бабушка буржуйка и дети твои – буржуята!» На что обычно отвечают: «От буржуя слышу»*). «Вологодский словарь» позволял и просто шутить: *«Велосипедист. Существо о двух колесах. Колесит где хочет, когда хочет и сколько хочет. / Коза. Существо о четырех ногах. Трет что хочет, где хочет и сколько влезет».*

В целом анализ показывает, что вологодские газеты эпохи НЭП сосредоточены преимущественно на теме социально-экономических преобразований города, отражая важность периода НЭП для формирования современного облика Вологды. При этом пропагандистская направленность особенно ярко проявляется в газете «Красный Север», где литературные формы служили инструментом идеологической работы с восприятием населением новой экономической политики. В то же время в газетах присутствовали элементы художественной лирики и критики общества, что свидетельствовало о разнообразии жанровых подходов к изображению городской жизни в этот период.

Таким образом, художественные тексты в вологодской периодике эпохи НЭП выступали отражением социально-культурных трансформаций региона, описывая как повседневную жизнь горожан, так и идеологические установки советской власти. Анализ публикаций местных газет позволяет выявить следующие особенности восприятия НЭПа вологжанами:

1. Чертой восприятия НЭПа стало малое понимание сути экономических и социальных изменений новой политики. Исходя из сюжетов произведений, мы заключаем, что зачастую население испытывает недоумение по поводу природы НЭПа. В художественном творчестве это выражается в соотношении его только с конкретными личностями, что демонстрирует разрыв между официальной идеологией и массовым пониманием происходящих изменений.

2. Художественное осмысление изменений НЭПа населением провинциального города строится только через призму образа «нэпмана» – богатого, нечест-

ного, хитрого дельца. При этом критика его строится на беззлобном, сатирическом высмеивании, а не на отрицании и отчуждении от общества. Сам нэпман в произведениях – образ негативный, но только с точки зрения сатиры. Осуждения или отрицания в произведениях встречается мало, скорее имеет место чувство зависти, но не злости. Образ этот часто соотносится, но не отождествляется с более клишированным негативным, антисоветским образом, к примеру, служителя культа.

3. Общее настроение населения, вызванное НЭПом, скорее удручающее. Несмотря на некоторое улучшение материального положения («изобилие товаров»), вера в «свободный торг» утрачена, так как на ней «наживаются» нэпманы. Произведения раскрывали «грабительскую» суть новой политики, отдельно отмечая негативное воздействие на мораль, в особенности на воспитание подрастающего поколения в атмосфере стремления к обогащению.

Список литературы

Источники

- А. К. Мысли вслух // Красный Север. 1922. 3 янв.
 Адский В. Картинки жизни // Северянин. 1922. 5 июня.
 Аверин И. Поп и НЭП, или На всякого мудреца довольно простоты // Карусель. 1922. № 1. С. 5.
 Боб. Тарифная эквилибристика // Красный Север. 1921. 8 дек.
 Би-ба-бо. Нэпман. Современная сказка // Карусель. 1922. № 4. С. 6.
 Лесовик. Заклинание // Карусель. 1922. № 1. С. 4.
 Нэп. Разговор оптимиста с пессимистом. (Из бытовых настроений) // Вологодская жизнь. 1923. 2 фев.
 Нэп. Вологодский словарь // Вологодская жизнь. 1922. 22 авг.
 Нэп. Хозрасчёт или хозграбеж? // Вологодская жизнь. 1922. 18 июля.
 Нэп. Экзамен // Вологодская жизнь. 1922. 11 авг.
 Рош. До пришествия к нам НЭПа // Северянин. 1922. 4 сен.
 Он. Тоскующие по хлысте // Северянин. 1922. 8 нояб.
 Петр от Вознесенья. Красное решето // Красный север. 1922. 7 июня.
 Тит Бродяга. Бавария и Богемия в Вологде // Вологодская жизнь. 1923. 17 окт.

Исследования

Баранова Е.С. Социальная категория «бывшие люди». Изучение понятия в современной науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6. С. 27–29.

Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки города / Ю.К. Некрасов, Р.П. Биланчук, А.В. Суворов и др.; под ред. Ю.К. Некрасова. Вологда: Древности Севера, 2004. 239 с.

Владимиров А. Издавались в городе журналы // Красный север. 1977. 26 апр.

Галиева К.С. Понятие маркера и его виды и функции: эволюция в науке и искусстве // Цифровая наука. 2022. № 2. С. 12–20.

Коковин Н.А. Гражданское население Вологды по переписи 1920 года // Жизнь города. 1922. № 1. С. 10–12.

Лебедев С.А. Финансовые учреждения Вологодского региона в 1920-е годы // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Исторические и филологические науки. 2023. № 3. С. 31–36.

Непеин Б.С. Первая литературная поросль // Красный Север. 1981. 21 июня.

Соколов А.С. Сворачивание нэпа: экономические факторы // ВТЭ. 2020. № 2. С. 122–126.

Стыкалин С., Кременская И. Советская сатирическая печать. 1917–1963. Москва: Госполитиздат, 1963. 442 с.

References

Baranova E.S. *Social'naja kategorija «byvshie ljudi». Izuchenie ponjatija v sovremennoj nauke* [Social category “former people”. Study of the concept in modern science]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences, Cultural Studies, and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues], 2014, no. 6, pp. 27–29 (In Russ.)

Galieva K.S. *Ponjatie markera i ego vidy i funkicii: jevoljucija v nauke i iskusstve* [The concept of a marker and its types and functions: evolution in science and art]. *Cifrovaja nauka* [Digital Science], 2022, no. 2, pp. 12–20. (In Russ.)

Kokovin N.A. *Grazhdanskoe naselenie Vologdy po perepisi 1920 goda* [Civilian population of Vologda according to the 1920 census]. *Zhizn' goroda* [City Life], 1922, no. 1, pp. 10–12. (In Russ.)

Lebedev S.A. *Finansovye uchrezhdenija Vologodskogo regiona v 1920-e gody* [Financial institutions of the Vologda region in the 1920s]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoricheskie i filologicheskie nauki* [Bulletin of Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences], 2023, no. 3, pp. 31–36. (In Russ.)

Nepein B.S. *Pervaja literaturnaja porosl'* [The first literary shoots]. *Krasnyj Sever* [Krasny Sever], 1981, 21 June. (In Russ.)

Sokolov A.S. *Svorachivanie njepa: jekonomicheskie faktory* [Curtailement of NEP: economic factors]. *VTJe* [VTE], 2020, no. 2, pp. 122–126. (In Russ.)

Stykalin S., Kremenskaja I. *Sovetskaja satiricheskaja pechat'. 1917–1963* [Soviet satirical press. 1917–1963]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963, 442 p. (In Russ.)

Vologda v minuvshem tysjacheletii. Oчерki goroda [Vologda in the past millennium. Essays on the city], Ju.K. Nekrasov, R.P. Bilanchuk, A.V. Suворov et al.; ed. by Ju.K. Nekrasova. Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2004, 239 p. (In Russ.)

Vladimirov A. *Izdavalis' v gorode zhurnaly* [Magazines were published in the city]. *Krasnyj sever* [Krasny Sever], 1977, 26 apr. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 12.09.2025; принята к публикации 13.09.2025.

The article was submitted 23.06.2025; approved after reviewing 12.09.2025; accepted for publication 13.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 40–47. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 40–47. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(470.311)''1933''

EDN DXBCJH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-40-47>

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭКСПОРТНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НКВТ СССР С ПРЕДПРИЯТИЯМИ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ВОПРОСАМ ВЫПОЛНЕНИЯ ЭКСПОРТНОГО ПЛАНА В 1933 Г.

Орешкин Олег Юрьевич, кандидат исторических наук, учитель истории ГБОУ «Школа им. И.С. Полбина», Москва, Россия, vicit1945@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1338-5053>

Аннотация. Статья посвящена изучению основных форм взаимодействия экспортных объединений Народного комиссариата внешней торговли СССР с объединениями государственной промышленности, сельского хозяйства и кооперации по вопросу выполнения экспортных планов на территории Московской области в 1933 г. Это первый год второй пятилетки, в течение которого советский экспорт впервые превысил импортные поставки. Определены границы Московской области в изучаемый период. Исследованы объемы экспортных планов, направляемых в адрес региональных контор экспортных объединений на территории Московской области. Изучены ассортименты товаров, передаваемых промышленностью и кооперацией в распоряжение экспортных объединений на основе плановых и внеплановых заданий. Уделено внимание классификации поставщиков продукции (государственная промышленность, промысловая кооперация и сельское хозяйство). Проанализированы показатели экспортных планов для каждого направления в отдельности (по Западу, Востоку, Торгсину). В статье подчеркивается особый статус Торгсина среди экспортных объединений, называются причины успешности его торговой деятельности, отмечаются особенности взаимодействия с покупателями. Изучены сводные результаты выполнения экспортного плана, а также для каждого направления в отдельности. Рассмотрены отрасли хозяйства, наиболее успешно выполнившие план, а также не преодолевшие плановые показатели. Представлен вклад районов Московской области в реализацию плановых показателей. В статье сделан вывод об экспортном потенциале экономики Московской области, вкладе ее предприятий в развитие внешней торговли СССР.

Ключевые слова: экспортные объединения, экспортные планы, Народный комиссариат внешней торговли СССР, Московская областная контора Торгсина, Московская область, плановые цены НКВТ СССР, государственная промышленность, промысловая кооперация.

Для цитирования: Орешкин О.Ю. Взаимодействие экспортных объединений НКВТ СССР с предприятиями Московской области по вопросам выполнения экспортного плана в 1933 г. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 40–47. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-40-47>

Research Article

INTERACTION OF EXPORT ASSOCIATIONS OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR FOREIGN TRADE OF THE USSR WITH ENTERPRISES OF MOSCOW REGION ON THE IMPLEMENTATION OF THE EXPORT PLAN IN 1933

Oleg Yu. Oreshkin, PhD in History, History teacher of Polbin secondary school, Moscow, Russia, vicit1945@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1338-5053>

Abstract. The article is devoted to the study of the main forms of interaction between export associations of the People's Commissariat of Foreign Trade of the USSR with associations of state industry, agriculture and cooperation on the implementation of export plans in Moscow Region in 1933. It was the first year of the second five-year plan during which, Soviet exports had exceeded imports for the first time. The boundaries of Moscow Region in the studied period are determined. The volumes of export plans sent to regional offices of export associations in Moscow Region, are investigated. We studied the assortments of goods transferred by industry and cooperation to the disposal of export associations on the basis of planned and unscheduled tasks. Attention is paid to the classification of product suppliers (state industry, rural cooperation and agriculture). The indicators of export plans for each direction separately (for the West, East, «Trade with Foreigners») were analysed. The article emphasises the special status of «Trade with Foreigners» (Torgsin) among export associations; we name the reasons for the success of its trading activities; we also note the peculiarities of interaction with buyers. We studied the summary results of the export

plan, as well as for each direction separately. We considered the sectors of the economy that had fulfilled the plan most successfully, and those that had failed to fulfil the planned indicators. The contribution of the districts of Moscow Region to the implementation of the planned indicators is presented. The article concluded about the export potential of the economy of Moscow Region, that contribution of its enterprises to the development of foreign trade of the USSR was considerable.

Keywords: Export associations, export plans, Soviet People's Commissariat of Foreign Trade, Moscow Regional Office of «trade with foreigners», Moscow Region, planned prices of Soviet People's Commissariat for Foreign Trade, state industry, rural cooperation.

For citation: Oreshkin O.Yu. Interaction of export associations of the People's Commissariat for Foreign Trade of the USSR with enterprises of Moscow Region on the implementation of the export plan in 1933. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 40–47. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-40-47>

Проведение политики индустриализации в СССР в 1930-е гг. обозначило потребность страны в накоплении золотовалютных резервов. Их главным источником становятся доходы, получаемые от советского экспорта. В дальнейшем эти ресурсы направлялись на закупку иностранного оборудования для нужд отечественной промышленности.

Актуальность статьи обусловлена:

– научной значимостью изучения опыта организации экспортной деятельности как фактора развития СССР в исследуемый период;

– востребованностью применения, полученных выводов, результатов, статистических данных для сравнительных оценок с экспортным потенциалом других регионов СССР;

– потребностью в применении исторического опыта взаимодействия торговых экспортных объединений с производителями, практики использования регионального экономического потенциала в организации экспортной деятельности страны для укрепления ее экономического суверенитета на современном этапе.

В советский период исследование вопроса о развитии внешней торговли СССР в 1930-е гг. представлено как в специальных работах [Зинченко, Мишустин], посвященных данной проблеме, так и в коллективных обобщающих трудах по экономической истории в целом [Касьяненко]. В исследованиях приводятся сводные данные в целом по СССР с указанием финансовых результатов экспортно-импортной деятельности в изучаемый период, рассмотрены ключевые экспортные товары и количественные объемы их реализации. Однако в работах не уделено должного внимания вкладу отдельных регионов СССР, отсутствует указание на региональную специфику поставляемых товаров, объемов отгруженной ими продукции, роли крупнейших предприятий регионов в экспортном плане.

На современном этапе внимание исследователей сосредоточено на поиске дополнительных сведений о практике реализации отдельных видов экспортной продукции (зерно, нефть, лесоматериалы), их роли в общей структуре экспорта в изучаемый период [Иголкин: 87–93; Кондрашин: 34–38; Косторичен-

ко: 152–168; Назаренко: 105–120; Рупасов 2018: 82–98; Рупасов 2019: 942–954].

Исследования сохраняют тенденцию к отраслевой, а не к территориальной направленности в изучении экспорта СССР, при этом предметом исследования, как правило, являются важнейшие статьи экспорта.

Однако советский экспорт был значительно шире, включал десятки видов продукции, и сведения о роли второстепенных товаров, их конкретных наименований в структуре внешней торговли носят отрывочный характер. К примеру, в исследованиях указываются данные по объему экспорта машиностроения, а о какой конкретно продукции, где и каким заводом она была произведена, не упоминается.

За скобками системных научных изысканий остается роль конкретных регионов страны в выполнении экспортных планов, вклад их отдельных государственных и кооперативных хозяйств.

Цель исследования – это комплексное изучение опыта мобилизации экономических ресурсов в деле выполнения экспортного плана на примере Московской области, отражение роли отдельных районов, предприятий, кооперативов, специфики производимой ими экспортной продукции в рассматриваемое время.

В статье предложен новый взгляд на историю внешней торговли. Вместо традиционного отраслевого подхода предложено изучение проблемы через призму региональной истории, где на первый план выходят вопросы не о том, как и кому экспортная продукция продавалась за рубежом, а кем и в каких условиях она создавалась на территории СССР. Региональный подход, безусловно, отражает научную новизну в исследовании темы. Он позволяет увидеть, что советский экспорт – это не только известные широким общественным кругам товары: зерно, древесина, ткани, нефть, но и продукция, получившая большую известность внутри СССР, однако малоизвестная для широкой аудитории исследователей в качестве товаров экспортного назначения. На примере Подмоскovie могут быть названы знаменитая богородская деревянная игрушка, знакомые для каждой советской хозяйки швейные машинки Подольского механического завода (бывшая фабрика «Зингер»),

косметическая продукция известной на всю страну фабрики «Свобода».

Ограниченность регионального подхода к исследованию проблемы на современном этапе объясняется тем, что документы о роли отдельных территорий в выполнении экспортных планов СССР в 1930-е гг. долгое время были закрыты и лишь в последние годы подлежали рассекречиванию. Источниковой базой статьи стали фонды Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО), государственного архива Ивановской области (ГАИО). Базис исследования составили впервые вводимые в научный оборот неопубликованные приказы, распоряжения, годовые отчеты фонда Управления уполномоченного Народного комиссариата внешней торговли по Московской области, находящиеся на хранении в ЦГАМО. Используемые источники подтверждают и детализируют устоявшийся в историографии вывод о роли экспорта в достижении целей индустриализации СССР в 1930-е гг.

Итак, в изучаемый период реализация внешнеэкономических связей осуществлялась Народным ко-

миссариатом внешней торговли СССР (НКВТ СССР). Новая структура была создана в ноябре 1930 г. в результате разделения Народного комиссариата торговли на два самостоятельных наркомата: Народного комиссариата снабжения СССР и Народного комиссариата внешней торговли СССР¹.

Важнейшим источником валютных доходов были поступления от экспорта. До 1933 г. расходы на импорт СССР превосходили экспорт. Так, на 1932 г. было закуплено оборудования на 704,0 млн руб., а товаров продано всего на 574,9 млн руб. Только к началу второй пятилетки, в 1933 г., доходы от экспорта впервые незначительно обошли затраты на импорт, соотношение составило 495,7 млн руб. против 348,2 млн руб. Положительный баланс составил 147,5 млн руб. [Осокина: 525]. Получаемые страной валютные ценности в дальнейшем направлялись на закупку иностранного оборудования и сырья для модернизации отечественной промышленности.

Выполнение общесоюзного экспортного плана обеспечивали экспортные объединения, которые находились в подчинении НКВТ СССР. В их числе: Текстильэкспорт, Союзпромэкспорт, Разноэкспорт, Экспортхлеб, Экспортлес, Торгсин и др.² Успеш-

Таблица 1

Сведения о выполнении экспортного плана по Московской области (на Запад) за 1933 г.
(в тыс. рублей в плановых ценах НКВТ СССР)⁴

Название экспортного объединения	План сдачи товаров*	Выполнение плана сдачи товаров	Внеплановая сдача товаров	Выполнение плана с учетом внеплановой сдачи товаров, %
Экспортлен	6 280,0	6 010,7	–	95,7
Плодоэкспорт	476,4	520,6	3,3	110,0
Лектессырье	421,0	753,8	105,5	204,1
Разноэкспорт	2 851,7	2 866,6	80,0	103,3
Экспортхлеб	286,5	385,5	–	134,6
Союзпушнина	7 857,7	7 117,4	–	90,6
Рыбконсервэкспорт	3,1	0,6	–	19,4
Экспортлес	1 756,9	1 978,6	21,6	113,8
Союзпромэкспорт	20 423,1	18 022,7	351,1	90,0
Табакэкспорт	630,0	803,2	–	127,5
Коверкустэкспорт	11 863,0	14 247,4	2 899,0	144,5
Техноэкспорт	1 241,4	625,9	11,4	51,3
Минерал-силикат экспорт	3 490,0	1 028,3	–	29,5
Международная книга	1 125,0	736,3	11,4	66,5
Инторгкнига	60,1	196,6	–	327,1
Итог**	58 765,9	55 106,4	3 671,1	–
Итог***	58 765,9	55 294,2	3 483,3	–

Примечания:

* Сдача товаров в адрес экспортных объединений осуществлялась от советской промышленности и кооперации.

** Показатели по выполнению плана и внеплановых поставок согласно данным, указанным в документе: путем сложения 55 106,4 и 3 671,1 тыс. руб. мы получаем общую сумму 58 777,5 тыс. руб.

*** Наши расчеты, полученные путем простого арифметического сложения. Они имеют различие с официальными данными за счет увеличения доли выполнения основного плана и сокращения доли внеплановых поставок. Однако путем сложения мы получаем то же число – 58 777,5 тыс. руб. Вероятно, составители документа допустили ошибку при расчетах.

ность внешней торговли напрямую зависела от мобилизации внутренних ресурсов страны. Экспортные объединения во взаимодействии с предприятиями, сбытовыми организациями государственной и кооперативной промышленности обеспечивали заготовку необходимых экспортных товаров.

Координацией этой работы в пределах исследуемой нами территории занималось управление управляющего НКВТ СССР по Московской области. Территория Московской области была образована в 1929 г., в ее подчинении находились 10 округов: Бежецкий, Калужской, Кимрский, Коломенский, Орехово-Зуевский, Московский, Рязанский, Серпуховский, Тверской, Тульский и 144 района [Рычкова: 9–10]. В 1930 г. в результате реорганизации области округа были ликвидированы, а из их состава были выделены районы [Рычкова: 15].

На территории Московской области для экспортных объединений НКВТ СССР в 1933 г. был установлен план заготовки товаров на сумму 125 411 тыс. руб.³ Экспортный план включал 3 направления: на Восток, на Запад и по Торгсину.

Рассмотрим выполнение плановых показателей на Запад в разрезе поставок основных товарных групп (табл. 1).

Данные таблицы 1 отражают выполнение плановых показателей в плановых ценах НКВТ СССР, а не в отпускных ценах промышленности. Это объясняется тем, что оценка внешней торговли велась в золотом исчислении. Двойственность цен отражалась и на оценке экспортных планов. В объяснительной записке к годовому отчету о выполнении экспортного плана отмечалось, что по ряду товаров квартальные планы давались то по реализационным ценам, то по отпускным, а годовой – по реализационным⁵.

В начале 1933 г. ряд экспортных объединений получили право напрямую согласовывать отпускные цены промышленности и кооперации и вести с ними расчеты. В частности, Коверскустэкспорт (ККЭ) и Торгсин самостоятельно договаривались об отпускных ценах по товарам, получаемым от промкооперации⁶. А разрывы цен между отпускными и реализационными ценами финансировались со стороны НКФ СССР. Торгсин стал вести расчеты непосредственно с Союзхлопкосбытом за поставку хлопчатобумажных тканей⁷.

К выполнению плана по Западу были привлечены 15 экспортных объединений. Из них два объединения – Союзпромэкспорт (СПЭ) и Коверскустэкспорт (ККЭ) – обеспечили выполнение плана свыше 50 %. Остановимся подробнее на рассмотрении вклада СПЭ и ККЭ в работу по заготовке товаров.

Данные, представленные в таблице, позволяют увидеть, что почти 33 % от общего объема заготовок на экспорт приходилось на товары по линии СПЭ.

Объединение преимущественно занималось покупкой товаров у предприятий текстильной и химической промышленности. В основе поставок от текстильной промышленности были хлопчатобумажные ткани. Объем их закупок составил чуть больше 10 млн руб., то есть свыше 50 % от всего плана по линии экспортного объединения на территории региона. Потенциал области в данной продукции обеспечивали имевшие многолетнюю историю прядильно-ткацкие предприятия региона. Среди них встречаем в документах фабрики, которые были переведены на обслуживание экспорта: Соболево-Щёлковская прядильно-ткацкая фабрика, фабрика им. Маркова, Семеновская шерстопрядильная и трикотажная фабрики⁸.

По линии химической промышленности львиная доля товаров приходилась на предприятия, входившие в состав государственного треста эфирно-жировых эссенций (ТЭЖЭ) и каучуковый завод в Москве. Они поставляли в адрес СПЭ мыло, парфюмерию, желатин, стеарин, глицерин, клей, велопокрышки⁹ и т. д. В число предприятий треста, в частности, входили косметические и парфюмерные фабрики «Свобода» и «Новая Заря» (выпускавшая знаменитые духи и одеколон «Красная Москва»).

Второй по значимости товарной группой была продукция, приобретаемая по линии экспортного объединения ККЭ. Основной план был реализован на сумму 14 247,4 тыс. руб., или 24,2 %, а с учетом внеплановых заданий – на 17 146,4 тыс. руб., что составило 29,1 % от всего плана по Западу.

ККЭ получал от промышленности продукцию в рамках плановых и внеплановых поставок почти по 40 товарным позициям, это был самый большой ассортимент в количественном отношении среди всех экспортных объединений. В числе товаров были набойки, шерстяные изделия, строчка и вышивка, подносы, мягкие игрушки, деревянные кустарные изделия, стиральные доски, рогожи и т. д.

Основу плана составили получение таких товаров, как набойка – 2782,5 тыс. руб., деревянные кустарные изделия – 3520,4 тыс. руб., спортивные ракетки – 1793,7 тыс. руб., строчка и вышивка – 1523,4 тыс. руб.¹⁰

Преобладание среди получаемой продукции кустарных изделий определило специфику поставщиков для объединения. В их основе не государственная промышленность, а промысловая и потребительская кооперация: МОСПО, Загорский райкультизпромсоюз, Мособлхимпромсоюз, Мосшвейсоюз, Рязтекстильсоюз, Тултекстильсоюз, Мостекстильсоюз, Москожпромсоюз и т. д. Таким образом, два экспортных объединения НКВТ СССР – СПЭ и ККЭ – вместе обеспечили выполнение общего плана для Московской области по направлению «Запад» на 60,4 %. Важно отметить, что успех СПЭ и ККЭ относитель-

но других экспортных объединений довольно условный, поскольку они не замыкались на отдельной отрасли промышленности, а наполнялись товарами разной хозяйственной направленности.

Отдельное внимание необходимо обратить на объемы и ассортимент продукции, полученной по линии Экспортхлеба. Поставки в адрес объединения ограничены яйцами, мясом кур и гусей. В документах мы обнаруживаем отсутствие в планах сдачи главного продукта – зерна¹¹. Добавим, что хлеб не сдавался регионом на экспорт как в предыдущие годы (1931–1932), так в последующие. Для сравнения скажем, что схожие наблюдения мы делаем и при изучении вопроса о выполнении экспортных планов в Ивановской промышленной области за 1933 г., где сдача в адрес Экспортхлеба включала продукты, не свойственные названию объединения: коровье масло и боровую дичь¹². Это можно объяснить тем, что производство хлеба не было главной сельскохозяйственной специализацией региона в сравнении с более плодородными районами.

Наиболее заметным проседание в выполнении плана было по линии Минералсиликатэкспорт, где главными товарными группами были фарфоровые и фаянсовые изделия. Выполнение плана обеспечивали Дулевский и Дмитровский фарфоровые заводы, а также Тверская фаянсовая фабрика им. Калинина. В целом план поставок был выполнен всего на 29,6 %, при этом отдельно по фаянсу план обеспечен вовсе на 18,4 %.

Общая цифра выполнения по Западу с учетом внеплановых поставок составила 58 777,5 тыс. руб.

Другим направлением экспортного плана стала сдача товаров в адрес Торгсина – Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами в СССР. Торгсин также был одним из объединений системы НКВТ СССР. Его главная задача – реализация промышленных и продовольственных товаров внутри СССР через собственную торговую сеть в обмен

на валютные ценности (золото, серебро, инвалюты, драгkamни) [Осокина: 11–12]. Учитывая, что Торгсин, также как и другие общесоюзные экспортные объединения, участвовал в получении валютных ценностей, он был приравнен по статусу к экспортному объединению и получал план реализации товаров (табл. 2).

Особенность данной таблицы 2 в том, что сведения представлены не в разрезе экспортных объединений, а в разрезе товарных групп. Это объясняется тем, что к 1933 г. Торгсин получал товары от советской промышленности напрямую, а не от экспортных объединений. Вместе с тем это не мешает нам выявить особенности выполнения плана на Торгсин.

На территории Московской области взаимодействие с промышленностью осуществляла Московская областная контора (МОК) Торгсина. Ее торговая сеть охватывала все крупнейшие районы Московской области¹⁴.

Мы видим, что общая сумма поставок промышленности в адрес Торгсина составила 51 523,2 тыс. руб. Анализ показывает, что главным направлением поставок в адрес торговой сети МОК была текстильная промышленность. Доля ее товаров от общего плана составила 57,3 %, а с учетом внеплановых поставок – 71,1 %. В отличие от плана поставок на Запад, основу текстильных изделий составили не х/б ткани, а трикотаж, что в сумме дало 11 040,0 тыс. руб., или 27,5 % от общего плана поставок¹⁵. Наряду с успехами по трикотажу и хлопчатобумажным тканям неудачным оказалось выполнение плана по готовому платью и белью, результат составил всего 24,3 % от плана по данному ассортименту. Причины просчетов Торгсина по этим товарам были отмечены в аппарате уполномоченного НКВТ СССР «Торгсин... тормозил реализацию товаров назначением неприемлемых цен...»¹⁶.

Отдельно необходимо остановиться на поставках по линии пищевкусовой промышленности. Выполнение основного плана выглядит довольно скромно

Таблица 2

Сведения о выполнении экспортного плана по Московской области (на Торгсин) за 1933 г.
(в тыс. руб. в плановых ценах НКВТ СССР)¹³

Товарная группа	План поставок	Выполнение плана поставок	Вне плановые поставки	Выполнение плана с учетом вне плановых поставок, %
Пищевкусовая промышленность	4 386,3	5 666,0	9888,5	354,6
Текстильная промышленность	29 050,0	23 082,6	5551,3	98,6
Химическая промышленность	1077,5	888,3	239,3	104,6
Кожевенная промышленность	3290,0	2342,3	859,8	97,3
Металлическая промышленность	994,0	871,9	757,6	163,9
Прочие отрасли промышленности	1489,7	1112,6	271,8	92,9
Лесная промышленность	–	–	2,8	–
Итого	40 287,5	33 963,7	17568,5	127,9

Таблица 3

**Сведения о выполнении экспортного плана по Московской области (на Восток) за 1933 г.
(в тыс. рублей в плановых ценах НКВТ СССР)¹⁸**

Товарная группа	План поставок	Выполнение плана поставок	Вне плановые поставки	Выполнение плана с учетом вне плановых поставок, %
Пищевкусовая промышленность	1 333,5	1262, 4	1 384,4	103,8
Текстильная промышленность	13 957,4	16 749,0	16 749,0	120,0
Химическая промышленность	1 974,8	1 413,8	1 492,7	75,6
Кожевенная промышленность	575,4	1 057,2	1057,2	183,7
Металлическая промышленность	3 098,6	7 104,2	7 398,6	238,8
Фарфоро-фаянсовая промышленность	1 203,3	256,1	256,1	21,3
Прочие отрасли промышленности	4 664,8	2 508,9	2 529,9	54,2
Итого	26 807,8	30 351,6	30 867,9	121,9

Таблица 4

Сводная таблица соотношения объема полученных товаров по направлениям экспортного плана по Московской области (с учетом внеплановых заданий) в 1933 г., %²¹

Доля сдачи товаров на Запад	Доля сдачи товаров на Торгсин	Доля сдачи товаров на Восток	Общее выполнение плана
41,6	36,5	21,9	100

ным – 5666,0 тыс. руб., или 14 % от общего плана сдачи по Торгсину. Однако это единственная товарная группа по линии объединения, где показатели плана были перевыполнены. С учетом внеплановых поставок доля сдачи товаров по пищевкусовой промышленности от общего плана заготовок возрастает до 38,6 %. Сдача продукции вне плана обеспечила перевыполнение плана по данной отрасли на 354,5 %. Отметим, что наибольший объем внеплановых поставок пришелся на муку – 5144,0 тыс. руб. и крупу – 2049,5 тыс. руб.¹⁷ Оба продукта составили основу реализации плана внутри товарной группы, их доля составила 164 % от плана по пищевкусовой промышленности.

Причина большого значения пищевой промышленности в поставках Торгсину в том, что в 1933 г. проблема обеспечения населения продовольствием была особо ошутима. Торгсин стал для населения источником дефицитных продовольственных товаров. Граждане взамен отдавали имевшиеся валютные ценности. Подтверждением этого факта является, то, что доля реализации продовольственных товаров в целом по стране через систему Торгсина составила в 1933 г – 82 % и только 18 % приходилось на промышленные товары [Осокина: 535].

Неясно, почему отчет по Востоку составлен в разрезе отраслей промышленности, а не по экспортным объединениям, как мы наблюдали в плане по Западу. В сравнении с планами по Западу и Торгсину, данный экспортный план был самым низким. Как и в предыдущих двух планах, преобладающей была продукция, получаемая от текстильной промышленности.

Текстильная промышленность выполнила более половины общего плана по Востоку и составила 62,4 %. В основе данной группы товаров были шелковые ткани и трикотажные изделия.

Привлекательными для экспорта на Восток оказались товары металлической промышленности. В сравнении с западным направлением вклад данной отрасли составил 26,5 % от общего плана по Востоку. В основе сдаваемых товаров были металлические и скобяные изделия, а также цветные метизы. Также значимыми для экспорта оказались швейные машинки (Подольский механический завод), сельхозмашины (Люберецкий завод жатвенных машин им. Ухтомского), автозапчасти (ЗИС им. Сталина)¹⁹. Вклад машиностроительных заводов Подмоскovie в экспорт особенно значим, если посмотреть статистику. Доля машиностроения и оборудования в общем экспорте СССР в 1933 г. составляла всего 0,9 % [Зинченко: 15]. Люберецкий завод, в отличие от заводов-гигантов (СТЗ, Ростсельмаш), экспортировал не трактора и комбайны, а специализировался на сноповязалках, жатках, веялках и т. д.

Вместе с тем в отчетах по Востоку, в отличие от отчетов по Западу, мы не встречаем такие направления экспорта, как заготовка лесоматериалов и пушнины.

Важно отметить, что в 1933 г. областью были освоены новые виды экспорта, всего 30 наименований товаров. Среди них: замша, велюр, дубовые стулья, китайские фонари, машинки для стрижки волос, велокамеры и велопокрышки²⁰ и т. д.

Данные таблицы 3 показывают, что главным направлением экспортного плана был Запад. Поставки

в адрес экспортных объединений по Западу почти в два раза превышали выполнение плана сдачи товаров на Восток. Важно отметить, что более трети поставок было направлено в адрес Торгсина, несмотря на то что он не занимался внешней торговлей в отличие от других экспортных объединений, а ориентировался главным образом на розничную торговлю внутри страны.

В целом в результате сдачи товаров экспортные объединения НКВТ СССР заготовили продукции на 141 167,6 тыс. руб., а общий план составил 125 411,0 тыс. руб. Экспортный план по региону был выполнен на 112,6 %²².

Оговоримся, что показатели по выполнению экспортных планов на территории Московской области – это лишь планируемые валютные доходы. Большинство товаров в рассматриваемый нами период отправлялось на заграничные склады непроданными, их еще предстояло реализовать, практика перехода к продаже товаров и заключению договоров внутри СССР только складывалась [Мишустин: 122–123].

Ведомственный подход к анализу выполнения экспортного плана показывает, что наибольший удельный вес приходится на предприятия Наркомата легкой промышленности СССР (НКЛП СССР) – 44,2 % и Всесоюзного совета промысловой кооперации (Всекомпромсовет) – 18,1 %²³.

Таким образом, на основе изученных материалов поставленная цель была достигнута, в работе удалось выявить экспортный потенциал региона и его специфику, что позволяет нам прийти к следующим выводам:

1. Экспортный потенциал региона обеспечивали различные хозяйственные субъекты – от небольших промысловых артелей до крупных промышленных предприятий. Подмосковье, сохраняя статус развитой текстильной территории, обеспечивало прочные позиции и в других отраслях производства. Регион ежегодно расширял список новых видов продукции экспортного качества. Опыт взаимодействия региона с экспортными объединениями подтверждает тезис о максимальной мобилизации внутренних экономических ресурсов страны для достижения целей индустриализации.

2. Общий объем произведенной экономикой Московской области экспортной продукции в 1933 г. составил 141,2 млн руб., что свидетельствует о значительном экспортном потенциале региона.

3. Предприятия региона наладили взаимодействие со всеми экспортными объединениями НКВТ СССР и обеспечили выполнение плана по всем направлениям (Запад, Восток, Торгсин).

4. Невыполнение планов поставок по ряду отраслей промышленности свидетельствуют о недостаточной технической оснащенности отдельных пред-

приятий Московской области, несвоевременности их сырьевого снабжения и завышенных ожиданиях со стороны экспортных объединений.

Представленный в статье массив статистических и фактологических данных выступает важным сравнительным ориентиром в изучении вклада региональных экономик в организацию внешней торговли СССР в 1930-е гг.

Примечания

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 804. Л. 6.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4433. Оп. 1. Д. 17. Л. 327 об.

³ Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 1948. Оп. 2. Д. 10. Л. 40.

⁴ ЦГАМО. Ф. 1948. Оп. 2. Д. 10. Л. 1–9.

⁵ Там же. Л. 35.

⁶ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.

⁷ Там же. Д. 24. Л. 92.

⁸ ЦГАМО. Ф. 1948. Оп. 2. Д. 19. Л. 35.

⁹ Там же. Д. 10. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 6–9.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-1285. Оп. 2. Д. 54А. Л. 5.

¹³ ЦГАМО. Ф. 1948. Оп. 2. Д. 10. Л. 10–17.

¹⁴ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 80. Л. 72 об.

¹⁵ ЦГАМО. Ф. 1948. Оп. 2. Д. 10. Л. 12.

¹⁶ Там же. Л. 57.

¹⁷ Там же. Л. 11–12.

¹⁸ Там же. Л. 18–22.

¹⁹ Там же. Л. 20.

²⁰ Там же. Л. 45.

²¹ Там же. Л. 8, 16, 22, 40.

²² Там же. Л. 40.

²³ Там же. Д. 19. Л. 10.

Список литературы

Внешняя торговля СССР 1918–1966 гг.: статистический сборник / ПЭУ МВТ СССР; под ред. В.С. Зинченко. Москва: Международные отношения, 1967. 242 с.

Иголкин А.А. Нефтяной фактор во внешнеэкономических связях России за последние 100 лет // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. № 1. С. 87–93.

Касьяненко В.И. Завоевание экономической независимости СССР. 1917–1940. Москва: Политиздат, 1972. 335 с.

Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в СССР в годы первой пятилетки и ее результаты // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 34–38.

Косториченко В.Н. Советский нефтеэкспорт и иностранный капитал в 1918–1932 гг. // Экономиче-

ская история. Ежегодник. Москва: РОССПЭН, 2005. С. 152–168.

Мишустин Д.Д. Внешняя торговля и индустриализация СССР: учеб. пособие // НИИ монополии внешнеторга. Москва: Международная книга, 1938. 222 с.

Назаренко Н.Н. Экспорт зерновых начала 30-х гг. XX в. в контексте голода 1932–1933 гг. // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 105–120.

Осокина Е.А. Золото для индустриализации: Торгсин. Москва: РОССПЭН, 2009. 592 с.

Рупасов А.И. Лесной экспорт СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и конкуренция на европейском рынке // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 1. С. 82–98.

Рупасов А.И. Нефтяная торговля СССР с государствами Балтии и Финляндии в 1920–1930-е гг. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 942–954.

Справочник по административно-территориальному делению Московской области 1929–2004 гг. / отв. ред. Е.И. Рычкова. Москва: Кучково поле, 2011. 895 с.

References

Igolkin A.A. *Neftyanoi faktor vo vneshneekonomicheskikh svyazyah Rossii za poslednie 100 let* [The Oil Factor in Russia's Foreign Economic Relations over the Past 100 Years]. *Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economic Bulletin of Rostov State University], 2008, no. 1, pp. 87–93. (In Russ.)

Kas'yanenko V.I. *Zavoevanie ekonomicheskoy nezavisimosti SSSR, 1917–1940* [The Conquest of Economic Independence by the USSR, 1917–1940]. Moscow, Politizdat Publ., 1972, 335 p. (In Russ.)

Kondrashin V.V. *Hlebozagotovitel'naya politika v SSSR v gody pervoj pyatiletki i ee rezul'taty* [The grain procurement policy in the USSR during the first five-year plan and its results]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2013, no. 4, pp. 34–38. (In Russ.)

Kostorichenko V.N. *Sovetskij nefteeksport i inostrannyj kapital v 1918–1932 gg.* [Soviet oil exports and foreign capital in 1918–1932]. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik* [Economic History: yearbook]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, pp. 152–168. (In Russ.)

Mishustin D.D. *Vneshnyaya trgovlya i industrializatsiya SSSR: ucheb. posobie. NII monopolii vneshnortorga* [Foreign trade and industrialization]. Moscow, Mezhdunarodnaya kniga Publ., 1938, 222 p. (In Russ.)

Nazarenko N.N. *Eksport zernovykh nachala 30-h gg. XX v. v kontekste goloda 1932–1933 gg.* [Grain exports in the early 1930s in the context of the 1932–1933 famine]. *Novejshaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia], 2016, no. 3, pp. 105–120. (In Russ.)

Osokina E.A. *Zoloto dlya industrializatsii: Torgsin* [Gold for industrialization: Torgsin]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 592 p. (In Russ.)

Rupasov A.I. *Neftyannaya trgovlya SSSR s gosudarstvami Baltii i Finlyandii v 1920–1930-e gg.* [Oil trade between the USSR and the Baltic States and Finland in the 1920 and 1930]. *Novejshaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia], 2019, vol. 9, no. 4, pp. 942–954. (In Russ.)

Rupasov A.I. *Lesnoj eksport SSSR v konce 1920-h – nachale 1930-h gg. i konkurenciya na evropejskom rynke* [Forest exports of the USSR in the late 1920s and early 1930s and competition in the European market]. *Novejshaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia], 2018, vol. 8, no. 1, pp. 82–98. (In Russ.)

Spravochnik po administrativno-territorial'nomu deleniyu Moskovskoj oblasti 1929–2004 gg. [Handbook on the administrative-territorial division of the Moscow region 1929–2004], ed. by E.I. Rychkova. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011, 895 p. (In Russ.)

Vneshnyaya trgovlya SSSR 1918–1966 gg.: statisticheskij sbornik [Foreign trade of the USSR 1918–1966], PEU MVT SSSR, ed. by V.S. Zinchenko. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1967, 242 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.06.2025; одобрена после рецензирования 19.08.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 14.06.2025; approved after reviewing 19.08.2025; accepted for publication 03.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 48–54. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 48–54. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

УДК 94(470)''1917''

EDN IGRROG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-48-54>

ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Генералова Светлана Владимировна, аспирант Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия, generalova_s69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6021-6688>

Аннотация. Вопросы, связанные с изучением быта и повседневности политической элиты, обладают устойчивой научной значимостью, поскольку именно элитарные группы выступают ключевыми акторами, определяющими социальные, экономические и политические процессы в обществе. В работах по повседневности жителей Кремля отмечается, что с первых лет советской власти существовал особый порядок распределения товаров и жилья. Кроме того, подчеркивается наличие большого количества персонала, поддерживающего стиль жизни политической элиты – от дворников и домработниц до портних и гувернеров. При этом сами руководящие работники считали такое положение оправданным, хотя иногда в дискуссиях предлагали устранить неравенство. Отдельное внимание уделено становлению Управления Кремлем и домами ВЦИК, которое занималось обслуживанием зданий, обеспечивало жителей топливом и прочими услугами. Помимо этого, в статье затронута проблема снабжения продовольствием сотрудников руководящих органов. В статье сформулирован основной вывод, что, несмотря на эгалитарные ценности, чем дальше был октябрь 1917 г., тем больше становилась разница между обычными гражданами страны и руководящими работниками. Обеспечение жильем, продовольствием и медицинским обслуживанием советского гражданина зависело от его социального положения и должности.

Ключевые слова: элита, повседневность, быт, снабжение, привилегии, нормы, неравенство.

Для цитирования: Генералова С.В. Жизнеобеспечение политической элиты в первые годы советской власти // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 48–54. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-48-54>

Research Article

THE LIFE SUPPORT OF THE POLITICAL ELITE IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER

Svetlana V. Generalova, postgraduate at the Centre for Gender Studies, Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, generalova_s69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6021-6688>

Abstract. Issues related to the study of the everyday life of the political elite have a stable scientific significance, since it is elite groups that act as key actors determining social, economic and political processes in society. In the works on the daily life of Kremlin very important persons, it is noted that from the first years of Soviet power, there had been a special order for distribution of goods, accommodation and the presence of a large number of personnel supporting the lifestyle of the political elite – from yardmen and housekeepers to dressmakers and governesses. At the same time, the politicians themselves considered that situation justified, although they did at times propose elimination of the inequality. Special attention is paid to the establishment of the Management of the Kremlin and the houses of the Central Executive Committee, which was engaged in building maintenance, provision of fuel and other services. In addition, the article touches upon the problem of food supply to the staff of the governing structures. The article formulates the main conclusion that, despite egalitarian values, the further October 1917 went, the greater was the difference between ordinary Soviet citizens and senior officials. The provision of housing, food, and medical care to a Soviet citizen did depend on their social status and position.

Keywords: elite, everyday life, life, supply, privileges, norms, inequality.

For citation: Generalova S.V. The life support of the political elite in the early years of Soviet power. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 48–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-48-54>

Вопросы, связанные с изучением политической элиты, обладают устойчивой научной значимостью, поскольку именно элитарные группы выступают ключевыми акторами, определяющими социальные, экономические и политические процессы в обществе. Однако комплексных исследований, посвящённых материально-бытовым условиям жизни политической элиты в ранний период советской власти, недостаточно. В связи с этим представляется необходимым проанализировать систему жизнеобеспечения этой группы граждан в первые годы советской власти.

В последние годы появились работы, посвященные разным аспектам этого вопроса. В.С. Измозик и Н.Б. Лебина приходят к выводу, что уже к середине 1920-х большевистская элита отказывается от «революционного аскетизма», живет в отдельных квартирах; количество персонала, обслуживающего здания, возрастает даже по сравнению с царским временем [Измозик, Лебина]. А.Р. Клоц указывает, что «для советской элиты домашняя прислуга служила бытовым признаком власти, была маркером социального статуса и привилегированного потребления» [Клоц: 21]. Ю.Л. Слезкин отмечает, что в Доме правительства 2600 «ответственных работников» с семьями обслуживали «от 600 до 800 маляров, дворников, плотников, садовников, электриков, официантов, вахтеров, полотеров, прачек и др.» [Слезкин: 11]. Кроме того, почти все ответственные квартиросъемщики имели право на дополнительную жилплощадь и пользовались спецраспределителями. О. Крайкова в статье «Непрерывная борьба из-за квартир...» [Крайкова] рассматривает все аспекты повседневной жизни Кремля в 1920–30-е гг. Т. Кондратьева смотрит на повседневность советских вождей в Кремле сквозь призму харизматического типа правления и замечает, что к 1930-м гг. у новых советских элит появился вкус к люксу, сформировался особый облик этой группы людей, который подчеркивал их избранность [Кондратьева: 114]. М.А. Виртанен анализирует способы получения одежды в предвоенные годы в СССР. Хотя в новом мире одежда должна была бы выражать «эгалитарные ценности», на деле для элиты даже в годы Гражданской войны были созданы закрытые распределители с конфискованной одеждой [Виртанен: 25, 32–33].

Таким образом, во всех работах отмечается особый порядок распределения товаров, жилья и наличие большого количества персонала, поддерживающего стиль жизни политической элиты – от дворников и домработниц до портних и гувернеров.

При этом закономерность привилегированного положения элиты в современной элитологии ни у кого не вызывает сомнений. М.А. Фельдман указывает, что основой благосостояния партийной номенклатуры, ее привилегированного положения в обществе стали

патрон-клиентские связи [Фельдман: 39]. А.В. Дука пишет о том, что элита может рассматриваться как социальная группа, контролирующая ресурсы и принимающая решения по их использованию в своих групповых интересах [Дука: 11, 14]. О.В. Гаман-Голутвина определяет политическую элиту как группу лиц, которая «отличается особыми социально-психологическими качествами, ценностями, стереотипами, нормами поведения, обладает властными ресурсами, что дает ей возможность принимать важнейшие политические решения, а также обеспечивает престиж и привилегированное положение» [Гаман-Голутвина, 99].

Изначально большевики равнялись на эгалитарные ценности, поэтому с первых дней советской власти они приступили к проведению революционных мер по понижению жалования высших служащих. В годы революции и Гражданской войны оклады ответственных работников мало отличались от заработной платы квалифицированных рабочих [Ходяков: 235–236].

Однако «ответственные работники» имели определенные привилегии, которые значительно повышали их уровень жизни. При этом они считали свое положение оправданным. Резолюция IX партийной конференции (Москва, 22–25 сентября 1920 г.) объясняла, что в условиях Гражданской войны появление «“ударных” (и потому фактически привилегированных) ведомств и групп работников» было неизбежно, потому что на них было необходимо сосредоточить все силы и средства республики¹.

После переезда из Петрограда в Москву сотрудники Совнаркома и ВЦИК разместились на территории Кремля. Для проживания семей им были выделены квартиры – в Кремле и Домах Советов, в которые были преобразованы центральные гостиницы города, такие как «Националь», «Метрополь», «Петергоф» и другие. В мае 1919 г. было создано Управление Кремлем и домами ВЦИК. В задачи Управления входило хозяйственное обслуживание зданий, ремонтные работы, обеспечение топливом, продовольствием, организация мастерских по ремонту и пошиву одежды и обуви и прочие услуги².

Жилищный отдел Управления ведал учетом жилых и нежилых помещений и зданий, отвечал за вселение, выселение и перемещение населения домов. Для обслуживания жителей нанимали швейцаров, вахтеров, истопников, часовщиков, полотеров, уборщиц, водопроводчиков и прочих персонал.

В круг ведения материально-инвентарного отдела входил учет инвентаря, его хранение и распределение. Почти все имущество в квартирах Кремля и домов ВЦИК – от чайной ложки до шкафа – было казенным, выдавали предметы по запискам от жильцов. В случае перемены места жительства выданное ранее имущество было необходимо вернуть. Иногда

жильцы обращались в Управление с просьбой оставить им выданное имущество, так как они не имели ничего своего³.

В течение 1920 г. работала Комиссия по обследованию Кремля ЦК РКП и Президиума ВЦИК. В декабре она представила доклад, в котором указывалось, что жилищные условия наркомов и других высших руководителей (Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, А.В. Луначарский и др.) хорошие, и эти товарищи в случае острой жилищной нужды могут быть уплотнены «без ущерба для работы»⁴.

Продовольственный отдел отвечал за снабжение и общее руководство столовыми⁵. 1 и 15 числа каждого месяца все проживающие в домах Управления и сотрудники, работающие на территории Кремля, получали обеденные карточки. Для сотрудников обслуживание было бесплатным, для «живущих не сотрудников» – за установленную плату⁶.

О проблемах с продовольствием в 1919 г. упоминает Л.Д. Троцкий: «Кормились тогда в Кремле из рук вон плохо» [Троцкий: 345]. Ему вторит кремлевский курсант Н.И. Данилов: «Суп состоял из воды, заболтанной ржавыми отрубями с запахом селедки, на второе была опять селедка с гарниром из пшенной каши и жидкий чай с одним куском сахара» [Павлюченков: 245].

В августе 1919 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) постановило «ввиду тяжелого продовольственного положения их и прямого голодания их и их семей» выдать членам коллегий Народных комиссариатов пособие в 5000 рублей, повысить им оклады как «особо необходимых и выдающихся специалистов»⁷.

Проблема продовольствия была решена летом 1920 г., когда Совнарком принял решение о выдаче усиленных пайков для «совершенно незаменимых работников центральных учреждений». «Месячная норма пайка: муки – 20 фунтов, масла коровьего – 1,5 фунта, масла растительного – 2 фунта, чая – ¼ фунта, сахару – 1 фунт, соли – 1,5 фунта, крупы – 7 фунтов, рыбы – 10 фунтов, мяса – 10 фунтов, овощей – 1 пуд, мыла – 1 фунт, спичек – 3 коробки»⁸.

В это время существовало множество «специальных пайков». В 1920 г. для рабочих электротехнической промышленности установили повышенную норму хлеба в 36 фунтов в месяц⁹. Таким образом, по хлебу паек сотрудников Совнаркома не отличался от усиленных пайков рабочих и был даже меньше, но превышал их по маслу, мясу, рыбе и проч.

Методологически это неверно, но если сравнить «совнаркомовский паек» с современной потребительской корзиной, то окажется, что он превосходит её лишь по рыбе, по остальным продуктам нормы почти равны¹⁰.

Однако исследователи отмечают, что спецпайки выдавали в полном объеме, в то время как обычные

отоваривали в соответствии с наличием хлеба в распределительных органах. Так, А.А. Илюхов пишет, что весной и летом 1919 г. городское население потребляющих губерний получало на душу в среднем 1 фунт хлеба в день при минимальной потребности для работающего человека минимум 2,5 фунта, учитывая, что других продуктов почти не было [Илюхов: 28].

Все сотрудники Кремля получали обеды, а иногда и ужины в столовых Кремля, которые относились к разным ведомствам и имели разные нормы отпуска продуктов. Столовая ВЦИК обслуживала все учреждения Кремля. В июле 1920 г. она отпускала 2620 обедов и 450 ужинов, в ноябре 1920 г. – 3625 обедов и 750 ужинов в день. Столовая ЦК РКП в июле еще не существовала, в ноябре продуктов отпущено на 900 обедов. Столовая Коминтерна обслуживала делегатов Коминтерна (фиксировано 600 чел.)¹¹.

Столовая СНК обслуживает наркомов и их заместителей, членов ВЦИК и их кандидатов, членов коллегий, а также, с особого разрешения Президиума ВЦИК, отдельных ответственных работников. В ней самые высокие нормативы. В июле 1920 она обслуживала в день по 350 обедов и ужинов, в ноябре 1920 – по 425 обедов и ужинов. На одного человека в ноябре 1920 г. в столовой СНК израсходовано картофеля 7,4 кг, муки ржаной 9,2 кг, мяса 9,1 кг, масла сливочного 1,7 кг, сахара 1,2 кг, сардин 3 коробки, сыра 0,7 кг, чая 0,016 кг, икры паюсной 0,4 кг, рыбы красной 2,1 кг.

Изучив нормы питания сотрудников Кремля в период ноябрь 1920 – июль 1921, Комиссия по обследованию Кремля ЦК РКП и Президиума ВЦИК пришла к заключению, что «нормы столовой Совнаркома и особенно Коминтерна необходимо пересмотреть в сторону значительного сокращения». Также она рекомендовала систематизировать «выдачи» продуктов ответственным работникам, установив твердую норму, чтобы некоторые товарищи не получали «по несколько раз в месяц»¹². При этом предложение Комиссии выступить с отчетным докладом на X съезде партии, чтобы «устранить всякие кривотолки, циркулирующие среди масс трудящихся», не было принято к рассмотрению¹³.

В том же деле архива хранятся списки лиц, получавших продукты сверх пайка из продовольственного отдела ВЦИК в ноябре 1920 г. и июле 1921 г. В итоге безусловным лидером в получении продуктов в ноябре 1920 г. стал В.И. Ленин, который получил 60 ф. мяса, 60 яиц, 18 ф. сыра, 5 ф. масла сливочного, 10 ф. огурцов, ¼ ф. дрожжей, 40 ф. муки, 10 ф. пшеницы, 5 коробок сардин, 5 банок консервов, 12 ф. сахара, 5 ф. икры, 12 коробок спичек, 0,5 ф. желатина, 3 ф. монпасье, 30 ф. муки ржаной, 2 ф. манной крупы, ¼ ф. чая, 0,5 ф. кофе, 100 шт. папирос, 2 ф. сала¹⁴.

По всей видимости, эти продукты предназначались не только для семьи самого В.И. Ленина, которая состояла из жены и сестры, но также для семьи его старшей сестры А.И. Ульяновой-Елизаровой и брата Д.И. Ульянова. С учетом всех родственников получается 6 взрослых и 2 ребенка (сын Дмитрия и воспитанник Анны). Указанная выдача добавила к пайку и столовым на человека ежедневно около 100 г мяса, 30 г сыра, 20 г сахара, по 8 г сливочного масла и икры.

В июле 1921 г., если посмотреть те же списки, Ульяновы не взяли почти ничего – 10 ф. сахара, 3 ф. хлеба, 2 ф. кофе, 2 ф. масла сливочного, 5 ф. сыра¹⁵. Возможно, это объясняется тем, что в это время Ленин по решению ПБ ЦК РКП отправлен в отпуск, который он проводит со своей семьей в усадьбе Горки¹⁶.

Указанные списки позволяют лишь констатировать, что, кроме совнаркомовских пайков, высшее руководство страны дополнительно получало продукты из продотдела ВЦИК. Как часто можно было туда обращаться, какие нормы существовали или их не было в принципе – сказать сложно. В докладе речь идет о необходимости регламентировать эти выдачи, потому что некоторые товарищи обращаются «по нескольку раз». Также мы можем судить о том, какие продукты в принципе могли быть в составе этих «продуктовых корзин». Так, в ноябре 1920 г. А.М. Коллонтай не получала никаких продуктов, в июле 1921 ей выдано 5 ф. муки белой, 9 ф. сахара, 9 ф. масла сливочного, 1 ф. икры, 2 пуда муки ржаной, 10 ф. пшеницы, 6 ф. компота, 7 ф. риса, 2 коробки сардин, 7 ф. сыра, 1 ф. кофе, 0,5 ф. чая, 3 ф. меда. Н.В. Крыленко упоминается лишь в июле 1921 г., когда ему выдали 3 ф. риса, 3 ф. манной крупы, 1 ф. чая, 20 ф. соли, 3 ф. мыла, 3 ф. риса, 2 ф. сыра, 10 ф. сахара¹⁷.

С учетом совнаркомовского пайка, выдач из продуктового отдела ВЦИК и норм столовых получается, что в день члены правительства и их семьи получали на одного человека более 400 г мяса или рыбы, около 100 г круп, 25 г масла сливочного на человека в день, что для этого периода представляется более чем удовлетворительно.

Нормы выдачи продуктов в 1920 – начале 1921 г. стабильны, несмотря на начинающийся голод. Сводки ОГПУ отмечают озлобленное настроение населения, рост бандитизма, низкую урожайность в ходе уборочной кампании лета 1921 г., плохое снабжение городов¹⁸.

К 1922 г. система снабжения высшего руководства была налажена окончательно. Доклад-отчет «О деятельности Управделами секретариата ЦК РКП и его отделов за время с 20 июля по 20 сентября 1922 г.» отмечает: основными вопросамихозколлектива за истекший период следует считать заготовительную работу и жилищный вопрос. «На продскладах имеется продуктов, коими можно обеспечить сотру-

дников ЦК пайком на 7 месяцев», некоторых продуктов – на 1 год. За отчетный период было закуплено через НКВТ 101 пуд какао, 794 п. сельди, 746 п. сахара, 700 п. риса, в разных трестах – 140 000 папирос, 1296 банок консервов, 400 пудов яблок. Указанные продукты продавались сотрудникам по цене на 40–100 % ниже рыночной. Документ подтверждает, что чем выше была занимаемая должность, тем ниже были цены, по которым отпускались товары. Также комиссия приняла меры для снабжения сотрудников мануфактурой, галошами и прочими товарами. По губкомам распределено 31 266 пайков¹⁹.

Остатками обедов столовых «откармливают скот в совхозе» Литвиново, который обслуживает ведомственные распределители и столовые. Ведомственные хозяйства были у большинства организаций. Так, у ВЧК был совхоз в Костино (усадьба А.Н. Крафта), у Наркомата земледелия – в Воскресенском (усадьба Н.К. фон Мекк), у ВЦИК – совхоз Горки (усадьба З.Г. Морозовой-Рейнбот). Как правило, до национализации на местах совхозов располагались передовые хозяйства, принадлежавшие частным лицам.

В целом по стране положение с продовольствием осенью 1922 г. удовлетворительное, о чем сообщают сводки ОГРУ – урожай в основных производящих районах хороший, крестьяне сдают продналог в срок: «16 сентября. Ярославская губ. Настроение крестьян хорошее... Продналоговая кампания проходит успешно»²⁰.

В Управление входил также транспортный отдел. Он организовывал содержание и эксплуатацию гужевого и автомобильного транспорта – заготовка фуража и топлива, уход и ремонт, руководство шоферами и конюхами.

В организации собственных лечебных учреждений в Кремле важную роль сыграла крайне тяжелая санитарно-эпидемиологическая ситуация в 1918–1920 гг., которая сложилась в стране в целом и в Кремле в частности. К октябрю 1918 г. на территории Кремля были созданы больница и амбулатория. Первоначально их услугами могли пользоваться все жители Кремля. Однако по мере снижения опасности заражения встал вопрос об упорядочении системы прикрепления к кремлевской амбулатории и больнице. В январе 1920 г. малый Совнарком принял решение о необходимости проверки больных «со стороны их социального положения и должности, занимаемых ими на советской службе»²¹. Профессор П.Н. Обросов в записке о необходимости сохранения особого статуса кремлевской больницы писал, что «санитарно-лечебная организация Кремля имеет достаточные основания для того, чтобы быть учреждениями sui generis /своего рода/... Нашего больного... нельзя ставить... в обычные рамки ухода и содержания... восстановления деятельности [этого больного]

в кратчайшее время ждет, быть может, чуть ли не половина республики» [Медицина: 95].

Не менее тяжелой была и ситуация с лекарствами. В апреле 1919 г. на территории Кремля открыли аптеку, бесплатную для большинства посетителей²². Сначала в ней обслуживались все, кто имел возможность войти на территорию Кремля. Однако, как и в случае с медицинским обслуживанием, аптека Кремля оказалась неспособной удовлетворить всех желающих. Поэтому со временем встал вопрос о составлении списков на отпуск медикаментов, согласованных с управделами Совнаркома [Зарубин: 27]. В начале 1920 г. аптеку включили в «первую очередь в план снабжения медикаментами из-за границы» и выделили дополнительные средства в размере 5 млн рублей [Медицина: 102–103].

С окончанием Гражданской войны эпидемии почти прекратились, задачей Лечсанупра стало повышение качества и количества медицинской помощи [Миронов: 95].

В рамках данной темы важно отметить резолюцию «О материальном положении активных партработников», принятую на XII Всероссийской конференции РКП(б), проходившей 4–7 августа 1922 г. Обычным членам партии было предложено не питать иллюзий относительно возможности улучшения бытовых условий за счет партии. Однако для активных партработников (то есть руководителей) было решено повысить оклады, обеспечить их «в жилищном отношении (через местные исполкомы), в отношении медицинской помощи (через Наркомздрав), в отношении воспитания и образования детей (через Наркомпрос)». Таким образом, партия продолжила курс на сохранение неравенства своих членов, сосредотачивая силы и средства на особо ценных работниках, обязывая советские и государственные учреждения обеспечивать им комфортные условия жизни. Указанную резолюцию можно считать анонсом официальной системы льгот для партийного аппарата.

Таким образом, можно сделать вывод, что после прихода к власти большевистское правительство придерживалось эгалитарных ценностей. Зарплата руководителей партии и государства была кратна, а иногда и равна зарплате квалифицированных рабочих. Однако законы, касающиеся элиты, справедливы и для высших чиновников Советской России, хотя само слово в отношении них никогда не упоминалось. Являясь группой, контролирующей ресурсы и принимающей решения по их использованию, она неизбежно должна была прийти к привилегированному самоснабжению. Что и прозвучало в Резолюции IX партийной конференции, которая зафиксировала, что появление фактически привилегированных ведомств и групп работников, на которых сосредоточены все силы и средства республики, неизбежно.

Все сотрудники центральных учреждений прикреплялись к кремлевским столовым. В 1918–1919 гг. питание в них было скудным, но с 1920 г. можно констатировать, что нормы продуктов в столовых стали высокими, а меню разнообразным. С момента принятия Положения о выдаче усиленных пайков летом 1920 г. для «совершенно незаменимых работников центральных учреждений» можно говорить о складывании системы привилегированного снабжения. По нормам этот паек значительно превышал усиленные пайки квалифицированных рабочих. И конечно же, товары «ответственным работникам» отпускались по самым низким ценам.

Плохое снабжение этой группы продовольствием в годы Гражданской войны связано скорее с неумением организовать это снабжение, чем с отсутствием ресурсной базы. Доказательством этого вывода может служить то, что в 1921 г. снабжение ответственных сотрудников центральных учреждений оставалось достаточным, несмотря на начинающийся в стране голод.

Жилищный вопрос для высших чиновников в принципе не стоял. Как показали доклады Комиссии по обследованию Кремля и домов ВЦИК 1920 г., товарищи из этой группы «в случае острой жилищной нужды могут быть уплотнены без ущерба для работы».

В дальнейшем система жизнеобеспечения элиты развивалась, но ее общий принцип – специальное снабжение, специальное медицинское обслуживание, специальное жилье – сохранялся.

Резолюция «О материальном положении активных партработников», принятая на XII Всероссийской конференции РКП(б) (1922 г.) стала анонсом официальной системы льгот для партийного аппарата.

Примечания

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2. Москва, 1983. С. 302.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–7.

³ ГАРФ. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 103. Л. 30, 35, 39, 40, 41. Д. 110. Л. 1–7.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 111. Л. 34–36.

⁵ Там же. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 22.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 7. Л. 11, 33.

⁸ Декреты Советской власти. Т. IX. Июнь – июль 1920 г. Москва: Политиздат, 1978. С. 335–336.

⁹ Там же. С. 298.

¹⁰ Состав потребительской корзины. URL: <https://journal.sovcombank.ru/glossarii/potrebitelskaya-korzina-chto-eto-sostav-i-stoimost> (дата обращения: 28.08.2025).

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 111. Л. 51–57.

¹² Там же. Л. 34–36.

¹³ Там же. Л. 36.

¹⁴ Там же. Л. 8 об.

¹⁵ Там же. Л. 26.

¹⁶ Биохроника В.И. Ленина. Т. XI (июль – ноябрь 1921). URL: <https://leninism.ru/biograficheskie-hroniki-lenina/111-tom-xi-iyul-noyabr-1921/3954-iyul-1921-tretya-dekada.html> (дата обращения: 25.02.2025).

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 111. Л. 19.

¹⁸ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: в 4 т. Т. 1. С. 384–386, 460–465.

¹⁹ Там же. С. 29.

²⁰ Там же. С. 692–693.

²¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 393. Л. 5.

²² ГАРФ. Ф. Р130. Оп. 3. Д. 350. Л. 64 об.

Список литературы

Виртанен М.А. Советская мода. 1917–1991. Москва: Яуза: Дримбук, 2021. 560 с.

Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 4. С. 97–103.

Дука А.В. Элиты в кризисном обществе // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 1. С. 5–36.

Измозик В.С., Лебина Н.Б. Жилищный вопрос в быту ленинградской партийно-советской номенклатуры 1920–30-х годов. URL: https://library.by/portalus/modules/building/readme.php?subaction=showfull&id=1617195287&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 03.04.2025).

Зарубин Г.П. Санитарный надзор Кремля в первые годы Советской власти. Москва: [Б. и.], 1967. 204 с.

Ильяхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 261 с.

Клоц А.Р. Домашняя прислуга как социальный феномен эпохи сталинизма: автореф. дис. ... канд. истор. наук / Пермский гос. нац. исслед. ун-т. Челябинск, 2012. 28 с.

Кондратьева Т. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 207 с.

Крайкова О.К. «Непрерывная борьба из-за квартир...»: Повседневная жизнь Кремля в 1920–30-е гг. Родина. 2011. № 8. С. 33–42.

Кремлевская медицина (От истоков до наших дней) / С.П. Миронов, Ю.Л. Перов, В.М. Цветков, В.М. Ястребов. Москва: Известия, 1997. 296 с.

Медицина и власть в России. Лечебно-санитарное управление Кремля. Москва: ИГ «ГЭОТАР-Медиа», 2024. 304 с.

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. Москва: РКТ-История, 1997. 270 с.

Слезкин Ю.Л. Дом правительства. Сага о русской революции. Москва: АСТ, 2019. 976 с.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Москва: Вагриус, 2001. 572 с.

Ходяков В.М. Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. 312 с.

Фельдман М.А. Советская элита 1930-х гг.: проблема идентификации // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18, № 4. С. 29–45.

References

Duka A.V. *Elity v krizisnom obshchestve* [Elites in a crisis society]. *Vlast' i elity* [Power and the elite], 2022, vol. 9, no. 1, pp. 5–36.

Gaman-Golutvina O.V. *Opredelenie osnovnykh ponyatiy elitologii* [Definition of basic concepts of elitology]. *Polis* [Policy], 2000, no. 4, pp. 97–103.

Il'ukhov A.A. *Zhizn' v epokhu peremen: material'noe polozhenie gorodskikh zhitelei v gody revoliutsii i Grazhdanskoi voyny (1917–1921 gg.)* [Life in an era of change: The financial situation of urban residents during the Revolution and the Civil War (1917–1921)]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2007, 261 p.

Izmozik V.S., Lebina N.B. *Zhilishchnyi vopros v bytu leningradskoi partiino-sovetskoi nomenklatury 1920–30-kh godov* [The housing issue in the everyday life of the Leningrad Party-Soviet nomenklatura of the 1920s and 1930s]. URL: https://library.by/portalus/modules/building/readme.php?subaction=showfull&id=1617195287&archive=&start_from=&ucat=& (access date: 04.03.2025).

Feldman M.A. *Sovetskaya elita 1930-h gg.: problema identifikatsii* [The Soviet elite of the 1930s: the problem of identification]. *Discourse-Pi*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 29–45.

Khodiakov V.M. *Den'gi revoliutsii i Grazhdanskoi voyny: 1917–1920 gody* [The Money of the Revolution and the Civil War: 1917–1920]. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University Publ., 2019, 312 p.

Klots A.R. *Domashniaia prisluga kak sotsial'nyi fenomen epokhi stalinizma* [Domestic service as a social phenomenon of the era of Stalinism], PNRU. Chelyabinsk, 2012, 28 p.

Kondrat'eva T. *Kormit' i pravit': O vlasti v Rossii XVI–XX vv.* [To feed and edit: On power in Russia of the XVI–XX centuries]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2006, 207 p.

Kraikova O. «*Nepreryvnaia bor'ba iz-za kvartir*»: *Povsednevnaia zhizn' Kremli v 1920–30-e gg.* [“The continuous struggle over apartments.” Daily life of the Kremlin in the 1920s–1930s]. *Rodina* [Homeland], 2011, no. 8, pp. 33–42.

Kremlevskaia meditsina (Ot istokov do nashikh dnei) [Kremlin medicine (From its origins to the present day)], S.P. Mironov, Iu.L. Perov, V.M. Tsvetkov, V.M. Iastrebov. Moscow, Izvestia Publ., 1997, 296 p.

Meditsina i vlast' v Rossii: Lecheno-sanitarnoe upravlenie Kremliia [Medicine and power in Russia: The Kremlin's Medical and Sanitary Administration]. Moscow, IG GEOTAR-Media Publ., 2024, 304 p.

Pavliuchenkov S.A. *Voennyi kommunizm v Rossii: vlasti i massa* [War communism in Russia: the authorities and the masses]. Moscow, 1997, 270 p.

Slezkin Iu.L. *Dom pravitel'stva* [Government House]. Moscow, AST Publ., 2019. URL: <https://knigogo.net/chitat-online/dom-pravitelstva-saga-o-russkoj-revol'yutsii> (of access date: 06.15.2023).

Trotskii L.D. *Moia zhizn'* [My life]. Moscow, Vagrius Publ., 2001, 572 p.

Virtanen M.A. Sovetskaya moda, 1917–1991 [Soviet fashion, 1917–1991] Moscow, Yauza Publ., Drimbuk Publ., 2021, 560 p.

Zarubin G.P. Sanitarnyi nadzor Kremliia v pervye gody Sovetskoi vlasti [Sanitary supervision of the Kremlin in the early years of Soviet power]. Moscow, 1967, 204 p.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 31.08.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 31.08.2025; accepted for publication 03.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 55–62. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 55–62. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(470)“1937/1938”

EDN WNJBUM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-55-62>

О ПРОИСХОЖДЕНИИ «10 ЛЕТ БЕЗ ПРАВА ПЕРЕПИСКИ»

Капитанов Виктор Анатольевич, кандидат технических наук, ведущий специалист НИИ «Полус» им. М.Ф. Стельмаха, Москва, Россия, kapitanov_v_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2153-3848>

Аннотация. Статья посвящена изучению практики дезинформирования родственников расстрелянных по приговорам троек НКВД и Военной коллегии Верховного суда в период Большого террора устными сообщениями о приговоре 10 лет лишения свободы без права переписки. Показано, что нормирующие данную практику документы игнорируют существование Комиссии НКВД и прокурора СССР; применение подобной практики должно было создавать неразрешимые коллизии, поскольку часть смертных приговоров Военной коллегии открыто публиковалась; данные от родственников расстрелянных указывают различные сроки заключения, что невозможно в случае организованной по единому образцу дезинформационной кампании. Показано, что сведения о подобном дезинформировании впервые появились в ходе Винницкой эксгумации 1943 г., когда немецкие нацисты пытались выдать трупы убитых ими в 1941–1942 гг. евреев за трупы казненных НКВД в 1937–1938 гг. Не имея доказательств причастности НКВД к смерти эксгумированных, оккупационные власти были вынуждены заявить, что родственникам расстрелянных в НКВД устно сообщали о 10 годах без права переписки; на основании этих устных заявлений и была построена процедура «опознания» трупов. Сделан вывод о том, что в действительности в СССР не проводилась кампания дезинформирования родственников расстрелянных путем выдачи устных справок; все документы, связанные с данной практикой, нуждаются в тщательной проверке.

Ключевые слова: 10 лет без права переписки; Большой террор; Винницкая эксгумация; Военная коллегия Верховного суда; Комиссия НКВД и прокурора СССР, тройка НКВД.

Для цитирования: Капитанов В.А. О происхождении «10 лет без права переписки» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 55–62. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-55-62>

Research Article

ON THE ORIGIN OF “10 YEARS WITHOUT THE RIGHT OF CORRESPONDENCE”

Viktor A. Kapitanov, PhD in Engineering, leading specialist at Stel'makh Scientific Research Institute, Moscow, Russia, kapitanov_v_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2153-3848>

Abstract. The article examines the practice of misinforming relatives of individuals executed by sentencing of the NKVD «troikas» and the Military Collegium of the Supreme Court during the Great Purge through oral notifications of the sentence of 10 years of imprisonment without the right of correspondence. It is demonstrated that the documents regulating this practice ignore the existence of the NKVD Commission and the Prosecutor of the USSR; the application of such a practice was bound to create irresolvable conflicts, since some of the death sentences issued by the Military Collegium were openly published. The testimonies from relatives of the executed indicate varying imprisonment terms, which would be impossible in the case of a uniformly organised disinformation campaign. The study shows that information about such misinformation emerged during Vinnytsia exhumation of 1943, when the Nazis attempted to present the bodies of Jews who had been killed by them in 1941–42, as the victims of the NKVD executions in 1937–38. Having no evidence of the NKVD's involvement in the deaths of the exhumed, the occupying authorities had to state that the relatives of those executed by the NKVD had been verbally informed of “10 years without the right to correspondence” sentence. The procedure of “identification” of the corpses was built on the basis of those oral statements. The article concludes that in reality, no organised campaign of misleading relatives of those executed through oral notifications took place in the USSR. All documents related to this practice require thorough verification.

Keywords: «10 years without right to correspondence»; Great Purge; Vinnytsia exhumation; Military Collegium of Supreme Court; Commission of NKVD and Prosecutor General of Soviet Union; NKVD «troika».

For citation: Kapitanov V.A. On the origin of “10 years without the right of correspondence”. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 55–62. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-55-62>

Актуальность работы определяется продолжающейся специальной военной операцией. Государственность Украины строится на антикоммунистических основаниях, что официально закреплено, в частности, в законе № 2558, осуждающем коммунистический и нацистский тоталитарные режимы и запрещающем публичное отрицание «преступлений» СССР, тогда как Российская Федерация, согласно статье 67.1 Конституции, признается правопреемницей Советского Союза. В этих условиях украинская военная пропаганда, направленная как на собственное население, так и на российское, распространяет клевету не только на Россию, что в период боевых действий ожидаемо, но и на Советский Союз.

Агитационные материалы противника широко доступны и каждый может самостоятельно убедиться, что эта пропаганда базируется не только на искаженных данных о голоде в сталинское время, но и на ложных утверждениях о масштабах репрессий того периода. Отказ от преувеличений в этом вопросе позволил бы не только приблизиться к объективной истине, но и значительно ослабить воздействие антироссийской пропаганды.

Цель работы: показать несоответствие действительности представления о том, что родственникам расстрелянных в период Большого террора 1937–1938 гг. в органах НКВД давали ложную информацию о приговоре к 10 годам заключения без права переписки; эта информация была истинной, эти люди были не казнены, а действительно приговорены к заключению.

Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть следующее:

- официальные документы, описывающие дезинформирование устными справками о 10 годах без права переписки и их противоречие общеизвестной структуре внесудебных органов Большого террора, практике публикации смертных приговоров и общим целям Большого террора;

- воспоминания родственников репрессированных об устных справках про 10 лет без права переписки и их противоречия, указывающие на отсутствие централизованного регламентирования подобных сообщений;

- происхождение представления об эквивалентности расстрела и 10 лет без права переписки в материалах проведенной нацистами Винницкой эксгумации, включая:

- а) доказательство вины в Винницком расстреле не НКВД, а немецких и украинских нацистов;

- б) вынужденность создания геббельсовской пропагандой мифа об эквивалентности расстрела и 10 лет без права переписки в условиях отсутствия прямых доказательств вины НКВД в Винницком расстреле;

- в) связь между «опознанием» жертв Винницкого расстрела и возникновением представлений о 10 годах без права переписки;

- г) эволюцию мифа об эквивалентности расстрела и 10 лет без права переписки в нацистских документах, включая противоречия поздней и ранней версий;

- д) изготовление нацистами фальшивых документов с целью подтверждения мифа о 10 годах без права переписки.

1. Официальные документы о 10 годах без права переписки. Существование исследуемой практики дезинформирования подтверждается следующими документами:

- а) приказ¹ НКВД СССР № 00515 «О выдаче справок о местонахождении арестованных и осужденных» от 11.05.1939 г.;

- б) приказ² наркома внутренних дел и прокурора СССР № 00706 «О выдаче справок заявителям о лицах, осужденных по делам органов НКВД» от 04.06.1940; круг инстанций, чьи смертные приговоры следовало маскировать под 10 лет БПП – тройки НКВД – УНКВД и Военная коллегия Верховного суда СССР (ВКВС).

- в) докладная записка [ГУЛАГ: 133–134] начальника 1-го спецотдела НКВД СССР А.С. Кузнецова (сентябрь 1945 г.).

- г) докладная записка [ГУЛАГ: 134] В.Н. Меркулова, В.В. Чернышева, Б.З. Кобулова (сентябрь 1945 г.).

- д) докладная записка³ С.Н. Круглова, К.П. Горшенева, Р.А. Руденко, И.А. Серова и А.А. Волина о порядке рассмотрения заявлений граждан о судьбе репрессированных родственников от 18 ноября 1954 г.;

- е) директива⁴ председателя КГБ при Совете Министров СССР о порядке рассмотрения запросов граждан о судьбах репрессированных, приговоренных к высшей мере наказания, № 108сс от 24.08.1955 г.

В докладной записке В.М. Чебрикова⁵ «О порядке разрешения заявлений граждан о судьбе лиц, расстрелянных по решениям несудебных органов» от 04.07.1988 г. утверждается, что родственникам расстрелянных с 1939 г. сообщалось о приговоре к 10 годам без права переписки, с 1945 г. – о смерти осужденного в лагере, а в настоящее время – о казни, в связи с чем предлагается ранее выданные свидетельства о смерти заменить через ЗАГС новыми.

В изданном обществом «Мемориал» (признано иноагентом) сборнике [Право: 9–21] приведены примеры официального применения описанной процедуры: выдача вторых свидетельств о смерти с новой датой и новой причиной смерти.

Также подтверждает подобную практику имеющаяся в архивах официальная переписка⁶.

Однако руководствуясь приведенными документами, дезинформирование невозможно провести без грубых ошибок, ведущих к раскрытию обмана.

Так, не предусмотрено сообщать о 10 годах без права переписки родственникам приговоренных к высшей мере наказания (ВМН) так называемой «двойкой» (Комиссией НКВД и прокурора СССР). Таким образом, нормативная база, вводящая и описывающая рассматриваемую процедуру дезинформирования, противоречит структуре внесудебных органов периода Большого террора, важный внесудебный орган из практики 10 лет без права переписки исключен.

Предписывалось сообщать о 10 годах без права переписки родственникам приговоренных к ВМН не только секретными тройками НКВД, но и общеизвестной ВКВС, некоторые смертные приговоры которой публиковались⁷ в прессе. Неясно, что в такой ситуации следует сказать родственнику казненного по приговору ВКВС – информацию из газет или же то, что предусмотрено установленными правилами. Таким образом, нормативная база, предписывающая сообщать о 10 годах без права переписки, противоречит практике публикации смертных приговоров и создает для исполнителей неразрешимые коллизии.

Мало того, практика сокрытия приговоров к ВМН противоречит целям Большого террора, какими бы они ни были. Считая Большой террор, согласно концепции О.В. Хлевнюка [Хлевнюк: 11–23], инициированным высшим партийным руководством демонстративным насилием с целью устрашения общества, невозможно понять цели сокрытия казней, особенно с учетом широкого освещения смертных приговоров бывшим высшим руководителям.

Если же рассматривать Большой террор в соответствии с концепцией А.Н. Дугина [Дугин: 14–25] заговором в НКВД с целью разжигания гнева народа против руководства страны и провоцирования восстания, сокрытие расстрелов вместо должного их афиширования еще более необъяснимо.

2. Воспоминания родственников репрессированных о 10 годах без права переписки. Несмотря на очевидную невозможность наличия на руках у родственников письменных документов, ибо сведения предоставлялись только устные, – один все же имеется: «Чтобы получить хоть какую-то справку о судьбе арестованного мужа, Наталья Дмитриевна Шаховская-Шик пришла в справочную НКВД на Кузнецком Мосту и подала записку, что она глухая и просит ответить ей письменно. На этой же бумажке сотрудник НКВД написал: “Выслан в дальние лагеря без право [так в документе] переписки”» [Право: 10].

Здесь показательно отсутствие упоминания о 10 годах, несмотря на выдачу справки официальным лицом.

В мемуарной литературе (а иных источников об устных справках быть не может) отклонения от канона 10 лет без права переписки еще более явственны, хотя есть и воспоминания родственников

репрессированных именно десятилетнем сроке [Леонова: 142].

Так, в романе Н. Марченко (Нарокова) «Мнимые величины» упоминается 8 лет БПП [Нароков: 76], в воспоминаниях родственников меннонитов [Редькина: 64] – 25 лет БПП. Сохранились свидетельства о 5 годах БПП⁸ и о 14 годах БПП⁹.

Однако если бы дезинформирование действительно регламентировалось документами НКВД, то срок был бы одинаков во всех случаях.

3. Винницкая эксгумация. Впервые было сказано «10 лет без права переписки означает расстрел» в ходе эксгумации немецкими оккупантами в 1943 г. массового захоронения в Виннице.

Базовый документ по данному вопросу – «Официальные материалы о массовом убийстве в Виннице» [Amtliches]. Кроме [Amtliches] для достижения цели работы рассматриваются и иные материалы: воспоминания очевидцев казней, донесения советских и нацистских спецслужб, а также публикации в коллаборационистской прессе.

3.1. Доказательство вины в Винницком расстреле немецких и украинских нацистов. Для правильной интерпретации используемого в статье материала необходимо понимать, что, вопреки утверждениям нацистов, ими были эксгумированы не жертвы Большого террора 1937–1938 гг., а убитые ими же в 1941–1942 гг. советские граждане, преимущественно евреи; доказательства этого ниже.

Место убийства. Всего было раскопано три захоронения, самое удаленное из которых – во фруктовом саду в Долинках – находится в городской застройке, всего в 1,8 км от расположенного в центре города здания Винницкого УНКВД, а самое ближнее – в парке культуры и отдыха, примыкающем непосредственно к зданию УНКВД [Amtliches: 9]. Однако на расстоянии всего 3–4 км от здания НКВД начинаются лесные массивы, более подходящие для тайных захоронений; расположение расстрельных рвов в черте города указывает скорее на демонстративную казнь оккупантами, чем на секретную казнь сотрудниками НКВД.

Орудия убийства. 6420 из 9432 погибших были застрелены безоболочечными пулями калибра 5,6 мм. Оружие под данный патрон в СССР применялось только в качестве учебного, спортивного или охотничьего, в НКВД оно табельным не было. В Германии же во время войны трофейные малокалиберные винтовки ТОЗ-8 и 9 использовались как табельное оружие под наименованиями Kleinkalibergewehr 205(r) и 206(r) [Gander: 254]; вооружались этим оружием полицейские подразделения, репрессировавшие гражданское население. Таким образом, сотрудник НКВД мог использовать малокалиберную винтовку для казни, но шуцман украинской вспомога-

ной полиции был это сделать обязан – иного оружия у него могло не быть.

Кроме убитых малокалиберным оружием и тупыми твердыми предметами, в раскопах обнаружены 2557 человек, убитых неизвестно чем. Таким образом, оружие, убившее более четверти жертв Винницкого расстрела, оккупанты предпочли скрыть, и единственное возможное объяснение этому – это было табельное оружие вермахта.

Женские и детские трупы. Доля женщин среди расстрелянных в годы Большого террора была невелика и не превышала нескольких процентов. Вопрос о расстрелах несовершеннолетних дискутируется, но даже по максимальным оценкам доля расстрелянных несовершеннолетних не превышала сотых долей процента, а потому вероятность нахождения среди девяти тысяч казненных хотя бы одного ребенка близка к нулю.

Нацисты отдавали себе в этом отчет, а потому в своих материалах они упомянули всего 169 женских трупов [Amtliches: 122] и ни одного детского. Однако Винницкая эксгумация была публичной, к раскопам приглашали корреспондентов коллаборационистской прессы, в статьях^{10,11} которой упоминалось значительное количество женских и детских трупов.

Показания свидетелей. Офицер вермахта Эрвин Бингель [Yad Vashem Studies: 283–299], находясь в плену, дал показания об увиденной им массовой казни в парке культуры и отдыха местных евреев (включая женщин и детей) украинскими парамилитари под руководством офицеров СС.

В справке начальника 4-го Управления НКГБ СССР П.А. Судоплатова¹² сообщалось о массовых расстрелах на западной окраине парка культуры и отдыха зимой 1941/42 гг. Таким образом, о точном месте одного из массовых расстрелов винницких евреев в СССР было известно до немецкой эксгумации.

После освобождения Винницы горожанин М.И. Соколов [Насильство: 455–458] свидетельствовал о массовых казнях евреев в сентябре 1941 г. в районе Долинок, в котором располагался фруктовый сад – еще одно место немецкой эксгумации.

Члены болгарской делегации¹³, приглашенные на Винницкую эксгумацию, после войны предстали перед судом и дали показания о постановочном характере раскопок и опознания.

Два члена «Зондеркомиссион Винница», организовавшей рассматриваемую фальсификацию – К. Гронер и Ф. Юрашек¹⁴ – дали показания о том, что в действительности убитые были расстреляны оккупантами, трупы пролежали в земле не более полутора лет, среди убитых были дети, а «опознание» проводилось на основании заявлений завербованных местных жителей о том, что их родственники якобы расстреляны НКВД.

Отметим, что кроме трупов и показаний родственников якобы казненных НКВД в распоряжении немцев была могила 15а [Amtliches: 17], заполненная документами. Среди этих документов нет ни одного расстрельного (приговор, направление на казнь, акт о расстреле и т. п.), есть лишь «нерасстрельные» документы НКВД (протоколы обыска, повестки в суд и т. п.), а также «гражданские» документы (письма, квитанции, членские билеты и т. п.) – и ни один документ из ямы 15а не может быть сопоставлен ни с одним трупом, они лежали отдельно.

У нацистов не было никаких прямых доказательств вины НКВД – ни свидетелей, ни пуль, ни гильз, ни расстрельных документов. В этих обстоятельствах единственным доказательством могли быть только показания родственников, якобы опознавших трупы своих близких в расстрельных рвах; обратимся к результатам опознания.

3.2. Процедура опознания и 10 лет без права переписки. Хотя из расстрельных рвов Винницы извлечены не казненные НКВД, но имена 491 из 679 опознанных родственниками при эксгумации удалось обнаружить в базе данных репрессированных «Бессмертный барак». Это означает наличие какой-то связи между опознанием трупов и арестами НКВД, но необязательно казнями.

В список якобы опознанных попало множество людей, приговоренных не к казни, а к лишению свободы, либо казненных, но не в Виннице, либо вообще не осужденных. Чтобы не перегружать текст, здесь будут приведены только их номера согласно списку опознанных: 20, 21, 45, 63, 129, 153, 154, 156, 157, 159, 161, 178, 183, 186, 189, 255, 261, 269, 284, 288, 314, 317, 381, 511, 530, 551, 671 [Amtliches: 215–248].

Наиболее показательны:

– 261 Панадий Онисия Семеновна, осуждена на 5 лет ИТЛ 08.09.43 г., 2 месяца жизни после эксгумации;

– 317 Бобик Давид Федорович, осужден Верховным судом УССР 25.03.45 г. на 3 года ИТЛ, 2 года жизни после эксгумации;

– 530 Голик Фома Родионович, осужден военным трибуналом и расстрелян 11.03.42 г., то есть когда советский военный трибунал явно никого не расстреливал в Виннице;

– 671 Ясинецкий Андрей Иванович, осужден «тройкой» УНКВД Винницкой обл. 18.11.37 г. на 10 лет, затем приговорен ОС МГБ 31.10.51 г. к ссылке в Красноярский край, 8 лет жизни после эксгумации.

Очевидно, списки опознанных составляли на основании показаний местных жителей об аресте родственников. Но мало того, среди опознанных трупов оказались:

– 183 Антонюк Григорий¹⁵, согласно сайту «Память народа», награжденный в Великую Отечествен-

ную войну медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды;

– 511 Вознюк Василий Тарасович¹⁶, награжденный, согласно сайту «Поиск», медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За оборону Сталинграда» и демобилизованный 02.12.1946 г.

Судя по представленным данным, а также по показаниям Юрашека, методика опознания была проста: любой мог заявить, что его родственник арестован в 1937–1938 гг., с тех пор его никто не видел, а выкопанный из могилы предмет одежды принадлежит именно ему; более ничего не требовалось. Именно так в списке опознанных оказались реально арестованные НКВД, несмотря на то, что НКВД не казнил эксгумированных в Виннице.

Этой процедурой воспользовались не только винничане, имевшие арестованных (но не расстрелянных) родственников, но и имевшие родственников-красноармейцев, – чтобы избежать репрессий оккупационных властей.

Но у родственников (как и в яме 15а) не было никаких документов о казни, потому появление легенды об устных справках НКВД стало неизбежным – без нее не было бы вообще никакой связи между трупами во рву и словами родственников.

Изначально нацисты планировали изготовить фальшивые документы, якобы выданные родственникам, в которых значилось бы 10 лет без права переписки. Это следует из донесения¹⁷ Айнзатцкоманды 6 о том, что тысячи винницких женщин получили в 1938 г. из НКВД справки о своих арестованных мужьях и сыновьях, в которых было указано 10 лет без права переписки, эти справки женщины носили с собой постоянно.

Сообщение Айнзатцкоманды 6 о тысячах справок 10 лет БПП было ложью, ни тысяч, ни даже нескольких штук широкой публике представлено не было,

ибо массовое изготовление фальшивых документов связано с риском разоблачения.

В [Amtliches: 201] представлен всего один подобный документ, составленный от имени не НКВД, а Военной прокуратуры СССР и имеющий явные следы подделки (см. слово «телефон» на рис. 1).

Нацистские пропагандисты, упрощая себе работу, в конечном итоге решили обойтись без документов вовсе и после описанных выше колебаний создали легенду: «Родственникам расстрелянных *устно* сообщали 10 лет без права переписки», хотя эта легенда противоречит их же собственным данным – как донесениям Айнзатцкоманды 6 о тысячах *письменных* справок, так и *письменной* справке о Ежовском.

В приложениях к [Amtliches: 255–282] представлены краткие интервью родственников «расстрелянных», в которых изложены различные варианты сообщения о 10 годах без права переписки. Из 28 интервьюированных:

- лишь восьми сообщили о 10 годах без права переписки;
- двоим просто не сказали, куда отправился из тюрьмы их родственник;
- троим сообщили, что их родственник сослан, но не уведомили о запрете на переписку (хотя разрешение переписки лишает смысла всю процедуру дезинформации);
- одному сказали, что родственник заключен на 12 лет и переписка запрещена;
- остальным сообщили, что родственник посажен и переписка запрещена, но срок не сообщили.

Эти данные подтверждают отмеченное в п. 2: никакой единой процедуры, обязательно предписывающей родственникам всех расстрелянных сообщать именно о 10 годах без права переписки, не соблюдалось.

Характерный штрих к «достоверности» сообщений о 10 годах без права переписки: жена красноар-

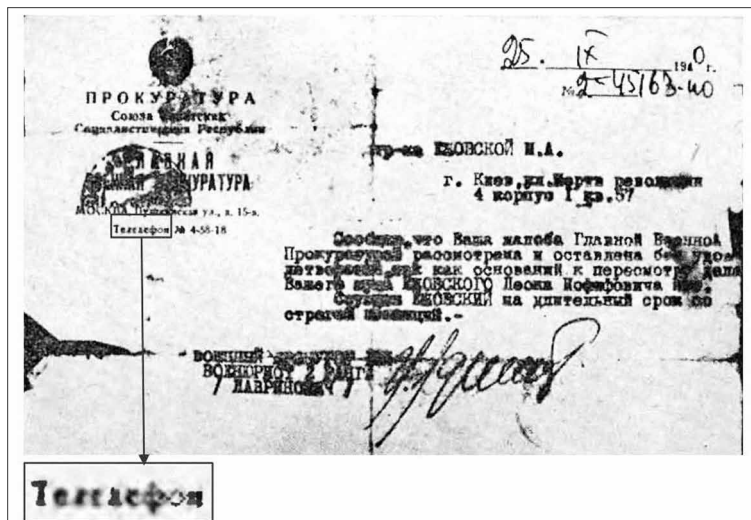

Рис. 1. Справка о якобы опознанном среди жертв расстрела Л.И. Ежовском

мейца Антонюка тоже якобы получила в НКВД такую устную справку.

Вдове Валериана Ивановича Заварова (умер в тюрьме от сердечного приступа) в НКВД сообщили, что ее муж был отправлен на Крайний Север, позднее ей сказали, что он умер от сердечного приступа [Amtliches: 264]. В этом сюжете заложено все современное представление о 10 годах без права переписки: сначала семье заключенного сообщают о вынесении приговора о лишении свободы, потом — о смерти в местах лишения свободы, потом выясняется, что родственник казнен.

Дочь Александра Павловича Северина рассказала, что в ее дом через два года после ареста отца пришел человек, представившийся освободившимся сокамерником Александра Павловича и сообщивший о том, что тот жив и здоров. Она решила, что это операция НКВД и попросила гостя опознать отца на групповой фотографии — и тот справился с проверкой [Amtliches: 268–269].

С учетом того, что Северин, якобы эксгумированный в парке культуры и отдыха, в действительности не был там погребен, есть все основания полагать, что через два года после ареста Александр Павлович действительно был жив и его сокамерник сказал правду.

Таким образом, сюжет о сотрудниках НКВД, посланных родственникам расстрелянных с целью скрыть правду о казни, был придуман еще в 1943 г.; примечательно, что в 1989 г. он был воспроизведен в книгах вдовы Исаака Бабея [Пирожкова: 228] и брата Михаила Кольцова [Ефимов: 62].

4. Заключение и выводы. На основании изученного материала нельзя исключить реальность ситуаций, в которых родственников заключенных (не казненных) действительно информировали о приговоре их близких к лишению свободы без права переписки.

Например, заключенному могли запретить переписку одновременно с осуждением или же позднее, по прибытии в ИТЛ, за нарушение режима. Подобное сообщение могло быть обычным недобросовестным выполнением должностных обязанностей сотрудником НКВД, нежелающим брать на себя труд по выяснению адреса заключенного. Это могло быть, наоборот, проявлением человечности со стороны сотрудника НКВД — сохранилось немало воспоминаний о том, как женам репрессированных рекомендовали не пытаться навести контакт с осужденными мужьями, а начинать новую жизнь.

Более того, родственник мог сам изобрести благовидный предлог для прерывания связи с заключенным (например, чтобы избежать репрессий), в силу устного характера справок проверить это никак нельзя.

Единственное, что можно утверждать на основании рассмотренного материала: организованной уни-

фицированной кампании дезинформации родственников *казненных* не было, сообщение родственнику о 10 годах без права переписки не означало расстрел.

Официальные документы, описывающие применение изучаемой практики дезинформирования, содержат упущения и противоречия:

— никак не регламентируются устные справки, выдаваемые родственниками приговоренных комиссией НКВД и прокурора СССР;

— родственникам расстрелянных по приговорам ВКВС, даже если приговоры опубликованы в прессе, по букве инструкции следует сообщать не о казни, а о заключении на 10 лет без права переписки.

В воспоминаниях родственников репрессированных не прослеживается единой централизованной кампании дезинформации: всем должны были сообщать срок 10 лет, но на практике уведомляли о заключении от 5 до 25 лет, а иногда срок не называли вовсе.

Все это дает основания предполагать, что тождество 10 лет без права переписки и казни — это миф.

Миф этот был создан нацистами в ходе Винницкой эксгумации с целью уйти от ответственности за массовые расстрелы евреев, он имеет опровержения как в материалах самих нацистов, так и в иных источниках о Винницком расстреле. Из сказанного следуют два вывода:

1. Случаи получения родственниками осужденного двух свидетельств о смерти — от болезни в ИТЛ в 1940-е гг. и ВМН в 1937–1938 гг. — следует тщательно изучить. Вероятно, эти люди были осуждены к длительному лишению свободы, ограничены в переписке (о чем и сказано родственникам) и умерли в заключении, а не были казнены.

2. Корпус архивных документов, в которых утверждается тождественность 10 лет без права переписки и расстрела, нуждается в проверке подлинности.

Примечания

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 33. Л. 135.

² ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 552. Л. 111.

³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 3286.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 4. Л. 115–117.

⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 113. Д. 253. Л. 2–4.

⁶ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 248. Л. 9–10.

⁷ Приговор Военной Коллегии Верховного Суда // Правда. 1938. 14 марта.

⁸ ДАХО. Ф. Р-6452. Оп. 1. Д. 5276.

⁹ ДАХО. Ф. Р-6452. Оп. 3. Д. 1499.

¹⁰ Обнаружены новые братские могилы жертв НКВД // Набат. 1943. 6 июля.

¹¹ Новый Катын // За Родину. 1943. 17 июля.

¹² ЦА ФСБ РФ. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 10. Л. 27–29.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 114. Д. 15; 16.

¹⁴ Гронер Курт и Юрашек Фриц // Государственный архив новейшей истории Смоленской области. URL: <https://archive-n.admin-smolensk.ru/deyatelnost/dokumenty-ufsb/groner-kurt-i-yurashek-ft/> (дата обращения: 08.06.2025).

¹⁵ Антонюк Григорий Иванович // Память Народа: портал. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie36361938 (дата обращения: 08.06.2025).

¹⁶ Сведения о Василии Вознюке из учетно-послужной картотеки // Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: портал. URL: <https://poisk.re/person/officers/3534821?ysclid=m5wya8comg456760648> (дата обращения: 08.06.2025).

¹⁷ Bericht über die Lage in der Ukraine vom Einsatzkommando 6. Arolsen Archives International Center on Nazi Persecution. DocID: 82355453. URL: <https://collections.arolsen-archives.org/document/82355453> (access date: 08.06.2025).

Список литературы

ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. А.Н. Яковлева. Москва: МФД, 2000. 888 с.

Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР: 1937–1938 (взгляд изнутри). Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2020. 341 с.

Ефимов Б.Е. Тайна судьбы Михаила Кольцова // Реабилитирован посмертно. Вып. 1, 2. Москва: Юрид. лит. 1989. 576 с.

Леонова Н.Б. Марианна Давидовна Гвоздовер – удивительный человек // Вестник Московского университета. Сер. XXIII: Антропология. 2017. № 1. С. 141–152.

Нароков Н.В. Мнимые величины. Москва: Художественная литература, 1990. 336 с.

Насильство над цивільним населенням України: документи спецслужб. 1941–1944 гг. / О. Боряк, В. Будницький, В. Васильев и др. Киев: Видавель В. Захаренко, 2018. 752 с.

Пирожкова А.Н. Годы, прошедшие рядом (1932–1939) // Воспоминания о Бабеле. Москва: Книжная палата, 1989. 336 с.

Право переписки. Связь воли и неволи: о письмах, посылках и свиданиях заключенных советских тюрем и лагерей / авт.-сост. Е. Жемкова, А. Козлова, Н. Михайлов, И. Островская. Москва: Agey Tomesh, 2017. 240 с.

Редькина О.Ю., Назарова Т.П. Проблема нелегальной эмиграции меннонитов Причерноморья в 1920–1930-х гг. (по воспоминаниям семей А. Герман и М. Рейтер) // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2020. № 2 (112). С. 62–66.

Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. Москва: Республика, 1992. 268 с.

Amtliches Material zum Massenmord von Winniza. Berlin, Zentralverlag der NSDAP, 1944, 284 s.

Gander T., Chamberlain P. Enzyklopädie deutscher Waffen: 1939–1945. Motorbuch Verlag, 2008, 356 s.

Yad Vashem Studies. Vol. 3. The Extermination of Two Ukrainian Jewish Communities: Testimony of a German Army Officer. Jerusalem, 1959, 323 p.

References

GULAG: Glavnoe upravlenie lagerei, 1918–1960 [GULAG: The main directorate of the camps, 1918–1960], ed. by A.N. Yakovlev. Moscow, MFD Publ., 2000, 888 p. (In Russ.)

Dugin A.N. *Tainy arkhivov NKVD SSSR: 1937–1938 (vzgliad iznutri)* [Secrets of the archives of the NKVD of the USSR: 1937–1938 (an inside look)]. Moscow, Berlin, Directmedia Publishing Publ., 2020, 341 p. (In Russ.)

Efimov B.E. *Taina sud'by Mikhaila Kol'tsova. Vyp. 1, 2* [The secret of Mikhail Koltsov's fate]. *Reabilitirovan posmertno* [Rehabilitated posthumously. Vol. 1, 2]. Moscow, Jurid. lit. Publ., 1989, 576 p. (In Russ.)

Leonova N.B. *Marianna Davidovna Gvozdover – udivitel'nyi chelovek* [Marianna Davidovna Gvozdover – an amazing person]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. XXIII: Antropologiya* [Bulletin of the Moscow University. Ser. XXIII: Anthropology], 2017, no. 1, pp. 141–152. (In Russ.)

Narokov N.V. *Mnimye velichiny* [Imaginary quantities]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990, 336 p. (In Russ.)

Nasil'stvo nad tsivil'nim naseleнням Ukraïni: Dokumenti spetssluzhb, 1941–1944 [Violence against the civil population of Ukraine: Documenting the special services, 1941–1944], O. Boryak, V. Budnitsky, V. Vasiliev et al. Kiev, V. Zakharenko Publ., 2018, 752 p. (In Ukr.)

Pirozhkova A.N. *Gody, proshedshie riadom (1932–1939)* [The years that passed nearby (1932–1939)]. *Vospominaniia o Babele* [Memories of Babel]. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 1989, 336 p. (In Russ.)

Pravo perepiski. Sviaz' voli i nevoli: o pis'makh, posylkakh i svidaniakh zakliuchennykh sovetskikh tiurem i lagerei [The right of correspondence. The connection between will and bondage: about letters, parcels and visits of prisoners of Soviet prisons and camps], author-comp. E. Zhemkova, A. Kozlova, N. Mikhailov. Moscow, Agey Tomesh Publishing House, 2017, 240 p. (In Russ.)

Redkina O.Yu., Nazarova T.P. *Problema nelegal'noi emigratsii mennonitov Prichernomor'ia v 1920–1930-kh gg.* [The problem of illegal emigration of the Mennonites of the Black Sea region in the 1920s and 1930s]. *Izvestiia AltGU. Istoricheskie nauki i arkheologiya* [News of Altai State University. Historical sciences and archeology], 2020, no. 2 (112), pp. 62–66. (In Russ.)

Hlevnyuk O.V. *1937-i: Stalin, NKVD i sovetskoe obshchestvo* [1937: Stalin, the NKVD and Soviet Society]. Moscow, Republic Publ., 1992, 268 p. (In Russ.)

Amtliches Material zum Massenmord von Winniza. Berlin, Zentralverlag der NSDAP, 1944, 284 s.

Gander T., Chamberlain P. Enzyklopädie deutscher Waffen: 1939–1945. Motorbuch Verlag, 2008, 356 s.

Yad Vashem Studies. Vol. 3. The Extermination of Two Ukrainian Jewish Communities: Testimony of a German Army Officer. Jerusalem, 1959, 323 p.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 30.07.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 30.07.2025; accepted for publication 03.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 63–71. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 63–71. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 632:94

EDN UJLNNG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-63-71>

ПРОИЗВОДСТВО БОЕПРИПАСОВ НА ЗАВОДАХ № 260 И 521 В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1939–1943 ГГ.)

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Велибеков Эмиль Шагинович, аспирант, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, velibekov.99@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследуется становление и развитие оборонного завода № 260 в г. Владимире Ивановской области в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны. Хронологические рамки исследования охватывают 1939–1943 гг. Его строительство осуществлялось в соответствии с третьим пятилетним планом, предусматривавшим полное завершение строительных и пусковых работ на заводе к 1942 году. Основным видом продукции данного предприятия должны были стать боеприпасы и взрыватели к ним. Однако их выпуск был начат уже в 1940 г., и к началу Великой Отечественной войны завод № 260 стал действующим предприятием в системе Народного комиссариата боеприпасов СССР. Осенью 1941 г. значительная часть его оборудования вместе с материальными запасами и квалифицированными рабочими была эвакуирована на Урал, где в сложных условиях военного времени завод возобновил свою деятельность. Одновременно во Владимире зимой 1942 г. на базе прежнего производственного комплекса началось восстановление предприятия, получившего впоследствии наименование – завод № 521. Его производственной специализации во многом способствовало размещение на нем эвакуированного из Ленинграда конструкторского бюро, разрабатывавшего электровзрыватели для бомб и снарядов. В результате огромных усилий по организации деятельности завода № 521 к концу 1942 г. он вышел на сверхплановое производство продукции. В 1943 г. постановлением ГКО совместно с другим владимирским заводом «Автоприбор» он получил задание по производству взрывателей к противотанково-кумулятивным авиационным бомбам (ПТАБ-1,5). Для его выполнения на обоих предприятиях были построены новые и расширены прежние производственные мощности. В результате завод № 521 стал одним из ведущих предприятий в системе Наркомата боеприпасов, внесшим значительный вклад в достижение Победы в Великой Отечественной войне. При работе над статьей авторы опирались на документы из Российского государственного архива социально-политической истории, а также из Ивановского и Владимирского государственных архивов. Значительная часть использованных материалов впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Ивановская область, г. Владимир, третий пятилетний план, строительство оборонных заводов, завод № 260, Великая Отечественная война, производство взрывателей, эвакуация, частичная реэвакуация, завод № 521, трудовые достижения, Государственный Комитет Обороны, постановления, производственная кооперация, противотанково-кумулятивные авиационные бомбы.

Для цитирования: Околотин В.С., Велибеков Э.Ш. Производство боеприпасов на заводах № 260 и 521 в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны (1939–1943 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 63–71. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-63-71>

Research Article

PRODUCTION OF AMMUNITION AT FACTORIES NO. 260 AND 521 IN THE PRE-WAR PERIOD AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1939–1943)

Vladimir S. Okolotin, DSc in Philology, Associate Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Emil Sh. Velibekov, postgraduate, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, velibekov.99@mail.ru

Abstract. This article examines the formation and development of Defence Plant No. 260 in Vladimir, then Ivanovo Region, in the pre-war years and during the USSR participation in World War II. The chronological scope of the study covers the years 1939–1943. The construction of the plant was carried out in accordance with the Third Five-Year Plan, which aimed to

complete the construction and launch of the plant by 1942. The main product of this enterprise was to be ammunition and fuses. However, their production began in 1940, and by the very Axis aggression, Plant No. 260 had become an active enterprise within the People's Commissariat of Ammunition of the USSR. In the autumn of 1941, a significant portion of its equipment, along with its material reserves and skilled workers, was evacuated to the Urals, where the plant resumed its operations under the challenging conditions of wartime. At the same time, in the winter of 1942, the restoration of the enterprise, which would later become known as Plant No. 521, had begun in Vladimir on the basis of the former production complex. The establishment of a special design bureau in Leningrad, which developed electric fuses for bombs and shells, played a significant role in the plant's production specialisation. As a result of extensive efforts to organise the operations of Plant No. 521, by the end of 1942, it had surpassed its production targets. In 1943, by the decree of the State Defence Committee, together with another Vladimir-based plant, Auto Appliances, it was assigned the task of producing fuses for anti-tank shaped-charge aerial bombs. To fulfil this task, new production facilities were built at both plants, and existing facilities were expanded. As a result, Plant No. 521 became one of the leading enterprises in the system of the People's Commissariat of Ammunition, making a significant contribution to defeating Germany.

Keywords: Ivanovo Region, Vladimir, Third Five-Year Plan, construction of defence factories, Factory No. 260, World War II East Front, production of fuses, evacuation, partial re-evacuation, Factory No. 521, labour achievements, State Defence Committee of USSR, resolutions, production cooperation, anti-tank shaped-charge aerial bombs.

For citation: Okolotin V.S., Velibekov E.Sh. Production of Ammunition at Factories No. 260 and 521 in the Pre-War Period and During the Great Patriotic War (1939–1943). *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 63–71. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-63-71>

Постановка проблемы и историография. Производство боеприпасов на оборонных заводах Ивановской области (в границах до 13 августа 1944 г.) является малоизученной темой в региональной историографии. В изданиях советского периода об этом говорилось лишь общими фразами, и только в связи с рассекречиванием материалов в центральных и региональных архивах появилась возможность формирования цельного представления о производстве боеприпасов в Ивановской области в годы Великой Отечественной войны. К числу современных фундаментальных отечественных трудов следует отнести 12-томное издание «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» и его 7-й том, получивший название «Экономика и оружие войны». Значительный вклад в изучение темы исследования внесли сотрудники Государственного архива Владимирской области, выпустившие к 75-летию победы в Великой Отечественной войне уникальный сборник документов, на который также опирались авторы данной статьи. Кроме того, должное внимание ими было уделено работам В.К. Елисеева и Т.Я. Кайрода, посвященным деятельности предприятия «Точмаш», современном преемнике заводов № 260 и 521, а также труду авторского коллектива завода «Автоприбор» под руководством В.З. Дробизева. Определенная работа была осуществлена В.С. Околотиным, результаты которой были опубликованы на страницах «Вестника Костромского государственного университета» в 2020 и 2022 гг. Несмотря на заметные исследовательские достижения, дальнейшая работа в архивах позволяет находить новые документы, обогащающие представление о деятельности оборонных заводов в Ивановской области в годы войны. На их осмысление и направлена данная статья.

Итак, в предвоенные годы Ивановская область (в границах до 13 августа 1944 г.) была известна не только достижениями в текстильной, легкой и машиностроительной отраслях промышленности, но и успехами в производстве пулеметного вооружения, которое было сосредоточено в Коврове. Однако в 1939–1940 гг. в ходе выполнения третьего пятилетнего плана было начато строительство оборонных заводов во Владимире. Оно осуществлялось как путем перепрофилирования производственных мощностей ранее действовавших предприятий, так и через освоение новых площадок. В итоге предполагалось построить два завода – № 328 и № 287 – для Наркомата авиационной промышленности (НКАП) СССР и два – № 260 и № 303 – для Народного комиссариата боеприпасов (НКБ) СССР с вводом их в действие в 1942 г.⁴ Для обеспечения оборонных предприятий электроэнергией на реке Клязьме выше Владимира было начато строительство гидроэлектростанции. Поскольку формат статьи не позволяет отразить процесс строительства указанных предприятий, авторы приняли решение сосредоточиться на одном из них, а именно на заводе № 260 и его преемнике – № 521, которые своей продукцией внесли заметный вклад в достижение Победы в Великой Отечественной войне.

Завод № 260 до Октябрьской революции 1917 г. был известен как ткацкая фабрика купца Белова, выпускавшая хлопчатобумажную обивочную ткань. В период советского государства фабрика была национализирована и преобразована в предприятие «Пионер» с сохранением прежнего вида производимой продукции. В начале 1930-х гг. оно было перепрофилировано, и на его производственных мощностях был организован выпуск патефонов ПТ-3 и игл к ним. Отныне бывшая ткацкая фабрика «Пионер»

стала называться Владимирский грамзавод. В июне 1939 г. постановлением Совнаркома СССР Владимирский грамзавод был вновь перепрофилирован и передан в ведение Наркомата боеприпасов СССР с новым наименованием Государственный Союзный завод № 260 (далее завод № 260), а производство патефонов и игл было передано в г. Ногинск Московской области.

Завод № 260 возглавил Николай Григорьевич Юрин, в июле 1939 г. главным инженером предприятия был назначен Алексей Иванович Смирнов [Кайрод: 71]. Авторами установлены все руководители предприятия в предвоенные и военные годы, которые представлены в нижеследующей таблице (см.: [Кайрод: 71]).

Согласно новой спецификации на заводе № 260 планировалось выпускать снаряды различных типов и компонентов к ним⁵. Это было связано с тем, что в 1938 г. на вооружение Красной армии поступил ротный гладкоствольный миномет калибра 50 мм, разработанный в специальном конструкторском бюро № 4 машиностроительного завода № 7 имени М.В. Фрунзе (г. Ленинград) под руководством Б.И. Шавырина. К 1939 г. было налажено их серийное производство¹⁰. В свою очередь, взрыватели к минам указанного миномета (М-50) было решено изготавливать на заводе № 260. На рисунке 1 приведена номенклатура планировавшихся к изготовлению основных видов продукции:

За «неполный» 1939 г. предприятие выпустило 98 тыс. взрывателей М-50 и более 700 тыс. запальных трубок ЗТН. Освоение выпуска продукции на заводе № 260 проходило в ускоренном темпе, решение организационно-управленческих, производственных, кадровых и других проблем осуществлялось по мере их возникновения. Тем не менее архивные документы свидетельствуют о серьезных трудностях, возникавших при этом. О выполнении правительственных заданий заводом № 260 и другими оборон-

ными заводами Ивановской области в 1940 г. можно судить по информации секретаря обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцева в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и в Совнаркоме СССР В.М. Молотову. В ней, в частности, отмечалось, что «владимирский завод № 260, входящий в Наркомат боеприпасов, специальное правительственное задание по выпуску минометных головок «М-50» за январь месяц выполнил на 75 %. Основными причинами невыполнения задания по «М-50» является отсутствие надлежащей организации производства и наличия большого брака... Выполнение графика по выпуску «М-50» в феврале идет также неудовлетворительно...» В частности, на заводе отсутствовала соляная печь П-12 для закалки режущих инструментов, необходимых для штамповки и проточки деталей «М-50» и «ЗТН». Отмечались случаи нерационального использования (с превышением нормы по количеству) рабочих и простоя автоматических станков из-за отсутствия квалифицированных специалистов, некоторые станки не использовались в силу несвоевременного обслуживания и замены «расходников». Кроме того, наблюдались сложности со снабжением необходимыми инструментами⁵.

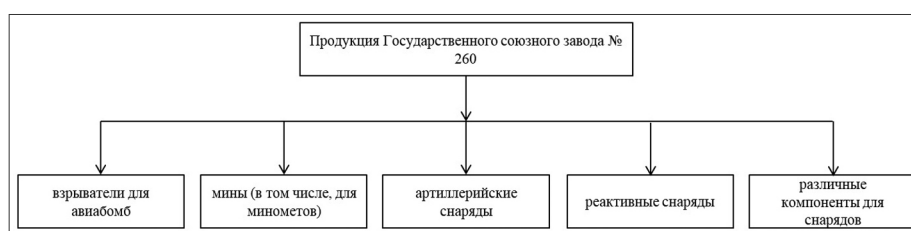
Одним из поставщиков предприятия № 260 являлся другой владимирский завод – «Автоприбор», который к концу 1930-х гг. по совместительству поставлял приборы всей автотракторной промышленности страны. Общее количество изделий предприятия превышало 50 наименований, здесь производились спидометры, гибкие валы, масляные манометры, щитки. «Автоприбор» работал в условиях одновременного выполнения большого числа заказов на поставку. Это не всегда было физически и технически возможно, в силу чего и возникали задержки со снабжением. Несмотря на указанные проблемы, производственные задания для завода № 260 продолжали увеличиваться, в том числе и по изготовлению взрывателей М-50.

Таблица 1

Руководители Государственного союзного завода № 260

№	Имя	Период нахождения в должности
1	Юрин Николай Григорьевич	июнь 1939 г. – март 1940 г.
2	Баталин Александр Петрович	март 1940 г. – апрель 1942 г.
3	Базаров Василий Иванович	апрель 1942 г. – июнь 1942 г.
4	Харицкий Георгий Иванович	июнь 1942 г. – октябрь 1943 г.
5	Борисов Иван Иванович	октябрь 1943 г. – май 1946 г.

Рис. 1. Номенклатура продукции, планировавшейся к выпуску на заводе № 260

После начала Великой Отечественной войны строительство завода продолжалось. Об этом свидетельствует письмо секретаря Владимирского горкома ВКП(б) М.Р. Осипова от 3 июля 1941 г. заместителю наркома НКВД СССР В.В. Чернышеву о необходимости выделения заводу № 260 строительных материалов. В нем говорилось, что согласно решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР строительное управление Наркомстроя было обязано построить до 1 августа «снаряжательный цех и целый ряд других важнейших сооружений завода № 260 НКБ для выполнения правительственного задания по исключительно важным изделиям». В письме также отмечалось, что заводу даны «большие и ответственные мобилизационные задания, выполнить которые он сможет только при наличии вновь строящихся цехов и объектов». Их строительство сдерживается отсутствием вагонов для доставки на завод бутового камня, гравия, леса, в результате чего строительные работы приостановлены. Для решения этого вопроса М.Р. Осипов предложил разрешить взять заводу № 260 указанные строительные материалы с законсервированного строительства Верхне-Клязьменской ГЭС, осуществлявшегося Гидростроем НКВД СССР. По его словам, эти материалы позволили бы заводу успешно выполнить правительственное задание «по выпуску важнейшей продукции, идущей непосредственно фронту» [Владимирский край: 53–54].

Однако выполнение строительных работ было сопряжено с новыми, ранее непредвиденными обстоятельствами: прежде всего, мобилизацией в действующую армию призывных возрастов и заменой призванных работников новыми рабочими руками. Хотя завод № 260 был отнесен к оборонным предприятиям и на него распространялась система бронирования, менее квалифицированные рабочие и инженерно-технические работники подлежали призыву в армию. Многие работники завода уходили на фронт добровольцами. Для их замены, как и повсеместно, истребались новые трудовые ресурсы, источниками которых стали прежде всего мужчины, отклоненные от призыва по состоянию здоровья, пенсионеры, женщины, а также юноши и девушки, не достигшие призывного возраста. Для них были развернуты ускоренные программы производственного обучения, а завод перешел на круглосуточный режим работы, с переводом отдельных категорий работников на казарменное положение.

5 августа 1941 г. на завод № 260 из Ленинграда было эвакуировано специальное конструкторское бюро (ГСИ-44), которое специализировалось на создании и вооружении Красной армии электрическими взрывателями. С его прибытием в СКБ завода были организованы все необходимые лаборатории и конструкторские группы для выпуска электровзрывателей [Владимирский край: 179]. В сентябре 1941 г.

на заводе была сконструирована и отработана ручная противотанковая граната ГУФ-800 (граната ударно-фугасная с 800 г ВВ). В ноябре 1941 г. были проведены сравнительные испытания гранаты ГУФ-800 и штатной гранаты РПГ-40, состоявшей на вооружении Красной армии. Испытания показали, что граната ГУФ-800 завода № 260, имея то же количество взрывного вещества (750–800 г) и того же качества (сульфитный... литой тротил) с дополнительной тетриловой шашкой в 20 г, является более мощной гранатой, чем штатная граната РПГ-40, и что взрыватель гранаты ГУФ-800, являясь более простым в сравнении с запальным механизмом РПГ-40, работает безотказно как на бронеплите, так и по грунту [Владимирский край: 194].

На одном из пленумов обкома ВКП(б) осенью 1941 г. Г.Н. Пальцев так охарактеризовал производство вооружения на территории Ивановской области: «Мы производим всякое вооружение. Где и что производится – это неважно. Важно то, что производство предметов вооружения за это время у нас значительно поднято. Производство пулеметов по отношению к июню поднялось на 335 %, пушек на 710 %, авиабомб на 620 %, снарядов на 640 %, взрывателей на 120 %, взрывчатых веществ на 125 %, цветных металлов на 185 %. Для того чтобы добиться такого роста производства предметов вооружения, райкомы и горкомы, руководители наших заводов, конечно, должны были много поработать. Результаты этой работы увенчались не только ростом производства, но и перевыполнением планов нашими заводами...»⁶. Его упоминание о росте производства взрывателей на 120 % можно с уверенностью отнести к заслугам трудового коллектива завода № 260.

В октябре 1941 г. под воздействием обстановки на Западном фронте в центральной части России возникла сложная ситуация. По решению Государственного Комитета Обороны (ГКО) началась эвакуация предприятий, и прежде всего оборонной промышленности. В Ивановской области к ней приступили после встречи секретаря обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцева с председателем ГКО И.В. Сталиным. По возвращении из Москвы Г.Н. Пальцев на закрытом заседании бюро Ивановского обкома и горкома ВКП(б) доложил собравшимся о результатах совещания в ЦК. По результатам обсуждения 15 октября 1941 г. было принято постановление «Об эвакуации из Ивановской области важнейших предприятий». В их числе был назван и завод № 260.

О выполнении постановления обкома ВКП(б) руководством названных в нем предприятий свидетельствуют архивные документы. Так, директор завода № 260 А.П. Баталин 24 октября 1941 г. подписал приказ об эвакуации предприятия на Урал в город Молотов (ныне г. Пермь), с необходимостью его выполнения в кратчайшие сроки. Выполнение приказа

осложнялось организацией оборонных мероприятий во Владимире, проводившихся с 29 октября «в целях усиления обороны города и наведения строжайшего порядка в городе, соответствующего требованиям как тылового района, ближайшего к линии фронта». Совершенно секретным постановлением Владимирский городской комитет обороны (ГКО) обязал директора завода № 260 А.П. Баталина изготовить 3 тыс. фугасных и 3 тыс. осколочных ручных гранат. Потребное количество взрывчатых веществ ему было предписано получить на Кинешемском заводе им. Фрунзе [Владимирский край: 109–110]. 6 ноября 1941 г. Владимирский ГКО принял постановление об изготовлении ударно-фугасной противотанковой гранаты (ГУФ-800). Согласно его содержанию головным заводом по их производству до 15 ноября 1941 г. был утвержден завод № 260. Тем же постановлением директор завода «Автоприбор» Эпштейн обязывался к 25 ноября 1941 г. подготовить собственную производственную базу по изготовлению указанных гранат по образцу с завода № 260 с месячным заданием 20 тыс. штук. В конце постановления говорилось о необходимости просить Ивановский обком ВКП(б) поставить вопрос перед НКБ СССР об оставлении части оборудования и специалистов на заводе № 260 для дальнейшего производства во Владимире ударно-фугасных противотанковых гранат (ГУФ-800) [Владимирский край: 123].

Эвакуация завода № 260. В ходе выполнения постановления обкома ВКП(б) на заводе № 260 начался демонтаж оборудования и его погрузка в вагоны. Всего с ноября до конца декабря 1941 г. было погружено и отправлено на новое место дислокации шесть эшелонов с 1228 единицами основного и вспомогательного оборудования, а также с инструментами, оснасткой, технической документацией, изделиями незавершенного производства и другим имуществом. В общей сложности было демонтировано оборудование 9 цехов, в том числе: прессового, автоматного, два автоматнo-механических, ремонтный, цех антикоррозийных покрытий, инструментальный и частично сборочно-снаряжательный цех. С указанными цехами были вывезены все их штатные работники [Владимирский край: 179]. Всего на Урал с демонтированным оборудованием были отправлены 1614 работников завода с семьями.

Эвакуацией руководили начальники цехов и производств Н.К. Нагаев, Г.М. Зильберман, П.Г. Терликов, М.П. Самсонов, В.А. Гусев и их заместители по хозяйственной и политической части. Некоторые эшелоны были в пути до 40 дней – необходимо было пропускать воинские составы,двигающиеся в сторону фронта [Кайрод: 74].

Новое место дислокации для завода № 260 было определено в 12 км от г. Молотова. Это была расчищенная и огороженная колышками территория

на окраине леса. Здесь необходимо было выгрузить все, что было в эшелонах. В 45-градусный мороз, на глубоком снегу, именно тут началась героическая работа по организации деятельности предприятия: при помощи канатов выгружали и расставляли оборудование, убирали поваленные сосны и металлолом, жгли костры для отогрева земли и подготовки фундамента, подводили электроэнергию и даже установили паровоз для подачи технологического пара. Начальник гальванического цеха И.Г. Московкин вспоминал, как прибывшие из Владимира рабочие поселились в местном кинотеатре «Победа» неподалеку, двухэтажные кровати были установлены прямо в зрительном зале [Кайрод: 75].

Работа эвакуированного предприятия сначала проходила под открытым небом, однако уже очень скоро над цехами выросли корпуса барачного типа. Так, В.Н. Глыбин, 15-летний выпускник ремесленного училища № 7, эвакуировавшийся вместе с родителями, вспоминает, что штат рабочих постепенно пополнялся местными жителями, лицами, эвакуированными из Тверской и Смоленской областей, однако его «костяк» всегда оставался из «владимирцев» [Кайрод: 74]. Условия труда были очень тяжелые. Председатель профсоюзного комитета И.Д. Лебедев писал, что многие умирали от истощения и непосильной работы. Тем не менее рабочие оборонного завода № 260 даже в эвакуации продолжали героически исполнять свой трудовой долг [Кайрод: 75].

3 января 1942 г. СНК СССР принял постановление «О прекращении эвакуации и возобновлении работы Госзавода № 260 во Владимире». Это было связано с разгромом немецких захватчиков под Москвой, освобождением от них значительной части территории Центральной России и снятием угрозы военных действий на территории Ивановской области. Однако завод № 260 не был готов к быстрому возобновлению работы, поскольку большая часть штата и оборудования были эвакуированы, нарушены электро- и тепловые коммуникации. Тем не менее поставленную задачу необходимо было выполнять. В результате начались работы по восстановлению оставшейся части завода № 260 во Владимире. Для восполнения кадрового состава завода во Владимире привлекались подростки, включая воспитанников детских домов, и женщины – они восстанавливали производственные помещения, устанавливали и осваивали оборудование [Кайрод: 78].

По состоянию на март 1942 г. на заводе числилось 1574 чел., из которых 737 рабочих промышленной группы, 99 чел. квалифицированных рабочих 5-го разряда, 224 инженерно-технических работника. Однако основного оборудования завод имел только 47 единиц, в основном за счет сохранившегося экспериментального цеха [Владимирский край: 179].

За время восстановления завода была произведена следующая продукция. Так, в январе из остатков незавершенного производства, а также остатков ранее забракованных деталей было собрано и снаряжено взрывателей М-50 – 80 тыс. штук, трассер – 20 тыс. штук. В феврале было собрано и снаряжено М-50 – 20 тыс. штук и изготовлено деталей на изделие ЭВ-II для опытной партии. По состоянию на 8 марта 1942 г. на заводе имелись в наличии детали для выполнения мартовского задания в количестве 30 тыс. штук [Владимирский край: 179]. В СКБ завода к этому времени существовали лаборатории: приборостроения, пластмасс, конденсаторная, высокоомных сопротивлений, химико-пиротехническая, электровакуумная, электрохимическая, неконтактных взрывателей и контрольно-измерительная. Имелись также 4 конструкторские группы: электромеханических взрывателей, конденсаторных, контрольно-технологическая и приборостроения, а также опытно-сборочный цех.

Из работ СКБ наиболее актуальными на указанный период времени являлись: взрыватель ЭВ-11 для авиабомб большого взрывательного действия (48 часов), взрыватель ЭВ-21 большого замедленного действия для крупнокалиберных снарядов; взрыватель ЭВ-41 двойного действия для реактивных снарядов и взрыватель ЭВ-35. Как отмечалось в одном из документов, «указанные работы составляли лишь частицу всех работ, начатых и проводимых СКБ. Проводились работы по неконтактным взрывателям, по порохам и т. д.» [Владимирский край: 53–54]. О перспективах работы завода в документе говорилось: «Учитывая положение с основными кадрами, сохранившимися на заводе, сильная группа инженерно-технических работников по электровзрывателям (бывшее ГСИ-44) и крайне необходимая потребность фронта во взрывателях данного типа, необходимо считать целесообразным специализировать завод на электровзрывателях. Одновременно, ввиду наличия сохранившейся на заводе некоторой группы руководящего состава, знакомого с трубочно-взрывательным производством и большого количества сборочно-снаряжательных площадей с оборудованием, параллельно организовать производство взрывателей МП и особенно снаряжение для соседнего завода “Автоприбор”» [Владимирский край: 180].

7 марта 1942 г. вышел приказ Наркомата боеприпасов «О частичном возврате людей и оборудования из эвакуированного состава», который, по сути, предписывал эвакуацию завода № 260 из г. Молотова. К лету 1942 г. во Владимир из Молотова возвратились 67 работников, которые влились в трудовой коллектив завода № 260. Возвратом людей и оборудования во Владимир занимался начальник противовоздушной обороны завода Ф.Т. Сальников. Под его руководством с Урала (в том числе с Уральского завода

№ 10 им. Дзержинского) было доставлено 18 вагонов оборудования, а также частично вывезено оборудование с завода «Баррикады» из блокадного Ленинграда. Первоначально завод получил от НКБ СССР задание по изготовлению двух видов оборонной продукции – взрывателей МП и взрывателей ЭВ-11. Оба изделия предназначались для подрыва осколочных, дымовых и иных типов мин. Как отмечалось в письме А.И. Смирнова в Ивановский обком ВКП(б), датированном январем 1942 г., для выполнения указанного задания предполагалось использовать как резвакуированное из Молотова, так и импортное оборудование².

Завод № 521. По мере восстановления завода № 260 во Владимире возникла необходимость юридического разграничения наименований двух предприятий. В итоге 28 апреля 1942 г. приказом НКБ СССР № 203-с Владимирскому заводу было присвоено наименование завод № 521, а за предприятием в городе Молотове сохранено прежнее наименование – завод № 260.

Из архивных документов следует, что весной 1943 г. завод № 521 должен был обеспечить производство полигонной партии изделий № 45. Однако с ее выполнением возникли производственные трудности. Так, начальник 2-го отдела Коротков на заседании бюро парторганизации завода констатировал, что намеченный по заводу план начальниками цехов по количеству продукции и срокам не выполняется. В частности, в цехе Серебрякова сорваны сроки производства деталей № 1, 4, 24, 26 и 27. Это объясняется несвоевременной установкой револьверного, фрезерного и токарного станков. В результате было поставлено под угрозу срыва производство полигонной партии изделия № 45, показавшего «при заводских испытаниях высокое тактическое свойство и полную безотказность его действия».

Оценив ситуацию, партбюро всё-таки признало возможность выпуска полигонной партии изделия № 45 в срок, для чего предложило ряд первоочередных мероприятий. Среди них: обязать главного инженера завода А.И. Смирнова обеспечить сдачу указанных деталей в количестве, предусмотренном графиком 1-й и 2-й очереди не позднее 18 апреля, а заготовок деталей № 20 и 22 – к 12 апреля 1943 г. Начальникам цехов № 13, 18 и 7 (Серебрякову, Селиванову и Сальникову соответственно) было указано на недопустимость срыва установленных сроков и необходимость предупредить «о безоговорочном выполнении заказов по изделию № 45». Заместителя директора завода Румянцева партбюро обязало обеспечить 2-й отдел необходимыми материалами, а его руководителей Короткова и Лихницкого «обеспечить сборку и подготовку к испытаниям изделия в срок, установленный главинжем». Секретарям парторганизаций цехов завода было предложено взять под контроль вы-

полнение заказов по изделию № 45 и развернуть социалистическое соревнование на быстрое и качественное его изготовление [Владимирский край: 294–295].

С мая 1942 г. завод вступил в строй действующих предприятий и продолжал наращивать производственные темпы. Однако были и проблемы, которые сдерживали своевременный выпуск продукции. Об этом свидетельствует письмо директора завода № 521 Г.И. Харицкого секретарю Владимирского горкома ВКП(б) В.К. Ковригину о прекращении мобилизации работников предприятия. В нем отмечалось, что, несмотря на постановление ГКО № 1362 от 2 марта 1942 г. «О запрещении местным, советским и военным организациям проводить мобилизацию с заводов НКБ рабочих, служащих, ИТР и всех видов транспорта», они продолжают брать рабочую силу с завода. Так, за июль – август 1942 г. с предприятия было взято 83 человека. Из них: на торфоразработки 24 чел., мобилизовано в армию – 53, на работу в Авторазгрузжелдор – 2 и на работу в городской отдел НКВД – 2 человека. В свою очередь завод, согласно постановлению ГКО № 1960 от 4 июля 1942 г. и во исполнение решения исполкома Ивановского облсовета от 23 апреля 1942 г., должен был в месячный срок получить по мобилизации из числа неработающего трудоспособного населения г. Владимира 250 человек. По состоянию на 12 августа в рамках исполнения этих решений на завод было направлено всего 12 человек. В этой связи он предложил поставить на бюро горкома ВКП(б) вопрос о невыполнении горисполкомом постановления ГКО о мобилизации на завод трудоспособного неработающего населения [Владимирский край: 217–219].

И все же, несмотря на возникавшие проблемы, завод, систематически повышая выпуск продукции, выполнил годовой план на 158 %. При его реализации была достигнута производительность труда в 182 %, выработка на одного рабочего возросла до 120 % при браке 2,3 %, что позволило сэкономить государству 14 млн руб. и 4 млн руб. капиталовложений. По итогам производственной деятельности завод получил удовлетворительную оценку от Наркомата боеприпасов¹. Накопленные трудовым коллективом в минувшем году производственные темпы по изготовлению взрывателей позволили трудовому коллективу предприятия достичь в 1943 г. значительных побед. Так, в ходе социалистического соревнования за январь 1943 г. завод занял 3-е место в системе НКБ СССР и получил государственную премию [Владимирский край: 370].

Нахождение на заводе значительного количества взрывоопасных предметов привело к острой необходимости его защиты от воздушного нападения. Особенно эта опасность проявилась в период массовых налетов вражеской авиации на оборонные предпри-

ятия Горького и Ярославля. Учитывая данную угрозу для завода № 521, Владимирский ГКО 2 июля 1943 г. принял постановление о его активной защите. Важно отметить, что в этом постановлении перечислена номенклатура боеприпасов, производившаяся на заводе: МП, АВД, КТМ-I и АД-а. Кроме производства этих изделий на заводе осуществлялось снаряжение боеприпасов продукцией, поступающей с других заводов. Несмотря на это, Владимирский ГКО констатировал «абсолютное отсутствие какой-либо активной защиты на заводе от вражеских налетов». В итоге председатель комитета обороны И.И. Мирской принял решение обратиться к секретарю ЦК ВКП(б) В.М. Маленкову с просьбой о выделении для защиты завода с воздуха 3 артиллерийских 85мм зенитных батарей [Владимирский край: 314–315].

В сложнейших военных условиях завод продолжал наращивать выпуск продукции. Так, на заседании бюро парторганизации завода № 521 12 июля 1943 г. были отмечены энтузиазм и самоотверженность рабочих и инженерно-технических работников «в деле освоения изделия АД(С)». Среди них названы фамилии слесаря инструментальщика В.П. Никитина, начальника инструментального цеха С.В. Стульгинского, стахановки XIX цеха П. Жилетниковой и мастера этого же цеха В.Л. Леонова. В связи с этим директору завода № 521 Г.И. Харицкому было рекомендовано подготовить материалы для представления их к наградам. В число работников завода, рекомендованных к награждению, был включен и директор завода Г.И. Харицкий [Владимирский край: 318].

Производственная кооперация заводов «Автоприбор» и № 521. 18 июля 1943 г. ГКО принял постановление № 3762 сс «Об увеличении производства противотанково-кумулятивных авиабомб ПТАБ – 1,5»⁷. Его принятию предшествовала пояснительная записка от 17 июля 1943 г. с проектом постановления, согласованным с заинтересованными наркоматами. Указанные документы были адресованы председателю ГКО И.В. Сталину и подписаны Л.П. Берией, Б.Л. Ванниковым и Ф.Я. Фалалеевым. В записке говорилось об увеличении ранее утвержденного плана выпуска противотанково-кумулятивных авиабомб ПТАБ-1,5 с 300 тыс. штук до 800 тыс. и 1000 тыс. штук в августе и сентябре 1943 г. соответственно⁸. Проект постановления был одобрен и вступил в законную силу после его подписания И.В. Сталиным 18 июля 1943 г. Для его выполнения ГКО определил следующие меры. В частности, обязал наркома боеприпасов Б.Л. Ванникова поставить ВВС КА противотанковые кумулятивные авиабомбы-1,5 конструкции ЦКБ-22 комплектно в указанных количествах: в августе – 800 тыс. штук и сентябре – 1000 тыс. штук.

Руководители наркоматов И.Ф. Тевосян (Наркомчермет), М.Г. Первухин (Наркомцветмет), Л.А. Со-

снин (Наркомстройматериалов), Л.А. Пронин (Наркомпищепром), Н.Н. Чеботарев (Наркомбумпром), а также Е.И. Лопухов (Главснаблес), П.Ф. Кравчук (Управление промкооперации при Совнарком РСФСР), Я.С. Широков (Главнефлеснаб) обязывались поставить заводам-изготовителям корпусов бомб и взрывателей вне всякой очереди, целевым назначением металл, химикаты, топливо и другие вспомогательные материалы. Причем их поставку для выполнения плана на июль требовалось выполнить в 5-дневный срок, на август – к 5 августа и на сентябрь – к 1 сентября 1943 г. О реализации данного решения они были обязаны докладывать Л.П. Берии.

Важно отметить, что производство значительной части взрывателей АД-а и их снаряжение постановлением было возложено на заводы «Автоприбор» (НКСМ) и № 521, расположенные во Владимире. Так, для обеспечения производства взрывателей АД-а наркому станкостроения А.И. Ефремову было поручено в первоочередном порядке произвести на Московском станкостроительном заводе им. Орджоникидзе для «Автоприбора» 2 автомата КОН-123⁹. С этой же целью ГКО обязал наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина из имеющегося наличия передать «Автоприбору» одну машину для литья под давлением, а также изготовить для него на заводе № 462 (НКАП) в августе еще две аналогичные машины. Наркому электропромышленности И.Г. Кабанову было поручено поставить в июле, августе, сентябре заводам, изготавливавшим взрыватели АД-а, в том числе и «Автоприбору», необходимое оборудование и кабельную продукцию. Причем отгрузку оборудования и кабельной продукции надлежало произвести вне всякой очереди, за счет сдвига сроков поставок другим потребителям¹⁰.

Кроме пунктов постановления, в которых упоминались «Автоприбор» и завод № 521, в нем был ряд общих указаний, также распространявшихся на указанные заводы. В частности, заводы, изготавливавшие корпуса бомб и взрыватели, освобождались от всех видов мобилизации рабочих, инженерно-технических работников и транспорта, в том числе и от призыва в Красную армию. По снабжению продовольствием и промтоварами они приравнивались к оборонным предприятиям¹¹.

Для выполнения «Автоприбором» установленного задания ГКО принял решение увеличить его производственные площади. С этой целью были переоборудованы складские помещения завода под производственный цех. Выполнение строительных и монтажных работ по данному направлению было поручено наркому по делам строительства С.З. Гинзбургу с указанием «вести впереди других строек» и осуществить переброску на данный объект рабочих с других строек¹². В результате выполне-

ния постановления ГКО производственные площади «Автоприбора» были увеличены на 1168 кв. метров.

В этот же период на заводе № 521 было начато строительство цеха калибровки и снаряжательного цеха. Шла планомерная работа по увеличению производственных мощностей оборонного предприятия. Всего за 1943 г. заводом было введено в эксплуатацию более 300 единиц разнообразного оборудования, шестая часть которого была изготовлена собственными силами.

Постановление также обязало секретарей обкомов ВКП(б), в том числе и Ивановского обкома Г.Н. Пальцева, «взять под особое наблюдение производство корпусов авиабомб и взрывателей к ним, производство и отгрузку спецукупорки» и оказывать заводам «повседневную помощь в части обеспечения материалами, оборудованием, инструментами, приспособлениями, рабочей силой, электроэнергией, топливом и транспортом»¹³.

Приложения к постановлению содержат важные подробности, которые значительно дополняют общие указания. Согласно им на «Автоприборе» в третьем квартале предполагалось произвести: в июле – 120 тыс., августе – 250 тыс., в сентябре – 450 тыс. штук взрывателей АД-а¹⁴. Далее они поставлялись на завод № 521 НКБ для последующего снаряжения. В свою очередь, завод № 521 должен был обеспечить снаряжение следующего количества взрывателей: в июле – 110 тыс., в августе – 230 тыс. и в сентябре – 350 тыс. штук – и поставить их ВВС Красной армии¹⁵.

Производство спецукупорки для взрывателей по чертежу 3-1225 в количестве 11 тыс. штук было возложено на завод № 43 в Иванове¹⁶. Согласно плану направления рабочей силы заводы «Автоприбор» и № 521 по разнарядке должны были получить по 100 человек каждый¹⁷.

Таким образом, производственная деятельность завода № 260 во втором полугодии 1941 г., в отличие от предвоенного периода, была подчинена потребностям военного времени. Кроме производства отлаженных видов продукции его мощности были использованы для выпуска ручных противотанковых гранат ГУФ-800, предназначенных для вооружения Красной армии. Под воздействием военных обстоятельств значительная часть оборудования завода и трудового коллектива была эвакуирована в г. Молотов, а другая практически прекратила свою деятельность. Однако в начале 1942 г. в связи с улучшением обстановки на Западном фронте началось восстановление завода, реэвакуация части оборудования, освоение им новых видов взрывателей и наращивание производственных темпов. Одновременно произошло правовое разграничение предприятий и их номеров. Завод в Молотове сохранил за собой номер 260, а его бывшие мощности во Владимире получили наименование завод № 521. В условиях усложнения про-

дукции, необходимой для фронта, ГКО принял решение о производственной кооперации завода № 521 с другими предприятиями в области и за ее пределами. Среди них заводы «Автоприбор» и № 43, обеспечение которых материалами, электроэнергией и топливом осуществлялось в первоочередном порядке. Более того, были не только расширены их производственные мощности, но и произведено оснащение соответствующим оборудованием, что позволило обеспечить выполнение заданий ГКО по производству взрывателей к противотанково-кумулятивным авиабомбам и их снаряжение. Фронту требовалась современная поставка боеприпасов, и тыл, в том числе Ивановской области, обеспечивал их производство.

Примечания

- ¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). ФП-1984. Оп. 1. Д. 8а. Л. 7–8.
- ² ГАВО. ФП-1984. Оп. 1. Д. 8а. Л. 11.
- ³ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 327. Оп. 7. Л. 5.
- ⁴ ГАИО. ФП-327. Оп. 6. Д. 854. Л. 82.
- ⁵ ГАИО. ФП-327. Оп. 6. Д. 854. Л. 112–116.
- ⁶ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 10. Л. 151.
- ⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 10–22.
- ⁸ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 60.
- ⁹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 11.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 12.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 15.
- ¹² РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 16.
- ¹³ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 20.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 22.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 23.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 44.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 192. Л. 51.

Список литературы

- «Автоприбору» – 50: Очерки истории завода. 1932–1982 гг. // Владимирский завод «Автоприбор». Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд.-во, 1982. 199 с.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. Москва: Кучково поле, 2013. 864 с.
- Елисеев В.К. Традиции высокой точности. ФГУП ВПО «Точмаш». 1933–2003: сб. ст. Владимир: Фолиант, 2003. 448 с.
- Кайрод Т.Я. «Точмаш». Вклад в Победу. Владимир: Транзит-Икс, 2005. 96 с.
- Владимирский край в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сб. архив. документов к 75-летию Великой Победы / Гос. архив Владим. обл.; отв. ред. Н.Д. Максимова, сост.: Т.А. Лашманова и др. Владимир, 2020. 504 с.

Околотин В.С. Производство спецпродукции на Ивановском мебельном комбинате (завод № 43) в годы Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 2. С. 83–87.

Околотин В.С. Строительство новых цехов на оборонных заводах Ивановской области в 1943 г. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. № 2. С. 56–62.

References

- «Avtopriboru» – 50: Ocherki istorii zavoda. 1932–1982 gg. [“Attract” – 50. Essays of the history of the plant. 1932–1982]. Vladimirskij zavod «Avtopribor» [Vladimir plant “Avtopribor”]. Yaroslavl', Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1982, 199 p. (In Russ.)
- Eliseev V.K. Tradicii vysokoj tochnosti. FGUP VPO «Tochmash». 1933–2003: sb. st. [Traditions of High Precision. FSUE VPO Tochmash. 1933–2003: collection of articles]. Vladimir, Foliant Publ., 2003, 448 p. (In Russ.)
- Kajrod T.Ya. «Tochmash». Vklad v Pobedu [«Tochmash». Contribution to Victory]. Vladimir, Tranzit-Iks Publ., 2005, 96 p. (In Russ.)
- Okolotin V.S. *Proizvodstvo specprodukcii na Ivanovskom mebel'nom kombinat (zavod № 43) v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Production of special products at the Ivanovo Furniture Factory (Plant No. 43) during the Great Patriotic War]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2020, no. 2, pp. 83–87. (In Russ.)
- Okolotin V.S. *Stroitel'stvo novyh cekhov na oboronnyh zavodah Ivanovskoj oblasti v 1943 g.* [Construction of new workshops at defense plants in the Ivanovo region in 1943]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2022, no. 2, pp. 56–62. (In Russ.)
- Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: v 12 t. [The Great Patriotic War of 1941–1945]. T. 7. *Ekonomika i oruzhie vojny* [Economics and weapons of war]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2013, 864 p. (In Russ.)
- Vladimirskij kraj v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945: sb. arhiv. dokumentov k 75-letiyu Velikoj Pobedy [Vladimir Region During the Great Patriotic War. 1941–1945: A Collection of Archival Documents for the 75th Anniversary of the Great Victory], ed. by N.D. Maksimova; comp. by T.A. Lashmanova et. al. Vladimir, 2020, 504 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.07.2025; одобрена после рецензирования 12.09.2025; принята к публикации 13.09.2025.

The article was submitted 27.07.2025; approved after reviewing 12.09.2025; accepted for publication 13.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 72–84. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 72–84. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(470) 1941/1944

EDN UMRCYD

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-72-84>

ПОРХОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1944 ГГ.: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЗНИ В ОККУПИРОВАННОМ ГОРОДЕ (по материалам Государственного архива Псковской области¹)

Полугодин Андрей Дмитриевич, кандидат исторических наук, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 50 города Калуги», Калуга, Россия, andrei.polugodin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4338-9346>

Аннотация. В статье автор, анализируя значительный пласт документов из фондов Государственного архива Псковской области, стремится уделить внимание рассмотрению недостаточно изученной в наше время проблеме развития регионального коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны, в частности на территории Порховского района нынешней Псковской области. В исторической науке понятие «коллаборационизм» определяется как сотрудничество с врагом определенной части населения в интересах вражеского государства и в ущерб своей Родине. На сегодняшний день актуальной для изучения является его административная форма, выраженная в создании оккупантами различных «властных» образований, находящихся под управлением лиц из числа местного населения. Временно оккупируя значительные пространства европейской части России, для удобства управления захваченной прифронтовой территорией и реализации своих преступных целей немецкое командование было вынуждено искать опору в лояльной к оккупантам прослойке населения, предоставляя последним некоторые «властные» полномочия. Таким образом обретали жизнь так называемые новые органы местного самоуправления – особые административные институты, олицетворением которых явились городские, районные управы, институты старост и волостных старшин. Для исторической науки является актуальным рассмотрение вопроса функционирования аппарата городской администрации по организации жизни на примере оккупированного города Порхова, исследование характера взаимоотношений органов гражданской власти с местным населением и гитлеровскими оккупантами.

Ключевые слова: город Порхов и Порховский район, коллаборационизм, городская управа, районная управа, оккупация, уличные уполномоченные старосты, комитет попечительства, бургомистр, комендатура.

Для цитирования: Полугодин А.Д. Порховская городская управа в период немецко-фашистской оккупации 1941–1944 гг.: функционирование и организация жизни в оккупированном городе (по материалам Государственного архива Псковской области) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 72–84. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-72-84>

Research Article

PORKHOV TOWNSHIP DURING THE NAZI OCCUPATION OF 1941–1944: FUNCTIONING AND ORGANISATION OF LIFE IN THE OCCUPIED TOWN (based on the materials of the State Archive of Pskov Region)

Andrey D. Polugodin, PhD in History, secondary school No. 50 of the City of Kaluga, Russia, andrei.polugodin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4338-9346>

Abstract. Analysing a significant body of documents from the collections of the State Archives of Pskov Region, the author aims to examine the development of regional collaborationism during the Nazi occupation of Soviet territories, particularly Porkhov District of what is now Pskov Region; this issue remains understudied. The concept of «collaborationism» is defined in historical scholarship as the cooperation of a certain segment of the population with the enemy, in the interests of the enemy state and to the detriment of their own homeland. What is topical for study currently, is the administrative form of collaborationism expressed in the creation of various political entities by military administration and transfer of non-military powers to individuals of local origin. Having occupied significant areas of European Russia, in order to both facilitate the administration of the captured frontline territory and implement their criminal goals, the German command, hoping to establish itself there «seriously and permanently,» recognised the need to find a loyal segment of the population that could be granted certain powers. The so-called new local government bodies — special administrative institutions

embodied in town and district councils, headmen, and local officials — were thus brought to life. What is topical for historical scholarship, is examination of functioning of township apparatus for organising life, using the example of the occupied town of Porkhov as an example; also, investigation into the nature of the relationship between the local population and civil authorities depending, in fact, upon the Nazis.

Keywords: town of Porkhov and Porkhov district, collaborationism, town council, district council, occupation, street commissioners, prefects, trusteeship committee, burgomaster, commandant's office.

For citation: Polugodin A.D. Porkhov township during the Nazi occupation of 1941–1944: functioning and organisation of life in the occupied town (based on the materials of the State Archive of Pskov Region). *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 72–84. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-72-84>

Актуальность рассматриваемого в статье вопроса определяется рядом существенных причин. На сегодняшний день предмет изучения немецко-фашистской оккупации и развития коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны на примере конкретных географических границ до сих пор не может похвастаться полным содержанием. В частности, к такой слабоизученной территории может относиться Порховский район нынешней Псковской области. Справедливости ради все же отметим, что некоторым вопросам в пределах «псковской территориальности» историками уже уделено локальное внимание. Специалисты Б. Ковалёв, В. Карпова, Е. Красноженова, Е. Хмелёва внесли значительный вклад в изучение характера оккупации определенных мест Псковского края [Ковалёв: 32–41; Карпова: 229–236; Красноженова 2021: 51–57, Красноженова 2020: 6–11; Хмелёва: 10–29]. Имеются исследования, затрагивающие изучение и отдельных аспектов оккупации. Историк Е. Кринко затронул проблему функционирования школ в условиях гитлеровской экспансии, в том числе на примере северо-западного региона [Кринко: 40–50]; А. Филимонов исследовал особенности функционирования судов – оккупационных и партизанских – на Псковщине в период 1941–1944 гг. [Филимонов: 10–29]. Наиболее ценной для нашего исследования является работа молодого ученого, студента 3-го курса Псковского государственного университета И.А. Лосманова, успешно взаимодействующего с кандидатом исторических наук Н.П. Никитиной. Автор стремился осветить деятельность комитета попечительства при гражданской управе и его мероприятия по поддержке беженцев; изучил специфику проведения налоговой политики оккупационных властей в пределах интересующего нас Порховского района [Лосманов 2024: 158–160; Лосманов 2022: 94–96].

Учитывая длительный характер оккупации территории (1941–1944 гг.) и существование образованной при содействии немцев местной администрации, нам представляется значимой возможность проанализировать всю полноту устройства гражданской коллаборационистской системы, рассмотреть функционирование слабоизученных в исторической науке институтов уличных старост, комитета попечитель-

ства в оккупированном Порхове благодаря архивным источникам, позволяющим нам это сделать.

Основной фонд, определяющий документальное содержание по рассматриваемому вопросу (Р-905, опись № 1), концентрирует в себе документы за период с 1941 по 1944 г. Он включает следующие источники: нормативно-правовые акты Порховской городской управы периода немецко-фашистской оккупации 1941–1944 гг., штатные расписания Порховской городской управы и списки сотрудников административного аппарата управы, списки лиц, получавших помощь по заявлениям в управу; финансовую отчетность управы и личные дела отдельных граждан города Порхова. Документальное формирование фонда проходило в послевоенный период – с 1948 по 1954 г., однако в 1988 г., согласно приказу директора областного архива от 15.01.1988 г. «О проведении работы по расширению информационной базы общественных наук», в Госархиве Псковской области было осуществлено рассекречивание дел и передача их на общее хранение. В 1991 г. произведена переработка описи, в результате которой были уточнены заголовки и даты, дела были пронумерованы, систематизированы и перешиты, частично добавлены материалы из фонда: Р-906, опись № 1 «Порховская районная управа периода немецко-фашистской оккупации». На данный момент в фонд включено 133 дела, рассредоточенных в хронологическом порядке с 1941 по 1944 г. Однако в распространенном случае, к нашему большому сожалению, материалы существенно отражают события только с 1942 по 1943 г. включительно.

Стоит также отметить, что общее содержание привлекаемых автором статьи источников все же носит неполный, отрывочный характер и пока не позволяет комплексно проанализировать всю картину положения. С другой стороны, используемые материалы содержат немаловажные сведения, которые могут сыграть значительную роль в открытии нового научного знания по проблематике изучения коллаборационизма и оккупации в регионе.

Из других недостатков представленных материалов следует отметить ограниченность сведений о роли аппарата гражданской управы г. Порхова в исполнении конкретных преступных замыслов гитле-

ровцев, вследствие чего подходить к анализу полученных данных на предмет некоторых выводов следует крайне осторожно. К счастью, картину могут восполнить сведения, сконцентрированные в собраниях документов, в том числе и имеющиеся в широком доступе, недавно рассекреченные и в дальнейшем оцифрованные материалы из архива УФСБ, а также выводы работающих со схожей проблематикой специалистов [Без срока: 168, 281, 286; Войной: 76–136, 254–307; Протокол; Ковалёв; Кринко; Красноженова; Карпова].

Порхов – город на территории нынешней Псковской области, расположенный в 88 км к востоку от г. Пскова. Находился под оккупацией немецко-фашистских войск с 11 июля 1941 г. по 26 февраля 1944 г. В рамках административной юрисдикции территория Порховского района подчинялась управлению военно-тылового командования группы армий «Север» и была под властью гитлеровцев продолжительное время. Как ранее упоминалось, источники не позволяют нам осветить весь спектр событий оккупации помесечно, начиная с первых дней прихода гитлеровцев в 1941 г. Однако из доступного следует, что в первые недели оккупантам все же удалось создать в городе гражданскую управу. По вопросу, кем являлся первый бургомистр города, точные сведения отсутствуют. Фигурируют лишь две фамилии: до второй половины 1942 г. городским бургомистром был некий Рихард Лайминг (возможна его путаница с комендантом), про которого неизвестно ничего; с осени 1942 г. эту должность занимал некто А. Уваров². В сборнике воспоминаний очевидцев войны «Гарвардский проект» имеется также упоминание о неизвестном бургомистре г. Порхова из юристов, который окончил Ленинградский университет, знал немецкий язык и был уважаем собственными согражданами [Гарвардский проект: 105]. Пока нам точно неизвестно, являлся ли человек из документов и из воспоминаний одним и тем же «Уваровым», но данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что власть в оккупированном городе держалась крепко, тем более что в источниках фигура бургомистра Уварова встречается регулярно, практически до самого конца оккупации.

Известно, что гражданин Уваров, 1887 г. р., – человек семейный (семья насчитывала 8 человек)³, свои должностные полномочия осуществлял активно. Конкретных сведений о деятельности, напрямую порочащих личность бургомистра, в материалах областного архива автором пока не обнаружено.

Поначалу деятельность управы носила исходный, слабо контролируемый немцами характер; имела больше свободы и опиралась на небольшой штат чиновников, полицию порядка, местных старост пригородных деревень, выбранных или назна-

ченных, при участии самой управы и немцев. Однако с ноября – декабря 1941 г. война стала затягиваться, и в Порхове немецкая власть обосновывается надежно – в городе квартируется экономический отдел германской комендатуры. При участии немецких офицеров было организовано совещание, где работникам управы разъяснили задачи их дальнейшей работы, сводящейся к непосредственному содействию германской комендатуре в наведении порядка в городе и близлежащей округе, в беспрекословном обеспечении ресурсами германской армии⁴. Гражданским чиновникам также объявлялось, что при составлении финансовыми отделами сметы бюджетных расходов нужды Германии должны исполняться в первую очередь и часть ресурсов запрещается свободно использовать для организации жизни города.

Одновременно к концу 1941 г. организуется аппарат для управления целым районом – районная управа. Как правило, весь район делился на 22 волости⁵, волость подчиняла себе более десятка сельских общин. Волостные хозяйства обеспечивали запросы районного и городского управления. Можно сказать, что волостное управление в Порховском районе появилось не ранее конца 1941 г., когда 17 ноября состоялось первое совещание волостных старшин, работников районной управы и германских офицеров в селе Славковичи для обсуждения ключевых вопросов⁶.

Четкое разграничение полномочий городской и районной власти с подчинением бургомистра г. Порхова непосредственно районному начальству наиболее ярко отмечено с 1942 г., когда в источниках стала чаще упоминаться фигура уездного (районного) бургомистра – Беляева, а в системе местного гражданского управления определено наличие двух бюджетов: районного и городского. Сам же бургомистр г. Порхова иногда упоминался как заместитель начальника Порховского района⁷. Источники также содержат сведения о некоторых локальных противоречиях в работе районного и городского аппарата по незначительным рабочим вопросам, вследствие чего районный бургомистр, показывая собственное главенство, в пояснительной форме «угрожает» своему городскому коллеге применением санкций от коменданта⁸.

Обе управы, и районная, и городская, функционировали при содействии германской комендатуры. Санкционированные немцами, финансовые сборы с трудоспособного населения (мужчин 16–65 лет и женщин 16–60 лет), составлявшие 100 рублей в год с каждой трудоспособной единицы, а также дополнительные поступления от многочисленных налогов с физических лиц и предприятий покрывали многие статьи расходов гражданской администрации⁹.

Городская управа, включая обслуживающий персонал и подсобных рабочих, к 1942 г. насчитывала

весьма солидный штат работников, варьировавшийся в пределах 253 человек¹⁰. Потребности транспортировки сотрудников аппарата осуществлял передвижной парк из 18 лошадей, а также вспомогательная группа до 30 человек, обеспечивающая его работу¹¹. В феврале 1943 г. произошла оптимизация, в ходе которой часть штата была сокращена и перешла на другую работу – в районное управление¹². Если рассмотреть вопрос в целом, то кадровый вопрос управы оккупированного Порхова, как правило, не стоял слишком остро.

С экономической стороны Порхов находился на содержании нескольких пригородных волостей (3 или 4) и расположенных непосредственно в самом городе местных предприятий. По мнению исследователя И. Лосманова, немцам удалось оккупировать город без боя, вследствие чего оккупантам в целостности досталась практически вся сохраненная промышленная инфраструктура, от функционирования которой впоследствии и будет зависеть уровень жизни граждан города [Лосманов 2024: 158]. По материалам источников выясняется, что к 1943 г. управа довольно крепко контролировала всё Порховское хозяйство. Например, в отчете бургомистра в комендатуру от 1 мая 1943 г. была представлена хозяйственная опись, из которой следовало, что на май месяц 1943 г. в городе функционировало 5 хлебных магазинов и один хозтоварный, молочный магазин, несколько столовых, богадельня с 31 призреваемыми, два сиротских дома с 50–55 воспитанниками, баня с режимом работы три дня в неделю, общегородская пекарня, кузница городского транспорта, больница, швейная, тюрьма, аптека, отделение ЗАГСа, пожарная служба и биржа труда, а также ряд предприятий легкой промышленности¹³. К тому же в 1943 г. в городе считывалось 150 кустарей и 30 торговцев, занимавшихся предпринимательской деятельностью¹⁴ и получивших в сельскохозяйственном отделе комендатуры специальную ремесленную карту¹⁵.

С 1 апреля 1943 г. немцы разрешили функционирование городского рынка. Базар располагался на площади между Великолукской и Песочной улицами. Торговля открывалась с 7 утра до 13 часов, рынок работал три дня в неделю: понедельник, среда, пятница. Распоряжением коменданта запрещалось торговать мясом, кожсырьем, стройматериалами, дровами, живыми курицами, несущими яйца. Все упомянутые ресурсы стояли на строжайшем учете и должны были быть использованы в первую очередь в интересах германской армии. Цены управа устанавливала твердые, но при обязательном их согласовании с комендатурой. Бартер запрещался, однако на деле функционировал. За место на рынке продавец должен был платить налог – торговый сбор, шедший в местный бюджет¹⁶.

Для лучшей экономической эффективности магазины, аптеки, пекарни и иные производственные коммерческие организации находились на хозрасчете и, подчиняясь непосредственно управе, обеспечивали работников самой управы, подведомственных ей структур, ряда социальных категорий граждан дополнительными пайками и поощрениями через продажу управе молока, картофеля, иной продукции¹⁷. Как правило, молоко, яйца, зерно сдавались пригородными общинами в магазин или пекарню за твердую плату, установленную при разрешении германской комендатуры. Оплату производила касса горуправы наличными средствами. Собственники коров, не считая поставок немцам, должны были в обязательном порядке сдавать 1 литр молока в день с коровы на социальные нужды. До 1943 г. норма поставок была меньше. Ввиду частых реквизиций фуража германскими солдатами, бургомистр Уваров в интересах населения в 1943 г. просил комендатуру снизить нормативы, но немцы на уступку не пошли. Сельские коллективы, не сдавшие план, по решению германского экономического отдела комендатуры рисковали лишиться коровы¹⁸.

На руководителя городского предприятия, подчиненного управе, за саботирование его указаний или же за неэффективное руководство организацией бургомистр мог наложить дисциплинарные санкции, вплоть до снятия того с должности¹⁹. Естественно, все такие действия необходимо было согласовывать с комендантом по экономическим вопросам.

Возможно, в городе имелись и иные предприятия, не учтенные документами или же самим автором публикации, но немаловажным фактом является то, что городская управа могла себе позволить реализацию некоторых программ²⁰. К счастью, источники архива Псковской области позволяют нам изучить итоги проделанной работы. Учитывая мнение специалиста И. Лосманова о грабительском характере установленных немцами налогов [Лосманов 2022: 94–96], данные финансовых отчетов показывают нам и иную картину. Согласно изученным сведениям, ряд налоговых поступлений в городской бюджет на протяжении большей части 1943 г. были весьма стабильными, с 1942 г. городские предприятия вполне успешно функционировали, а казна города позволяла нести на себе минимальную социальную нагрузку и в некоторой степени даже способствовать организации социальных и общественных благ²¹. Так, городской детдом, к 1943 г. насчитывавший 51 ребенка, не был брошен городскими властями на произвол судьбы и постоянно получал ежедневное горячее питание для своих воспитанников²². С февраля 1943 г. каждому ребенку полагался дополнительный паек в размере 300 г хлеба. Известны случаи, когда управа занималась и решением конфликтов в приюте. Например,

за подписью бургомистра города выходило несколько распоряжений о недопустимости насилия над детьми и о запрете сажать детей в карцер²³. Однако как дела обстояли в реальности, документально установить не представляется возможным. В летний период старшие ребята детского дома посылались на уборку урожая в близлежащие деревни или же выполняли подсобные работы на предприятиях.

Другими социально незащищенными категориями в городе были бродяги. Для них открывались дома призрения. Только в период с февраля по май 1943 г. столовая города отпустила 143 853 порций обеда, из которых 42 795 блюд были мясными; также, например, за 8 месяцев детскому дому столовая отпустила 28 871 порцию обеда, еще 19 170 порцию богадельне и 26 761 порцию – тюрьме. Обед стоил в пределах 3–4 рублей при средней зарплате в городе 300–400 рублей²⁴. При изучении материалов бюджетной сметы можно также сделать вывод, что столовая, пекарня, бани, аптеки, магазины все же приносили неплохую, но прибыль в городской бюджет. Только за критический для оккупантов декабрь 1943 г. по городскому хозяйству было собрано 199 775 рублей по имущественной и доходной налоговой части²⁵.

Более подробная информация о мероприятиях представлена в таблице 1²⁶.

Аналогичную картину расходной части можно наблюдать и годом ранее. Из анализа бюджетного плана по нескольким месяцам 1942 г. следовало, что значительная часть финансовых средств управы шла на исполнение следующих бюджетных статей: содержание административного аппарата (409 тыс. руб.), образование (204 тыс. руб.), обеспечение нужд производства (201 тыс. руб.) и сельского хозяйства (87 тыс. руб.); здравоохранение и социальная помощь (70–75 тыс. руб.). В последнюю очередь деньги распределялись на строительство дорог и содержание мест общественного отдыха: парков, музеев и иных культурных объектов (по 9 тыс. руб.)²⁷.

Естественно, что такая относительно благополучная работа управы зависела не только от настроения гитлеровцев, но и от слаженного функционирования особой цепи подчиненных ей ведомств, институтов. По своей структуре городской аппарат включал в себя административный, бухгалтерский, торговый, паспортный, налоговый, топливный, квартирный отделы, отделы службы порядка, народного образования и пропаганды²⁸. При многих инстанциях существовали: инспектор-контролер – при отделе образования, в промышленном отделе; инспектор налогового обеспечения. Имелся управляющий по сбору молока, главный бухгалтер по финансовой части²⁹.

Отдел службы порядка формально исполнял указания бургомистра, но также тесно взаимодействовал и с комендатурой. В городе он насчитывал десяток

сотрудников во главе со следователем. Как показывают источники, оружие поначалу имелось не у всех полицейских, что вносило определенные трудности. Исходя из данной ситуации, в июне 1943 г., при угрозе нападения на Порхов партизан, управа просила комендатуру в скорейший срок вооружить полицейских оружием и оснастить форменной одеждой³⁰.

Управе подчинялись квартальные и уличные старосты – институты, слабо изученные в нынешней исторической науке. Их работу курировал административный отдел городской управы. На ноябрь 1942 г. в Порхове оптимально насчитывалось 56 улиц и по разным данным от 22 до 30 уличных старост (уполномоченных), среди которых были как мужчины, так и женщины. Часть из них получала под свой контроль всего лишь одну большую улицу, кто-то – несколько маленьких³¹. К концу оккупации в связи с превращением части городской территории в военную укрепленную зону число старост резко сократилось до 11–15 человек. К тому же это было связано с тем, что много улиц пустовало ввиду добровольной или принудительной эвакуации части городского населения, вследствие чего нагрузка на аппарат была снижена³².

Над старостами начальствовал квартальный уполномоченный, контролировавший работу около десятка уличных старост. Например, на март 1943 г. в Порхове насчитывалось всего 3 таких уполномоченных. Квартальный и уличные уполномоченные обеспечивали решение ряда вопросов на подведомственной территории: учет населения, информирование властей о правонарушениях в участке, осуществление сбора налогов, регистрация и принятие заявлений от граждан, учет должников³³. По вопросу, каким образом становились старостами, архивные материалы содержат множество личных заявлений в управу от граждан о готовности занять должность в добровольном порядке или же о добровольном сложении с себя полномочий³⁴. Можно предположить, что в начальный период оккупации имелись случаи принудительного назначения на данную работу ответственных лиц, но практика показала, что все же работа старостой чаще всего считалась временной. Интересным является то обстоятельство, что заявления на занятие этой должности поступали и в конечный период гитлеровской оккупации города, когда многим жителям стало понятно, что приход Красной армии неизбежен. Пожалуй, такой выбор можно объяснить финансовой стороной вопроса: староста получал оклад в размере 100–150 руб. и дополнительный продуктовый паек, что было важным в непростое оккупационное время, а также возможен иммунитет от принудительной эвакуации из города.

Староста, плохо выполнявший свою работу, нес персональную ответственность. Ему могли объявить

Таблица 1

Месяц	Основная деятельность управы за определенный период	Финансовое состояние бюджета управы	Осуществление социальной политики
Декабрь – январь 1942/43 гг.		удовлетворительное	Выделено 8 888 руб. на помощь комитету попечительства и 12 470 рублей отделу соцобеспечения управы
Май	Дальнейшая организация работы школ, деятельность по озеленению скверов, устройству клумб, разбор незначительного количества дел по административным правонарушениям, сбор налогов. Организация работы врача-стоматолога	165 012 руб. в кассе городского бюджета. Финансовое состояние удовлетворительное	Выдано пособий на 7110 руб. Выделено комитету попечительства – 9374 руб. Оплачено бесплатных обедов – 348 порций на сумму 928 руб.
Июнь	Ремонт колодцев, мостов, разбор дел административных правонарушителей. На защиту художественных и культурных объектов средства не выделяются. Порховская крепость не ремонтируется.	73 008 рублей наличными в кассе бюджета. Финансовое состояние удовлетворительное	Выдано пособий нуждающимся на 8100 руб. Выдано комитету попечительства 9974 руб. Оплачено бесплатных обедов 318 порций
Июль		111 639 руб. в бюджетной кассе. Финансовое состояние удовлетворительное	Выдано пособий в размере 21 615 руб. Оплачено бесплатных обедов на 510 руб.
Август	Сбор урожая	147 200 руб. наличности в бюджетной кассе. Финансовое состояние удовлетворительное	Выдано пособий в размере 21 805 руб. Оплачено бесплатных обедов на 505 руб.
Сентябрь	Отмечен недостаток рабочей силы по причине ее изъятия на нужды германской армии. Основная оставшаяся масса горожан брошена на уборку урожая и улиц. Торможение темпов поставок молока.	484 697 руб. Значительные поступления связаны с продажей овощей и фруктов.	Выдано пособий на 24 165 руб. Оплачено бесплатных обедов на 270 руб.
Октябрь	С 10 октября открыта школа при детском сиротском доме на 32 учащихся. С 15 октября в городе уже функционирует три начальных школы на 641 учеников и одна неполная средняя. Торможение темпов поставок молока.	477 796 руб. в бюджетной кассе	Выдано пособий на 22 835 руб. Оплачено бесплатных обедов на 290 руб.
Ноябрь – декабрь	Налоговые платежи вследствие частичной эвакуации населения города, в том числе от торговцев и кустарей, по ряду статей прекратились. Неудовлетворительно проходит сдача молокопоставок. Подушный налог среди оставшихся людей платится удовлетворительно. Имеется бюджетная недостача по налогу с жилья в связи с занятием домов германскими солдатами	168 068 рублей в бюджетной кассе. Значительная часть денег сдана в филиал госбанка г. Дно на хранение.	Выдано пособий на 23 765 руб. Оплачено бесплатных обедов на 155 руб.

выговор, уволить; очень серьезно контролировалась финансовая сторона дела. Так, старосту Шелухина управа заставила возместить излишне потраченные деньги – сумма изымалась за счет оклада. Другому старосте участка повезло меньше. По довольно серьезному поводу его арестовала комендатура. Видимо, этот человек мог быть связан с партизанским подпольем или проводил действия, заинтересовавшие комендатуру. В таком случае его судьба была незавидной³⁵.

Что касается времени организации работы старост улиц, то здесь также присутствует некоторая неясность. Самая ранняя информация об их появлении датируется источниками январем 1942 г.³⁶ В апреле того же года при управе состоялось общее совещание уполномоченных улиц и квартальных надзирателей

в количестве 28 человек. Старостам давалось указание проверять прописки жителей, обеспечивать чистоту улиц, оказывать содействие управе по решению вопросов определения мест пастбищ и выгона скота, контролировать сбор налогов, брать на учет правонарушителей по спискам полиции³⁷.

Таким образом, институт уличных старост до сих пор является интересным объектом для последующего изучения. По крайней мере, в материалах архивов ряда иных областей многочисленной информации о них автором обнаружено не было.

Источники позволяют нам изучить и вопрос финансового поощрения работников городского аппарата. Зарплатный фонд управы распределялся по разрядам: главная администрация, среднее звено, обслуживающий персонал и др. – всего 8 категорий.

Таблица 2

Зарплатная смета на лиц, обеспечивающих функционирование управы г. Порхова

Должность	Зарплата (руб.)
Начальник Порховского района	1800
Городской голова г. Порхова	1200
Заведующий аптекой	1200
Главврач больницы	1200
Заместитель городского головы	950
Старший бухгалтер и финансовый инспектор	900
Начальник отдела при управе	800
Заведующий школой	950
Переводчик в управе	450
Уполномоченный улицей (староста)	100–150
Квартальный уполномоченный при административном отделе управы	600
Попечитель при отделе попечения	250
<i>Иные должности</i>	
Старший учитель	700
Следователь при отделе полиции	700
Учитель	250–550
Фармацевт в аптеке	400
Фельдшер в больнице	400
Заведующий госмагазином	450
Заведующий пекарней	450
Работник столовой	от 100 до 300
Полицейские	от 400 до 600
Курьер при управе	200

На размер зарплаты влияло семейное положение, профессиональный стаж, ответственное отношение к труду. Более подробные данные отражены в таблице 2³⁸.

Конечно, в условиях резкого дефицита товаров это были небольшие деньги, и прожить только на одну зарплату удавалось не всем. Стоит напомнить, что прожиточный минимум в то время составлял около 1000 рублей на человека. Один литр молока на рынке стоил 40–60 руб., пуд ржаной муки 800–1200 руб., десяток яиц 100–150 руб., мясо – несколько тысяч, пуд картошки 400 руб., стакан соли 150–200 руб. [Карпова: 235]. Ввиду данных обстоятельств работники получали дополнительный паек молоком, спиртом, сигаретами, сахаром.

Все лица, получавшие зарплату свыше 200 руб., платили соответствующий налог на заработную плату в размере 10 % от её суммы. От него освобождались лишь те работники, которые получали меньше 200 руб. в месяц. Любые изменения в начислении окладной части должны были быть согласованы с германской комендатурой.

Как ни странно, функционировали в городе и школы. Обучение в оккупированном Порховском районе приказом коменданта было обязательным³⁹. В 1943 г. в самом Порхове была налажена работа 3 школ начального обучения (с 1 по 4 класс), обеспечивающих

образованием 292 ученика, а также один класс неполной средней школы (5–6-е классы) с 32 учащимися; власти смогли открыть школу и для детей-сирот. Преподавательский штат был небольшим и насчитывал от 26 до 33 сотрудников⁴⁰.

Поначалу работа педагогов контролировалась немцами недостаточно, однако уже с конца 1941 г. ситуация резко поменялась. Уже 28 марта 1942 г. на площади в г. Порхове был повешен бывший учитель Борис Сухоруков за радиосвязь с большевиками и за распространение «вражеских» известий. В оповещении сообщалось, что среди учителей имеются «вредные» элементы, поэтому выполняется германское распоряжение об увольнении многих педагогов. А поскольку школы в уезде пока закрыты, на работу в будущем будут приниматься только политически благонадежные учителя [Войной: 96].

При непосредственном участии германской комендатуры образовывается должность инспектора по образованию (не являлся немецким чиновником или офицером), который занимался вопросами устройства всей образовательной системы⁴¹, следил за ее функционированием и на постоянной основе извещал коменданта о настроениях учителей. По материалам источников следует, что власть инспектора являлась значительной и в пределах своей сферы

даже не уступала полномочиям начальника района или бургомистра города. Инспектор мог требовать от головы исполнения его распоряжений в сфере образования⁴². Например, с согласования германской комендатуры инспектор привлекал к ответственности родителей не посещавших школу детей: за 1 раз – 25 руб., за 2-й раз – 50 руб., за 3-й раз – 100 руб.⁴³, привлекал к административной ответственности и заведующего школой⁴⁴, мог выразить протест начальнику района и городскому голове по вопросам самоуправления подчиненных ему чиновников или старост, в отношении учителей – с последующим информированием об этом коменданта⁴⁵, курировал политику по подбору кадрового персонала на должности педагогов⁴⁶, содействовал решению бытовых вопросов по заявлениям учителей⁴⁷, часто проводил совещания с учителями – наставниками и заведующими школами. По Порховскому району и г. Порхову такими инспекторскими полномочиями была наделена личность с весьма экзотической фамилией – К. Сенарэ.

Стоит заметить, что система образования в оккупированном Порхове по объективным причинам не сложилась за короткий срок и складывалась постепенно. По крайней мере, учебный процесс был открыт только 1 октября 1942 г.⁴⁸ Вполне естественным для периода оккупации является и то обстоятельство, что школы испытывали многочисленные трудности, ведь многое зависело от хозяйственно-экономических и социальных возможностей волости, района, города; ущерба, нанесенного войной, и непосредственно действий самих оккупантов. Часто от заведующих школ поступали жалобы на нехватку учебных материалов, дров⁴⁹ и иных ресурсов, необходимых для организации работы школ, не хватало кадровых работников (особенно учителей немецкого)⁵⁰, вследствие чего были открыты ускоренные курсы подготовки учителей⁵¹. Лишь ко второй половине 1942 г. усилиями инспекторов, управы и комендатуры образовательная система в Порхове и районе была налажена⁵².

С 15 октября 1943 г. ввиду нехватки рабочих рук, призванных в германские строительные части, планировалось открыть 5-й и 6-й классы неполной средней школы с ремесленным уклоном. Германская пропаганда объясняла овладение каждым школьником профессиональными навыками «важной необходимостью, вызванной повсеместным существованием в послевоенное время частной собственности». На деле это связывалось с нехваткой профессионалов ввиду массового изъятия городских лиц в рабочие команды при немецкой армии⁵³. Школы эти планировалось сделать двухлетними, где учащиеся овладевали бы теоретическими и практическими навыками. Мальчиков планировалось начать обучать управлению сложной техникой, девочек – шитью. При сформированных группах должен был быть

наставник-мастер, каждые 3 месяца принимавший у учащихся экзамен. Предполагалось открытие таких школ в Порхове, Дно, Сольцах, Дедовичах, Бежаницах, Пожеревицах. Эти 5-е и 6-е классы включались с систему 4-классных школ и являлись ее продолжением⁵⁴. В сельской местности также предстояло открыть 5-е и 6-е классы с сельскохозяйственным уклоном. В отчете инспектора по г. Порхову от 19 августа 1943 г. в комендатуру указывалось, что только по городу Порхову было принято 81 прошение от родителей о приеме их детей в ремесленные школы⁵⁵. Однако, как покажут дальнейшие события, полностью реализовать данную идею местные власти также не смогут. В феврале 1944 г. Порховский район будет полностью освобожден Красной армией.

В рамках исследования стоит уделить внимание вопросу поощрения учителей. Средняя зарплата педагога в Порховском районе и в городе Порхове составляла от 250 (без стажа) до 450 руб., для старшего учителя – 700 руб., заведующего школой – 950 руб. Минимальная нагрузка включала 2–3 урока в один рабочий день при обслуживании учителем одной, двух или трех школ округа⁵⁶. Тем преподавателям, кто не добирал часы по установленной ставке, предлагалась работа в волости и в волостных управах в качестве писарей и секретарей. На зарплату также влияло наличие категории и стажа, имелись дополнительные бонусы за проверку тетрадей, классное руководство⁵⁷. Кроме того, педагогу полагался продуктовый паек, в который на месяц входило: 9 кг ржаной муки, 30 кг картофеля, 15 кг овощей, 15 л молока при отсутствии собственной коровы. Учителя немецкого происхождения получали дополнительные пайки⁵⁸.

20 сентября 1943 г. на совещании инспекторов и заведующих школами областной инспектор заявил, что 1942/43 учебный год в целом был окончен успешно, проделана большая работа по организации образовательного процесса⁵⁹. Были сказаны также хвалебные слова в адрес администрации города Порхова за то, что та довольно успешно смогла организовать ремонт городских школ⁶⁰. Были учтены и тревожные замечания, что в ряде случаев здания школ города занимают дислоцированными германскими военными частями, а под школьные помещения солдаты заставляют использовать крестьянские избы⁶¹. Естественно, это приводило к торможению образовательного процесса. Отмечались и нерешенные вопросы, в частности, материальное положение некоторых учителей по г. Порхову оценивалось как недостаточное удовлетворительное⁶².

Интересным и одновременно слабоизученным для исторической науки является вопрос функционирования в городе комитета попечительства при городской управе. Ранее попытку осветить деятельность

этой редкой структуры предпринял специалист И. Лосманов [Лосманов 2024: 158–160]. С нашей стороны хотелось бы дополнить существующую на данный момент картину некоторыми положениями. Формально комитет попечительства не являлся структурным отделом городской управы и создавался при участии гражданской администрации и разрешения комендатуры⁶³. Комитет попечительства представлял собой организацию, образованную инициативно представителями гражданской власти, но управляемую централизованно властью инспектора по попечительству Порховского района, являвшимся по совместительству и инспектором образования (эту должность занимала уже знакомая нам фигура К. Сенарэ). Данный институт должен был помогать неимущим жителям города г. Порхова и близлежащего района, исключая практику выплат пенсий и оплату похорон.

Комитет подразделялся на городской и районный⁶⁴. В его структуру входили некоторые высшие представители управы, города, района, волости и ряда бюджетных учреждений, старшие учителя школ, то есть представители с относительно хорошим заработком. Все входящие в организацию люди были обязаны из собственной зарплаты отчислять определенный процент денег (4 %) в фонд помощи беженцам, переселенцам, сиротам, многодетным, инвалидам. Во главе комитета стоял председатель, назначенный местной военной комендатурой. Удивительно, но в отличие от его заместителя – попечителя города и трёх ближайших волостей, получавшего 250 руб. в месяц, – его деятельность никак не оплачивалась. Нижестоящие должности являлись оплачиваемыми: делопроизводитель получал ежемесячно 450 руб., канцелярист – 300 руб., а оставшиеся 14 волостных попечителей – по 100 руб.⁶⁵ Таким образом, бюджет комитета образовывали: добровольные пожертвования, ежемесячные 4-процентные отчисления с зарплат рабочих и служащих, доходы от организации базаров, лотерей, а также средства из районного или городского бюджета, практически наполовину покрывавшие всю расходную часть фонда.

Источниками также отмечено активное участие духовенства в финансовой поддержке организации. Средства вносили представители Николаевской, Благовещенской церквей, прихода Ясинской волости. Например, дело № 62 фонда Р-905 (ГАПО) за описью 1 содержит 14 заявлений отдельных граждан о добровольном внесении взносов на нужды фонда⁶⁶. Открылась рассматриваемая нами инстанция 8 декабря 1942 г. в здании на улице Пушкинской, 22 г. Порхова. При открытии в качестве пафосного лозунга использовалась цитата А. Гитлера: «Народ, помогай сам себе, тогда и Бог тебе поможет» [Лосманов 2024: 159].

По мнению исследователя И. Лосманова, обустройство беженцев в городе было весьма затруд-

ненным. Данное обстоятельство вполне объяснимо: во-первых, открывались бы новые возможности для проникновения партизан в городскую черту, а во-вторых, сельские жители того же Порховского района зачастую не соблюдали оккупационный порядок регистрации, что вызвало бы сложности с тем же самым налогообложением [Лосманов 2024: 160]. Однако архивные документы содержат и дополнительную информацию. Так, например, в ходе проверки ревизорами за 1943 г. работы отдела попечения города и района она была в целом признана вполне удовлетворительной: деньги выплачивались, заявления принимались⁶⁷. Конечно, комитет не занимался предоставлением жилья или работы беженцам, но способствовал обеспечению их минимальной финансовой поддержкой. Проблема же проживания и трудоустройства решалась через управу или комендатуру в отдельном порядке. Наиболее отчетливо трудности прибывших стали проявляться с конца 1943 г., когда социальные программы управы начали подвергаться сокращению.

Также попечители от комитета следили за работой старост при распределении ими пайка нуждающимся, занимались учетом беженцев и предоставлением характеристик при заявлении на выплату. По итогам работы комитета в период с декабря 1942 г. по март 1943 г. старшим бухгалтером Порховского района была осуществлена проверка, в ходе которой выяснилось, что бюджетный фонд комитета практически всегда оставался профицитным. Выделенных средств в целом хватало на осуществление комитетом стандартных выплат⁶⁸. Чтобы получить необходимое пособие, лицу требовалось написать заявление с указанием обстоятельств на получение выплаты и заручиться заверением старосты или агронома (если лицо живет вне пригородной волости). Заявление шло на рассмотрение районному попечителю, который накладывал определенную резолюцию. Финансовая помощь осуществлялась относительно небольшими траншами в виде суммы, определявшей минимальный размер оплаты труда, и варьировалась в пределах 100–150 руб.⁶⁹ Деньги выдавались субъекту местным попечителем⁷⁰. Все отчеты о выплатах в обязательном порядке шли на учет в комендатуру, в управу и районному попечителю. Остаточные за месяц средства комитетом возвращались в бюджет управы на контроль и дальнейшее перераспределение⁷¹. Также стоит заметить, что вопросом выплаты пенсий попечительский фонд не занимался, данная опция переходила в социальный отдел управы, занимавшийся её реализацией. Пенсии по нетрудоспособности в Порхове периода оккупации составляли около 200 руб.; к тому же вдобавок пенсионеру был положен 1 л молока, которое выдавалось через магазин⁷².

На конечном этапе оккупации в жизни города стали происходить весьма интересные метаморфозы. С осени 1943 г. гитлеровцы приступили к подготовке города к обороне от наступающих по всему фронту сил Красной армии, активизировалось сопротивление партизан. В эвакуацию «уезжают» торговцы, кустари, вследствие чего наблюдается резкое сокращение поступлений в городской бюджет денег и продуктов. Многие социальные программы управы начинают сворачиваться. Дело порой доходило до того, что управа просила коменданта предоставить ей возможность выкупить за бюджетные деньги керосин и дополнительные продукты для пайка работникам управы, сиротскому дому⁷³, поскольку данный ресурс находился на строгом учете в комендатуре, а свободную его часть изъяли германские солдаты. Также архивный фонд сохранил интересную заявку от управы в комендатуру, датированную концом 1943 г., в которой городской бургомистр просил немецкого коменданта обеспечить работников управы (включая самого бургомистра!) теплыми вещами к приближающейся зиме⁷⁴.

Уже с 20 октября 1943 г. по приказу коменданта перестал функционировать рынок⁷⁵. В том же октябре 1943 г. состоялось общее совещание агрономов Порховского района и сотрудников экономического отдела комендатуры. Немецкими властями было объявлено, что ранее ситуация с поставками считалась удовлетворительной, но в последнее время нормативы исполняются плохо, и, если волости-должники не сдадут положенное, решением этой проблемы займутся германские солдаты. На совещании также в ход шли угрозы штрафами⁷⁶. На собрании агрономов в ноябре 1943 г. волостным старшинам Старищенской, Селищенской, Туготинской волости было прямо объявлено, что за несдачу положенного продуктового норматива деревни волости будут сожжены, а сами волостные агрономы не будут иметь привилегий при возможной последующей эвакуации, останутся «на растерзание красным» [Войной: 133–134]. Кто-то из чиновников пытался возразить, что сбору провизии мешают партизаны, на что немцы впоследствии ответили проведением антипартизанских карательных акций в округе⁷⁷. Такие деревни района, как Красуха, Гусино, стали символами массовых расправ над мирным гражданским населением, запоздренным в помощи партизанам.

Предполагалась и практика поощрений солью. За 1 сданного гуся оккупанты обещали выдать 12 кг, за 1 курицу – 3 кг. Приводились в пример агрономы Логовинской, Вошьевской и Соколихенской волости, получившие премию спиртом, спичками и керосином⁷⁸.

В такой суматохе в городе зафиксированы первые случаи мародерства, которые местные власти при участии немцев стремились пресекать⁷⁹. Вино-

вные были отправлены в концентрационный лагерь, находящийся неподалеку, или же высылались из города⁸⁰. В приказе городского бургомистра за № 99 от 27 ноября 1943 г. начальнику службы порядка предписывалось организовать комиссии по учету ценного имущества в городе для последующей сдачи его на склады. Всех пойманных мародеров приказывалось отправлять в комендатуру либо высылать из города⁸¹. Чем конкретно мотивированы действия гражданских чиновников, пока не совсем ясно. То ли они надеялись, что немцам все же удастся отстоять город и имущество возможно будет сохранить для будущих нужд города, то ли данная процедура проводилась непосредственно по приказу коменданта свыше для последующего организованного вывоза в немецкий тыл. Скорее всего, право на истину имеют два основания, содержащие в себе различные понимания общих вещей.

К январю 1944 г. штат управы подвергся сокращению и стал насчитывать 117 работников во главе с бургомистром, до последнего оставшимся в городе⁸². Остальные сотрудники были эвакуированы. Довольно интересным является и то обстоятельство, что в тот период ряд обычных граждан до конечного момента писали заявления в управу в надежде на получение хоть какой-то имевшейся в наличии работы, включая готовность занять некоторые вакантные должности уличного старосты⁸³. Видимо, ситуация с продуктами в конце оккупации резко ухудшилась, а наплыв беженцев не прекращался, вследствие чего это был шанс для одних получить небольшой продуктовый паек или же денежную оплату⁸⁴, а для других – воспользоваться возможностью избежать, эвакуации в тыл, вероятно принудительной.

К концу 1943 г. ситуация для немцев стала тревожной. От волостных старшин в управу района стала поступать информация о прекращении функционирования ряда школ в связи с частым нападением партизан и разгромом некоторых волостных управ. Городские власти тоже были недовольны, все чаще докладывали коменданту о занятии помещений германскими солдатами и резком сокращении налогов с квартир⁸⁵. 20 января 1944 г. партизаны близлежащей округи совершили налет на город, сильно повредили здание комендатуры и организовали побег из близлежащего лагеря части узников. В феврале 1944 г. партизанскому разгрому подверглись аппараты 13 волостных управ района⁸⁶. Стало понятно, что дни оккупантов сочтены. Подходила Красная армия. 26 февраля 1944 г. город Порхов был освобожден.

Таким образом, данные исследования репрезентируют весьма противоречивую картину. С одной стороны, документально зафиксированы фрагменты относительно успешного функционирования городской администрации и исполнение ею минимальных со-

циально-общественных обязательств, позволивших городскому населению существовать в сложный период оккупации. Однако немаловажным представляется и то обстоятельство, что имевшиеся возможности гражданской власти определялись не столько доброй волей самих оккупантов, сколько были вызваны сложившейся обстановкой в регионе и на фронтах, когда гитлеровцам был более выгоден спокойный тыл, нежели развитие внутреннего сопротивления. Ведь именно в конце оккупации, прекрасно понимая, что ситуация складывается критическая, немцы приступили к резкому ограничению и до того небольших возможностей городских властей, переходя на усиление практики террора и ограничений, лишняя раз демонстрируя, какой на самом деле являлась политика оккупантов и каковы были реальные возможности русских управленцев. В таком случае не будет лишним напомнить, что по неполным данным комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков во всех сельских советах Порховского района, включая город, за период оккупации немцами было умерщвлено 1784 человека и 7611 угнано в рабство. Имеются также и другие, куда более страшные цифры: 11 тысяч убитых мирных граждан, 85 тысяч военнопленных, 10 500 угнанных из всего района [Без срока: 278; Война в Псковской области].

Предмет изучения деятельности Порховской городской управы, ее подробной роли в осуществлении планов гитлеровцев остается до сих пор открытым. Возможно, введенные в оборот новые источники позволят в дальнейшем существенно продвинуться в рассмотрении данной проблемы.

Примечания

¹ В данной статье административные границы территорий, наименования областей определяются временными рамками, исходящими из положений, существующих на момент выхода публикации в печать.

² Государственный архив Псковской области (далее ГАПО). Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 40. Л. 29.

³ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 40. Л. 40.

⁴ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 7. Л. 39; Там же. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 2. Л. 87.

⁵ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 107. Л. 1

⁶ ГАПО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 2. Л. 87.

⁷ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 40. Л. 134; Там же. Д. 21. Л. 24.

⁸ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 53. Л. 32.

⁹ ГАПО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 2. Л. 269.

¹⁰ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 9. Л. 41.

¹¹ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 107. Л. 56.

¹² ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 9. Л. 11.

¹³ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–12.

¹⁴ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 7. Л. 69.

¹⁵ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 7. Л. 69; Там же. Д. 107. Л. 13 об.

¹⁶ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–2.

¹⁷ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 7. Л. 7, 9, 10, 15; Там же. Д. 9. Л. 2–3.

¹⁸ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 109. Л. 5.

¹⁹ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 9. Л. 29.

²⁰ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 7. Л. 19.

²¹ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–69.

²² ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 109. Л. 6, 70.

²³ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 28. Л. 12.

²⁴ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 21. Л. 27–28.

²⁵ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 39. Л. 5.

²⁶ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 7. Л. 14–69; Там же. Д. 25. Л. 36; Там же. Д. 13. Л. 14.

²⁷ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.

²⁸ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 28. Л. 61.

²⁹ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 9. Л. 13; Там же. Л. 58; Д. 28. Л. 6.

³⁰ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 28. Л. 35.

³¹ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 2. Л. 24, 26; Там же. Д. 9. Л. 8.

³² ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 40. Л. 109.

³³ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 9. Л. 89.

³⁴ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 9. Л. 14.

³⁵ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 9. Л. 48, 56.

³⁶ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

³⁷ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 9. Л. 89.

³⁸ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 9. Л. 3–19, 34–44; Там же. Д. 107. Л. 54–58.

³⁹ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 14. Л. 123.

⁴⁰ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 89. Л. 34.

⁴¹ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 14. Л. 53.

⁴² ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 14. Л. 53, 150.

⁴³ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 14. Л. 123; Там же. Д. 14. Л. 159.

⁴⁴ ГАПО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 252. Л. 71.

⁴⁵ ГАПО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 249. Л. 22.

⁴⁶ ГАПО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 254. Л. 10.

⁴⁷ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 14. Л. 143, 151, 172, 179, 195.

⁴⁸ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 14. Л. 127.

⁴⁹ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 14. Л. 151.

⁵⁰ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 14. Л. 53.

⁵¹ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

⁵² ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 14. Л. 128.

⁵³ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 41. Л. 39–40.

⁵⁴ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 41. Л. 40.

⁵⁵ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 41. Л. 32.

⁵⁶ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 58. Л. 21.

⁵⁷ ГАПО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 252. Л. 25; Там же. Д. 254. Л. 74–75; ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 14. Л. 18.

⁵⁸ ГАПО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 254. Л. 16.

⁵⁹ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 41. Л. 46.

⁶⁰ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 41. Л. 47.

- ⁶¹ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 41. Л. 47.
⁶² ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 14. Л. 195.
⁶³ ГАПО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 44. Л. 3.
⁶⁴ ГАПО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 44. Л. 3.
⁶⁵ ГАПО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 44. Л. 3 об.
⁶⁶ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–14.
⁶⁷ ГАПО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 141. Л. 190; ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 7. Л. 19.
⁶⁸ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 47. Л. 4–30.
⁶⁹ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 17. Л. 83.
⁷⁰ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 61. Л. 13.
⁷¹ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.
⁷² ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 60. Л. 32.
⁷³ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 109. Л. 70, 105.
⁷⁴ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 40. Л. 19.
⁷⁵ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 53. Л. 12; Там же. Д. 7. Л. 7, 9, 10, 15.
⁷⁶ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 107. Л. 83–85.
⁷⁷ ГАПО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 145. Л. 1.
⁷⁸ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 107. Л. 83–85.
⁷⁹ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 53. Л. 18; Там же. Д. 46. Оп. 1. Л. 58.
⁸⁰ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 46. Л. 58, 69.
⁸¹ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 46. Л. 50, 58, 81.
⁸² ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 40. Л. 109.
⁸³ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 40. Л. 67–68, 115–128, 130–132.
⁸⁴ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 40. Л. 12.
⁸⁵ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 14. Л. 127; Там же. Д. 39. Л. 20.
⁸⁶ ГАПО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 39. Л. 20.

Список литературы

Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Псковская область: сб. архив. док. / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. сост. В.Г. Кузьмин, И.И. Андреева, О.А. Бобровская и др. Москва: Фонд «Связь Эпох»: Кучково поле Музеон, 2020. 624 с.

Война в Псковской области. Порхов и Порховский район. URL: https://web.archive.org/web/20130512231914/http://sport.pskov.ru/part_war.php?ida=1464 (дата обращения: 20.05.2025).

«Войной испепеленные года». Псковский край накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1939–1949 гг.: сб. документов Государственного архива Псковской области. Псков, 2005. 496 с.

Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне / сост., общ. ред. О.В. Будницкого, Л.Г. Новиковой. Москва: Политическая энциклопедия, 2019. 493 с.

Карпова В.В. Опочка в период гитлеровской оккупации // Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков. 2008. № 28. С. 229–236.

Ковалёв Б.Н. Особенности коллаборационизма на Псковщине (1941–1944 гг.) // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2019. № 3 (16). С. 32–41.

Красноженова Е.Е. «Детства больше не было»: детская повседневность в период оккупации северо-запада России (1941–1944 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 4 (69). С. 51–57.

Красноженова Е.Е. Северо-Запад РСФСР в период немецко-фашистской оккупации (1941–1944 годы) // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 6–11.

Кринко Е.Ф. Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944 гг.) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2 (23). С. 40–50.

Лосманов И.А. Деятельность комитета попечительства и взаимопомощи по поддержке беженцев на оккупированной территории Порховского района в годы Великой Отечественной войны // Молодость. Интеллект. Инициатива: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. студентов и магистрантов; Витебск, 26 апр. 2024 г.: в 2 т. Т. 1. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. 334 с. С. 158–160.

Лосманов И.А. Немецкая налоговая политика на территории Порховской земли в годы Великой Отечественной войны // XVI Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых; Витебск, 21 окт. 2022 г.: в 2 т. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова. Т. 2. 2022. 349 с. С. 94–96.

Протокол допроса немецкого военнопленного П. Доблера, бывшего командира группы полевой жандармерии военно-полевой комендатуры № 607, о деятельности комендатуры // Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Архивные документы свидетельствуют: Федеральный архивный проект. URL: <https://victims.rusarchives.ru/08-07-1947-protokol-doprosa-nemeckogo-voennoplenennogo-doblera> (дата обращения: 10.06.2025).

Филимонов А.В. Суды в псковском крае (1941–1944 гг.): оккупационные и партизанские // Псков: науч.-практ., ист.-краевед. Журнал. 2020. № 52. С. 28–42.

Хмельёва Е.В. Пушкиногорский район в годы фашистской оккупации (по воспоминаниям жителей района) // Псков: науч.-практ., ист.-краевед. журнал. 2015. № 42. С. 10–29.

References

Bez sroka давности: prestupleniya nacistov i ih posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoy territorii RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Pskovskaya oblast': sb. arhiv. dok. [No statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against civilians in the occupied territory of the RSFSR during the

Great Patriotic War. Pskov region: collection of archival documents], ed. by E.P. Malysheva, E.M. Cunaeva; comp.: V.G. Kuz'min, I.I. Andreeva, O.A. Bobrovskaya et al. Moscow, Svyaz' Epoh Publ., Kuchkovo pole Muzeon Publ., 2020, 624 p. (In Russ.)

Filimonov A.V. *Sudy v pskovskom krae (1941–1944 gg.): okkupacionnye i partizanskije* [Courts in the Pskov Region (1941–1944): occupation and partisan]. *Pskov: nauch.-prakt., ist.-kraeved. zhurnal* [Scientific, practical, historical and local history journal], 2020, no. 52, pp. 28–42. (In Russ.)

Garvardskij projekt: rassekrechennye svidetel'stva o Velikoj Otechestvennoj vojny [The Harvard Project: Declassified evidence of the Great Patriotic War], ed., comp. by O.V. Budnickij, L.G. Novikov. Moscow, Politicheskaya enciklopediya Publ., 2019, 493 p. (In Russ.)

Hmelyova E.V. *Pushkinogorskiy rajon v gody fashistskoj okkupacii (po vospominaniyam zhitelej rajona)* [Pushkinogorsky district during the Nazi occupation (according to the memoirs of the residents of the district)]. *Pskov: nauch.-prakt., ist.-kraeved. zhurnal* [Scientific, practical, historical and local history journal], 2015, no. 42, pp. 10–29. (In Russ.)

Karpova V.V. *Opochka v period gitlerovskoj okkupacii* [Opochka during the Nazi occupation]. *Pskov: nauch.-prakt., ist.-kraeved. zhurnal* [Scientific, practical, historical and local history journal], 2008, no. 28, pp. 229–236. (In Russ.)

Kovalyov B.N. *Osobennosti kollaboracionizma na Pskovshchine (1941–1944 gg.)* [Peculiarities of collaboration in Pskov region (1941–1944)]. *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tihogo okeana* [New historical perspectives: from the Baltic to the Pacific Ocean], 2019, no. 3 (16), pp. 32–41. (In Russ.)

Krasnozhenova E.E. «Detstva bol'she ne bylo»: *det'skaya povsednevnost' v period okkupacii severo-zapada Rossii (1941–1944 gg.)* [“There was no more Childhood”: children's daily routine during the Occupation of Northwestern Russia (1941–1944)]. *Kaspijskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian region: politics, economy, culture], 2021, no. 4 (69), pp. 51–57. (In Russ.)

Krasnozhenova E.E. *Severo-Zapad RSFSR v period nemecko-fashistskoj okkupacii (1941–1944 gody)* [The North-West of the RSFSR during the Nazi occupation (1941–1944)]. *Istoricheskij kur'er* [Historical Courier], 2020, no. 3 (11), pp. 6–11. (In Russ.)

Krinko E.F. *Sovetskaya shkola v usloviyah nacistsoj okkupacii (1941–1944 gg.)* [Soviet school under Nazi occupation (1941–1944)]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Domestic and foreign pedagogy], 2015, no. 2 (23), pp. 40–50. (In Russ.)

Losmanov I.A. *Deyatel'nost' komiteta popечitel'stva i vzaimopomoshchi po podderzhke bezhencev na okkupirovannoj territorii Porhovskogo rajona v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Activities of the Commit-

tee for guardianship and mutual assistance in support of refugees in the occupied territory of the Porkhovsky district during the Great Patriotic War]. *Molodost'. Intellect. Iniciativa: materialy XII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. studentov i magistrantov; Vitebsk, 26 apr. 2024 g.* [Youth. Intelligence. Initiative: proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference of Students and Undergraduates]: in 2 vols. Vol. 1. Vitebsk, VGU im. P.M. Masherova Publ., 2024, pp. 158–160. (In Russ.)

Losmanov I.A. *Nemeckaya nalogovaya politika na territorii Porhovskoj zemli v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [German tax policy on the territory of Porkhov land during the Great Patriotic War]. *XVI Masherovskie chteniya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. studentov, aspirantov i molodyh uchenyh; Vitebsk, 21 okt. 2022 g.* [XVI Masherovsky Readings: proceedings of the International scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists]: in 2 vol. Vol. 2. Vitebsk, VGU im. P.M. Masherova Publ., 2022, pp. 94–96. (In Russ.)

Protokol doprosa nemeckogo voennoplennogo P. Doblera, byvshego komandira gruppy polevoj zhandarmerii voenno-polevoj komendatury № 607, o deyatelnosti komendatury [Protocol of the interrogation of German prisoner of war P. Dobler, former commander of the field gendarmerie group of the military field Commandant's office No. 607, on the activities of the commandant's office]. *Prestupleniya nacistov i ih posobnikov protiv mirnogo naseleniya SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: Arhivnye dokumenty svidetel'stvuyut: federal'nyj arhivnyj projekt* [Crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945: Archival documents testify: Federal Archival project]. URL: <https://victims.rusarchives.ru/index.php/08-07-1947-protokol-doprosa-nemeckogo-voennoplennogo-doblera> (access date: 10.06.2025). (In Russ.)

Vojna v Pskovsk. oblasti. Porhov i Porhovskij rajon [The war in the Pskov region. Porkhov and Porkhovsky district]. URL: https://web.archive.org/web/20130512231914/http://sport.pskov.ru/part_war.php?id=1464 (access date: 20.05.2025). (In Russ.)

«*Vojnoj ispepelennye goda*». *Pskovskij kraj nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1939–1949 gg.* [“The incinerated years of war.” Pskov region on the eve and during the Great Patriotic War. 1939–1949]. *Sbornik dokumentov Gosudarstvennogo arhiva Pskovskoj oblasti* [Collection of documents from the Pskov Region State Archive]. Pskov, 2005, 496 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.06.2025; одобрена после рецензирования 11.09.2025; принята к публикации 12.09.2025.

The article was submitted 19.06.2025; approved after reviewing 11.09.2025; accepted for publication 12.09.2025.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 85–92. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 85–92. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1'0.09

EDN IDGQIP

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-85-92>

ПОЭТИКА РАССКАЗОВ О МЯТЕЖАХ В ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ XII–XVI ВВ.: К ПРОБЛЕМЕ «ДЕВИАНТНОСТИ»

Туфанова Ольга Александровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, tufoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>

Аннотация. В статье рассматривается художественная специфика криминальных сюжетов о мятежах в составе Новгородской I летописи младшего извода и Московского летописного свода конца XV в. В результате исследования сделан вывод о том, что рассказы о выступлениях против или за представителей светской или церковной власти относятся к группе «девиантных» текстов, в которых запечатлевается насильствующее зло, находящее проявление либо в «инструментальной» агрессии, либо в деструктивном поведении. Во всех проанализированных фрагментах наблюдаются сходные модели поведения, отражающие ситуативно отрицательное отклонение: представители светской или церковной власти вынуждены подчиниться требованиям взбунтовавшихся, мятежники же посредством грабежа и разбоя оказывают агрессивное психологическое воздействие на представителей власти. В зависимости от того, против кого был поднят мятеж и какой характер он имел, меняется и доминантный набор ведущих мотивов. Если в рассказах об организованных мятежах повторяются мотивы грабежа, насильственного лишения власти, собрания людей, битвы/драки, смерти, вмешательства представителей церковной или княжеской власти и восстановления порядка, то в сюжетах о стихийно возникших мятежах огромную роль играет «девиантогенный фактор» – рассказ о природном катаклизме, который и приводит к ситуативному девиантному поведению. Соответственно, на первый план в этих сюжетах выходят мотивы общественного обвинения и/или поиска виноватого, применения физической силы и, как и в иных криминальных сюжетах, мотив восстановления порядка.

Ключевые слова: летопись, сюжеты о мятежах, поэтика «девиантности», «девиантный» текст, мотив, деструктивное поведение.

Для цитирования: Туфанова О.А. Поэтика рассказов о мятежах в древнерусских летописях XII–XVI вв.: к проблеме «девиантности» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 85–92. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-85-92>

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00091, <https://rscf.ru/project/24-28-00091/>) в ИМЛИ РАН.

Research Article

RIOT STORIES POETICS IN OLD RUSSIAN CHRONICLES OF THE 12TH–16TH CENTURIES: ON THE PROBLEM OF “DEVIANCE”

Olga A. Tufanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, tufoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>

Abstract. The article examines the artistic specificity of crime stories about rebellions in Novgorod First Chronicle of the Younger Edition and Moscow Chronicle Collection of the late 15th century. The study concludes that stories about uprisings against or for representatives of secular or ecclesiastical authority belong to the group of “deviant” texts, which depict violent evil, which is manifested either in “instrumental” aggression or in destructive behaviour. All analysed fragments exhibit similar behavioural patterns reflecting a situationally negative deviation: representatives of secular or ecclesiastical authority are forced to submit to the demands of the rebels, while the rebels exert aggressive psychological influence on the representatives of authority through robbery and plunder. Depending on who the rebellion was raised against and what its nature was, the dominant set of leading motives also changes. If stories about organised rebellions repeat the motives of robbery, violent deprivation of power, gatherings of people, battles/brawls, death, intervention of representatives of

church or princely authority and restoration of order, then in stories about spontaneous rebellions a huge role is played by the “deviantogenic factor” – a story about a natural cataclysm, which leads to situational deviant behaviour. Accordingly, in these stories the motives of public accusation and/or search for the guilty, the use of physical force and, as in other criminal stories, the motive of restoring order come to the fore.

Keywords: chronicle, riot stories, poetics of “deviance”, “deviant” text, motive, destructive behaviour.

For citation: Tufanova V.A. Riot stories poetics in Old Russian chronicles of the 12th–16th centuries: on the problem of “deviance”. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 85–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/19980817-2025-31-4-85-92>

Acknowledgements. The article was completed with the support of the Russian Science Foundation (project no. 24-28-00091, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00091/>) at IWL RAS.

В древнерусских летописях XII–XVI вв. встречается довольно большое количество рассказов о выступлениях против власти и порядка управления. Согласно «Материалам для словаря древнерусского языка...» И.И. Срезневского, слово «мятеж» в письменных памятниках имеет несколько значений: ‘волнение, смута’, ‘ссора’, ‘разногласие’, ‘беспорядок’, ‘шум, смятение’, ‘смушение, волнение, возбуждение’, а также ‘раскаяние’, ‘буря’, ‘град’ и даже ‘воображение’ [Срезневский 2: стб. 258–259]. Однако наиболее часто в летописях слово «мятеж» все-таки используется в трех первых значениях и употребляется, как правило, в сюжетах о массовых преступлениях против власти и/или порядка управления, почти всегда сопровождаемых мотивами убийства, членовредительства, грабежа и разбоя.

Они неоднородны по своей тематике и художественному представлению, имеют разные названия: в одних случаях летописцы прямо пишут, что это мятеж, под которым подразумеваются серьезные народные волнения, смута, массовые беспорядки, в других случаях используют слова «котора», «крамола» (часто для обозначения вражды или распри внутри одной общины), в третьих случаях указанием на повествование соответствующей тематики являются глаголы «востааша» и «разграбиша». Трудность в однозначном определении таких криминальных по своей сути рассказов отчасти объясняется тем, что мятеж долгое время, почти до XVII столетия, не рассматривался на Руси как государственное преступление «по обыкновенной неполноте закона», как писал в своем фундаментальном труде «Обзор истории русского права» М.Ф. Владимирский-Буданов, «в сравнении с сферою действующаго права, частью же потому, что преступность некоторых деяний из этого разряда не вполне была признана» [Владимирский-Буданов: 230; орфография источника упрощена]. «Неясным», по мнению ученого, было и «представление о преступлениях граждан против порядка управления», поскольку «составление мятежных скопищ было обыкновенным явлением при вечевом складе общества», однако «случай в Новгороде, описанный под 1071 г., когда весь народ встал за волхва и лишь князь Глеб с дружиной за епископа, показы-

вает, как трудно причислить явления к обыкновенным преступлениям» [Владимирский-Буданов: 231; см. также: История 1: 266]. Соглашаясь с мнением М.Ф. Владимирского-Буданова, авторы труда «История суда и правосудия в России» акцентируют внимание на том, что «бунты, мятежи, восстания, погромы, убийства должностных лиц... нельзя назвать ординарными, они – экстраординарные, экстремальные, чрезвычайные, но далеко не единичные» [История 1: 266].

В силу этой тематической специфики и «чрезвычайности» сюжеты о мятежах можно классифицировать как «девиантные» тексты, в центре внимания которых находится поступок или действия человека (или группы людей), который воспринимается и оценивается книжником как противоречащий общепринятым нормам и ожиданиям общества (подробнее о понятии «девиантный» текст см.: [Туфанова 2024: 274–276]). Многократно и обстоятельно исследованные с историко-культурной и идеологической точки зрения (см., например: [Тихомиров; Мавродин; Янин 2008; Халявин; Фроянов; и др.], сюжеты о массовых преступлениях против власти и порядка управления в меньшей степени охарактеризованы с точки зрения их художественной специфики.

Прежде всего, необходимо отметить, что поэтика сюжетов о мятежах, зафиксированных в летописях XII–XVI вв., во многом зависит от того, против кого было направлено массовое возмущение; от того, кто был зачинщиком смуты; а также от событий или явлений, предшествующих массовым беспорядкам. Во-вторых, при отборе материала учитывалось наличие или отсутствие определения в самом фрагменте; для анализа брались исключительно те сюжеты, в которых книжники характеризовали массовые беспорядки посредством существительных «мятеж», «крамола», «котора» или при помощи глагола «востааша». В-третьих, рассмотрению с точки зрения художественной специфики были подвергнуты только те повествовательные фрагменты, в которых наблюдалось соответствие содержания (рассказ об аномальном поступке) и формы (наличие характерной для «девиантных» текстов сюжетной схемы (см. подробнее: [Туфанова 2024; Туфанова 2025])).

С учетом этих особенностей рассказы о массовых преступлениях против власти и порядка управления можно разделить на две группы: 1) сюжеты об организованных мятежах, т. е. возникающих вследствие желания сменить власть или оказать на нее воздействие, сопровождающихся распределением ролей участников и нередко выделением лидеров-организаторов и исполнителей; 2) сюжеты о стихийных мятежах, возникающих в тех случаях, когда стремительное развитие патогенных или социогенных ситуаций заставляет людей, вне зависимости от их воли, желаний, убеждений и пр., нарушать конкретные правовые, культурные или нравственные нормы.

Рассматривая природу и специфику бунтов в Древней Руси, исследователи В.Я. Мауль, О.Г. Усенко справедливо отмечали, что разработка универсальной, общепризнанной «типологии народного протеста» невозможна в силу неустойчивости как самих дефиниций понятий, так и «критериев построения» [Мауль: 182–183; Усенко 1994: 6]. Поэтому, осознавая условный характер деления рассказов о мятежах на две группы, вынужденно принимаем его для анализа художественной специфики криминальных сюжетов, поскольку они кардинально отличаются друг от друга не только исходными ситуациями, но и характером проявления и описания девиантного поведения участников событий. Не претендуя в рамках статьи на полноту освещения вопроса, намеренно не касаясь всесторонне исследованных причин исторического и политического характера тех или иных событий, обратимся к рассмотрению поэтики «девиантности» наиболее ярких сюжетов из каждой группы, сделав акцент на особенностях повествования о массовых преступлениях против власти и порядка управления.

Сюжеты об организованных мятежах в историческом повествовании XII–XVI вв. часто имеют политический характер и отличаются друг от друга набором повторяющихся мотивов в зависимости от героя, против или во имя которого поднимается мятеж. Среди них выделяются сюжеты о мятежах против посадников и сюжеты о мятежах против или за князей.

Так, в Новгородской I летописи младшего извода под 6644 (1136) и 6645 (1137) гг. читаются два рассказа, объединенные образом одного князя – Всеволода; в первом случае новгородцы прогоняют князя, во втором – князь пытается вернуть себе отчий стол. При этом события 1136 г., когда новгородцы «сгониша князя своего Всеволода, и всадиша и въ епископы дворъ с женою и с дѣтьми и с тѣщею» [НЛМл: 209], не оценивается летописцем как преступление, что выражается и в отсутствии характерного для рассказов о мятежах определения, и в том, что во фрагменте последовательно, по пунктам перечисляются причины недовольства правлением князя. Эти обвинения свидетельствуют о том, что Всеволод, по мне-

нию людей, не способен должным образом исполнять свои обязанности (подробнее см.: [Фроянов: 282–286]). В рассказе подчеркивается, что новгородцы, арестовав князя, заключают его под стражу со всеми близкими родственниками, но в то же время здесь ни слова не говорится о разграблении имущества князя или о причинении какого-либо физического вреда ему. Отсутствует и обязательная для сюжетов о мятежах оценка происходящего. Всё это приводит к заключению, что перед нами рассказ, который в определенном смысле фиксирует некое нормативное для таких случаев поведение.

Иначе повествуется о событиях в статье под 1137 г. Летописец дает им четкое оценочное определение, лапидарно, без дополнительных комментариев выразив свое отношение к описываемому: «и мятежь бысть великъ в Новѣгородѣ» [НЛМл: 210]. Развернуто представляется исходная ситуация, выстраиваемая на мотивах личного желания князя (хотения) и тайного призыва и поддержки его сторонников: «В то же лѣто прииде князь Мъстиславич Всеволод въ Плесковъ, хотя сѣсти в Новѣгородѣ опять на столѣ своем, позованъ отаи новгородчкими мужи и плесковици, приятели его: “поиди княже, тебе хотятъ опять”» [НЛМл: 209–210]. Собственно рассказ о дальнейших событиях (еще один обязательный элемент сюжетной схемы «девиантных» текстов [Туфанова 2024; Демичева]) начинается с обратного мотива, фиксирующего причину волнений: «не въсхотѣша людѣ Всеволода» [НЛМл: 210]. Вследствие столкновения желаний (князь хочет – новгородцы не хотят) и начинается мятеж, который выливается в разграбление домов сторонников князя, поиски его «приятелей» бояр и взимание с них большой дани: «...и побѣгоша друзии къ Всеволоду Плескову, и взяша на разыграбление дома их, Костянтинъ, Нѣжатинъ, инѣхъ много, и еще же ищуще то, кто Всеволоду приять боляръ, то имаша на них с полторѣ тысяцѣ гривенъ, и даша купцѣ крутитися на воину» [НЛМл: 210]. Грабеж выступает здесь формой протеста против неугодного князя и является своеобразной мерой наказания для тех, кто имел отношение к тайному сговору. Но, поскольку зло порождает зло, разграблению и обложению более серьезной данью подверглись и сочувствующие, и вовсе не причастные: «досягаша и не виноватыхъ» [НЛМл: 210].

В «Московском летописном своде конца XV века» под 6621 (1113) г. помещен сюжет о мятеже, но уже не против, а во имя князя, который выстраивается на тех же самых мотивах, что и рассмотренный выше. Летописец пишет, что по смерти князя Михаила киевляне обратились к Владимиру с призывом занять «стол отца своего» [МЛС: 27]. Владимир же, «плакася велми по братѣ своемъ и не поиде от печали» [МЛС: 27]. Несколько иначе выраженное,

но по сути такое же столкновение желаний (народ хочет, призывает – князь в печали не желает) становится причиной дальнейших девиантных действий киевлян. Не добившись желаемого, они «разграбиша дворъ Путятинъ тысяцкого и идоша на Жида и разграбиша я» [МЛС: 27]. После такого – сознательно – грабежа они вторично обратились к Владимиру с весьма примечательной речью: «поиде, княже, къ Киеву; аще ли не поидеши, то много зло во градѣ воздвигнется, и многы дворы и монастыря и княгиню пограбятъ» [МЛС: 27] (о сюжетобразующей роли речей в летописных «девиантных» текстах см.: [Туфанова 2025]). В сравнении с первым обращением: «поиди, княже, на стол отца своего» [МЛС: 27] – повторное зазывание звучит уже как угроза.

В основе конфликтной ситуации, таким образом, в сюжетах о мятежах против или за князей лежит столкновение желаний князя и горожан. Частый центральный мотив в них – мотив грабежа, который всегда является средством воздействия на князей и звучит либо как предупреждение (не приходи!), либо как приглашение, не допускающее отказа, и даже угроза (только попробуй не приходи!). В сюжетах этого подтипа обыкновенно называются виновники мятежа, правда зачастую обобщенно (новгородские и псковские «мужи» или просто киевляне). Завершаются они обычно мотивом восстановления порядка, играющим роль фактической и в большинстве случаев слабо выраженной эмоциональной оценки ситуации: либо наказанием виновных, либо сообщением о том, что князь сел на княжение, «людие възрадовашася, и мятеж улеже» [МЛС: 27].

В сравнении с довольно лаконичными сюжетами о мятежах, связанными с тем или иным князем, сюжеты о мятежах против посадников отличает относительная развернутость повествования и большая детализация. Так, в Новгородской I летописи младшего извода в статью под 6867 (1359) г. включен рассказ о выступлении народа против посадника Андреяна Захарынича, который получает однозначное оценочно-смысловое определение: «бысть мятежь силенъ в Новѣгородѣ» [НЛМл: 365]. Фрагмент имеет обрамление, выполняющее роль оценки события, в которой типичное трансцендентное объяснение причин произошедшего сочетается с объективным, реалистическим указанием на виновников мятежа. Начало эпизода: «Тои же весны, богу попустившу грѣх ради наших, а диаволу дѣиствующу, и по совѣту лихых людий...» [НЛМл: 365]; конец эпизода: «не попусти богъ до конца диаволу порадоватися, нъ възвеличано бысть крестиянство в род и род» [НЛМл: 366]. В финале летописец использует глагол «порадоватися» в своеобразном контексте, позволяющем предположить (в сопоставлении с началом эпизода), что мятеж толкуется и оценивается книжником

как дьявольская радость, исполнителями которой стали «лихие» люди.

Главный мотив исходной ситуации – мотив насильственного лишения власти: «отъяша посадничство у Вондрѣяна Захарынича не весь город, токмо Славеньскыи конецъ, и даша посадничество Селивестру Лентиеву» [НЛМл: 366]. Повод недовольства посадником не называется, и благодаря этому приему умолчания иначе прочитывается оценка в начале эпизода и становится видно, как летописец создает, с одной стороны, образ мятежников, с другой – образ «размножающегося» зла: некие «лихие» люди посоветовали (что посоветовали – неизвестно), и жители «Славенского конца» выступили против посадника. Рассказ о дальнейшем развитии событий открывает мотив собрания людей: «и створися проторжь не мала на Ярославѣ дворѣ» [НЛМл: 366]. Количество втянутых в конфликт жителей Новгорода все время увеличивается, «лихие» люди своим «советом» словно заражают этой «лихостью» других. Не случайно далее повествование строится на мотиве битвы, который сопровождают мотивы драки, смерти: «и съча бысть: занеже славлянѣ в доспѣсѣхъ подѣлѣхъ бяху, и розгониша заричанѣ, а они безъ доспѣха были, и бояръ многих побилѣ и полупили, а Ивана Борисова Лихинина до смерти убили» [НЛМл: 366]. Летописец подчеркивает нечестность битвы: одни – в доспехах, другие – без. Вследствие этого конфликтная ситуация разрастается еще больше, о посаднике Андреяне – ни слова, все о нем забыли, и речь идет уже о противостоянии сторон, о мести за бесчестье: «И доспѣша тогда обѣ стороны противу себе: Софѣйская сторона хоти мстити бешестие братьи своеи, а Славеньская от живота и от головы; и стояша три дни межю себе, уже бо славляне и мость переметаша» [НЛМл: 366].

Это нарастающее напряжение и неистовое противостояние останавливает вмешательство владыки Моисея, взявшего с собой архимандритов и игуменов. Он обращается с речью к девиантно ведущим себя горожанам, но с какой(!), одно обращение «дѣти» к вооруженным, разъяренным, ослепленным яростью и желанием мести жителям достойно восхищения: «...дѣти, – говорит, согласно летописи, владыка, – не доспѣти поганымъ похвалы, а святымъ церквамъ и мѣсту сему пустоты; не съступитесь битися» [НЛМл: 366]. И тут же книжник пишет: «И прияша слово его, и разидошася» [НЛМл: 366]. Мотив вмешательства представителя светской или церковной власти для прекращения конфликтов между жителями встречается и в других сюжетах, посвященных выступлениям против посадников. Например, в статье под 6850 (1342) г. в Новгородской I летописи младшего извода, где речь идет о восстании все на того же Андреяна Захарынича и на посадника Федора Данилова, летописец пишет: «и владыка Василии с намѣстником Борисом

доконцаша миръ межи ими» [НЛМл: 356]. Но здесь, в статье под 1359 г., приведенная речь владыки имеет, как кажется, все-таки книжный характер (уж слишком она экзотична для описываемой ситуации), столь же по-книжному правильно выглядит и сообщение о том, что стороны разошлись. В действительности же последнее означает только то, что новой битвы между разными сторонами Новгорода не произошло. Не случайно книжник не останавливает на условном разрешении ситуации повествование, месть за бесчестие всё же состоялась: «...и взяша села Селивестрова на щить, а иных сель славеньскихъ много взяша; много же и невиноватых людий погубило тогда» [НЛМл: 366]. А конфликт был разрешен только тогда, когда был выбран новый посадник: «...и даша посадничество Микитѣ Матфѣвичю» [НЛМл: 366], и это отнюдь не тот самый посадник Селивестр, которому отдал власть «Славеньский конец».

В целом рассказ о мятеже 1359 г. представляет собой сюжетное повествование, в котором реализуются все три элемента общей сюжетной схемы, характерной для «девиантных» текстов, наблюдается групповая, отчасти спланированная, отчасти стихийная форма девиации втянутых в конфликт горожан и, соответственно, два вида агрессии – злокачественная со стороны «Славеньского конца» и доброкачественная с «Софѣйской стороны», обусловленная ответной реакцией на девиантное, ничем с объективной точки зрения не объяснимое в рассказе поведение тех, кто отнял посадничество у Андреяна (подробнее о видах агрессии см.: [Фромм: 234–235]). В данном случае я не касаюсь причин исторического и политического характера, которые прекрасно представлены в работах коллег-историков (см., например: [Фроянов: 275–289]), речь идет исключительно о форме и способе рассказывания о событии.

Таким образом, в сюжетах о мятежах против посадников, в сравнении с сюжетами о мятежах против или за князей, наблюдается несколько иной набор мотивов: это мотивы насильственного лишения власти, собрания людей, битвы/драки, смерти, вмешательства представителей церковной или княжеской власти и восстановления порядка.

Вторая группа рассказов о массовых преступлениях против власти и порядка управления – это сюжеты о стихийных мятежах. Один из таких сюжетов, рожденный патогенной ситуацией, – это рассказ под 6736 (1228) г. в Новгородской I летописи младшего извода о свержении Арсения, занимавшего кафедру архиепископа в Новгороде. Всё произошедшее толкуется летописцем как «крамола велика» [НЛМл: 272]. Развитию событий предшествует важная информация об исходной ситуации, в которой изображается природный катаклизм: «Тои же осени наиде дождь великъ и день и ночь, на Господинъ день, даждь

и до Николина дни ни сѣна бѣшет людемъ лзя добыти, ни удѣлати» [НЛМл: 272]. В этой критически тяжелой бытовой и природной ситуации новгородцы «створше вѣче на княжи дворѣ, и поидоша на владыченъ дворъ, глаголюще сице: “того ради стоитъ тепло долго, выпроводилъ Антония владыку на Хутино, а самъ сѣлъ, давши князю мзду”» [НЛМл: 272]. Согласно психологическим исследованиям, экстремальная ситуация, как правило, «приводит к высокому уровню социального возбуждения» и «обостряет доминирующую реакцию» [Рогачева, Залевский, Левицкая: 86]. Чтобы адаптироваться к аномальной, критической ситуации либо снизить индивидуальное или коллективное эмоциональное напряжение, люди склонны использовать различные когнитивные способы совладания – от поиска информации до обвинения других (см. подробнее: [Психология: 192; Берзин, Куимов, Пышминцева]). На фоне когнитивного искажения ответственность за происходящее может перекладываться на обстоятельства или конкретное лицо (подробнее о понятии когнитивное искажение см., например: [Позняк; Кашапова, Рыжкова]). В анализируемом фрагменте массовое когнитивное искажение, обусловленное продолжительным нахождением в состоянии стресса, проявляется скрыто в желании найти виновного в природных катаклизмах. Собравшиеся на вече новгородцы единодушно видят причину бесконечного дождя, «препятствовавшего севу озимых и уборке сена» [Фроянов: 402], в незаконных действиях Арсения. В Новгородской IV летописи это обвинение, на что обратил внимание еще И.Я. Фроянов, высказано в четкой формулировке: «Тебе ради бысть зло се» [Фроянов: 416, примеч. 53]. Последствием этого массового когнитивного искажения стало стихийное девиантное поведение «простой чади», вылившееся в открытое общественное обвинение Арсения и применение физического насилия по отношению к нему: «аки злодѣя пѣхающе в шию, выгнаша» [НЛМл: 272]. И это отнюдь не случайно: «...народ, отягощенный грузом языческих верований и представлений, причину бед людских искал в правителях», немалую роль в этом сыграли и «политические страсти, раздиравшие Новгород» [Фроянов: 405; см. также: Янин 2003: 197–198].

В этом контексте очень важна прямо выраженная оценка летописцем Арсения как «мужа кротка и смирена» [НЛМл: 272] и показанное через действия аномальное поведение новгородцев. Деструктивность их решений и поступков дополнительно подчеркивается через размещенную в начале эпизода общую оценку произошедшего, в которой наряду с традиционным трансцендентным объяснением вводится конкретика, проясняющая, почему дьявол поднял «простую чадь» на Арсения: «зане прогоняшет его (т. е. дьявола. – О.Т.) ношнымъ стояниемъ

и пѣснословием и молитвами» [НІЛмл: 272]. Эта конкретизация детализирует характеристику Арсения как благочестивого и нормативно правильно ведущего себя «мужа кротка и смирена» [НІЛмл: 272], которого «простая чадь» обвинила в создавшейся патогенной природной ситуации.

Мотивы общественного обвинения и/или поиска виноватого, применения физической силы, порой жестокой расправы, в том числе и со смертельным исходом, являются яркими способами изображения девиантного поведения героев в сюжетах о стихийных мятежах. Аналогичным образом строятся, как это ни странно, сюжеты о волхвах, например сюжет о волхвах, избивающих старую чадь, под 1024 г. в Повести временных лет.

Завершаются сюжеты о стихийных мятежах, как правило, аналогично сюжетам первой группы – мотивом восстановления порядка. В анализируемом эпизоде новгородцы наутро возвращают архиепископа Антония («И заутра выведоша опять въ дворъ Антония архиепископа и посадиша с ним 2 мужа: Якуна Моисѣвича, Микифора щитника» [НІЛмл: 273]), а Арсению удается с Божьей помощью укрыться в церкви святой Софии: «и на малѣ убоде богъ от смерти: затворися въ церкви святаго Софѣя, иде на Хутино» [НІЛмл: 272]. Однако гораздо чаще мотиву восстановления порядка предшествует рассказ о расправе с тем, кто, воспользовавшись патогенной ситуацией, взял на себя миссию восстановления порядка и превысил свои полномочия, что характерно в первую очередь для сюжетов о восстаниях волхвов.

Таким образом, рассмотренные рассказы о мятежах в Новгородской I летописи младшего извода и в «Московском летописном своде конца XV века» относятся к группе «девиантных» текстов, в которых запечатлевается насилующее зло, в большинстве своем демонстрирующих массовое ситуативно отрицательное отклонение, находящее проявление либо в «инструментальной» агрессии, под которой понимается «средство достижения каких-то личных, как правило, корыстных целей» [Девиантное поведение: 13] – сюжеты о мятежах против/за князя, либо в деструктивном поведении, обусловленном когнитивным искажением, выливающимся в коллективную агрессию по отношению к власти, – сюжеты о стихийных мятежах. Во всех проанализированных фрагментах наблюдаются сходные модели поведения: представители светской или церковной власти вынуждены подчиниться требованиям взбунтовавшихся, мятежники же посредством грабежа, разрушения и/или уничтожения имущества оказывают агрессивное психологическое воздействие на представителей власти. Повествуя о преступлениях против собственности во имя организации нового порядка управления или сохранения сложившегося, летописцы фиксиру-

ют, избегая «юридической» конкретики, и в сюжетах об организованных мятежах, и в сюжетах о стихийных мятежах нарушение социально-правовых норм. В зависимости от того, против кого был поднят мятеж, меняется и доминантный набор способов повествования. Если в лаконичных рассказах о мятежах против или за князя повторяются в основном мотивы грабежа и восстановления порядка, то в более развернутых повествованиях о мятежах против посадников используется иная «палитра» мотивов, важнейшие среди которых – мотивы насильственного лишения власти, собрания людей, битвы/драки, смерти, вмешательства представителей церковной или княжеской власти и восстановления порядка. В отличие от сюжетов об организованных, чаще всего носящих политический характер мятежах, в сюжетах о стихийно возникших мятежах огромную роль играет «девиантогенный фактор» (термин Я.И. Гилянского [Гилянский: 193]) – рассказ о природном катаклизме, который и приводит к ситуативному девиантному поведению, выливающемуся в насилие над тем, кого принимают за виновного в происходящем. Соответственно, на первый план выходят мотивы общественного обвинения и/или поиска виноватого, применения физической силы и, как и в иных криминальных сюжетах, мотив восстановления порядка. В целом же, несмотря на выявленные сходные мотивы и способы изображения участников событий, рассмотренные летописные рассказы о массовых преступлениях против власти и/или порядка управления все-таки не имеют единого, устоявшегося канона описания, что связано, вероятно, с тем, что каждое такое спорадическое событие фиксировалось как экстраординарное в историческом повествовании Древней Руси.

Список литературы

Источники

МЛС – Полное собрание русских летописей / АН СССР, Ин-т истории СССР. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. 463 с.

НІЛмл – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Акад. наук СССР, Ин-т истории; под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 640 с.

Срезневский – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Изд-е Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1902. Т. 2: Л–П. 15, [4] с., 1802 стб.

Исследования

Берзин Б.Ю., Куимов А.Л., Пышминцева О.А. Адаптация и копинг-стратегии населения в экстремальных ситуациях // Human Progress. 2022. Т. 8,

вып. 3. С. 3. URL: http://progress-human.com/images/2022/Tom8_3/Berzin.pdf. (дата обращения: 10.06.2025). <https://doi.org/10.34709/IM.183.3>

Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 5-е изд. Санкт-Петербург; Киев: Изд-е книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1907. [4], VI, VI, 694 с.

Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр., доп. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2013. 650 с.

Демичева Н.А. Человек в осажденном городе: к проблеме изучения «девиантного» текста в историческом повествовании Древней Руси // Вестник славянских культур. 2024. Т. 73. С. 250–260. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-250-260>

История суда и правосудия в России: в 9 т. Т. 1: Законодательство и правосудие в Древней Руси (IX – середина XV века): монография / отв. ред. С.А. Колунтаев, В.М. Сырых. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. 640 с.

Кашапова Э.Р., Рыжкова М.В. Когнитивные искажения и их влияние на поведение индивида // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. № 2 (30). С. 15–26. <https://doi.org/10.17223/19988648/30/2>

Мавродин В.В. Народные восстания в древней Руси XI–XIII вв. Москва: Соцэкгиз, 1961. 118 с.

Мауль В.Я. Бунт или не бунт и другие вопросы изучения темы (размышления о народных движениях XVII–XVIII вв. // Новое прошлое = The New Past. 2021. № 2. С. 180–189. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2021-2-180-189>

Позняк К.В. Классификация когнитивных искажений // Право. Экономика. Психология. 2023. № 3 (31). С. 68–75.

Психология кризисных и экстремальных ситуаций: учебник / под ред. Н.С. Хрусталёвой. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2018. 748 с.

Рогачева Т.В., Залевский Г.В., Левицкая Т.Е. Психология экстремальных ситуаций и состояний: учеб. пособие. Томск: Издат. дом ТГУ, 2015. 276 с.

Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси: XI–XIII вв. Москва: Госполитиздат, 1955. 280 с.

Туфанова О.А. «Девиантный» текст в историческом повествовании Древней Руси: к постановке проблемы // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 23 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. С. 265–302. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-265-302>

Туфанова О.А. Речи персонажей как сюжетобразующий прием в летописных «девиантных» текстах // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 2. С. 202–218. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-2-202-218>

Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1994. Ч. 1. 74 с.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э.М. Телятниковой. Москва: АСТ, 2015. 618 с.

Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII веков: народные движения. Княжеская и вечевая власть. Москва: Русский издательский центр, 2012. 1087 с.

Хагуров Т.А., Чепелева Л.М., Рябченко Н.А., Ракачев В.Н. Девиантное поведение подростков и молодежи: формы, причины, профилактика: учеб.-метод. пособие. Краснодар: [б. и.], 2020. 100 с.

Халявин Н.В. Оценка новгородских событий 1136 года в советской и современной отечественной историографии // Русские древности: сб. науч. трудов: к 75-летию проф. И.Я. Фроянова. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2011. С. 84–97.

Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 511 с.

Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. Москва: Языки славянских культур, 2008. 395, [2] с.

References

Berzin B.Iu., Kuimov A.L., Pyshmintseva O.A. *Adaptatsiia i koping-strategii naseleniia v ekstremal'nykh situatsiakh* [Adaptation and coping strategies of the population in extreme situations]. *Human Progress*, 2022, vol. 8, iss. 3, p. 3. URL: http://progress-human.com/images/2022/Tom8_3/Berzin.pdf (access date: 10.06.2025). <https://doi.org/10.34709/IM.183.3> (In Russ.)

Demicheva N.A. “*Chelovek v osazhdennom gorode: k probleme izucheniia ‘deviantnogo’ teksta v istoricheskom povestvovanii Drevnei Rusi*” [Man in a Besieged City: On the Problem of Studying the ‘Deviant’ Text in the Historical Narrative of Ancient Rus]. *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2024, vol. 73, pp. 250–260. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-250-260> (In Russ.)

Fromm E. *Anatomiia chelovecheskoi destruktivnosti* [Anatomy of Human Destructiveness], trans. from German by E.M. Teliatnikova. Moscow, AST Publ., 2015, 618 p. (In Russ.)

Froianov I.Ia. *Drevniaia Rus' IX–XIII vekov: narodnye dvizheniia. Kniazheskaia i vechevaia vlast'* [Ancient Rus' in the 9th–13th Centuries: Popular Movements. Princely and Veche Authority]. Moscow, Russkii izdatel'skii tsentr Publ., 2012, 1087 p. (In Russ.)

Gilinskii Ia.I. *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh “otklonenii”* [Deviantology: Sociology of Crime, Drug Addiction, Prostitution, Suicide, and Other “Deviations”],

3rd ed., corr. and enl. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2013, 650 p. (In Russ.)

Ianin V.L. *Novgorodskie posadniki* [Novgorod mayors], 2nd ed., rev. and enl. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003, 511 p. (In Russ.)

Ianin V.L. *Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda* [Essays on the history of the medieval Novgorod]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2008, 395, [2] p. (In Russ.)

Istoriia suda i pravosudiia v Rossii: v 9 t. [History of the court and justice in Russia: in 9 vols.]. T. 1: *Zakonodatel'stvo i pravosudie v Drevnei Rusi (IX – sredina XV veka): monografiia* [Vol. 1: Legislation and justice in Ancient Rus (IX – mid-XV centuries): monograph], ex. ed. S.A. Koluntaev, V.M. Syrykh. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2017, 640 p. (In Russ.)

Kashapova E.R., Ryzhkova M.V. *Kognitivnye iska-zheniia i ikh vliianie na povedenie individa* [Cognitive biases and their impact on the behavior of an individual]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economics], 2015, no. 2 (30), pp. 15–26. <https://doi.org/10.17223/19988648/30/2> (In Russ.)

Khagurov T.A., Chepeleva L.M., Riabchenko N.A., Rakachev V.N. *Deviantnoe povedenie podrostkov i molodezhi: formy, prichiny, profilaktika / uchebno-metodicheskoe posobie* [Deviant behavior of adolescents and young people: forms, causes, prevention / teaching aid]. Krasnodar, [b. i.], 2020, 100 p. (In Russ.)

Khaliavin N.V. *Otsenka novgorodskikh sobytii 1136 goda v sovetskoii i sovremennoi otechestvennoi istoriografii* [Assessment of the Novgorod events of 1136 in Soviet and modern Russian historiography]. *Russkie drevnosti: sb. nauch. trudov: k 75-letiiu prof. Igoria Iakovlevicha Froianova* [Russian antiquities: a collection of scientific papers: for the 75th anniversary of Professor Igor Yakovlevich Froyanov]. St. Petersburg, S.-Petersburg University Publ., 2011, pp. 84–97. (In Russ.)

Maul' V.Ia. *Bunt ili ne bunt i drugie voprosy izucheniia temy (razmyshleniia o narodnykh dvizheniiakh XVII–XVIII vv.* [Rebel or not rebel and other questions of studying the topic (reflections on the popular movements of the 17th–18th centuries)]. *Novoe proshloe = The New Past*, 2021, no. 2, pp. 180–189. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2021-2-180-189> (In Russ.)

Mavrodin V.V. *Narodnye vosstaniia v drevnei Rusi XI–XIII vv.* [Popular uprisings in ancient Rus' of the

11th–13th centuries]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1961, 118 p. (In Russ.)

Pozniak K.V. *Klassifikatsiia kognitivnykh iska-zhenii* [Classification of cognitive distortions]. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya* [Law. Economics. Psychology], 2023, no. 3 (31), pp. 68–75. (In Russ.)

Psikhologiya krizisnykh i ekstremal'nykh situatsii: uchebnik [Psychology of crisis and extreme situations: textbook], ed. by N.S. Khrustaleva. St. Petersburg, S.-Petersburg University Publ., 2018, 748 p. (In Russ.)

Rogacheva T.V., Zalevskii G.V., Levitskaia T.E. *Psikhologiya ekstremal'nykh situatsii i sostoianii: ucheb. posobie* [Psychology of extreme situations and states: textbook. Manual]. Tomsk, TSU Publ., 2015, 276 p. (In Russ.)

Tikhomirov M.N. *Krest'ianskie i gorodskie vosstaniia na Rusi: XI–XIII vv.* [Peasant and Urban Uprisings in Rus': 11th–13th Centuries]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, 280 p. (In Russ.)

Tufanova O.A. “‘Deviantnyi’ tekst v istoricheskom povestvovanii Drevnei Rusi: k postanovke problem” [“‘Deviant’ Text in the Historical Narration of Old Russia: To the Problem Statement”]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature], ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., vol. 23, 2024, pp. 265–302. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-265-302> (In Russ.)

Tufanova O.A. *Rechi personazhei kak siuzhetoobrazuiushchii priem v letopisnykh “deviantnykh” tekstakh* [Characters’ Speeches as a Plot-Forming Technique in Chronicle ‘Deviant’ Texts]. *Studia Literarum*, 2025, vol. 10, no. 2, pp. 202–218. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-2-202-218> (In Russ.)

Usenko O.G. *Psikhologiya sotsial'nogo protesta v Rossii XVII–XVIII vv.* [Psychology of Social Protest in Russia in the 17th–18th Centuries]. Tver', Tver' State University Publ., 1994, part 1, 74 p. (In Russ.)

Vladimirskii-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law], 5th ed. St. Petersburg, Kiev, Izdanie knigoprodavtsa N.Ia. Ogloblina Publ., 1907. [4], VI, VI, 694 p.

Статья поступила в редакцию 11.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 01.10.2025.

The article was submitted 11.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 01.10.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 93–98. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 93–98. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19"

EDN FBKUZH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-93-98>

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Л.Н. ТОЛСТОГО «ПОЛИКУШКА»)

Токарев Григорий Валериевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Аннотация. Статья посвящена демонстрации принципа интерпретации художественного текста с опорой на типологию знаков Ч. Пирса, экстраполированную на художественные детали. Верифицируется гипотеза, что их рассмотрение с опорой на данный принцип поможет системно подойти к осмыслению содержания текста, адекватному восприятию авторского задания. Исследование осуществляется на материале рассказа Л.Н. Толстого «Поликушка». Иконические знаки воссоздают реалии быта помещиков и крестьян середины XIX в., некоторые из них могут выполнять дополнительную, прогнозирующую функцию. Они формируют читательское ожидание, проектируют тональность интерпретации событий. Иконические знаки, как правило, однозначно интерпретируются. Получены выводы о том, что иконические знаки относятся к эксплицитным средствам объективации информации. Напротив, индексальные и символические – в большей части к имплицитным. Интерпретируемость индексального знака обусловлена сформированностью читательской компетенции. Индексальные знаки имеют скрытый сигнификат, который должен эксплицировать читатель. Установлено, что в некоторых случаях автор сам объясняет индексальные знаки. Выяснено, что символы не всегда объективно заданы текстом, автором. Символы являются частью произведения, то есть субъективного восприятия текста. Получены выводы о том, что в сознании читателя художественная деталь может трансформироваться в символ.

Ключевые слова: текст, знак, художественная деталь, икона, индекс, символ, автор, читатель, интерпретация.

Для цитирования: Токарев Г.В. Семиотический принцип интерпретации художественного текста (на материале рассказа Л.Н. Толстого «Поликушка») // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 93–98. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-93-98>

Research Article

SEMIOTIC APPROACH TO THE INTERPRETATION OF LITERARY TEXT (BASED ON LEO TOLSTOY'S SHORT STORY "POLIKUSHKA")

Grigoriy V. Tokarev, DSC in Philology, Professor, Head of the Department of Document Studies and Stylistics of the Russian Language, Leo Tolstoy Tula State Pedagogic University, Tula, Russia, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Abstract. This article demonstrates a principle for interpreting literary texts based on Charles Peirce's typology of signs, extrapolated to artistic details. The hypothesis that analysing these details through this semiotic lens facilitates a systematic understanding of the text's content and a more accurate perception of the author's intent is verified. The study uses Leo Tolstoy's short story "Polikushka" as its case study. The research demonstrates that iconic signs recreate the realities of the life of landowners and peasants in mid-19th century Russia. Certain iconic signs may also function predictively, shaping reader expectations and influencing the interpretive tone of events. Iconic signs, as a rule, are interpreted unequivocally and represent explicit means of information objectification. Conversely, indexical and symbolic signs largely belong to implicit means. The interpretability of indexical signs depends on the reader's established competence. Indexical signs possess a hidden signified which a reader should explicate. The study establishes that, in some instances, the author explicitly explains indexical signs. Furthermore, it is shown that symbols are not always objectively defined by the text or the author; rather, they constitute a part of the work, reflecting a subjective interpretation of the text. The research concludes that, in the reader's consciousness, an artistic detail can transform into a symbol.

Keywords: text, sign, artistic detail, icon, index, symbol, author, reader, interpretation.

For citation: Tokarev G.V. Semiotic approach to the interpretation of literary text (based on Leo Tolstoy's short story "Polikushka"). Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 93–98. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-93-98>

Художественный текст представляет собой сложную неоднородную знаковую систему. Для воплощения своего замысла, в целях диалога с читателем, автор использует разнообразные в семантико-прагматическом аспекте детали [Поэтика: 54]. Художественная деталь нами трактуется как разновидность знака, применяемого в процессе художественного семиозиса, то есть «операции, которая, устанавливая отношение взаимной пресуппозиции между формой выражения и формой содержания... производит знаки...» [Греймас, Курте: 526]. В семиотике существуют разнообразные типологии знаков, одна из которых принадлежит Ч. Пирсу [Пирс]. Он выделил три основных типа знаков: иконы, индексы и символы. Иконы основаны на подобию, индексы – на смежности, символы – на условности. Идея экстраполировать классификацию знаков Ч. Пирса на множество художественных деталей принадлежит В.А. Лукину [Лукин]. Иконические детали создают иллюзию референтности [Заика: 21], они используются для формирования хронотопа текста [Бахтин], а также заполняют его антропоцентрические ниши: моделируют персонажа по образу живого человека. Иконические знаки репродуктивны: они воспроизводят в тексте то, что могло быть в действительности. Они не требуют от читателя когнитивной активности, рассчитаны на их пассивное восприятие. Индексальные знаки компрессируют информацию. Принцип организации их смыслового пространства основан на бинарной логической связке «если..., то...». Индексальные знаки предполагают причинно-следственные связи. Автор делает намек читателю, который должен его разгадать. Символы, как правило, связаны с воплощением идейного содержания текста. Функциональные особенности знаков определяют степень их представленности в тексте. Иконические знаки преобладают, поскольку несут фактуальную информацию [Гальперин: 27] и служат своего рода фундаментом для включения в текст иных знаков.

Как известно, текст обладает свойством множественности интерпретаций. Каждая из них субъективна. Однако модель толкования семантического пространства текста носит объективный характер. В.И. Заика определяет её как «регулирующий исследовательские процедуры принцип»: «Художественная модель – это функционально-прагматический императив, упорядочивающий деятельность читателя» [Заика: 374]. В качестве данного принципа мы предлагаем использовать типологию знаков Ч. Пирса, экстраполированную на семиотическое множество текста. Рассмотрение художественных деталей через её призму, на наш взгляд, поможет системно подойти к осмыслению содержания текста, адекватному восприятию авторского задания.

Цель данного исследования – рассмотреть семиотику рассказа Л.Н. Толстого «Поликушка», который еще не был изучен в данном аспекте. Упомянем работу В.И. Абрамовой [Абрамова], в которой предпринята попытка исследовать культурную детерминированность отдельных знаков, использованных в данном произведении. Поставленная цель достигается путем применения семиотического анализа и герменевтических приемов. В исследовании художественные детали представлены в виде трех больших групп, которые соответствуют типологии знаков Ч. Пирса. Выделение данных типов знаков и подходы к их объяснению представляют собой интерпретацию текста, то есть «...процесс и результат понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире...» [Болдырев: 19].

Иконические знаки воссоздают реалии быта помещиков и крестьян середины XIX в. В.И. Заика говорит, что «для создания типологии образов реалий можно воспользоваться... синонимом идеографического словаря» [Заика: 297]. Толстой рисует картины провинциальной жизни. Так, просторечные слова *верх* ‘барский дом’, *колидор* ‘пространство около печи в крестьянской избе’, *флигерь* ‘дом, в котором живут дворовые’, *губерния* ‘город’ – воспроизводят представления крестьян об окружающем их пространстве. Крестьянский мир показан в разных своих проявлениях: это и зажиточные крестьяне, имеющие собственный дом, и малоимущие, ютящиеся в углу общей избы. Сжато, но емко дано описание Поликоева жилища: «Брачное ложе со стеганым одеялом и ситцевыми подушками, люлька с ребенком, столик на трех ножках, на котором стряпалось, мылось, клалось всё домашнее и работал сам Поликей (он был коновал), кадушки, платья, куры, теленок и сами семеро наполняли весь угол и не могли бы пошевелиться» [Толстой: 7]. Перечислением предметов писатель документально освещает быт семейства, протяженный ряд однородных членов создаст ощущение тесноты. Толстой путем перечисления действий описывает обычные занятия крестьян, например, жены Поликея – Акулины: «Акулина обмывала, обшивала детей и мужа, пряла и ткала и белила свои холсты, варила и пекла в общей печи, бранилась и сплетничала с соседями» [Толстой: 7], фиксируя картины повседневности крестьянской жизни. В рассказе упоминаются свойственные эпохе обыденные понятия: «Месячины доставало не только на детей, но еще и на посыпку корове» [Толстой: 7]. Месячина плата барина за работу, которая выдавалась на месяц.

В основу сюжета рассказа положена ситуация с крутским набором. От села должно быть направлено три человека. Выбор двух ясен и очевиден, место третьего может занять племянник Дутлова – Илья – или отец многодетного семейства Поликей Ильич. Для объективации этого сюжетного зерна Толстой

использует множество деталей, в том числе: двойниковые, тройниковые семьи, то есть семьи, в которых есть два или три взрослых, физически здоровых мужчины, воплощающие представление об организации крестьянской семьи и представлений о тягле.

Отдельные иконические знаки могут выполнять дополнительную, прогнозирующую функцию. Они формируют читательское ожидание [Крижовецкая 2018], проектируют тональность интерпретации событий. Так, приказчик Егор Михайлович наблюдает за тем, как барыня готовит себе напиток: «...стал рассматривать варенье, которое у нее было положено в стакан воды: апельсинное или лимонное? “Должно быть, с горечью”, – подумал он...» [Толстой: 5]. Признак «с горечью» закладывает смысловую проекцию на дальнейший разворот сюжета, формирует ожидание чего-то нехорошего. Описание вечера в день смерти Поликея готовит читателя к восприятию недобрых событий: вой собак, ветра в трубах, непонятный стон и треск на чердаке крестьянского дома, где жил Поликей, использование оберегов: свечей, святой воды – формируют ожидание появления нечистой силы: «... Но вечером, как смеркло, завывали собаки, и тут же, на беду, поднялся ветер и завыв в трубы, и такой страх нашел на всех жителей двора, что у кого были свечи, те зажгли их перед образом; кто был один в угле, пошел к соседям проситься ночевать, где полднее, а кому нужно было выйти в закуты, не пошел и не пожалел оставить скотину без корму на эту ночь. И святую воду, которая у каждого хранилась в пузырьке, всю в эту ночь истратили»; «Старушки эти и странница сами слышали, как только-только прочтется кафизма, так задрожит наверху балка и застонет кто-то»; «Они тоже слышали, как наверху балки трещали и точно мешки падали сверху» [Толстой: 37].

Описание сборов Поликея в дорогу подчеркивает нищету, в которой жило его семейство. Толстой замечает, что, чтобы снарядить Поликея, нужно было раздеть всю семью: «Акулина, оставив на время истряпню в печи и детей, из которых малые еще не вставали и зябли, так как одеяло их было взято для одежды и на место его был дан им головной платок матери, – Акулина была занята собиранием мужа в дорогу. Рубаха была чистая. Сапоги, которые, как говорится, просили каши, причиняли ей особенную заботу. Во-первых, она сняла с себя толстые шерстяные единственные чулки и дала их мужу; а во-вторых, из потника, который лежал плохо в конюшне и который Ильич третьего дня принес в избу, она ухитрилась сделать стельки таким образом, чтобы заткнуть дыры и предохранить от сырости Ильичевы ноги. Ильич сам, сидя с ногами на кровати, был занят перевертыванием кушака таким образом, чтоб он не имел вида грязной веревки»; «Ильич надел-таки на себя почти всё одеяние своего семейства» [Толстой: 22]. Одежда

Поликеева семейства контрастирует с нарядом барыни: «...барыня в шелку да в кружевах вошла к Акулине в угол» [Толстой: 36].

Иконические знаки, как правило, однозначно интерпретируются. Проецируя рассматриваемую классификацию художественных деталей на способ выражения информации, отметим, что иконические знаки относятся к эксплицитным средствам. Напротив, индексальные и символические – к имплицитным.

Как уже говорилось, индексальные знаки имеют скрытый сигнификат, который должен эксплицитировать читатель. Так, снятый с шеи висельника крест указывает на порицание самоубийства, осмысление его как тяжкого греха, недостойного христианина: «...безжизненно согнувшееся набок, с расстегнутым воротом рубахи, под которою не видно креста, и опущенную на грудь голову...»; «...хотя крест его снят и лежит на балке» [Толстой: 38].

В некоторых случаях автор сам объясняет индексальные знаки. Так, по внешности, одежде Поликея, по снаряжению лошади можно было судить о бедности ее наездника, хотя сам он надеялся, что производит иное впечатление: «...Всякий опытный человек, как только бы поглядел вблизи на Поликея, на его руки, на его лицо, на его недавно опущенную бороду, на кушак, на сено, брошенное кое-как в ящик, на худого Барабана, на стертые шины, сейчас узнал бы, что это едет холопишка, а не купец, не гуртовщик, не дворник, ни от тысячи, ни от ста, ни от десяти рублей» [Толстой: 23–24]. Интерпретируемость индексального знака обусловлена сформированностью читательской компетенции.

Символические знаки репрезентируют базовые концепты художественного текста, то есть его идейное наполнение [Кухаренко: 231]. В тексте используются и традиционные символы. Так, поп, идущий навстречу, символизирует нечто нехорошее, неблагоприятный исход. Возвращаясь домой, Поликей встречает попа: «Первый встретившийся ему человек был поп в высокой зимней шапке, с кривым работником...» [Толстой: 29].

Символы – не всегда объективная данность текста. Мы полагаем, что они не всегда заданы автором. Символы являются частью произведения, то есть субъективного восприятия текста. В сознании читателя какая-либо художественная деталь может трансформироваться в символ. Кристаллизовать смысл, увидеть символ помогают читателю аллюзии, повторы. Классификация элемента текста как знака стимулирует когнитивную деятельность интерпретатора, способствует деривации смыслов.

Символы обладают широкими интерпретативными возможностями. Значения символа разнообразны и способны генерироваться в новых культурных контекстах.

Символы можно отнести к средствам с повышенной информативностью, гиперсемантической [Заика: 321]. Так, главный герой рассказа отличается от других крестьян. За ним закрепилась дурная слава вора и пьяницы. Он занимается необычным делом – лечением лошадей. Чуждость Поликея своим односельчанам воплощает знак-символ «...крайний к двери...» угол, в котором размещалось семейство Поликея. Этот же символ можно трактовать и как то, что семейство Поликея не задержится в этом доме.

Поликей пообещал барыне вести добропорядочный образ жизни. Символична реакция героя на поведение лошади, которая тянет его к кабаку, но наездник поворачивает ее в противоположную сторону, что символизирует его твердые намерения быть верным своему обещанию не пить: «Поравнявшись с кабаком, Барабан стал затягивать левую вожжу, оставившись и приворачивать...» [Толстой: 24].

Якори на конверте с деньгами символизируют надежду на спасение: «Конверт был сделан из простой бумаги, печати были из бурого сургуча с изображением якоря...» [Толстой: 25]. Данный символ упоминается дважды. Первый раз – когда Поликей рассматривает полученный от садовника конверт. Герой теряет его, и вместе с ним – надежду на прощение, на понимание. Это его толкает на самоубийство как единственный выход из сложившейся ситуации. Второй раз данный символ появляется в ситуации, когда Семен Дутлов передает барыне найденное письмо. Символ можно трактовать как надежду на прощение наложившего на себя руки Поликея: «...достал письмо с пятью бурыми печатями, изображавшими якоря...» [Толстой: 39].

При описании действий барыни Толстой актуализирует смысл об ответственности человека за свои решения: «Она взглянула на картину в углу, но вспомнила, что это не Бог: “Ну да все равно, не в том дело”, – подумала она» [Толстой: 6]. Данная ситуация повторяется, что делает ее символичной: Семен Дутлов также ищет икону, но не находит ее и крестится на шкафчик: «...поискал глазами иконы и, не найдя маленького образа, висевшего в левом углу, перекрестился на шкафчик с чашками...» [Толстой: 39]. В обоих случаях Толстой использует прием несоответствия формы и содержания. Данные символические детали показывают, что люди живут без бога. Эта же мысль выражена при описании состояния Семени Дутлова во время встречи с дьяволом. Крестьянин не может прочитать молитву, чтобы прогнать нечистую силу: «Дутлов знал, что, ежели он прочтет молитву, он отпустит его, и знал, какую надо прочесть молитву, но молитва эта не выговаривалась» [Толстой: 48].

Приняв решение покончить с собой, Поликей снимает с люльки, в которой лежит ребенок, веревку.

Данный знак становится символом двойного убийства: самоубийства и случайного убийства ребенка. Так же по воле случая обрывается жизнь Поликея. Несправедливая судьба, постигшая ребенка, является проекцией судьбы Поликея. Веревка – это и символ самоубийства, и символ связи двух судеб неповинных людей. Веревкой Поликей как бы тянет за собой своего ребенка. «Он подошел к люльке и своими тонкими пальцами торопливо стал распутывать узел веревки. Потом глаза его остановились на ребенке; но тут Акулина с лепешками на доске вошла в угол. Ильич быстро спрятал веревку за пазуху и сел на кровать» [Толстой: 33].

Ключевым символом в рассказе являются деньги. Смыслы, связанные с данным символом, в тексте эксплицируются по-разному.

Обезумевшая Акулина кричит барыне: «У меня дети все серебряные, все серебряные... Я бумажек не держу... Я Ильичу говорила, не бери бумажек...» [Толстой: 36]. В истеричной речи потерявшей мужа и сына Акулины деньги, бумажки – символ зла. Ее единственное богатство – дети, которых она сравнивает с серебряными монетами. Они чужды праведной жизни. Деньги сбивают человека с толку, ведут к смерти.

Эту же идею выражает символ «розовое платье» старшей дочки Поликея Анютки, которое выглядит неестественно в нищенской обстановке угла семейства: «Она была в новом розовом ситцевом, но мятом платье, подарке барыни, которое, как лубок, стояло на ней и кололо глаза соседям». [Толстой: 32]. В сутолоке девочке измазали платье, что также символично: ее как бы вернули в обычную среду.

Символ *деньги* характеризуют эпитеты: *страшные, ужасные, несчастные*: «Страшные деньги, сколько зла они делают!». «Не хочу я этих денег. Это ужасные деньги»; «Эти деньги несчастные» [Толстой: 41].

На постоялом дворе Семен Дутлов слышит историю, которую рассказывает дворник, о том, как дети одного купца в поисках денег откопали могилу отца, но ничего не нашли. Эта история также выступает в роли символического знака: погоня за деньгами не принесет успеха. «Все сказано, – повторил дворник. – Так-то сказывал мне человек один: купец был, денег много накопил и ничего оставить не хотел; так свои деньги любил, что с собою в гроб унес. Стал помирать, только велел подушечку с собою в гроб положить. Не догадались так. Потом стали искать денег сыновья: нет ничего. Догадался один сын, что, должно, в подушке деньги были. До царя доходило, позволил откопать. Так что ж ты думаешь? Открыли, в подушечке ничего нет, а полон козюлями гроб, так и зарыли опять. Вот оно, что деньги-то делают» [Толстой: 28–29].

Смыслы «смерть» и «деньги» связаны с образом злого духа, который погубил Поликея. Первоначально дьявол изображен в виде летящего существа: «...как будто сам злой дух осенил в эту ночь *флигер* огромным крылом, показав свою власть и ближе, чем когда-либо, став к этим людям»; «...этот дух достал крылом и до деревни, до избы Дутлова, где лежали те деньги...» [Толстой: 38]. В формировании данного символа используются индексальные знаки: «...*собака завyla на задворке...*», табуизм «...*опять он стал оцупывать, точно скобку искал*» [Толстой: 47]. Затем данный образ обличается в тело Поликея: «Вот дернул за скобку и вошел в человеческом образе. Дутлов знал уже, что это был он. Он хотел сотворить крест, но не мог. Он подошел к столу, на котором лежала скатерть, сдернул ее, бросил на пол и полез на печь. Старик знал, что он был в Ильичовом образе. Он оскалился, руки болтались. Он взлез на печку, навалился прямо на старика и начал душить.

– Мои деньги, – выговорил Ильич» [Толстой: 48].

После бессонной ночи Дутлов принимает решение выкупить из рекрутов своего племянника. Символическое действие: «...зажегши восковую свечку от образов, полез с ней в подполье...» указывает на то, что Семен совершает богоугодное дело [Толстой: 48–49].

Барыня не могла сделать выбор между племянником Дутлова и Ильичом. Поликей, потеряв деньги и наложив на себя руки, своим поступком влияет на решение барыни отдать деньги Дутлову. Стоящее из-за спущенной веревки мертвое тело Поликея символизирует то, что он и после своей смерти будет участником событий. Дутлов сначала не собирается тратить деньги на выкуп, но тень Поликея устанавливает справедливость. С данным поступком коррелирует поступок Алёхи, который также невольно спасает племянника Дутлова: «За вас иду, за вас погибаю! – проговорил он. – За то вас и дарую». [Толстой: 53].

Безусловно, к символическим знакам следует отнести и имена персонажей. И.Б. Маслова отмечает: «Ономастическая синтагматика и парадигматика в большинстве случаев является текстовой осью, основой системно-структурной организации текста» [Маслова: 50]. В.А. Лукин указывает: «В художественном тексте имена собственные являются константами того особого мира, какой создается автором в самом тексте» [Лукин: 32]. Имя главного персонажа употребляется в рассказе 153 раза в разных вариантах: 6 – Поликушка, 93 – Поликей, 4 – Поликей Ильич, 50 – Ильич. Примечательно, что диминутив используется в роли заголовка, в зачине, при передаче косвенной речи барыни и приказчика, в речи самого Поликея, когда он о себе говорит в третьем лице. Далее используется полное имя, имя и отчество или отчество. Такое употребление говорит в пользу

того, что данная репрезентация – выражение авторской модальности: сострадания, представления героя слабым, жалким существом.

Захлебнувшегося сына Поликея зовут так же, как и Дутлова, – Семеном. Совпадение имен символично, может указывать на корреляцию образов. Объективируется смысл принесенной жертвы: Дутлов сначала не жалеет своего племянника, как бы жертвует им; затем он отдает на его спасение полученные от барыни деньги.

Таким образом, семиотический принцип интерпретации художественного текста, заключающийся в осмыслении художественных деталей как иконических, индексальных, символических знаков, способствует адекватному пониманию авторского замысла, повышению степени объективности понимания. Иконы формируют представление о времени и пространстве, создают иллюзию реальности художественного пространства. Поскольку иконы непосредственно эксплицируют фактуальную информацию, они преобладают. В рассмотренном тексте иконические художественные детали помогают читателю представить ситуацию, в которой оказались главные герои Поликей и Семен Дутлов, подготовить почву для осмысления их поступков, понимания всего произведения в целом. Индексы способствуют компрессии текста. Данный тип знака нуждается в распаковке, прочтении скрытых смыслов. Продуктивность употребления индексов, на наш взгляд, является чертой идиостиля писателя. В данном рассказе Толстой использует прием разъяснения значения индекса. Символы связаны с концептосферой текста. Как показал текст рассказа, автор может использовать узуальные и текстовые символы. Первые имеют устойчивое, определенное коллективными представлениями значение, вторые – генерируют свое содержание в тексте. Прочтение индексов и символов связано со степенью сформированности читательской компетенции. Помогают выявить символы аллюзии, повторы в употреблении, совпадения, сюжетные переключки. Так, в рассмотренном рассказе ключевым символом, выражающим идею текста, являются *деньги*. Содержание данного символа выражает не только ключевое слово, но и другие художественные детали текста.

Список литературы

Источники

Толстой Л.Н. Поликушка // Полн. собр. соч. в.: 90 т. Т. 7. Москва: Худож. лит., 1950. С. 3–54.

Исследования

Абрамова В.И. Образы и детали повести Л.Н. Толстого «Поликушка», транслирующие символику границы // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкознание. 2020. № 3 (3). С. 51–59.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Худож. лит., 1975. С. 234–407.

Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 19–81.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва: Наука, 1981. 139 с.

Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь // Семиотика. Москва: Радуга, 1983. С. 483–550.

Заика В.И. Очерки по теории художественной речи. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого. 407 с.

Крижовецкая О.М. Литературные формулы и читательские ожидания: к вопросу о социологии литературы // Вестник Тверского государственного технического университета. Сер.: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 76–80.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста. Москва: Просвещение, 1988. 192 с.

Лукин В.А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. Москва: Ось-89, 1999. 192 с.

Маслова И.Б. Имя собственное как средство лингвистической интерпретации художественного текста: к вопросу о текстообразующей функции литературных имен собственных (на материале очерков В.И. Даля) // Вестник РУДН. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 3. С. 50–56.

Пирс Ч. Избранные философские произведения. Москва: Логос, 2000. 448 с.

Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. Москва: Изд-во Кулагиной, 2008. 358 с.

References

Abramova V.I. *Obrazy i detali povesti L.N. Tolstogo «Polikushka», transliruyushhie simboliku granicy* [Images and details of L.N. Tolstoy's story "Polikushka" conveying the symbolism of the border]. *Tul'skij nauchnyj vestnik. Ser.: Istoriya. Yazyk. Koznanie* [Tula Scientific Bulletin. Series History. Linguistics], 2020, no. 3 (3), pp. 51–59. (In Russ.)

Bahtin M.M. *Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poe'tike* [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics]. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1975, pp. 234–407. (In Russ.)

Boldyrev N.N. *Yazyk kak interpretiruyushhij faktor poznaniya* [Language as an interpretive factor of cognition]. *Interpretaciya mira v yazyke* [Interpretation of the

world in language]. Tambov, TGU im. G.R. Derzhavina Publ., 2017, pp. 19–81. (In Russ.)

Gal'perin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 139 p. (In Russ.)

Grejmas A.Zh., Kurte Zh. *Semiotika. Ob'yasnitel'nyj slovar'* [Semiotics. Explanatory Dictionary]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 483–550. (In Russ.)

Krizhoveczkaya O.M. *Literaturnye formuly i chitatel'skie ozhidaniya: k voprosu o sociologii literatury* [Literary formulas and reader expectations: towards the sociology of literature]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser.: Nauki ob obshchestve i humanitarnye nauki* [Bulletin of Tver State Technical University. Ser.: Social Sciences and Humanities], 2018, no. 3, pp. 76–80. (In Russ.)

Kuharenko V.A. *Interpretaciya teksta* [Interpretation of the text]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988, 192 p. (In Russ.)

Lukin V.A. *Hudozhestvennyj tekst: osnovy lingvisticheskoy teorii i elementy analiza* [Literary text: basics of linguistic theory and elements of analysis]. Moscow, Oсь-89 Publ., 1999, 192 p. (In Russ.)

Maslova I.B. *Imya sobstvennoe kak sredstvo lingvisticheskoy interpretacii xudozhestvennogo teksta: k voprosu o tekoobrazuyushhej funkcii literaturnykh imen sobstvennykh (na materiale ocherkov V.I. Dallya)* [Proper Name as a Means of Linguistic Interpretation of a Literary Text: Towards the Question of the Thematic-Forming Function of Literary Proper Names (Based on the Essays of V.I. Dahl)]. *Vestnik RUDN. Ser.: Voprosy obrazovaniya: yazyki i specializatsiya* [RUDN Bulletin, series Educational Issues: Languages and Specialization], 2012, no. 3, pp. 50–56. (In Russ.)

Pirs Ch. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Moscow, Logos Publ., 2000, 448 p. (In Russ.)

Poe'tika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatij [Poetics: a dictionary of current terms and concepts]. Moscow, Kulagina Publ., 2008, 358 p. (In Russ.)

Tolstoj L.N. *Polikushka* [Polikushka]. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 7* [The Complete Works: in 90 vols. Vol. 7]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1950, pp. 3–54. (In Russ.)

Zaika V.I. *Ocherki po teorii hudozhestvennoj rechi* [Essays on the theory of artistic speech]. Velikiy Novgorod, NovGU Publ., 407 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.08.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 05.09.2025.

The article was submitted 30.08.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 05.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 99–108. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 99–108. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19"

EDN NDSJVS

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-99-108>

«КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК» <ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ> А.Н. ОСТРОВСКОГО В ДИАЛОГАХ ВРЕМЕНИ: ПОЗНАНИЕ НАРОДА

Михновец Надежда Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт Петербург, Россия, mikhnovets@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0674-1964>

Имансу Александра Сергеевна, магистр филологического факультета ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт Петербург, Россия, imans2001@mail.ru

Аннотация. Первой исторической хроникой А.Н. Островский включился в острые дискуссии начала 1860-х гг. об основах жизни народа и его самоуправлении. Авторы статьи выявляют особенности историсофской позиции драматурга, оригинальность которой была предопределена обращением к историческим документам XVI–XVII вв. В статье впервые в островсковедении утверждается, что обращение А.Н. Островского к событиям XVII в. связано с его представлением о коренном изменении в народном миропонимании, произошедшем во времена Смуты, когда свершался переход от страха перед Божьим судом к осознанию собственной вины и ответственности за происходящие события. Впервые проанализирован евангельский контекст пьесы, введение которого было обусловлено желанием драматурга определить идеал, способствующий формированию «образа будущего».

Ключевые слова: А.Н. Островский, «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», первая редакция, Ф.М. Достоевский, Ап. Григорьев, народное самоуправление, государственная власть, евангельский текст.

Для цитирования: Михновец Н.Г., Имансу А.С. «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» <Первая редакция> А.Н. Островского в диалогах времени: познание народа // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 99–108. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-99-108>

Благодарности. Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 54-ВГ).

Research Article

“KOZ’MA ZAKHAR’ICH MININ, SUKHORUK” <FIRST EDITION> ALEXANDER OSTROVSKY IN THE DIALOGUES OF TIME: UNDERSTANDING OF PEOPLE

Nadezhda G. Mikhnovets, DSc in Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogic University, Saint-Petersburg, Russia. mikhnovets@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0674-1964>

Alexandra S. Imansu, Master of Philology, Herzen Russian State Pedagogic University, Saint-Petersburg, Russia. imans2001@mail.ru

Abstract. With his first historical chronicle play, Alexander Ostrovsky inserted himself into the heated debates of the early 1860s concerning the foundations of the people’s life and their self-governance. The authors of the article reveal the specifics of the playwright’s historiosophical position, whose originality was predetermined by reference to historical documents from the 16th and 17th centuries. For the first time in Ostrovsky studies, the article has asserted that Ostrovsky’s address to the events of the 17th century is linked to his concept of a fundamental change in the people’s worldview that occurred during the Time of Troubles, when there was a transition from a fear of God’s judgement to an awareness of one’s own guilt and responsibility for unfolding events. For the first time the evangelical context of the play was analysed, the introduction of which was due to the desire of the dramatist to define an ideal that contributes to the formation of an “image of the future”.

Keywords: A.N. Ostrovsky, «Kozma Zakharyich Minin, Sukhoruk» (1st ed.), Fyodor Dostoyevsky, Appolon Grigoryev, people’s self-government, state power, Orthodoxy, Gospel text.

For citation: Mikhnovets N.G., Imansu A.S. “Koz’ma Zakhar’ich Minin, Sukhoruk” <First Edition> Alexander Ostrovsky in the dialogues of time: understanding of people. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 99–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-99-108>

Acknowledgments. The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 54-VG).

В 1856 г., Островский начинает работу над драматической хроникой «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» (далее – «Минин»), после «москвитянинских» пьес (1852–1855) продолжая размышлять об истоках народной самобытности и на этот раз – сквозь призму истории России. К 1860-м гг. мысль о глубинной сущности русского народа выходит на первый план в его историософских исканиях.

Драма «Гроза» и ее театральные воплощения в Москве и в Санкт-Петербурге вызвали, как известно, беспрецедентную по своему размаху дискуссию. Драматург не предполагал столь восторженного восприятия пьесы революционно-демократической частью русского общества, подхватившей идеи статьи Н.А. Добролюбова «Луч света в темном царстве» (1860). Однако Островскому не была близка позиция этого критика: драматург отнюдь не стремился подвергнуть резкой оценке патриархальный мир и противопоставить ему якобы взбунтовавшуюся Катерину. Неожиданным для него был и отклик братьев Достоевских, в развернутой статье которых в связи с самоубийством Катерины было выражено сомнение в знании Островским русского народа (см.: [Михновец 2021]). Правда, спустя год Ф.М. Достоевский смягчил критику: во введении к «Ряду статей о русской литературе» (1861) он заявил: «...мы все-таки до сих пор очень плохо знаем народ» (курсив наш. – Н. М., А. И.) [Достоевский 18: 66]. Представление о незнании русского народа¹ было распространено и на других («мы»). Однако это не изменило сложившуюся ситуацию: Островский принял вызов и вернулся к замыслу «Минина», погрузившись в дальнейшее изучение народной темы.

В январе 1862 г. в журнале «Современник» была опубликована пьеса «Минин» <Первая редакция>. Для Островского главным предметом осмысления стал народ, а центральной проблемой – его единство. Эта первая драматическая хроника потерпела «неуспех», который, по словам драматурга, он предвидел [Островский 1979: 165]: его позиция не отвечала общественно-политическим настроениям времени.

В отечественном литературоведении впервые к теме народа в качестве самостоятельного предмета исследования в исторических пьесах драматурга обратилась в 1974 г. М.М. Уманская [Уманская], а затем в 1976 г. Л.М. Лотман [Лотман]. Обе исследовательницы отмечали, что народ у Островского предстает как главное действующее лицо. Он проявляет «свою умственную самостоятельность, свои творческие силы» [Лотман: 541], однако действует как «“смятенная”, взволнованная, буруеваемая политическими страстями толпа, народная масса» [Лотман: 537]. В свете широко распространенного в советское время представления о стихийности народных масс, нуждающихся в руководстве, вполне закономерно говори-

лось о народе как о «толпе» и «массе». Вместе с тем у такого подхода к вопросу о роли народа, о чем будет сказано ниже, были глубокие корни.

В современном островковедении И.А. Овчинина указывает на принципиальную важность народной темы для Островского, рассматривающего народ не как социальный феномен, а как национальный [Овчинина 2000]. Проанализировав «Минина» в рецепции литературной критики, И.А. Овчинина выявила, что большинство рецензентов отрицательно оценили хронику [Овчинина 2016]. Тема народа и его единства в критических статьях рассматривалась лишь косвенно.

П.В. Анненков – один из немногих современников Островского, кто в полной мере отреагировал на замысел драматурга сделать народ главным действующим лицом хроники, на постановку и рассмотрение проблемы его единства. Говоря об эпохе Смутного времени, наиболее всего интересовавшей Островского, критик указывал на неоспоримую причастность событий 1611–1612 гг. к числу «святых дел», «чтимых народной памятью» [Анненков: 397]. Анненков указал на историческую память как важнейший фактор народного единства².

В историческом событии 1612 г. отразился «дух народа, некогда явившийся воочию» [Анненков: 399]. Такое прошлое становится духовным ориентиром для будущего, П.В. Анненков совершенно справедливо пишет: «...в нем (в святом деле. – А. И., Н. М.) народ, сквозь призму своего религиозного настроения, видит самого себя в лучшем, блистательнейшем, идеальном виде, в каком только он может сам представить себя» [Анненков: 399].

Объясняя причины, почему многие современники не поняли новую пьесу Островского, П.В. Анненков актуализировал важнейшую проблему знания и понимания русского народа. Критики, по его мнению, ставили под сомнение само существование народа как нравственного единства. Общая точка зрения сводится, в понимании П.В. Анненкова, к следующему: «прежде чем заниматься поэтической думой народа, надо по крайней мере удостовериться есть ли самый народ, понятый, разумеется, не в смысле собрания единиц, живущих как пришлось... а в смысле *нравственного* лица, хранящего свои дорогие предания, имеющего свой взгляд на историю» (курсив наш. – Н. М., А. И.) [Анненков: 405]. П.В. Анненков не был согласен с подобным мнением, он не ставил под вопрос существование «духовных стремлений» народа, который помнит свою историю и имеет к ней «свои глубокие симпатии и антипатии» [Анненков: 405].

Драматург, внимательно следивший за развитием исторической науки в середине 1850–60-х гг. и хорошо знавший направления общественной мысли, имел свои представления относительно русской истории

и роли народа в ней. Несмотря на близость взглядов с почвенниками, Островский стоял обособленно от них.

В вопросах о соотношении народа и власти, о народном самоуправлении Ап. Григорьев разошелся с историком С.М. Соловьевым, полагавшим, что государство – это и есть сам народ в его развитии, поэтому их нельзя отделить друг от друга. Главенствующую роль в этом единстве, по мнению С.М. Соловьева, играет именно государство, без которого народ – «нестройный, бесформенный материал» [Соловьев: 7]. Будучи частью государства, народ приобретает «способность к исторической жизни», «становится политическим лицом, с своим определенным характером, с своим кругом деятельности, с своими правами» [Соловьев: 7].

Ап. Григорьев видел основу исторического пути России в общинной форме жизни. Он не разделял воззрения историков-«государственников», для которых становление родового быта было тесно связано с утверждением «монархического (первоначально княжеского) единовластия» [Носов: 134], то есть с процессом централизации. В письме к В.П. Боткину в конце апреля 1856 г. Ап. Григорьев, говоря о двух сложившихся в истории направлениях: родовом и общинном, критически отзывался о «родовиках», «уже состарившихся и отцветших», а во главу «общинников», обладающих «чутьем всего живого и русского» поставил Островского [Григорьев 1999: 111–112], не раз называя писателя истинно народным поэтом.

В 1860-е гг. – эпоху Великих реформ Александра II – пристальное внимание общества было обращено к вопросу об истории народного самоуправления в России, «сам дух времени способствовал поискам истоков демократических начал на Руси» [Лукин: 99]. Главным предметом научной исторической мысли в эти годы стало вече, которое существовало в древнерусских городах вплоть до XIII в., а затем постепенно исчезало в связи с усилением княжеской власти. Только в Новгороде и Пскове сохранялась вечевая форма правления до конца XV – начала XVI в.

Ап. Григорьев поддерживал мысль о важности вече, в частности Новгородского и Псковского, в истории народовластия. Однако, связывая причины распада вечевого устройства Руси с монголо-татарским нашествием, он особое значение придавал Владимиро-Суздальскому княжеству (Северо-Восточная Русь), сплочение которого в XII–XIII вв. происходило во имя сохранения русских земель и противостояния внешней угрозе. Ап. Григорьев писал: «великое дело начинает совершаться на Северо-Востоке собирателями земли русской, дело с одной стороны отрицательное, с другой стороны *хранительное*» (курсив наш. – М. Н., А. И.) [Григорьев 1859: 14]. В отличие от С.М. Соловьева, Ап. Григорьев считал централи-

зацию Московской Руси процессом насильственным и губительным, поэтому отдавал предпочтение «Владимиру-Суздальской Руси с ее живыми общинно-вечевыми традициями, которые он расценивал как много более перспективные, чем застойный деспотизм централизованной Московской Руси XV–XVII веков» [Носов: 137].

Островский не был склонен к противопоставлению государственной власти народу. Собственно, саму неудачу своей пьесы он в первую очередь связал с тем, что общественная мысль конца 1850-х – начала 1860-х гг. была охвачена «вечевым бешенством» – крайним и неприемлемым для него преувеличением роли вече в решении вопроса о дальнейшем развитии России (курсив автора. – М. Н., А. И.) [Островский 1979: 165].

На первый план в заочной дискуссии Ап. Григорьева, Достоевского и Островского вышел вопрос о роли земства. В эпоху средневековой Руси земля отождествлялась с понятиями «*людства, земства, мира*», на основе чего существовали выражения «*помыслить крепко с миром, всей землей*» (курсив автора. – М. Н., А. И.) [Щапов: 753]. В середине XVI в., во время правления Ивана Грозного, на смену вече приходит *земский собор* как новая форма участия народа в решении государственных вопросов, однако играющая теперь только «*совещательную роль*» (курсив автора. – М. Н., А. И.) [Устинов, Новицкий, Гернет: 31–32].

Ап. Григорьев в качестве политического идеала видел народное самоуправление, земский собор [Виттакер, Егоров: 310]. В письме к Н.Н. Страхову от 19 октября 1861 г. он писал: «Народ, земский собор – да (необходимый) собор Вселенский – вот во что я поверю» [Григорьев 1999: 264]. С.Н. Носов подчеркивает: «Не централизацию, а развитие местного самоуправления, региональной политической, социальной и культурной автономии считает Григорьев желанным и позитивным в историческом развитии России» [Носов: 139].

Достоевский, уже ознакомившийся с пьесой «Минин»³, тоже высоко оценивал роль земства. В статье «Два лагеря теоретиков (по поводу “Дня” и кое-чего другого)», опубликованной в феврале 1862 г., он говорил о «здоровом, свободном земстве, которое жило широкой жизнью в первые шесть веков нашего исторического быта» [Достоевский 20: 11], то есть до XVI в. По мысли Достоевского, в следующий, Московский период допетровской Руси XVI–XVII вв. процесс централизации власти «посягнул на права и свободу земства» [Достоевский 20: 11].

Приблизительно в это же время братья Достоевские опубликовали статьи о земстве⁴. Важна и публикация критической статьи Ап. Григорьева «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого

уклада. Соч. Николая Костомарова» (Время. 1863. № 1). Историк Н.И. Костомаров высоко оценивал значение земства.

Закономерно, что в одной из статей, опубликованной в журнале «Время» в 1862 г., создателя «Минина» упрекали в следовании «ложным мотивам» и преувеличении роли Москвы в процессе единения народа. По мнению критика, драматург не сумел понять роль земства, «яркой вспышкой» проявившегося в эпоху 1612 г. [Сочинения К.С. Аксакова: 87].

Островский придерживался других представлений: значительное преувеличение отдельными современниками роли земства в событиях Смуты ему было глубоко чуждо. В адрес своих оппонентов он высказался: «Нашим критикам подавай бунтующую земщину; да что же делать, коли негде взять?» [Островский 1979: 165]. Знаменательно высказывание драматурга в письме к Ап. Григорьеву в конце 1862 г. о том, что «подняло в то время Россию не земство, а боязнь костела, и Минин видел в земстве не цель, а средство» (курсив автора. – М. Н., А. И.) [Островский 1979: 165]. Драматург был убежден, что главной причиной, позволившей совершиться земскому делу и обусловившей единение русских людей, стала угроза утраты православия, лежащего в основе представлений народа о мире и о самом себе, угроза разрушения основ национальной самобытности.

По мнению Достоевского, Островский не уловил сущность «великого движения» русской истории XVII в., не понял, что единение народа выразилось в земстве. Однако подчеркнем: мысль писателя, порицающего Островского, располагалась в плоскости вопроса об отношении *государства и народа*, тогда как позиция Островского — в плане противостояния *католичества и Православия*.

Если мнения Островского и Ап. Григорьева относительно важности вече и земства не вполне совпадали, то их позиции в вопросе о значении Православия в жизни народа были близки. В 1861 г. в статье «Западничество в русской литературе» («Время, 1861, № 3) Ап. Григорьев приходит к мысли, что «связь наша с историей и бытом народа вовсе не так разорвана, <...> что кругом нас в тишине совершается жизнь, вовсе не так далекая от жизни даже XII столетия, как это кажется с первого раза» [Григорьев 1861: 25]. Закономерно встает вопрос о причинах, позволивших народу через несколько столетий сохранить отголоски глубокой старины и не утратить основы русской жизни.

Ап. Григорьев был убежден, что связующим звеном была православная вера. По мнению религиозного философа В.В. Зеньковского, «Православие было для Григорьева выявлением именно глубины русского духа...» [Зеньковский: 391]. Противопоставляя Православие «давившему и уничтожавшему

католицизму» [Григорьев 1999: 110], Ап. Григорьев выявляет существенное и определяющее различие между двумя направлениями христианства, лежащее в их природе. Православие народное (важно учитывать, что Ап. Григорьев противопоставляет народное и официальное) *органично* слилось с языческими представлениями, укрепив основы русской народности. Оно «выросло как растение, а не *выстроено* по русской земле: оно не тронуло даже языческого быта, когда он радикально ему не противодействовал», — писал Ап. Григорьев (курсив автора. – М. Н., А. И.) [Григорьев 1999: 110].

По мнению Ап. Григорьева, на протяжении многих столетий объединяющим началом между историями, в том числе духовной историей народа, и отдельным человеком была *православная церковь, сохраняющая в себе истоки народной жизни*. В старых русских городах только на первый взгляд все поглощено «казенщиной», но прошлое в них живо: «и старое, и связь, и предание встанут перед Вами только иконостасом векового собора, более или менее однотипного со всеми другими» [Григорьев 1999: 110].

Островский также был убежден, что православные церкви хранят дух времени и ушедших эпох, неразрывно соединяя народ с истоками истории. Особое отношение драматурга к православной вере как к фундаменту исторической памяти народа отчасти отразилось во фрагментах его статьи «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода» (1856)⁵.

К середине XIX в. формируются два пути постижения русской истории: современность осмыслялась через обращение, с одной стороны, к событиям рубежа XVI–XVII вв., способствующим выдвижению на первый план вопроса о сущности народной жизни и роли народа в кризисные моменты истории, а с другой — к периоду Петровских реформ, в связи с которым была актуализирована проблема личности правителя-преобразователя, а также отношений России — Европы.

Обращаясь к истории, Островский стремился определить причины коренных изменений патриархального мира и установления новой ценностной системы в очередную переходную эпоху — начала 1860-х гг. Главным предметом раздумий для драматурга стал период Смуты — времени, ознаменовавшего для Руси начало глубокого кризиса средневековой культуры и серьезных перемен не только в социально-политической жизни страны, но и в духовной. Выбранный драматургом путь кардинально разнился с другими современниками, в особенности с Ф.М. Достоевским, для которого на тот момент истоки современных событий виделись, прежде всего, в петровских преобразованиях.

Важно подчеркнуть: избирая этот эпизод русской истории, Островский делает центральным событи-

ем хроники не само освобождение Москвы, а *подготовку* Второго народного ополчения в Нижнем Новгороде. Очевидно, что задачей драматурга было не изображение выдающейся исторической личности, а выявление основ народного мировидения, постижение образа мысли человека того времени, живущего в свете религиозных представлений о мире.

Осмысляя художественные принципы Островского, стоящие в основе его исторической драматургии, И.А. Овчинина отмечает существенную особенность драматических хроник: «важнейшие исторические и политические проблемы осмысливаются драматургом *в их тесном единстве с повседневной, будничной жизнью русских людей*» (курсив наш. – Н. М., А. И.) [Овчинина 2000: 228]. Переломные периоды в истории страны «влияют на самоощущение нации, вносят новые штрихи в народную психологию» [Овчинина 2000: 230], русский человек осознает свою сопричастность к общей судьбе.

Островский, занявший свое место в диалогах времени, опирался на народное самосознание, увидев путь к его пониманию в народных преданиях, древнерусских текстах. Ап. Григорьев еще в 1859 г. чутко заметил, что «русская земля» хранит события в памяти народа: в преданиях и сказаниях, почему «и доселе живет той же самой жизнью XII века» [Григорьев 1859: 15]. П.В. Анненков, в своей рецензии акцентируя внимание на особенностях жанра драматической хроники, предметом которой являются «священные воспоминания народа», указывал: драматическое произведение, основанное на народных представлениях, позволяет раскрыть «поэтическую думу *целой страны*» и выразить «*всю ее нравственную жизнь*» (курсив наш. – Н. М., А. И.) [Анненков: 405]. Выдвигая этот тезис, Анненков предположил, что эту цель мог преследовать и автор «Минина». Островский, как Ап. Григорьев и П.В. Анненков, видел особую роль народных преданий для писателя, стремящегося познать самую суть народных представлений.

Как известно, Островский начала 1860-х гг. хорошо знал историю Древней Руси (см.: [Кашин; Старостина 2012]). Во время создания хроники он вновь [Старостина 1987] обратился к древнерусской литературе, в частности к сказаниям и грамотам XVI–XVII вв., в которых через Слово было явлено народное видение истории.

В «Минине», выявляя основы ценностной системы человека переломной эпохи XVI–XVII вв., Островский в связи с народным религиозным миропониманием смещает акцент с темы страха перед Страшным судом, сделанный в «Грозе» (см.: [Михновец 2019; Михновец 2023]), на тему греха как нарастающего и всеобщего, но главное – на тему *осознанного* греха. Народ, не боящийся Суда,

но сознающий свою вину перед Богом и сопричастность к смертоносным событиям Смуты, понимает, что терпит наказание по Божьей воле: «Воевода. *За умножение грехов Господь / Нас наказал*. Мы знаем всё и терпим. / Так не грешно ли против Божьей воли / Нам восставать?» (курсив здесь и ниже наш. – Н. М., А. И.) [Островский 2021: 81].

К середине XIX в. феномен Страшного суда перестает быть «предметом веры» [Панченко: 77] и воспринимается как идея, уже не имеющая воплощения в действительности. В этом контексте можно допустить, что Островский коренной перелом в духовной жизни народа: переход от страха перед Божьим Судом к собственной ответственности за содеянное – усматривал в событиях Смутного времени.

В древнерусских грамотах и сочинениях («Иное сказание»; «Сказание» Авраамия Палицына; «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства», «Летопись о мятежах и разорениях», др.), с которыми был знаком Островский (см. об этом: [Кашин; Виноградов]), традиционные мотивы «умножения грехов», «праведного Божьего гнева» органично соединялись с идеей о народном единстве, прежде всего духовном, которое должно было стать основой крепости народа в противостоянии событиям Смуты. Постепенно мысль, направленная на поиск путей преодоления бедствий, привела народ к осознанию собственной разобщенности как одной из главных причин Смутного времени.

Произошедший мировоззренческий перелом выразился в появлении «новой, раньше мало знакомой категории понятий общественной ответственности и общественных прав» [Яковлев: 652]. В связи с этим главным героем поздних древнерусских произведений, посвященных событиям Смуты, как отмечает О.А. Туфанова, был явлен народ, который «уже не изображается как молчаливый свидетель деяний правителей и покорный воле» [Туфанова: 405]. Он оказывается ключевым участником исторических событий, именно от него зависит власть и само бытие государства. Исследовательница справедливо полагает: «Обвиняемый в грехах всеми книжниками, представителями разных сословий, этот народ мучительно решал для себя вопросы веры и неверия в чудесное спасение царевича Дмитрия, правдами и неправдами защищал свои семьи и города, организовывал себя на защиту государства, передавая рассказы о видениях, укреплявших покаянные настроения и боевой дух» [Туфанова: 405].

Говоря на языке современных представлений, Островский актуализировал вопрос об «образе будущего». Обратившись к сказаниям и документам эпохи Смутного времени, Островский уловил, что народ мыслил сакральными образами, объединяющими в народном сознании преходящий характер зем-

ной истории и ее вневременное значение. События воспринимались «с высоты их “вечного”, а не реального смысла» [Лихачев: 290]. Историческая действительность была подчинена высшим законам. В этой смысловой перспективе автор «Минина» поставил проблему идеала.

Островский не мог не заострить внимание на том, что древнерусские сочинения опираются на тексты Ветхого Завета и Евангелий. В произведениях XVII в., посвященных описанию Смутного времени, была разработана система метафор и сравнений, восходящих к библейским притчам и образам. Преобладал «религиозно-символический» [Туфанова: 404] метод изображения исторических событий и лиц рубежа XVI–XVII вв., свидетельствующий о восприятии истории неразрывно от христианских представлений.

Косвенно касаясь темы единства народа в хронике «Минин», М.М. Уманская отметила, что мысль о сплочении вокруг «вождя и руководителя» с целью борьбы с врагами «вылилась в форму метафорического уподобления народа – стаду, нуждающемуся в пастыре» [Уманская: 196]. Исследовательница не прокомментировала это сравнение, ограничившись тем, что назвала образную характеристику «народ – стадо» одним из «“общих мест”, художественных штампов» исторических пьес, посвященных событиям эпохи междоусобицы (Г.Р. Державин «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1806), А.К. Толстой «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Борис» (1870), др.) [Уманская: 190].

Как представляется, по отношению к «Минину» речь не идет о штампах, но о *сохранении* Островским исходной содержательности этого соотнесения. В исторической и официальной литературе XVI – начала XVII в. метафоры «народ – овцы», «стадо Христово – государство» были традиционными, прочно вошедшими в канон. Они, по мысли В.П. Адриановой-Перетц, оформились как «постоянные приемы, почти независимые от авторской индивидуальности» [Адрианова-Перетц: 102]. «Христово стадо» и сопровождающий его образ «истинного пастыря» использовались чаще всего в качестве устоявшихся метафорических эпитетов к русскому народу и правителям для *возвеличивания* их «в ответственный момент» [Адрианова-Перетц: 101], в частности в период установления государственности.

Ко времени создания «Минина» в отношении символических образов стада Христова и Пастыря в русской культуре сложилось два плана понимания, задающих разные смысловые ориентиры. В традиции древнерусской литературы, с одной стороны, Пастырь и стадо понимались как Христос и праведники, истинно верующие, что отвечало традиционному толкованию евангельских притч. С другой сто-

роны, Пастырь символизировал главу государства, а стадо – его подданных.

В мировоззрении человека XVI–XVII вв. под Пастырем зачастую понимался царь, патриарх или воевода – земные правители («Минин. <...> Ни воеводы, Печальника о нас, сиротах бедных, / Ни патриарха, ни царя. Как стадо / Без пастыря, мы бродим» [Островский 2021: 48]). Однако ключевым в сознании людей был закреплен образ Пастыря как аллегорического образа Бога, заботящегося и охраняющего свое стадо.

Со временем формируется смысловая коллизия, выраженная в следующих соотнесениях: с одной стороны, «стадо Христово – народ», с другой – «государство – овцы». Сакральное соединяется с исторически-бытовым, однако если в первом случае смысловой доминантой становится тема единства Божьего народа, его сопричастность к божественному началу, то во втором – на первый план выходит тема власти.

В проблемно-тематической структуре хроники «Минин» актуален первый смысловой план: метафорический образ Божьего стада, восходящий к евангельским текстам, становится центральным и представляет народ не как стихийную массу, требующую руководства во славу единства государства, а как *нравственную общность* людей, объединенных духовно.

У Островского тема стада проходит через всю хронику, в связи с этим следует отметить, что в пьесе представлено несколько его разностатусных именовании. В первую очередь, это *Божье стадо* («Семенов. <...> Расхитить *Божье стадо* и украсть / И погубить вконец») [Островский 2021: 18]. Образ Божьего стада предстает как идеальный образ народа, явленный в его духовном единстве и неотделимо связанный с образом Пастыря, возглавляющим и защищающим своё стадо.

Во втором случае, это – *стадо* («Биркин. Мы *чёрный люд*, как *стадо*, бережём, / Как стадо, должен он *повиноваться*») [Островский 2021: 20]. Второе именование представляет сниженный и искаженный образ стада, должного безропотно повиноваться земной власти, основанной не на любви и преданности Богу, а на принуждении и страхе.

В самом начале пьесы в разговоре дьяка Василия Семёнова и стряпчего Ивана Ивановича Биркина о смутных событиях в Москве задается смысловая оппозиция: сакральный образ *Божьего стада*, восходящий к евангельскому тексту, противопоставляется сниженному образу *стада*, в роли которого выступает «чёрный люд», в случае повиновения государственной власти. Примечательно, что далее эта смысловая коллизия усложняется. Противопоставление *Божьего стада* – повинующемуся *стаду* становится основой в деле самоопределения народа, стоящего в период глубоких потрясений перед выбором между общим и личным благом.

И, наконец, в третьем случае, это – *стадо без пастыря* («Минин. Осиротела Русь! <...> Как стадо / Без пастыря, мы бродим, злому волку – / Губителю добыча») [Островский 2021: 48]. Такое стадо понимается как «рассеянное» Божье стадо. Смысловой акцент делается автором на утрате Пастыря-Вождя, способного «повести народ» и защитить его. На первый план выходит проблема духовной «осиротелости», причиной которой стали разобщенность и «всеобщее шатание» народа.

Закономерно, что образ *Божьего стада* Островский отсылает – в логике ведущего для пьесы ценностного ориентира – именно к евангельским образам Христова стада и Пастыря, противопоставленного «злохитрому врагу, злокозненному диаволу» [Островский 2021: 18]. В речи Минина (3 явл., II сцена 2-го д.) об осиротелости Руси и необходимости спасать Москву [Островский 2021: 48] вводится образная триада *стадо – Пастырь – злой волк-губитель*, актуализирующая фрагмент евангельской притчи о Добром Пастыре и Наёмнике (Ин. 10: 7–16).

Знаменательно, что образ *стада без пастыря* явлен в контексте упоминания реальных исторических событий и лиц: отсутствие царя, заточение патриарха Ермогена, убийство Прокопия Ляпунова, предводителя Первого народного ополчения, ранение князя Дмитрия Пожарского. Это позволяет говорить о переплетении двух планов пьесы: сакрального и исторического. С одной стороны, евангельский план пьесы, где смыслообразующей становится проблема духовного единства народа, с другой – исторический план, где ключевую роль играет проблема объединения и спасения народа и Руси от внешних врагов ради сохранения, прежде всего, духовной самобытности.

Итак, в 1850–60-е гг., в период споров о народном самоуправлении и государственной власти, Островский занял свою позицию, в полной мере не соглашаясь ни с одним из мнений относительно русской истории и дальнейшего пути России, высказываемых его современниками. Прежде всего, драматург сосредоточился на проблеме единства народа. Изучая исторические материалы и сочинения Древней Руси, отражающие умонастроения человека того времени, он увидел, что главное в событиях Смуты – противостояние католицизму и сохранение православия как основы самосознания народа, фундамента его мировидения.

Драматическая хроника «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» <Первая редакция> является одним из программных произведений драматурга, где он избирает сакральный текст не только как основу для постижения истории и духа народа, но и идеал, обращенный в будущее. В хронике образ Божьего стада становится доминантным, поскольку отражает идеал духовного единения, в перспективе которого мыслит самого

себя народ, уже осознающий свою ответственность за происходящие события.

Тема народа как *нравственной общности* становится доминантной в историософских исканиях Островского.

Примечания

¹ Достоевский был далеко не одинок в таком представлении. Через пять лет, в декабре 1866 г., во время празднования 100-летнего юбилея Н.М. Карамзина, К. Бестужев-Рюмин скажет: «...но уяснили ли мы себе и теперь сущность внутреннего единства Русского народа, которое сказывается на наших глазах (например, в Галичанах)? <...> Факты мы знаем, как знал их Карамзин, но существенное понимание *тайны народной жизни* еще далеко. <...> Историю *государства* можно было написать; историю *народа* писать было рано, *да рано и теперь*» (курсив автора. – А. И., Н. М.) [Бестужев-Рюмин: 224]. На это высказывание наше внимание обратила Е.М. Кудрявцева.

² Ранее Ап. Григорьев в статье «Взгляд на историю России г. Соловьева» (Русское слово. 1859. № 1) определял два периода допетровской Руси: XII–XIII вв. и эпоху междоусобиц, которые со временем стали основополагающими, коренными в понимании движения российской истории и закрепились в народной памяти. По его мнению, именно эти события стали причиной серьезных изменений в судьбе Руси, оставив глубокий след в сознании народа: «Солоно достались русской земле Татары да Литва <...> только их она и помнит из всего старого прожитого. Они-то и прервали связь ее с ее дотатарской жизнью, укоротили память русского человека» [Григорьев 1859: 15].

³ Достоевский, уже имевший опыт создания исторических драм (имеем в виду неоконченные им в 1840-х гг. пьесы «Мария Стюарт» и «Борис Годунов») и следивший за развитием русской исторической драматургии в 1840–60-е гг., проблемно-тематическим ядром которой стали события рубежа XVI–XVII вв., весьма критически отзывался о новой пьесе Островского.

⁴ В 1862 г. вышли в свет две статьи А.П. Щапова «Земство и раскол. Бегуны» (Время. 1862. № 10, 11); статьи (без указания авторства) «Дворянство и земство» и «Сочинения К.С. Аксакова» (Время. 1862. № 3).

⁵ Например, описывая места села Городня, Островский, прежде всего, делает акцент на церковных строениях и исторических сведениях о них, сохранившихся благодаря преданиям: «На правом, высоком и крутом берегу Волги... лежит село Городня. Прежде, до литовского разорения, это был город и назывался Вертязин. В нем было три церкви: одна ка-

менная, бывшая соборною, построенная в XIII веке во имя рожества пресвятыя богородицы, существует и доселе. Строеие ее предание приписывает Тверскому князю Борису Александровичу» (курсив наш. — А. И., Н. М.) [Островский 1978: 334].

Список литературы

Источники

Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашева, 1882. 358 с.

Григорьев А.А. Письма / изд. подгот. Р. Виттакер, Б.Ф. Егоров. Москва: Наука, 1999. 473 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Ленинград: Наука, Ленингр. отд., 1972–1990.

Островский А.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 18 т. Т. 4. Кострома: Костромаиздат, 2021. 704 с.

Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 10. Москва: Искусство, 1978. 720 с.

Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 11. Москва: Искусство, 1979. 787 с.

Исследования

Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1947. С. 9–134.

Анненков П.В. О Минине г. Островского и его критиках // Русский вестник. 1862. Т. 41. С. 397–412.

Виноградов А.А. Об исторических источниках хроники А.Н. Островского «Козьма Захарыч Минин, Сухоорук» // Филология: научные исследования. 2018. № 4. С. 286–294.

Виттакер Р., Егоров Б.Ф. Жизнь Григорьева в письмах // А.А. Григорьев. Письма / изд. подгот. Р. Виттакер, Б.Ф. Егоров. Москва: Наука, 1999. С. 293–319.

Григорьев А.А. Взгляд на историю России г. Соловьева // Русское слово. 1859. № 1. С. 1–48.

Григорьев А.А. Западничество в русской литературе // Время. 1861. № 3. С. 1–34.

Зеньковский В.В. История русской философии. Москва: Академический Проект: Раритет, 2001. 880 с.

Кашин Н.П. Исторические пьесы А.Н. Островского // Н.П. Кашин. Этюды об Островском: в 2 т. Т. 1. Москва: Тип.-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. С. 151–261.

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Ленинград: Худ. лит.-ра., Ленингр. отд., 1971. 415 с.

Лотман Л.М. Историческая драматургия А.Н. Островского (1861–1865) // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 6. Москва: Искусство, 1976. С. 534–557.

Лукин П.В. Новгородское вече: старые концепции и новые данные // Исторический вестник. 2012. № 1. С. 98–119.

Михновец Н.Г. Драма и либретто А.Н. Островского «Гроза»: исторический план в изображении патриархального мира // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 3. С. 79–83.

Михновец Н.Г. Статья Ф.И. Буслаева «Изображение Страшного суда по русскому подлиннику XVII века» в контексте двух «Гроз» А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 5. С. 43–50.

Михновец Н.Г. Ф.М. Достоевский и А.Н. Островский в процессе познания народа (1860-е гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 3. С. 460–478.

Носов С.Н. Аполлон Григорьев. Судьба и творчество. Москва: Советский писатель, 1990. 191 с.

Овчинина И.А. «Минин» А.Н. Островского на перекрестке мнений // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 5. С. 125–129.

Овчинина И.А. Этапы творчества А.Н. Островского: эстетика национального быта характера: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2000. 356 с.

Панченко А.М. О русской истории и культуре. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. 464 с.

Соловьев С.М. Исторические поминки по историке. Санкт-Петербург: Университетская тип. (Катков и К°), 1866. 20 с.

[Б. а.] Сочинения К.С. Аксакова // Время. 1862. № 3. С. 79–88.

Старостина Г.В. Древняя русская литература // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома, Шуя: Костромаиздат, 2012. С. 357–360.

Старостина Г.В. Традиции древнерусской литературы в комедии А.Н. Островского «Бедность не порок» // Русская литература. 1987. № 2. С. 63–75.

Туфанова О.А. Древнерусские письменные памятники о Смутном времени как художественный феномен: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2019. 440 с.

Уманская М.М. Народ в исторических пьесах Островского // Наследие А.Н. Островского и советская культура. Москва: Наука, 1974. С. 188–202.

Устинов В.М., Новицкий И.Б., Гернет М.Н. Основные понятия русского государственного гражданского и уголовного права: общедоступ. очерки. Москва: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1910. С. 28–32.

Щапов А.П. Земство // Соч. А.П. Щапова: в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Издание М.В. Пирожкова, 1906. С. 753–759.

Яковлев А.И. «Безумное молчание» (Причины Смуты по взглядам русских современников ее) // Сборник статей, посвящ. В.О. Ключевскому. Ч. 2. Москва: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1909. С. 651–678.

References

- Adrianova-Peretts V.P. *Ocherki poeticheskogo stilia Drevnei Rusi* [Essays on the poetic style of Ancient Russia]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1947, pp. 9–134. (In Russ.)
- Annenkov P.V. *O Minine g. Ostrovskogo i ego kritikh* [On Minin by Ostrovsky and his critics]. *Russkii vestnik* [Russian herald], 1862, vol. 41, pp. 397–412. (In Russ.)
- Grigor'ev A.A. *Vzgliad na istoriiu Rossii g. Solov'eva* [A look at the history of Russia by Solovyov]. *Russkoe slovo* [The Russian word], 1859, no. 1, pp. 1–48. (In Russ.)
- Grigor'ev A.A. *Zapadnichestvo v russkoi literature* [Westernism in Russian Literature]. *Vremia* [The Time], 1861, no. 3, pp. 1–34. (In Russ.)
- Iakovlev A.I. «*Bezumnoe molchanie*» (*Prichiny Smuty po vzgliadam russkikh sovremennikov ee*) [Insane silence (Causes of Time of troubles in the eyes of contemporaries)]. *Sbornik statei, posviashchennykh V.O. Kliuchevskomu* [Collection of articles dedicated to V.O. Klyuchevsky]. Moscow, Tov-vo «Pechatnia S.P. Iakovleva» Publ., 1909, part 2, pp. 651–678. (In Russ.)
- Kashin N.P. *Istoricheskie p'esy A.N. Ostrovskogo* [Historical plays by A.N. Ostrovsky]. N.P. Kashin. *Etiudy ob Ostrovskom: v 2 t. T. 1* [Sketches about A.N. Ostrovsky: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Tipo-lit. T-va I.N. Kushnerev i K° Publ., 1912, pp. 151–261. (In Russ.)
- Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [The poetics of Ancient Russian literature]. Leningrad, Khud. lit-ra. Leningr. otd-nie Publ., 1971, 415 p. (In Russ.)
- Lotman L.M. *Istoricheskaia dramaturgiia A.N. Ostrovskogo (1861–1865)* [Historical Dramaturgy of A.N. Ostrovsky (1861–1865)]. *Ostrovskii A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. T. 6* [Complete Works and Letters: in 12 vols. Vol. 6]. Moscow, Iskustvo Publ., 1976, pp. 534–557. (In Russ.)
- Lukin P.V. *Novgorodskoe veche: starye kontseptsii i novye dannye* [Novgorod Veche: old concepts and new facts]. *Istoricheskii vestnik* [The Historical Reporter]. 2012, no. 1, pp. 98–119. (In Russ.)
- Mikhnovets N.G. *Drama i libretto A.N. Ostrovskogo «Groza»: istoricheskii plan v izobrazhenii patriarkhal'nogo mira* [Drama and libretto by A.N. Ostrovsky “Thunderstorm”: a historical plan in the image of the patriarchal world]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2019, vol. 25, no. 3, pp. 79–83. (In Russ.)
- Mikhnovets N.G. *Stat'ia F.I. Buslaeva «Izobrazhenie Strashnogo suda po russkomu podlinniku XVII veka» v kontekste dvukh «Groz» A.N. Ostrovskogo* [Article by F.I. Buslaev “Image of the Last Judgment according to the Russian original of the 17th century” in the context of two “Thunderstorms” by A.N. Ostrovsky]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2023, vol. 29, no. S, pp. 43–50. (In Russ.)
- Mikhnovets N.G. *F.M. Dostoevskii i A.N. Ostrovskii v protsesse poznaniia naroda (1860-e gg.)* [F.M. Dostoevsky and A.N. Ostrovsky in the process of learning about the people (1860s)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literature* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2021, vol. 18, no. 3, pp. 460–478. (In Russ.)
- Nosov S.N. *Apollon Grigor'ev. Sud'ba i tvorchestvo* [Apollon Grigoriev. Fate and creativity]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, 191 p. (In Russ.)
- Ovchinina I.A. «*Minin*» A.N. Ostrovskogo na perekrestke mnenii [“Minin” by A.N. Ostrovsky at the crossroads of opinions]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2016, no. 5, pp. 125–129. (In Russ.)
- Ovchinina I.A. *Etapy tvorchestva A.N. Ostrovskogo: estetika natsional'nogo byta kharaktera* [Stages of creativity of A.N. Ostrovsky: aesthetics of national life of character]: diss. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2000, 356 pp. (In Russ.)
- Panchenko A.M. *O russkoi istorii i kul'ture* [Russian History and Culture]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2000, 464 p. (In Russ.)
- Shchapov A.P. *Zemstvo* [Zemstvo]. *Soch. Shchapova: v 3 t. T. 1* [Works by A.P. Shchapov: in 3 vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, Izd. M.V. Pirozhkova Publ., 1906, pp. 753–759. (In Russ.)
- [B. a.] *Sochineniia K.S. Aksakova* [Works by K.S. Aksakov]. *Vremia* [The Time], 1862, no. 3, pp. 79–88. (In Russ.)
- Solov'ev S.M. *Istoricheskie pominki po istorike* [Historical Commemoration for a Historian]. Saint Petersburg, Universitetskaia Tip. (Katkov i K°) Publ., 1866, 20 p. (In Russ.)
- Starostina G.V. *Drevniaia russkaia literature* [Ancient Russian Literature]. *A.N. Ostrovskii. Entsiklopediia* [A.N. Ostrovsky. Encyclopedia], ed., comp. by I.A. Ovchinina. Kostroma, Shuya, Kostromaizdat Publ., 2012, pp. 357–360. (In Russ.)
- Starostina G.V. *Traditsii drevnerusskoi literatury v komedii A.N. Ostrovskogo «Bednost' ne porok»* [Traditions of Old Russian Literature in the Comedy of A.N. Ostrovsky “Poverty is Not a Vice”]. *Russkaia literature* [Russian Literature], 1987, no. 2, pp. 63–75. (In Russ.)
- Tufanova O.A. *Drevnerusskie pis'mennye pamiatniki o Smutnom vremeni kak khudozhestvennyi fenomen* [Old Russian written monuments about the Time of Troubles as an artistic phenomenon]: dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2019, 440 p. (In Russ.)
- Umanskaia M.M. *Narod v istoricheskikh p'esakh Ostrovskogo* [The people in Ostrovsky's historical plays].

Nasledie A.N. Ostrovskogo i sovetskaia kul'tura [Heritage of A.N. Ostrovsky and Soviet culture]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 188–202. (In Russ.)

Ustinov V.M., Novitskii I.B., Gernet M.N. *Osnovnye poniatiia russkogo gosudarstvennogo grazhdanskogo i ugovnogo prava: obshchedostup. ocherki* [Basic concepts of Russian state civil and criminal law]. Moscow, Tip. t-va I.D. Sytina Publ., 1910, pp. 28–32. (In Russ.)

Vinogradov A.A. *Ob istoricheskikh istochnikakh khroniki A.N. Ostrovskogo «Koz'ma Zakhar'ich Minin, Sukhoruk»* [On the historical sources of A.N. Ostrovsky's chronicle “Kozma Zakharyich Minin, Sukhoruk”]. *Filologiya: nauchnye issledovaniia* [Philology. Scientific Research], 2018, no. 4, pp. 286–294. (In Russ.)

Vittaker R., Egorov B.F. *Zhizn' Grigor'eva v pis'makh* [Grigoriev's life in letters]. *A.A. Grigor'ev. Pis'ma* [A.A. Grigoriev. Letters], izd. podgot. R. Vittaker, B.F. Egorov. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 293–319. (In Russ.)

Zen'kovskii V.V. *Istoriia russkoi filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Moscow, Akademicheskii Proekt, Raritet Publ., 2001, 880 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.08.2025; одобрена после рецензирования 08.09.2025; принята к публикации 11.09.2025.

The article was submitted 08.08.2025; approved after reviewing 08.09.2025; accepted for publication 11.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 109–115. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 109–115. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19"

EDN NPXJOM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-109-115>

**АЛЕКСАНДР ОСТРОВСКИЙ:
ГЕНЕЗИС ДРАМАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ
(«Картина семейного счастья» / «Семейная картина»)**

Едошина Ирина Анатольевна, доктор культурологии, профессор, Костромской государственный университет, Россия, Кострома, tettixgreek@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4265-3611>

Аннотация. В статье автором на основе обобщения, аналитических процедур исследуется сценическая природа ранних пьес А.Н. Островского. Традиционно, с советских времен, произведения Островского 1840–1850-х гг. относятся к так называемому «москвитянскому периоду», определяемому, по мнению целого ряда ученых, почвеннической идеологией. Автором данной статьи раннее творчество А.Н. Островского рассматривается прежде всего как художественно-театральный феномен. Выявляются возможные источники формирования в Островском интереса к театральной культуре. Далее устанавливается, какую роль в становлении драматургического дара Островского сыграли встреча и творческое общение с Дмитрием Горевым (Тарасенковым) в 1840-е гг., до событий, связанных с публикацией пьесы «Свои люди – сочтемся!». Затем определяются сценические параметры пьесы «Картина семейного счастья», их специфика. В итоге автор статьи приходит к выводу, что в пьесе «Картина семейного счастья» Островский предстает как сложившийся драматург, перед которым стоит задача создания русского репертуара.

Ключевые слова: театр, драматургия, сценическая природа, интрига и ее функции, микроконфликты, неоднозначность действующих лиц, открытый финал.

Для цитирования: Едошина И.А. Александр Островский: генезис драматической формы («Картина семейного счастья» / «Семейная картина») // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 109–115. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-109-115>

Research Article

**ALEXANDER OSTROVSKY:
THE GENESIS OF DRAMATIC FORM
(“The Tableau of Family Happiness” / “The Family Tableau”)**

Irena A. Edoshina, Doctor in Cultural Studies, Professor, Kostroma State University, Russia, Kostroma, tettixgreek@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4265-3611>

Abstract. In the article, author, on the basis of generalisation, analytical procedures, examines the stage nature of the early plays by Alexander Ostrovsky. Traditionally, since Soviet times, Ostrovsky's works of the 1840s and 1850s belong to the so-called “Muscovite period”, determined, according to a number of scientists, by the soil-orientted ideology. The author of this article considers early works by Alexander Ostrovsky primarily as an artistic and theatrical phenomenon. Possible sources of Ostrovsky's interest in the theatrical culture are revealed. Further, it is established what role the meeting and creative communication with Dmitriy Gorev (Tarasenkov) in the formation of Ostrovsky's dramatic gift in the 1840s, before the events related to the publication of the play “It's a Family Affair – We'll Settle It Ourselves!”. Then the stage parameters (and their specific) of the play “The Tableau of Family Happiness” are determined. As a result, the author of article comes to the conclusion that in the play “The Tableau of Family Happiness”, Ostrovsky appears as an established playwright, who faced the task of creating a Russian repertoire.

Keywords: theatre, dramaturgy, stage nature, intrigue and its functions, micro-conflicts, ambiguity of characters, open ending.

For citation: Edoshina I.A. Alexander Ostrovsky: the genesis of dramatic form (“The Tableau of Family Happiness” / “The Family Tableau”). Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 109–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-109-115>

Уже в первых пьесах А.Н. Островский явился оригинальным драматургом, пишущим для сцены, став в результате создателем русского репертуара в отечественном театре. Свойственная его таланту опора на зрительное восприятие мира проявилась уже в его прозаических опытах, которые по этой причине опытами и остались.

С другой стороны, многое в нем самом, в его творчестве обусловлено жизнью в родительском доме. Получивший хорошее домашнее образование, продолженное в лучшей по тем временам московской гимназии, Александр Островский в юном возрасте приобщился к чтению, чему в немалой степени способствовала домашняя библиотека.

Отец будущего драматурга, Н.Ф. Островский, собрал солидную библиотеку по самым разным отраслям знаний. В ее состав входило многотомное (было выпущено 43 части) увеличенного формата собрание книг под общим названием: «Российский феатр», или «Полное собрание всех Российских Феатральных сочинений» (1786–1794). Собственно оригинальных русских сочинений в этом многотомнике было немного, гораздо больше – анонимных переделок в основном французских авторов, чьи фамилии также не указывались. Те из такого рода пьес, что подписывались русскими фамилиями, могли настолько отличаться от оригинала, что воспринимались уже как самостоятельные произведения. Один из ярких примеров – «Гамлет» Александра Сумарокова, помещенный в первой части в завершение публикации оригинальных пьес самого драматурга. Позднее Сумароков пояснит: «Гамлет мой... на Шекспирову трагедию едва-едва походит» [Сумароков: 117]. Причина заключается в том, что перед Сумароковым стояла проблема не перевода, а создания русской классицистической трагедии, которая соответствовала бы европейским образцам или к этим образцам отсылала.

Так что будущее обращение Островского к переводам, с одной стороны, лежало в русле развития отечественной драматургии, а с другой – формировало в нем (пока подспудно) осознание в надобности оригинального репертуара. Указанный многотомник сохранится в библиотеке Островского, а следы чтения обнаруживаются в его пьесах. Например, под впечатлением одной из пьес Николая Николева в будущую трилогию о Бальзамине войдут рассуждения о том, что лучше – зима или лето.

Увлечению театром юный Островский в немалой степени был обязан жившей до замужества в их семье тете – Татьяне Федоровне Островской (позднее Гиляровой). Будучи сама большой поклонницей театра, она водила племянника на спектакли, что вкупе с прочитанными Островским пьесами навсегда поселили в нем любовь к этому виду искусства. А к тете

Островский был очень привязан, сохранив общение после ее замужества.

Затем уже на первом курсе университета, в 1840–1841 гг., благодаря профессору Д.Л. Крюкову Островский приобщается к античному театру, читая и переводя пьесы Плавта, Теренция. А заодно начинает более активно посещать не только спектакли, но и приходить туда, где собиралась артистическая богема – в кофейню Печкина. Здесь он познакомится с Провом Садовским, тогда только начинающим актером.

Далее Островский оставляет университет, но по требованию отца подвизается в судебных учреждениях, втайне связывая свою судьбу с творчеством. И тут в жизни Островского появляется Дмитрий Горев (Тарасенков), старше его на пять лет, актер трагического амплуа, выходец из купеческой среды, с университетским образованием¹, автор идущей на Александринской сцене пьесы².

Хотя их общение не было постоянным, поскольку Горев играл в провинции (в том числе в Казани, Нижнем Новгороде), но всякий раз, приезжая в Москву, где жили его родственники, он посещал Островского, который позднее будет вспоминать о приходе Горева к нему домой осенью 1846 г. как о вполне обыденном случае [Островский 10: 59]. В то время их отношения носили самый дружеский характер. «Вы тогда были другой человек», – напишет Островский в разгар несправедливых обвинений в плагиате со стороны Горева [Островский 10: 60].

Во время активного общения с Горовым у Островского не было знакомых подобного рода, как не было опыта в написании пьес. Азы этого искусства – вопросы жанровой природы пьесы, ее построения, исполнения на сцене – он постигал на практике в работе над их с Горовым совместной пьесой «Исковое прошение», оставшейся незавершенной. Видимо, в знак благодарности, а также учитывая весь комплекс усвоенных им знаний и умений в процессе работы над этой пьесой, легшей в основу уже его собственного произведения, Островским указываются два автора: *А. О.* и *Д. Г.* Никаких претензий со стороны Горева публикация Островским пьесы «Картина семейного счастья» не вызвала. Потому вполне закономерно позднее Островский напишет: «Осенью 1846 г. пришел ко мне Горев; и я прочел ему написанные мною “Семейные картины” и рассказал сюжет новой пьесы. Он предложил начать обделку сюжета вместе – я согласился...» [Островский 10: 29]. Вряд ли подобное было возможным, если бы Островский тогда не видел в Горове человека творческого, понимающего толк в сценическом искусстве, но, увы, безалаберного и богемного³.

Обратимся непосредственно к первой пьесе Островского «Картины московской жизни (“Картина семейного счастья”))», опубликованной за двумя

подписями под таким названием 14 и 15 марта 1847 г. в газете «Московский городской листок» за 1847 г.

Пьеса была начата Островским 26 января, к 14 февраля – завершена и прочитана в доме у С.П. Шевырёва. Летом этого же года он отдаёт пьесу в театральную цензуру на предмет разрешения ее постановки и... получает отказ. Когда через несколько лет Ф.А. Бурдин попробует вновь получить разрешение на представление этой пьесы Островского – результат будет таким же и причина все той же – безнравственность содержания.

Пройдет еще долгих семь лет, прежде чем Островский получит разрешение на постановку пьесы «Картина семейного счастья», осуществленную благодаря усилиям все того же Бурдина на сцене Александринского (1855), а вслед, но позднее (1857) – Малого театров. В перерыве между этими постановками Островский опубликует пьесу в апрельском номере журнала «Современник» за 1856 г. под названием «Семейная картина», подвергнув авторской правке [Островский 10: 665]. Однако и Александринский, и Малый театры ставят первый вариант пьесы под названием «Картина семейного счастья. Сцены в 1 д.» [История: 336].

Конечно, после публичных обидных и несправедливых обвинений в плагиате в связи с пьесой «Свои люди – сочтемся!» со стороны Горева, уже мало владеющего собой и подогреваемого недругами драматурга, при последующих публикациях Островский переименует пьесу «Картины семейного счастья» в «Семейную картину», снимет вторую фамилию из авторов.

К 1857 г., времени постановки пьесы на сцене в Малом театре, были уже сыграны все пьесы, написанные Островским в 1840–1850-е гг. (за исключением пьес «Неожиданный случай», не поставленной при жизни драматурга, и «Свои люди – сочтемся!» по цензурному недопущению). Но именно с пьесы «Картина семейного счастья» Островский «без колебаний и сомнений поверил в свое призвание», определяя самую пьесу как «цельное и законченное произведение» [Островский 10: 462].

Из современников драматурга только Ап. Григорьев (и то через почти пять лет) обнаружил в пьесе «самобытный талант» ее автора, а самую пьесу определил «относительно оконченности отделки» как «совершеннейшее произведение», прошедшее почти что незамеченным [Григорьев: 8]. Ап. Григорьев указывает на четыре «новости» в пьесе: быта, отношения автора к изображаемому, манеры изображения, языка «в его цветистости» [Григорьев: 8]. Как видим, Ап. Григорьев подчеркивает самобытность драматургического письма Островского, явившегося уже в первой пьесе не просто сложившимся, но вполне оригинальным автором. Если «но-

вость быта» и «новость языка» лежат, что называется, на поверхности, отсылая к «миру купецкому», каков он есть, и его разговорному языку, то «новость отношения» автора и «новость манеры» связаны со спецификой собственно драматургической. Здесь речь идет о фабуле, интриге, характерах действующих лиц – о том, что Островский позднее назовет «сценариумом», видя в нем своеобразный остов пьесы [Островский 12: 362–363].

Пьеса начинается с сидящей у окна [Чернец] за пальцами Марьи Антиповны, сестры Пузатова, которого зовут Антип Антипыч – этаким Пузатов в квадрате. Незамужняя сестра его тоже Пузатова, а с братом – удвоенная Пузатова. Антип Антипыч женат, потому и жена его – Пузатова. А еще есть мать – Степанида Пузатова, с детьми она уже трижды Пузатова. Семейство Пузатовых разрастается прямо на глазах, кажется, они везде, кругом одни Пузатовы, в pendant к которым добавляется Брюхов.

По Вл. Далю, «брюхо» и «пузо» однокоренные слова, отсылающие к той части туловища, где располагается весь «ливер» деятельности человеческого организма, но это и место зарождения человеческого бытия, отсюда именование беременной женщины – «брюхатая», «пузатая» [Даль 1: стлб. 327] вне какой бы то ни было оценки, но только в качестве констатации самого факта беременности. Это своеобразная «встреча» бытия (зарождения) и небытия (отхода от жизнедеятельности организма), данная в пьесе на уровне фамилий действующих лиц, имплицитно отсылает к исконному пониманию живота как именованию человеческого бытия. Отсюда, например, устойчивое выражение «не на живот, а на смерть». В приводимых Далем в словаре пристайных пословицах слова «пузо», «брюхо» имеют достаточно широкий диапазон значений, чем и воспользовался Островский. Отсюда – своеобразный мерцающий смысл этих «говорящих» фамилий, позволяющих видеть в купцах и «темное царство», и бытийствование определенной общественной страты с присущими ей особенностями, и мир людей вообще с его нестроениями.

Думается, одна из характеристик «новости отношения» может быть отнесена к смысловой подвижности именованию главного действующего лица – Пузатов, который, как уже было отмечено, «умножается» в несколько раз за счет родных. Он словно олицетворяет образ новой, быстро увеличивающейся в численности страты купцов и ее растущего влияния на экономическое развитие России. Островский понял это одним из первых (чуть ранее М.П. Погодин) и первым (Колумб Замоскворечья) вывел купечество на сцену, показав его с разных сторон, в разных ипостасях.

Все иные именовании действующих лиц вполне укладываются в традиционные «говорящие» фа-

мии. Ширылов – носитель фамилии, отсылающей к тому, кто ширяет, то есть перемешивает, переворачивает [Даль 4: 1440]. В итоге он «ширнет» – и окажется женихом вместо сына. А в качестве возможных женихов для Марьи Антиповны в пьесе являются Косолапов, по словарю Вл. Даля – «криво-рукий» [Даль 2: 447] и Перепяткин, могущий только «попятить лишку» [Даль 3: 197]. Еще мелькнет Остолопов, по словарю Вл. Даля – «глупый верзила» [Даль 2: 1826].

Напомню, что Даль собирал слова *живого великорусского* языка, которым пользовались современники Островского и он сам. Давая действующим лицам говорящие не в их пользу фамилии, собирая их вместе, драматург маркирует мир тем самым черным цветом, о котором поет у окна Марья Антиповна в самом начале пьесы⁴.

Иную функцию выполняют бесфамильные персонажи из упоминаний и рассказов Дарьи: это прохаживающиеся под окнами молодые люди Иван Петрович и Василий Гаврилыч, которым симпатизируют Марья Антиповна, девица, и Матрена Савишна, дама замужняя. История их отношений дается через пересказ, но пересказ особенный – в «лицах» благодаря снующей туда-сюда в исполнение поручений служанке Дарье, которая со знанием дела, почти по-режиссерски, умело подыгрывает своим поручителям. Причем отношения эти изначально не предполагают ничего серьезного (что подчеркнуто мотивом мадеры и мимолетностью встреч под видом посещения церковных служб). В результате драматургом уточняются характеристики Матрены Савишны и Марьи Антиповны, а через них – выстраивается скрытая, связанная с обманом интрига в общем развитии действия.

Позднее Островский будет утверждать, что мотив обмана в пьесе, а следом в публике «самая лучшая комбинация» для комедии, ссылаясь при этом на Лопе де Веги [Островский 10: 282], интермедии которого он активно в те годы переводил. Но Островский с детских лет (благодаря мачехе) хорошо знал французский язык, читал пьесы в оригинале, высоко ценил драматургию Ж.-Б. Мольера, пьесы которого входили в репертуар московских театров. В библиотеке Островского сохранилось многотомное собрание сочинений Мольера на французском языке, изданное в конце XVIII в. Известно намерение драматурга перевести все прозаические пьесы Мольера на русский язык.

Среди пьес Мольера есть особый жанр, именуемый «леве де ридо» («lever de rideau») – одноактная пьеса, иногда – фарс. Ярким примером такой пьесы может служить написанная в прозе «Ревность Барбулье», где главные действующие лица – муж, жена и служанка – наперсница жены, а интригу определяет мотив обмана (не в последнюю очередь носящий

автобиографический характер). Мольер мастерски закручивает интригу, наказывая в результате не гулливую жену, а ее ревнивого мужа. Такого рода неожиданная развязка характерна для одноактных пьес Мольера [см.: Ермоленко].

Островский стремился понять, как выстраивается интрига обмана, и Мольер оказался прекрасным учителем, а начинающий русский драматург – талантливым учеником, навсегда оставшимся, по замечанию А.Н. Веселовского, верным заветам французского драматурга. Думается, следы этой «верности» просматриваются в построении скрытой интриги в «Картине семейного счастья».

Явная интрига в пьесе связана с хозяином дома – 35-летним купцом Антипой Пузатовым. Он – хозяин здесь всему, делает, что хочет. Например, на глазах у всех начинает обнимать и целовать жену, потом ее пугает грозным окриком и веселится, видя ее испуг. При этом он даже не догадывается, что подобными поступками способствует развитию интриги обмана. Это столкновение явного и скрытого заложено Островским уже в первоначальном именовании пьесы, которое не совпадает со всем, что в ней происходит.

Особую роль в пьесе играет мать Пузатова – Степанида Трофимовна, женщина в возрасте, волевая, ловко управляющаяся с домашними делами и родней. Ей бы хотелось, чтобы все жили по-старому, как она сама, но мир изменился. Неприятие Степанидой Трофимовной изменений становится одним из источников микроконфликтов, которые подобно мелким сосудам пронизывают драматургическую ткань фабулы. Появившись на сцене в первый раз, она успевает сразу задеть служанку (слишком быстро идет), сына (его все обманывают), Матрену Савишну (мелко плавает, чтобы быть хозяйкой). Ей возражает только Матрена Савишна, которая не собирается «переделываться» ради свекрови, о чем вслух (при муже) ей заявляет. Этот и подобного рода выстроенные микроконфликты делают пьесу и динамичной, и острой, и полнокровной, несмотря на малую форму – сцена.

Внутри обозначенной в названии сцены находится (помимо уже названных) ряд микросцен: это и полный драматизма эпизод выдачи замуж купеческой дочери за благородного, и эпизод обмана немца. Эту особенность пьесы Островского его современник А.В. Дружинин обозначил как отсутствие «того, что называется обыкновенно сюжетом» (цит. по: [Зубков: 671]).

В событийной круговерти микросцен и микроконфликтов, кажется, невзначай, словно между делом рождается мотив выдачи замуж Марьи Антиповны. Мотив этот умело направляет в сторону развития Степанида Трофимовна, которая наверняка догадывается о тех шашнях, которые ведут ее дочь

и жена сына. Она бы про Матрену давно сыну рассказала, но тут дочь рядом, а ей плохого Степанида Трофимовна не хочет, потому выход один – замужество. Она как бы между делом, в проброс, упоминает Шириялова, ищущего жену и имеющего много денег. Антип Антипыч задумывается – и тут появляется Шириялов. Следует роскошная сцена их диалога, где сначала Шириялов через цепь эпизодов-сцен рассказывает о своем непутевом сыне. Вершиной этого рассказа становится признание, что его сын ходит в театр каждый день, правда, и к нему «всякая сволочь таскается» из театра, да еще роман с «ахтрисой» завел. Пузатов в утешение приводит целый ряд гнусных эпизодов из своей юности и предлагает Шириялову сына женить.

Но тут неожиданно все резко меняется. Оказывается, Шириялов не хочет, чтобы беспутный сын после смерти отца ему наследовал⁵, а потому хочет жениться сам. В итоге Пузатов предлагает ему, 60-летнему старику, в жены свою 20-летнюю сестру с одним условием: чтобы не бил. Они, что называется, бьют по рукам и договариваются о продолжении общения дома у Шириялова.

Оставшись один, Пузатов оценивает решение Шириялова жениться как блажь и добавляет: «Что ж, мы с нашим удовольствием! Ничего, можно-с!», полагая, что с приданым он Шириялова обведет: «Мы тоже с матушкой-то на свою руку охулки не положим...» Во всей этой истории сестра оказывается всего лишь вещь, предметом торга, не более⁶.

А завершается пьеса найденным и навсегда усвоенным Островским финалом, когда судьба уже свершилась, а те, чья судьба свершилась, этого либо не знают, либо от них скрыты последствия случившегося. В финале мы видим Марью Антиповну и Матрену Савишну, собравшихся ехать на свидание в Симонов монастырь и весело хохочущих, полагая, что сумели обмануть своих близких и хотя бы вот так, пусть ненадолго, но изменить свои судьбы. Между тем как судьба одной из них уже решена. Так рождается драматизм финала, понятный зрителям, но не той, кого он напрямую касается.

Самоё построение этой пьесы наполнено динамизмом, сценки-события буквально теснят друг друга, их обилие в небольшом драматическом пространстве просто зашкаливает. Драматург нигде не дает своих оценок, кажется, он просто наблюдает за тем, как живут и действуют его создания на сцене. В этой пьесе он овладевает мастерством драмы в ее исходном значении как «действия»: выстроенного событийного ряда, стремительно развивающегося к финалу.

Попробуем подвести некоторые итоги, вытекающие из особенностей пьесы Островского «Картина семейного счастья» («Семейная картина»).

Прежде всего, Островский получает первый опыт драматургического письма в совместной работе с тем, кто играет на сцене, кто разбирается в существе сценического текста⁷. Он навсегда усваивает, что пьеса, написанная для ее исполнения на сцене, должна обладать «воздухом» для актерской игры. Потому «театральные копии», как традиционно указывают в соображениях сочинений, «Картины семейного счастья» содержат сокращения.

Возможно, определенную роль в выборе названия сыграло то, что в 1840-е гг. были популярны «живые» картины, устраиваемые в домашних условиях. В это же время пишет свои первые картины-сценки художник Павел Федотов. Островский дает название пьесе «Картина семейного счастья», а следом уточняет: «сцены в 1-м действии». Как видим, картина и сцена в данном случае объединяются, а не разъединяются драматургом⁸, выполняя разные функции. В картину закладываются визуальные характеристики, а в сцену – их действенная реализация.

Кроме того, уже в первой пьесе Островский в ее название закладывает конфликт с общим содержанием. В «Картине семейного счастья» раскрывается, что счастья никакого нет и в помине. Этот конфликт основной частью рецензентов был воспринят как критика купеческого сословия, получивши в итоге прозвище «темное царство» в известной статье Н.А. Добролюбова.

Если, забегаая вперед, обратиться к именованию Островским следующей пьесы, то, конечно, «Банкрут» в событийном контексте полагает гораздо больше смыслов, нежели вынужденное «Свои люди – сочтемся!». Большов – банкрот не только в плане денежном, что лежит на поверхности и никоим образом не скрывается. В конце пьесы Большову (а зрителям много раньше) открывается, что он банкрот как отец (Липочка), как воспитатель (Подхалюзин). Но вот осознание Большовым своего человеческого банкротства происходит одновременно со зрителями. А принятое им в существе своем христианское решение выходит за рамки частной судьбы, указывая путь к исправлению человека и мира в принципе.

Но вернемся к пьесе «Картина семейного счастья».

Явившиеся в первой пьесе купцы надолго станут главными действующими лицами в дальнейшем творчестве Островского, за что его будут не единожды укорять рецензенты. Но Островский просто фиксировал то, чего другие не замечали, воспринимая купечество, в своей массе состоящее из бывших крестьян, как нечто отсталое, а потому подлежащее критике. Островский же чутко уловил, что будущее России не за теми, кто привык тратить, не умея зарабатывать, а за теми, кто умеет производить, строить, создавать и не выходить из бюджета. Островский

купечество просто представил, приоткрыл завесу семейной жизни, нисколько эту жизнь не приукрашивая. Им создан всего лишь первый набросок будущего условного полотна о русском купечестве, его достоинствах и недостатках.

Уже в первой пьесе Островский является мастером интриги, пока создаваемой в малой форме «сцены». Мастерство проявляется в разнонаправленности интриги, создании внутренних микроконфликтов, разрешение которых обеспечивает динамику действия и открытость финала.

В своей первой пьесе Островский предстает одновременно творцом и созерцателем сцен купеческой бытийственности, которая явилась ему в тех формах, в каких она сложилась. Он словно на время вдруг приоткрывает занавес, чтобы столь же вдруг его опустить, постигая законы жизни и делясь со зрителем или читателем тем, что ему открылось.

Создавая купеческие характеры, Островский не дает им однозначных характеристик. Пузатов при всей его расчетливости, фактически продавая сестру, в какую-то минуту внутри словно вздрагивает от понимания того, что он делает, и просит, чтобы ее не били. Конечно, это условное «вздрагивание» ничего не изменит, но оно все же есть. Подобного рода глубоко запрятанные, но неожиданно дающие о себе знать «вздрагивания» ведомы всем действующим лицам.

Первая пьеса Островского «Картина семейного счастья» явила драматурга новой формации, который в процессе освоения традиций европейской и отечественной драматургии осознал острую надобность «в родном репертуаре».

Примечания

¹ Позднее, стараясь защитить Островского от обвинений в плагиате, И.Ф. Горбунов напишет в воспоминаниях о Д. Горева: «...это был человек необразованный, даже мало развитой» [А.Н. Островский 1966: 58]. См. иное: «Окончил курс в одном из университетов, что было тогда для актера явлением крайне редким. В юности начал писать стихи и драмы, поощряемый дядей Андреем Терентьевичем Тарасенковым, врачом и писателем, лечившим Н.В. Гоголя во время последней его болезни и написавшем “Последние дни Гоголя”. С Островским познакомился в начале 1840-х гг., обоим связывала любовь к литературе и театру. Знакомство вскоре переросло в дружбу» (Деятели театра новгородской земли. URL: <https://teatr.vn.ru/zemlya-novgorodskaya>; дата обращения 9.08.2025).

² В 1843 г. на сцене Александринского театра шла его пьеса «Государь-избавитель, или Бедный сирота» [История: 237].

³ В 1849 г. с Горевым произойдет один из его многочисленных конфузов: «Еще прибыл в Таганрог,

тоже известный в провинции, драматический актер Дмитрий Андреевич Горев. Дебюты его не состоялись потому, что его вскоре по приезду, ночью, схватила полиция и упрятала в холодную кутузку, где без пищи и питья продержали его двое суток. Беднягу, по ошибке сыщиков, приняли за какого-то заговорщика-француза или поляка. С большим трудом и сомнением отпустили его, да и то более потому, что он сильно заболел, да и труп вся засвидетельствовала лично, что это не кто иной, как актер Горев. Из кутузки отвезли его прямо в больницу, где он едва не умер от горячки. По выздоровлении, дирекция... его не приняла для дебютов, как человека заподозренного. Сделали мы складчину и отправили Гореву в Керчь с знакомым шкипером. А жаль! Говорили, что он актер умный и с большим дарованием, но только пропойца большой и всегда везде проживает без паспорта» [Лавров: 130].

⁴ Сентиментальный романс «Черный цвет, мрачный цвет» был популярен в городской среде, включался в песенники; автор неизвестен [Гозенпуд: 114].

⁵ В иной вариации позднее будет использован Островским в пьесе «Сердце не камень».

⁶ Этот мотив вновь зазвучит позднее в «Бедной невесте» и «Бесприданнице».

⁷ Напомню, что Дмитрий Горев был актером трагического амплуа. По тем временам трагик стоял вне всех остальных разрядов в театре, о чем позднее Островский напомнит в пьесе «Лес», наделив Несчастливцева отдельными чертами Горева.

⁸ См. положения, выносимые на защиту в автореферате диссертации Т.В. Чайкиной [Чайкина: 5–6].

Библиографический список

А.Н. Островский в воспоминаниях современников / публ. текста, вступ. статья, примеч. А.И. Ревякина. Москва: Худож. лит., 1966. 632 с.

Гозенпуд А. Достоевский и музыкально-театральное искусство. Ленинград: Советский композитор, 1981. 224 с.

Григорьев А.А. Собрание сочинений: в 14 вып. / под ред. В.Ф. Саводника. Москва: И.Н. Кушнерев и К°, 1915. Вып. 11. 61 с.

Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. Репринт. изд. 1903-1909 гг. Москва: Прогресс; Универс, 1994.

Деятели театра новгородской земли. URL: <https://teatr.vn.ru/zemlya-novgorodskaya> (дата обращения: 9.08.2025).

Ермоленко Г.Н. Эволюция системы актантов мольеровской комедии // Литературоведческий журнал. 2022. № 2. С. 9-29.

Зубков К.Ю. Примечания к пьесе А.Н. Островского «Семейная картина» // Островский А.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. Т. 1 / ред.

тома Ю.В. Лебедев и др. Кострома: Костромаиздат, 2018. С. 664-679.

История русского драматического театра: в 7 т. Т. 4 / гл. ред. Е.Г. Холодов. Москва: Искусство, 1977–1987. 431 с.

Лавров И.И. Сцена и жизнь в провинции и в столице. Москва, 1889. 235 с.

Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. / под ред. Г.И. Владыкина и др. Москва: Искусство, 1973–1980.

Сумароков А.П. Полн. собр. всех соч.: в 10 т. Т. 10. Москва: Унив. тип., 1781-1782. 248 с.

Чайкина Т.В. Жанр сцен и картин в творчестве А.Н. Островского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011. 21 с.

Чернец Л.В. Мотив окна в произведениях А.Н. Островского // Щельковские чтения 2017: сб. ст. / науч. ред. и сост. И.А. Едошина. Кострома: Костромаиздат, 2018. С. 19-34.

References

A.N. Ostrovskij v vospominaniyah sovremennikov [A.N. Ostrovsky in the memoirs of his contemporaries], publ. teksta, vstup. st., primech. A.I. Revjaki-na. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1966, 632 p. (In Russ.)

Chajkina T.V. Zhanr scen i kartin v tvorchestve A.N. Ostrovskogo [Genre of scenes and “paintings” in works by A.N. Ostrovsky]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ivanovo, 2011, 21 p. (In Russ.)

Chernec L.V. Motiv okna v proizvedenijah A.N. Ostrovskogo [The window motif in works by A.N. Ostrovsky]. Shchelykovskie chtenija 2017: sb. st. [Shchelykov Readings 2017: collection of articles], ed. by I.A. Edoshina. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2018, pp. 19-34. (In Russ.)

Gozenpud A. Dostoevskij i muzykal'no-teatral'noe iskusstvo [Dostoevsky and musical and theatrical art]. Leningrad, Sovetskij kompozitor Publ., 1981, 224 p. (In Russ.)

Grigor'ev A.A. Sobranie sochinenij: v 14 vyp. Vyp. 11 [Collected Works: in 14 vols. Vol. 11], ed. by

V.F. Savodnik. Moscow, I.N. Kushnerev i K° Publ., 61 s. (In Russ.)

Dal' V.I. Slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 t. [Dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.], reprint. izd., 1903-1909 gg. Moscow, Progress, Univers Publ., 1994. (In Russ.)

Dejatel'ni teatral'nykh novgorodskoj zemli [Theatre figures of Novgorod land]. URL: <https://teatrvn.ru/zemlya-novgorodskaya> (access date: 9.08.2025). (In Russ.)

Ermolenko G.N. Jevoljucija sistemy aktantov mol'еровской комедии [The evolution of the system of actants in Moliere's comedy]. Literaturovedcheskij zhurnal [Literary journal], 2022, no. 2, pp. 9-29. (In Russ.)

Istorija russkogo dramatičeskogo teatra: v 7 t. T. 4 [History of Russian drama theatre: in 7 vols. Vol. 4], ed. by E.G. Holodov. Moscow, Iskustvo Publ., 1977-1987, 431 p. (In Russ.)

Lavrov I.I. Scena i zhizn' v provincii i v stolice [Scene and life in the provinces and in the capital]. Moscow, 1889, 235 p. (In Russ.)

Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. [Complete works: in 12 vols.], ed. by G.I. Vladykina et al. Moscow, Iskustvo Publ., 1973-1980. (In Russ.)

Sumarokov A.P. Poln. sobr. vseh soch.: v 10 vol. T. 10 [Complete collection of all works: in 10 vols. Vol. 10]. Moscow, Univ. tip. Publ., 1781–1782, 248 p. (In Russ.)

Zubkov K.Ju. Primechanija k p'ese A.N. Ostrovskogo «Semejnaja kartina» [Notes to the play by A.N. Ostrovsky “Family Picture”]. Ostrovskij A.N. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 18 t. Vol. 1 [Ostrovsky A.N. Complete Works and Letters: in 18 vols. Vol. 1], ed. by Ju.V. Lebedev et al. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2018, pp. 664-679. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.08.2025; одобрена после рецензирования 26.08.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 12.08.2025; approved after reviewing 26.08.2025; accepted for publication 03.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 116–125. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 116–125. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19"

EDN NQKHMN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-116-125>

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ А.И. ЭРТЕЛЕМ НАСЛЕДИЯ Н.А. НЕКРАСОВА: ОТ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЛНОТЫ ПОЭМ К ПРОБЛЕМЕ НАРОДНОГО ХАРАКТЕРА В ПРОЗЕ

Смирнова Ирина Юрьевна, аспирант, Костромской государственной университет, преподаватель, Костромской областной медицинской колледж имени С.А. Богомолова, Кострома, Россия, Irisbaltan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются мотивы Н.А. Некрасова в поэзии и прозе А.И. Эртеля, оценивается роль творчества поэта-демократа в становлении таланта Эртеля и его осмыслении судеб народных и пути России. Впервые вводятся в научный оборот первые поэтические опыты Эртеля – его поэма «Ночь на покосе, на Волжском берегу», до сих пор не опубликованная и впервые рассматриваемая автором работы. Представлен анализ самых ярких упоминаний Некрасова и его героев, встречающихся в творчестве Эртеля, отмечаются критические моменты расхождений писателей во взглядах на народ, русского мужика и воплощение образа крестьянства в поэзии и прозе.

Ключевые слова: А.И. Эртель, Н.А. Некрасов, преемственность, эпические поэмы, образ народа, крестьяне, демократическая поэзия.

Для цитирования: Смирнова И.Ю. Художественное освоение А.И. Эртелем наследия Н.А. Некрасова: от эпической полноты поэм к проблеме народного характера в прозе // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 116–125. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-116-125>

Research Article

ARTISTIC DEVELOPMENT OF THE LEGACY OF NIKOLAY NEKRASOV BY ALEXANDER ERTEL: FROM THE EPIC FULLNESS OF POEMS TO THE PROBLEM OF NATIONAL CHARACTER IN PROSE

Irina Yu. Smirnova, postgraduate, Kostroma State University, teacher, Bogomolov Kostroma Regional Medical College, Kostroma, Russia, Irisbaltan@mail.ru

Abstract. The article examines the motifs of Nikolay Nekrasov in the poetry and prose by Alexander Ertel, assesses the role of the democratic poet's work in the development of Ertel's talent and his understanding of the fate of the people and the path of Russia. The scientific work has introduced Ertel's early poetic experiments into scientific circulation for the first time – his poem “Night in the Hayfield, on the Volga Bank”, which has not yet been published, and it has been analysed for the first time by the author of the work. An analysis of the most striking references to Nekrasov and his heroes found in Ertel's work, is presented, critical moments of disagreement between the writers in their views on the people, the Russian peasant and the embodiment of the image of the peasantry in poetry and prose are noted.

Keywords: Alexander Ertel, Nikolay Nekrasov, continuity, epic poems, image of people, peasants, democratic poetry, character.

For citation: Smirnova I. Yu. Artistic development of the legacy of Nikolay Nekrasov by Alexander Ertel: from the epic fullness of poems to the problem of national character in prose. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 116–125 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-116-125>

Одним из первых русских писателей, открыто обратившихся в своем творчестве к проблемам крестьянства, стал Н.А. Некрасов. Не случайно среди современников он получил звание «самого крестьянского» поэта. С детских лет противясь барскому деспотизму отца, пройдя путь лишений, Некрасов стал сторонником демократических идей, выступая обли-

чителем ужасов крепостнической системы, сыскав тем самым не только литературную славу, но и авторитет в среде прогрессивной интеллигенции. В.В. Тихомиров отметил, что «по отдельным высказываниям революционеров-демократов-шестидесятников, по переписке их с Некрасовым можно судить о том, что они прежде всего ценили в поэте демократиче-

скую направленность, гражданственность его поэзии, верность передовым идеалам эпохи» [Тихомиров: 85]. Поэзия Некрасова стала основной, на которую старались опираться начинающие литературы-современники, среди них был и Эртель.

Знакомство с творчеством Некрасова, по воспоминаниям Эртеля, произошло для него уже в достаточно зрелом возрасте. Однако поэзия Некрасова быстро нашла отклик в душе Эртеля. Гражданская тематика его стихов, актуальность затронутых проблем сделали Некрасова творческим ориентиром для литератора. Многие исследователи творчества Эртеля называют его первыми произведениями очерки «Переселенцы» и «Письма из Усманского уезда», вышедшие в печать благодаря помощи Засодимского. Однако литературные опыты Эртеля начались со стихов, в которых он подражал как раз Некрасову. В ОР РГБ хранится черновик поэмы «Ночь на покосе, на Волжском берегу» и переписанный самим автором рукописный чистовик поэмы, который до настоящего времени не был опубликован и фактически не упоминается исследователями¹. Как отметил Эртель в письме к супруге Марии Федотовой, которой он посвятил поэму, произведение было написано не то что за день, а за *полтора часа*. Вместе с поэмой в рукописном варианте хранятся черновик и чистовик письма к жене от 18 июля 1875 г. Эртель сообщал супруге: «Сегодня содеялось со мной чудо, меня посетил бес стихотворства, вследствие этого визита я в полтора часа (заметь, ровно в полтора часа), накатал целую поэму, которую тебе и посылаю. Подивись ради Христа, на что способен твой ненаглядный то!»² Далее писатель сообщал, что причиной его стихотворства являются затворнический образ жизни на хуторе и скука. Примечательно в этом письме как раз указание на Некрасова: «Я думаю, что не выработает ли хутор из меня какого-нибудь знаменитого стихотворца а la Некрасов или а la Кольцов? А? Как думаешь? P. S. Нет, ты заметь! Полтора часа!!! Знаешь что, Маша? Если мой дар пойдет *crescendo*, то ты рискуешь получить в одно разумеется прекрасное утро какую-нибудь Хуториаду в миллион строф. Ей Богу!» (подчеркнуто Эртелем. – И. С.)².

Письмо и сама поэма, написанная в стиле Некрасова и в подражание поэту, свидетельствуют о том, что в начале литературного пути Эртель решительно ориентировался на творчество своего знаменитого поэта-предшественника. Влияние Некрасова наблюдается в использовании Эртелем приема стилизации текста под фольклорные мотивы. Народная поэзия сопровождала крестьян на протяжении всей жизни. В.Я. Пропп в книге «Народные лирические песни» приводит примеры редкого жанра песен о крестьянской неволе [Пропп]. Именно мотив неволи становится одним из основных у Эртеля. Главными геро-

ями поэмы Эртеля являются косцы, после трудового дня устроившиеся на ночлег в поле, близ высокого берега Волги:

Горит огонь на таборах
Вокруг огня косцы сидят
Все каши дожидаются...
Трудами дня измучены
<...>
Жарю все истомлены
Сидят косцы, и ратуют
Над кашницей горячею...⁴

Мотив «мужицкого пира» также известен нам из произведений Некрасова, и особенно ярко вспоминается этот эпизод в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Проблемы крестьян, которые Некрасов выражал в монологах своих героев, остаются актуальными и для персонажей Эртеля – это плохие урожаи, засуха, частые пожары в селах, бедность, долги:

Знать все тут думу думают
Тяжелую, гнетущую,
Что словно туча черная
По Руси всей гуляет все,
Та дума многосложная –
Про многое твердит она:
То голодно, то холодно,
То села все огнем горят,
То смерть ходит как властная
Кругом разит без устали
Крестьянский люд, замученный...⁵

Можно выявить здесь яркую переключку с перечнем крестьянских бед, отраженных Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо». В «Прологе» поэмы автор перечисляет деревни, откуда прибыли его мужички: «Заплатова, Дырявина, Разутова, Знобишина Горелова, Неелова, Неурожайка тож» [Некрасов 5: 5]. Названия эти отражают насущные проблемы и беды их жителей. Е.В. Саженина анализирует разные звуковые комплексы в поэме Некрасова, в том числе отмечает, что ассонансная система сочетаний образует особый ритмический рисунок «с эффектом “кружения” на месте» [Саженина: 44]. Заметим, что такой же звукописный прием использует Эртель в приведенном выше фрагменте.

Специфическим приемом, свойственным поэтическим текстам народного фольклора, является использование сверхсхемных ударений, что позволяет создать особую ритмику: «Эх! Эх! Придет ли времячко, / Когда (приди желанное!...)» [Некрасов 5: 35]. «Эх! Эх!» – восклицание, которое передается через спондей, состоящий из двух долгих слогов. Спондей трактуется как ямбическая стопа со сверхсхемным ударением; в такой стопе возникают два силовых ударения подряд. Этот же прием наблюдаем в поэме Эртеля: «Эх-ма долги, / Несчетные несчетные / Долги ...»⁶. В «Эх-ма» автор смещает ударение

на первые два слога, чтобы усилить эмоцию горечи и отчаяния, которая возникает при многократном повторении лексемы «долги».

Вслед за Некрасовым Эртель активно обращается к лексическим повторам. К примеру: «Кого вы не...», «кого вы перегоните» – у Некрасова, «ту думу думают», «та дума многосложная» – у Эртеля. Такие повторы способствуют как раз созданию «эффекта кружения», что «по форме напоминает заговор/заклинание», как отмечает Е.В. Саженина [Саженина: 44].

В фольклорной традиции представлено у Эртеля также изображение пейзажа, на фоне которого развивается действие поэмы:

Вдали стоят три сторожа
Кургана три высокие
За теми за курганами,
Струя свежая колыхается
Как зеркало – по месяцу
Как дым густой – по солнышку...
То Волга развивается...

(Битую то – пометка на полях Эртеля. – И. С.)⁷

Примечательны и узнаваемы образы и курганов, и высокого берега Волги, которые часто становились фоном для развития сюжетов и у Некрасова. Образ повествователя в поэме Эртеля и произведениях Некрасова также схож. Он неперсонифицирован, т. е. «повествователь есть фигура максимально условная, он представляет собой субъект повествования и внеположен изображенному в произведении миру» [Есин: 81]. Рассказчик не вполне олицетворяет образ автора, но при этом и самостоятельным героем не является.

Поэма Эртеля небольшая, она стала одним из его первых литературных опытов, она не имеет выверенного слога и четкости некрасовской рифмы. Не раскрытыми в ней остаются образы героев, автор еще не сумел наделить их индивидуальностью, но вслед за Некрасовым показал органичную связь крестьян и природы, продемонстрировал прекрасное владение фольклорным материалом. Заявленная в письме к жене идея написать ««Хуториаду» в миллион строк»⁸ не найдет воплощения в поэзии Эртеля. Однако глубоко примечателен этот обозначенный, но не реализованный замысел. Ю.В. Лебедев справедливо отметил, что Некрасов стоял у истоков «эпических устремлений русской поэзии 60-х гг., в той же мере, в которой “Записки охотника” Тургенева – у истоков русской прозы того времени» [Лебедев 1988: 209]. Планируемая «Хуториада» показывала, что Эртель понимал силу эпических поэм Некрасова и ориентировался на них, однако, как мы видим, влияние Тургенева и его «Записок охотника» на Эртеля окажется более сильным [Андреева; Смирнова]. Да и эпоха последней четверти XIX в. способствовала развитию именно прозаических жанров.

Впрочем, идейная сторона влияния Некрасова на Эртеля была настолько значима, что в полной мере отразилась и в «Записках Степняка». Имя Некрасова появится впервые на страницах очерка Эртеля «Серафим Ежиков». Образ сельского учителя стал одним из самых ярких в сборнике. В нем нашли отражение черты народнического движения 1870-х гг. В желании Ежикова посвятить свою жизнь служению на благо просвещения мужиков и крестьянских детишек отражается опыт «хождения в народ», который активно практиковали студенты и революционеры-народники.

Герой Эртеля моральную поддержку своим намерениям черпал в произведениях писателей и поэтов-народников. Давая характеристику Серафиму Ежинову, Эртель отмечает: «Любимейшими его поэтами были Кольцов и Некрасов (впрочем, он не называл их “лучшими” поэтами, а величал “симпатичнейшими”)» [Эртель 1958: 240]. При этом сам автор ставит творчество демократических писателей выше деятельности представителей «чистого искусства». С большой иронией повествователь отметит, что «даже Фету уделял <Ежиков> почетное место» [Эртель 1958: 242] и насмешливо добавит: «а это ли не ересь» [Эртель 1958: 242]. Столь резкие и односторонние оценки, которые дает поэзии А.А. Фета повествователь Эртеля, не были свойственны самому писателю. Позиция Эртеля была намного более сложной, он принадлежал уже к следующему поколению писателей, видевшему ценность высокой поэзии и изящной литературы, но признававшего при этом ее абсолютную удаленность от реальной жизни большинства русских людей. В очерке «Серафим Ежиков» Эртель не цитирует фрагменты стихотворений Некрасова, но акцентирует внимание читателя на значимости творчества поэта в формировании нравственных ориентиров борцов за права народа.

Точка зрения Эртеля на проблему разности мировоззрений классов и невозможность быстрого устранения огромного разрыва между интеллигенцией и народом прекрасно отражена в его повести «Волхонская барышня», где есть несколько близких к описанным Некрасовым картин жизни народа. Варя Волхонская и Тутолмин, который занят сбором народного фольклора, отправляются из усадьбы в деревню. Привычная для барышни картина благоустроенного жилья, приведенного в порядок сада сменяется на изображение нищеты и разрухи. Варя жаждал видеть народ, однако «народ» не сидит в красивых одеждах в убранных избах, Тутолмин и его спутница сталкиваются с отсутствием людей, которые разбрелись на разные виды работ, они видят нищету, упадок, болезни, голод:

«На порядке было пусто. Только среди улицы тоскиво бродили куры да в тени пыльных раки отча-

янно зевала какая-то Жучка, истомившаяся в непреходимой скуке.

— Где же народ? — спросила Варя, удивленная этой пустынностью села.

— Пар мечут; проса полят, у иных покос еще не отошел. А может, и болеют многие, — ответил Тутолмин, которого при входе в деревню охватило строгое и унылое настроение» [Эртель 1984: 99].

Как и у Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо», у Эртеля реалистичный рассказ о существовании народа перемежается народным творчеством — песнями. И у Некрасова, и у Эртеля это поэтическое начало, с одной стороны, показывает лучшую сторону крестьян, с другой стороны, демонстрирует глубинный разрыв между идеалами и действительностью. И в прозе Эртеля это еще более ощутимо.

С записи фольклора начинается первая глава повести. За четвертак ямщик Мокей пытается вспомнить для Тутолмина хорошие народные песни. Ямщик путается, поясняет многое Тутолмину, но неизменны мотивы тоски и горя в его песнях:

Повиликой у коня ноги спутанные,
Студеной росой возмоченные...
Возмочили горячи слезы,
Обуяла, что печаль-тоска,
Со всего ли света вольного...

[Эртель 1984: 37].

Уместно в данном случае вспомнить главу «Крестьянка» из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», повествующую о судьбах русской женщины из народа. О.В. Богданова показала, что Некрасов в главе «Крестьянка» глубоко использует фольклорные основы, черты плачей, а при этом достоверно рисует картину быта и тяжелого существования народа [Богданова: 17–19]. Эртель во многом следует за Некрасовым, особенно в раннем творчестве, у писателя нет такого пафоса в иллюстрации народных основ и идеалов, однако именно на контрасте человеческого отношения и нечеловеческих страданий строятся картины, изображающие народ.

Герой Эртеля останется недоволен собранным фольклорным материалом, с одной стороны, не доверяя точности передачи текста ямщиком, с другой, понимая, что старинные народные песни претерпевают в настоящее время обширную переделку самими же крестьянами. Этот упадок самобытной народной культуры очень волновал Эртеля. Автор увлекался сбором фольклора, записывая за крестьянами песни, сказки и былины, которые еще сохранило народное сознание. В очерке «Самарская деревня», изданном после смерти писателя в 1911 г., Эртель отмечает: «В пользу того мнения, что идея поэтической красоты в народе начинает извращаться, может служить то обстоятельство, что хранителями старых песен и сказок в деревне являются по преимуществу старые люди.

Молодежь, если и поет эти песни, то в силу обычная, как например, свадебные, и вообще обрядовые, или — как это ни странно — ради потехи» [Эртель 1911: 24].

Отдельного внимания заслуживает рассказ «Полоумный», который был написан 19 апреля 1878 г., но не вошел в цикл «Записки Степняка». В комментариях к сборнику очерков 1958 г. Г.В. Ермакова-Битнер отмечает, что сохранилось два автографа рассказа «Полоумный». Первый имел посвящение «памяти Н.А. Некрасова», а второй назывался «Нехитрая любовь» (зачеркнутое автором), посвящения уже не имел, но зато был наделен эпитафией:

... Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?..

Некрасов [Ермакова-Битнер: 588].

Объяснить наличие данного посвящения и эпитафии можно особым вниманием русской словесности к Некрасову, безвременную утрату которого остро почувствовали русские образованные люди (27 декабря 1877 г. Некрасов скончался после продолжительной болезни, которая на два года приковала писателя к постели). Эртель также разделял ту горечь, которую ощутил на себе русское общество с уходом из жизни знаменитого поэта. Рассказ «Полоумный» был написан спустя четыре месяца после смерти Некрасова и, как свидетельствуют сохранившиеся автографы, Эртель желал выразить глубокое уважение и признательность поэту, посвящая ему свое произведение.

Строки, использованные Эртелем для эпитафии, взяты из поэмы Некрасова «На Волге» (детство Валенькикова). Образ лирического героя и поэта в произведении неразрывно связаны: «... дистанцируя и отчуждая строй и поэтику романтической поэмы, поэт остается верен сущности романтической субъективной перспективы: когда весь вводимый материал дается через призму восприятия лирического субъекта, близкого самому автору» [Джун: 82]. Некрасов переносит своего героя на милый его сердцу берег Волги, где прошли его детские годы, где душа дышит легкостью, чистотой и абсолютным доверием к миру:

Я страха смолodu не знал,
Считал я братьями людей
И даже скоро перестал
Бояться леших и чертей

[Некрасов 2: 87].

С любовью рисует Некрасов пейзаж верхневолжских берегов. Но на фоне безмятежных широт родного края с его красотами и простором яркой антитезой предстает образ бурлаков, в изнеможении тянущих лямку. Герой, не боявшийся ранее «леших и чертей», впервые испытывает страх, вызванный видом человеческого страдания:

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял

На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

[Некрасов 2: 91].

Четвертая часть поэмы представляет философское размышление автора о судьбе обездоленного крестьянства. Некрасов, нарушая поэтическую традицию романтизма, обращается в своем монологе непосредственно к мужику: «Унылый, сумрачный бурлак!», что подчеркивает демократическую направленность поэмы. Автор побуждает народ задуматься о суровой доле и той безоговорочной покорности, с которой люди принимают свою судьбу:

Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!

[Некрасов 2: 92]

В финале поэмы Некрасов задает народу риторический вопрос: «Чем хуже был бы твой удел, Когда б ты менее терпел?» [Некрасов 2: 92]. Поэт призывает к изменениям в той «порочной среде», где одни люди имеют неограниченную власть над другими. Именно эти строки поэмы привлекли внимание Эртеля, их писатель намеревался сделать эпиграфом к своему рассказу. Действительно, сюжет «Полоумного» заставляет читателя сделать вывод, что терпение мужиков доведено до предела. В рассказе Эртеля предстает образ крестьянина Егора, которого прозвали в деревне Полоумным за то, что «он в одну девку врезался... а она возьми да загуляй с купцом; он с тех пор и ополоумел...» [Этель 1958: 551]. За этой, казалось бы, простой житейской историей скрывается большая душевная драма. Отношения Егора и Гашки Этель изображает чистыми и даже романтическими. Знакомые с самого детства, герои стали не просто поддержкой и опорой друг для друга, а обрели духовное единство: «Чего бывало, не делали! Венки вьем, сказки друг дружке сказываем, песни играем... <...> ...А мы на бугор и сидим там словно птицы вольные... Либо вокруг глядим... а вокруг все поля идут – глазом не обоймешь... <...> А то ляжем навзничь да на небышко смотрим... эх, весело, бывало!» [Этель 1958: 555]. Возвышенное восприятие мира и чистота чувств кажутся читателю противоестественными для крестьян, однако задача Эртеля заключалась в иллюстрации недооцененного внутреннего мира народа. Во многом именно вслед за Некрасовым Этель продолжает эту линию наличия в русском человеке внутренней красоты и силы, отсутствия в простом работнике устремленности к наживе, предпочтения истинных ценностей – преходящим.

Последователь одновременно Тургенева и Некрасова, в рассказе «Полоумный» Этель осваивает наследие обоих писателей. Вспоминается рассказ «Сви-

дание» из «Записок охотника» Тургенева, в котором поэтическая и тонко чувствующая девушка из народа, влюбленная и самоотверженная, используется камердинером Виктором Александровичем, не понимающим ее глубокого чувства. Акулина у Тургенева, разумеется, не может быть деятельным характером. И вот в рассказе «Полоумный» Этель «переворачивает» ситуацию, ставя в центр вновь любовный конфликт, но представляя героя-борца, одного из первых возмутителей выдуманных условностей. Егора из рассказа Эртеля можно сопоставить с героем стихотворения «Огородник» (1846), написанным на основе народных песен и фольклорных мотивов. Рассказ Эртеля создавался спустя 30 лет после «Огородника», любовная история в нем – только основа бунта Егора против несправедливости, который был отражен во многих стихотворениях и поэмах Некрасова.

Идиллия Егора и Агафьи заканчивается, когда купеческий сын Мишка, закабаливший всю деревню, решает сделать красивую девку своей собственностью. Потеряв возлюбленную, а вместе с ней и смысл жизни, Егор понимает, что терпеть барский произвол нет больше сил. Он решается на бунт, поджигая купеческие амбары. Финал рассказа печален: герой после острога отправляется на поселение. Однако по черновым материалам рассказа можно видеть, что писатель изначально намеревался развернуть сюжет так, чтобы Егор вышел победителем в сражении за счастье. Во втором черновом варианте рассказа Полоумный сбегает с поселения, где отбывал наказание за поджог, удается уйти от Мишки и Агафье, после чего происходило воссоединение влюбленных, герои обретали абсолютное счастье на зависть злословившим деревенским. В.Г. Ермакова-Битнер отмечает, что «Этель снял эпилог не только из цензурных соображений. Трагический финал рассказа “Полоумный” в его журнальной редакции наводил читателей на серьезные и печальные размышления, и по своему художественному звучанию он эмоциональнее, действеннее эпилога рукописного варианта» [Ермакова-Битнер: 589].

Особого внимания заслуживает образ русской женщины, запечатленный в произведениях Некрасова и Эртеля. П.М. Коловангин пытается найти «безупречный аллегорический образ», который увековечил поэта как «певца народного горя» и осознает его как образ русской женщины: «У России женское лицо, судьба женщины – это и есть судьба России!» [Коловангин: 200]. Исследователь выделяет образы Катеринушки (поэма «Коробейники», 1861 г.), красавицы Дарьи (поэма «Мороз Красный нос», 1863 г.), Матрены Тимофеевны (поэма «Кому на Руси жить хорошо», часть «Крестьянка», 1873 г.) как наиболее яркие в творчестве Некрасова. Ю.В. Лебедев отметил особую значимость образа Катеринушки в поэме «Ко-

робейники» как воплощение христианского идеала нравственности, чести и трудолюбия [Лебедев 2015: 2]. Особое внимание исследователи и критики уделяли образу Дарьи из поэмы «Мороз Красный нос». М.П. Коловангин отметил, что «поэт тонко вырисовывает портрет крестьянки Дарьи, «величавой славы», трудолюбивой, духовно и внешне красивой русской женщины» [Коловангин: 200]. В поэме женщина-крестьянка является воплощением идеала, Музой для автора:

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц

[Некрасов 4: 80].

Некрасов использует смелое сравнение, превознося русскую селянку до уровня царицы; по меркам цензуры пореформенной России, это было дерзко даже для поэтов революционно-демократического направления. Автор гиперболизирует образы своих героинь. Забитые нуждой, бедностью, унижениями и болезнями, могли ли крестьянки сохранить чувство собственного достоинства? Откуда же взяться «взгляду царицы», если жизнь с детских лет ставит перед женщиной непреодолимые преграды на пути к счастью. Не случайно в поэме «Кому на Руси жить хорошо» Матрена Тимофеевна резюмирует:

Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У бога самого!

[Некрасов 5: 186]

Ставшая «женой раба», изведенная свекровью и золовками, трагически потерявшая горячо любимого первенца Демущку, обреченная на бесконечную работу в поле и на хозяйстве, могла ли Матрена Тимофеевна обладать «взором царицы»? Маловероятно. Судьбы героинь реалистичны и поэтому трогают читателя, но возвышенная характеристика крестьянок, данная автором, формирует у читателя ложное представление о личностных качествах некрасовских Муз. Эту противоречивую особенность творчества Некрасова передаст Эртель на страницах своей повести «Две пары». Главная героиня – дворянка Мария Павловна – задумывает совершить попытку сближения с народом. Восхищаясь красотой и особой прелестью простоты девки Лизутки, Мария Павловна решает стать подружкой для крестьянок и даже приглашает их в гости в барский дом. На предостережение супруга, указывающего на «обычные качества деревенской девки: невероятная жеманность и невероятная дикость» Мария Павловна отвечает: «Но как ты можешь так говорить о крестьянке? Значит, по-твоему, Некрасов сочинил свою Дарью или Катерину в *Коробейниках* или Матрену Тимофеевну в *Кому на Руси*

жить хорошо?» [Эртель 1984: 271]. Однако героине предстоит глубоко разочароваться: для деревенских девок она так и останется барыней, доброй и «лебезящей», а сама Мария Павловна ощутит чувство неловкости и стыда за Дарью и Лизутку, глупо хихикавших в ее компании, не забывающих при этом набивать рот печеньем и леденцами. Вырванные из привычной крестьянской среды, девки сразу теряют свою органичность, а вместе с тем и очарование, которое так поразило Марию Павловну в поле и в деревне. Таким образом, реальные люди оказались гораздо приземленнее книжных образов, тщательно продуманных и художественно обработанных поэтом.

Поэзия Некрасова, полная пафоса борьбы и страдания, выдвигала на первый план героинь выдающихся, не рядовых. У Эртеля образы крестьянок более реальные. По долгу службы Эртелю почти каждый день приходилось контактировать с мужиками и бабами, контролируя порученную работу, проверяя хозяйственный порядок, принимая жалобы и прошения. Отсюда в повестях и романах писателя появляются столь реалистичные типажи, почти не преданные литературной огранке, а сохранившие свою органичность и оригинальность. Несмотря на глубокое уважение к Некрасову-поэту, Эртель не мог не заменить некоторые противоречия натуры писателя. В письме к П.А. Бакунину от 30 апреля 1891 г. писатель отмечал: «Некрасов, кладя в карман левой рукою отличнейший дивиденд, правой бряцал на лире о голодных и холодных» [Эртель 1909: 266]. В этих строках звучит явное неодобрение образа жизни Некрасова. Противоречие между статусом «поэта народного горя» и барским образом жизни писателя смущало многих современников Некрасова. «Личность Некрасова, – писал А.М. Скабичевский, – является... камнем преткновения для всех, имеющих обыкновение судить шаблонными представлениями» [Скабичевский 1928: 213]. Эртель был человеком, свободным от стереотипного мышления, а потому, несмотря на парадоксы личности Некрасова, испытывал должное уважение к его творчеству.

Примечательно, что именно со знакомства с творчеством Некрасова начинается основной рост самосознания в Николае Рахманном, главном герое романа Эртеля «Гарденины...». Косьма Васильич Рукодеев очень удивляется, что Рахманный при всем стремлении к познанию и пониманию им участи народа не читал Некрасова: «Молодой человек, не читали Некрасова?.. Ничего не читали!.. Грустно, молодой человек, грустно. Гражданский поэт. Пришлю вам» [Эртель 1985: 128]. Первое и самое важное, на чем делает акцент Эртель и его герой, рассуждающие о творчестве народного поэта, это изображение родной земли. И этот факт глубоко не случаен, поскольку земля для народа была кормилицей,

источником дохода, высшей святостью. Земля формировала во многом народное понимание богатства и была связана с увековечиванием идеи труда [Феномен: 23–56]. Далее Рукодеев читает строки Некрасова с дрожанием в голосе. Причем читатель понимает, что состояние опьянения, в котором находится герой, не затемняет его сознание, а делает его разговорчивым и способным высказать то, что в трезвом состоянии Рукодеев бы не произнес так пафосно и открыто. Герой свободно соединяет строки из разных произведений Некрасова, которые становятся лучшей иллюстрацией понимания народной жизни, ее бед, унижения простого человека:

«Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал!

Стонет он... как бишь? – стонет он по полям,
по дорогам... стонет он по тюрьмам, по острогам,
в рудниках на железной цепи... – Рукодеев круто остановился, сел и снова выпил. – Да-с, молодой человек, и пошли они, солнцем палимы, повторяя: суди его бог! разводя безнадежно руками... (он трагически высыл голос), и покуда я видеть их мог, с непокрытыми шли головами...» [Эртель 1985: 129].

Некрасов становится для Николая Рахманного одним из первых учителей, приближающих его к размышлению о народе и стране. Эртель показывает, что мужицкие песни, стихи Кольцова и произведения Некрасова оказываются для Рахманного в одном ряду, содействующем его постижению себя как части русского мира. Отличное от простого народа положение Николая Рахманного (он был сыном управляющего) не всегда позволяло ему трезво и целостно оценить степень нищеты и бедствия народного, именно благодаря Некрасову и его стихотворениям в Рахманном начинают происходить изменения: он сознательно оценивает тяжбы, с прискорбием относится к нищете. Между тем Рахманный намного более трезво и рационально видит народную среду, слабые стороны мужиков, он оценивает и те преувеличения, без которых не могла обойтись поэзия Некрасова: «...он насильственно втеснял в свои рифмы то, что вынес из всех этих влиятельных внушений. Но все-таки ему казалось явным несообразие с прискорбием описывать гарденинских, боровских, тягулинских мужиков, то есть тех, которых он знал и в жизни которых, казалось ему, не было никаких причин припевать, как в “Коробейниках”: “Холодно, странничек, холодно, голодно, родименький, голодно”... И вот, отвлекаясь мыслью от тех мужиков, которых он знал, он описывал воображаемых мужиков, и не здесь, а где-нибудь в неопределенном месте, в таком, которое лучше подходило бы к рифме, – на Каме, на Волге, на Оке, – и описывал уже, не жалея мрачных кра-

сок, не жалея негодующих слов, рыданий и даже крови. И, случалось, плакивал над своим воображаемым мужичком и над его воображаемыми страданиями...» [Эртель 1985: 211].

В последнем романе Эртеля «Смена» также показательно упоминание Некрасова. Главный герой поэмы, дворянин Андрей Петрович Мансуров, не может найти себя ни в городе, ни в деревне: он грезит возвращением прошлого, не находит себе места в настоящем, повсюду он оказывается лишним человеком. Когда Мансуров находится в светском обществе, он думает об успокоении на лоне природы и о том, что ему будет хорошо в потомственном имении, в котором живет его родная сестра, уже смирившаяся с жизнью Лиза. Между тем воспоминания об усадьбе «Княжие Липы» для Мансурова связываются с поэзией Некрасова. Эртель подчеркивает, что мечты Мансурова похожи на воздушные замки, что его богатая фантазия далека от жизни, что литература, даже реалистическая, становится для него очередным поводом обмануться, поскольку героя кидает из стороны в сторону: «И так же, как воображал аравийский оазис по стихам Гейне, он вспомнил Некрасова и живо представил себе просторный и печальный пейзаж, “вековую тишину” полей, степь, курганы, деревушки и, с внезапными слезами на глазах, повторил про себя: “Да, да... именно там, в Княжих Липах, лишь ветер не дает покою вершинам придорожных ив и выгибаются дугою, целуясь с матерью землею, колосья бесконечных нив...” О, поскорее бы от этих гремящих витий, от этих ломак, лгунов и лицемеров!» [Эртель 1959: 165].

Андрей Петрович, имеющий очень чувствительную натуру, даже прослезился, прочитав строки из стихотворения Некрасова «В столицах шум, гремят витии...», в котором противопоставляются столица и уездная жизнь. Однако для Мансурова стихи Некрасова – формальность. Герой прекрасно понимает их содержание, представляет себя в роли отлученного от родового имения, однако это лишь элемент игры, приносящей Мансурову удовольствие. Рядом со слезами от стихотворения Некрасова герой лелеет другую мысль – о возможном внимании нравящейся ему женщины, Людмилы Михайловны. Эртель не случайно заставляет своего образованного героя-аристократа вспомнить в данном случае Некрасова, чтобы показать, что не близки Мансурову ни вековая тишина полей, ни родные Княжие Липы. Все устремления Андрея Петровича связаны с доставлением себе самому наиболее приятных моментов. Не могущий получить в жизни ярких впечатлений, не принимающий русскую действительность, Мансуров берется переводить с английского поэму Эдвина Арнольда «Свет Азии» (“The Light of Asia”): «От искусной подделки Арнольда, от этих звучных и цве-

тистых оборотов речи на Андрея Петровича веяло чем-то пряным и таинственным, – своеобразною красотой Востока с его сказочной природой и преувеличенно-странными легендами. Кроме того, печальная философия буддизма очень совпадала с настроением Мансурова» [Эртель 1959: 243–244]. Исследователи справедливо отмечают, как «Эртель с иронией говорит, что перевод поэмы для его героя – и не путь к духовной работе, и не собственно работа, а своего рода средство эскапистского самолюбования и прокрастинации, способ занять ленивый мозг» [Жаткин, Сердечная: 255]. Эртель, как можно судить по истории героя в романе, не верит в силы Мансурова как типа, показывает его пренебрежение ко всему русскому, поскольку герой потерял свое место, а приспособиться к новому времени не смог. В лирике Некрасова, его гражданской поэзии одной из необходимых основ была жертва героя-интеллигента, его способность отречься от своих интересов во благо русского народа. Д. Флаэрти отметил, что в лирике Некрасова «артикулируется двойственное самосознание интеллигента, претендующего на руководство *народом*, к которому он не принадлежит», а узловой темой стихотворений в сборнике 1856 г. было «самопожертвование, гражданское деяние *par excellence*, и его поэтическое изводы» [Флаэрти: 54].

Некрасов, его лирический герой, как справедливо пишет Д. Флаэрти, часто прямо не может помочь народу, но он проявляет максимальное участие, озвучивает беды, призывает к деятельной общественной помощи. Как мы уже отметили выше, пока у Эртеля была возможность деятельной помощи народу, он реализовывал ее, писатель помогал крестьянам даже тогда, когда у него самого уже не оставалось времени и сил на борьбу с недугами. Поэтому с уверенностью можно сказать, что Эртель стал одним из последователей Некрасова, в новую эпоху он заботился о народе, вернулся в родные края именно для того, чтобы изменить русскую жизнь. Переменить ее усилиями одного поэта, пусть и гениального, было невозможно: потребовались еще многочисленные и однонаправленные силы многих писателей и реальных деятелей, чтобы образовать и поднять с колен русский народ.

Примечания

¹ «Ночь на покосе, на Волжском берегу». ОР РГБ. Ф. № 349 (Эртель А.И.). К № 3. Ед. хр. 7 (6 листов).

² Там же. Л. 5 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 1–1 об.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 2 об.

⁷ Там же. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 6.

Список литературы

Источники

Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Ленинград: Наука, 1981–2000.

Скабичевский А.В. Литературные воспоминания / ред., вступ. статья и примеч. Б. Козьмина. Москва; Ленинград: Земля и фабрика, 1928. 355 с.

Эртель А.И. Записки Степняка. Москва: Худож. лит., 1958. 612 с.

Эртель А.И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги: роман. Москва: Сов. Россия, 1985. 560 с.

Эртель А.И. Волхонская барышня. Смена. Карьера Струкова. Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1959. 824 с.

Эртель А.И. Волхонская барышня: повести / сост., автор вступ. ст. и прим. К.Н. Ломунов. Москва: Современник, 1984. 495 с.

Эртель А.И. Самарская деревня. Москва: Унив. тип., 1911. 37 с.

Эртель А.И. Собр. соч. А.И. Эртеля: в 7 т., с портр. и факс. авт. и критико-биограф. ст. Ф.Д. Батюшкова. Т. 2: Записки степняка. Ч. 2. Москва: Московское книгоиздательство, 1909. 299 с.

Исследования

Андреева В.Г. Художественный мир книги очерков А.И. Эртеля «Записки Степняка» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19, № 1. С. 93–97.

Богданова О.В. Жанровые черты плача в главе «Крестьянка» поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // ACTA ERUDITORUM. 2022. № 39. С. 15–26.

Ермакова-Битнер Г.В. Комментарии // Эртель А.И. Записки Степняка. Москва: Худож. лит., 1958. С. 571–590.

Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. Москва: Флинта: Наука, 2000. 248 с.

Жаткин Д.Н., Сердечная В.В. Рецепция поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии» и идеи буддизма в творчестве Льва Толстого и «толстовского круга» // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 1. С. 240–263. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-240-263>

Джун Ф., Калинина Т.Ж. Региональные аспекты поэзии Н.А. Некрасова на примере поэмы «На Волге (Детство Валежникова)»: трансформация романтической лиро-эпической формы // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 2 (2). С. 78–83. <https://doi.org/10.24411/2658-7866-2019-10011>

Коловангин П.М. О противоречиях хозяйственно-го строя России XIX века и их отражении в творчестве Н.А. Некрасова // Карабиха: ист.-лит. сб. Ярославль: ООО «Академия 76», 2013. Вып. 8. С. 199–219.

Лебедев Ю.В. О полемическом подтексте поэмы Н.А. Некрасова «Крестьянские дети» // Лебедев Ю.В.

В середине века: ист.-лит. очерки. Москва: Современник, 1988. С. 209–216.

Лебедев Ю.В. Русская классическая литература о духовных основах труда, собственности и национальной школы // Литература в школе. 2015. № 4. С. 2–7.

Пропп В. Народные лирические песни. Ленинград: Сов. писатель, 1964. 614 с.

Саженина Е.В. Лирическая событийность в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 42–49.

Смирнова И.Ю. «Просвещение» или «обогащение»: о ценностях и состоянии русского пореформенного общества в цикле А.И. Эртеля «Записки Степняка» // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 124–147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-124-147>

Тихомиров В.В. Творчество Н.А. Некрасова в оценке В.А. Зайцева // Н.А. Некрасов и русская литература второй половины XIX – начала XX в. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1982. С. 85–94.

Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский / В.Г. Андреева, А.В. Гулин, Н.Л. Ермолаева и др. Кострома: Костромской государственный университет, 2022. 512 с. <https://doi.org/10.34216/russian-epic-novel-2022>

Флаэрти Д. Новый человек и народ: лирический голос и поэтическое народовластие у Н.А. Некрасова // Русская литература. 2021. № 4. С. 52–64. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2021-4-52-64>

References

Andreeva V.G. *Khudozhestvennyi mir knigi ocherkov A.I. Ertelia "Zapiski Stepniaka"* [Artistic world of the book of essays by A.I. Ertel "Notes of a Steppe Dweller"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 2013, vol. 19, no. 1, pp. 93–97 (In Russ.)

Bogdanova O.V. *Zhanrovye cherty placha v glave "Krest'ianka" poemy N.A. Nekrasova "Komu na Rusi zhit' khorosho"* [Genre features of lamentation in the chapter "The Peasant Woman" of N.A. Nekrasov's poem "Who Lives Well in Rus"]. *Acta eruditorum*, 2022, no. 39, pp. 15–26. (In Russ.)

Ermakova-Bitner G.V. *Kommentarii* [Comments]. Ertel' A.I. *Zapiski Stepniaka* [Notes of a Steppe Dweller]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1958, pp. 571–590. (In Russ.)

Esin A.B. *Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniia* [Principles and techniques of literary work analysis]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2000, 248 p. (In Russ.)

Fenomen epicheskogo romana v russkoi literature vtoroi poloviny XIX veka: I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, L.N. Tolstoi, F.M. Dostoevskii [The Phenomenon

of the Epic Novel in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century: I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky], V.G. Andreeva, A.V. Gul'in, N.L. Ermolaeva et al. Kostroma, Kostromskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2022, 512 p. <https://doi.org/10.34216/russian-epic-novel-2022> (In Russ.)

Flaerti D. *Novyi chelovek i narod: liricheskii golos i poeticheskoe narodovlastie u N.A. Nekrasova* [The New Man and the People: Lyrical Voice and Poetic Democracy in N.A. Nekrasov]. *Russkaia literatura* [Russian Literature], 2021, no. 4, pp. 52–64. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2021-4-52-64> (In Russ.)

Dzhun F, Kalinina T.Zh. *Regional'nye aspekty poezii N.A. Nekrasova na primere poemy "Na Volge (Detstvo Valezhnikova)"*: transformatsiia romanticheskoi liro-epicheskoi formy [Regional aspects of the poetry of N.A. Nekrasov on the example of the poem "On the Volga (Valezhnikov's Childhood)": transformation of the romantic lyric-epic form]. *Mir russkogovoriashchikh stran* [The world of Russian-speaking countries], 2019, no. 2 (2), pp. 78–83. <https://doi.org/10.24411/2658-7866-2019-10011> (In Russ.)

Kolovangin P.M. *O protivorechiakh khoziaistvennogo stroia Rossii XIX veka i ikh otrazhenii v tvorchestve N.A. Nekrasova* [On the contradictions of the economic system of Russia in the 19th century and their reflection in the works of N.A. Nekrasov]. *Karabikha: ist.-lit. sb.* [Karabikha: historical and literary collection]. Iaroslavl', Akademiiia 76 Publ., 2013, vol. 8, pp. 199–219. (In Russ.)

Lebedev Iu.V. *O polemicheskom podtekste poemy N.A. Nekrasova "Krest'ianskie deti"* [On the polemical subtext of N.A. Nekrasov's poem "Peasant Children"]. *Lebedev Iu.V. V seredine veka: istoriko-literaturnye ocherki* [In the middle of the century: historical and literary essays]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988, pp. 209–216. (In Russ.)

Lebedev, Iu.V. *Russkaia klassicheskaia literatura o dukhovnykh osnovakh truda, sobstvennosti i natsional'noi shkoly* [Russian classical literature on the spiritual foundations of labor, property and national school]. *Literatura v shkole* [Literature at school], 2015, no. 4, pp. 2–7. (In Russ.)

Propp V. *Narodnye liricheskie pesni* [Folk lyrical songs]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1964, 614 p. (In Russ.)

Sazhenina E.V. *Liricheskaya sobytinost' v poeme N.A. Nekrasova "Komu na Rusi zhit' khorosho"* [Lyrical eventfulness in N.A. Nekrasov's poem "Who Lives Well in Rus"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Tomsk State University], 2014, no. 385, pp. 42–49. (In Russ.)

Smirnova, I.Iu. *"Prosveshchenie" ili "obogashchenie": o tsennostiakh i sostoianii russkogo poreformennogo obshchestva v tsikle A.I. Ertelia "Zapiski Stepniaka"* ["Enlightenment" or "enrichment": on the values

and state of Russian post-reform society in A.I. Ertel's cycle "Notes of a Steppe Dweller"]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2023, vol. 5, no. 3, pp. 124–147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-124-147> (In Russ.)

Tikhomirov V.V. *Tvorchestvo N.A. Nekrasova v otsenke V.A. Zaitseva* [The Works of N.A. Nekrasov in the Assessment of V.A. Zaitsev]. *N.A. Nekrasov i russkaia literatura vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov* [N.A. Nekrasov and Russian Literature of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Iaroslavl', Verkhnevolzhskoe kn. izd-vo Publ., 1982, pp. 85–94. (In Russ.)

Zhatkin D.N., Serdechnaia V.V. *Retsepsiia poemy Edvina Arnol'da "Svet Azii" i idei buddizma v tvorchest-*

ve L'va Tolstogo i "tolstovskogo kruga" [Reception of Edwin Arnold's poem "The Light of Asia" and the ideas of Buddhism in the works of Leo Tolstoy and the "Tolstoy circle"]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2025, vol. 7, no. 1, pp. 240–263. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-240-263> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.07.2025; одобрена после рецензирования 18.07.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 15.07.2025; approved after reviewing 18.07.2025; accepted for publication 03.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 126–132. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 126–132. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19"

EDN PRQZQJ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-126-132>

СЦЕНИЧЕСКИЕ АДАПТАЦИИ «ТАРАСА БУЛЬБЫ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Голодняк Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, gavrilchenko-oksana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0855-9848>

Аннотация. Статья посвящена драматическим переделкам повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», появившимся во второй половине XIX – начале XX в. В центре внимания автора именно те из них, которые были поставлены на сцене. Цель работы – выяснить, насколько популярными были сценические адаптации этого произведения, какие особенности они имели и чем определялся характер трактовок «Тараса Бульбы». Из многочисленных инсценировок повести, созданных в рассматриваемый период (в основном в последней четверти XIX в.), лишь несколько имели довольно долгую сценическую жизнь. Среди них – драма К.Д. Ефимовича и Н.И. Куликова, первая редакция которой появилась еще при жизни Гоголя, но была запрещена цензурой, и два «драматических представления» А.Я. Алексеева-Яковлева, а также пьесы К.И. Ванченко (Писанецкого) и А.Ф. Шатковского на украинском языке. Театральная судьба большинства других переложений «Тараса Бульбы» неизвестна. В то же время в конце XIX – начале XX в. драматические переделки повести были популярными на российской сцене и входили в репертуар многих трупп, отвечая требованию зрелищности и соответствуя мелодраматическому характеру постановок, ориентированных на широкий круг зрителей. Именно в таком ключе и прочитывался гоголевский «Тарас Бульба» авторами его сценических обработок.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, «Тарас Бульба», сценическая история, драматическая переделка, инсценировка, театр, К.Д. Ефимович, Н.И. Куликов, А.Я. Алексеев.

Для цитирования: Голодняк О.В. Сценические обработки «Тараса Бульбы» во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 126–132. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-126-132>

Research Article

STAGE ADAPTATIONS OF “TARAS BULBA” IN THE 2ND HALF OF THE 19TH – THE EARLY 20TH CENTURY

Oksana V. Golodniak, PhD in Philology, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, gavrilchenko-oksana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0855-9848>

Abstract. The article is devoted to dramatic adaptations of Nikolai Gogol’s story “Taras Bulba” that appeared in the 2nd half of the 19th to the early 20th century. The author focuses on those that were staged. The purpose of the work is to find out how popular the stage adaptations of this work were, what features they had and what determined the nature of the interpretations of “Taras Bulba”. Of the numerous dramatisations of the story created in the period under review (mainly in the last quarter of the 19th century), only a few had a fairly long stage life. These include the drama by K.D. Efimovich and N.I. Kulikov, the first version of which appeared during Gogol’s lifetime, but was banned by the censor, and two “dramatic performances” by A.Ya. Alekseev-Yakovlev, as well as plays by K.I. Vanchenko (Pisanetsky) and A.F. Shatkovsky in the Ukraine language. The theatrical fate of most other adaptations of “Taras Bulba” is unknown. At the same time, in the late 19th and the early 20th centuries, dramatic adaptations of the story were popular on the Russian stage and numerous troupes included them in the repertoire, as those adaptations proved to be spectacular and corresponding to the melodramatic nature of productions aimed at a wide range of admirers. It was these features that the authors of the stage adaptations of “Taras Bulba” paid attention to.

Keywords: Nikolai Gogol, “Taras Bulba”, stage history, dramatic adaptation, staging, theater, K.D. Efimovich, N.I. Kulikov, A.Ya. Alekseev.

For citation: Golodniak O.V. Stage adaptations of “Taras Bulba” in the 2nd half of the 19th – the early 20th century. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no 4, pp. 126–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-126-132>

История бытования «Тараса Бульбы» на сцене обширна. По замечанию А.А. Гозенпуда, «ни одно другое произведение русской литературы XIX в. не вызвало такого количества сценических обработок и музыкальных откликов» [Гозенпуд: 110]. Не останавливаясь на многочисленных музыкальных замыслах, рассмотрим особенности и театральную судьбу драматических переделок повести, появившихся во второй половине XIX столетия.

Речь будет идти именно о тех переложениях «Тараса Бульбы», которые были поставлены на сцене (точнее, о которых известно, что они исполнялись драматическими труппами). Источником сведений о них стали прежде всего периодические издания того времени: «Пантеон», «Театр и искусство», «Артист», «Всемирная иллюстрация», «Обозрение театров» и др. Кроме того, были учтены воспоминания о представлениях в балаганах и об организации таких спектаклей в театре «Развлечение и польза» А.П. Лейферта [Лейферт; Русские народные гулянья]. Назовем также работы С.С. Данилова [Данилов С.С.] и В.В. Данилова [Данилов В.В.] о драматических переделках произведений Гоголя.

Первая инсценировка «Тараса Бульбы» принадлежит драматургу и театальному критику К.Д. Ефимовичу (1814, 1815 или 1816 – конец октября 1847), выходцу из дворянской семьи Тверской губернии, состоявшему на военной службе. Его пьеса – единственная переделка повести, созданная при жизни Гоголя. В начале 1847 г. она поступила на рассмотрение в драматическую цензуру, однако была запрещена. Цензор М.А. Геденов, отмечая в рапорте, что сюжет, взятый из гоголевского сочинения, «не заключает ничего предосудительного», в то же время сомневался, можно ли ее «допустить для сцены», ибо «общий интерес» в ней был основан «на представлении древней казацкой вольницы и жизни запорожцев» [Данилов С.С.: 444; Виноградов: 261]¹. 16 апреля 1847 г. Л.В. Дубельт надписал на рапорте цензора: «Запрещается» [Данилов С.С.: 444] (см. также примечание 1).

В сентябре 1852 г. Дирекция императорских театров вновь представила в цензурный комитет пьесу Ефимовича, переработанную режиссером русской драматической труппы Александринского театра Н.И. Куликовым (1812–1891), и Дубельт, лично с ней ознакомившись, нашел возможным «пропустить ее с тем, чтобы Тараса Бульбы не жгли на сцене» [Данилов С.С.: 444; Виноградов: 261]. Разрешение к постановке было дано 10 октября 1852 г., после того как цензор А.К. Гедерштерн сообщил о выполнении этого требования².

Куликов уже имел опыт инсценирования гоголевской прозы: 9 сентября 1842 г. в его бенефис на сцене Александринского театра прошла переделка «Коми-

ческие сцены из новой поэмы “Мертвые души”, сочинения Гоголя (автора “Ревизора”), составленные Г***», автором которой был сам бенефициант (см. об этом: [Данилов С.С.: 432–439]). Несмотря на отрицательные отклики критики, спектакль выдержал восемь представлений [Данилов С.С.: 438]. Готовя пьесу Ефимовича к постановке, Куликов внес в нее незначительную стилистическую правку и существенно сократил ряд сцен, связанных с изображением «казацкой вольницы». В частности, он исключил рассказы о подвигах Остапа и других казаков во время осады Дубно, о гибели атамана Уманского и избрании старшего сына Бульбы куренным атаманом, а также сцену казацкой рады. Возможно, в том числе поэтому в 1852 г. цензура пропустила текст переделки. Что же касается финала, то в редакции Ефимовича драма завершалась ремаркой: «Огонь обхватывает все дерево»³. Судя по цензурным материалам, эту ремарку первоначально сохранил и Куликов, но потом был вынужден от нее отказаться.

1 декабря 1852 г. драму Куликова и Ефимовича впервые сыграли в Александринском театре в бенефис Е.Я. Сосницкой [Данилов С.С.: 444; История: 400]. Роль Тараса исполнил один из крупнейших трагиков этого времени В.А. Каратыгин [История: 65]. Спектакль повторили еще пять раз в декабре – 3, 4, 5, 17, 29 декабря, а затем 17 февраля 1853 г. [История: 400]. В Москве инсценировку показали 21 и 23 января 1853 г. в Большом театре [История: 400]; в главной роли выступил М.С. Щепкин [История: 65; Гриц: 489, 781]. Возможно, ее ставили и позднее. В театральном отделе Одесской публичной библиотеки в начале XX в., согласно указанию В.В. Данилова, хранилась рукопись с текстом «переделки Куликова и Ефимова», содержащей помету цензора: «Одобрено к представлению. С.-Петербург. 19 июля 1859 г. За цензора помощник его Кейзер фон Нилькейм» [Данилов В.В.: 334]. На одном из списков этой пьесы, имеющихся в Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеке, также есть разрешительная надпись цензора («К представлению дозволяется с исключениями (см. протокол)») и штамп с датой «24 ноя<бря> 1874»⁴. Таким образом, у драмы Куликова и Ефимовича была, очевидно, довольно долгая сценическая жизнь.

Рецензент «Отечественных записок» невысоко оценил переделку, показанную на Александринской сцене [Петербургские заметки: 57–58]. По его мнению, «эти три действия были не более как три бледные копии, нарисованные карандашом ученика с поэтических картин, написанных яркими красками кисти великого художника» [Петербургские заметки: 58]. И хотя в представлении «участвовали лучшие артисты», публика холодно приняла спектакль: «Только минута встречи отца с сыном, после измены послед-

него, чрезвычайно хорошо переданная г. Каратыгиным 1-м, занимавшим роль Тараса Бульбы, вызвала единодушные рукоплескания...» [Петербургские заметки: 58]. В январской книжке журнала «Пантеон» за 1853 г. постановка была упомянута дважды – в обзорах «Русский театр в Петербурге» и «Французский театр в Петербурге», по-видимому принадлежащих перу самого издателя – Ф.А. Кони [Русский театр: 2; Французский театр: 23]. В первом из них критик обратил внимание на несоответствие пьесы гоголевскому тексту и отсутствие в ней цельности, на произвольность выбора составляющих ее сцен: «Видели мы в этот бенефис драму в трех действиях, под громким названием “Тарас Бульба”, но не узнали в ней ни Гоголевой повести, ни героя ее. Переделыватель выхватил из повести, наудачу, несколько эпизодов, кое-как связал их, да и пустил на сцену...» [Русский театр: 2]. Во втором обзоре рецензент замечал: «...из прекрасной повести вышла такая непрекрасная пьеса, что нам стало жаль и Гоголя, и переделывателя пьесы» [Французский театр: 23]. Бенефис, в который ее показали, оказался, по словам автора обзора, не совсем удачен, однако «его повторяли целиком несколько раз сряду, потому только, что всякому русскому человеку хотелось узнать, что вышло из Тараса Бульбы на Александрынской сцене» [Французский театр: 23].

Между тем С.С. Данилов подчеркивает, что отдельные эпизоды переделки соединены в целое «далеко не случайно»: она представляет собой «типическую мелодраму», напоминающую к тому же «романтико-националистические пьесы Кукольника и Полевого» [Данилов С.С.: 447, 448]. О том, что сочинение Куликова и Ефимовича «целиком носит грубо мелодраматический пошиб», писал и В.В. Данилов, приводя в качестве примеров несколько фрагментов из него, в частности финал [Данилов В.В.: 334–335]. В финале польская панна Юзефа узнает о смерти Андрия и о том, что его отца собираются сжечь. Она просит польских офицеров освободить Тараса, однако получает отказ. Увидев ружье, Юзефа незаметно для окружающих стреляет в отца своего возлюбленного, чтобы спасти его от мучительной смерти на костре, а затем умирает сама. В редакции Ефимовича финал пьесы был еще более мелодраматическим: панночка погибла от руки собственного отца – воеводы, который выстрелил в нее, думая, что это запорожец⁵.

Число сценических обработок украинских повестей Гоголя, созданных в ближайшие годы после его смерти, по утверждению С.С. Данилова, было невелико [Данилов С.С.: 451]. Ученый объяснял это «общим падением интереса к театральным инсценировкам в эпоху так называемых “либеральных реформ”» [Данилов С.С.: 451]. Но уже в конце 1870-х – начале 1880-х гг. появляются новые переделки

«Тараса Бульбы»: в 1878 г. – историческая быль в восьми картинах Г. Зеленой, не одобренная театрально-литературным комитетом, и историческая быль в восьми картинах, «переделанная из повести Гоголя К.А. 3-м и С.И. П-м», дозволенная цензурой «с исключениями»; в 1883 г. – большое драматическое представление в семи картинах «Запорожцы, или Тарас Бульба»⁶ (первоначальное название: «Тарас Бульба, или Удалое козачество в XV веке») А.Я. Алексева (Алексеева-Яковлева) [Данилов С.С.: 469–470].

Рукопись последнего хранится в театральной библиотеке в Петербурге⁷. На ее титульном листе есть три разрешения «к представлению» пьесы, датируемые 23 марта 1883 г., 15 ноября 1885 г. (разрешено с заглавием «Запорожцы, или Тарас Бульба») и 8 апреля 1888 г. Следовательно, как минимум в эти годы «драматическое представление» Алексева разыгрывалось на сцене.

Действительно, в 1883 г. на пасхальной неделе инсценировка «Тарас Бульба, или Удалое козачество в XV веке» шла на Марсовом поле в балагане А.П. Лейферта «Развлечение и польза» [Лейферт: 52], созданном по инициативе А.Я. Алексева и при его художественном руководстве в 1880 г. и просуществовавшем до 1897 г. [Уварова: 82]. Двойное название спектакля было типичным для балаганных театров. «В большинстве случаев пьесам давалось два названия, как бы для разъяснения недоумевающим», – писал сын владельца «Развлечения и пользы» А.В. Лейферт [Лейферт: 49]. Балаган Лейферта и Алексева, по замечанию Ю.А. Дмитриева, отличался от остальных увеселительных заведений такого рода – как своим внешним видом, так и репертуаром: здесь ставили произведения Крылова, Пушкина, Гоголя, Островского, Некрасова [Дмитриев: 252]. В инсценировках Алексеев «тонко, как художник, и последовательно, как педагог», стремился «сочетать “балаганные потехи” с задачами народного просвещения»; он выступал как сценарист, режиссер-постановщик, художник-декоратор – «по костюмам и апофеозам» [Русские народные гулянья: 16]. Зритель балагана, рассказывает А.В. Лейферт, нуждался в том, чтобы представление было «чудно, приятно, ярко и нескучно – длинных разговоров он мог не расслышать, а то и не понять», а потому преобладала установка на зрелищность: сюжет передавался преимущественно действием, актер должен был «поменьше произносить слов», а «массовые сцены, хоры, танцы, различные эффекты и вообще обстановка играла первенствующее значение» [Лейферт: 38]. И переделка Алексева в общем-то этому соответствовала. Труппа составлялась из любителей и актеров-профессионалов [Лейферт: 38]. В «Тарасе Бульбе» главную роль исполнял именно любитель – некий Богданов, «старый питерский наборщик, хо-

рошо справлявшийся с сильными характерными драматическими ролями» [Русские народные гулянья: 98] (см. также: [Лейферт: 40–41]). Андрия играл актер стройный, миловидный, умевший «держаться с достоинством на сцене»; панночку – малоизвестная А. Попова, очень подходившая «своей миловидной внешностью и изящной фигурой» [Лейферт: 41]. В роли Янкеля выступал профессиональный актер В.А. Николаев-Соколовский, «один из видных представителей тогдашней эстрады», изображавший своего героя «мягко, трогательно, без малейшего шаржа, без всякого “пересола”» [Русские народные гулянья: 96]. Декорации подготовил И.П. Андреев [Русские народные гулянья: 92].

Алексеев ставил «Тараса Бульбу» и в летние месяцы 1888 г. в театре Зоологического сада в Москве [Уварова: 163]. В журнале «Всемирная иллюстрация» отмечены «превосходно выполненная декоративная и костюмная часть, красиво поставленный балет, толковая игра солистов», «по достоинству» оцененные публикой [Театр и музыка].

18 февраля 1899 г. переделка Алексеева «с большим успехом», как сообщается в театральной хронике, прошла на сцене Михайловского манежа; она была разыграна «при участии лучших сил труппы» [Хроника театра и искусства 1899: 166]. Отдельного упоминания заслужили тщательно поставленные народные сцены, которыми, по словам критика (подписавшего заметку криптонимом «Н.»), «вообще изобилует» инсценировка, и некоторые декорации (Запорожская Сечь, «вид города Дубно, осажденного казаками ночью при лунном освещении», улица в Варшаве) [Хроника театра 1899: 166]. 26 апреля того же года эта «обстановочная пьеса», или «феерия» (по определению другого критика, говорящего о ней как «набившей всем оскомину еще в Михайловском манеже»), была показана в Таврическом саду [Таврический сад].

Возможно, в Михайловском манеже и Таврическом саду разыгрывалась другая инсценировка Алексеева, которая первоначально имела название «Защитники веры и рыцарской чести», не пропущенное цензурой⁸. На титульном листе имеются две разрешительные надписи, одна из которых датируется 13 июля 1890 г., а вторая – 16 августа (?) 1897 г. Жанровое определение этой переделки: «драматическое обстановочное представление в двух действиях из жизни удалого казачества на Руси в XV веке с танцами, битвой, взрывом крепости и разрушением моста над рвом в разгаре кавалерийского боя» – свидетельствует о том, что ее автор делал акцент именно на зрелищности. В целом же эта более поздняя сценическая обработка повести была сокращена по сравнению с первой, что побудило Алексеева внести ряд изменений в сюжетную канву. Так, гонец, сообщав-

ший о «большой беде» – о том, «что делается в гетманщине», появлялся прямо в доме Тараса в день приезда его сыновей, и первое действие завершалось отъездом казаков в Сечь. Во втором же действии панночка вместе с татаркой приходила в стан запорожцев, и ход действия ускорялся: именно здесь происходило объяснение с Андрием, за которым следовали его решение перейти на сторону поляков и наказ Янкелю сказать об этом отцу, брату и всем казакам; была исключена сцена казни Остапа и др. В то же время очевидно, что новая переделка основана на предыдущей: хотя отдельные сцены, диалоги, реплики персонажей сокращены (а некоторые исключены вовсе или заменены другими), текст во многих случаях совпадает. Кроме того, цензурная правка, имеющаяся в рукописи первой инсценировки⁹, учтена при подготовке новой сценической версии произведения.

Позднее, в 1912 г., А.Я. Алексеев поставил «Тараса Бульбу» (судя по афише, в первой редакции – в семи картинах) на сцене Народного дома императора Николая II. Первое представление состоялось 28 ноября 1912 г.¹⁰ Критик писал, что, хотя автор драматической обработки гоголевской повести неизвестен, его следует похвалить «за то уж, что он не искал Гоголя, не ввел никаких “отсебятин”, а посмотрел на свой труд именно как на иллюстрацию к Гоголю, как на эффектное зрелище с благородным сюжетом» [Тамарин: 960]. Между тем автором был, как мы знаем, сам Алексеев. Особенно получились у режиссера, как полагал критик, сцены приезда Тараса Бульбы с сыновьями в Сечь, казацкой рады, сражения с поляками и казни Тараса [Тамарин: 960]. Из исполнителей он выделил актеров В.Ф. Ромашкова, сумевшего создать колоритный образ старшего Бульбы, Глебова-Котельникова (наст. имя – Г.Е. Котельников), оживившего «бледную в переделке» роль Остапа, А.В. Шабельского, «превосходно, без шаржа» сыгравшего Янкеля, а также А.В. Чарского, который был «очень красивым Андреем» [Тамарин: 960–961]. Остальные же роли, по его мнению, оказались «бесцветны» [Тамарин: 961]. «Тарас Бульба» оставался в репертуаре Народного дома в течение нескольких лет¹¹.

В 1890-е гг. появилось немало новых драматических обработок повести. Среди них, например, трагедия в четырех действиях, девяти картинах В.А. Лезина (1892)¹², трагедия в пяти действиях, восьми картинах Н. Кондаковой (1894), драмы в четырех действиях Н.И. Гишебского (1895) и П.П. Райского-Ступницкого (не пропущена цензурой в 1896 г.), его же драматическая картина в четырех действиях «Поход запорожцев и Тарас Бульба» (1897), драма в четырех действиях на украинском языке «Тарас Бульба под Дубном» К.И. Ванченко (Писанецкого) (1890), драма в семи действиях, восьми картинах на укра-

инском языке М.И. Старицкого (1898), драма в четырех действиях, пяти картинах «с пением и танцами» А.Ф. Шатковского (1897) [Данилов С.С.: 470]. Однако сценическая история многих из этих переделок неизвестна.

Отметим лишь, что инсценировки повести, по-видимому, часто исполнялись разными труппами, при этом в большинстве случаев трудно установить, кто был автором драматического переложения гоголевского произведения. Так, в одной из статей «Тарас Бульба», показанный в Орле в сезон 1889/90 г. неким «товариществом московских артистов под управлением режиссера театра М.В. Лентовского, А.А. Черепанова», упоминается в ряду спектаклей, которые привносят «особый специфический провинциальный запах» в репертуар и «о которых не стоит говорить» [Театр в Орле: 164], причем имя автора драмы не указано. По-видимому, этот «провинциальный запах» критик связывал прежде всего с традиционностью (и в этом смысле банальностью) репертуара большинства драматических трупп, а также с характером самих постановок. В том же 1890 г. «Тарас Бульба» назван среди пьес, составлявших осенний репертуар Русского театра в Одессе [Хроника провинциальных театров: 212], в 1891-м переделка повести исполнялась товариществом под управлением и режиссурой П.Н. Максимова на псковской сцене [Псков]. Сценические обработки «Тараса Бульбы» мало отличались друг от друга: и «набор» эпизодов, составлявших их сюжетную канву, и характер осмысления гоголевского произведения, как правило, совпадали. Возможно, этим и объясняется отсутствие имен авторов таких сочинений в критических заметках.

В 1890–1910-е гг. спектакли по «Тарасу Бульбе» неизменно входили и в репертуар многочисленных малороссийских трупп. Чаще всего разыгрывались пьесы К.И. Ванченко (Писанецкого) и А.Ф. Шатковского. Очевидно, такие постановки, ориентированные прежде всего на зрелищность, мало отличались друг от друга. Например, труппа О.З. Суслова в течение одного года показывала зрителям сначала драму Писанецкого, а затем сочинение самого Суслова и Л.Я. Манько [Драматический театр; Екатерининский театр]. Судя по редким откликам в театральной периодике, «Тарас Бульба» ставился украинскими артистами в полном соответствии с традициями малороссийской сцены того времени с ее вниманием к музыкальной стороне представления – пению и танцам – и особым колоритом, при этом художественный уровень пьес был невысок, а актерское исполнение нередко воспринималось как любительское, «малоопытное» (см., например: [Хроника театра и искусства 1897: 473; Невское общество]). Так, по словам одного из критиков, смотревшего спектакль труппы

М.Л. Кропивницкого, «отлично» справился со своей ролью лишь создатель труппы, сыгравший заглавного героя, остальные же актеры «были довольно бесцветны» [Хроника театра и искусства 1897: 473]. Судя по воспоминаниям И.А. Марьяненко, Кропивницкий действительно создал один из наиболее ярких образов Тараса Бульбы. «Колоссальное впечатление» производил он в сцене под Дубно, передавая «тонкий психологический рисунок сложных переживаний Тараса», и в финале [Марьяненко: 73–74]. «Это были недостижимые вершины художественного мастерства, подлинной героики, отображенной живыми реалистическими красками», – пишет автор воспоминаний [Марьяненко: 74].

Завершая, еще раз отметим, что драматические переделки «Тараса Бульбы» пользовались популярностью на российской сцене конца XIX – начала XX в. Они часто исполнялись русскими и украинскими труппами, выступавшими в столицах и провинции, соответствуя мелодраматическому характеру их репертуара и обладая потенциалом зрелищности. С одной стороны, установками на зрелищность и мелодраматичность отчасти и объяснялся интерес к гоголевскому «Тарасу Бульбе» и, соответственно, появление его многочисленных инсценировок. С другой стороны, эти же установки влияли на сценические адаптации повести, по большей части довольно стереотипные. Такие спектакли, вероятно, привлекали широкую публику, но едва ли могли удовлетворить искушенного зрителя – положительных отзывов о них в театральной периодике очень мало.

Примечания

¹ Рапорт цензора см.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 780. Оп. 1. Д. 24. Л. 23.

² См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 780. Оп. 1. Д. 29. Л. 137.

³ Рукопись с текстом пьесы К.Д. Ефимовича хранится в отделе редкой книги, рукописных, архивных и изобразительных материалов Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки: Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека (СПбГТБ). Ф. «Драматическая цензура». Ед. хр. 23240. Инв. № 54846. Тарас Бульба. Драма в четырех действиях, соч. К.Д. Ефимовича. На титульном листе есть надпись «Запрещается» от 16 апреля 1847 г., ниже которой графитным карандашом приписано: «В 1852 году позволена».

⁴ См.: Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека (СПбГТБ). Ф. «Драматическая цензура». Ед. хр. 45300. Инв. № 41095. Тарас Бульба. Драма в 3-х действиях. Сюжет заимствован из повести Н.В. Гоголя.

⁵ См. источник текста, указанный в примечании 3. Рукопись не имеет пагинации.

⁶ Судя по надписи на титульном листе рукописи, это заглавие появилось в 1885 г. по настоянию цензора. Авторским же является именно «Тарас Бульба, или Удалое козачество в XV веке».

⁷ Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека (СПбГТБ). Ф. «Драматическая цензура». Ед. хр. 24825. Инв. № 25674. Тарас Бульба, или Удалое козачество в XV веке – большое драматическое представление в 7-ми картинах. Составил А. Алексеев на тему Н.В. Гоголя.

⁸ На титульном листе рукописи это заглавие вычеркнуто, и немного выше вписано традиционное: «Тарас Бульба». См.: Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека (СПбГТБ). Ф. «Драматическая цензура». Ед. хр. 25706. Инв. № 26287. Тарас Бульба. Драматическое обстановочное представление в двух действиях из жизни удалого казачества на Руси в XV веке с танцами, битвой, взрывом крепости и разрушением моста над рвом в разгаре кавалерийского боя. Переделал для сцены из соч. Гоголя «Тарас Бульба» А.Я. Алексеев.

⁹ Правка, по-видимому, была внесена цензорами в разное время: она сделана двумя видами чернил – оранжево-красными и синими. Причем последние сохранились и на титульном листе рукописи, где к штампу цензурного разрешения («Главным управлением по делам печати к представлению на народных театрах одобрено») от 8 апреля 1888 г. синими чернилами приписано: «с исключениями».

¹⁰ См. объявление и афишу: Обзорение театров. 1912. 28 ноября. № 1923. С. 2, 26.

¹¹ Об этом свидетельствуют объявления в журнале «Театр и искусство». См., например: Театр и искусство. 1913. 17 февраля. № 7. С. 149; Театр и искусство. 1913. 3 ноября. № 44. С. 876; Театр и искусство. 1914. 5 января. № 1. С. 1.

¹² Здесь и далее в абзаце в скобках указан год получения цензурного разрешения.

Список литературы

Источники

Драматический театр В.Ф. Комиссаржевской // Обзорение театров. 1908. 20 января. № 313. С. 8.

Екатерининский театр Н.Г. Северского // Обзорение театров. 1908. 21 ноября. № 583. С. 20.

Невское общество народных развлечений // Театр и искусство. 1908. 3 августа. № 31. С. 528.

Петербургские заметки // Отечественные записки. 1853. Т. LXXXVI. Январь. Отд. VII. С. 57–58.

Псков (от нашего корреспондента) // Артист. 1891. Февраль. № 13. С. 212.

Русский театр в Петербурге // Пантеон. 1853. Т. VII, кн. 1. Январь. Отд. IV. Театральная летопись. С. 1–21.

Таврический сад // Театр и искусство. 1899. 2 мая. № 18. С. 342 [подпись: Н. У.].

Тамарин Н. Народный дом императора Николая II // Театр и искусство. 1912. 2 декабря. № 49. С. 960–961.

Театр в Орле (от нашего корреспондента) // Артист. 1890. Февраль. Кн. 6. С. 164–167 [подпись: А. С.].

Театр и музыка // Всемирная иллюстрация. 1888. 30 июля. Т. XL, № 5 (1019). С. 87.

Французский театр в Петербурге // Пантеон. 1853. Т. VII, кн. 1. Январь. Отд. IV. Театральная летопись. С. 22–30.

Хроника провинциальных театров // Артист. 1890. Декабрь. № 11, кн. 4. С. 211–223.

Хроника театра и искусства // Театр и искусство. 1897. 29 июня. № 26. С. 471–473.

Хроника театра и искусства // Театр и искусство. 1899. 21 февраля. № 8. С. 164–167.

Исследования

Виноградов И.А. Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» (из истории сценических интерпретаций) // Н.В. Гоголь и театр: Третьи Гоголевские чтения: сб. докл. Москва: Книжный дом «Университет», 2004. С. 260–271.

Гозенпуд А.А. Леош Яначек и русская культура. Ленинград: Сов. композитор, 1984. 198 с.

Гриц Т.С. М.С. Щепкин: Летопись жизни и творчества. Москва: Наука, 1966. 871 с.

Данилов В.В. К библиографии драматических переделок из Гоголя // Русский филологический вестник. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1911. № 2. С. 331–338.

Данилов С.С. Гоголь в инсценировках // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 2. С. 423–471.

Дмитриев Ю.А. Гуляния и другие формы массовых зрелищ // Русская художественная культура конца XIX – начала XX века. Кн. 1: Зрелищные искусства. Музыка (1895–1907). Москва: Наука, 1968. С. 248–261.

История русского драматического театра: в 7 т. Т. 4: 1846–1861. Москва: Искусство, 1979. 431 с.

Лейферт А.В. Балаганы. Петроград: Издание Еженед. петроград. гос. акад. театров, 1922. 74 с.

Марьяненко И. Прошлое украинского театра: Воспоминания. Москва: Искусство, 1954. 251 с.

Русские народные гулянья / по рассказам А.Я. Алексеева-Яковлева; в записи и обработке Е. Кузнецова. Москва; Ленинград: Искусство, 1948. 172 с.

Уварова Е.Д. Как развлекались в российских столицах. Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. 278 с.

References

Danilov V.V. *K bibliografii dramaticheskikh pere-delok iz Gogolia* [To the bibliography of dramatic adaptations from Gogol]. *Russkii filologicheskii vestnik* [Rus-

sian Philological Bulletin]. Warsaw, Tip. Varshavskogo uchebnogo okruga Publ., 1911, no. 2, pp. 331–338. (In Russ.)

Danilov S.S. *Gogol' v instsenirovkakh* [Gogol in dramatizations]. *N.V. Gogol': Materialy i issledovaniia* [N.V. Gogol: Materials and research]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1936, vol. 2, pp. 423–471. (In Russ.)

Dmitriev Iu.A. *Gulianiia i drugie formy massovykh zrelishch* [Folk festivals and other forms of mass spectacles]. *Russkaia khudozhestvennaia kul'tura kontsa XIX – nachala XX veka. Kn. 1: Zrelishchnye iskusstva. Muzyka (1895–1907)* [Russian Artistic culture of the late 19th – early 20th century. Vol. 1: Performing arts. Music (1895–1907)]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 248–261. (In Russ.)

Istoriia russkogo dramaticheskogo teatra: v 7 t. T. 4 [The history of the Russian Drama theater: in 7 vols. Vol. 4: 1846–1861]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, 431 p. (In Russ.)

Gozenpud A.A. *Leosh Ianachek i russkaia kul'tura* [Leos Janacek and Russian culture]. Leningrad, Sov. Kompozitor Publ., 1984, 198 p. (In Russ.)

Grits T.S. *M.S. Shchepkin: Letopis' zhizni i tvorchestva* [M.S. Shchepkin: Chronicle of life and work]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 871 p. (In Russ.)

Leifert A.V. *Balagany* [Funfair Booths]. Petrograd, Izdanie Ezhened. petrograd. gos. akad. Teatrov Publ., 1922, 74 p. (In Russ.)

Mar'ianenko I. *Proshloe ukrainskogo teatra: Vospominaniia* [The past of Ukrainian theatre: Memories]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1954, 251 p. (In Russ.)

Russkie narodnye gulian'ia [Russian folk festivals], po rasskazam A.Ia. Alekseeva-Iakovleva; v zapisi i obrabotke E. Kuznetsova. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1948, 172 p. (In Russ.)

Uvarova E.D. *Kak razvlekalis' v rossiiskikh stolitsakh* [How people had fun in Russian capitals]. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 2004, 278 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Povest' N.V. Gogolia «Taras Bul'ba» (iz istorii stsenicheskikh interpretatsii)* [N.V. Gogol's novella “Taras Bulba” (from the history of stage interpretations)]. *N.V. Gogol' i teatr: Tret'i Gogolevskie chteniia: sb. dokl.* [N.V. Gogol and the theatre: The Third Gogol readings: a collection of papers]. Moscow, Knizhnyi dom «Universitet» Publ., 2004, pp. 260–271. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 30.08.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 23.06.2025; approved after reviewing 30.08.2025; accepted for publication 03.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 133–139. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 133–139. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN PYYJGD

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-133-139>

**ВИЗУАЛЬНО-ВЕРБАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ АГИТАЦИИ
В.В. МАЯКОВСКОГО В «ОКНАХ РОСТА»
(ХРОНИКА СЕНТЯБРЯ 1920 Г.: ВРАНГЕЛЬ, ГОЛОД, ХОЛОД И РАЗРУХА)**

Тюрина Елена Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, infoimli@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4788-1072>

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу визуально-вербальных стратегий воздействия, примененных В.В. Маяковским для актуализации ключевых пропагандистских тем начала осени 1920 г.: наступление армии Врангеля, топливный кризис, разруха, холод, голод и необходимость трудовой мобилизации. На примере агитационного плаката «Окно РОСТА» № 304 «Холод идет» исследуется связь между поэтическим текстом, визуальным рядом, историческим и политическим контекстом, включая выступления В.И. Ленина, публикации газеты «Правда» и задачи партийной пропаганды. Показано, что «Окно РОСТА» № 304 представляет собой концентрат агитационных мотивов месяца, уникальный пример синтеза сатиры, лозунга и образа в жанре агитационно-политического плаката. Особое внимание уделяется символической конструкции образа врага (в том числе «Холода» и П.Н. Врангеля), типизации действующих лиц, роли лозунгов, а также особенностям авторской интонации В.В. Маяковского, работающего одновременно как художник, поэт и агитатор.

Ключевые слова: В.В. Маяковский, агитационные плакаты «Окна РОСТА», визуально-вербальные стратегии, образ врага, холод, П.Н. Врангель, топливный кризис, Гражданская война.

Для цитирования: Тюрина Е.А. Визуально-вербальные стратегии агитации В.В. Маяковского в «Окнах РОСТА» (хроника сентября 1920 г.: Врангель, голод, холод и разруха) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 133–139. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-133-139>

Research Article

**VISUAL-VERBAL STRATEGIES OF AGITATION
BY VLADIMIR MAYAKOVSKY IN THE ROSTA WINDOWS
(SEPTEMBER 1920 CHRONICLE: WRANGEL, FAMINE, COLD, AND DEVASTATION)**

Elena A. Tyurina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. infoimli@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4788-1072>

Abstract. This article offers a comprehensive analysis of the visual-verbal strategies employed by artist and poet Vladimir Mayakovsky to highlight key propaganda themes of early autumn 1920: the advance of Pyotr Wrangel's army, the fuel crisis, devastation, cold, famine, and the need for labour mobilisation – exemplified by *ROSTA Window* No. 304, "The Cold Is Coming." The study examines the interplay between poetic text, visual imagery, and political context, including Vladimir Lenin's speeches, *Pravda* publications, and the objectives of the Communist Party propaganda. It demonstrates that Window No. 304 represents a concentrated synthesis of the month's agitational motifs, serving as a unique example of the fusion of satire, slogan, and image within the agit-prop poster genre. Special attention is paid to the symbolic construction of the enemy (including "Cold" and P. Wrangel), typification of characters, the role of slogans, and the distinctive authorial intonation of V. Mayakovsky as a multifaceted artist, poet, and agitator.

Keywords: Vladimir Mayakovsky, ROSTA Windows propaganda poster, visual-verbal strategies, image of enemy, cold, Pyotr Wrangel, fuel crisis, Russian Civil War.

For citation: Tyurina E.A. Visual-verbal strategies of agitation by Vladimir Mayakovsky in the ROSTA Windows (September 1920 chronicle: Wrangel, famine, cold, and devastation). Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 133–139. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-133-139>

Агитационные плакаты «Окна РОСТА», созданные в период Гражданской войны, представляют собой уникальное явление отечественной культуры – синтетическую форму массового искусства, в которой органично объединяются поэтическое слово, визуальный образ и политическая риторика, агитация. В.В. Маяковский сыграл важную роль в формировании художественно-пропагандистского языка плаката. Один из первых исследователей советского плаката Вяч. Полонский в статье «Русский революционный плакат» (1922) подчеркнул: «Из всех русских художников, бравшихся за плакат, лишь один – Маяковский – в полной мере носил в себе ненасытную потребность вечного движения. <...> ...Он острее и вернее других почувствовал природу плаката, этого уличного, площадного, массового искусства, которое вопит, грохочет, ошарашивает, слепит яркостью, поражает неожиданной оригинальностью формы. Не все плакаты его были удачны. Но художники, которые стали бы в дальнейшем работать над плакатом, не смогут обойтись без изучения некоторых листов Маяковского» [Полонский: 67]

С октября 1919 г. по январь 1922 г. В.В. Маяковский создавал поэтические подписи и рисунки к плакатам «Окна РОСТА», выпускавшихся сначала Российским телеграфным агентством (РОСТА) и выставлявшихся в пустующих витринах гастрономических магазинов, отчего и получили названия «Окна», а потом – Главным управлением политико-просветительных учреждений Наркомпроса РСФСР (Главполитпросветом). В автобиографии поэт так охарактеризовал 1920 г.: «Дни и ночи Роста. Наступают всяческие Деникины. Пишу и рисую. Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей» [Маяковский 1: 26].

Первый опыт работы с визуальной агитацией Маяковский получил еще в 1914 г., когда в соавторстве с художниками авангардного направления: К.С. Малевичем, Д.Д. Бурлюком, В.Н. Чекрыгиным, И.И. Машковым, А.В. Лентуловым – создавал подписи к лубкам Первой мировой войны в московском издательстве «Сегодняшний лубок». Четыре из этих лубков были иллюстрированы самим Маяковским. Весной – летом 1917 г. поэт продолжил работать над лубками-карикатами в издательстве «Парус».

Дореволюционные военные лубки Маяковского отвечали всем требованиям традиционного формата этого жанра, но уже в этих ранних работах начинают формироваться характерные для Маяковского принципы плакатного языка: стремление к предельной лаконичности – минимизация мелких украшательных элементов, семантической емкости и графической выразительности. Он использует мощное контрастное противопоставление (цветовое, композиционное и смысловое) между образами героев и врагов.

Визуальный ряд дополняется язвительно-сатирическим словом, обнажающим слабости и неудачи противника. Эта стратегия была переосмыслена и усилена в «Окнах РОСТА». Маяковский сформулировал ее предельно ясно в докладе о художественной пропаганде на Первом всероссийском съезде работников РОСТА: «Первая и основная наша задача – это приковывание внимания, это заставить бегущую толпу, хочет она или не хочет, всеми ухищрениями, остановиться перед теми лозунгами, перед которыми мы хотим ее остановить» [Новое о Маяковском: 17]. В этой установке отразилось понимание плаката, рассчитанного на мгновенный визуальный и смысловой эффект. При этом важно отметить, что в плакатах «Окна РОСТА» слово и визуальный образ не дублируют друг друга, а взаимодополняют.

В создании «Окон РОСТА» участвовали известные художники, мастера карикатуры – М.М. Черемных, И.А. Малютин, А.М. Нюрнберг, Н.А. Лавинский, Д.С. Моор (Орлов) и др. Окна РОСТА создавали не только в Москве, но и в других городах – Петрограде, Саратове, Баку, Киеве и т. д. Все художники, работавшие с Маяковским, поражались его работоспособности. Он не только рисовал наравне со всеми художниками и принимал их работу, но и писал стихи для большей части московских Окон РОСТА, придумывал темы, а для этого ежедневно изучал телеграфные сводки РОСТА, статьи в газете «Правда» и «Известия». Художник А.М. Лавинский отмечал: «Меня всегда поражала работоспособность Вл. Вл. Вдумайтесь. Он писал текст в стихах для десяти-двенадцати Окон «Роста». Что составляло 120–196 строк в неделю. Рисовал почти четверть плакатов Роста, и это делалось на темы: гражданской войны, борьбы с тифами, дизентерией, спекуляцией» [Лавинский: 492]. Эту работоспособность отмечали все художники, работавшие с поэтом, а про самих художников РОСТА говорили, что мало кто мог выдержать такой стремительный темп работы, какой был у них.

Маяковский так описывал организацию работы над плакатами: «Вместе с получением телеграмм (для газет, еще не напечатанных) поэт, журналист тут же давал «тему» – язвительную сатиру, стих. Ночь ерзали по полу над аршинными листами художники, и утром, часто даже до получения газет, плакаты-окна сатиры вывешивались в местах наибольшего людского скопища: агитпункты, вокзалы, рынки и т. д.» [Дувакин: 31].

Критик Вяч. Полонский подчеркивает не только документальность, но и уникальную художественную форму «Окон РОСТА»: «Эти листы не предназначались для массового воспроизведения. Их красочная внешность была поэтому несравненно богаче литографского плаката. Рисунки сопровождалась чаще всего стихотворным текстом, частушкой, эпиграм-

мой. Тем было необъятно много, поэтому каждое «окно» содержало несколько картин, либо представлявших связанное целое, либо механически объединенных в одной витрине» [Полонский: 57–68].

Темы «Окон РОСТА» менялись в зависимости от текущей обстановки в стране и мире. Если в 1919 г. на первом плане была преимущественно военная повестка: борьба с интервенцией стран Антанты: Франции и Англии, которые в советско-польской войне (1919–1921) поддерживали Польшу, и угроза со стороны белогвардейцев: Колчака, Деникина, Юденича, то уже к осени 1920 г. наметился перелом. Еще одной темой стал усилившийся голод, когда выяснилось, что во многих южных районах из-за засухи был неурожай и нужно было осуществить переброску и перераспределение зерна между городом и деревней, а транспортная система была разрушена.

Сентябрь 1920 г. стал для Советской России месяцем двойной мобилизации – на фронте войны с ар-

мией генерала П.Н. Врангеля и Польшей, а также на фронтах хозяйственного восстановления, прежде всего – борьбы с топливным кризисом. После освобождения Донбасса от войск А.И. Деникина шахты оказались разрушенными и затопленными, в стране ощущался острый дефицит угля, транспорта, рабочих рук. В это время, 4 сентября 1920 г., газета «Правда» публикует программную статью, где говорится: «Близится зима, когда перед нами встанет ряд трудных вопросов на продовольственном, топливном, транспортном фронтах. Эти фронты потребуют громадного напряжения наших сил. Чтобы вести здесь успешную борьбу, мы должны скорее развязать себе руки на военных фронтах, а прежде всего на главнейшем из них – на польском» [Правда: 1].

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать агитационные приемы, визуальные и риторические стратегии «Окна РОСТА» № 304, созданного в середине сентября 1920 г., а также на материалах нескольких соседних выпусков.

Исторический и пропагандистский контекст сентября 1920 г., адресат агитации. Почти каждое сентябрьское окно 1920 г. вовлечено в мобилизационный дискурс, направленный на борьбу с холодом, голодом, разрухой, врангелевской и польской угрозой. Продолжалась Советско-польская война (1919–1921) – и после побед и стремительного наступления красных в августе 1920 г., в сентябре Варшавская операция завершалась трагически неудачно для Красной армии, в плен попали тысячи русских солдат¹.

На юге страны формировался Южный фронт для окончательной ликвидации белой армии П.Н. Врангеля, контролировавшей Крым и пытавшейся захватить Донбасс. Этот регион был жизненно важен для молодой Советской республики: шахты Донецкого бассейна оставались основным источником угля, без которого невозможен был запуск промышленных предприятий, железнодорожное сообщение и элементарное отопление на заводах и в домах.

Особенно значимым становится «Окно РОСТА» № 304 «Холод идет», выполненное В.В. Маяковским – и как художником, и как автором текста. Текст и рисунок плаката представляют собой концентрированное высказывание о политической, социальной и бытовой повестке времени: борьбе с генералом Врангелем, нехватке угля, предстоящей зиме, обывательской пассивности и необходимости трудового подвига.

Плакат отвечает на два ключевых вопроса:

1. Как преодолеть разруху и нехватку угля?
2. Как связаны военные и хозяйственные задачи?

Ответ Маяковского: победа над Врангелем (и, шире, над внутренним врагом) есть условие победы над разрухой. Это идеологическая сцепка, где военные действия оправданы не только обороной, но и будущим мирным восстановлением.

Рис. 1. «Окно РОСТА» № 304. «Холод идет»: 1. Холод идет. 2. Что делать? 3. Вот что делают обыватели: самосогреваются. 4. Согреваются огнем знания, 5. А в случае необходимости и занимаются заготовкой 6. и налаживают транспорт. 7. Но холод плевать хотел на таких противников. 8. Как же должен бороться с холодом каждый сознательный гражданин? Отнять у врага уголь. 9. Победить в войне – победить в разрухе. 10. Броситься на холод забронированным сталью. 11. Побежит холод. 12. и живите себе в двойном тепле – работе и отоплении [Маяковский 3: 154]

Адресатом агитации «Окна РОСТА» № 304 становится готовый к трудовому подвигу «сознательный гражданин», который противопоставляется «пассивному обывателю». В визуальном коде «Окна» «сознательный» изображается как рабочий, как коллективная сила, как паровоз. «Обыватель» же пародируется: он одинок, беспомощен, смешон. Таким образом, «Окно» не просто сообщает информацию, но моделирует идентичность – зритель должен увидеть в себе не обывателя, а сознательного труженика.

Идеологическое ядро: лозунги, цитаты, решения. Один из центральных лозунгов «Окна» – «Победить в войне – победить в разрухе» (кадр № 9) – напрямую апеллирует к установке ЦК РКП(б) и речи В.И. Ленина на I съезде горнорабочих (апрель 1920): «...теперь, после двухлетней отчаянной борьбы с белогвардейцами и капиталистами, которых поддерживали капиталисты всего мира, теперь, после всех побед, которые одержаны нами, предстоит снова тяжелая борьба, не менее трудная, чем прежняя, хотя и более благодарная, именно борьба на фронте бескровном, на фронте труда» [Ленин: 292–293]. В.И. Ленин также подчеркивал: «...чтобы спасти Советскую власть сейчас, необходимо дать хлеб для промышленности, т. е. уголь. Без этого нельзя восстановить хозяйство, нельзя пустить железные дороги, без этого нельзя пустить фабрики и дать предметы для обмена на хлеб крестьянам, которые, конечно, не могут удовлетворяться одними цветными бумажками, которые дают нам ссуду, ибо они обязаны дать ссуду голодным рабочим. Но мы обязаны вернуть эту ссуду, и поэтому надо удесятить производство и пустить в ход все фабрики» [Ленин: 298].

Не менее важно и встраивание «Окна» в более широкую кампанию – «Неделю крестьянина» и продовольственного кризиса, которой посвящены 5 окон сентября: № 293, 294, 295, 296, 301. В «Окне РОСТА» № 293 – «Если хлеб у крестьянина есть, как его справедливее съесть?» – воспроизводится вся логика справедливого распределения продовольствия: отдать рабочим, помочь другим, более голодающим крестьянам, а «буржуев – к чертям из хлебных мест». Здесь вновь звучит лозунг из Конституции РСФСР 1918 г.: «Не трудящийся – да не ест» (ст. 18), восходящий к словам апостола Павла: «Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» [Новый завет], также используемый в статьях К. Маркса и В.И. Ленина.

Образ холода – аллегорический, комичный и злобный одновременно – напоминает визуальные метафоры, использованные в окнах № 274 «Товарищи, близятся ужасы зимы». В «Окнах» холод и голод обозначены как силы, требующие не паники, а организованного отпора. Как и в «Окне РОСТА» «Антанта развалилась», враг наделен физиогномическими чер-

тами, упрощающими его идентификацию и демонизацию (там – премьер-министр Англии Дэвид Ллойд Джордж, министр иностранных дел Италии Карло Сфорца и др., здесь – белый снежный человек-холод и генерал П.Н. Врангель).

Борьба с разрухой стала центральной темой сентября в связи с проходившей «Неделей ремонта» (до наступления осенних холодов чинили ремонтные мастерские, поезда и рельсы). Это отражено в окнах № 308, 313, 315 и др. Разруха – один из главных отрицательных аллегорических образов, который используется в «Окнах РОСТА» вместе с холодом и голодом. Разруха изображалась каждым художником по-разному: в виде монстра с большой головой и пастью с оскаленными зубами, то костлявой старухи или чудовищной многоногой химерой.

Тема пассивного обывателя перекликается с шестью сентябрьскими «Окнами РОСТА» № 313, 314, 315, 316, 321, 322, в которых идет пропаганда «Недели укрепления партийной работы» – кампании по массовому приему рабочих, красноармейцев, матросов и крестьян в Российскую коммунистическую партию РКП(б), начатой осенью 1919 г.² Смысл этой кампании кратко сформулирован в «Окне РОСТА» № 313: «Коммунистов дайте в районы больше, – / и не будут страшны ни Врангели, ни разрухи, ни Польши».

Кульминация в «Окне РОСТА» № 304 – образ паровоза, идущего на холод, – представляет собой собирательный образ промышленного и классового наступления, идентичный по значению с визуальной метафорой из окна № 262 «Сказка о министре-дурачке, о Врангеле-генерале, известном вралее», где рабочий побеждает разруху, вбивая гвоздь-костыль в рельсы. Это не просто образ прогресса, но и символ победы над разрухой.

Агитация против холода как политическая мобилизация. «Окно РОСТА» № 304 («Холод идет...») – одно из ключевых произведений сентября 1920 г., в котором тема холода поднимается не как бытовая неприятность, а как национальный вызов, требующий коллективной мобилизации. Уже в первой строке плаката – «Холод идет» – задан драматургический вектор: холод персонифицирован, он наступает, словно военный противник. В образе белого исполина с ледяной ухмылкой холод становится в один ряд с разрухой и угрозой Врангеля. Холод становится не просто природным явлением, а врагом трудящихся, своего рода символом внешнего и внутреннего давления на Республику.

Противостояние холоду в плакате выстроено в виде пошагового сценария – от иронической демонстрации обывательской беспомощности (самосогрев, топка печки книгами, разрушение заборов) до программной установки на сознательное сопро-

тивление: «отнять у врага уголь», «победить в войне – победить в разрухе», «броситься на холод забронированным сталью» (кадры № 8, 9, 10). Эти лозунги задают стихотворный ритм плакату, подчиняя его внутренней логике нарастания: от пассивного реагирования к активному организованному действию. В финале: холод «бежит», человек сидит у камина, а цветок на камине символизирует восстановленный порядок и жизнь.

Особенность «Окна РОСТА» № 304 – в его многослойной агитационной структуре. В нем одновременно сочетаются:

- обличительная сатира (обыватель в одном ботинке, топящий книгами печку);
- поэтическая драматургия (нарастание конфликта, победа сознательной мобилизации);
- визуальная типизация (противопоставление «обывателя», изображенного черным цветом, и трудящегося – красным цветом);
- интермедальность – тексты и изображения работают в неразрывной связке, каждый кадр – это и стихотворная строфа, и сюжетная миниатюра, и лозунг, и карикатура.

В плакате присутствует прямой политический посыл: «отнять у врага уголь» – явная отсылка к борьбе с армией П.Н. Врангеля, которая в сентябре 1920 г. пыталась захватить Донбасс – основной угольный регион страны. Стоит заметить, что в тексте не назван П.Н. Врангель, но по его типизированному изображению мы узнаем, что под врагом имеется ввиду именно Врангель, а не кто-либо другой – польский пан, буржуй или политик Антанты. В плакатах РОСТА был выработан особый, узнаваемый художественный язык в изображении главных политических фигур: «...это не просто индивидуальные карикатуры на определенное лицо. В каждом таком персонаже олицетворяется вся возглавляемая им антисоветская военно-политическая группировка. В то же время каждый такой персонаж обладает внешним признаком, по которому читатель-зритель узнает его в любой ситуации. У Деникина толстые «земские» усы, генеральская фуражка и грузная фигура. Врангель всегда в папаше и черкеске. Колчак длинноногий и худой в английском френче и т. д.» [Дувакин: 50].

Художественно и риторически окно построено по принципу визуально-поэтической притчи. Маяковский использует гиперболу, иронию, карикатуру и лозунг как инструменты политической мобилизации. Здесь особенно отчетливо проявляется его дар «собирающего художника»: поэт и художник действуют как единый агитатор, подчиняя все элементы плаката общей цели – мобилизовать, объяснить, вдохновить.

Композиция плаката. Образ врага: от холода, разрухи до Врангеля. Поэтика. В «Окне РОСТА» № 304 создается сложная система врагов, от быто-

вых до стратегических, с последующим их символическим и визуальным объединением. В первом кадре агрессором выступает Холод, представленный как живая сила, наступающая на страну. Но уже к восьмому кадру выясняется, что за холодом стоит вполне реальный враг – генерал П.Н. Врангель, командующий вооруженными силами Юга России. Он изображен не в героическом или нейтральном ключе, а как комический враг, бегущий от рабочего в кадре № 8 «Отнять у врага уголь». Здесь работает прием «враг в карикатуре», который снижает фигуру противника до объекта насмешки. Это не просто образ белого генерала, а визуальный стереотип врага, легко узнаваемый и уязвимый.

Таким образом, агитация от частного к общему выстраивает цепочку: холод → нехватка угля → захват Донбасса → белогвардейская угроза → Врангель → необходимость победы в войне. С художественной точки зрения Маяковский и как поэт, и как художник выстраивает систему сверхобобщения (термин из теории пропаганды): один враг олицетворяет сразу целый ряд проблем. Врангель – это не только генерал, но и причина всех лишений, включая холод, голод, разруху. Этот прием усиливает эмоциональное воздействие агитации и облегчает ее восприятие массовым зрителем, позволяет перейти от индивидуального опыта к коллективному осознанию: враг у всех один, и побороть его можно только вместе.

На системе художественных и идеологических оппозиций (враг/свой, обыватель/гражданин, холод/тепло, разрушение/созидание) строится визуально-поэтический сценарий борьбы, в котором победа достигается не только на фронте, но и в каждом доме, в каждом поступке. Кроме того, «Окно РОСТА» использует логическое ударение: от страха (идет холод) через действие (борьба, труд, уголь) к будущему комфорту и теплу. Эта нарративная модель агитации создает ощущение, что выбор уже сделан – остается только присоединиться.

Поэтика окна подчинена агитационной функции, но не сводится к ней. Это полноценное произведение массового искусства, в котором стих, лозунг, карикатура и цвет работают как единая система смыслов. Маяковский создает не просто агитплакат, но образ будущего, в котором побежден не только внешний враг, но и решены внутренние проблемы страны.

В заключении следует подчеркнуть, что творческое наследие В.В. Маяковского уникально в силу его междисциплинарной природы. Он был не только поэтом, драматургом, но и художником, создателем агитационных и рекламных текстово-визуальных форм. Вклад В.В. Маяковского в развитие искусства плаката неосценим. Он, с одной стороны, создал визуально-поэтическую летопись Гражданской войны,

которая необходима, в частности, для понимания и осмысления не только событий первой четверти XX в., но и современной политической ситуации в мире. Многие «Окна РОСТА», особенно касающиеся взаимоотношений советской России и интервенции стран Антанты: Англии, Франции, США – сохраняют актуальность в контексте современных политико-экономических процессов. С другой стороны, художественные приемы Маяковского оказали большое влияние на политический плакат, и особенно ценен его опыт агитации в «Окнах РОСТА», который был продолжен в «Окнах ТАСС» во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дальнейшее междисциплинарное осмысление роли В.В. Маяковского в «Окнах РОСТА» на стыке литературоведения, визуальной культуры и теории пропаганды позволит вывести изучение искусства плаката и визуальное-вербального творчества В.В. Маяковского на новый уровень.

Примечания

¹ За время Советско-польской войны (1919–1921) русских солдат попало в плен 157 000 и в Польском плену умерло по разным данным от 30 000 до 60 000 человек, в том числе от голода, холода и болезней (см.: Мельтюхов М.И. Польско-советская война // История России: в 20 т. Т. 12: Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Кн. 1. Москва: Наука, 2024. С. 530–551).

² См. первое «Окно РОСТА» № 5 «Рабочий, глупость беспартийную выкинь», которое было создано В.В. Маяковским и посвящено продолжающейся кампании «Неделя укрепления партийной работы» [Маяковский 3: 7].

Список литературы

Источники

Голдин В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет: Историографические процессы. Мурманск: МГГУ, 2012. 333 с.

История России: в 20 т. Т. 12: Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Кн. 1: Военно и политико-дипломатическое противоборство. Москва: Наука, 2024. 969 с.

Маяковский Владимир. «Пятнами красок и звоном лозунгов...»: К 105-летию выхода первого «Окна сатиры РОСТА». Москва: Кучково поле Музеон, 2024. 256 с.

Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: Ключевые проблемы, историческая память и уроки истории: сб. материалов междунар. науч. конф. Москва: Пятый Рим, 2020. 368 с.

Сахно И.М. Вербальное vs. визуальное: диалоги и сопряжения // «Пятнами красок и звоном ло-

зунгов...»: Книжно-плакатное творчество Маяковского. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. С. 29–83.

Эдвард Бернейс. Пропаганда. Москва: АСТ, 2024. 192 с.

Armitage D. Civil Wars: A History in Ideas. New York, Knopf, 2017, 349 p.

Kummer Renate. Nicht mit Gewehren, sondern mit Plakaten wurde der Feind geschlagen! Eine semiotisch-linguistische Analyse der Agitationsplakate der russischen Telegrafagentur ROSTA. Bern, Peter Lang, 2006, 336 pp.

Исследования

Дувакин В.Д. «Окна Роста» В.В. Маяковского // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 12 т. Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1949. Т. 4. С. 29–57.

Лавинский А.М. Воспоминания о Маяковском // Творчество В.В. Маяковского. Вып. 2: Проблемы текстологии и биографии. Москва: ИМЛИ РАН, 2014. С. 487–498.

Ленин В.И. Речь на I Всероссийском учредительном съезде горнорабочих // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Москва: Изд-во полит. лит-ры, 1974. 5-е изд. Т. 40. С. 292–298.

Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961.

Новое о Маяковском. Москва: Изд-во АН СССР, 1958. С. 15–18. (Лит. наследство; т. 65).

Новый завет. Второе послание апостола Павла к Фессалоникийцам. Гл. 3, стих 10.

Полонский Вяч. Русский революционный плакат // Печать и революция. Москва, 1922. Кн. 2 (5). Апрель – июнь. С. 56–77.

Правда. 1920. 4 сент. № 195. С. 1.

References

Goldin V.I. *Grazhdanskaia voina v Rossii skvoz' prizmu let: Istoriograficheskie protsessy* [The Civil War in Russia Through the Prism of Years: Historiographical Processes]. Murmansk, MGGU Publ., 2012, 333 p. (In Russ.)

Istoriia Rossii: v 20 t. T. 12: Grazhdanskaia voina v Rossii. 1917–1922 gody. Kn. 1: Voenna i politiko-diplomaticheskoe protivoborstvo [History of Russia: in 20 Vols. Vol. 12: The Civil War in Russia, 1917–1922. Iss. 1: Military and Political-Diplomatic Confrontation]. Moscow, Nauka Publ., 2024, 969 p. (In Russ.)

Maiakovskii Vladimir. «Piatnami krasok i zvonon lozungov...»: K 105-letiiu vykhoda pervogo «Okna satiry ROSTA» [Spots of Paint and the Ringing of Slogans... To the 105th Anniversary of the First “ROSTA Satire Window”]. Moscow, Kuchkovo Pole Muzeon Publ., 2024, 256 p. (In Russ.)

Mezhdunarodnaia interventsia i Grazhdanskaia voina v Rossii i na Russkom Severe: sb. materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [International Intervention and the Civil War in Russia and on the Russian North: sb. materials of the international scientific conference]. Moscow, Fifth Rome, 2020, 368 p.

nar: nauch. konf. [International Intervention and the Civil War in Russia and the Russian North: Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow, Piaty Rim Publ., 2020, 268 p. (In Russ.)

Sakhno I.M. *Verbal'noe vs. vizual'noe: dialogi i sopriazheniia* [Verbal vs. Visual: Dialogues and Conjunctions]. «Piatnami krasok i zvonom lozungov...»: Knizhno-plakatnoe tvorchestvo Maiakovskogo [Spots of Paint and the Ringing of Slogans...: Book-Poster Creativity of Maiakovskii]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2016, pp. 29–83. (In Russ.)

Berneis E. *Propaganda* [Propaganda]. Moscow, AST Publ., 2024, 192 p. (In Russ.)

Armitage D. *Civil Wars: A History in Ideas*. New York, Knopf Publ., 2017, 349 p.

Kummer Renate. Nicht mit Gewehren, sondern mit Plakaten wurde der Feind geschlagen! Eine semiotisch-linguistische Analyse der Agitationsplakate der russischen Telegrafienagentur ROSTA. Bern etc., Peter Lang Publ., 2006, 336 p.

Duvakin V.D. «Okna Rosta» V.V. Maiakovskogo [The ROSTA Windows of V.V. Maiakovskii]. *Maiakovskii V.V. Polnoe sobranie sochinenii: v 12 t* [V.V. Maiakovskii. Complete Works: in 12 vols.]. Moscow, GIHL Publ., 1949, vol. 4, pp. 29–57. (In Russ.)

Lavinskii A.M. *Vospominaniia o Maiakovskom* [Memories of Maiakovskii]. *Tvorchestvo V.V. Maiakovskogo. V. 2* [The Work of V.V. Maiakovskii. Vol. 2]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2014, pp. 487–498. (In Russ.)

Lenin V.I. *Rech' na I Vserossiiskom uchreditel'nom s"ezde gornorabochikh. 1–6 apreliia 1920 g.* [Speech at the 1st All-Russian Constituent Congress of Miners. April 1–6, 1920]. *V.I. Lenin. Polnoe sobr. soch.* [V.I. Lenin. Complete Works], 5th ed. Moscow, Izd-vo Politicheskoi Literatury Publ., 1974, vol. 40, pp. 292–298. (In Russ.)

Maiakovskii V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [V.V. Maiakovskii. Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, Gos. izd-vo Khudozh. lit. Publ., 1955–1961. (In Russ.)

Novoe o Maiakovskom [News about Maiakovskii]. Moscow, AN USSR Publ., 1958, pp. 15–18. (Lit. nasledstvo; vol. 65). (In Russ.)

Novyi zavet. Vtoroe poslaniia apostola Pavla k Fessalonikiitsam [New Testament. Second Epistle of the Apostle Paul to the Thessalonians], ch. 3, verse 10 (In Russ.)

Polonskii Viach. *Russkii revoliutsionnyi plakat* [The Russian Revolutionary Poster]. *Pechat' i revoliutsiia* [Press and Revolution]. Moscow, 1922, vol. 2 (5), April–June, pp. 56–77. (In Russ.)

Pravda [Pravda], 1920, September 4, p. 1. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.08.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 05.09.2025.

The article was submitted 29.08.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 05.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 140–146. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 140–146. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(410.1).09"16/17"

EDN QXIXFV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-140-146>

БЛИСТАТЕЛЬНАЯ ПОРТА В АНГЛИЙСКОЙ ДРАМЕ XVI–XVII ВВ.

Зими́на Евге́ния Вита́льевна, кандидат экономических наук, доцент, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, e_zimina@kosgos.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9619-9215>

Аннотация. Расцвет Османской империи, пришедший на период правления султана Сулеймана I (годы жизни с 1494 по 1566 г.), привлекал внимание европейцев не только при жизни султана, но и в течение долгого времени после его смерти. В статье рассматривается причина появления на английской сцене драматических произведений некоторых авторов (Т. Кид, Э. Сеттл, У. Давенант, Р. Бойл, Ф. Гревиль), посвящённых наиболее трагическим моментам этого периода: казни великого визиря Ибрагима-паши и наследника османского трона шехзаде Мустафы. Помимо определённой экзотичности османов в глазах европейцев, причинами популярности подобных пьес стала демонизация османов и провозглашение торжества христианства. Несмотря на своё островное положение, Англия вместе с остальной Европой испытывала страх перед османами, поэтому пьесы приписывают победы султана его вероломному и непредсказуемому характеру, а не военному превосходству османов. Также английские драматурги проводят параллели с событиями английской истории, ставшими поворотными моментами для Англии. При этом большинство авторов не ставят целью достоверно изобразить исторические события или жизнь в султанском дворце. Авторы предполагают, что такие пьесы могли играть двойную роль: наставление правителям и пропагандистский инструмент.

Ключевые слова: английская драматургия XVI–XVIII веков, Османская Империя, демонизация османов, Сулейман I Кануни, великий визирь Ибрагим-паша, шехзаде Мустафа, дихотомия «Восток и Запад».

Для цитирования: Зими́на Е.В. Блистательная Порта в английской драме XVI–XVII вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 140–146. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-140-146>

Research Article

THE SUBLIME PORTE IN THE 16TH–17TH CENTURY ENGLISH DRAMA

Evgeniia V. Zimina, PhD in Philology, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, e_zimina@kosgos.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9619-9215>

Abstract. The peak of the Ottoman Empire development, associated with the reign of Sultan Suleiman (1494–1566), attracted Europe's attention not only during the reign, but also long after the sultan's death. The paper looks into the reason for staging plays written by T. Kyd, E. Settle, W. Davenant, R. Boyle, F. Greville and based on the most tragic episodes of the period: the executions of Ibrahim Pasha, the Grand Vizier, and Shehzade Mustafa, the heir to the Ottoman throne. Apart from regarding the Ottoman state as exotic, the playwrights demonised the Ottomans and declared the triumph of Christianity, which added to the popularity of these plays. Being an island, England, nevertheless, feared the Ottomans, that is why the plays explain Ottoman victories by the treacherous and unpredictable character of their sultan rather than by their military skill. The playwrights also draw parallels with certain turning points in the history of England. The majority of these playwrights do not aim to picture historic events or life in the sultan's palace in a realistic way. We believe that such plays played a double role: as warning to contemporary monarchs and as a propaganda tool.

Keywords: 16th–18th century English drama, Ottoman Empire, demonisation of Ottomans, Suleiman I Kanuni, Grand Vizier Ibrahim Pasha, Shehzade Mustafa, East-West dichotomy.

For citation: Zimina E.V. The Sublime Porte in the 16th–17th century English drama. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 140–146. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-140-146>

Турецкая тема была популярна в европейской драматургии вплоть до XIX в. Например, в шекспировском «Отелло» фоном для основных событий служит турецко-венецианская война, но именно фоном. Однако можно выделить ряд драматических произведений, в которых главными действующими лицами являются собственно турки-османы. Наибольший интерес у европейских драматургов вызывала эпоха правления султана Сулеймана I, и этот интерес сохранялся спустя более сотни лет с его смерти. Султан Сулейман и Блистательная Порта привлекли внимание и английских драматургов: Томаса Кида, Эльканы Сеттла, Уильяма Давенанта, Роджера Бойла, Фульке Гревилля и многих других. Персонажами пьес являются исторические личности, а именно: сам Сулейман, его законная супруга Хюррем Султан, великий визирь Ибрагим-паша (Паргалы), а также старший сын Сулеймана от наложницы Махидевран Султан, шехзаде Мустафа. Мы отобрали для анализа пьесы, посвящённые наиболее драматическим эпизодам правления Сулеймана I, а именно казни великого визиря Ибрагима-паши и казни наследника османского трона шехзаде Мустафы, так как именно в них европейцы видели наиболее пугающие проявления политики османов.

Сорокашестилетнее правление Сулеймана I (с 1520 по 1566 г.) занимает исключительное место в истории Османской империи. Его иногда называют золотым веком османов. При Сулеймане империя увеличила свою территорию и продемонстрировала военную мощь, которая позволила османам считаться одной из ведущих мировых держав того времени. Помимо этого, Сулейман I провёл ряд законодательных реформ, чем и заслужил прозвище «Кануни», то есть «законодатель». Для жителей империи роль Сулеймана как законодателя стала необычайно важной, так как устранение несоответствий между светскими законами и законами шариата закрыло лазейки для коррупции. Также следует отметить, что не всё население страны составляли мусульмане, поэтому к немусульманскому населению шариат не применялся. Следовало найти баланс между шариатом и светскими законами, что было относительно успешно выполнено, благодаря чему Сулейман считался «справедливым султаном». Термины «великолепный» и «блистательный» в отношении Сулеймана и его великого визиря Ибрагима-паши, а также «Великая Порта» или «Блистательная Порта» использовались европейскими послами для описания роскоши и мощи османов.

Дипломатические отношения между османами и англичанами установились позже, чем между османами и венецианцами, а также между османами и государствами, находившимися под влиянием Габсбургов. Однако после смерти Сулеймана I и его преемника, султана Селима II, и с началом установления Женского султаната Елизавета I проявила интерес к Ос-

манской империи как к возможному союзнику против католиков и вступила в переписку с Сафие Султан, наложницей султана Мурада III и матерью султана Мехмета III. Именно при Сафие позиции английской дипломатии в Блистательной Порте существенно укрепились. Приблизительно в это же время появились первые драматургические произведения, центральным персонажем которых стал великий визирь Ибрагим-паша. Это анонимная пьеса на латинском языке *Solymanidea Tragedia* («Трагедия Сулеймана»), написанная в Кембридже в 1581 г., пьеса Томаса Кида *The Tragedy of Soliman and Perseda* («Трагедия Сулеймана и Перседы») (1588), за которыми много позже появилась трагедия *The Siege of Rhodes* («Осада Родоса»), написанная У. Давенантом в 1656 г., и *Ibrahim, the Illustrious Bassa* («Ибрагим, Блистательный паша») (1676), написанная Эльканой Сеттлом спустя почти 140 лет после смерти Ибрагима-паши.

Также позже появились драматические произведения, посвящённые трагической судьбе Мустафы, а именно пьеса Фульке Гревилля *The Tragedy of Mustapha* («Трагедия Мустафы») (1609) и Роджера Бойла *The Tragedy of Mustapha, the son of Soliman the Magnificent* («Трагедия Мустафы, сына Сулеймана Великолепного») (1665).

Мы считаем необходимым дать краткую справку об Ибрагиме-паше, чтобы объяснить значимость его личности не только в Османской Империи, но и в Европе. Ибрагим носил прозвище Паргалы, то есть «человек из Парги», поэтому место его рождения не вызывает сомнений. Однако относительно всего остального существуют серьёзные разногласия. Несмотря на мощный бюрократический аппарат Османской империи, огромный пласт информации о жизни чиновников, гареме и даже падишахах оставался в тайне, а имеющиеся сведения основаны на субъективных впечатлениях европейских послов.

Романтизированная версия жизни Ибрагима включает его попадание на невольничий рынок, где его выкупила богатая вдова из Манисы. Она дала ему образование и научила играть на инструменте, похожем на скрипку. Игру Ибрагима услышал проезжавший Сулейман, который в то время был шехзаде (наследным принцем) и санджак-беем провинции Сарухан. Ибрагим получил должность главного сокольничего во дворце в Манисе, а когда Сулейман стал султаном, получил повышение до хассодабаши, хранителя султанских покоев, а затем, в обход существовавшей иерархии, великого визиря, женился на сестре султана и стал alter ego Сулеймана, что дало ему практически неограниченную власть и в конечном счёте привело к моральному падению, что и послужило причиной казни.

Вторая, более реалистичная версия, утверждает, что Ибрагим попал в столицу по девширме, то есть

в рамках практики изъятия мальчиков 6–8 лет из христианских семей для службы в Османской империи. Закончив дворцовую школу, он получил должность в янычарском корпусе, затем стал хранителем покоев, затем бейлербеем Румелии и только потом – великим визирем. Как и в первой версии, он получил практически неограниченную власть и был казнён за попытки отождествлять себя с султаном.

Практически все историки не согласны с версией женитьбы Ибрагима на сестре султана. Эта версия не имеет под собой никаких оснований, кроме утверждения неких послов о том, что свадьба Ибрагима длилась две недели и была такой пышной, что в народе ходили слухи, будто Ибрагим женится на сестре повелителя. Этой версии придерживался турецкий историк Исмаил Узунчаршылы, который впоследствии от неё отказался [Uzunçarşılı: 544]. Узунчаршылы основывался на работе османского историка Печеве, как отмечает Бабингер [Babinger: 176].

Однако для английских драматургов ключевым фактором был спорный момент о вероисповедании Ибрагима-паши, а вовсе не история его попадания во дворец или личность его жены. Должность великого визиря мог занимать лишь мусульманин, однако любовь паши к европейскому искусству (одним из его прозвищ было Френк, то есть «европеец») служила поводом для слухов о том, что Ибрагим втайне оставался христианином.

До Англии доходили обрывочные сведения о могущественном визире, на основе которых была написана пьеса Киды, а много лет спустя – Эльканы Сеттла.

В пьесе Киды «Трагедия Сулеймана и Перседы» Ибрагим-паша изображён под именем Эрастуса. Пьеса отходит от реальных исторических событий настолько, насколько это возможно. Эрастус – родосский рыцарь, захваченный в плен османами и получивший должность при дворе султана Сулеймана. Перседа, возлюбленная Эрастуса, следует за ним в Константинополь и попадает в плен, после чего её дарят Сулейману. Она рассказывает Сулейману о любви к Эрастусу, и он позволяет им воссоединиться. Влюблённые собираются вернуться на Родос, но один из визирей уговаривает Сулеймана избавиться от Эрастуса. Эрастуса вызывают к Сулейману и казнят. Перседа решает собрать на Родосе ополчение для похода против османов, в ходе которого погибает, но перед смертью дарит султану отравленный поцелуй, после чего султан также погибает.

Героев пьесы Киды нельзя отнести ни к одному типу турков, которые выделяет Гюльтер в текстах английских пьес: турок-экспансионист, турок-абсолютист, жестокий турок и чувственный турок [Gülter: 32–33]. Отношения Сулеймана и Перседы и месть Перседы не показывают характер османов как таковых. «Турецкая тема» раскрывается в пьесе отноше-

ниями между Эрастусом и Сулейманом и представляет собой вариацию дихотомии «Восток и Запад». Если мы можем сомневаться в религиозных убеждениях реального Ибрагима-паши, то с Эрастусом всё очевидно: он – христианин, что неоднократно подчёркивается в пьесе.

«What misery? Speak; for, though you Christians Account our Turkish race but barbarous, Yet have we ears to hear a just complaint...» [Kyd: 27] («Отчего ты печален? Говори; ведь вы, христиане, считаете нас, турок, лишь варварами. Однако наше ухо готово выслушать справедливую жалобу...»)¹.

В противовес бытующему в то время в Европе мнению, что для османов все христиане были врагами, Сулейман демонстрирует Эрастусу справедливость турок к европейцам безотносительно их веры и национальной принадлежности. Кид рассматривает Сулеймана как «законодателя», а не как «великолепного». В тексте пьесы не встречается ни одного эпизода, когда Сулейман настаивал бы на принятии Эрастусом ислама. Султан назначает Эрастуса сначала агоем янычар, а затем и своим главным советником, то есть, по сути, великим визирем.

«Aye, that, or anything thou shalt desire;
Thou shalt be Captain of our Janissaries,
And in our Council shalt thou sit with us,
And be great Soliman's adopted friend...» [Kyd: 29]
(«Да, это, или всё другое, что ты пожелаешь;
Ты будешь капитаном наших янычар,
И вместе с нами будешь ты в Совете,
И другом избранным ты станешь Сулейману»).

Здесь стоит упомянуть, что у Сулеймана, помимо сестёр, было три родных брата и сводный брат Увейс. Родные братья были убиты по приказу султана Селима Явуза, их отца, и, соответственно, отца Сулеймана. Увейс был сыном потерявшей привилегии наложницы, проживал далеко от столицы и не имел никаких намерений претендовать на трон. Возможно, что Увейс и Сулейман никогда не встречались. Сулейману не пришлось исполнять предписания закона Фатиха о престолонаследии, согласно которому взойшедший на престол султан должен был избавиться от братьев во избежание распрей. Таким образом, шехзаде Сулейман воспитывался в женском окружении, и неудивительно, что в Ибрагиме он видел самого близкого к понятию «брат» человека, с которым можно было беседовать на «мужские» темы и планировать будущее империи. Именно в этой роли и представлен Эрастус в пьесе Киды.

Эрастус получает все важные должности, причём должность главного сокольничьего Кид считает одной из главных, так как она означает, что свободное время Сулейман также проводил с Эрастусом. Кид отмечает богатые одежды и украшения Эрастуса. И в действительности Ибрагим носил исключи-

тельно дорогую одежду, причём ему была дарована привилегия носить золотой цвет [Gülter: 30]. До Сулеймана это разрешалось только членам династии. Однако отношение Сулеймана к Эрастусу меняется из-за любви Сулеймана к Перседе, которая не отвечает ему взаимностью. Здесь Кид рисует Сулеймана как крайне переменчивую натуру – он разрешает влюблённым отплыть на Родос, но затем, поддавшись наущениям советника, отзывает Эрастуса с Родоса и казнит его по обвинению в измене. Хотя Кид и отступает от исторической правды, он изображает султана вероломным. Сулейман и в пьесе, и в жизни давал Ибрагиму слово, что тот не будет казнён во время правления Сулеймана. Однако, как указывает, например, Клот [Clote], по совету шейх-уль-ислама Эбусууда эфенди он приказал убить Ибрагима, пока он, Сулейман, спит, так как, с точки зрения шейх-уль-ислама, во сне человек не живёт, а сон считается братом смерти. Несмотря на то, что Кид видит причину казни Эрастуса в ревности к Перседе, а не в моральном падении Ибрагима, он предупреждает зрителя: справедливый турок по собственной прихоти может превратиться в вероломного и жестокого, а также подверженного стороннему влиянию.

Написанная позже пьеса Давенанта «Осада Родоса» является в определённой степени переделкой пьесы Кида. Особенностью «Осады Родоса» является то, что она была написана во время Республики Кромвеля, когда многие театральные постановки были запрещены. Пьеса была поставлена благодаря специальному разрешению, которое было дано потому, что в прошении произведение описывалось как музыкальная декламация. Это позволяет назвать её первой английской оперой. В пьесе черты Ибрагима-паши приписываются то родоскому герцогу Альфонсо, то командующему османским флотом Мустафе-паше. Поскольку главной задачей Давенанта, по мнению Кэмбелла, явилось превращение трагической истории Эрастуса, Сулеймана и Перседы в благополучно заканчивающуюся оптимистичную пьесу (герцог Альфонсо и его супруга благополучно возвращаются на Родос с разрешения Сулеймана) [Campbell: 22], то можно предположить, что в тяжёлые времена Республики Кромвеля Давенант воспользовался сюжетом известной трагедии, но избавился от трагической составляющей и о мыслях от деспотичном правителе, чтобы отвлечь публику от повседневных проблем.

В данном случае «турецкая тема» служит лишь фоном, а фигура Ибрагима расплывается и становится вспомогательным персонажем. Современники Давенанта, например Драйден, не очень лестно отзывались о «пьесе-опере» [Campbell: 22], но она наряду с пьесой Кида оказала существенное влияние на пьесу Эльканы Сеттла «Ибрагим, Блистательный паша».

Сеттл также вдохновлялся французским романом с тем же названием. Роман был переведён на английский язык в 1652 г. и вместе с пьесой Сеттла является свидетельством того, что интерес к Османской империи в Европе снова стал возрастать.

Здесь необходимо дать ещё одну историческую справку. На время написания пьесы Сеттла на троне Османов находился султан Мехмет IV Авджи (Охотник), последний османский султан, при котором империя одержала сколь-либо значимые военные успехи. Однако султан Мехмет IV был продуктом «женского султаната», а его предшественниками на троне были откровенно слабые и даже умственно отсталые или психически неуравновешенные правители. Военные успехи империи достигались гением нескольких военачальников: во-первых, великими визирями династии Кёпрюлю, а во-вторых, ещё одним Ибрагимом-пашой по прозвищу Шайтан. Под командованием Шайтана Ибрагима-паши Османская армия предпринимала походы в Европу, поэтому, как часто бывает в таких случаях, проводились параллели между двумя Ибрагимами, Паргалы и Шайтаном, причём сравнение было явно в пользу первого. Удивительно, что и Шайтан Ибрагим-паша был казнён по приказу султана за ошибки в Эстергомской кампании в 1685 г. Однако на момент написания пьесы Сеттла Шайтан вёл осаду Чигирина, оказавшуюся не слишком успешной. Многие европейские правители надеялись, что это приведёт к казни паши, но после Чигирина Шайтан не потерял расположения султана. Ослабленная османская армия, тем не менее, могла наносить существенный урон Европе, поэтому османов по-прежнему боялись, хотя и отмечали начало упадка, контрастирующего с успехами другого султана и другого визиря.

В отличие от Кида, Сеттл не ставит целью показать справедливость и благородство (пусть и временные) как самого Сулеймана, так и Османского государства. На наш взгляд, Сеттл наиболее близок к историческим фактам, которые касаются появления Ибрагима в Топкапы. Это не красочная версия с Родосом и не сентиментальная история вдовы из Манисы, а вполне правдоподобная версия девширме.

В пьесе Сеттла Ибрагим выступает верным соратником Сулеймана, причём через весь текст проходит мысль о том, что Ибрагим умнее и талантливее повелителя. У Сеттла Ибрагим остаётся искренне верующим христианином, хотя мальчиков, поступивших в Дворцовую школу по девширме, обычно обращали в ислам. Однако Ибрагим покоряется судьбе с истинно мусульманским фатализмом, несмотря на то, что все его мечты рухнули: «my family destroy'd, my hopes undone» [Settle: 9] («...разрушена семья, мечтам конец»).

Сеттл рисует османов жестокими и властолюбивыми. Христианин Ибрагим противопоставляет

ся клятвопреступнику Сулейману, который отплатил своему визирю чёрной неблагодарностью. Сеттл описывает Сулеймана как «false, unkind, ungrateful Solyman» [Settle: 23] («...лживый, злой, неблагодарный Сулейман»). Ибрагим же предстаёт истинным гуманистом эпохи Возрождения в жестоком мире Османов [Vitkus: 213].

В пьесе явно прослеживаются попытки демонизировать как Османскую империю, так и любое восточное государство. Отмечаются такие качества османов, как непомерное высокомерие, страх, который они внушают европейцам, Ибрагим же, наоборот, верен как своим принципам, так и принципам Возрождения.

«But false to th'Christians cause I ne're could prove,
Nor take such Vengeance, though for injur'd Love.
<...> More I could bear, and greater wrongs o'recome,
To be the Champion-Friend of Christendom» [Settle: 9]
(«Я вере христианской изменить не смог бы,
Ни ради мести, и любви ни ради.
<...> Я вынести бы смог гораздо больше,
Чтоб защитить Христово имя»

(приблизительный перевод. – Е. З.)

В пьесе Сеттла есть и романтическая линия. Дочь Сулеймана, Астерия, влюбляется в Ибрагима и помогает ему сбежать с его возлюбленной, Изабеллой. Эта сюжетная линия призвана подчеркнуть моральные достоинства Ибрагима: он верен Изабелле. Ибрагим Сеттла прямо противопоставлен сложившемуся в Османской Империи образу Ибрагима, который высоко поднялся благодаря своим талантам, но поддался алчности и себялюбию [Al-Olaqi 2013: 40]. В Изабеллу, которая также является полностью вымышленным персонажем, влюблён Сулейман, поэтому он называет Ибрагима вором и предателем. «A Traitor! for a mean and base relieve, / Against my dang'rous Love, he stole you hence» [Settle: 43] («Предатель! Ради подлого, низменного спасения, вопреки моей опасной любви он выкрал тебя!»). Изабелла в пьесе Сеттла имеет много общего с Перседой из пьесы Кида. Таким образом, в пьесе Ибрагим представлен жертвой романтических амбиций Сулеймана. Сулейман даже прибегает к магии, чтобы приворожить Изабеллу. Этот эпизод совершенно недостоверен, так как колдовство и ислам несовместимы, но в пьесе применение магии служит доказательством того, что Сулейман готов переступить через свои религиозные убеждения. Ради Изабеллы Сулейман меняет баланс политических и религиозных сил в государстве, чем очень напоминает Генриха VIII Тюдора. В пьесе Сеттл явно критически относится к институту абсолютной монархии, что могло быть вызвано недовольством политикой Стюартов, также тяготевших к абсолютизму [Al-Olaqi 2022: 429].

Также в пьесе разрушается образ Сулеймана как верного супруга. Турецкие историки [Uzunçarşılı:

376] утверждают, что после никаха с Хюррем Сулейман оставался верен только ей. В пьесе жизнь Хюррем разрушена из-за страсти Сулеймана к Изабелле. Эта страсть приводит Сулеймана в состояние, близкое к помешательству (здесь образ Сулеймана явно дополнен образами двух недееспособных султанов эпохи «женского султаната»: Мустафы I и Ибрагима I, которые страдали от душевного расстройства). У зрителей должен был неизбежно возникнуть вопрос: может ли безумец, настолько подверженный влиянию собственных страстей, управлять огромной империей? И если именно этот султан, которого в Европе ассоциировали с понятием Блистательной Порты, так непредсказуем и жесток, что же говорить о его гораздо более слабых потомках? Сеттл стремится показать триумф христианского возмездия – в его времена это было мечтой многих европейцев, ненадолго осуществившейся в эпоху тюльпанов (1718–1730 гг.), когда Империя развернулась в сторону европейской культуры, архитектуры и науки. Сеттл ещё застал эпоху тюльпанов, так что его пьеса в определённой степени оказалась пророческой.

Если Паргалы Ибрагим-паша был у европейцев довольно популярной фигурой, то шехзаде Мустафа практически не попадал в поле их зрения. В основном, вынося суждения о Мустафе, европейцы руководствовались слухами. Известно, что шехзаде Мустафа был крайне популярен среди населения своих санджаков (сначала Манисы, позже – Амасьи), а также среди янычар [Uzunçarşılı: 618]. Мустафа как старший сын султана, доживший до зрелого возраста, являлся очевидным претендентом на османский трон после смерти Сулеймана.

До сих пор историки не нашли однозначного ответа на вопрос, что явилось причиной казни Мустафы. Некоторые полагают, что это произошло из-за подозрительности Сулеймана, которая могла быть унаследована Сулейманом от своего отца и с годами начала возрастать. Возможно, причиной является недоказанное сближение Мустафы с Персией после того, как из Манисы он был отправлен в Амасью. Известно, чем было вызвано это назначение. Сторонники версии о подозрительности Сулеймана полагают, что он хотел отправить сына, пользующегося популярностью янычар, подальше от столицы под влиянием своей супруги Хюррем [Erkoç 2008: 28], другие историки полагают [Uzunçarşılı: 625], что во времена Сулеймана граница с Персией была ближе к Амасье, чем сейчас, и Сулейману нужен был сильный губернатор в приграничных областях. С этой точки зрения назначение Мустафы в Амасью можно рассматривать не как ссылку, а как знак доверия.

Мустафа был казнён в военном лагере Эрегли, куда он прибыл по приказу султана. После этого события в войсках и народе начались волнения, за-

звучали обвинения в адрес как самого султана, так и великого визиря Рустема-паши, поддерживавшего Хюррем Султан и шехзаде Мехмета. Казнь Мустафы явилась неожиданностью как для населения Османской империи, так и для европейцев, полагавших, что на троне вскоре окажется популярный правитель.

Пьеса Гревиль «Трагедия Мустафы» была изначально задумана как произведение для чтения, но позже была переработана для постановки на сцене. Как ни парадоксально, Мустафа вовсе не является центральным персонажем пьесы. По количеству его реплики уступают репликам Сулеймана, а также важному элементу пьесы – хору. Эта пьеса – одна из трёх пьес Гревиль, где в той или иной степени поднимается «турецкая тема» (также пьесы «Монарх» и «Жизнь сэра Филипа Сидни»). Во всех трёх пьесах рассматриваются причины упадка Османской империи. Гревиль не ставил своей целью показать характер Мустафы или изучить мотивы его поведения [Erkoç 2016: 72]. Мустафа служит лишь инструментом, с помощью которого он рассматривает Османское государство. Ахмат, один из героев пьесы, видит проблему в том, что правление абсолютного монарха характеризуется гордыней и пороком.

«... This monarchie first rose by industrie; Honor held vp by vniuersall fame... Worth was not proud: authoritie was wise; And did not on her owne then tyrannize. Now own'd by humour of this dotard king... His will, his end; and Power's right euerywhere: Now, what can this, but dissolution, beare?» [Greville: 30] («... Эта монархия впервые возникла благодаря трудолюбию; честь её поддерживалась всеобщей славой... Достоинство не сопровождалось гордыней: власть была мудрой и не тиранила без причины. Теперь же она зависит от настроения дряхлого правителя... Его воля, его цель и его право власти повсюду: что же это может принести, кроме краха?»).

Гордыня толкает Сулеймана к нарушению закона о престолонаследии, на котором держится успешная передача власти в Империи. Первый хор описывает характер Сулеймана как «disproportioned humours» [Greville: 70] («непомерные амбиции»; отметим также, что слово 'humour' также может значить «нрав», поэтому многозначность лексики помогает описать Сулеймана как неуравновешенного правителя).

Вторую причину упадка Империи Гревиль видит в чрезмерном разрастании государства вследствие применения военной силы. Здесь Гревиль, несомненно, опирается на идеи Ноллеса, который утверждал, что османы нарушают принципы свободного выбора народов, из-за чего им становится трудно удерживать отдалённые территории [Knolles: 103]. Более того, успехи на поле боя приводят к той же самой гордыне и чувству собственной неуязвимости.

Очевидно, Гревиль ставил своей целью продемонстрировать, как амбициозные правители ведут государство к разрушению, поэтому он мало задумывается о том, что Мустафа, если бы он взошёл на престол, не отличался бы от своих предшественников. Пьеса Гревиль была написана в начале проблемного правления Стюартов, тяготеющих к абсолютизму, поэтому можно предположить, что она служит своего рода предупреждением или назиданием правящим кругам. Это косвенно подтверждается и тем, что изначально пьеса предназначалась лишь для чтения.

Пьеса Бойла «Трагедия Мустафы» написана в 1665 г. и показывает соперничество между Сулейманом и Мустафой, которые оба влюблены в венгерскую королеву Изабеллу. Бойл совершенно не стремится приблизить пьесу к историческим событиям. Ни даты, ни отношения между героями не имеют ничего общего с исторической правдой. Основной акцент делается на влюбчивости Сулеймана. Однако в пьесе есть очень важный эпизод, когда зритель понимает, что не только соперничество из-за женщины стало причиной разлада между отцом и сыном.

«And he, even in my Camp, my powir control
I ruling but their bodies, he their souls» [Boyle: 31].

(«И даже здесь, в военном лагере моём,
Я властвую лишь над их телами, он – над их душами»).

Сулейман признаёт, что потерял влияние на армию, которая теперь душой предана Мустафе.

Проанализировав вышеперечисленные пьесы мы, таким образом, приходим к следующим выводам:

1. Эпоха Султана Сулеймана представляла интерес для английских драматургов и во время правления султана, и после неё, когда у власти находились значительно более слабые султаны. Это объясняется тем, что военная угроза Европе, исходящая от османов, была по-прежнему значительной, а дипломатические и деловые отношения устанавливались с большими трудностями. «Демонизация» османов помогает в определённой степени оправдать военные неудачи европейцев.

2. Во всех английских пьесах об Ибрагиме и Мустафе прослеживается определённая мысль: мощь османов была основана на вероломстве, а прихоти правителя вели к уничтожению благородных героев – Ибрагима и Мустафы, хотя следует отметить, что Мустафа показан относительно безлико, и его персонаж служит лишь инструментом для демонстрации непредсказуемости и зависти со стороны отца. При этом правитель в пьесах часто оказывался подверженным влиянию своих советников, их лжи и наветам. Султан мог отойти от принципов шариата в угоду своим страстям. Соответственно, Порта изображалась как непредсказуемый институт, всецело зависящий от настроения султана.

3. Авторы пьес вольно или невольно проводили параллели с историей собственной страны, например

с Генрихом Восьмым, который изменил баланс религиозных сил в Англии в угоду своей страсти.

4. Также по возможности показывалось торжество христианства над исламом, что в период религиозных распрей в самой Англии, несомненно, служило призывом к единению всех христиан перед лицом более опасного и вероломного врага. Ибрагим-паша показан как христианский мученик во враждебном мире, и в его лице «цивилизованный» христианский Запад противостоит вероломному Востоку.

5. Образы Сулеймана, Ибрагима и Мустафы в английских пьесах полностью противоположны образам этих персонажей в Османской империи, а затем и в современной Турции.

Примечания

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

Список литературы

Источники

Boyle Roger. The Tragedy of Mustapha, the son of Solymann the Magnificent, 1665. URL: https://books.google.ru/books?id=sE5rgmDNGWgC&printsec=frontcover&redir_esc=y&hl=ru#v=onepage&q&f=false

Davenant William. The Siege of Rhodes, 1656. URL: http://www.operalib.eu/zpdf/siegerhodes_bn.pdf

Greville Fulke. The Tragedy of Mustapha, 1609. URL: <https://archive.org/details/tragedyofmustaph00grev>

Kyd Thomas. The Tragedy of Soliman and Perseda, 2008. London, Lulu.com, 104 p.

Settle Elkanah. Ibrahim the illustrious Bassa. A tragedy, 1677. URL: https://archive.org/details/bim_early-english-books-1641-1700_ibrahim-the-illustrious-settle-elkanah_1677/page/16/mode/2up?q=Traytor

Исследования

Al-Olaqi Fahd M. A Christian hero in the Ottoman Palace. *Trames*, 2022, vol. 26 (76/71), no. 4, pp. 427–441.

Al-Olaqi Fahd M. The Oriental Other: Soliman the Magnificent in Kyd's "Soliman and Perseda". *Trames*, 2013, vol. 17, no. 1, pp. 35–54. <https://doi.org/10.3176/tr.2013.1.02>

Babinger Franz. Osmanlı tarih yazarları ve eserleri. Ankara, Kültür Bakanlığı Yayınları, 1992, 502 p.

Campbell Killis. The Source of Davenant's Albion. *The Journal of Germanic Philology*, 1902, vol. 4, no. 1, pp. 20–24.

Clot Andre. Suleiman the Magnificent. London, Saqi books, 2012. [Epub Version].

Erkoç Seda. Dealing with Tyranny: Fulke Greville's Mustapha in the Context of His Other Writings and of His View on Anglo-Ottoman Relations. *Osmanlı Araştırmaları*, 2016, no. 47, pp. 265–290. <https://doi.org/10.18589/oa.582985>

Erkoç Seda. Repercussions of a Murder: the Death of Sehzade Mustafa on the Early Modern English stage. Budapest, Central European University, 2008, 93 p.

Gülter Işın Şahin. The Image of Ibrahim Pasha in Early Modern English drama: Thomas Kyd's The Tragedy of Soliman and Perseda. *Gaziantep University Journal of Social Sciences*, 2019, vol. 18, no. 1, pp. 29–38. <https://doi.org/10.21547/jss.443926>

Knolles Richard. The Generall Historie of the Turkes, 1603. URL: <https://archive.org/details/dli.ministry.02270>

Uzunçarşılı İsmail. Osmanlı Tarihi II. Cilt: İstanbul'un Fethinden Kanunî Sultan Süleyman'ın Ölümüne Kadar. Ankara, Türk Tarih Kurumu, 2011, 793 p.

Vitkus Daniel J. Turning Turk: English Theatre and the Multicultural Mediterranean, 1570–1630. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2002, 258 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-137-05292-6>

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 08.09.2025; принята к публикации 09.09.2025.

The article was submitted 25.08.2025; approved after reviewing 08.09.2025; accepted for publication 09.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 147–151. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 147–151. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(44).09"19"

EDN TLPYAB

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-147-151>

ВОСТОК КАК «ЧУЖОЙ» В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ В. ГЮГО

Шапошникова Василиса Ивановна, соискатель, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, vasilisa-16@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена осмыслению образа Востока как «чужого» в поэтическом творчестве В. Гюго на примере сборника «Восточные мотивы» (1829). Вопрос о «чуждости» Востока исследуется в контексте влияния ориентализма и политических событий, предшествующих написанию сборника. Прослеживается, как Восток становится не только «другим» по отношению к читателю, но и «чужим». Анализируются образы лирических героев, одни из которых совершают выбор между Западом и Востоком, а другие представляются угнетателями. При анализе произведения используется концепция диалога культур М.М. Бахтина и критика европейского ориентализма Э. Саида. Рассматривается образ восточной женщины, на примере которого автором показаны обычаи Востока. Делается вывод о том, что «чуждость» Востока в произведении обусловлена событиями Греческой войны за независимость от Османской империи (1821–1829), несовпадением культурных ценностей Запада и Востока и стереотипизированным под влиянием ориентализма образом Востока.

Ключевые слова: французская литература XIX в., Виктор Гюго, романтизм, ориентализм, «чужой» в литературе, «другой» в литературе, диалог культур.

Для цитирования: Шапошникова В.И. Восток как «чужой» в поэтическом творчестве В. Гюго // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 147–151. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-147-151>

Research Article

THE ORIENT AS “THE OTHER” IN VICTOR HUGO’S POETRY

Vasilisa I. Shaposhnikova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, vasilisa-16@yandex.ru

Abstract. This article deals with the interpretation of the Orient as The Other in Victor Hugo’s poetry, namely in his collection of poetry “Les Orientales”. The issue of alienation of the East is dissected through the lenses of orientalism’s influence on contemporary culture, as well as contemporary political climate. It shows how the Orient becomes not only “The Other” from the reader’s point of view, but also “Alien”. The article analyses figures of lyrical heroes, with some of them having to choose between the East and the West, and others being shown as oppressors. To support the analysis, the article relies on Mikhail Bakhtin’s theory of cultural dialogue and E. Said’s criticism of European orientalism. The article analyses the image of Oriental woman, which is used to show Oriental customs. The article concludes that the Orient’s otherness in Hugo’s poetry collection is due to the Greek War of Independence from the Ottoman Empire, cultural differences between the East and the West, and stereotyped, under the influence of orientalism, image of the Orient.

Keywords: 19th century French Literature, Victor Hugo’s poetry, Romanticism, Orientalism, “other one” in literature, “stranger” in literature, Dialogue of Cultures.

For citation: Shaposhnikova V.I. The Orient as “The Other” in Victor Hugo’s poetry. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 147–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-147-151>

В поэтическом творчестве Виктора Гюго тема Востока сосредоточена преимущественно в сборнике «Восточные мотивы» [Гюго 1: 365–426]. Исследуемый текст относится к раннему этапу творчества писателя; работу над отдельными стихотворениями он начал в 1825 г., а целиком сборник был опубликован через четыре года. Интерес молодого Гюго к Востоку был обусловлен не только модой на экзотику и восточную тематику, распространенной в то время в Европе, но и политическими факторами – Греческой войной за независимость от Османской империи (1821–1829). В «Восточных мотивах» часто упоминается Стамбул и различные турецкие крепости и порты. Так, в сборнике Гюго под Востоком понимается прежде всего Османская империя.

Греческая война за независимость от Османской империи стала объектом пристального внимания демократически настроенных европейцев, в том числе французов. Греция виделась им как часть западного и христианского мира, угнетаемая турками-мусульманами. Восстание греков отражало их экзистенциальный выбор, уход из восточного мира в западный. Религиозный конфликт между воюющими сторонами определял для европейцев восприятие греческого восстания как освободительной и правильной, праведной войны. Восток, представляемый в данном тексте Османской империей, заведомо был враждебен и чужд французскому читателю как нехристианский и агрессивный по отношению к западному миру.

При работе над «Восточными мотивами» Гюго был ограничен сравнительно небольшим количеством исследований восточной культуры и литературы, однако именно в тот период стали появляться первые прямые переводы восточной литературы на французский язык без языков-посредников. Одним из известных французских востоковедов был Эрнест Фуине (1799–1845), который исследовал восточные языки, интересовался арабской поэзией и переводил на французский язык образцы арабской и персидской литературы. По свидетельству Антуана Лапорта, именно через его переводы Гюго познакомился с арабской и персидской литературой, отсылки к которым содержатся в «Восточных мотивах» [Laporte: 567]. Безусловно, французскому писателю был известен средневековый персидский поэт Саади, поскольку перед стихотворениями «Пленница» и «Ноябрь» читатель находит эпиграфы из его поэмы «Гулистан» [Саади: 8–397]. При этом Гюго создает свой собственный образ Востока, основанный не на текстах восточной литературы, а скорее на политических взглядах демократической части французского общества.

Для французского читателя, который знакомился со сборником Гюго, Восток был заведомо «другим». Европейский мир ведет диалог с «другим» –

с восточным миром. На страницах сборника диалог происходит через лирических героев; чаще всего лирический герой «Восточных мотивов» – молодой мужчина, сражающийся за освобождение Греции. М.М. Бахтин, разработавший концепцию диалога культур, полагал, что человеческое сознание диалогично и формируется во взаимодействии с другими. Он считал, что познать любую культуру можно только через диалог с «другим», поскольку такой диалог ведет не только к пониманию чужой культуры, но и к более глубокому пониманию своей: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [Бахтин: 354]. Так, по мысли М.М. Бахтина, любая культура представляет собой открытое пространство, в котором происходит межкультурная коммуникация. Именно такой процесс и происходит в «Восточных мотивах»: лирические герои сборника осознают, что восточная культура для них является чужой, и стремятся обрести независимость от нее. Греческие борцы за независимость призывают объединиться с христианским миром; восточные обычаи и мусульманские ценности представлены жестокими и чуждыми лирическим героям Гюго, которые в основном являются христианами. При этом среди ярких лирических героев сборника встречаются женщины-турчанки, которые тоже страдают от угнетения. Их образы вызывают сочувствие у европейского читателя. Так, через инаковость и чуждость восточных законов подчеркиваются близкие автору и французским читателям демократические и христианские ценности.

Под востоком у Гюго понимается прежде всего Османская империя, однако восточный мир в его произведении кажется единым, а не разделенным на отдельные государства. Ввиду моды на ориентализм и недостатка востоковедческих знаний, современники Гюго воспринимали каждую восточную культуру не отдельно, а совокупно, в результате чего формировался выдуманный образ экзотического Востока. В дальнейшем этот подход был раскритикован американским ученым арабского происхождения Эдвардом Саидом в монографии «Ориентализм». Согласно мысли Саида, Восток в европейском сознании предстает ярким образом «другого» и в связи с этим обрастает неверными представлениями и стереотипами. По мысли Саида, европейский взгляд на Восток является взглядом колонизатора, в связи с чем колонизированные народы представляются европейцам вторичными по отношению к колонизаторам. Франция, имевшая большие колонии в Африке, к моменту публикации сборника «Восточные мотивы» еще не обладала территориями мусульманского Алжира –

это произошло через год, в 1830 г. Более того, первая колониальная империя Франции уже была разрушена в связи с Гаитянской революцией 1804 г., отсылки к которой присутствуют в раннем произведении Гюго «Бюг-Жаргаль» (1818). Однако большой опыт колонизации нехристианских народов формировал французский взгляд на них как на заведомо чужих европейскому миру. Согласно теории Саида, коренное население колонии являет собой «другого» низшего порядка, доминирование над которым кажется колонизатору естественным и правильным. При этом предполагается, что с установлением своей власти колонизатор приобщает местное население к цивилизации, что ведет к дегуманизации «другого».

В «Восточных мотивах» Гюго Восток является не только «другим», но и «чужим» по отношению к Западу. Чуждость Востока Западу обуславливается также политическими и религиозными различиями. Пространство в «Восточных мотивах» четко локализовано: прежде всего, это Османская империя и ее столица – Стамбул. Будучи поэтом-романтиком, Гюго не отрицает красот восточной природы и городов, но подчеркивает чуждость этого пространства для большинства лирических героев стихотворений сборника. Во многих стихотворениях цикла встречается описание Стамбула как красивого, но мрачного и жестокого города. Так, в стихотворении «Головы в серале» Стамбул описывается как «безмолвный» и затмевающий луну город:

Le dôme obscur des nuits, semé d'astres sans nombre,
Se mirait dans la mer resplendissante et sombre;
La riante Stamboul, le front d'ombres voilé.
Semblait, couchée au bord du golfe qui l'inonde,
Entre les feux du ciel et les reflets de l'onde,
Dormir dans un globe étoilé [Hugo: 33]¹.
(Как будто гениев полуночных отряды
Воздвигли в воздухе безмолвные громады
Гаремов и дворцов, что в сон погружены,
Лазурных куполов, что с небом спорят цветом,
Где полумесяцы, блестя по минаретам,
Как бы затмили блеск луны) [Гюго 1: 368].

Слово «obscur», использованное автором, усиливает мрачность Стамбула, поскольку во французском языке оно обозначает не только мрачность и темноту, но и полную тьму. На фоне этих прекрасных, но мрачных видов Стамбула во дворце происходит жестокий праздник:

Le sérail!... Cette nuit il tressaillait de joie.
Au son des gais tambours, sur des tapis de soie,
Les sultanes dansaient sous son lambris sacré,
Et, tel qu'un roi couvert de ses joyaux de fête,
Superbe, il se montrait aux enfants du prophète,
De six mille têtes paré! [Hugo: 34]
(Сераль!.. Сегодня он дрожит от ликования.
На шелковых коврах под гром и завыванье

Флейт, барабанов, труб – султанш веселый пляс:
Дворец, как властелин, дарующий широко,
Шесть тысяч подарил поклонникам пророка
Голов, отрубленных зараз) [Гюго 1: 369].

Согласно авторскому примечанию, речь идет о торжестве в день смерти Канариса, греческого борца за независимость. Под пророком (prophète) подразумевается не какой-либо христианский пророк, а пророк Мухаммед, имеющий большое значение для мусульман, что подчеркивает различие между западными читателями и восточным миром.

В стихотворении «Пленница» («La Captive») мы находим еще более резкое противопоставление двух культур, восточной и западной; лирическая героиня стихотворения родом из другой страны, ей чужд восточный мир, в котором она пребывает:

Je ne suis point tartare
Pour qu'un eunuque noir
M'accorde ma guitare,
Me tienne mon miroir.
Bien loin de ces Sodomes,
Au pays dont nous sommes,
Avec les jeunes hommes
On peut parler le soir [Hugo: 77].
(Я родилась в нагорной,
Далёкой стороне,
И этот евнух чёрный
Постыл и страшен мне.
На воле, не в серале,
Росли мы без печали
И юношам внимали
Свободно в тишине) [Гюго 1: 380].

Обратим внимание на утраченное в русском переводе слово «Sodomes» – Содомы, которое несет в себе отсылку к Библии и придает еще более негативный оттенок восточному сералю, чуждому лирической героине. Подразумевается, что она находится в серале не по своей воле, что ее похитили и привезли из другой страны. Поскольку сборник «Восточные мотивы» посвящен Греческой войне за независимость, можно предположить, что героиня является гречанкой-христианкой и, соответственно, принадлежит западному миру, поэтому Восток ей чужд. Мотив несвободы здесь приобретает и романтический характер – героиню угнетают и держат в неволе, её забрали с родины, она стремится на волю. Угнетателем в данном случае выступает Восток как враждебный мир, в котором оказывается героиня.

Гюго был не первым, кто сформировал романтический образ восточной женщины: предтечей этого образа, пропитанного восточной экзотикой, послужила поэма Байрона «Дон Жуан», вышедшая за десять лет до «Восточных мотивов». В строфе 72 седьмой песни Байрон через уста британского офицера называет двух турчанок бедными созданиями, имея

в виду их судьбу в мусульманском мире за оказанную пленным христианам помощь в побеге. В последующей строфе формируется внешний образ-тип турчанки: лукавые глаза и боязнь межкультурного контакта, превышавшего страх самого султана пред Аллахом.

Красочный типаж молодой девушки, страдающей от жестоких порядков Востока, представлен, например, в стихотворении «Чадра» («Le voile»). Эпиграфом к нему служит реплика Отелло из трагедии Шекспира: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» [Шекспир 3: 342]. Эти широко известные слова, произнесённые Отелло перед убийством Дездемоны, придают стихотворению трагический дух и кратко передают его сюжет: девушку, которая приподняла чадру, убивают братья, чтобы смыть позор. Стоит отметить, что решение Гюго использовать строчку из «Отелло» явно не случайно и обусловлено сюжетом пьесы, где европейку Дездемону убивает мавр Отелло. Вопрос расовой принадлежности Отелло остается открытым, поскольку маврами в елизаветинскую эпоху могли называть и африканцев, и арабов, и индийцев, однако Отелло явно представлен как «чужой», отличный от других героев. Таким образом, в произведении Шекспира «западная» невинная героиня трагически погибает от руки «восточного» мужчины.

В стихотворении Гюго множество слов, усиливающих впечатление насилия и преступления – «кровь», «кинжал», «пощады», «смерть». Просматриваются романтические черты: лирическая героиня угнетаема жестокими законами и чувствует неизбежность трагического конца, нависший над ней рок:

Vous faut-il du sang? Sur votre âme,
Mes frères, il n'a pu me voir.
Grâce ! tuez-vous une femme,
Faible et nue en votre pouvoir? [Hugo: 88]
(Ужель меня постигнет рок?
Вам крови надо? О, за что же?
Клянусь, меня не видел он!
Ужель сестру убить без дрожи
Жестокий вам велит закон?) [Гюго 1: 385].

Сама чадра выступает символом смерти – один из братьев после убийства сестры говорит: «этой не поднять тебе чадры вовек!», и таким образом лирическая героиня остаётся пленницей жестоких законов и самой чадры. Во французских текстах Гюго для обозначения мусульманского покрывала используется слово «le voile». Это слово достаточно многозначно, оно может обозначать и европейскую женскую вуаль, и различные виды женской мусульманской одежды, закрывающей тело и лицо. Это же слово Гюго использует и в стихотворении «Купальщица Зара». Одна из главных черт Зары – стыдливость, девушка боится, что кто-то увидит её, пока она купается. Стоит обратить внимание на строфы:

Et rouge, pour une mouche
Qui la touche,
Comme une grenade en fleur [Hugo: 126].
(Пролетит ли шмель над нею, –
Вспыхнет, рдея,
Как гранатовый цветок) [Гюго 1: 395].

Здесь мы видим мотив, противоположный мотиву, присущему классической восточной поэзии: в восточной лирике обычно говорится о том, как цветы, солнце, люди, животные смущаются от красоты героини, а не она сама – лирическая героиня классической газели не испытывает смущения или стыдливости. Приведем в качестве примера бейт из газели Саади [Антология: 353]:

Воображение людей тобой поражено,
И говорливый мой язык немеет пред тобой.

Лирическая героиня Саади не смущается, а сама смущает; этот мотив – один из ведущих в классической восточной поэзии. Другой яркий пример из газели Саади [Антология: 357]:

Коль с лица покров летучий ты откинешь, моя луна,
Красотою твоею будет слава солнца посрамлена.

Лирическая героиня Гюго, наоборот, боится остаться без покрывала:

Car c'est un astre qui brille
Qu'une fille
Qui sort d'un bain au flot clair,
Cherche s'il ne vient personne,
Et frissonne,
Toute mouillée au grand air [Hugo: 126].
(Как прекрасное виденье,
Остановится, – но вдруг
На мгновение
Затрепещет влажным телом –
И несмело
Озирается вокруг) [Гюго 1: 395].

Можно сделать вывод, что восточные девушки делились европейцам-романтикам пугливыми и стыдливими, находящимися во враждебном пространстве Востока, в то время как в классической восточной поэзии их образ был полностью противоположным.

Угнетённость, зависимость одних социальных групп от других в целом интересовала Гюго – этому посвящены его большие романы, например «Отверженные», где тема эксплуатации становится центральной. В сборнике «Восточные мотивы» женщина Востока предстаёт пленницей, угнетаемой мусульманскими традициями. Романтический образ восточной женщины раскрывается на фоне восточной экзотической природы и характеризуется несвободой несчастной девушки.

Сборник Гюго пронизан прежде всего мотивом свободы. Это обусловлено политическими взглядами автора, поскольку «Восточные мотивы» создавались во время войны Греции за независимость, за ходом

которой пристально наблюдали французы, занимая сторону Греции. Для Гюго крайне важен мотив свободы во всех его проявлениях; будучи демократом, он говорил о важности свободы как политической, так и литературной, считая их одним целым: «Литературная свобода – дочь свободы политической. Этот принцип есть принцип века, и он восторжествует». Под литературной свободой подразумевался отказ от рамок классицизма и переход к романтической поэзии, а под политической свободой в данном сборнике имеется ввиду выбор Греции стать независимым государством.

В «Восточных мотивах» Запад и Восток противопоставлены друг другу и не могут быть едины из-за отсутствия демократической формы правления в восточных странах, в данном случае – в Османской империи. Показывая инаковость и чуждость восточных обычаев французскому читателю, Гюго подчеркивает европейские ценности. Так, греки в сборнике представлены угнетаемыми османами, которые навязывают им чуждые христианскому миру правила. Поэтому для греков война с турками была не только территориальным конфликтом, а осознанным переходом из восточного мусульманского мира в западный христианский. В связи с этим экзистенциальным противостоянием Восток воспринимается не только как «другой», но и как «чужой», то есть враждебный западному миру.

Примечания

¹ Здесь и далее тексты на французском языке.

Список литературы

Источники

Антология классической восточной поэзии / сост. Х.Г. Короглы. Москва: Высшая школа, 1991. 799 с.

Байрон Дж.Г. Дон Жуан / пер. Т. Гнедич. Москва: Художественная литература, 1964. 624 с.

Гюго В. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 1. Стихотворения: пер. с фр. / под ред. В.В. Николаева, А.И. Пузикова, М.С. Трескунова. Москва: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1953. 597 с.

Саади. Гулистан / пер. с фарси Р. Алиева, А. Старицина. Санкт-Петербург: Вита нова, 2019. 400 с.

Шекспир В. Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 3 / пер. с англ. П. Вейнберга. Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1903. 595 с.

Hugo V. Les Orientales. Paris, Hachette, 1959, 180 p.

Исследования

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. 445 с.

Саид Э. Ориентализм / пер. К. Лопаткиной, науч. ред. А.Р. Ихсанов. Москва: Современная критическая мысль, 2021. 560 с.

Толмачев М.В. Свидетель века Виктор Гюго. Москва: Правда, 1988. 295 с.

Besson A. Victor Hugo: Vie d'un géant. Paris, France Empire, 2001, 456 p.

Laporte A. Bibliographie contemporaine: histoire littéraire du dix-neuvième siècle en volumes. Paris, F. Vieweg, 1888, v. 8, 690 p.

References

Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, 445 p. (In Russ.)

Said E. *Orientalizm* [Orientalism], trans. by K. Lopatkina, ed. by A.R. Ikhsanov. Moscow, Sovremennaya kriticheskaya mysl' Publ., 2021, 560 p. (In Russ.)

Tolmachev M.V. *Svidetel' veka Viktor Gugo* [Witness of the century Victor Hugo]. Moscow, Pravda Publ., 1988, 295 p. (In Russ.)

Besson A. Victor Hugo: Vie d'un géant. Paris, France Empire, 2001, 456 p. (In French)

Laporte A. Bibliographie contemporaine: histoire littéraire du dix-neuvième siècle en volumes. Paris, F. Vieweg, 1888, v. 8, 690 p. (In French)

Статья поступила в редакцию 04.07.2025; одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 04.07.2025; approved after reviewing 11.07.2025; accepted for publication 03.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 152–156. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 152–156. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(469).09"20"

EDN WJRHCN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-152-156>

К ВОПРОСУ О МИСТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОРТОНИМНОЙ ЛИРИКИ ФЕРНАНДУ ПЕССОА

Овчаренко Ольга Александровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, olgaimli@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается ортонимная лирика великого португальского поэта Фернанду Пессоа, долгое время оставшаяся в тени его гетеронимного наследия. С юности писатель увлекался такими оккультными науками, как алхимия, астрология, толкование Таро, изучение старинных пророчеств. Помимо того, что эти науки во многом определили мировоззрение писателя, они стали для него орнаментальным мотивом, придавшим глубину его стихотворениям, в частности циклу «Послание». В статье анализируются такие произведения, как «Инициация», циклы «У гроба Кристиана Розенкрейца» и «Путь на Голгофу», «Под сенью горы Абиегно». Доказывается, что мистическая составляющая во многом определила творческий облик поэта и придала неповторимое обаяние его произведениям вплоть до его шедевра – стихотворного цикла «Послание». В статье отмечается, что мистическая составляющая явилась неотъемлемой частью духовного мира поэта.

Ключевые слова: мистика, лирика, Пессоа, философские взгляды, инициация.

Для цитирования: Овчаренко О.А. К вопросу о мистической составляющей ортонимной лирики Фернанду Пессоа // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 152–156. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-152-156>

Research Article

ON THE PROBLEM OF MYSTICAL COMPONENT OF HETERONYMIC LYRICS BY FERNANDO PESSOA

Olga A. Ovcharenko, DSc in Philology, Leading researcher, Institute of World Literature named after A.M. Gorky of the Russian Academy of Sciences, olgaimli@yandex.ru

Abstract. The author of the article considers a part of poetical heritage of a great Portuguese poet Fernando Pessoa which for much time was standing apart from philological investigation because of his heteronimical poetry. From his youth he had been interested in such occult sciences as alchimie, astrology, Tarot interpretation, the study of old prophecies. Besides the fact that these sciences greatly determined Fernando Pessoa's worldview, they represent the ornamental motive of his lyrics, "The Message" in particular, giving it the spiritual depth. The article analyses such poems as "Initiation" poetic cycles "Near Christian Rosencreutz' Tomb" and "Steps of the Cross", "Near the Mountain of Abiegnio". The author proves that occult lyrics is an integral part of Fernando Pessoa's artistic heritage.

Keywords: mysticism, lyrics, Pessoa, philosophical views, initiation.

For citation: Ovcharenko O.A. On the problem of mystical component of heteronymic lyrics by Fernando Pessoa. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 152–156. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-152-156>

Великий португальский писатель Фернанду Антониу Нугейра Пессоа (1888–1935) долгое время рассматривался в Португалии (а за ней – и в нашей стране) как творец исключительно гетеронимной лирики. Гетеронимами Пессоа называл выдуманных им писателей (в основном поэтов), от имени которых он создавал стихи. Пессоа постарался наделять каждого из них своей индивидуальностью, каждому придумал словесные портреты, составил гороскопы, от имени многих писал статьи, а иногда застав-

лял гетеронимов вступать в полемику друг с другом. Это была попытка моделировать литературный процесс в Португалии, представлявший Пессоа недостаточно многообразным. Истинное количество гетеронимов, по-видимому, не подлежит исчислению, поскольку расщепление сознания Пессоа не всегда было полным и отсюда происходит введение такого понятия, как полугетероним. Но наиболее яркими гетеронимами были три поэта: сенсационист (то есть, по терминологии Пессоа, человек, доверяю-

щий только собственным ощущениям) Алберту Кайру, стоик и эпикуреец Рикарду Рейш, создававший стихи в античном вкусе, и футурист Алвару де Кампуш. Их имена и отрывки из их стихотворений выбиты на памятнике Пессоа в лиссабонском Монастыре иеронимитов, где поэт похоронен недалеко от могил Васко да Гамы и Камознса.

Со временем, однако, стало ясно, что не менее важной, чем гетеронимная, является ортонимная (то есть написанная поэтом от своего имени) часть наследия Фернанду Пессоа. Этому способствовало изучение его стихотворного цикла «Послание», явившегося главным его произведением, и его прозы. От Пессоа до нас дошла «Книга непокая», писавшаяся им всю жизнь и так и оставшаяся неопубликованной, и масса набросков и заметок, найденных после его смерти в его так называемом сундуке, аналоге знаменитой наволочки Хлебникова. Именно изучение этих документов пролило свет на духовные приоритеты Пессоа и помогло выработать более современное прочтение его произведений. В настоящее время мы работаем над монографическим исследованием творчества Пессоа, в котором будут освещены проблемы исторической судьбы Португалии, как она видится в сборнике «Послание», гетеронимии и ортонимии в творчестве поэта, трагизма «Книги непокая», мистической составляющей его творчества. Однако до сих пор часть сочинений Пессоа остается неопубликованной, о композиции других ведутся споры, и многие материалы пока остаются за пределами научного обихода.

Мистическая проблематика интересовала Пессоа всю жизнь. Это объясняется многими причинами. Пессоа, как известно, зарабатывал на жизнь переводами. Ему довелось переводить многих теософских авторов. Интерес к мистицизму отличал некоторых его родственников, в частности тетюшку Анику и генерала Энрике Розу. Но думается, что главной причиной обращения Пессоа к мистицизму было его стремление создать стихотворный цикл «Послание», иногда именуемый поэмой. Пессоа хотел создать народную книгу, «Лузиады» XX в. Выражением народного духа Пессоа считал себаштианизм – предания о том, что португальский король дон Себаштиан не погиб в битве при марокканском городе Алкасер-Кибире, а был перенесен неведомыми силами на заколдованный остров, откуда он придет в трудный для Родины час ей на подмогу. Но откроется он своему народу не сразу, а какое-то время будет существовать как Сокрытый (одно из наименований дон Себаштиана).

«С доном Себаштианом, – писал Пессоа, – погибло величие Родины. Если она вернет себе это величие, это будет означать фактическое, реальное, а не символическое возвращение дон Себаштиана» [Pessoa III: 688].

Стихотворный цикл «Послание», переведенный нами на русский язык, создавался Пессоа всю жизнь (1913–1935), существенной его частью являются медальоны, посвященные выдающимся деятелям португальской истории. Но интересно, что каждому из деятелей отведено в основном по одному стихотворению, в то время как королю дону Себаштиану посвящено целых шесть («Дон Себаштиан. Король Португалии», «Последний корабль», «Дон Себаштиан», «Пятая империя», «Желанный», «Сокрытый»). Пессоа надеялся через эту мистическую легенду стать ближе к психологии португальского народа.

Надейтесь! Пусть на чуждом берегу
Я пал и сном божественным забылся,
Такого сна Бог не дал бы врагу
И все сам бы в нем не воплотился.

Что смерть, невзгоды, берег отдаленный,
Раз сам Господь от бед меня хранит!
Я в Нем забылся, Им ко сну склоненный,
И с Ним приду, когда он повелит [Пессоа: 59].

Пессоа был выразителем идеи португальского мессианизма и мечтал о Пятой Империи – едином всемирном государстве, империи культуры, которое будет создано под эгидой Португалии, и эти идеи пронизывают собой «Послание».

Рассветом робким Пятая Империя
Просторы Тежу тихо озаряет [Пессоа: 67].

Кроме того, Пессоа интересовался пророчествами португальского предсказателя Гонсалу Анеша Бандарры (ок.1500–?), поэта и пророка из города Транкозу, автора куплетов-пророчеств, от которых он был вынужден отречься по приговору инквизиции. Бандарра также предрекал приход короля – спасителя нации. В дальнейшем его пророчества были продолжены его самозванными продолжателями, но Пессоа интересовался и ими, видя в них выражение духа португальского народа. «Бандарра – это коллективное лицо, – полагал португальский поэт. – Истинным покровителем нашей страны является сапожник Бандарра. Нам следует предпочесть Фатиму Транкозу. Этот скромный сапожник из Транкозу является одним из наших духовных руководителей, одним из факторов нашей независимости, одним из стимулов наших имперских чувств... Бандарра – это вечный символ того, что народ думает о Португалии.

Пусть Португалия осознает себя самое. Пусть откажется от всего ей чуждого. Откажется от Рима с его религией и доверится собственной душе. В ней она найдет традицию рыцарских романов, в которой, в большей или меньшей степени, отразилась тайная традиция христианства... поиски святого Грааля... Глас народа, однако, никогда не звучал так громко, как в словах Бандарры... Нам не надо иностранцев... Если в нашей стране должна быть религия, надо из-

влекать ее из нашего патриотизма. К счастью, у нас есть эта религия – себаштианизм» [Pessoa III: 624–625].

Это же относится и к воспетому в «Послании» классика португальской и бразильской литератур пাদре Антониу Виейре, также бывшему видным себаштианистом, выразившим, по мнению Пессоа, наряду с Бандаррой, дух португальского народа.

Кроме того, Пессоа с юности интересовался оккультными науками и учениями: теософией, астрологией, алхимией, толкованием старинных пророчеств, особенно Бандарры, историей тамплиеров и масонства. Он был близким другом известного английского мага Алистера Кроули, в имитации самоубийства которого в дачном месте Бока-ду-Инfernу принял самое деятельное участие. Это событие относится к сентябрю 1930 г.

Другим приятелем Пессоа был выехавший из Луганска каббалист Элиезер Каменецкий, к стихотворениям которого португальский поэт написал предисловие.

Уже на закате жизни, когда Пессоа занялся тем, чтобы оставить для потомства толкования своего творчества, он писал своему другу Адолфу Казайшу Мунтейру (письмо от 13 января 1935 г.): «Вы спрашиваете, верю ли я в оккультизм. Вы не совсем четко формулируете вопрос, но я понимаю его смысл. Я верю, что есть миры более высокого порядка, чем наш. Их обитатели отличаются разной духовной организацией. Она тем тоньше, чем они ближе к Высшему Существо, предположительно сотворившему наш мир. Возможно, есть и другие существа, также Высшие, и возможно, что они сотворили другие вселенные, которые сосуществуют с нашей, не всегда проявляя себя. По этим и некоторым другим причинам масонство (за исключением англо-саксонского) избегает слова «Бог» со всем, что за ним стоит в теологической и народной традиции, предпочитая говорить о Великом Архитекторе Вселенной. Из этого выражения неясно, является ли он творцом или просто Правителем мира. При такой градации существ я не верю в возможность непосредственного общения с Богом, но, насколько нам будет дано, мы сможем общаться каждый раз со все более высоко организованными существами» [Pessoa II: 344–345]¹.

Пессоа собирался написать ряд книг по оккультной проблематике («Подспудное», «Путь змеи», «Атриум», «Герострат»), но, к сожалению, от них остались только наброски, порой весьма обширные. Эти прозаические наброски, как и некоторые, пока еще малоизвестные стихотворения Пессоа, помогают понять его философские взгляды и расшифровать такие его произведения, как, например, «Послание», философская основа которого до сих пор является во многом загадочной. Долгое время мистические записи Пессоа, сделанные в основном на англий-

ском языке, хранились в его архиве, потом же были переведены, опубликованы и вошли в научный обиход. Такие стихотворения, как «Инициация», циклы «Путь на Голгофу» и «У гроба Кристиана Розенкрейца», «Эрос и Психея» как бы дополняют «Послание» и выступают как пояснение к нему.

Рассмотрим, например, стихотворение «Инициация» (1932):

В тени кипарисов суровых
Вселенная сон отвергает.

.....

А тело лишь отблеск покров,
Что тайну души облекает.

Смерть с неба ночного нисходит,
Чтоб отблеск во мраке погас.
И душу наугад уводит,
Чтоб видеть тебя без прикрас.

В преддверии Чуда и Тайны
Ты ангелам плащ отдаешь
И в путь неизведанный, дальний
С душевною дрожью идешь.

Архангелам, стражам Дороги,
Вручаешь остатки одежд,
И тело несется к порогу
Великих и светлых надежд.

В глубины Пещеры нагрянув,
Ты с плотью простишься своей
Заснешь среди богов, а воспрынув,
Узришь себе равных людей.

.....

Узнай, неофит, лишь покровы
Сырая земля охраняет
В тени кипарисов суровых.

.....

Вселенная смерти не знает [Pessoa I: 1113].

Эти строки перекликаются с наброском «Очерка об инициации» и с «Посланием», со стихотворением, посвященным святому инфанту дону Фернанду. И конечно, в связи с ними встает вопрос, был ли сам Пессоа посвящен в один из оккультных орденов. В «Биографических заметках» он писал: «*Позиция в отношении инициации*. Посвящен по обряду, идущему от Учителя к Ученику, в три низшие степени (некогда существовавшего) ордена тамплиеров в Португалии» [Pessoa III: 1428–1429]. Думается, что в данном случае поэт имел в виду так называемую «инициацию от Бога», подобную Шекспировой: «...есть, наконец, инициация от Бога. Она не исходит ни от тех, кто посвящен в экзотерические, ни от тех, кто посвящен в эзотерические степени, низшие или высшие. Она выше их обеих и исходит

от того, кого мы называем Богом... Посвященным от Бога был, в частности, Шекспир. Этот тип инициации в обиходе называют гениальностью» [Овчаренко 2003: 253].

Впрочем, сам Пессоа описал инициацию, больше похожую на обряд тамплиеров, которых поэт считал подданными «князя тьмы» (что для него не было чем-то отрицательным). Он полагал, что при посвящении в Орден тамплиеры обязаны были пройти через ужасный ритуал: они плевали на распятие и таким образом созерцали перед собой ад (конечно, в фигуральном смысле слова). Однако сатанизм в глазах Пессоа не был преступлением, ибо поэт верил в бесконечную градацию миров и их творцов и воспринимал сатану как силу, указующую на несовершенство мира и призывающую тех, кому это дано, к более глубокому познанию вселенной, чем это предусмотрено догматами христианства. Мистическое знание, по мысли Пессоа, также стремится постигнуть в конечном счете иные миры, и поскольку не всякий человек готов к его восприятию, то обряды инициации просто необходимы для каждого, кто желает к нему приобщиться [Овчаренко 1992: 58]. Пиренейские тамплиеры не подверглись столь суровым репрессиям, как их собратья в других странах. На полуострове еще помнили об их заслугах в эпоху Реконквисты. Португальский король дон Диниш не стал предавать своих храмовников суду, предпочтя в 1319 г. создать Орден Христа, ставший наследником Ордена Храма. В XV в. его великим магистром стал один из организаторов великих географических открытий инфант Генрих Мореплаватель, которого Пессоа воспел в стихотворном цикле «Послание».

Важное место в системе философских взглядов Пессоа занимают его размышления о сущности мира в его взаимодействии с Богом.

«Бесконечная градация существ... Мир не может быть бесконечным, ибо бесконечна лишь сама бесконечность. Мир не может быть вечным, ибо вечна лишь сама вечность. ...Бесконечность и есть Бог, проявляющий себя, но проявляет он себя не как миры, а именно как Бог. А за его пределами, без сомнения, есть Бог, не проявляющий себя. То есть наличие отсутствия даже бесконечности... Двойственная, то есть мужская и женская сущность Бога – это Крест. Сотворенный мир – это Роза, распятая в Боге [Pessoa III: 457–458].

Эти строки перекликаются с сонетами из цикла «Путь на Голгофу», например со вторым сонетом:

Вначале было Слово, что померкло,
Когда предтеча Бытия – Хаос –
Свет мира, что из вечности принес,
Сокрыл во тьме. И Слово тьма повергла.

Но если вдруг Душа, обитель слез,
Поймет всю тьму паденья человека,

Свет Слова обретет в себе навеки –
Ту Розу, что распял с собой Христос.
Пойдем отыщем за пределом Бога
Тайн мастера нездешнее сиянье.

От тьмы, царившей в нас, теперь очнемся
И вслед Христу-страдальцу повлечемся
Из вотчин Бога к далям мироздания

[Pessoa I: 121–122].

В сонете первом из того же цикла, размышляя о сущности Бога, Пессоа воспринимает ее совершенно в духе гностицизма:

Наш Бог был высшим Богом сотворен.
Став для него низринутым Адамом,
Он создал нас и дал нам свой закон

[Овчаренко 2003: 263].

Известно, что поэт сам называл себя «христианином-гностиком» [Овчаренко 2003: 252], и гностицизм роднит его произведения с творчеством Германа Гессе, Хорхе Луиса Борхеса, Томаса Манна, Августа Стриндберга, Леонида Леонова.

Пессоа не был до конца последовательным в своей приверженности гностицизму. Так, например, в стихотворении «Os deuses, não os reis são os tiranos» он говорит: *pesa e sempre pesará / Sobre o homem a serva condição / De súdito do Fado* («Довлеет и всегда будет довлеть / Над человеком жалкая участь / Подданного Рока»). Правда, это стихотворение написано в 1922 г., а расцвет интереса Пессоа к гностицизму относится к тридцатым годам.

Помимо вышеперечисленных, к оккультной лирике Пессоа принадлежит цикл «Эпизоды/Мумия», «Рождество», «Гомеш Леал», «Эпитафия неизвестному», «Последнее колдовство», «Эрос и Психея» и многие другие стихотворения. Трудно согласиться с мнением Далилы Перейра Кошта, что стихотворение «Под сенью горы Абиегно» представляет собой отречение пилигрима от собственной высокой миссии, знаменуя собой тотальное разочарование и фрустрацию поэта [Pereira Costa: 1075].

В самом деле, в начале стихотворения мы видим путника, отдыхающего от тягот длительного путешествия:

Под сенью горы Абиегно
Вкушаю я мир и покой.
Пусть Замок на дальней вершине
Возносится ввысь надо мной.
От дум отдыхаю душой
Я здесь, близ горы Абиегно

[Овчаренко 2003: 266].

Однако этому отдыху не суждено быть долгим. Чувство долга предписывает паломнику продолжить свой путь и достичь вершины (Абиегно в греческой мифологии – расположенная в Элизии гора бесконечного знания).

Но отдых не даст упоения,
 Коль Замок с вершины зовет,
 И надо стезю обнаружить,
 Что к стенам желанным ведет
 И здесь, близ горы Абиегно,
 В мечтаньях моих предстает.

Сейчас я во сне пребываю,
 Поскольку неведение – сон.
 Взираю на Замок далекий,
 Всех помыслов горних лишен.
 Кем будет мой дух исцелен
 От власти горы Абиегно?

[Овчаренко 2003: 266].

Дух Пессоа не был «исцелен от власти горы Абиегно». Еще 29 ноября 1920 г. он писал своей возлюбленной Офелии де Кейрош: «Моя судьба принадлежит другому Закону, о существовании которого вы, Офелинья, даже не знаете, и все больше подчиняется Учителям, которые не разрешают и не прощают» [Pessoa II, 254]. «Для Пессоа было принципиально важно ощутить себя демиургом. Ему было приятно ощущать себя творцом хотя бы гетеронимов» [Овчаренко 2023: 98]. Верность загадочным Учителям Пессоа пронес через всю свою жизнь и, что важнее, через все творчество.

Мистический компонент наследия Пессоа вошел в «Послание» лишь частично, именно потому, что цикл был написан для широкого читателя, который в эпоху Пессоа в Португалии был, прежде всего, католическим, поэтому внешне Пессоа также вроде бы придерживается католицизма, однако внутренняя структура «Послания» подлежит дешифровке, и это стало возможным только благодаря медленному прочтению его мистических стихотворений. Кроме всего прочего, мистическая составляющая ортонимной лирики Пессоа явилась одним из орнаментальных мотивов его творчества, придав произведениям красоту и глубину. Интересно заметить, что в гетеронимной лирике она практически отсутствует, может быть, потому, что выражала для поэта сокровенную сторону его философских взглядов. Трудно сказать, предназначались ли мистические стихотворения Пессоа изначально для печати, но, по-видимому, он ими дорожил. Он не смог закончить книгу, посвященных его понимаю мистицизма, но именно наброски к ним способствовали адекватной интерпретации его творчества.

Примечания

¹ Здесь и далее все переводы иноязычных текстов принадлежат автору статьи.

Список литературы

Источники

Pessoa Fernando. *Obra poética e em prosa*. Porto, Lello e Irmão, 1986, vol. 1, 1214 p.; vol. 2, 1352 p.; vol. 3, 1501 p.

Пессоа Фернанду. Послание / пер. О.А. Овчаренко. Москва: Русская философия, 2023. 122 с.

Исследования

Овчаренко О.А. Фауст в отсутствие Мефистофеля // Литературное обозрение. 1992. № 2. С. 57–66.

Овчаренко О.А. Оккультная проза Фернанду Пессоа. Контекст 2003. Москва: ИМЛИ РАН, 2003. С. 250–268.

Овчаренко О.А. Особенности гетеронимии в лирике Фернанду Пессоа // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 93–99. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-93-99>

Pereira Costa Dalila. *Introdução- Pessoa Fernando*. *Obra Poética e em Prosa*, vol. 1, pp. 1075–1087.

References

Ovcharenko O.A. *Faust v otsutstvie Mefistofe-lja* [Faust in the absence of Mephistopheles]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary review], 1992, pp. 57–66. (In Russ.)

Ovcharenko O.A. *Okkul'tnaia proza Fernan-du Pessoa* [Occult Prose by Fernando Pessoa]. *Kontekst 2003* [Kontekst 2003]. Moscow, IWL RAS Publ., 2003, pp. 250–268 (In Russ.)

Ovcharenko O.A. *Osobennosti geteronimii v lirike Fernandu Pessoa* [Peculiarities of Heteronymy in the Lyrics of Fernando Pessoa]. *Kostromskoj gosudarstvennyj universitet* [Vestnik of Kostroma State University], 2023, vol. 29, no. 1, pp. 93–99 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-93-99>

Pereira Costa Dalila. *Introdução- Pessoa Fernando*. *Obra Poética e em Prosa*, vol. 1, pp. 1075–1087.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025; одобрена после рецензирования 03.07.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 23.04.2025; approved after reviewing 03.07.2025; accepted for publication 03.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 157–164. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 157–164. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(7/8).09"20"

EDN WXRNCM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-157-164>

МАЧУ-ПИКЧУ КАК СИМВОЛ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В ПОЭМЕ ПАБЛО НЕРУДЫ «ВЕРШИНЫ МАЧУ-ПИКЧУ»

Погадаева Евгения Владимировна, преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, motus.animi.continuous13@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1655-2673>

Аннотация. В статье анализируется поэма чилийского поэта Пабло Неруды «Вершины Мачу-Пикчу» (“Alturas de Macchu Picchu”), в которой мировоззренческие установки автора, связанные с «американским», выражены особенно ярко. Несмотря на огромное количество трудов, посвященных произведению, прослеживаемые в нем онтологические и аксиологические основы «американского» остаются до конца не изученными. В настоящей работе с точки зрения «американского» в поэме рассматриваются ее лирический герой, основные образы и мотивы, композиция, ритмико-синтаксическая структура. В статье делается вывод о том, что в произведении образ руин Мачу-Пикчу становится символом латиноамериканского культурно-цивилизационного пограничья, где встречаются Архаика и Современность, сакральное и профанное. Образ человека в поэтическом мире Неруды одновременно и конкретен, и обобщен – его воплощением выступает Хуан, и латиноамериканец, и всечеловек, в особой истории которого прослеживаются черты истории всемирной. Человек в поэме, находящийся в поиске национальной идентичности, видит свои корни в ушедшей индейской цивилизации, «родовом индивидууме», с которым он стремится слиться. По Неруде, преодолеть раскол между частным и общим, действительным и желаемым, конечным и бесконечным способен только поэт-демиург, поэт-пророк, своим творчеством сводящий непримиримые начала.

Ключевые слова: Пабло Неруда, «Вершины Мачу-Пикчу», “Alturas de Macchu Picchu”, «американское», онтология, погранижье, теллуризм.

Для цитирования: Погадаева Е.В. Мачу-Пикчу как символ латиноамериканского пограничья в поэме Пабло Неруды «Вершины Мачу-Пикчу» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 157–164. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-157-164>

Research Article

MACCHU PICCHU AS A SYMBOL OF LATIN AMERICAN BORDERLANDS IN PABLO NERUDA’S “ALTURAS DE MACCHU PICCHU”

Evgeniia V. Pogadaeva, lecturer, Perm State University, Perm, Russia, motus.animi.continuous13@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1655-2673>

Abstract. The article offers a close reading of Pablo Neruda’s poem “The Heights of Macchu Picchu” (“Alturas de Macchu Picchu”), in which the poet’s understanding of the concept of Americanness is clearly expressed. Despite a large number of studies dedicated to the literary analysis of the poem, the ontological and axiological foundations of Americanness remain insufficiently explored. In the research, the poem’s lyrical subject, form and structure, major images and motifs are examined in the frames of ontology. It is concluded that the image of the ruins of Macchu Picchu becomes a symbol of the Latin American cultural and civilisational borderlands, where the archaic meets the modern and the sacred intersects with the profane. Regarding Neruda’s image of human, it is represented as both specific and universal. It is embodied in the figure of Juan, at once a Latin American and a human being: in his personal story, one can trace the features of the world history. Moreover, the man in the poem is in search of his national identity and sees his roots in the long-gone indigenous civilisation, in the “collective individual” with whom he seeks to unite. According to Neruda, only a demiurge poet, a prophetic poet is capable, through creation, of merging the opposites – the individual and the collective, the real and the desired, the finite and the infinite.

Keywords: Pablo Neruda, “The Heights of Macchu Picchu”, “Alturas de Macchu Picchu”, Americanness, ontology, borderlands, tellurism.

For citation: Pogadaeva E.V. Macchu Picchu as a symbol of Latin American borderlands in Pablo Neruda’s “Alturas de Macchu Picchu”. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 157–164. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-157-164>

Одной из центральных в творчестве чилийского поэта, дипломата, политического деятеля, лауреата Нобелевской премии по литературе 1971 г. Пабло Неруды (1904–1973) является проблема самоидентификации, культурно-цивилизационного самоопределения – проблема сущности Америки и американца. Онтологические и аксиологические основы «американского», под которым мы вслед за Г.Д. Гачевым понимаем «особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей» американца [Гачев: 8], представителя «пограничной» цивилизации¹, в анализируемой нами поэме «Вершины Мачу-Пикчу» (“*Alturas de Macchu Picchu*”) выражены особенно ярко. Впервые поэма была опубликована в 1946 г. в «Национальном журнале культуры» (“*Revista Nacional de Cultura*”) в Каракасе, а с 1950 г. произведение стало включаться в виде второй главы в книгу стихов «Всеобщая песнь» (“*Canto General*”, 1950).

В российском литературоведении детальный анализ «Вершин Мачу-Пикчу» по-прежнему не представлен: поэма лишь упоминается в обзорных по творчеству Неруды работах (см.: [Осповат: 204–205; Гирин: 136]). За рубежом же к поэме обращались многие исследователи. Назовем ключевые труды, посвященные анализу поэмы. Так, одни из первых нерудоведов Э. Лойола в книге “*Ser y Morir en Pablo Neruda*” (1967) и С. Биззарро в работе “*Pablo Neruda: All Poets the Poet*” (1979) обращают внимание прежде всего на политическое, а не эстетическое в поэме, отмечая, что она может быть правильно понята только при анализе через призму концепций коммунистической партии Чили, членом которой был Неруда (см.: [Loyola: 200–202; Bizzarro: 76–87]). Другой ученый, Э.Р. Монегал, в статье “*El Sistema del Poeta*” (1973), предлагая одну из первых неангажированных трактовок поэмы, утверждает, что главной координатой поэтического мира «Вершин Мачу-Пикчу» является «вокализация» (“*vocalización*”), которая состоит в абстрактивизации образа лирического героя, превращающегося в голос всего индейского народа и всей Америки (см.: [Rodríguez Monegal: 57–64]). Еще один исследователь, А. Сикард, в труде “*El Pensamiento Poético de Pablo Neruda*” (1981) отмечает, что Неруда ставит в центр поэмы темы смерти и вечности и создает образ коллективного героя, лишённого индивидуальности и воплощающего весь американский народ, одна из главных черт которого – трудолюбие (см.: [Sicard: 236–257]). Один из наиболее детальных разборов поэмы представлен в работе Э.М. Санти “*Pablo Neruda, The Poetics of Prophecy*” (1982). Ученый проводит параллели между «Вершинами Мачу-Пикчу» и «Божественной комедией» (“*La Divina Commedia*”, 1308–1321) Данте, отмечая их эпический дух и схожесть композиции: по мнению ученого, лирический герой про-

ходит тот же путь, что и герой Данте: из ада (разделы II–V) поднимается в чистилище (разделы VI–IX) и из него попадает в рай (разделы X–XII). Э.М. Санти также указывает на схожесть «Вершин Мачу-Пикчу» с «Видением» (“*Visión*”, 1907) Р. Дарио, в котором лирический герой совершает подъем к вершинам чистой поэзии. Кроме того, литературовед сравнивает образ Мачу-Пикчу с появляющимся в «На вершинах пирамиды Чолула» (“*En el Teocalli de Cholula*”, 1820) Х.М. Эредии образом руин пирамиды Чолула, связанным, как и нерудовский образ, с индейским, корневым. Исследователь находит сходство образа Мачу-Пикчу и с библейским образом руин Иерусалима. Э.М. Санти не только встраивает поэму в контекст мировой литературы, но и вслед за Э.Р. Монегалем подчеркивает центральную роль «вокализации» в поэме (см.: [Santi: 104–175]). Несмотря на то что зарубежные литературоведы далеко продвинулись в изучении произведения, оно остается не до конца изученным с точки зрения онтологических основ «американского».

Поэма состоит из двенадцати разделов. Исследователи (см.: [Pring-Mill: 11; Rodríguez Monegal: 57; Santi: 125–126]) сходятся во мнении, что композиционно поэму можно разделить на две семантически параллельных части, создающих сюжетное движение. Первая (с первого по пятый раздел) герметичная часть представляет собой движение вглубь лирического «я»: она сосредоточена на размышлениях о быстротечности жизни, подстерегающей каждого смерти и поиске сущности человека. Во второй части (с шестого по двенадцатый раздел) лирический герой, озабоченный теми же вопросами, напротив, движется вверх к вершинам города, а вместе с этим от индивидуального – к общему, общеконтинентальному и общечеловеческому.

Подробнее мы остановимся именно на второй части, в которой мировоззренческие установки поэта, связанные с «американским», явлены наиболее ярко, обозначив доминантные элементы первой части, непосредственно влияющие на развитие тематического образа руин древнего города инков Мачу-Пикчу, на трансформации которого строится весь поэтический мир поэмы.

В первой части особенно выделяется образ спиралевидной закопанной башни (“*una torre enterrada hundiendo su espiral...*”), которая здесь выступает некой вещью-в-себе и является «корневым» отражением устремленного вверх города, вещи-для-нас: чтобы подняться вверх, на уровень всеобщего, необходимо произвести трансцендентный переход. Совершить его позволяет слияние с любимой женщиной, однако оно представлено в поэме в необычной форме: соединяясь с ней, лирический герой становится единым целым одновременно с землей и вселенной, что на-

поминает «магический эротизм» (“erotismo mágico”), представляющий собой, по определению О. Паса, специфически латиноамериканское мироощущение, которое характеризуется чувственным восприятием окружающей реальности, отождествлением ее с женщиной, тело которой уподобляется космосу, а любовное единение с ней становится актом святого каннибализма (см.: [Paz: 14]). Это слияние становится необходимым подготовительным этапом, инициацией, которую герой должен совершить перед духовным и физическим поднятием на вершины.

Alguien que me esperó entre los violines
encontró un mundo como una torre enterrada
hundiendo su espiral más abajo de todas
las hojas de color de ronco azufre:
más abajo, en el oro de la geología,
como una espada envuelta en meteoros,
hundi la mano turbulenta y dulce
en lo más genital de lo terrestre.
(Та, что ждала меня среди звуков скрипки,
нашла мир в виде закопанной башни,
погружающей свою спираль глубже всех
листьев цвета хриплой селитры:
еще глубже, в золото рудного мира,
словно меч, завернутый в метеоры,
я погрузил неистовую и нежную руку
в самую генитальную часть земли) [Neruda: 139]².

Для того чтобы совершить этот переход, лирическому герою также нужно сначала спуститься вглубь себя, заново пройти свой творческий и жизненный путь, что заметно и в реминисценциях в первой части книги стихов «Местожительство – Земля» (“Residencia en la Tierra”, 1935) Неруды, выделяемых исследователями (см., например: [Santí: 125–133]), и в явных автобиографических отсылках: “...entonces fui por calle y calle y río y río, / y ciudad y ciudad y cama y cama, / y atravesó el desierto mi máscara salobre, / y en las últimas casas humilladas, sin lámpara, sin fuego, / sin pan, sin piedra, sin silencio, solo, / rodé muriendo de mi propia muerte” («...и тогда я пошел от улицы к улице, от реки к реке, / от города к городу, от кровати к кровати, / и пересекла пустыню моя соленая маска, / и в последних обделенных домах без лампы, без огня, / без хлеба, без камня, без тишины, один / я пал, умирая от собственной смерти») [Neruda: 143]. Использованный в этой части полисиндетон³, один из излюбленных приемов Неруды, позволяет поэту усилить чувство потерянности, испытываемое лирическим героем. Особенно осязаемым становится мотив смерти-воскресения: прежде чем встретиться с мертвым городом, лирический герой должен умереть сам, что также является неким обрядом инициации, подготавливающим ко второму «путешествию».

Во второй части появляется образ руин Мачу-Пикчу, который во временном плане сначала пред-

ставлен ретроспективно: лирический герой вспоминает об эпохе, когда на этой земле еще обитали инки. Мачу-Пикчу предстает городом, в котором могут жить только те, кто «земное не скрыл в спящих одеждах» (“lo terrestre no escondió en las dormidas vestiduras” [Neruda: 143]) – то есть это дом подлинных, теллурических людей, корнями уходящих в землю, истинных американцев. Образ Мачу-Пикчу предельно метафоричен, он интегрирует и синтезирует в себе многие образно-тематические векторы, связанные с природной – каменной, водной, птичьей – семантикой: он представляет собой и *мать камня* (*madre de piedra*), и *пену кондоров* (*espuma de los cóndores*), и *высокий риф* (*alto arrecife*). Появляется связанный с образом Мачу-Пикчу мотив «рассвета Америки», имплицитно противопоставляемый «закату Европы». Город называется «потерянной лопатой в первом песке» (“pala perdida en la primera arena”), что указывает на его принадлежность к первозданным временам, Земному раю. При этом первые стихи, описывающие город, не составляют строфоид, они отделены друг от друга, что позволяет поэту усилить суггестивность образного ряда:

Madre de piedra, espuma de los cóndores.
Alto arrecife de la aurora humana.
Pala perdida en la primera arena.
(Мать камня, пена кондоров.
Высокий риф человеческого рассвета.
Потерянная лопата в первом песке) [Neruda: 144].

Появляется связанная с аркадийской топиной мифологема Золотого Руна, окрашенная специфически американской семантикой: руно получается из шерсти викуньи, распространенной в андском регионе и особенно – в Перу: “Aquí la hebra dorada salió de la vicuña...” («Здесь золотую нить дала викунья») [Neruda].

Человек-индеец, живущий в Мачу-Пикчу, существует в гармонии с анимистичной природой – именно такой присущий мифам образ мира выступает идеалом для поэта:

Aquí los pies del hombre descansaron de noche
junto a los pies del águila en las altas guaridas
carnicerías, y en la aurora
pisaron con los pies del trueno la niebla enrarecida
y tocaron las tierras y las piedras...
(Здесь ноги человека отдыхали ночью
вместе с лапами орла на высоких гнездах
хищника, а на рассвете
вместе с грозой топтали жидкий туман
и дотрагивались до земли и камней...) [Neruda]

Возвращаясь в план настоящего, лирический герой осознает, что, когда пришел конец инкской цивилизации, рай был потерян, наступил апокалипсис Нового Мира (“el final del tiempo” («конец времен») [Neruda: 145]). Инков, которые в художественном мире Неру-

ды являются собирательным образом всего автохтонного населения, поглотила «настоящая смерть». Называя смерть инков «настоящей», поэт иронизирует: возможно, их смерть, несмотря на то что она была несправедливой, была соразмерна их величию, предуготована им судьбой, от которой невозможно было убежать. Возникает, таким образом, мифологическая прецедентная (ритуальная) картина мира, в которой все предопределено и причастно к общему мировому порядку, что жанрово сближает «Вершины Мачу-Пикчу» с теллуристическим романом: “...es así como al tamaño / de vuestra magnitud / vino la verdadera, la más abrasadora / muerte...” («... будто бы под стать / вашему величию / вам выпала настоящая, самая лютая / смерть...») [Neruda].

Когда не стало людей-деревьев, погибло и Древо жизни, а вместе с ним и магический язык, и культура, и традиции индейцев: “...cuanto fuisteis cayó: costumbres, sílabas / raídas, máscaras de luz deslumbradora” («...когда вы ушли, оно упало: обычаи, растроченные / слоги, маски ослепляющего света») [Neruda]. «Настоящей смерти» противопоставлена идея «маленькой смерти» (*muerte pequeña*), с которой в поэме связан проходящий сквозь нее единый символический ряд «осень в природе – осень в жизни человека». Осень (смерть) индивидуума, в отличие от гибели целой цивилизации, рассматривается как ненастоящая смерть. Лирический герой осознает, что только в народе как родовом целом возможно воплощение вечных природных сил:

No pude amar en cada ser un árbol
con su pequeño otoño a cuestras (la muerte de mil hojas),
todas las falsas muertes y las resurrecciones...
(Я не смог полюбить в каждом человеке дерево,
несущее на плечах свою маленькую осень (эту смерть
тысячи листьев),
все живые смерти и воскресения...) [Neruda: 142]

Разрушенный город людей, умерших «настоящей смертью», сравнивается Нерудой с сосудом, который наполнен тишиной: для того чтобы найти изначально подлинный народ, который некогда жил здесь, нужно научиться слышать эту «звучащую» тишину (напомним, что мотив тишины является одним из постоянных мотивов в латиноамериканской литературе, именно в тишине выявляется потаенная сущность мира (см.: [Кофман 1997: 111]): “...la más alta vasija que contuvo el silencio: / una vida de piedra después de tantas vidas” («...самый высокий сосуд, который заключил в себе тишину: / каменная жизнь после стольких жизней») [Neruda: 146].

Для того чтобы еще больше приблизиться к человеку, лирический герой стремится выучить его язык – интуитивный, чувственный, иррациональный. Обращаясь к протекающей прямо под Мачу-Пикчу реке Урубамбе, лирический герой называет ее древ-

ним именем Уилкамайу (*Wilkamayu*), тем самым стараясь говорить с ней на наречии индейцев. Урубамба, сравниваемая поэтом и с молнией, и с камнем, становится одухотворенной природной стихией, языком которой страстно желает владеть лирический герой: “...qué idioma traes a la oreja apenas / desarraigada de tu espuma andina?” («...на каком языке говоришь ты на ухо, / только что вырванное из твоей андской пены?») [Neruda: 147], “Qué dicen tus destellos acosados? / Tu secreto relámpago rebelde / antes viajó poblado de palabras?” («О чем говорит твой плененный блеск? / Твоя тайная мятежная молния / не была ли раньше полна слов?») [Neruda].

Для того чтобы найти свои корни, лирическому герою нужно активизировать все чувства: необходимо не только уметь слышать находящийся в состоянии первотворения мир, не только говорить на его языке, важно осязать его и видеть, нужно поучаствовать в его создании. Эта идея находит свою реализацию в девятом разделе, отличающемся от всех остальных частей поэмы ритмической предсказуемостью и предельно сгущенным метафоризмом, создающим огромную смысловую насыщенность. Приведем в пример начало этого раздела:

Águila sideral, viña de bruma.
Bastión perdido, cimitarra ciega.
Cinturón estrellado, pan solemne.
Escala torrencial, párpado inmenso.
Túnica triangular, polen de piedra.
Lámpara de granito, pan de piedra.
Serpiente mineral, rosa de piedra.
Nave enterrada, manantial de piedra.
Caballo de la luna, luz de piedra.
Escuadra equinoccial, vapor de piedra.
Geometría final, libro de piedra.
(Звездный орел, туманная лоза.
Потерянный бастион, слепая сабля.
Звездчатый пояс, праздничный хлеб.
Льющаяся лестница, огромное веко.
Треугольная туника, каменная пыльца.
Гранитная лампа, каменный хлеб.
Минеральная змея, каменная роза.
Закопанный корабль, каменный родник.
Лунный конь, каменный свет.
Равноденственная форма, каменный пар.
Конечная геометрия, каменная книга) [Neruda: 148].

Неруда использует предсказуемую стихотворную структуру и строит ее на синтаксическом параллелизме, основанном на перечислении определительного и определяемого слова, представленного прилагательным или атрибутивной конструкцией с предлогом *de* и существительным, тем самым стараясь гармонизировать хаотично разрастающиеся слово-образы – помещенные в один ряд, они приобретают специфическую окказиональную семантику.

Поэт будто бы превращается в одного из строителей древнего города и с помощью тех средств, какими располагает, — метафорической образности и «правильной» формальной схемы — методично выкладывает пласт за пластом высокую башню города, все каменные блоки которой крепко спаяны между собой: один такой блок всегда равен одному полустышью, заканчивающемуся запятой или точкой. Как известно, город инков был построен по особой, уникальной технологии, которая состояла в теснейшем сведении друг с другом обработанных камней, имеющих сложную форму и представляющих собой многоугольники (у некоторых насчитывалось больше тридцати углов): все разные, но крепко сцепленные между собой, как пазлы, они складывались в одну нерушимую структуру — то же самое можно увидеть в поэтической ткани Неруды.

В целом вся поэма стремится к упорядочиванию, «скреплению» хаоса симметрией, что заметно не только в ее параллельных синтактико-семантических структурах и композиции, но и в образах, также имеющих геометрическую природу: “En ti, como dos líneas paralelas, / la cuna del relámpago y del hombre / se mecían en un viento de espinas” («В тебе, как две параллельные линии, / колыбель молнии и человека / качались на колючем ветру») [Neruda: 144], “truenos lineales” («линейные молнии») [Neruda: 146], “las paralelas láminas del viento” («параллельные пластины ветра») [Neruda: 147], “la línea del frío” («линия холода») [Neruda: 150]. Неслучайна и авторская орфография названия поэмы — *Macchu Picchu* вместо *Machu Picchu*, что связано с желанием поэта придать ему симметричность. Двенадцатибуквенное название отражается и в количестве разделов поэмы — их тоже двенадцать. Все это придает поэме поистине латиноамериканский дух «хорошо организованного беспорядка» (так характеризует мир Латинской Америки один из персонажей романа Р. Гальегоса «Канайма» (“Canaima”, 1935) [Кофман 2023: 72]).

С подъемом на вершины лирический герой приходит к осознанию того, что в основе его корней лежат два, казалось бы, несводимых, параллельно идущих начала — Архаика и Современность, род и индивидуум. В этом ощущается глубокая трагичность поэтического мира Неруды. Прежде осколочное мышление лирического героя с поднятием к городу становится синтезным, все острее встает проблема утверждения себя как «целостного» человека Америки, все сильнее становится желание сомкнуть границы, снять напряжение, перестать быть «сломанным кусочком незаконченного человека» (“el pedacito roto del hombre inconcluso”) [Neruda: 149].

Онтологические вопросы человеческой сущности, волнующие каждого и все еще остро стоявшие в первой половине XX в. перед жаждущими

самоопределиться латиноамериканцами⁴, потерянный и стремящийся найти себя лирический герой ставит перед собой еще в первой части: “Qué era el hombre? En qué parte de su conversación abierta / entre los almacenes y los silbidos, en cuál de sus movimientos metálicos / vivía lo indestructible, lo imperecedero, la vida?” («Кем был человек? В какой части его открытого разговора / среди хранилищ и свиста, в каком из его металлических жестов / жило нерушимое, вечное, жизнь?») [Neruda: 141]. Эхом они раздаются во второй части:

Piedra en la piedra, el hombre, dónde estuvo?

Aire en el aire, el hombre, dónde estuvo?

Tiempo en el tiempo, el hombre, dónde estuvo?

(Камень камнем, человек, где он был?

Воздух воздухом, человек, где он был?

Время временем, человек, где он был?) [Neruda: 149].

После того как абстрактные вопросы из первой части превращаются в конкретные, связанные с природой жившего на этой земле до современного латиноамериканца человека, от которого он берет свои корни, в поэтическом мире происходит некая трансформация. Классическая утопия первозданного Нового Мира Америки, пребывающего в Золотом веке, демифологизируется, травестируется: восхищение чудесным миром Мачу-Пикчу сменяется социальной проблематикой. Лирический герой понимает, что город, построение которого требовало нечеловеческих сил и способностей, вероятно, был возведен трудом тысяч рабов, эксплуатируемых и вечно голодающих. Для того чтобы отчетливее подчеркнуть, что именно голод определял человека в то время, поэт представляет различающиеся лишь одной буквой слова *hambre* (голод) и *hombre* (человек) по разным концам стиха, а сам стих начинается с середины строки, что можно заметить в приведённом ниже отрывке. Слово *hambre* повторяется в нем трижды, что усиливает звучание мотива голода. Неужели тот идеальный первоначальный мир, как и мир современный, был построен на основе угнетения слабых? — вопрошает поэт. За этим подразумеваемым вопросом виднеется внетекстовый конструкт личности поэта-коммуниста Неруды, не терпящего неравенства:

Hambre, coral del hombre,

hambre, planta secreta, raíz de los leñadores,

hambre, subió tu raya de arrecife

hasta estas altas torres desprendidas?

(Голод, полип человека,

голод, тайное растение, корень дровосеков,

голод, не твои ли черты в этом рифе

из множества высоких башен?) [Neruda: 150].

Лирический герой, словно Протей, хочет слиться с трудящимся, бедным человеком, строящим Мачу-Пикчу: “...sal de los caminos, / muéstrame la cuchara, déjame, arquitectura, / roer con un palito los estambres

de piedra, / subir todos los escalones del aire hasta el vacío, / rascar la entraña hasta tocar el hombre” («...соль дорог, / покажи мне ложку, дай мне, архитектура, / обглодать палочкой каменные нити, / подняться по воздушным лестницам к пустоте, / скрести твои недра, пока я не затрону человека») [Neruda], “Devuélveme el esclavo que enterraste! / Sacude de las tierras el pan duro / del miserable, muéstrame los vestidos / del siervo y su ventana. / Dime cómo durmió cuando vivía” («Верни мне раба, которого ты похоронил! / Вытряхни из земли черствый хлеб / униженного, покажи мне одежды / раба и его окно. / Скажи мне, как он спал, когда жил» [Neruda]). Именно в обычном, простом человеке Древней Америки он видит свои корни, именно такой человек в понимании поэта является самым настоящим и подлинным.

Трудящегося человека, к тяжелой судьбе которого поэт чувствует свою причастность, он называет Хуаном: носящий испанское имя человек в душе остается индейцем, вышедшим из камня («Хуан Каменотес») и являющимся сыном верховного божества инков Виракочи. Хуан не только индеец, в первую очередь он чилиец, на что указывает одно из его имен – «Глотающий Холод», связанное с холодом южной, родной для поэта части Чили. Хуан является частью природы – он и «сын зеленой звезды», и «внук бирюзы». Хуан – прежде всего простой человек, что заметно в его третьем прозвище Хуан Босоногий:

Juan Cortapiedras, hijo de Wiracocha,
Juan Comefrío, hijo de estrella verde,
Juan Piesdescalzos, nieto de la turquesa,
sube a nacer conmigo, hermano.
(Хуан Каменотес, сын Виракочи,
Хуан Глотающий Холод, сын зеленой звезды,
Хуан Босоногий, внук бирюзы,
поднимись родиться со мной, брат)

[Neruda: 151–152]].

В поэме Хуан становится собирательным образом труженика земли. Как отмечает Ю.Н. Гирин, «в этом приеме, возможно, сказалась социально-идеологическая ориентированность автора на актуализировавшийся в ту пору феномен “человека-массы”» [Гирин: 136]. Несмотря на то что Неруда выходит на общечеловеческий уровень, его образ человека никогда не оторван от Америки.

Предлагая «каталог» всевозможных профессий древнего обитателя Мачу-Пикчу, поэт тем самым подчеркивает, что именно творческое начало является качеством, определяющим его предков. Необычным является то, что каждый стих «инвентаря» заканчивается не запятой, а двоеточием: следовательно, один образ включает в себя следующий за ним образ, который, в свою очередь, тоже вбирает в себя образ, идущий за ним. Словно снежный ком, образы

сцепляются друг с другом, дополняя собирательный образ Хуана-труженика, увеличивая его, делая еще более всеобъемлющим:

...labrador, tejedor, pastor callado:
domador de guanacos tutelares:
albañil del andamio desafiado:
aguador de las lágrimas andinas:
joyero de los dedos machacados:
agricultor temblando en la semilla:
alfarero en tu greda derramado...
(...пахарь, ткач, молчаливый пастух:
укротитель ставших покорными гуанакос:
смелый каменщик на строительных лесах:
водовоз андских слез:
ювелир с истертыми пальцами:
земледелец, дрожащий в семени:
гончар в твоей разлитой глине...) [Neruda: 152].

Несмотря на то что Неруда выявляет онтологические свойства человека как человека латиноамериканского, он осмысляет их на уровне универсальной проблематики, подчеркивая абсолютную ценность человека вообще: “...el hombre es más ancho que el mar y que sus islas, / y hay que caer en él como en un pozo para salir del fondo / con un ramo de agua secreta y de verdades sumergidas” («...человек шире моря и его островов, / и нужно упасть в него, как в колодец, чтобы выйти с другого конца / с ветвью скрытой воды и затонувшей истиной» [Neruda]).

В заключительной части стихотворения, подводящей итог метаниям поэта, делается вывод о том, что именно поэт-пророк, поэт-строитель, поэт-демиург способен достичь сакрального центра (ядра нации, или этнотипа⁴), добраться до корней латиноамериканца. Найти первочеловека означает воссоздать его в поэзии: только через поэта-демиума индеец способен выйти в Современность, а современный человек, следовательно, – в Архаику. Только поэт способен соединить эти два начала в своем творчестве:

Yo vengo a hablar por vuestra boca muerta.
A través de la tierra juntad todos
los silenciosos labios derramados
y desde el fondo habladme toda esta larga noche...
<...> Hablad por mis palabras y mi sangre.
(Я пришел, чтобы заговорить вашим мертвым ртом.
С помощью земли соедините
все замолкшие разбросанные губы
и из недр говорите со мной всю эту длинную ночь...
<...> Говорите моими словами и моей кровью)

[Neruda: 152–153].

Итак, в «Вершинах Мачу-Пикчу» Неруды находит отражение картина мира латиноамериканского пограничья, которая характеризуется сближением противоположных начал: жизни и смерти, сакрального и мирского, утопического и антиутопического. Символом такого мира в поэме Неруды становятся руины,

которые, как точно заметил В.В. Дегтярев, «относятся к числу промежуточных, пограничных объектов: можно сказать, что они заполняют разрыв между сохранившимся и разрушенным (или даже – между существующим и несуществующим)» [Дегтярев].

В поэме ярко проявлена культуротворческая направленность интегративно-синтезирующей поэзии Неруды. Как латиноамериканский поэт Неруда устремлен к решению сущностной проблемы самоопределения в мире, где встретились Архаика и Современность, где, как говорил А. Карпентьер, «существуют все эпохи» (цит. по: [Земсков: 411]). В лирическом мире Неруды именно писатель является проводником между разными мирами, только через творчество становится возможным установить диалог культур, цивилизаций.

Корни латиноамериканца поэт видит в индейце, который предстает человеком творческим, простым работягой с тяжелой судьбой. Человек в поэтическом мире Неруды, ищущий онтологические основания своего бытия, находит твердую почву под ногами только после соединения с «родовым индивидуумом», образ которого и предельно конкретен, и предельно обобщен: его олицетворением выступает Хуан, одновременно и латиноамериканец, и всечеловек.

Важное место в поэме занимает образ дерева. По мере смен времен года (жизненных циклов) листья дерева народа, символизирующие индивидуумов, будут опадать, и им на смену появятся новые молодые листочки. По Неруде, только жизнь народа вечна, в отличие от конечной жизни отдельной личности, только в ней сокрыты законы бытия.

Примечания

¹ По В.Б. Земскову, Латинская Америка относится к «пограничным» цивилизациям, для которых характерны «гетерогенность, несостыкованность цивилизационных блоков, “разрывы” и “расколы”, незавершенность формирования, преобладание инверсионного типа разрешения основных оппозиций» [Земсков: 554].

² Здесь и далее перевод с испанского наш. – Е. П.

³ Вслед за М.В. Веккесер мы понимаем полисиндетон как стилистическую фигуру, построенную на повторе служебных частей речи и перечислении однородных элементов структуры (см.: [Веккесер: 5]).

⁴ Напомним, что выход Латинской Америки в Современность, возникновение «нового типа художественного сознания, освобождающегося от периферийного локализма и обретающего черты универсальности», как утверждает В.Б. Земсков, происходит на рубеже XIX–XX вв. и по-настоящему разворачивается лишь с 1920-х гг. [Земсков: 393] – именно тогда Неруда начинает петь «всеобщую американскую песнь».

⁵ Термин А.Ф. Кофмана.

Список литературы

Источники

Neruda P. Canto General. Madrid, Cátedra, 2022, 653 p.

Исследования

Веккесер М.В. Полисиндетон как стилистическая фигура (на материале современного русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2007. 25 с.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. Москва: Академия, 1998. 432 с.

Гурин Ю.Н. Пабло Неруда // История литератур Латинской Америки: Очерки творчества писателей XX века / под ред. В.Б. Земскова, А.Ф. Кофмана. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 5. С. 106–158.

Дегтярев В.В. Память и забвение руин. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 256 с. URL: <https://www.litres.ru/book/vladislav-degtyarev-16152097/pamyat-i-zabvenie-ruin-70049134/chitat-onlayn/> (дата обращения: 20.06.2025).

Земсков В.Б. О литературе и культуре Нового Света. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив: Гнозис, 2014. 592 с.

Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. Москва: Наследие, 1997. 320 с.

Кофман А.Ф. «Хорошо организованный беспорядок»: Взгляд на испаноамериканское неobarocco // Литература двух Америк. 2023. № 15. С. 70–115.

Основат Л.С. Пабло Неруда: очерк творчества. Москва: Советский писатель, 1960. 358 с.

Bizzarro S. Pablo Neruda: All Poets the Poet. Metuchen, Scarecrow Press, 1979, 192 p.

Loyola H. Ser y Morir en Pablo Neruda: 1918–1945. Santiago de Chile, Editora Santiago, 1967, 246 p.

Paz O. El Caracol y la Sirena. Revista de la Universidad de México, 1964, no. 4, pp. 4–15.

Pring-Mill R. Preface. Neruda P. The Heights of Macchu Picchu, trans. by N. Tarn. London, Ebenezer Baylis and Son, 1966, pp. 7–13.

Rodríguez Monegal E. Pablo Neruda: El Sistema del Poeta. Revista Iberoamericana, 1973, no. 82–83, pp. 41–71.

Santi E.M. Pablo Neruda: The Poetics of Prophecy. Ithaca; London, Cornell University Press, 1982, 256 p.

Sicard A. Pensamiento Poético de Pablo Neruda. Madrid, Editorial Gredos, 1981, 648 p.

References

Degtyarev V.V. *Pamiat' i zabvenie ruin* [The memory and oblivion of ruins]. Moscow, NLO Publ., 2023, 256 p. URL: <https://www.litres.ru/book/vladislav-degtyarev-16152097/pamyat-i-zabvenie-ruin-70049134/chitat-onlayn/> (access date: 20.06.2025). (In Russ.)

Gachev G.D. *Natsional'nye obrazy mira. Kurs lektsii* [National world images. Lecture course]. Moscow, Academia Publ., 1998, 432 p. (In Russ.)

Girin Iu.N. *Pablo Neruda* [Pablo Neruda]. *Istoriia literatur Latinskoi Ameriki. Ocherki tvorchestva pisatelei XX veka* [History of Latin American literatures. Studies of the 20th-century literary works], ed. by V.B. Zemskov, A.F. Kofman. Moscow, IWL RAS Publ., 2005, vol. 5, pp. 106–158. (In Russ.)

Kofman A.F. *Latinoamerikanskii khudozhestvennyi obraz mira* [Latin American World Image]. Moscow, Nasledie Publ., 1997, 320 p. (In Russ.)

Kofman A.F. “*Khorosho organizovannyi besporiadok*”: *Vzgliad na ispanoamerikanskoe neobarokko* [“A Well-organized Disorder”: A Look at the Spanish American Neo-baroque]. *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas], 2023, no. 15, pp. 70–115. (In Russ.)

Ospovat L.S. *Pablo Neruda: ocherk tvorchestva* [Pablo Neruda: a sketch of his work]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1960, 358 p. (In Russ.)

Vekkesser M.V. *Polisindeton kak stilisticheskaia figura (na materiale sovremennogo russkogo iazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Polysyndeton as a stylistic device in the modern Russian language: PhD thesis, summary]. Krasnoyarsk, 2007, 25 p. (In Russ.)

Zemskov V.B. *O literature i kul'ture Novogo Sveta* [On the New World's literature and culture]. Mos-

cow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., Gnozis Publ., 2014, 592 p. (In Russ.)

Bizzarro S. *Pablo Neruda: All Poets the Poet*. Metuchen, Scarecrow Press Publ., 1979, 192 p.

Loyola H. *Ser y Morir en Pablo Neruda: 1918–1945*. Santiago de Chile, Editora Santiago, 1967, 246 p.

Paz O. *El Caracol y la Sirena*. Revista de la Universidad de México, 1964, no. 4, pp. 4–15.

Pring-Mill R. Preface. Neruda P. *The Heights of Macchu Picchu*, trans. by N. Tarn. London, Ebenezer Baylis and Son Publ., 1966, pp. 7–13.

Rodríguez Monegal E. *Pablo Neruda: El Sistema del Poeta*. Revista Iberoamericana, 1973, no. 82–83, pp. 41–71.

Santí E.M. *Pablo Neruda: The Poetics of Prophecy*. Ithaca; London, Cornell University Press Publ., 1982, 256 p.

Sicard A. *Pensamiento Poético de Pablo Neruda*. Madrid, Editorial Gredos, 1981, 648 p.

Статья поступила в редакцию 12.08.2025; одобрена после рецензирования 19.08.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 12.08.2025; approved after reviewing 19.08.2025; accepted for publication 03.09.2025.

СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КОНТАМИНИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ В НАУЧНОМ СТИЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЦИКЛА)

Волкова Елена Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), lenka@mail.mipt.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2267-0438>

Коротун Владилена Леонидовна, старший преподаватель, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), vladakor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7590-2541>

Аннотация. В статье рассматриваются многокомпонентные сложноподчинённые предложения контаминированной структуры на материале текстов математических произведений. Это наименее употребительный структурный тип многокомпонентных сложноподчинённых предложений. Внутри него, как и внутри предложений с последовательным подчинением и соподчинением, самой продуктивной группой предложений оказываются структуры, минимальные по количеству компонентов. Для конструкций контаминированной структуры оно равно четырём. В каждом таком предложении есть главная часть и придаточные двух степеней. В статье рассматриваются варианты как однородного, так и неоднородного соподчинения придаточных первой и второй степеней. Придаточные части исследуемых конструкций могут быть нерасчлennного типа (изъяснительные, присубстантивно-атрибутивные, местоименно-соотносительные, местоименно-союзные соотносительные) и/или расчлennного (функционального) типа (условные, причинные, целевые, уступительные, присоединительные и др.). Многочисленные примеры, взятые из текстов произведений известных математиков, наглядно иллюстрируют различные случаи построения четырёхкомпонентных сложноподчинённых предложений контаминированной структуры. Хотя такие конструкции сложны по структуре, состав компонентов предложения (преобладание придаточных нерасчлennного комплекса над функциональными придаточными и их взаимоотношения) способствует цельности и обзримости предложения, сохранению его синтаксической перспективы. Это чрезвычайно важно для произведений научного стиля, так как облегчает как задачу автора – максимально точно донести мысль до адресата, так и задачу читателя – наиболее адекватно воспринимать прочитанное.

Ключевые слова: многокомпонентное сложноподчинённое предложение, сложноподчинённое предложение нерасчлennной структуры, придаточное функционального типа, однородное соподчинение, неоднородное соподчинение.

Для цитирования: Волкова Е.Б., Коротун В.Л. Сложноподчинённые предложения контаминированной структуры в научном стиле русского языка (на материале текстов математических произведений) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 165–172. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-165-172>

Research Article

COMPLEX SENTENCES OF CONTAMINATED STRUCTURE IN THE SCIENTIFIC STYLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE WORKS OF THE MATHEMATICAL CYCLE)

Elena B. Volkova, PhD in Philology, Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University), lenka@mail.mipt.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2267-0438>

Vladilena L. Korotun, senior lecturer, Moscow Aviation Institute (National Research University), vladakor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7590-2541>

Abstract. The article examines multi-component complex sentences of contaminated structure based on the texts of mathematical works. This is the least common structural type of multi-component complex sentences. Within it, just the same as in the case of sentences with sequential subordination and co-subordination, the most productive group of sentences appear to be structures with a minimal number of components. For constructions of contaminated structure, it is equal to four. Each such sentence has a main part and subordinate clauses of two degrees. The article examines variants of both homogeneous and heterogeneous co-subordination of subordinate clauses of the first and second degrees. Subordinate

clauses of the constructions under study can be of the undifferentiated type (object, attributive, pronominal-correlative, pronominal-conjunction correlative) and/or of the divisible (functional) type (conditional, causal, target, concessive, conjoint, etc.). Numerous examples taken from the texts of works by famous mathematicians clearly illustrate various cases of constructing four-component complex sentences of contaminated structure. Although such constructions are complex in structure, the composition of the sentence components (the predominance of indivisible complex clauses over functional clauses and their relationships) contributes to the integrity and visibility of the sentence, preserving its syntactic perspective. This is extremely important for works of scientific style, since it facilitates both the author's task – to convey the idea to the addressee as accurately as possible, and the reader's task – to perceive what has been read most adequately.

Keywords: multi-component complex sentence, complex sentence of indivisible structure, functional type subordinate clause, homogeneous subordination, heterogeneous subordination.

For citation: Volkova E.B., Korotun V.L. Complex sentences of contaminated structure in the scientific style of the Russian language (based on the works of the mathematical cycle). *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 165–172. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-165-172>

В данной статье мы рассмотрим относительно немногочисленный структурный тип многокомпонентных сложноподчинённых предложений (далее МСПП) в научном стиле – предложения контаминированной конструкции. Однако они представляют интерес для исследования, поскольку в них совмещаются соподчинение и последовательное подчинение. Сложноподчинённые предложения с каждым из этих видов подчинения по отдельности уже рассматривались нами на материале текстов математических произведений в ранее опубликованных статьях [Волкова 2017; Волкова, Ременникова, Вечеринина; Волкова 2018; Волкова, Коротун 2023; Волкова, Коротун 2024]. Посмотрим, как складываются синтаксические отношения в конструкциях с обоими видами подчинения на материале текстов математических произведений.

Из всех структурных типов МСПП предложения контаминированной структуры – наименее изученный тип. Одна из самых ранних работ – диссертация Г.Ф. Калашниковой «Сложноподчинённое предложение с соподчинением и последовательным подчинением в современном русском литературном языке» [Калашникова]. Задачи диссертации, которая была посвящена выяснению синтаксической природы контаминированной структуры сложноподчинённого предложения, разрешались на материале художественной литературы. При характеристике предложений с соподчинением и последовательным подчинением Г.Ф. Калашникова исходила из классификации СПП Н.С. Поспелова, а также из противопоставления однородного и неоднородного соподчинения: «В зависимости от отношения соподчинённых придаточных к главной части и друг к другу выделяются два структурных типа: сложное предложение с однородным соподчинением и последовательным подчинением и сложное предложение с неоднородным соподчинением и последовательным подчинением» [Калашникова: 5].

Также стоит отметить исследование Н.С. Ганцовой [Ганцовская 1967], в котором среди прочих типов МСПП изучаются и особенности конструкций контаминированной структуры в научном стиле русско-

го языка. В работе используется следующий подход. Автор выясняет синтаксические отношения внутри предложения, устанавливает наименьшее количество структурно-семантических элементов, которое обуславливает существование предложения как цельной коммуникативной единицы. Из последних работ, также выполненных в русле структурно-семантического подхода, выделяется диссертация Н.П. Галкиной [Галкина], где, в частности, рассматриваются МСПП контаминированной структуры, включающие компоненты со значением обусловленности, на материале произведений естественно-научного и публицистического циклов. Исследователь подчёркивает важность изучения МСПП, поскольку это предоставляет возможность проанализировать «синтаксическое поведение придаточных гораздо шире», ведь в этих конструкциях «придаточное может быть и главным для другого придаточного, и может выполнять вспомогательную по отношению к другим придаточным синтаксическую функцию, и объединяться с другими придаточными сочинительными отношениями, и употребляться на разных уровнях подчинения» [Галкина: 447]. Синтаксическая и семантическая связь в МСПП прослеживается не только между отдельными предикативными компонентами, но и между структурно-смысловыми объединениями – элементами.

В нашей работе мы, вслед за Л.Д. Беднарской [Беднарская], Н.П. Галкиной [Галкина], Н.С. Ганцовой [Ганцовская 1967], Г.Ф. Калашниковой [Калашникова], опираемся на идею о бинарной структуре сложного предложения, то есть при анализе даже самых сложных конструкций всегда можно выделить «доминирующую» синтаксическую связь и «второстепенные» связи [Беднарская 2015: 28]. В зависимости от ведущей связи МСПП разбивается на две семантические части, как правило, совпадающие с темой и ремой предложения, которые потом могут члениться на более глубоком уровне.

Методом сплошной выборки мы извлекли МСПП контаминированной структуры из произведений выдающихся российских математиков конца XX – на-

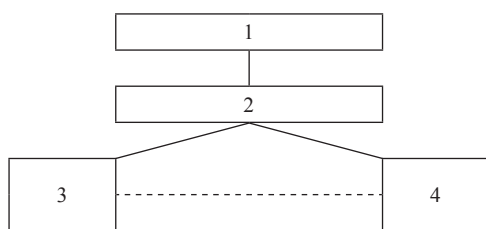
чала XXI в. Их труды в области алгебраической топологии и дифференциальной геометрии известны в математическом сообществе как в России, так и за рубежом и написаны с соблюдением всех канонических классического стиля изложения сложных математических выкладок.

В научном стиле, в особенности в стиле точных наук, ввиду его особых задач особенно наглядно выступают синтаксические отношения в МСПП контаминированной структуры. Мы выделяем основные, типичные модели многокомпонентных предложений контаминированной структуры в зависимости от: 1) количества компонентов в предложении, 2) расположения компонентов в сложном предложении, 3) структурно-семантических особенностей компонентов. Минимальным по количеству компонентов предложением контаминированной структуры является четырёхкомпонентная конструкция, где есть главная часть и три придаточных. Такая структура отличается наибольшей частотностью употребления среди анализируемых предложений в текстах математических произведений. Этому типу МСПП и будет посвящена данная статья. Здесь можно выделить два структурных типа подобных предложений:

1) предложения с одним придаточным I степени (поясняющим главную часть) и с двумя соподчинёнными придаточными II степени, поясняющими первую придаточную часть;

2) предложения с двумя соподчинёнными придаточными I степени и одним придаточным II степени, поясняющим первую или вторую из соподчинённых частей.

1. Рассмотрим предложения первого структурного типа. Схематично их можно представить следующим образом:

Здесь 1 – главная часть, 2 – придаточное I степени, поясняющее главную часть с двумя придаточными II степени (3 и 4), поясняющими первую придаточную часть.

Синтаксические отношения внутри него складываются в зависимости от типов придаточных и типа соподчинения придаточных II степени, однородного или неоднородного.

Наиболее часто придаточное I степени оказывается изъяснительным, далее по степени употребительности идут придаточные I степени присубстантивно-атрибутивное, условное, цели, причинное, присоединительное и др.

А. Рассмотрим первую структурную разновидность четырёхкомпонентного предложения с одним придаточным I степени и двумя соподчинёнными придаточными II степени. Большей частью ($\frac{2}{3}$ от общего количества) придаточные II степени однородны. Эти однородно соподчинённые придаточные однонаправлены, они образуют один кратный элемент, одно звено сложноподчинённого предложения по структуре и по значению. Продуктивным типом таких предложений с однородно соподчинёнными придаточными II степени является одноэлементное предложение, где все придаточные – компоненты нерасчленённого комплекса (изъяснительные, присубстантивно-атрибутивные, местоименно-соотносительные, местоименно-союзные соотносительные).

«Оказывается, что нормальный делитель $N(M)$ составлен из всех элементов вида

$$x = c_1^{-1}x_1c_1c_2^{-1}x_2c_2 \dots cr^{-1}xrc_r, \quad (6)$$

где $c_1, \dots, c_r$ – произвольная конечная система элементов группы G , а $x_1, \dots, x_r$ – произвольная конечная система элементов множества $M \cup M^{-1}$ [Понтрягин: 32].

«Мы рассматривали вопрос, из которого совсем не ясно, каковы эти исходные структуры на M^{min} , т. е. какова кинематика гравитации» [Манин: 68].

«Это значит, что для каждого ненулевого элемента $x \in G$ существует настолько большое натуральное число n , что при $a > n$ уравнение $ay = x$

неразрешимо в группе G , т. е. элемент $y = \frac{x}{a} \in R^2$ не принадлежит группе G » [Понтрягин: 48].

«Отсюда следует, что форма ξ_1 также будет состоять из слагаемых, содержащих произведения вида $z^{\alpha_1} \circ \overline{z^{\beta_1}} \circ \dots \circ z^{\alpha_k} \circ \overline{z^{\beta_k}}$, где на первом месте стоит оператор рождения, а на последнем – оператор уничтожения» [Федосов: 256].

Чаще всего однородно соподчинённые придаточные оказываются присубстантивно-атрибутивными, поясняющими придаточное изъяснительное. Как правило, это компоненты, присоединённые союзным словом *где*, поясняющие математическую формулу. О таких придаточных, характерных именно для математизированных текстов, мы уже много писали в наших работах [Волкова 2017; Волкова, Ременникова, Вечеринина]. Это самая продуктивная модель предложений контаминированного типа нерасчленённой структуры.

Примерно в полтора раза более, чем одноэлементные, распространены двухэлементные предложения. Эти предложения чаще всего имеют придаточное I степени нерасчленённого комплекса (преимущественно изъяснительное), а придаточные II степени – условные, причинные, цели и т. д.

Реже встречаются предложения с придаточным I степени расчленённого типа и придаточными II степени нерасчленённого комплекса:

I. 1) «Нетрудно видеть, что если g есть гомоморфизм группы G в группу G^* , а g^* – гомоморфизм группы G^* в группу G^{**} , то отображение $h = g^*g$ является гомоморфизмом группы G в группу G^{**} » [Понтрягин: 24].

2) «Очевидно, далее, что указанные решения являются единственными, ибо, умножая уравнение (2) слева на a^{-1} , получаем $x = a^{-1}b$, а, умножая уравнение (3) справа на a^{-1} , получаем $y = ba^{-1}$ » [Понтрягин: 14].

II. 1) «Если a и b – два различных вектора из A , то считают, что $a > b$ или $b < a$ » [Понтрягин: 469].

2) «Последний вопрос особенно интересен для второй краевой задачи, так как удаётся показать, что её обобщённое решение в области почти всюду удовлетворяет дифференциальному уравнению, а на границе почти всюду удовлетворяет соответствующему краевому условию» [Яковлев: 389].

Очень редко предложения рассматриваемого типа могут быть трехэлементными, т. е. состоять только из придаточных расчленённого типа:

«Для того чтобы задать все замкнутые множества пространства R , достаточно задать все области пространства R , ибо всякое замкнутое множество является дополнением к некоторой области и всякое дополнение к области есть замкнутое множество» [Понтрягин: 63].

«Группа R не допускает конечной системы образующих, так как если бы она её допускала, то в силу теоремы 2 она была бы свободной циклической группой, т.е. все рациональные числа выражались бы в виде ar_0 » [там же: 46].

Б. Рассмотрим вторую структурную разновидность четырехкомпонентного предложения с одним придаточным I степени и двумя неоднородно соподчиненными придаточными II степени. Это более расчленённая структура, чем подобное предложение с однородно соподчиненными придаточными II степени. Такие предложения редко бывают одноэлементными.

«Заметим, что для любого $x \in G - G_0$ и любого $y \in E^{n+1}$ определена функция $N(x, y) = \sum_{i=1}^n a^i(x, y) n_i(x)$, где $n_i(x)$ – координаты единичного вектора нормали к G , которая проходит через точку x » [Яковлев: 396].

Сюда примыкают предложения с параллельным соподчинением придаточных II степени. Случаю параллельного соподчинения в СПП была посвящена одна из наших статей [Волкова 2018].

«Оператор (17) соответствует взаимодействию, при котором пара частиц притягивается друг к другу и испускает квант энергии $-V/N$, если разность их энергий меньше d , а если разность энергий частиц

больше d , то частицы не взаимодействуют» [Маслов: 127].

«Если $n > 2$, то, считая, что вектор B_1 короче вектора B_2 , мы получаем π -систему $\pi(B_n)$, а считая, что вектор B_1 длиннее B_2 , мы получим π -систему $\pi(C_n)$ » [Понтрягин: 511].

Самой продуктивной моделью является двухэлементное предложение (2/3 всех предложений рассматриваемого подтипа б). Одно из трёх придаточных в таком предложении расчленённого типа.

«Дело в том, что на графике температура – энтропия или объем – давление точки, в которых происходит перескок, лежат на односвязной кривой, в то время как во всех примерах, приведенных ниже для фазового перехода нулевого рода, они принадлежат разным аналитическим кривым» [Маслов: 124].

«Покажем теперь, что если в группе G задана какая-либо топологизация T , при которой система Σ^* может быть принята за полную систему окрестностей единицы e , то эта топологизация T совпадает с топологизацией, построенной при помощи системы Σ » [Понтрягин: 110].

«Из этого, в частности, следует, что элемент $\varphi(t)$ тогда и только тогда равен нулю, когда многочлен $\varphi(x)$ равен нулю, так что t есть трансцендентный элемент над полем P^p » [Понтрягин: 188].

Чаще, чем в подтипе А, встречаются трехэлементные предложения. В основном это предложения с придаточным I степени изъяснительным и двумя придаточными II степени расчленённой структуры.

«Мазур красиво и элементарно доказал также, что два замкнутых многообразия одинакового гомотопического типа с учётом типа касательного векторного расслоения становятся диффеоморфными друг другу, если их умножить на евклидово пространство большой размерности, хотя, конечно, сами они могут быть недиффеоморфными друг другу» [Новиков: 25].

«Полезно отметить, что условие (б) в терминах $[a]$ ослабить нельзя, поскольку оно необходимо, если все точки лежат на одной комплексной прямой» [Александров: 166].

«Если l_1 и l_2 – такие два элемента из L , что $l_1 l_2 \in V$, то $l_1 l_2 \in L$, так что L есть локальная группа в силу закона умножения, имеющегося в G » [Понтрягин: 340].

«Для вещественных расслоений имеем $T(E) = A^2(E)$, поскольку

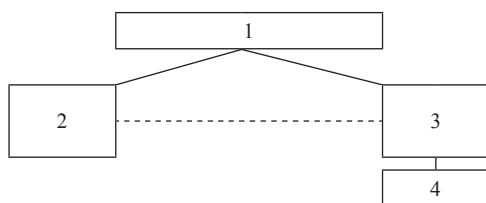
$$\det \frac{\omega}{1-e^{\omega}} = \det \frac{\frac{\omega}{2}}{\operatorname{sh} \frac{\omega}{2}} \det e^{\frac{\omega}{2}} = \det \frac{\frac{\omega}{2}}{\operatorname{sh} \frac{\omega}{2}}, \quad (1.30)$$

в силу того, что $\det e^{\omega/2} = e^{1/2 \operatorname{tr} \omega} = 1$, так как ω – кососимметрическая матрица» [Федосов: 201].

Встречаются и четырёхэлементные четырёхкомпонентные предложения, но такие конструкции непродуктивны.

« $Na \subset A$, если $a \in A$, так как если бы множество Na пересекалось ещё с B , то оно распалось бы на два непересекающихся замкнутых множества» [Понтрягин: 139].

2. Рассмотрим второй структурный тип четырёхкомпонентного предложения контаминированной конструкции с двумя соподчинёнными придаточными I степени и одним придаточным II степени. Наиболее часто придаточное II степени поясняет второе придаточное I степени. Схематично такие предложения можно изобразить следующим образом:

Здесь 1 – главная часть, 2 и 3 – придаточные I степени, а 4 – придаточное II степени.

Г.Ф. Калашникова отмечала, что «употребительность предложения, в котором поясняется первое придаточное, в три раза меньше, чем употребительность предложений, в которых поясняется второе придаточное» [Калашникова: 114]. В научном стиле употребительность предложений с осложнённым вторым придаточным I степени в 1,5 раза превышает употребительность предложений с осложнённым первым придаточным I степени.

В этом типе выделяем подтипы предложений по характеру связи придаточных I степени с главной частью – с однородным соподчинением придаточных I степени и неоднородным:

А. Предложений с однородным соподчинением придаточных I степени в три раза меньше, чем предложений с неоднородным соподчинением. Среди них оказывается в 5 раз больше предложений с осложнённым вторым придаточным I степени, чем с первым. Продуктивны в этом подтипе одноэлементные предложения, то есть где все компоненты нерасчленённой структуры:

«Кобаяси доказал, что из существования такой структуры h_v следует полустабильность E_v и что полустабильный пучок Эрмита – Эйнштейна (E_v, h_v) изоморфен прямой сумме $\Sigma(E_v^{(i)}, h_v^{(i)})$, где $E_v^{(i)}$ уже стабильны» [Манин: 58].

«Супермногообразием, дифференцируемым, аналитическим или алгебраическим, называется такое суперпространство (M, O_M) , что M_{nd} является чисто четным многообразием соответствующего класса, а пучок O_M локально изоморфен пучку $Gr O_M$ который, в свою очередь, изоморфен грассмановой алге-

бре от локально-свободного над O_M/J_M пучка конечного ранга J_M/J_M^2 » [Манин: 63].

«Виртуальное расслоение с компактным носителем задается набором $\xi = \{E^0, E^1, a\}$, где E^0, E^1 – расслоения над M одинаковой размерности, а $a: E^0 \rightarrow E^1$ – изоморфизм расслоений над $M \setminus X$, где X – некоторый компакт в M , называемый носителем ξ » [Федосов: 185].

Несколько больше распространены двухэлементные предложения, среди которых примерно равное количество предложений с придаточными I степени нерасчленённого типа и придаточным II степени расчленённого типа и, наоборот, предложений с придаточными I степени расчленённого типа и придаточным II степени нерасчленённой структуры.

«Достаточность получится, если написать резольвенту Кошуля геометрического слоя $E(x)$ в любой точке $(u, v) \in L(x)$ и убедиться, что она приводит к канонической тривиализации $E(x)$, устанавливая изоморфизм $H^0(E(x))$ с этим слоем» [Манин: 107].

«Множество K^p определим как совокупность всех формальных рядов вида (19), так что ряд (19) может содержать произвольное конечное число членов с отрицательными степенями, а a_i – целые числа, которые удовлетворяют условию $0 \leq a_i < p$ » [Понтрягин: 171].

«Из соотношений (1.2.4) следует, что второй интеграл есть нуль, а первый имеет вид (1.2.5), что и требовалось доказать» [Дубровин: 17].

«Рохлин доказал также, что любое трёхмерное многообразие – граница четырёхмерного, то есть оно кобордантно нулю, а любое четырёхмерное ориентированное замкнутое гладкое многообразие кобордантно конечному объединению комплексных проективных плоскостей» [Новиков: 13].

Мало распространены трёхэлементные предложения, где все придаточные функционального типа.

«Векторное пространство R над полем P (см. § 7, I) называется евклидовым, соответственно унитарным, если P есть поле действительных, соответственно комплексных чисел и если определено скалярное произведение $(f, g) \in P$ двух произвольных элементов f и g из R , удовлетворяющее следующим условиям: $(\lambda f + \mu g, h) = \lambda(f, h) + \mu(g, h)$, $(g, f) = \overline{(f, g)}$, $(f, f) \geq 0$, хотя последнее неравенство обращается в равенство лишь при $f = 0$ » [Понтрягин: 208].

Очень часто придаточное II степени поясняет оба однородно соподчинённых придаточных I степени:

«Оказывается, что каждый элемент любой группы $N \in \Omega$ перестановочен с каждым элементом любой другой группы $P \in \Omega$ ($N \neq P$) и что каждый элемент $x \in G$, отличный от единицы e , однозначно записывается в виде произведения $x = x_1 x_2 \dots x_r$ элементов, отличных от единицы, поскольку элемен-

ты эти принадлежат к различным группам множества Ω » [Понтрягин: 35].

Б. В подтипе предложений с неоднородно соподчинёнными придаточными I степени первое из соподчинённых придаточных чаще поясняется придаточным, чем в подтипе предложений с однородно соподчинёнными придаточными. Небольшая часть таких предложений одноэлементна:

«Поэтому для проверки того, что монады F при всевозможных $t_{\pm} y^{\pm}$, где $t_{\pm} = 0$, реализуют все инфинитезимальные деформации $F^{+} \oplus F^{-}$, достаточно убедиться, что соответствующие пары (y', y'') могут пробегать все допустимые значения» [Манин 1984а: 106].

«Например, “необходимые условия” для построения саркофага, чтобы выброс обязательно случился, написать можно, а сформулировать “достаточные условия”, чтобы на 100 % гарантировать, что выброса не будет, более чем сложно» [Маслов: 120–121].

Наибольшее количество предложений этого подтипа двухэлементно. Из них у подавляющего большинства предложений первое придаточное I степени расчленённого типа. Оно может осложняться придаточным нерасчленённой структуры, но в два раза чаще цепь придаточных образуется, начиная со второго придаточного I степени.

«Так как для произвольной окрестности W единицы найдутся такие окрестности V и U единицы, что $VU \subset W$, то из доказанного следует, что любая окрестность aW точки a пересекается с любым множеством $F \subset \Delta$ » [Понтрягин: 119].

«Он установил в начале 50-х гг., что $(n + 3)$ -мерная гомотопическая группа n -мерной сферы для $n \leq 5$ изоморфна конечной циклической группе порядка либо 12, либо 24, но ошибочно утверждал сначала, что порядок равен 12, пока не появилась работа Серра» [Новиков: 13].

«Например, если мы возмущаем систему некоторым оператором $\hat{V} : (\Phi \rightarrow \Phi)$, который достаточно мал, то матрица перехода из состояния λ_n в состояние λ_m определяется матричным элементом $(\Psi_n | \hat{V} | \Psi_m^*)$, где Ψ_n и Ψ_m^* – собственные функции, отвечающие состояниям λ_n и λ_m , соответственно» [Маслов: 122].

Продуктивны в этом подтипе и трёхэлементные предложения. Почти все они (за единичными исключениями) построены так: обязательно препозитивное функциональное придаточное I степени, второе соподчинённое придаточное может быть или функциональным, или нерасчленённой структуры (одинаково часто).

«Действительно, если $u \in \text{Ker } A$, то применяя оператор A к разложению (1.7), получим $AAv = \Delta Av = 0$, откуда следует, что $Av \in \text{Ker } \Delta \subset \text{Ker } A^*$ » [Федосов: 178].

«Так как скобки Пуассона при каноническом преобразовании сохраняются, то мы должны иметь при $z = z_0$ равенство (2.30), что будет выполнено, если положить $|\tau| = 2\eta_n$ » [Федосов: 226].

Малопродуктивны, но не единичны четырёхэлементные предложения, где каждая из придаточных частей образует относительно самостоятельную предикативную единицу в составе предложения:

«Если бы это было не так, то нашёлся бы ненулевой многочлен $Q \in P_{k,p}$ ортогональный ко всем $\Delta_0 P$, $P \in P_k$ в частности к $\Delta_0 P_0$, $P_0 = HQ$, и тогда $0 = (Q, \Delta_0 P_0) = (HQ, P_0) = (P_0, P_0)$, что невозможно, потому что P_0 – ненулевой многочлен и $(P_0, P_0) > 0$ » [Никольский: 227].

Мы рассмотрели самую продуктивную четырёхкомпонентную группу предложений контаминированной структуры. Такие предложения могут быть двух структурных подтипов в зависимости от количества придаточных на I и II ступенях подчинения. Если соподчинённые придаточные I степени или II однородны, то предложение обладает большей структурной компактностью, чем при неоднородном соединении этих придаточных.

В составе исследуемых предложений очень велика роль придаточных нерасчленённого комплекса, которые имеются почти в каждом четырёхкомпонентном предложении контаминированной конструкции. Количество таких придаточных возрастает в предложениях с однородным соподчинением придаточных, где продуктивную группу составляют одноэлементные предложения (нерасчленённой структуры).

Самой продуктивной группой предложений с однородным и неоднородным соподчинением придаточных являются двухэлементные предложения, двумя организующими структурно-семантическими центрами которых являются абсолютно главная часть и придаточное функциональное.

В научном стиле особенно чётко проявляется тенденция МСПП контаминированного типа современного русского литературного языка к компактной, но одновременно чётко членимой структуре. Этому способствуют стереотипное лексическое наполнение предикативных единиц в составе предложения, простота и обнажённо грамматический характер связи придаточных. Благодаря этим свойствам даже в сложных конструкциях хорошо прослеживается ход мысли автора, МСПП легко разбивается на отдельные семантические блоки и правильно воспринимается читателем.

Список литературы

Александров А.Б. Теория функций в шаре // Итоги науки и техники. Сер.: Современные проблемы математики. Фундаментальные направления. 1985. Т. 8. С. 115–190.

Беднарская Л.Д. Закономерности грамматического членения многокомпонентных сложных предложений: монография. Орёл: ГОУ ВПО «ОГУ», 2010. 154 с.

Беднарская Л.Д. Закономерности грамматического членения многокомпонентных сложных предложений: монография. 2-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА, 2015. 152 с.

Волкова Е.Б. Структурно-семантические особенности многокомпонентных сложноподчинённых предложений с однородным соподчинением в научном стиле русского языка // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 5. С. 57–59.

Волкова Е.Б., Ременникова И.А., Вечеринина Е.А. Типичные многокомпонентные сложноподчинённые предложения в текстах математических произведений на русском и романо-германских языках // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24, № 4. С. 223–227.

Волкова Е.Б. Параллельное соподчинение в научном стиле русского языка (на материале текстов математических произведений) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. № 11/2. С. 80–84.

Волкова Е.Б., Коротун В.Л. Сложноподчинённые предложения неоднородного соподчинения с одним условным компонентом в научном стиле русского языка (на материале текстов математических произведений) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 151–156.

Волкова Е.Б., Коротун В.Л. Сложноподчинённые предложения неоднородного соподчинения с одним причинным компонентом в научном стиле русского языка (на материале текстов математических произведений) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 148–153.

Галкина Н.П. Устойчивость и вариативность в системе сложноподчинённых предложений со значением обусловленности в современном русском литературном языке (на материале произведений научного и публицистического стилей): дис. ... д-ра филол. наук. Кострома, 2023. 619 с.

Ганцовская Н.С. Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в научном стиле современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1967. 274 с.

Ганцовская Н.С. К вопросу о глубине многокомпонентных сложноподчинённых предложений // Вопросы русского языка: сб. науч. трудов. Ярославль, 1976. Вып. 158. С. 83–90.

Дубровин Б.А. Тэта-функции и нелинейные уравнения // Успехи математических наук. 1981. Т. 36. Вып. 2 (218). С. 11–80.

Калашикова Г.Ф. Сложное предложение с соподчинением и последовательным подчинением в совре-

менном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1963. 242 с.

Манин Ю.И. Новые размерности в геометрии // Успехи математических наук. 1984. Т. 39. Вып. 6 (240). С. 47–73.

Манин Ю.И. Новые точные решения и комологический анализ обычных и суперсимметричных уравнений Янга-Миллса // Труды МИАН СССР. 1984а. Т. 165. С. 98–114.

Маслов В.П. Фазовые переходы нулевого рода и квантование закона Ципфа // Теоретическая и математическая физика. 2007. Т. 150, № 1. С. 118–142.

Никольский С.М. Краевая задача для многочленов // Труды МИАН. 1999. Т. 227. С. 233–236.

Новиков С.П. Алгебраическая топология // Современные проблемы математики. Москва: МИАН, 2004. 46 с.

Понтрягин Л.С. Непрерывные группы. Москва: Едиториал УРСС, 2009. 520 с.

Федосов Б.В. Теоремы об индексе // Итоги науки и техники. Сер.: Современные проблемы математики. Фундаментальные направления. 1991. Т. 65. С. 165–268.

Яковлев Г.Н. Некоторые свойства решений квазилинейных эллиптических уравнений // Труды МИАН СССР. 1975. Т. 134. С. 389–404.

References

Aleksandrov A.B. *Teorija funkcij v share* [Theory of functions in a ball] *Itoqi nauki i tehniki*. [The results of science and technology]. Ser.: *Sovremennye problemy matematiki. Fundamental'nye napravleniya* [Modern problems of Mathematics. Fundamental Directions], 1985, vol. 8, pp. 115–190. (In Russ.)

Bednarskaja L.D. *Zakonomernosti grammaticheskogo chlenenija mnogokomponentnyh slozhnyh predlozhenij: monografija* [Patterns of grammatical division of multi-component complex sentences: monograph]. Orjol, OGU Publ., 2010, 154 p. (In Russ.)

Bednarskaya L.D. *Zakonomernosti grammaticheskogo chlenenija mnogokomponentnyh slozhnyh predlozhenij: monografija* [Patterns of grammatical division of multi-component complex sentences: monograph], 2-e izd., ster. Moscow, FLINTA Publ., 2015, 152 p. (In Russ.)

Dubrovин B.A. *Tjeta-funkcii i nelinejnye uravnenija* [Theta functions and nonlinear equations]. *Uspehi matematicheskikh nauk* [Advances in Mathematical Sciences], 1981, vol. 36, iss. 2 (218), pp. 11–80. (In Russ.)

Fedosov B.V. *Teoremy ob indekse* [Index theorems]. *Itoqi nauki i tekhniki. Ser.: Sovremennye problemy matematiki. Fundamental'nye napravleniya* [The results of science and technology. Ser.: Modern problems of Mathematics. Fundamental Directions], 1991, vol. 65, pp. 165–268. (In Russ.)

Galkina N.P. *Ustojchivost' i variativnost' v sisteme slozhnopodchinjonnyh predlozhenij so znacheniem obuslovlennosti v sovremennom russkom literaturnom jazyke (na materiale proizvedenij nauchnogo i pulicisticheskogo stilej): dis. ... d-ra filol. nauk* [Stability and variability in the system of complex sentences with the meaning of conditionality in the modern Russian literary language (based on works of scientific and journalistic styles): diss. ... Doctor of Philological Sciences]. Kostroma, 2023, 619 p. (In Russ.)

Gancovskaya N.S. *Mnogokomponentnye slozhnopodchinjonnye predlozheniya v nauchnom stile sovremennogo russkogo jazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [Multicomponent complex sentences in the scientific style of the modern Russian language: PhD thesis]. Moscow, 1967, 274 p. (In Russ.)

Gancovskaja N.S. *K voprosu o glubine mnogokomponentnyh slozhnopodchinennyh predlozhenij* [On the question of the depth of multi-component complex sentences]. *Voprosy russkogo jazyka: sb. nauch. trudov* [Questions of the Russian language]. Jaroslavl', 1976, vol. 158, pp. 83–90. (In Russ.)

Jakovlev G.N. *Nekotorye svojstva reshenij kvazilinejnyh jellipticheskikh uravnenij* [Some properties of solutions of quasilinear elliptic equations]. *Trudy MIAN SSSR* [Works of MIAN SSSR], 1975, vol. 134, pp. 389–404. (In Russ.)

Kalashnikova G.F. *Slozhnoe predlozhenie s sopodchineniem i posledovatel'nyim podchineniem v sovremennom russkom literaturnom jazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [A complex sentence with subordination and sequential subordination in the modern Russian literary language: PhD thesis]. Rostov-na-Donu, 1963, 242 p. (In Russ.)

Manin Ju.I. *Novye razmernosti v geometrii* [New dimensions in geometry]. *Uspehi matematicheskikh nauk* [Advances in Mathematical Sciences], 1984, vol. 39, iss. 6 (240), pp. 47–73. (In Russ.)

Manin Ju.I. *Novye tochnye reshenija i kogomologicheskij analiz obychnykh i supersimmetrichnykh uravnenij Janga-Millsa* [New exact solutions and cohomological analysis of ordinary and supersymmetric Yang-Mills equations]. *Trudy MIAN SSSR* [Works of MIAN SSSR], 1984a, vol. 165, pp. 98–114. (In Russ.)

Maslov V.P. *Fazovye perehody nulevogo roda i kvantovanie zakona Cipfa* [Zero-order phase transitions and quantization of Zipf's law]. *Teoreticheskaja i matematicheskaja fizika* [Theoretical and mathematical physics], 2007, vol. 150, no. 1, pp. 118–142. (In Russ.)

Nikol'skij S.M. *Kraevaja zadacha dlja mnogochlenov* [Boundary value problem for polynomials]. *Trudy MIAN* [Works of MIAN], 1999, vol. 227, pp. 233–236. (In Russ.)

Novikov S.P. *Algebraicheskaja topologija* [Algebraic topology]. *Sovremennye problemy matematiki* [Modern problems of mathematics]. Moscow, MIAN Publ., 2004, 46 p. (In Russ.)

Pontryagin L.S. *Nepreryvnye grupy* [Continuous groups]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2009, 520 p. (In Russ.)

Volkova E.B. *Strukturno-semanticheskie osobennosti mnogokomponentnyh slozhnopodchinjonnyh predlozhenij s odnorodnym sopodchineniem v nauchnom stile russkogo jazyka* [Structural and semantic features of multicomponent complex sentences with homogeneous subordination in the scientific style of the Russian language]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2017, vol. 23, no. S, pp. 57–59. (In Russ.)

Volkova E.B., Remennikova I.A., Večerina E.A. *Tipičnye mnogokomponentnye slozhnopodchinjonnye predlozhenija v tekstah matematicheskikh proizvedenij na russkom i romano-germanskijh jazykah* [Typical multi-component complex sentences in the texts of mathematical works in Russian and Romano-Germanic languages]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2018, vol. 24, no. 4, pp. 223–227. (In Russ.)

Volkova E.B. *Parallel'noe sopodchinenie v nauchnom stile russkogo jazyka (na materiale tekstov matematicheskikh proizvedenij)* [Parallel subordination in the scientific style of the Russian language (based on the texts of mathematical works)]. *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser. Gumanitarnye nauki* [Modern science: current problems of theory and practice], 2018, no. 11/2, pp. 80–84. (In Russ.)

Volkova E.B., Korotun V.L. *Slozhnopodchinjonnye predlozhenija neodnorodnogo sopodchinenija s odnim uslovnym komponentom v nauchnom stile russkogo jazyka (na materiale tekstov matematicheskikh proizvedenij)* [Complex sentences of heterogeneous subordination with one conditional component in the scientific style of the Russian language (based on texts of mathematical works)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2023, vol. 29, no. 1, pp. 151–156. (In Russ.)

Volkova E.B., Korotun V.L. *Slozhnopodchinjonnye predlozhenija neodnorodnogo sopodchinenija s odnim prichinnym komponentom v nauchnom stile russkogo jazyka (na materiale tekstov matematicheskikh proizvedenij)* [Complex sentences of heterogeneous subordination with one causative component in the scientific style of the Russian language (based on texts of mathematical works)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2024, vol. 30, no. 3, pp. 148–153. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.08.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 15.08.2025; approved after reviewing 20.08.2025; accepted for publication 03.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 173–178. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 173–178. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 811.161.1

EDN HIGILQ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-173-178>

РАЗЛИЧЕНИЕ СОБСТВЕННО-УСТУПИТЕЛЬНЫХ И ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНО-УСТУПИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Галкина Наталия Павловна, доктор филологических наук, доцент, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко Министерства обороны Российской Федерации, Кострома, Россия, gnpav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7019-2413>

Аннотация. Сложность и многогранность семантики уступительности приводит к разделению сложноподчиненных предложений уступительного типа на несколько видов с учетом конкретизации значения уступительности. В статье рассматриваются два относительно частотных вида уступительных предложений: собственно-уступительные и присоединительно-уступительные. Разграничение указанных видов опирается на структурно-семантические признаки, к которым автор относит средства связи и порядок предикативных частей сложноподчиненного предложения; возможность замены средства связи на типизированный уступительный союз; узкий и широкий контекст. На многочисленных примерах из научных и публицистических текстов показаны структурно-семантические особенности сложноподчиненных предложений, способствующие различению собственно-уступительных и присоединительно-уступительных отношений в контексте предложения.

Ключевые слова: уступительное значение, подчинительный союз, придаточное предложение, модификация значения, противоречие, присоединительный оттенок.

Для цитирования: Галкина Н.П. Различение собственно-уступительных и присоединительно-уступительных отношений в контексте сложноподчинённых предложений // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 173–178. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-173-178>

Research Article

DISTINCTION BETWEEN PROPER-CONCESSIVE AND ACCESSORY-CONCESSIVE RELATIONS IN THE CONTEXT OF COMPLEX SENTENCES

Natalia P. Galkina, DSc in Philology, Associate Professor, Nuclear, Biological, Chemical Defence Military Academy named after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko, Kostroma, Russia, gnpav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7019-2413>

Abstract. The complexity and versatility of concessive semantics lead to the division of complex sentences of the concessive type into several types, taking into account the specific concession meaning. The article considers two relatively frequent types of concessive sentences – proper-concessive and accessory-concessive. The distinction between these types is based on structural-semantic features, to which the author refers the means of communication and the order of predicative parts of a complex sentence; the possibility of replacing the means of communication with a typical concessive conjunction; narrow and broad context. Numerous examples from scientific and journalistic texts show the structural-semantic features of complex sentences, which help to distinguish between proper-concessive and accessory-concessive relations in the context of a sentence.

Keywords: concessive meaning, subordinate conjunction, subordinate clause, modification of meaning, contradiction, additional shade.

For citation: Galkina N.P. Distinction between proper-concessive and accessory-concessive relations in the context of complex sentences. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 173–178. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-173-178>

Уступительные отношения являются сложными, многоаспектными. Согласно академической «Русской грамматике» в придаточной части уступительного сложноподчинённого предложения (далее СППУст) описывается неблагоприятствующая или препятствующая ситуация, либо в придаточной части представлен контраргумент, опровергающий или ограничивающий истинность, безоговорочность того, о чём говорится в главной части [РГ 1980: 586]. Многие исследователи обращают внимание на связь значения уступительности с условным, причинным и противительным значением [Абакумов: 161; Гвоздев: 281; Земский, Крючков, Светлаев: 171; Формановская: 193]. В.С. Храковский отмечает, что уступительные конструкции деривационно восходят к причинным и условным конструкциям, на которые также наслаивается смысл 'противоречие' [Храковский: 13].

Сложность и многогранность семантики уступительности приводит к разделению СППУст на несколько видов с учетом конкретизации значения уступки. Представляется, что такое разграничение должно опираться на структурно-семантические признаки (индикаторы) частного значения и вида СППУст. По нашему мнению, к ним относятся: 1) подчинительный союз (союзное сочетание); 2) порядок предикативных частей сложноподчиненного предложения (СПП); 3) возможность замены средства связи на типизированный уступительный союз; 4) контекст узкий и широкий. Рассмотрим структурно-семантические особенности СПП, способствующие различению собственно-уступительных и присоединительно-уступительных отношений и, соответственно, видов СППУст.

Конструкции, семантика уступительности в которых проявляется наиболее явно, однозначно, без модификации и совмещения с другими значениями, можно назвать собственно-уступительными. В.С. Храковский относит их к причинно-уступительным [Храковский: 10; 594]. В собственно-уступительных СПП придаточное сообщает о некой ситуации как о потенциальной причине; главная часть представляет ситуацию, противоречащую или не соответствующую ожидаемому следствию. По выражению А.К. Федорова, потенциальная причина, представленная в придаточной части, является фактором, недостаточным для того, чтобы получить предполагаемый результат [Федоров: 23].

Сложность семантики уступительности заключается в том, что эксплицитно выраженными оказываются только исходное и результативное звенья, в то время как промежуточное звено находится в сфере имплицитного, то есть в содержании СППУст имеется некая скрытая (выраженная неявно) информация. Считаем, что возможность выявить такое имплицитное звено в контексте СПП является приметой

собственно-уступительных отношений. Прокомментируем несколько примеров из научного стиля, грамматика которого стандартизирована и предложения «наиболее близко стоят к языковой модели» [Ломтев: 8]. См., например: *Хотя плотность вероятности для волнового пакета не сосредоточена в одной точке $x = vt$, вероятность (того, что эта плотность отлична от нуля), резко падает при удалении от упомянутой точки* [Барановский: 52]. Потенциальная причина – *плотность вероятности для волнового пакета не сосредоточена в одной точке*; предполагаемое следствие – *можно ожидать, что плотность вероятности отлична от нуля в любой точке*; в главной части представлена реальная ситуация – *плотность вероятности резко падает при удалении от упомянутой точки*. Имплицитное звено, разъясняющее противоречие – *при удалении от упомянутой точки*. Информацию, снимающую противоречие содержания придаточной и главной частей СППУст, можно обнаружить в более широком контексте: *Хотя в данном случае и не происходит фазового превращения катализатора, кинетика реакции может быть значительно усложнена* [Июффе: 90]. Далее представлено описание сложной реакции.

Собственно-уступительное значение отчетливо проявляется в контексте полипредикативного предложения, в котором второе придаточное как раз и разъясняет истинную причину противоречия между реальной ситуацией и содержанием уступительного придаточного. Например: *Хотя цепь и приобретает заряд, раствор в целом остается электронейтральным, поскольку суммарный заряд полинона и контрионов равен нулю* [Рамбиди: 256].

Основным квалифицирующим признаком сложноподчиненного предложения является союз. В ряду союзных средств СППУст наиболее типичным и употребительным носителем значения уступки является союз *хотя*. Он маркирует уступительные отношения в самом общем виде и указывает на любые оттенки многоплановой семантики уступительности [РГ 1980: 587]. Как видно на примерах, а также по результатам нашего более широкого исследования, большинство собственно-уступительных конструкций строятся при участии союза *хотя*, который присоединяет придаточную часть в препозиции (перед главной частью). При таком построении в начале (в придаточной части) сообщается некая известная ситуация (тема) и акцентируется внимание на противоречащем ей следствии (главная часть – рема высказывания). Постпозиция придаточного придаёт ему присоединительный оттенок, ослабляя собственно-уступительное значение. См.: *Она проявляется как недостаточность соответствующего витамина (гиповитаминоз), хотя концентрация витамина в тканях при этом может быть и высокой* [Николаев: 185].

Наиболее сильным и однозначным по семантике уступительного значения является составной союз *несмотря на то (,) что*. Проведённый анализ подтверждает, что союз *несмотря на то (,) что* служит выражению собственно-уступительных отношений как при оформлении препозитивных, так и постпозитивных придаточных. Например: *Несмотря на то, что эти принципы подверглись некоторой корректировке и модернизации, они в основе своей остались неизменными* [Иоффе: 8]. В придаточной части говорится о корректировке и модернизации принципов, логическим продолжением которых могли бы быть некоторые изменения. Но главная часть представляет противоположный результат – они (принципы) в основе своей остались неизменными. См. пример с придаточным в постпозиции: *Система ведет себя как единое целое, несмотря на то что химические взаимодействия носят короткодействующий характер* [Пригожин: 150]. Ситуация, представленная в главной части, – *система ведет себя как единое целое*; в придаточной – причина, недостаточная, чтобы изменить ситуацию (*химические взаимодействия носят короткодействующий характер*). В случае замены союзом *хотя* собственно-уступительное значение было бы ослаблено присоединительным оттенком. Ср.: *Система ведет себя как единое целое, хотя химические взаимодействия носят короткодействующий характер*.

Предложения, в которых сема уступки ослаблена совмещением с другими значениями, мы квалифицируем как несобственно-уступительные конструкции. К ним относятся присоединительно-уступительные предложения. В них придаточная часть выражает не потенциальную недостаточную причину, а добавочное замечание, в какой-то степени противоречащее содержанию главной части: дополнительное обстоятельство, уточнение, оценку, поправку или позицию говорящего и т. п. См. примеры СППУст с присоединительно-уступительным значением: 1) *Для жизнедеятельности организма помимо информации из внешней среды очень важны сигналы, идущие из внутренней среды, хотя ощущения, возникающие при этом, трудно точно охарактеризовать и определить* [Берёзин, Савин: 71] – оценка (*трудно точно охарактеризовать и определить*); 2) *В наночастицах бериллия и висмута найдены кубические фазы, хотя в массивном состоянии эти элементы имеют ГПУ решётку* [Гусев: 201] – дополнительное обстоятельство (*в массивном состоянии*); 3) *Такой подход представляется довольно глубоким, хотя его условность также очевидна* [Гинзбург: 69] – добавочное замечание.

В большинстве случаев в данной разновидности СППУст союз *хотя* прикрепляет постпозитивное придаточное. В качестве опосредованного признака,

указывающего на присоединительно-уступительные, а не собственно-уступительные отношения, назовём невозможность или неуместность замены союза *хотя* на скрепу с сильной уступительной семантикой *несмотря на то (,) что*. Ср. при трансформации (пример 1): *Для жизнедеятельности организма очень важны сигналы, идущие из внутренней среды, несмотря на то что ощущения, возникающие при этом, трудно точно охарактеризовать и определить*.

Присоединительно-уступительное значение выражается в конструкциях с придаточным в интерпозиции. Например: *Те направления, которые активно развиваются в настоящее время, хотя и не во всем являются новыми, базируются на богатом идейном фундаменте* [Гинзбург: 105]. При такой позиции (внутри главного) придаточное квалифицируется как добавочное замечание.

Для всестороннего исследования конструкций с семантикой уступительности важными являются примеры из публицистических произведений, где требуется подробное описание ситуаций, с учетом несоответствий, противоречий, возможных препятствий, дополнительных аргументов, относящихся к семантике уступительности. Рассмотрим примеры СПП собственно-уступительного и присоединительно-уступительного значения.

Собственно-уступительные СПП: 1) *Хотя она уже некоторое время не покидала постели, но еще сохранила все свои умственные способности...* [Углов: 14]. Предполагаемая причина – *она не покидала постели* – приводит к ожиданию того, что у неё слабое состояние. Реальная ситуация противоречит ожидаемому следствию – (*она*) *ещё сохранила все свои умственные способности*. Уточняющий элемент *умственные (способности)* и частица *ещё* косвенно указывают на то, что ситуация не полностью противоречит предполагаемому выводу и может измениться в его сторону. См. ещё пример: 2) *Хотя он был человеком крупного масштаба и мало обращал внимания на внешние эффекты, все же такое откровенное пренебрежение неприятно кольнуло в сердце* [Углов: 18]. Сочетание *все же* актуализирует, подчеркивает противоречие между содержанием придаточной и главной части (*мало обращал внимания – неприятно кольнуло в сердце*), что является признаком собственно-уступительных отношений. В то же время компонент *такое откровенное пренебрежение* составляет звено, снимающее противоречие. В следующем предложении информация, разъясняющая противоречие, представлена как добавочная в главной части: 3) *...хотя это очень интересно, ни один издатель не захочет опубликовать ее (рукопись. – Н. Г.) в таком виде – без какой-либо информации о тебе, о твоей личной жизни* [Познер: 6]. Придаточная часть (*это очень интересно*) выражает при-

чину, которая оказывается недостаточной для того, чтобы рукопись захотели опубликовать (ожидаемое следствие). Содержание главной части описывает реальную ситуацию (*ни один издатель не захочет её опубликовать*) и уточнение/пояснение, снимающее противоречие, – *в таком виде, т. е. без какой-либо информации о тебе, о твоей личной жизни*. Разъяснение противоречия может содержаться и в более широком контексте, в виде отдельного предложения (отдельных предложений).

Таким образом, препозиция придаточного, вводимого союзом *хотя*, коррелирует с противительным значением в главной части и лексические компоненты, снимающие (разъясняющие) противоречие, указывают на собственно-уступительные отношения в СППУст. Постпозитивное придаточное уступки приобретает присоединительный оттенок: *Ни одному человеку в мире не придёт в голову назвать кубинцев обезьянами или рабами, хотя рабы там – в каждой семейной родословной* [Сёмин: 14].

Приведём примеры собственно-уступительных СПП, оформленных союзом *несмотря на то* (,) что, обладающим, как уже говорилось, сильной уступительной семантикой: 1) *Несмотря на то, что я осознавал себя французом, несмотря на прохладное отношение к Америке отца, я-то Америку любил* [Познер: 75]. В данном построении скрепы *несмотря на то, что/несмотря на* чётко указывают на недостаточную причину (*осознавал себя французом*) и потенциально препятствующую ситуацию (*прохладное отношение к Америке отца*), которые все же «уступают» тому, что *я-то Америку любил*. Пример СППУст с придаточным в постпозиции: 2) *Эта книга не потеряла своего значения и сегодня, несмотря на то, что наука обогатилась другими крупными собраниями деревенских припевок, или вертушек... как называли частушки в разных местах России* [Новый мир 1: 266].

Как мы отмечали выше, собственно-уступительное значение отчётливо проявляется в многокомпонентном предложении, поскольку причина, которая является достаточной для получения описываемого следствия (ожидаемого результата), представлена эксплицитно в другой придаточной части. На это также указывает исследователь СПП уступки Е.В. Золинова ([Золинова: 25], см. также: [РГ 1980: 590]). Пример: 1) *И несмотря на то, что его трудовая деятельность не только не слабела, но продолжала набирать темпы... его ставить на голосование не хотят, так как у него уже пенсионный возраст* [Углов]. Второе придаточное со значением причины (*так как у него уже пенсионный возраст*) разъясняет истинную причину противоречия между уступительным придаточным и содержанием главной части.

Присоединительно-уступительные предложения достаточно частотны в публицистических тек-

стах, требующих описания различных обстоятельств, упоминания о возможной альтернативе, иной точке зрения, степени достоверности и т. п. Основным средством связи, используемым в данной разновидности СППУст, является, главным образом, союз *хотя* при подключении придаточного после главного (в постпозиции), реже – в интерпозиции, а также, что нередко в публицистике, при формальном отделении придаточной части от главной (парцелляция). Такие случаи оформления придаточных уступки указывают на присоединительное значение содержащейся информации. Приведём примеры СППУст с присоединительно-уступительным значением: 1) *Переводить его на английский достаточно трудно, хотя переводы и существуют* [Полухина: 9] – уточнение; 2) *В то время их (стихи. – Н. Г.) читало всего несколько человек, и никто их не переводил, хотя, конечно, они были не так уж и хороши* [Полухина: 9] – авторская оценка. Присоединительно-уступительные СППУст с придаточным в интерпозиции: 3) *Например, в русском языке, хотя это сильное обвинение, всегда присутствует ожидание полной перестановки* [Полухина: 18] – поправка; 4) *Ущемленная грыжа, прободная язва желудка или заворот кишечника в наше время, хоть и считаются очень грозными заболеваниями, при своевременной операции в большинстве случаев имеют благоприятный исход* [Углов: 14] – уточнение.

Выражение присоединительно-уступительного значения подкрепляется парцелляцией придаточной части. Например: *Я люблю докопаться до истины. Хотя все чаще я задумываюсь над тем, стоит ли разрушать мифы...* [Мухин: 50] – сомнение, неопределённость. Благодаря парцелляции придаточного присоединительно-уступительное значение приобретают и предложения, оформленные другими средствами. См., например: *Здесь ничего никогда не изменится. Даже если к Капитолийскому холму, как в 1995-м, выйдет очередной «мари миллионов»* [Сёмин: 14]. Вынесение предложения, оформленного сочетанием *даже если*, за рамки основного высказывания, подчеркивает независимость утверждаемого в главной части от препятствующей ситуации, которая является гипотетичной – отсюда присоединительный оттенок парцеллята с условно-уступительным значением. См. далее оформление авторского уточнения при помощи слова *правда*: *Работали мы хорошо и получали прилично. Правда, оштукатуривание стен и потолков давалось с превеликим трудом. Ср.: Работали мы хорошо и получали прилично. Хотя оштукатуривание стен и потолков давалось с превеликим трудом.*

Итак, в СППУст можно выделить чёткие структурные признаки, позволяющие квалифицировать собственно-уступительные или присоединительно-уступительные отношения. Это прежде всего сред-

ство связи и порядок частей СППУст. В собственно-уступительных предложениях используются союзы *хотя* и *несмотря на то* (,) *что*, оформляющие придаточное в препозиции (в случае с союзом *несмотря на то* (,) *что* возможна и постпозиция придаточного). Противопоставление содержания придаточной и главной частей может быть подчеркнуто (усилено) подключением противительного союза или сочетания (*но, однако, все же, тем не менее* и т. п.). В семантическом плане в контексте собственно-уступительных СПП имеется уточняющий элемент, указывающий на то имплицитное звено умозаключения, которое разъясняет или снимает противоречие между потенциальной причиной и не соответствующим ей следствием. Собственно-уступительные отношения могут быть отчетливо выражены в составе многокомпонентных предложений, в которых второе придаточное разъясняет истинную причину противоречия между уступительным придаточным и следствием.

В присоединительно-уступительных предложениях придаточное расположено после главного (реже – внутри главного предложения), оформлено нейтральным союзом *хотя*, возможно также употребление малочастотных средств связи, имеющих дополнительный смысловой, присоединительный или стилистический оттенок. Сильным признаком присоединительно-го значения является парцелляция придаточной части. В контексте присоединительно-уступительных предложений нет указания на несоответствие, противоречие между содержанием главной и придаточной части.

Список литературы

- Абакумов С.И.* Современный русский литературный язык: учеб. пособие. Москва: Сов. наука, 1942. 184 с.
- Барановский В.И.* Квантовая механика и квантовая химия: учеб. пособие для студ. Москва: Академия, 2008. 384 с.
- Березин И.В., Савин Ю.В.* Основы биохимии (Общебиологическое введение. Статическая биохимия): учеб. пособие. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 252 с.
- Гвоздев А.Н.* Современный русский литературный язык. Ч. 2. Синтаксис. 3-е изд. Москва: Просвещение, 1968. 344 с.
- Гинзбург В.Л.* О физике и астрофизике: статьи и выступления. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1992. 528 с.
- Гусев А.И.* Наноматериалы, наноструктуры, нанотехнологии. Москва: Физматлит, 2005. 416 с.
- Золинова Е.В.* Функционально-семантические особенности сложноподчиненных предложений уступительного типа в публицистическом стиле русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Кострома, 2009. 250 с.
- Земский А.М., Крючков С.Е., Светлаев М.В.* Русский язык: учеб. для пед. училищ: в 2 ч. Ч. 2. Синтаксис. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Просвещение, 1980. 222 с.
- Ломтев Т.М.* О некоторых вопросах структуры предложения // Филологические науки. 1959. № 4. С. 3–17.
- Николаев А.Я.* Биологическая химия. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Медицинское информ. агентство, 2004. 566 с.
- Мухин Ю.И.* Тирания глупости // LibFox : сайт. URL: <https://www.libfox.ru/310970-yuriy-muhin-tiraniyagluposti.html#book> (дата обращения: 29.09.2022).
- Новый мир: журнал. 1960. № 1. 288 с.
- Новый мир: журнал. 1960. № 11. 290 с.
- Познер В.В.* Прощание с иллюзиями. Москва: АСТ, 2012. 480 с.
- Полухина В.* Иосиф Бродский. Большая книга интервью // RoyalLib.com: электрон. библиотека. URL: https://royallib.com/book/poluhina_valentina/iosif_brodskiy_bolshaya_kniga_intervyu.html (дата обращения: 02.08.2025).
- Пригожин И.* От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках / под ред. Ю.Л. Климонтовича. Москва: Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1985. 328 с.
- Рамбиди Н.Г., Берёзкин А.В.* Физические и химические основы нанотехнологий. Москва: Физматлит, 2008. 456 с.
- РГ 1980 – Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / Е.А. Брызгунова, К.В. Габучан и др.; гл. ред. Н.Ю. Шведова. Москва: Наука, 1980. 714 с.
- Сёмин К.* Агитпроп. Идеология победы. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=268163> (дата обращения: 30.04.2021).
- Синдаловский Н.* Легенды петербургских садов и парков. URL: <http://rubooks.net/book.php?book=3274> (дата обращения: 10.05.2023).
- Углов Ф.Г.* Человеку мало века // RoyalLib.com: электрон. библиотека. https://royallib.com/book/uglov_fyodor/cheloveku_malo_veka.html (дата обращения: 02.07.2025).
- Федоров А.К.* Спорные вопросы анализа сложноподчиненного предложения уступительного типа // Исследования по семантике и структуре синтаксических единиц: межвуз. сб. ст. Орел, 1998. С. 21–33.
- Формановская Н.И.* Современный русский язык. Сложноподчиненное предложение. Москва: Изд-во МГУ, 1966. 75 с.
- Храковский В.С.* Типология уступительных конструкций. Санкт-Петербург: Наука, 2004. 625 с.

References

Abakumov S.I. *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk: ucheb. posobie* [Modern Russian literary lan-

guage: textbook]. Moscow, Sov. nauka Publ., 1942, 184 p. (In Russ.)

Baranovskij V.I. *Kvantovaya mekhanika i kvantovaya himiya: ucheb. posobie dlya stud.* [Quantum mechanics and quantum chemistry: a textbook for students]. Moscow, Akademiya Publ., 2008, 384 p. (In Russ.)

Berezin I.V., Savin Yu.V. *Osnovy biohimii (Obshchebiologicheskoe vvedenie. Staticheskaya biohimiya): ucheb. posobie* [Fundamentals of Biochemistry (General Biological Introduction. Static Biochemistry): study guide]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1990, 252 p. (In Russ.)

Fedorov A.K. *Spornye voprosy analiza slozhnopodchinennogo predlozheniya ustupitel'nogo tipa* [Controversial issues of analysis of complex sentence of concessive type]. *Issledovaniya po semantike i strukture sintaksicheskikh edinic: mezhevuz. sb. st.* [Research on semantics and structure of syntactic units: interuniversity collection of articles]. Oryol, 1998, pp. 21–33. (In Russ.)

Formanovskaya N.I. *Sovremennyy russkij yazyk. Slozhnopodchinennoe predlozhenie* [Modern Russian language. Complex sentence]. Moscow, MGU Publ., 1966, 75 p. (In Russ.)

Gvozdev A.N. *Sovremennyy russkij literaturnyy yazyk. Ch. 2. Sintaksis* [Modern Russian Literary Language. Part 2. Syntax], 3rd ed. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968, 344 p. (In Russ.)

Ginzburg V.L. *O fizike i astrofizike: ctat'i i vystupleniya* [On Physics and Astrophysics: Articles and Speeches], 2nd ed. Moscow, Nauka, Gl. red. fiz.-mat. lit. Publ., 1992, 528 p. (In Russ.)

Gusev A.I. *Nanomaterialy, nanostruktury, nanotekhnologii* [Nanomaterials, Nanostructures, Nanotechnologies]. Moscow, Fizmatlit Publ., 2005, 416 p. (In Russ.)

Hrakovskij V.S. *Tipologiya ustupitel'nykh konstrukcij* [Typology of concessive constructions]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, 625 p. (In Russ.)

Lomtev T.M. *O nekotorykh voprosakh struktury predlozheniya* [On some Issues of sentence structure]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1959, no. 4, pp. 3–17. (In Russ.)

Muhin Yu.I. *Tiraniya gluposti* [The Tyranny of Stupidity]. *LibFox: site*. URL: <https://www.libfox.ru/310970-yuriy-muhin-tiraniyagluposti.html#book> (access date: 29.09.2022). (In Russ.)

Nikolaev A.Ya. *Biologicheskaya himiya* [Biological Chemistry], 3rd ed. Moscow, Medicinskoe inform. agentstvo Publ., 2004, 566 p. (In Russ.)

Novyj mir, 1960, № 1, 288 p. (In Russ.)

Novyj mir, 1960, № 11, 290 p. (In Russ.)

Pozner V.V. *Proshchaniye s illyuziyami* [Farewell to illusions]. Moscow, AST Publ., 2012, 480 p. (In Russ.)

Poluhina V. *Iosif Brodskij. Bol'shaya kniga interv'yu* [Joseph Brodsky. The Big Book of Interviews]. *RoyalLib.com*. URL: https://royallib.com/book/poluhina_valentina/iosif_brodskiy_bolshaya_kniga_intervyu.html (access date: 02.08.2025). (In Russ.)

Prigozhin I. *Ot sushchestvuyushchego k voznikayushchemu: Vremya i slozhnost' v fizicheskikh naukakh* [From the existing to the emerging: Time and complexity in the physical sciences]. Moscow, Nauka, Gl. red. fiz.-mat. lit. Publ., 1985, 328 p. (In Russ.)

Rambidi N.G., Beryozkin A.V. *Fizicheskie i himicheskie osnovy nanotekhnologii* [Physical and chemical foundations of nanotechnology]. Moscow, Fizmatlit Publ., 2008, 456 p. (In Russ.)

Russkaya grammatika: v 2 t. T. 2. Sintaksis [Russian grammar: in 2 vols. Vol. 2. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 714 p. (In Russ.)

Syomin K. *Agitprop. Ideologiya pobedy* [Agitprop. Ideology of victory]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=268163> (access date: 30.04.2021). (In Russ.)

Sindalovskij N. *Legendy peterburgskih sadov i parkov* [Legends of St. Petersburg gardens and parks]. URL: <http://rubooks.net/book.php?book=3274> (access date: 10.05.2023). (In Russ.)

Uglov F.G. *Cheloveku malo veka* [A century is not enough for a person]. *RoyalLib.com*. URL: https://royallib.com/book/uglov_fyodor/cheloveku_malo_veka.html (access date: 02.07.2025). (In Russ.)

Zemskij A.M., Kryuchkov S.E., Svetlaev M.V. *Russkij yazyk: uchebnik dlya ped. uchilishch: v 2 ch. Ch. 2. Sintaksis* [Russian language: textbook for pedagogical schools: in 2 parts. Part 2. Syntax], 9th ed. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1980, 222 p. (In Russ.)

Zolinova E.V. *Funkcional'no-semanticheskie osobennosti slozhnopodchinennykh predlozhenij ustupitel'nogo tipa v publicisticheskom stile russkogo i anglijskogo yazykov: dis. ... kand. filol. nauk* [Functional and semantic features of complex sentences of the concessive type in the journalistic style of the Russian and English languages: Diss. ... Cand. of Philological Sciences]. Kostroma, 2009, 50 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.08.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 12.09.2025.

The article was submitted 20.08.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 12.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 179–186. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 179–186. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.9. Русский язык. Языки народов России

УДК 811.161.1'282

EDN CSCOFЕ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-179-186>

НЕОФРАЗЕМЫ С СЕНСОРНО-ВКУСОВЫМ КОМПОНЕНТОМ В ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ АВТОРА

Бодрова Елена Владимировна, Магнитогорский государственный технический университет, Магнитогорск, Россия,
Leyaisr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8112-6232>

Аннотация. В центре внимания автора неофраземы с сенсорно-вкусовым компонентом, функционирующие в юмористическом дискурсе в условиях цифровой эпохи. Цель их изучения – осмысление неофразеологизации сверхсловных неологизмов, являющихся вербализаторами современных социальных установок и национальных стереотипов. Рассматривается вопрос об их моделировании. Выявлено, что структурные модели (главное слово из тематической группы «парфюмерная продукция» / «сладкий напиток» / «кулинарное изделие» / «молочная продукция» / «сенсорные ощущения» с зависимым именем существительным) традиционны для русского языка, но при этом каждый из выявленных вариантов смыслового наполнения модели представляет собой образец нетривиального сочетания компонентов (*духи с запахом компьютера, жевательная резинка со вкусом псины, огурцовый компот, сыр «Covid-19», звуки плацкартного вагона*). В качестве основных когнитивных процедур неофразеологизации называются замена слотов, расширение структуры фреймов за счет нового знания, фреймовые «сдвиги». Особое внимание уделяется лингвокультурологическому комментарию и описанию интенций «анонимных авторов» анекдотов – участников процесса творческого ословливания мира. Вновь образующиеся единицы свидетельствуют о лингвокреативной основе неофразеологизации. Выполненный анализ креативных сенсорно-вкусовых неофразем выявляет возможности языковой игры в современном анекдотическом дискурсе.

Ключевые слова: неофразема, сенсорно-вкусовой компонент, неофразеологизация, национальный стереотип, лингвокреативность, анекдот, структура фрейма.

Для цитирования: Бодрова Е.В. Неофраземы с сенсорно-вкусовым компонентом в юмористическом дискурсе: когнитивные процедуры и прагматические установки автора // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 179–186. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-179-186>

Research Article

NEOPHRASEMES WITH A SENSORY-GASTRIC COMPONENT IN HUMORISTIC DISCOURSE: COGNITIVE PROCEDURES AND PRAGMATIC ATTITUDE OF THE AUTHOR

Elena V. Bodrova, Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, Russia, Leyaisr@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8112-6232>

Abstract. The author focuses on neophrasemes with a sensory-taste component, functioning in humorous discourse in the digital age. The purpose of their study is to understand the neophraseologisation of super-word neologisms, which prove to be verbalisers of modern social attitudes and national stereotypes. The issue of their modelling is considered. It was revealed that the structural models (the main word from the thematic group “perfume products” / “sweet drink” / “culinary product” / “dairy products” / “sensory sensations” with a dependent noun) are traditional for the Russian language, but at the same time, each of the identified variants of the semantic content of the model is an example of a non-trivial combination of components (perfume with the smell of a computer, chewing gum with the taste of dog, cucumber compote, “Covid-19” cheese, the sounds of a reserved seat carriage). The main cognitive procedures of neophraseologisation include slot replacement, frame structure expansion due to new knowledge, frame “shifts”. Particular attention is paid to linguocultural commentary and description of the intentions of jokes’ “anonymous authors” – participants in the process of creatively denouncing the world. Newly formed units testify to the linguocreative basis of neophraseologisation. The performed analysis of creative sensory-taste neophrases reveals the possibilities of pun in modern anecdotal discourse.

Keywords: neophraseme, sensory-taste component, neophraseologisation, national stereotype, linguocreativity, joke, frame structure.

For citation: Bodrova E.V. Neophrasemes with a sensory-gastric component in humoristic discourse: cognitive procedures and pragmatic attitude of the author. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 179–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-179-186>

В современной науке о языке человек «говорящий» признан личностью творческой: он использует потенциал языковой системы, интерпретирует ее единицы, исходя из собственных интересов и целей. Лингво-креативная деятельность субъекта, по Е.В. Харченко, предполагает появление нового продукта мыслительной деятельности, закрепленного и оформленного с помощью вербальных знаков [Харченко, Мань Шу: 454]. На творческий характер таких единиц указывают необычность формы и оригинальность представления информации о мире. В.З. Демьянков подчеркивает, что «креативность сродни невероятности и невозможности» [Демьянков: 3].

Принято считать, что «любое... языковое образование изначально представляет собой продукт индивидуального творчества» [Зыкова: 77]. Признание языкового творчества уникальной способностью человека «говорящего» позволяет посмотреть на неофразеологизацию сверхсловных единиц с позиции лингвокреативности и индивидуальности. Речь идет о словотворчестве, при котором нестандартное соединение слов помогает говорящему «выявить индивидуальность своей языковой личности» [Коновалова: 34]. Креативное новообразование сверхсловных единиц почти всегда выходит за рамки традиционной валентности и приобретает статус нового не только по формальному показателю, но и в силу «свежести» взгляда, позиции, оценки. По мнению Н.Ф. Алефиренко, «фразеологическая репрезентация субъективного образа мира детерминирована многовекторной деятельностью людей» [Алефиренко: 24]. Креативные манипуляции с языковым материалом позволяют «вырваться из “серого” одноплоскостного мироприятия; расставлять ценностно-смысловые акценты в неосфере своего бытования ...» [Алефиренко: 24].

Сенсорные ощущения, без которых образ человека нельзя было бы считать в полной мере точным, маркируются говорящими лексико-фразеологическими средствами. Сенсорно-вкусовые слова позволяют репрезентировать работу пяти органов чувств: они, уточняет А.Ф. Папина, «фиксируют реакции на различные объекты действительности» [Папина: 275].

Чувственно-практическая деятельность человека характеризуется биполярностью: с одной стороны, сенсорные ощущения индивидуальны, а с другой стороны, апеллируют к общенародному опыту, что подтверждается содержанием русских пословиц (*В незрелом яблоке вкуса нет. Красна ягодка, да на вкус горька. Гладок да мягок, да на вкус гадок*).

По наблюдению ученых, «человек различает в ощущениях гораздо больше свойств сравнитель-

но с теми, которые зафиксированы в его понятийной системе» [Арутюнова: 208]. Отмечаемый дефицит сенсорных образов в языке восполняется, считает В.К. Харченко, в художественной прозе, которая «сохраняет высокий экспериментаторский потенциал «языкового расширения» перцепции [Харченко: 51]. Насыщенность сенсорных ощущений в художественном тексте достигается нестандартным моделированием единиц, которое характерно для данного типа дискурса. Однако творческая «игра» с сенсорными реакциями выходит за его рамки, обогащая речевые практики.

Наше внимание привлекли сенсорно-вкусовые неофраземы, функционирующие в русском анекдотическом дискурсе: *духи с запахом компьютера, звуки плацкартного вагона, жевательная резинка со вкусом псины, огурцовый компот, сыр «Covid-19»* и др. Игровая основа комбинаторики перечисленных сверхсловных неологизмов, проявляющаяся в языковых формах, неожиданных с точки зрения здравого смысла, функционально оправдана в анекдоте: «неправильные формы» становятся причиной смеха. Адресат включается в языковую игру, если умеет распознать скрытые смыслы, что вполне осуществимо, когда он «обладает фоновыми знаниями» [Абилюнова 2017: 173].

В связи со сказанным особый интерес для исследования представляют креативные сенсорные сверхсловные единицы из современных анекдотов, анализ которых может дать ключ к пониманию неофразеологизации в условиях языковой игры. В качестве методов исследования неофразем используются фреймовый, лингвокультурологический анализ, а также контекстуальный и компонентный. Языковая игра как основа образования выделенных неофразем, доступная носителям русского языка для «считывания», стала предметом изучения, результаты которого представлены в содержании статьи.

Игровое начало является жанровой чертой анекдота. Адресат шуточных миниатюр оказывается участником игры, предполагающей дешифровку смыслов и некоего знания. Включенность в процесс подобной игры и декодирование возможны при «наличии общего знания о мире» (по Карасику [Карасик: 260]), достаточной подготовленности слушателя и его умения «считывать» нужные для адресанта смыслы. В качестве подсказок выступают прецедентные тексты, ситуации, растиражированные клише и имена персонажей. В случае беспрецедентности узнаваемыми являются языковые модели: адресат восстанавливает норму, соотносит ее с неправильной

формой из анекдота и обнаруживает парадокс. В этот момент прагматические установки автора языковой шутки достигают основной цели. Осознанное использование адресантом языковой аномалии, делают выводы исследователи, «порождает смешное содержание» [Абильдинова 2010: 7]. Обратимся к реконструкции игрового моделирования единиц из современных анекдотов.

Рассматриваемые в статье неофраземы (*духи с запахом компьютера, жевательная резинка со вкусом псины, огурцовый компот, сыр «Covid-19», звуки плацкартного вагона*) образованы, собственно, по традиционным языковым моделям, которые распространены в речевых практиках:

– конструкция 1: парфюмерная продукция (мыло/шампунь/крем/духи) + с запахом (чего?) + название аромата: *духи с запахом компьютера = мыло с запахом клубники/кокоса/апельсина; духи с запахом лаванды/розы* и т. п.;

– конструкция 2: сладкий напиток (кисель/компот/морс) + название фруктов или ягод, из которых напиток приготовлен: *огурцовый компот = клюквенный/смородиновый морс; яблочный/сливовый кисель; грушевый/вишневый компот* и т. п.;

– конструкция 3: звук + указание на его источник: *звуки плацкартного вагона = звуки наковальни; звуки двигателя самолета* и т. п.;

– конструкция 4: продукт (йогурт / жевательная резинка / начинка / конфета) + со вкусом + название вкуса: *жевательная резинка со вкусом псины = конфета со вкусом мяты; йогурт со вкусом черники* и т. п.

Важно отметить, что конструкция 1 получила широкое распространение: в цифровом пространстве обнаруживается целая фразеологическая серия (ср. *духи с запахом борща, духи с запахом шашлыка, духи с запахом счастья*). В целом наполнение традиционных схем языковым материалом, выходящим за рамки привычной сочетаемости слов (в работе В.М. Мокиенко рассматриваемый процесс обозначен как словесный парадокс: [Мокиенко: 7]), служит прагматическим установкам автора анекдота: абсурдные, с позиции нормы, «картинки» действительности вызывают смех.

На следующем этапе наблюдения неофразеологии сверхсловных образований с сенсорно-вкусовым компонентом требуется описание процесса интерпретации фрейма в целях языковой игры.

В современном мире наблюдается повышенный интерес к ароматерапии: расширилось производство парфюмерных товаров, развивается особый вид хобби – создание ароматизированной продукции. Вокруг одорики много мифов и фантазий, многие из них не имеют научного подтверждения. По признанию ученых, «с молекулярной точки зрения пока непо-

нятно, в каких единицах измерять интенсивность запаха и от чего она зависит, что такое качество запаха, его «букет», чем отличается один запах от другого и как охарактеризовать это отличие» [Майоров: 69]. И хотя у Homo sapiens, в отличие от других млекопитающих, нет вомероназального органа, отвечающего за восприятие феромонов, и отделы мозга, воспринимающие и перерабатывающие запахи, развиты слабо [Котенкова], одорические образы занимают особую нишу в языковой картине мира. Человек живет в окружении природных, бытовых и искусственных запахов, которые он делит на низкие и высокие, приятные и отвратительные. При этом положительная или отрицательная оценка дается как запахам естественной природы, так и запахам цивилизации. Нельзя не сказать о том, что их предпочтение или отрицание – процесс индивидуальный, а одорические пристрастия непостоянны. Гамма запахов разнообразна и знакома, например, читателю художественных текстов. Ему понятно и близко их эмоциональное и психическое воздействие. Так, в реальной жизни, как и в любовном сюжете, запахи волос, тела, одежды, духов неразрывно связаны с образом объекта любви, они служат своеобразными обонятельными стимуляторами: в случае совпадения сиюминутного впечатления и памяти о запахе происходит мгновенное распознавание, которое, безусловно, получает эмоциональный отклик. В случае положительных эмоций эти запахи нравятся. Вероятно, с учетом этих деталей и одорического опыта человека стала возможной языковая игра в современном анекдоте. Обратимся к следующему контексту:

Женщина в парфюмерном магазине:

– Скажите, а у вас есть духи с запахом компьютера?

Продавец:

– Чего?

Женщина:

– Компьютера! Просто я хочу, чтобы мой муж обращал на меня больше внимания!

В центре исследовательского интереса неофразема *духи с запахом компьютера*. В основе этой единицы лежит соединение двух знаний: *запах духов как напоминание о возлюбленной* и *компьютер – предмет интереса мужа*. Каждый из этих слотов в отдельности не вызывает сомнений в реальности, однако при их наложении происходит искажение привычной «картинки». Духи с подобным компонентом не вписываются в парфюмерные ряды (например, духи с запахом ландыша/фиалки/розы/ванили/пряностей и т. п.), поэтому рассматриваются как нереальные и невозможные, а потому вызывающие смех.

Современный мир сложно представить безмолвным. Природные звуки и звуки искусственного механического мира, созданные человеком, а также музыкальные и им самим издаваемые составляют

Рис. 1. Структура фрейма «Поездка в поезде»

соносферу, в которую он буквально погружен. Восприятие и характеристика звуков часто индивидуальны, их разделение на плохие или хорошие условно. Каждый звук, услышанный когда-либо, вступает в ассоциативные связи и привязан к определенному эмоциональному состоянию. Часто они становятся символами, которые несут определенную смысловую нагрузку. В этой связи любопытно сенсорное сверхсловное сочетание *звуки плацкартного вагона* из анекдота-миниатюры: «*Жарко. Но жрать охота. Достал курицу, яйцо, помидор. Чувствую: чего-то не хватает. Зашел на YouTube, включил звуки плацкартного вагона. Ем*».

В ходе анализа осуществим попытку описать когнитивные процедуры в ходе неофразеологизации. Фрейм *поездка в поезде* имеет сложную структуру, которую мы представили в виде кластера (рис. 1):

Элементы многокомпонентного фрейма вступают в ассоциативные связи друг с другом, в результате которых образуются новые структуры знания, хранящиеся в памяти как стереотипные ситуации. Перечисленные продукты (курятина, яйцо, помидоры) и физический дискомфорт, вызванный окружающей средой, напоминают ему о путешествии в поезде. Этот гастрономический набор в личном опыте персонажа анекдота неотделим от звукового образа движущегося поезда. Совершенно естественно, что в заданной комбинации герой анекдота вспоминает о звуках, услышанных когда-то в плацкартном вагоне. Вне представленного выше контекста сверхсловное сочетание *звуки плацкартного вагона* не является чем-то противоестественным, нереальным (движение поезда по рельсам сопровождается механическими звуками), но как только неофразема становится частью приведенного в пример контекста, то она становится

шуткой. Комический эффект в данном случае достигается при помощи нарушения логических оснований для действия: герой перемещается из одного пространства в другое, не покидая место действия. Оказывается, обстановку плацкартного вагона можно воссоздать дома. Разумеется, что расшифровать данную неофразему сможет тот носитель языка, которому близка и понятна описываемая ситуация, у которого есть личный опыт поездки в плацкартном вагоне в жаркое время года.

По наблюдению В.И. Карасика, к числу фреймовых нарушений относится конфликт представлений [Карасик: 260]. Отмечается, что стереотипы, связанные с бытом и культурой, у разных народов не совпадают и подвергаются осмеянию, потому что не соответствуют собственной, «правильной» норме поведения [Шмелева: 47]. В качестве примера предлагается следующая шутка: «*Корея приступила к выпуску жевательной резинки со вкусом псины*». Без всякого сомнения, называем в качестве маркеров стереотипа использованные лексемы *Корея, собака*. Уточняем, что о национальной кухне и гастрономических пристрастиях корейского народа сложилось устойчивое представление: они предпочитают острую пищу и собачатину. И если салаты по-корейски вошли в рацион питания многих россиян, то сама мысль о мясных блюдах из собаки категорически отрицается. Подтверждение этому находим в списке реакций на стимул *мясо* (онлайн-формат ассоциативного словаря на сайте thesaurus.ru). Неприятие чужой кулинарной традиции рождает желание ее высмеять. Языческая традиция смехом одолеть враждебное, то есть чужое в данном случае, является пусковым устройством трансформации фрейма и рождения неофраземы: изменяется содержание лота (*вкус*

жевательной резинки) за счет распространения «новым знанием». В результате традиционный и знакомый вкус, например *апельсиновый* или *клубничный*, заменяется на чуждый – *псиный*. Таким образом, анализ стереотипа служит ключом к пониманию когнитивной процедуры – введению дополнительного слота в структуру фрейма для реализации задуманной языковой игры.

Надо отметить, что «внедрение» новых знаний в устоявшийся образ ситуации приводит к фреймовым «сдвигам» и, как результат, к появлению в языке неофразем, вызывающих смех. Обратимся к примеру:

- Дорогая, налей компота! Не видишь, как мне плохо?
- Тебе какого компота? Персикового или вишневого?
- О-гур-цо-во-го!

Для носителя русского языка очевидно, что *огурцовый компот* – изначально элемент чуждый в структуре фрейма *безалкогольные напитки*. Рассмотрим пример подробнее. В культуре русских питье входит в сценарий каждодневного ритуала, а также праздничного пиршества. Традиционными народными напитками были вода, сыта, квас, березовица [Казаченко]. В современных публикациях рассказывается о забытых рецептах разнообразных водичек – натуральных прохладительных напитков, изготавливаемых из ягодных соков с незначительным добавлением сахара или меда и разводимых кипяченой водой [Жиров: 26]. Во многих источниках исконно русскими напитками называются также огуречный рассол, сок квашеной капусты, морсы. Феноменом национальной культуры считаются различные соленья и квашеные овощи, в приготовлении которых используется рассол [Новикова: 307]. В словаре В.И. Даля можно найти пословицу, в которой отразилась народная практика применения соленой жидкости: *огуречный рассол хорош с похмелья* [Даль 4: 66]. Именно это стереотипное представление о пользе рассола получило интересную интерпретацию в неофраземе *огурцовый компот*. В отличие от рассола слово компот пришло в нашу культуру питья из Франции. Согласно данным словаря, в русском языке слово компот известно по крайней мере с конца XVIII в. [Черных 2: 420] и в настоящее время трудно представить перечень напитков без него, что подтверждается данными ассоциативного словаря [Уфимцева: 298]. Он прост в приготовлении, привлекает комбинацией различных вкусов и прекрасно утоляет жажду. В актуальном понимании компот – напиток фруктово-ягодный. Соответственно, в него не кладут овощи, в том числе огурцы. Подобный когнитивный эксперимент (ср. во «вкусовой» памяти языковой личности компот сладкий, а рассол соленый) возможен только в случае преднамеренного фреймового сдвига: соединяются несовместимые фрагменты, с тем чтобы мы обнаружили нелепость и своим осознанным участием

в языковой игре, то есть пониманием шутки, доставили интеллектуальное удовольствие автору анекдота.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию когнитивных процедур, лежащих в основе новообразования *сыр «Covid-19»*, обратимся к лингвокультурологическому комментарию. Как известно, для каждой национальной культуры характерны свои кулинарные натюрморты. Неслучайно В.Н. Телия среди прочих культурных кодов выделяла «гастрономический». Но при всей самобытности кухни и вкусовых привычек того или иного народа обнаруживается продуктовый набор, который есть почти в каждой культуре, например: хлеб, молоко, сыр. Ученые считают, что разведением животных с целью получения молока занимались представители разных цивилизаций за 5000 лет до Рождества Христова, а производство сыра было известно уже в античном мире [Шингарева: 5–6]. Анализ словарной статьи В.И. Даля подтверждает универсальный характер этого продукта. Однако сыры, приготовленные в разных странах, отличаются по составу и внешнему виду: немецкий – соленый и просушенный; швейцарский – маслянистый, ноздреватый, со слезою; английские – пряные, нередко гноенные; голландские – плотные, своего вкуса; итальянский сухой пармезан; французский сыр бри – мягкий, непрочный [Даль 4: 371]. Употребляли в пищу продукцию из молока и славяне. Ошибочно думать, что впервые сыры появились в России в Петровскую эпоху. Слово *сыр* (как и сам продукт) было известно нашим предкам. Так, в этимологическом словаре П.Я. Черных указывается, что в древнерусском языке *сыръ* – это «творог», «сыр» [Черных 2: 221]. Также у В.И. Даля читаем, что сыр – это творог, приготовляемый по особой технологии в печи [Даль 4: 371]. Как поясняют авторы лингвострановедческого словаря, в народной русской речи словом *сыр* называлась пищевая масса, которая получалась из сквашенного молока [Фелицына: 145]. Скорее всего, он отличался от иных твердых сортов, завозимых из других стран. Национальная особенность проявлялась не только в производстве. К слову сказать, в Древней Руси сыр был частью бытовой культуры русских, например, использовался как предмет ритуала на свадьбах: «Вместе с приглашением на свадьбу отправляли головку сыра... дорогому гостю посылали большой кусок сыра, менее важному – средний, незначительным людям посылали маленький кусочек» [Никифорова: 69]. Находим и в сценарии самого свадебного пира упоминание о сыре: «А дружку тем временем благословляют пироги и сыр резать и подносить всем сыр и каравай: отцу и матери, и новобрачному князю и княгине, и всем поезжанам и к посаженным, – всем, кто будет в избе» [Домострой: 205]. Кроме того, в «Домострое» есть инструкция, как хранить сыр, но не гово-

рится ничего о сыроварении. А вот в русских народных сравнениях можно встретить указание и на цвет продукта (*белый как сыр*), и на его консистенцию (*густой как сыр*) [Мокиенко, Никитина: 672]. Вкусный и питательный сыр был продуктом ценным, что естественным образом привело к появлению аксиологической оценки: сравнения с компонентом сыр содержат как представление об эталонной внешности человека (*как сыр с молоком*), так и суждение о качестве жизни (*как сыр в масле*) [Мокиенко, Никитина: 671]. Согласно народным представлениям славян, сравнение женщины/девушки или новорожденного ребенка с белизной сыра говорило об отменном физическом здоровье, а уровень существования оценивался как высокий, если бросалась в глаза жизнь сытая, полная довольства. Таким образом, вкусный и питательный продукт – сыр вошел в рацион современного человека, и сыроделие рассматривается как особый вид искусства, а в русской языковой картине мира сыр является символом достатка и жизни в удовольствие.

Достаточно часто «высвечивание» содержания одного из слотов фрейма обуславливает актуализацию знания, находящегося в центре внимания субъекта, и замена прежнего представления новым способствует появлению неологизма. Примером служит следующий контекст: «*Российские сыровары решили побаловать покупателей и выпустили сыр "Covid-19". Он не имеет ни вкуса, ни запаха*». В основе порождения неологизма сыр «Covid-19» лежит описанное и в других случаях расширение структуры фрейма: кулинарные знания носителей русского языка о сырах дополняется новым элементом *без вкуса и запаха*. В первые дни пандемии именно об этих типичных клинических проявлениях стало известно широкому кругу людей, что и объясняет повышенный интерес к этому симптому. Обращает на себя внимание возможная мотивировка присвоения сыру признаков Covid-19 – жизнь в пандемию совсем не в удовольствие. Рождение столь необычного анекдота рассматривается нами как интуитивное обращение его автора к смеховой культуре прошлого: языковая игра подобна очищающему катарсису. При этом лежащая на поверхности ирония по поводу качества российского сыра и пытливого ума отечественных умельцев-самородков как бы отходит на второй план, уступая место основной интенции автора: ощущаемую усталость от суеты вокруг новой пандемии, раздражение от собственного бессилия и страх перед завтрашним днем он стремится устранить смехом, выбирая в качестве предмета осмеяния отечественную сырную продукцию. Подмена атрибутивного признака другим, с точки зрения обывателя, алогичная и, как следствие, вызывающая улыбку.

Юмористический дискурс является естественной средой для лингвокреативности. Как показал ана-

лиз современных анекдотов, многие из них построены на преднамеренном нарушении привычной картины мира. Изменение традиционного устройства языка и неканоническое использование языковых единиц [Коновалова] способно вызвать ответную реакцию в виде смеха, потому что новообразование выходит за рамки знакомого и приемлемого. Представляется, что в результате лингвокреативной деятельности отдельного субъекта, создающего анекдоты или юмористические афоризмы, происходят различные трансформации когнитивных форм (см.: [Проблемы]), в результате которых образуются новые сверхсловные единицы, востребованные в современных дискурсивных практиках.

Список литературы

Источники

Анекдоты. URL: <http://www.anekdot.ru/tags> (дата обращения: 10.04.2023).

Анекдоты про звук. URL: <https://shytok.net/anekdots/anekdots-pro-zvuk.html> (дата обращения: 10.04.2023).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: Р–Я. Москва: РИПОЛ классик, 2006. 672 с.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 12.04.2023).

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2: Панцирь – Яшур. Москва: Русский язык, 1999. 560 с.

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов и др. Москва: Моск. гос. лингвист. ун-т; Барнаул: Некоммерч. партнерство «Аз Бука», 2004. 790 с.

Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. Москва: Русский язык, 1990. 220 с.

Исследования

Абильдинова Ж.Б. Жанровая специфика анекдота // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 21 (202). С. 5–9.

Абильдинова Ж.Б. Этнические стереотипы сквозь призму языка. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2017. 240 с.

Алефиренко Н.Ф. Лингвокреативные стимулы фраземосемии // Славянская фразеология и паремология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое: К 70-летию со дня рождения профессора В.И. Ковалёва: сб. науч. ст. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. 347 с.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Бегунов В.Л. Книга о сыре: О его питательных и вкусовых свойствах, ассортименте и способах потребления. Москва: Агропромиздат, 1985. 136 с.

Демьянков В.З. Креативность речи о возможном и вероятном // Дискурс и язык в эпоху «Больших данных»: лингвокреативные пределы и возможности: тезисы докладов Второй Междунар. науч. конф. (16–17 сентября 2021 г.). URL: http://ilingran.ru/web/sites/default/files/conferences/2021/2021_discourse_big_data_abstracts.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

Домострой / изд. подг. В.В. Колесова, В.В. Рождественская. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 399 с.

Жиров В.М. Забытые рецепты русских напитков / В.М. Жиров, С.Ю. Макаров, С.С. Макаров, О.П. Преснякова // Пиво и напитки. 2015. № 1. С. 26–28.

Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2014. 510 с.

Казаченко Б. Веселие пити // Наука и жизнь. 2006. № 2. С. 104–109.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Коновалова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. 196 с.

Котенкова Е.В. Запахи и их значение в жизни человека. URL: <https://bio.1sept.ru/article.php?ID=200100205> (дата обращения: 10.04.2023).

Лингвистика креатива – 2: коллектив. монография / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. 379 с.

Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности: коллектив. монография / отв. ред. И.В. Зыкова. Москва: Р. Валент, 2021. 564 с.

Майоров В. Восприятие запахов // Наука и жизнь. 2007. № 2. С. 64–69.

Мокиенко В.М. Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла // Учені записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Сер.: Філологія. Соціальні комунікації. 2012. Т. 25 (64). № 2 (1). С. 100–109.

Никифорова О.В. Обрядовые наименования с компонентом СЫРЫ в нижегородских говорах // Вестник Вологодского государственного университета. 2022. № 2 (25). С. 68–70.

Новикова Л.П. 1000 рецептов старинной кухни. Москва: ЭЛЛИС ЛАК, 1993. 350 с.

Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: учебник для студентов – журналистов и филологов. Москва: Едиториал УРСС, 2002. 368 с.

Харченко В.К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. Москва: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2012. 216 с.

Харченко Е.В., Мань Шу. Лингвокреативность в языковом пространстве города: межкультурный аспект // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. Ural philological bulletin. Ser.: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity. 2018. № 2 (27). С. 454–463.

Проблемы русско-болгарской фразеологической неографии: коллектив. монография / С.Г. Шулежкова, Л.Н. Чурилина, С.И. Георгиева и др.; под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова; Пловдив: Пловдивский ун-т им. Паисия Хилендарского, 2021. С. 31–49.

Шингарева Т.И., Раманаускас Р.И. Производство сыра. Минск: ИВЦ Минфина, 2008. 384 с.

Шмелева Б.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.

References

Abil'dinova Zh.B. *Zhanrovaja specifika anekdota* [Genre specificity of anecdote]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2010, no. 21 (202), pp. 5–9. (In Russ.)

Abil'dinova Zh.B. *Jetnicheskie stereotipy skvoz' prizmu jazyka* [Ethnic stereotypes through the prism of language]. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ., 2017, 240 p. (In Russ.)

Alefirenko N.F. *Lingvokreativnye stimuly frazemosemizatsii* [Linguo-creative stimuli of phrasemosemiosis]. *Slavjanskaja frazeologija i paremiologija. Nacional'noe i internacional'noe. Stabil'noe i izmenchivo: K 70-letiju so dnja rozhdenija professora V.I. Kovalja: sb. nauch. st.* [Slavic phraseology and paremiology. National and international. Stable and changeable. On the 70th anniversary of Professor V.I. Koval's birth: a collection of scientific articles]. Gomel', GGU im. F. Skoriny Publ., 2021, 347 p. (In Russ.)

Arutjunova N.D. *Jazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 896 p. (In Russ.)

Begunov V.L. *Kniga o syre: O ego pitatel'nyh i vku-sovyh svojstvah, assortimente i sposobah potrebnosti* [A book about cheese: About its nutritional and taste properties, range and methods of consumption]. Moscow, Agropromizdat Publ., 1985, 136 p. (In Russ.)

Dem'jankov V.Z. *Kreativnost' rechi o vozmozhnom i verojatnom* [Creativity in speech about the possible and probable]. *Tezisy dokladov Vtoroj Mezhdunar. nauch. konf. «Diskurs i jazyk v jepohu «Bol'shih dannyh»: lingvokreativnye predely i vozmozhnosti» (16-17 sentjabrja 2021)* [The Second International Scientific Conference «Discourse and Language in the Era of Big Data: Linguo-Creative Limits and Possibilities» (September 16–17,

2021)]. URL: http://ilingran.ru/web/sites/default/files/conferences/2021/2021_discourse_big_data_abstracts.pdf (access date: 10.04.2023). (In Russ.)

Domostroj [Domostroy], ed. by V.V. Kolesov, V.V. Rozhdestvenskaja. Sankt-Peterburg, Nauka Publ., 2007, 399 p. (In Russ.)

Harchenko V.K. *Lingvosensorika: Fundamental'nye i prikladnye aspekty*. [Lingvosensorics: Fundamental and applied aspects]. Moscow, LIBRIKOM Publ., 2012, 216 p. (In Russ.)

Harchenko E.V., *Man' Shu. Lingvokreativnost' v jazykovom prostranstve goroda: mezhkul'turnyj aspekt* [Linguistic creativity in the linguistic space of the city: intercultural aspect]. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Ser.: Jazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa* [Ural Philological Herald. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity], 2018, no. 2 (27), pp. 454–463. (In Russ.)

Karasik V.I. *Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002, 477 p. (In Russ.)

Kazachenko B. *Veseliye piti* [Fun drinking]. *Nauka i zhizn'* [Science and life], 2006, no. 2, pp. 104–109. (In Russ.)

Konovalova Ju.O. *Jazykovaja igra v sovremennoj russkoj razgovornoj rechi* [Language play in modern Russian colloquial speech]. Vladivostok, VGUJeS Publ., 2008, 196 p. (In Russ.)

Kotenkova E.V. *Zapahi i ih znachenie v zhizni cheloveka* [Smells and their importance in human life]. URL: <https://bio.1sept.ru/article.php?ID=200100205> (access date: 10.04.2023). (In Russ.)

Lingvistika kreativa – 2 [Lingvistika kreativa – 2]: collective monograph, ed. by prof. T.A. Gridina. Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t Publ., 2012, 379 p. (In Russ.)

Lingvokreativnost' v diskursah raznyh tipov: predely i vozmozhnosti [Linguistic creativity in discourses of different types: limits and possibilities]: collective monograph, ed. by I.V. Zykova. Moscow, R. Valent Publ., 2021, 564 p. (In Russ.)

Majorov V. *Vosprijatie zapahov* [Perception of smells]. *Nauka i zhizn'* [Science and life], 2007, no. 2, pp. 64–69. (In Russ.)

Mokienko V.M. *Frazeologija i jazykovaja igra: dinamika formy i smysla* [Phraseology and language play: dynamics of form and meaning]. *Ucheni zapiski Tavrijs'kogo*

nacional'nogo universitetu im. V.I. Vernadskogo. Ser.: Filologija. Social'ni komunikacii [Academic Notes of the V.I. Vernadsky Tavrichesky National University. Ser.: Philology. Social Communications], 2012, vol. 25 (64), no. 2 (1), pp. 100–109. (In Russ.)

Nikiforova O.V. *Obrjadovye naimenovanija s komponentom SYRY v nizhegorodskih govorah* [Ritual names with the component CHEESES in Nizhny Novgorod dialects]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University], 2022, no. 2 (25), pp. 68–70. (In Russ.)

Novikova L.P. *1000 receptov starinnoj kuhni* [1000 recipes of ancient cuisine]. Moscow, JeLLIS LAK Publ., 1993, 350 p. (In Russ.)

Papina A.F. *Tekst: ego edinicy i global'nye kategorii* [Text: its units and global categories]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, 368 p. (In Russ.)

Problemy russko-bolgarskoj frazeologicheskoj neografii [Problems of Russian-Bulgarian phraseological neography], S.G. Shulezhkova, L.N. Churilina, S.I. Georgieva et al. Magnitogorsk, MGTO im. G.I. Nosova Publ.; Plodiv, Plovdivskij universitet im. Paisija Hilendarskogo Publ., 2021, pp. 31–49. (In Russ.)

Shingareva T.I., Ramanauskas R.I. *Proizvodstvo syra* [Cheese production]. Minsk, IVC Minfina Publ., 2008, 384 p. (In Russ.)

Shmeleva B.Ja., Shmelev A.D. *Russkij anekdot: Tekst i rechevoj zhanr* [Russian joke: Text and speech genre]. Moscow, Jazyki slavyanskij kul'tury Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Zhirov V.M. *Zabytye recepty russkikh napitkov* [Forgotten recipes of Russian drinks], V.M. Zhirov, S.Ju. Makarov, S.S. Makarov, O.P. Presnjakova. *Pivo i napitki* [Beer and drinks], 2015, no. 1, pp. 26–28. (In Russ.)

Zykova I.V. *Rol' konceptosfery kul'tury v formirovanii frazeologizmov kak kul'turno-jazykovykh znakov* [The role of the conceptual sphere of culture in the formation of phraseological units as cultural and linguistic signs: DSc thesis]. Moscow, 2014, 510 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.08.2025; одобрена после рецензирования 26.08.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 11.08.2025; approved after reviewing 26.08.2025; accepted for publication 03.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 187–195. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 187–195. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'42

EDN CSLRGO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-187-195>

СПОСОБЫ ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ СЕТЕВОЙ ПОЭЗИИ

Бугреева Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e.bugreeva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-0961>

Аннотация. В статье рассматриваются один из аспектов изучения языковой репрезентации и трансляции культурного кода в медиaprостранстве. Автор последовательно описывает типологию культурных кодов, ставит проблему выделения единицы исследования культурного кода, предлагает классификацию таких единиц, обосновывает выбор материала исследования и анализирует способы динамической трансляции единиц культурных кодов разных уровней в текстах стихов-пирожков и стихов-порошков. Основные методы исследования включают метод структурного анализа, анализ контента, методы лингвистического анализа и анализ культурно-маркированных языковых единиц. В результате исследования выделены и проиллюстрированы восемь способов динамической трансляции культурных кодов в сетевом фольклоре: прямое упоминание единицы культурного кода; аллюзивное описание; интеграция другого значения слова в ее состав; помещение единицы культурного кода в другой контекст; деконструкция; рефлексивное описание; развитие сюжета; генерация абсурдного нарратива на стыке нескольких единиц. Результаты исследования могут представлять интерес для лингвистов, магистрантов и аспирантов, изучающих медиакommunikацию, лингвокультурологию, кросс-культурную коммуникацию.

Ключевые слова: культурный код, единица культурного кода, динамическая трансляция культурного кода, медиакommunikация, сетевая поэзия, интернет-фольклор, стихок-порошок, стихок-пирожок.

Для цитирования: Бугреева Е.А. Способы трансляции культурных кодов в современной сетевой поэзии // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 187–195. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-187-195>

Research Article

DYNAMICS OF CULTURAL CODES IN CONTEMPORARY ONLINE POETRY

Elena A. Bugreeva, PhD in Pedagogy, Associate Professor, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e.bugreeva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-0961>

Abstract. This article discusses the linguistic representation and dynamic communication of cultural codes in the media space. The author consistently describes the types of cultural codes, proposes a classification of linguistic units to research into cultural code, and analyses how network folklore communicates cultural codes. The key research methods include structural analysis, content analysis, linguistic analysis, and the analysis of culturally marked linguistic units. As a result, this study highlights eight ways of communicating cultural codes in network folklore: a unit of cultural code can be directly mentioned, allusively described, put in another context, deconstructed, reflexively described, developed, another word meaning can be integrated in its composition, and a new narrative can be generated based on several units of cultural code. The results can be of interest to linguists, master's and postgraduate students studying media communication, cultural linguistics, and cross-cultural communication.

Keywords: cultural code, unit of cultural code, dynamic communication of cultural code, media communication, online poetry, network folklore (netlore), pirozhok "pie rhyme", poroshok ("mindless" rhyme).

For citation: Bugreeva E.A. Dynamics of cultural codes in contemporary online poetry. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 187–195. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-187-195>

Язык культуры является объектом изучения разных дисциплин: лингвокультурологии, социолингвистики, этнопсихолингвистики. Данное междисциплинарное исследование исходит из того, что язык культуры представляет собой некий код (как и любой язык вообще), знание которого является необходимым условием эффективной коммуникации. Понятие «культурный код» условно и трудно определимо. Культурный код скрыт от понимания многих людей (67 % россиян не знакомы с понятием «культурный код»¹⁾), но отчетливо проявляется в социальной практике.

Многочисленные научные публикации о культурных кодах дают представление (не всегда четкое) об их природе и свойствах, однако остается недостаточно изученной проблема выделения единицы исследования культурного кода в разных типах (устной и письменной, вербальной и невербальной, художественной, научной и официально-деловой, онлайн и офлайн) коммуникации. В данном исследовании предпринята попытка разрешить противоречие между теоретическими размышлениями о культурном коде и способах его реализации в коммуникации. В статье рассматривается письменная художественная вербальная онлайн-коммуникация.

В последние десятилетия общение последовательно переместилось в виртуальное пространство, поэтому изучение культурных кодов целесообразно именно в современном медиапространстве как месте их сосредоточения и активного функционирования. С.И. Сметанина отмечает такие важные для данного исследования особенности современного медиатекста, как редукция фактологической стороны сообщения; полилог разных культурных языков; контрастные стилистические регистры; столкновение нормативного и аномального, разных типов сознания, в том числе и художественного; наличие этапа прогнозирования читателем смыслов и оценок; экспрессия, наделенная интеллектуальной напряженностью; активизация словотворчества; подключение читателя к творческому процессу смыслопорождения и другие [Сметанина].

Цель данного исследования – описать параметры кодирования культурноносной информации в современной сетевой поэзии. Задачи исследования: 1) уточнить понятие «культурный код» и его коммуникативные составляющие; 2) обосновать выбор сетевой поэзии как материала исследования; 3) определить тематический круг культурно-маркированной информации в сетевой поэзии; 4) описать способы трансляции единиц культурного кода в сетевой поэзии.

Методы исследования включают общенаучные аналитико-синтетические методы – для определения ключевых понятий и их характеристик; метод структурного анализа – для выявления структуры культурного кода; контент-анализ – для определения те-

матических групп единиц культурного кода; методы лингвистического анализа – для определения способов языковой репрезентации и трансляции культурных кодов; анализ культурно-маркированных языковых единиц – для определения их принадлежности к культурному коду; количественный метод обработки информации – для определения частотности употребления культурно-маркированных языковых единиц определенной тематики.

Материалом исследования явилась точечная выборка из 100 стишков-пирожков и стишков-порошков в телеграм-каналах «Четыре строчки без точки» и «Стишки пирожки». Выбор материала исследования обусловлен тем, что именно фольклорный текст (паремия, сказка, частушка, анекдот) всегда отражал аспекты, актуальные для большинства людей на определенной территории или, например, в рамках одного поколения, то есть являлся «транслятором» культурного кода народа или социальной группы. Критерии отбора текстов: наличие эстетической ценности; присутствие одного или нескольких культурно-маркированных элементов; отсутствие обценной лексики и провокационных смыслов.

Опираясь на исследования ведущих ученых, определим *культурный код* (далее – КК) как ментальный конструкт, состоящий из совокупности информационных маркеров, позволяющих человеку, владеющему этим кодом, адекватно воспринимать и реагировать на пространственно-временные, поведенческие и речевые (вербальные и невербальные) процессы в определенной культуре. *Типология культур* включает национальные, региональные, культуры социальных групп (профессиональную, корпоративную, семейную, поколенческую, субкультурную) и культуру индивида. Все элементы в данной многомерной модели кросс-культурной коммуникации характеризуются приращением культурноносных смыслов. Соответственно, можно различать КК каждого из этих уровней.

Одним из актуальных вопросов в исследовании КК является определение их горизонтальной структуры, то есть единиц, их составляющих, вербальное и невербальное выражение этих единиц и их динамики в коммуникации. Наиболее разработанными в плане выделения единицы КК нам представляются «атомистические» изыскания А. Вежбицкой, которые включают анализ лингвистической семантики, в частности лексической семантики [Вежбицкая]. В.В. Красных выделяет ментефакт как «строительный материал» кода культуры и предлагает классификацию ментефактов по нескольким рангам разбиения, а также выделяет три подсистемы: метафорическую, эталонную и символную [Красных: 131]. П.Н. Донец предлагает использовать термин «смысловая модель» культуры [Донец: 190]. С.В. Иванова отмечает,

что культурологическая маркированность как явление реализуется за счет приведения в действие культурологической компоненты создаваемого языковой единицей информативного поля. В информативном плане культурологическая компонента – это культурно-ценностная информация, совмещенная с языковым значением и локализованная в единицах языковой системы [Иванова: 45–47]. Теория культурных моделей (cultural models) предполагает наличие в культурах особых моделей, являющихся результатом социального договора, с опорой на которые человек упорядочивает действительность и интерпретирует ее, а также формирует особые модели поведения [Quinn, Holland: 4].

Переосмысление представленных выше исследований позволило выделить две основные группы подходов к изучению КК: атомистические, изучающие дискретные единицы КК, реализованные в языке, и холистические подходы, рассматривающие культурные модели. Группу дискретных единиц в нашей классификации составляют:

– на денотативном уровне – *прецедентная единица*: культурно-маркированное знание; наименование реалии (реалия-слово) или артефакта (включая беситиарий и артефакты вторичного мира), прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный текст, прецедентная ситуация;

– на коннотативном уровне – *культурно-маркированный смысл*: культурно-маркированное значение слова; культурно-маркированный аттитюд (соматологический, нумерологический, кинесико-проксемический, хроносический, колоремный и другие); культурно-маркированная аллюзия, денотатом которой являются миф, Библия, литературное произведение, историческое событие, событие в жизни социальной группы или человека (локальная аллюзия); и стереотип: стереотип поведения, стереотип-представление, включающее стереотипные образы (зооморфные, этнические, профессиональные, социальные и др.) и стереотипная ситуация.

Дискретные единицы входят в состав культурных моделей. Поскольку в данной части исследования анализируются только дискретные единицы КК, подробное описание культурных моделей опускается.

К основным *свойствам* КК относятся: антропоцентричность (КК присущ только человеку, который является субъектом, его генерирующим, и/или носителем); уникальность; ситуативность смысла единицы КК как ментального конструкта [Гуревич: 121]; необходимость реципиента, субъекта декодирования КК [Гуревич: 122]; владение адресантом и адресатом (реципиентом) одним и тем же КК для его декодирования; риск сбоя декодирования и игнорирования КК. Важным для нашего исследования свойством КК является его динамичность (подверженность

трансформациям и преобразованиям в социальном пространстве и времени) [Букина: 236; Батыршин, Гуревич: 12]. Не менее важным свойством является мультимодальность трансляции КК в современном коммуникативном пространстве.

Особо отметим *фольклорный генезис КК*. Причисление некоей единицы к КК обусловлено актуальностью объекта, который она обозначает, или смысла, выработанного в контексте данной культуры, для всех или большинства ее членов (нации, поколения, профессионального сообщества и т. д.). Даже авторское произведение, переосмысленное сообществом (коллективным сознанием), может стать прецедентным текстом (иногда без знания его содержания и понимания его смысла) или именем и развиваться в обществе по законам фольклорного жанра (например, анекдота или мема).

С.Н. Петренко отмечает повышенную степень фольклоризации культуры эпохи постмодерна [Петренко: 116]. Лингвокреативная функция медиасредств реализуется в возникновении сетературы, охватывающей «прозаические, песенные и стихотворные тексты, которые существуют и распространяются исключительно (или по преимуществу) в Сети» [Петренко: 129], включая интернет-фольклор (netlore). Здесь нужно оговориться, что фольклор предполагает устную коммуникацию, тогда как интернет-фольклор транслируется только в письменной форме, которую «нельзя без потерь перевести в устную» [Кронгауз: 113]. К фольклору эти тексты относятся в том смысле, что это контент, создаваемый (часто анонимно) пользователями.

Выделяются вербальные и визуально-вербальные жанры поэтического интернет-фольклора. Вербальные жанры включают тексты, рассчитанные на вербальную передачу реципиенту, часто построенные на «взаимодействии культурных традиций как текстопорождающем механизме» [Петренко: 132]: хайкумена (русские хайку); хокку плюс; хокку минус; стишки-пирожки и порошки. С.Н. Петренко считает стишки-порошки «промежуточным звеном между сетевой литературой и интернет-фольклором» [Петренко: 116], что обусловлено тенденцией к их визуализации. К визуально-вербальным жанрам можно отнести мемы, демотиваторы, видео, сгенерированные ИИ (могут быть чисто визуальными).

Популярность интернет-фольклора обусловлена следующими факторами: 1) медийность формата (помещается на экране смартфона без прокрутки); 2) доступность смысла текстов для массовой аудитории (мейнстрим); 3) доступность приобщения (кажется, что такой текст легко написать); 4) законченность, целостность, содержательность короткого текста, часто (не всегда) обладающего эстетическими достоинствами; 5) развлекательность: смехо-

вой (юмористический или иронический) эффект, радость узнавания.

В результате анализа текстового материала были выделены следующие функции интернет-фольклора: рекреационная; лингвокреативная (демонстрация или упражнение в остроумии); фатическая; кодирующая (обозначение принадлежности к определенному КК или острашение от него); рефлексивная (функция самоопознания и аутопсихотерапии) (см.: [Лотман: 36]).

Таким образом, основные характеристики интернет-фольклора включают: вторичность (третичность) жанров [Шукина: 49]; народный генезис (фольклорность); анонимность (даже при наличии ника автора); гипертекстовость (при наличии ника автора); пластичность; идеологическая маргинальность (не всегда); смеховая природа; языковая игра; коннотативная окрашенность; использование несовместимых понятий (абсурдность, алогичность, анахроничность); необходимость владения кодом для понимания, «лингвокультурной компетенцией определенного уровня» [Шукина: 51].

Среди жанров сетевой поэзии особой «культурноносностью» характеризуются стишки-пирожки и стишки-порошки, что и определило их выбор в качестве материала данного исследования. Стишок-пирожок – ироническое стихотворение в форме катрена, написанное четырехстопным ямбом, количество слогов которого по строкам составляет 9-8-9-8, без рифмы, заглавных букв и знаков препинания [Петренко: 119–120]. Стишок-порошок – ироническое стихотворение, построенное по ритмической модели 9-8-9-2, в котором рифмуются вторая и четвертая строки, знаки пунктуации и заглавные буквы не используются, анжамбеман в конце строфы акцентирует парадоксальность мысли и усиливает смеховой эффект [Петренко: 126–127]. М.А. Кронгауз выделяет в порошках ретроспективный пуант в форме усеченной строки и рифмы, который «вызывает конфликт, оказываясь несовместимым с предыдущим текстом, и вынуждает читателя переосмыслить текст» [Кронгауз: 123].

Для стишков обоих жанров характерно использование прецедентных единиц и культурно-маркированных смыслов культур и субкультур разного порядка в самых неожиданных комбинациях. И.А. Чемезова, исследуя жанр стишков-порошков в аспекте языковой игры, выделяет, в частности, механизм снижения, опрокидывания смыслов исходной прецедентной единицы за счет введения новых словных компонентов [Чемезова: 154].

В данном исследовании стишки-пирожки и стишки-порошки исследуются с точки зрения их способности транслировать культурные коды разных типов в динамике. Рассмотрим способы трансляции КК в текстах этих жанров.

Анализ показал, что «строительным материалом» создания смехового эффекта стишка в основном являются единицы национального (русского и некоторых других) и поколенческого культурного кода (согласно типологии культурных кодов, представленных выше). Тематически источники прецедентных единиц и культурно-маркированных смыслов в стишках можно условно разделить на 4 группы: литература, фольклор, кино и телевидение, музыка. Наибольшее количество стишков из 100 основаны на упоминании названий произведений литературы, имен писателей и литературных персонажей (42 %). Отметим, что 12 стишков из этой группы посвящены личности и творчеству А.С. Пушкина. Фольклорные источники (32 %) включают сказки, пословицы, поговорки, скороговорки, народные поверья, обряды, традиции, представления, стереотипы (в том числе стереотипные этнические представления), сленг разных поколений, особенно часто упоминаются реалии и традиции СССР, составляющие феномена «советское детство» и аллюзии на них. Кино- и мультфильмы, телепрограммы прямо или аллюзивно упоминаются в 14 % стишков, музыкальные произведения (в основном популярная музыка) – в 12 %.

Рассмотрим приемы трансляции единиц культурного кода. Отметим сразу, что эти приемы, как правило, применяются в различных сочетаниях.

Прямое упоминание единицы КК. Как правило, в стишке присутствует контрастное или абсурдное соединение двух и более единиц КК из одного или разных тематических источников, эпох, культур, пространств (время, место): *толпа редела хлеба зрелищ / и коллизей по швам трещал / и вдруг с трибуны кто-то крикнул / борца* ©Михаил Гаевский [1]. Здесь соединяются прецедентное высказывание поэта-сатирика Ювенала «Хлеба и зрелищ!», которым он описал современное ему римское общество, прецедентное имя «Коллизей» и реалия-слово «борщ». Особый эффект имеет использование плоскости «пища» (хлеб – борщ), а также противопоставление зрелища для большого количества зрителей и обиходно-бытовой сцены обеда.

Следующий стишок, скорее всего, был спровоцирован фотографией (рис. 1): *в музее юных падаванов / сегодня праздничный концерт / потом дарт вейдер прочитает / всем про гагарина стихи* ©Елена [2].

Здесь соединены прецедентные имена из разных КК, объединенные темой космоса: первый человек в космосе Юрий Гагарин и центральный персонаж саги «Звёздные войны» (с 1977, реж. Дж. Лукас) Дарт Вейдер (игра слов dark (тёмный) / death (смерть) и invader (захватчик)²). Абсурдность достигается тем, что в один нарратив помещаются героический (светлый) образ первого космонавта и киноперсонаж, олицетворяющий тёмную сторону силы.

Рис. 1. Фотография, иллюстрирующая стишок-пирожок [2]

Эффект низвержения демонического образа усиливается детской миссией злодея – почитать стихи про Гагарина на празднике юных падаванов (англ. *padawan*), то есть детей, учеников мастера-джедая³.

Абсурдность нового нарратива в стишке *неужто нету черепахи / спросил гагарина лоза / давай гребни отсюда мальчик / пока веслом не получил* ©Борис & Д77 [2] формирует соединение четырех прецедентных единиц: мифологическое представление разных народов о Земле, покоящейся на спине огромной черепахи, которая плавает в океане; полет Ю. Гагарина в космос; песня «Плот» Ю. Лозы (написана в 1982 г.); и отсылка к культовой сцене из комедии «Бриллиантовая рука» (1968, реж. Л. Гайдай), в котором реплика одного из персонажей (А. Миронов) «Иди отсюда, мальчик, не мешай!» стала крылатой фразой.

Аллюзивное описание единицы КК. В следующем примере используется аллюзия на русскую народную (сюжет встречается в фольклоре и других народов) волшебную сказку «Царевна-лягушка» и аллюзия на стереотипное этническое представление о французах как любителях блюда из лягушачьих лапок (отсюда прозвище французов «лягушатники»): *лягушка ахнула ну здравствуй / мой принц румян и белокур / а он ответил облизнувшись / бонжур* ©IvannaChuk [1]. Мы говорим именно о стереотипном представлении, потому что это блюдо также является частью китайской национальной кухни, однако лягушатниками называют только французов. Контраст достигается и употреблением кратких форм прилагательных «румян и белокур», характерных для стиля русских народных сказок, и французского слова «бонжур» (переключение кодов) в позиции пуанта. Таким образом, сюжет о заколдованной царевне, в финале обретающей счастье с царевичем, получает другое развитие, о котором читатель догадывается, если ему известны прецедентный текст (сказка) и стереотипное представление о французах.

В следующем примере знатоки интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?» помещаются в сюжет фильма «Ирония судьбы, или С легким паром» (1975, реж.

Э. Рязанов): *грузя друга в экспресс вечерний / не думали о том друзья / что в питер должен был уехать / вапце-то господин блинов* ©Srd [2]. Название фильма не упоминается, название города Ленинград, куда направляется главный герой фильма, заменено на Питер, а самолет – на поезд, но аллюзия расшифровывается при условии, что прецедентный текст (фильм) известен реципиенту.

Показательным также является пример аллюзии на припев песни В. Цоя «Алюминиевые огурцы»: «Ведь я сажаю алюминиевые огурцы / На брезентовом поле»: *в середине августа чуть глуше / на поле огуречный звон / слегка тускнеет алюминий / слегка топорщится брезент* ©Виталий Щербаков [1].

Интеграция другого значения слова (омонимия, полисемия) или нового значения слова в состав единицы КК. В стишке *приедут к гоголю ребята / присядут у костра в кружок / а он им знает когда-то / я жег* ©борго [1] обыгрывается прямое значение глагола «жечь» (заставлять гореть или уничтожать огнём) и одно из переносных, сформировавшееся в сленге 1990-х, «жечь, зажигать» – «вести себя вызывающе, экстравагантно» или «вдохновлять, воодушевлять». Первое значение слова аллюзивно описывает факт сожжения писателем второго тома «Мертвых душ». Здесь также наблюдается аллюзия на традицию пионеров или туристов собираться у костра, что можно считать применением анахронизма.

Второе значение слова «жечь» обыгрывается также в следующем стишке: *открой окно и настезь две-ри / скорей на улицу беги / покрепче подбери глаголы / и жги* ©Борис [2]. Здесь это значение входит в состав аллюзии на цитату из стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» (1828), где глагол «жги» имеет значение «обращайся к умам и сердцам людей».

Языковая игра, построенная на омонимии слова «любовь» и женского имени Любовь, реализована в стишке: *любовь нечаянно нагрянет / когда ее совсем не ждешь / когда она в командировке / казалась бы еще два дня* ©GoldMund [1]. Прямая цитата из песни «Сердце» (муз. И. Дунаевский, сл. В. Лебедев-Кумач) из фильма «Веселые ребята» (1934, реж. Г. Александров) рисует образ возвышенных чувств, который резко низводится прозаичностью шаблонной сцены неожиданного возвращения одного из супругов из командировки. В стишке *у красной шапочки задача / таскать бабуле пирожки / а что поделает если мама / неиссякаемый поэт* ©eslitak [2] игра слов строится на полисемии слова «пирожок» – хлебобулочное изделие и стишок-пирожок. В новом нарративе Красная Шапочка носит бабушке стишки-пирожки.

В следующем примере новое значение слова «пирожок» используется как способ ассимилирования образа недостижимого по мастерству поэта к современному поэтическому жанру: *уже не может няня*

кружку / держать в морщинистых руках / а сашенька всё пишет вирши / подсел пиит на пирожки ©Олег С [2]. Контрастным здесь является и употребление устаревших слов «пиит», «вирши» параллельно с разговорным «подсел на пирожки».

Пример языковой игры, основанной на нескольких значениях глагола «отжимать»: *режим отжима у енота / бесспорно развит хорошо / он отжимает всё на свете / что лишь понравится ему* ©SerZh V. [2]. Прямое значение – «отжимать воду (из выстиранного белья)» и сленговое «отбирать что-то (силой)», сформировавшееся в 1990-е. Нарратив основан на аллюзии на название животного «енот-полоскун», хищного млекопитающего семейства енотовых, которое в самом деле имеет потребность окуна́ть в воду всё, что попало в его цепкие лапки (возможно, для размягчения пищи)⁴. Образ енота широко используется в мифологии, фольклоре, литературе, мультипликации, комиксах и видеоиграх. В фольклоре индейских племен енот, как стереотипный зооморфный образ, отличается хитростью, наглостью и вороватым характером (trickster). В русском языке название «енот-полоскун» может употребляться как шутовское описание человека, который заботится о чистоте (от глагола «полоскать (белье)»), отсюда – «режим отжима». Иронический эффект в стихе достигается приемами языковой игры и аллюзии на характеристики енота как животного и фольклорного персонажа, что, однако, идет в разрез с восприятием образа енота как добродушного зверька, поющего песню «Улыбка» В. Шаинского в советском мультипликационном фильме «Крошка-енот» (1974, реж. О. Чуркин) по сказке Лилиан Муур (Lilian Moore) “Little Raccoon and the thing in the pool” («Крошка Енот и тот, кто сидит в пруду», пер. О. Образцовой).

Помещение единицы КК в другой временной (анахронизм) и/или пространственный контекст (не обязательно контрастирующий). Пример помещения прецедентного высказывания из легендарiums Дж.Р.Р. Толкина (J.R.R. Tolkien) в контекст советской эпохи: *аркадий каждый вечер шепчет / ты прелесть прелесть ты моя / перебирая карбюратор / любимой нивы в гараже* ©Елена [2]. В советское время автолюбители сами ремонтировали свои автомобили в гаражах, ласково называя свои авто, например «ласточка». Персонаж Голлум (англ. Gollum) называет Му Precious («Моя Прелесть») себя в книге «Хоббит, или Туда и обратно» (The Hobbit, or There and Back Again, 1937) и Кольцо в книге «Властелин Колец» (The Lord of the Rings, 1954-55). Смеховой эффект достигается путем соединения прецедентной ситуации и прецедентного высказывания разных источников и пространств.

Приведем пример, в котором прецедентное имя и высказывание вписаны в контекст другой культу-

ры: *ночь пагода сады фонарик / бумажный светит вдалеке / не наливайте больше блоку / sake* ©zrbjvt [1].

В следующем стихе аллюзивно пунктирно, но узнаваемо рисуется образ А.С. Пушкина (бакенбарды, стихи) и прямо упоминается прецедентное имя Дантес: *я отрастила бакенбарды / и написала два стиха / меня уволил мой начальник / с тупой фамилией дантес* ©freutmich [2]. Однако это описание помещается в абсурдный контекст: сотрудница (окончание женского рода у глагола «отрастила») офиса или отдела была уволена начальником по фамилии Дантес из-за поклонения поэту Пушкину. Здесь также отражается типичная безусловно положительная трактовка образа великого русского поэта в культурном коде России, сожаление о его ранней гибели и желание спасти, вернуть поэта и вписать его образ в современную жизнь (чему есть множество примеров в современном кинематографе, театре, маркетинге и пр.). Безусловно отрицательное восприятие фигуры Дантеса в русской культуре маркировано здесь определением «с тупой фамилией».

Анахронизм часто строится на ярком контрастном столкновении реалий прежних эпох и сегодняшнего мира. В следующем примере герои романа М.А. Булгакова изображены как пользователи современных электронных устройств: *на патриарших снова воланд / но новый миша берлиоз / сидит в наушниках а вая / бездомный юзает планшет* ©urri [1]. Контраст усиливается употреблением сленгового слова «юзает».

В стихе: *на ямщика пойду учиться / я этот вуз давно искал / экзамены экстрим вождение / вокал* ©Мурка [1] – реалия ямщик контрастирует с современными бытовыми ситуациями «сдать экзамен в автошколе и получить права водителя», «пройти курсы экстремального вождения». Пуант «вокал» имеет особое значение для создания юмористического эффекта. Здесь читается аллюзия на жанр ямщицких песен, известный в России с XIX в. Песни сочинялись во время долгого пути как от лица ямщика, так и его пассажиров, что, в частности, упоминается в стихотворении А.С. Пушкина «Зимняя дорога» (1826): «Что-то слышится родное / В долгих песнях ямщика: / То разгулье удалое, / То сердечная тоска...».

Деконструкция прецедентной единицы или культурно-маркированного смысла с последующей генерацией нового нарратива (не всегда абсурдного) в пределах той же единицы КК. Например: *я принимал вас за синицу / а вы вдруг стали так смелы / и неожиданно сказали / курлы* ©NataliE muzz noflyzone [1]. Первая часть прецедентного высказывания «Лучше синица в руке, чем журавль в небе» реализуется эксплицитно (синица), а вторая (журавль) описывается аллюзивно звукоподражательным словом «курлы» в позиции пуанта.

В другом примере аллюзия на стихотворение А.С. Пушкина «Пророк» (1828) построена путем выделения метафоры «глаголом жги» и помещения ее в абсурдный «опрокидывающий» контекст: *я в холодильнике глаголы / храню лишь только для того / не жгли они чтоб слишком сильно / сердца изнеженных людей* ©BCE OK [2].

В следующем примере происходит деконструкция двух прецедентных единиц: *поэт не ведал что когда-то / его назначат нашим всем / и как дежурного заставят / за всё на свете отвечать* ©eslitak [2]. Здесь фраза «Пушкин – наше все!», сказанная А.А. Григорьевым в 1859 г., соположена с аллюзией на фразеосхему «А кто работать (платить, думать и т. д.) будет? Пушкин?», которая употребляется как в повседневной речи, так и в произведениях литературы (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита», И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев») и других искусств, а также часто обыгрывается в мемах.

Рефлексивное описание прецедентной единицы или культурно-маркированного смысла. Функциями таких стишков, по нашему мнению, являются скорее фатическая (см.: [Дымарский: 387]) или функция авторефлексии и автотерапии, нежели чем развлекательная. Например, большая группа стишков, построенных на основе прецедентных ситуаций, составляющих феномен «советское детство»: *в моем аналоговом детстве / остались ежик с узелком / скворечник крокодила гены / и хвостик ослика иа* ©Arman Teo [1]; *нашла оксана две копейки / дошла до будки во дворе / и крутит диск у телефона / пытаюсь в юность позвонить* ©Андрей [2]; *когда мне было лет семнадцать / был в дефиците интернет / и динозавров я видала / и телефон был проводной* ©Olga [2].

Другой пример – описание образа В. Цоя с использованием прямых цитат из его песен и аллюзии на факты его биографии, сопровождаемое иллюстрацией, на которой изображен музыкант с гитарой (со спины), уходящий от зрителя в закат или рассвет (рис. 2).

В стишке-пирожке: *бывает так что пишешь строчки / а их какой-то сукин сын / уже писал горадо*

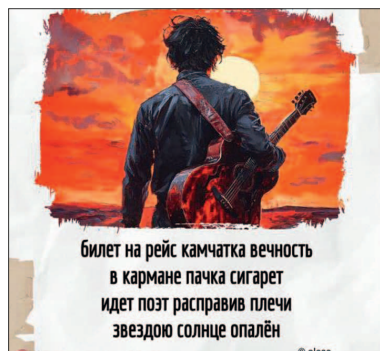

Рис. 2. Иллюстрация, сопровождающая стишок-пирожок [1]

раньше / что я еще могу сказать ©bespamiatnykh [1] соединяются антифразис «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!», шутивное восклицание самого поэта по поводу окончания драмы «Борис Годунов», и строка из письма Татьяны к Онегину «Я к вам пишу – чего же боле? / Что я могу еще сказать?» с перестановкой двух слов.

Развитие прецедентной единицы или культурно-маркированного смысла (достраивание сюжета в пределах одной единицы к КК): *дантес стреляет в александра / и ждет когда поэт умрет / проходит век другой проходит / но терпеливо ждет дантес* ©0331 [1].

В другом стишке развивается сюжет русской народной колыбельной песни (строки «Придет серенький волчок, / Тебя схватит за бочок...»): *перевернувшись с боку на бок / подмяла под себя волчка / пал глупой смертью не отведая / бочка* ©kata_rina_2.0 [2].

В следующих двух примерах достраивается сюжет двух известных скороговорок: «Ехал Грека через реку...» – *держа большую кружку с пивом / в руке запомнившей укус / отведал грека прелесть мести / на вкус* ©ленасть [1]; и «Шла Саша по шоссе и сосала сушку» – *прошла все трассы александра / известный с детства сушкоед / а четкого произношенья / все нет* ©Soul [1].

Генерация абсурдного нарратива на стыке нескольких прецедентных единиц или культурно-маркированных смыслов одного или нескольких пространства (тематического, временного). Например, абсурдность нарратива в стишке-порошке: *тортила из воды достала / и мяч и ключик и муму / не перепутать бы теперь что / кому* ©Евдокея [1] строится на соединении сюжетов сказки А.Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино», рассказа И.С. Тургенева «Муму» и аллюзии на стихотворение А. Барто «Мячик» («Наша Таня громко плачет: / Уронила в речку мячик...»). В стишке *по хлебным крошкам ганзель с гретель / искали путь в ночном лесу / вели останки колобка их / в лису* ©Gena_ [1] объединены в один нарратив немецкая народная сказка «Гензель и Гретель» (сказки братьев Гримм) и русская народная сказка «Колобок». В немецкой сказке брат и сестра пытаются найти дорогу из леса, где оставила их злая мачеха, по хлебным крошкам.

Таким образом, выделение лингвистических единиц КК позволяет отчасти «материализовать» этот ментальный конструкт и показать его значение в реальной коммуникации. Интернет-фольклор является одним из ресурсов динамической трансляции КК разных типов среди их носителей в естественном ее проявлении. Дискретные единицы КК, среди которых мы выделили прецедентные единицы и культурно-маркированные смыслы, в стишках-пирожках и стишках-порошках транслируются способом пря-

мого наименования, но чаще описываются аллюзивно, подвергаются деконструкции, достраиваются, сталкиваются с другими единицами с последующим порождением абсурдного нарратива, приобретают другой смысл за счет интеграции других (новых) значений составляющих их лексических единиц. Отдельную группу составляют рефлексивные стишки, выполняющие фатическую функцию или функцию саморефлексии. Эти способы динамической трансляции подразумевают владение отправителем и реципиентом сообщения одним и тем же кодом. Перспективами данного исследования является изучение востребованности (актуальности) тех или иных единиц КК, способности декодирования их носителями других кодов разных типов, а также потенциала таких единиц в маркетинговой лингвистике и социологии.

Примечания

¹ Исследование аналитического центра НАФИ и «Российской креативной недели» 2022 года. URL: <https://nafi.ru/analytics/pushkin-sila-voli-i-bogatyri-chto-sostavlyayet-kulturnyy-kod-rossiyan/> (дата обращения: 15.08.2025).

² Rinzler J.W. *The Making of Star Wars: The Empire Strikes Back*. New York, Del Rey Books, 2010, p. 12.

³ Звездные воины. URL: <https://starwars.fandom.com/ru/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D0%BD> (дата обращения: 15.08.2025).

⁴ Сергей Курий Енот: милашка в разбойничьей маске. URL: <https://www.kursivom.ru/> (дата обращения: 15.08.2025).

Список литературы

Источники

[1] ТГ Четыре строчки без точки. URL: http://t.me/strochki_bez_tochki (дата обращения: 15.08.2025).

[2] ТГ Стишки пирожки. URL: <https://t.me/+GG0yol1t1w6k2OGYu> (дата обращения: 15.08.2025).

Исследования

Батыршин Р.И., Гуревич Л.И. Феноменологические аспекты понятий «национальная культурная идентичность» и «культурный код нации» // *Культурная жизнь Юга России*. 2024. № 1 (92). С. 8–18.

Букина Н.В. К вопросу методологии исследования культурных кодов // *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*. 2010, № 2 (47). С. 232–237.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

Гуревич Л.С. Проблемы перевода культурно детерминированных смыслов: «непереводимые» куль-

турные коды // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2024. Вып. 9 (890). С. 119–126.

Донец П.Н. Об исследовательской единице межкультурной коммуникации // *Вестник ВГУ. Сер.: Гуманитарные науки*. 2003. № 2. С. 183–194.

Дымарский М.Я. Между жанром и творчеством, или К становлению пирожкового мышления языковой личности // *Жанры речи: сб. науч. ст.* Саратов; Москва, 2012. Вып. 8. С. 385–390.

Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 152 с.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. Москва: Гнозис, 2016. 496 с.

Кронгауз М.А. Переосмысление текста и мотив превращения в малом жанре интернет-поэзии («порошок») // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2019. Т. 10, № 4. С. 109–126.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // *Человек – текст – семиосфера – история*. Москва: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Петренко С.Н. Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской литературе последней четверти XX – начала XXI века: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 178 с.

Сметанина С.И. Медиатекст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики: автореф. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2002. 41 с.

Чемезова И.А. Неустрашимая тяга к креативности, или прецедентная языковая игра в интернет-сообществах (на примере сообщества «Порошки») // *Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*. 2019. Вып. 2 (28). С. 151–161.

Щукина К.А. Прецедентные феномены в пирожках и порошках – новых жанрах современной интернет-поэзии // *Мир русского слова*. 2015. № 4. С. 40–54.

Quinn N., Holland D. *Culture and cognition*, ed. by D. Holland, N. Quinn. *Cultural models in language and thought*. Cambridge University Press, 1987, pp. 3–40.

References

Batyrshin R.I., Gurevich L.I. *Fenomenologicheskie aspekty ponjatij "nacional'naja kul'turnaja identichnost' i "kul'turnyj kod natsii"* [Phenomenological aspects of the concepts of "national cultural identity" and "cultural code of a nation"]. *Kul'turnaja zhizn' juga Rossii* [Cultural Life of the South of Russia], 2024, no. 1 (92), pp. 8–18. (In Russ.)

Bukina N.V. *K voprosu metodologii issledovanija kul'turnyh kodov* [On the methodology of researching cultural codes]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo uni-*

versiteta. *Filosofija* [Bulletin of the Buryat State University. Philosophy], 2010, no. 2 (47), pp. 232–237. (In Russ.)

Chemezova I.A. *Neustranimaja tjaga k kreativnosti, ili precedentnaja jazykovaja igra v internet-soobshhestvah (na primere soobshhestva “Poroshki”)* [The irremediable craving for creativity, Or a precedent language game in online communities (a case-study of the “Pirozhki” community)]. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Jazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa* [Ural Philological Bulletin. Language. System. Personality: The linguistics of creativity], 2019, no. 2 (28), pp. 151–161. (In Russ.)

Donets P.N. *Ob issledovatel'skoj edinice mezhkul'turnoj kommunikacii* [On the research unit of intercultural communication]. *Vestnik VGU. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of VSU. Ser.: Humanities], 2003, no. 2, pp. 183–194. (In Russ.)

Dymarsky M.Ya. *Mezhdu zhanrom i tvorchestvom, ili K stanovleniju pirozhkovogo myshlenija jazykovoj lichnosti* [Between genre and creativity, or Towards the formation of the pirozhokthinking of a linguistic personality]. *Zhanry rechi* [Genres of Speech]. Saratov, Moscow, 2012, vol. 8, pp. 385–390. (In Russ.)

Ivanova S.V. *Lingvokul'turologija i lingvokognitologija: sopryazhenie paradigm* [Linguoculturology and linguocognitive studies: Conjugation of paradigms]. Ufa, RIO BashGU Publ., 2004, 152 p. (In Russ.)

Gurevich L.S. *Problemy perevoda kul'turno determinirovannyh smyslov: “neperevodimye” kul'turnye kody* [Problems of translation of culturally determined meanings: “Untranslatable” cultural codes]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Ser.: Humanities], 2024, vol. 9 (890), pp. 119–126. (In Russ.)

Krasnykh V.V. *Slovar' i grammatika lingvokul'tury. Osnovy psiholingvokul'turologii* [Dictionary and grammar of linguoculture. Fundamentals of psycholinguoculturology]. Moscow, Gnozis Publ., 2016, 496 p. (In Russ.)

Krongauz M.A. *Pereosmyslenie teksta i motiv prevrashhenija v malom zhanre internet-poezii (“poroshok”)* [Rethinking the text and the motif of transformation in the small genre of internet poetry (“poroshok”)]. *Slovo.ru: baltiyskij akcent* [Slovo.ru: Baltic Accent], 2019, vol. 10, no. 4, pp. 109–126. (In Russ.)

Lotman Yu.M. *Vnutri mysljashhih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1996, 464 p. (In Russ.)

Petrenko S.N. *Zhanrovye modeli postfol'klora v russkoj postmodernistskoj literature poslednej chetverti XX – nachala XXI veka* [Genre models of postfolklore in Russian postmodern literature of the late 20th and the early 21st century: PhD Thesis in Philology]. Volgograd, 2017, 178 p. (In Russ.)

Smetanina S.I. *Media-tekst v sisteme kul'tury: Dinamicheskie processy v jazyke i stile zhurnalistiki* [Media text in the cultural system: Dynamic processes in the language and style of journalism]. St. Petersburg, 2002, 41 p. (In Russ.)

Shchukina K.A. *Precedentnye fenomeny v pirozhkah i poroshkah: novyh zhanrah sovremennoj internet-poezii* [Precedent phenomena in pirozhki and poroshki: new genres of modern internet poetry]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word], 2015, no. 4, pp. 40–54. (In Russ.)

Wierzbicka A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevykh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2001, 288 p. (In Russ.)

Quinn N., Holland D. *Culture and cognition*, ed. by D. Holland, N. Quinn. *Cultural models in language and thought*. Cambridge University Press Publ., 1987, pp. 3–40.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 05.09.2025.

The article was submitted 25.08.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 05.09.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 196–207. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 196–207. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81.11.81'33

EDN GUQAIH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-196-207>

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ ВОЗРАСТА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ В РАМКАХ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Ню Анна, кандидат филологических наук, доцент, Пекинский объединенный университет, Пекин, Китай, niuanna@163.com, https://jtwl.buu.edu.cn/art/2021/1/12/art_34378_630617.html

Аннотация. Основной принцип когнитивной лингвистики «реальность – познание – язык» лежит в основе объяснения функционирования метафорического концепта. Опираясь на исследования когнитивного подхода к метафоре, автор проводит отбор эпиграфических выражений со значением возраста из корпуса русского и китайского языков, анализирует образные выражения, сформированные на основе сопоставления и метафорического переноса. Исследование показывает, что русско-китайские возрастные метафоры содержат шесть групп аналогичных образов: природные явления, геологические формы, растительные виды, животные, пища и предметы повседневного обихода. Выявлено, что топологические отношения с русско-китайской возрастной лексикой отражают не только языковую идентичность, но и культурные различия русского и китайского народов.

Ключевые слова: воплощенная лингвистика, репрезентативный возрастной дискурс, концептуальная метафора, русско-китайское сопоставление.

Для цитирования: Ню А. Сопоставительный анализ метафорических концептов возраста в русском и китайском языках в рамках когнитивной лингвистики // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 196–207. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-196-207>

Благодарности. Исследование осуществлено при поддержке крупного проекта Национального фонда социальных наук Китая (заявка № 21&ZD276 «Исследование русской семиотики культуры в многомерном подходе»).

Research Article

COMPARATIVE ANALYSIS OF METAPHORICAL CONCEPTS OF AGE IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES WITHIN THE FRAMEWORK OF COGNITIVE LINGUISTICS

Niu Anna, PhD in Philology, Associate Professor, Beijing Union University, Beijing, China, niuanna@163.com, https://jtwl.buu.edu.cn/art/2021/1/12/art_34378_630617.html

Abstract. The basic principle of cognitive linguistics “reality-cognition-language” is the basis for explaining the functioning of the metaphorical concept. Based on the research of the cognitive approach to metaphor, the author selects epigraphic expressions with the meaning of age from the corpus of Russian and Chinese languages, and analyzes figurative expressions formed on the basis of comparative analysis and metaphorical transfer. The study shows that Russian-Chinese age metaphors contain six groups of similar images: natural phenomena, geological forms, plant species, animal images, food and everyday necessities. It is revealed that topological relations with the Russian-Chinese age lexicon reflect not only linguistic identity but also cultural differences between Russian and Chinese peoples.

Keywords: embodied linguistics, representative age discourse, conceptual metaphor, Russian-Chinese comparison.

For citation: Niu A. Comparative analysis of metaphorical concepts of age in Russian and Chinese languages within the framework of cognitive linguistics. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 196–207 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-196-207>

Acknowledgments: Implemented with the support of the Major Program of the National Social Science Fund of China (application no. 21&ZD276, “A Multidimensional Study of Russian Cultural Semiotics”).

Введение. Как известно, Ф. Соссюр и А.Н. Хомский, представители структурной лингвистики, последовательно определяют «априорный взгляд на язык» и «взгляд на языковой талант», в то время как Ван Инь, современный лингвист из Китая, формулирует «взгляд на языковое воплощение». Ван Инь критически подходит к концепции «языкового воплощения». Основной принцип воплощенного познания «реальность – познание – язык», с его точки зрения, репрезентирует когнитивную лингвистику, зародившуюся на Западе, как эмбодированную когнитивную лингвистику (ECL), которая в значительной степени локализована (Embodied-Cognitive Linguistics / воплощенная когнитивная лингвистика). Embodied Linguistics подчеркивает материально-исторический взгляд на природу человека в лингвистических исследованиях, а также придерживается органического единства двух метакогнитивных механизмов «воплощения (интерактивного опыта)» и «распознавания (когнитивной обработки)» [Ван Инь 2019: 57–58].

Воплощенная природа языка определяет метафоричность его концептов. Теория метафоры говорит нам о том, что метафора – это не только риторический прием, но и способ мышления, то есть «особый способ познания мира человеком» [Ван Инь 2020: 216]. В метафорах чаще всего используются конкретные, видимые вещи для обозначения абстрактных, невидимых вещей. Это говорит о том, что метафора – это, по сути, «систематическое отображение относительно конкретной исходной области на относительно абстрактную целевую область» [Вэнь Сюй, Ян Кунь: 50]. Такое воспроизведение не осуществляется вслепую, а зависит от физического опыта говорящего, а также от истории, культуры и социального опыта нации, что, в свою очередь, формирует этническую принадлежность метафоры. «Этничность метафоры в основном отражается в национальном образе жизни, образе мышления, национальных обычаях и традиционной культуре, исторических и литературных текстах» [Лю Чанхуа: 9–10]. С точки зрения лингвистики этническая принадлежность метафоры характеризуется в основном через национальный язык, поскольку «метафорическое мышление и язык всегда следуют друг за другом» [Дин Ивэй: 158]. В этом смысле уникальный образ мышления определенной нации можно увидеть через изучение метафор в аспекте лингвистики воплощенного познания.

Возрастные метафоры используются в лингвистическом ключе для реального отражения опыта и восприятия жизненного пути человека определенной нацией. В контексте современной антропоцентрической парадигмы сопоставительное исследование метафорического феномена выражения возраста в русском и китайском языках, несомненно, имеет

большое научное и культурное значение: оно позволяет не только изучить сходство и различие между двумя языками в плане метафорических выражений, отношений воспроизведения и категорий интенции, но и получить представление о различиях между двумя нациями в плане когнитивного подхода к процессу создания метафоры. Такой метод позволит исследовать сходство и различие между двумя языками с точки зрения функционирования метафорических выражений, интенций автора и отношений воспроизведения, а также получить представление о различиях между двумя народами с точки зрения механизмов порождения и функционирования метафор с целью повышения качества межкультурного взаимодействия.

Концептуальная интерпретация возраста и возрастных выражений. В русском и китайском языках концептуальная интерпретация возраста и возрастной экспрессивный дискурс имеют много общего, что является основной причиной для сопоставительного анализа возрастных метафор в русском и китайском языках.

Начиная с XIX в. лексическое значение слова «возраст» в русском языке выражает понятие относительной зрелости, которое не имеет прямого отношения непосредственно к понятию абсолютного возраста в современной возрастной классификации России. Например, в авторитетнейшем словаре русского языка («Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля) возраст трактуется как «юношеский рост», постепенное достижение пика роста, телосложения и силы, приближающееся к полной зрелости [Даль: 203]. «Словарь современного русского литературного языка» характеризует «возраст» несколько иначе, а именно как «рост человека, растений и животных, демонстрирующих определенное состояние органического роста и силы». Иначе говоря, здесь репрезентируется «период роста и развития человека, растений и животных, в течение которого они демонстрируют определенное состояние и силу организма», а также «продолжительность времени, прошедшего с момента рождения или начала роста человека, растений и животных» [Балахонова: 587]. Аналогичное толкование представлено и в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н.Ю. Шведовой.

Кроме того, российские ученые, анализируя семантику обозначающего возраст лексикона, разделяют возраст на два типа: абсолютный и относительный (условный). В первом случае обозначается отрезок времени, «охватывающий период от момента биологического возникновения до момента его фиксации», во втором случае речь идет о «самовосприятии индивида в процессе развития в данном социальном контексте» [Максимова: 22]. Исходя из этого,

можно предполагать, что восприятие человеком времени, возраста и других связанных с ними категорий является относительным и во многом зависит от того, какое место человек занимает в той или иной ситуации. В то же время «относительный возраст – это понятие, которое имеет решающее значение для жизненного опыта» [Сергиенко: 90].

В древнекитайском словаре есть слово «нянь», которое означает возраст, годы [Чэнь Фухуа: 1043]. Словарь древнекитайского языка объясняет «нянь» как количество лет, возраст, а также обозначает этапы жизни в зависимости от возраста [Ся Чжэньнун: 1661]. Как видно из приведенных выше толкований, китайский иероглиф «年» может обозначать как конкретное и точное количество лет, так и относительно неопределенный возрастной диапазон. Китайский иероглиф «齡» интерпретируется как «齡, 年也» в «Шуовэнь синьсянь» (Новое дополнение к «Шуо вэнь») [Сюй Чжуншу: 2487]. Согласно базовому китайскому словообразованию, возраст относится к синтезу «существительное + существительное». Кроме того, понятие возраста используется не только для характеристики людей, но и распространяется на продолжительность жизни растений и животных. Например, в Словаре современной китайской классификации «возраст» определяется как «количество лет, прожитых человеком, животным или растением» [Дун Данянь: 208]. В дополнение к вышеупомянутому словарным определениям поиск в древнекитайском корпусе CCL Пекинского университета показывает, что в древнекитайском языке «возраст» обычно означает «количество лет, которые человек прожил». Поэтому, говоря о фактическом возрасте человека, в китайском языке часто используются конкретные, точные числа для его выражения, и «возраст также часто понимается как положение человека в его собственном развитии, то есть стадия жизненного цикла» [Бао Лейпин: 126].

С древних времен и до наших дней в русском и китайском языках сформировались различные типы метафор, выражающих возраст. Например, в русском языке есть такие понятия, как «детство», «молодость (юность)», «старость», «юность (подросток)», «зрелость» и т. д.; в китайском же языке таких понятий меньше: «молодежь», «подросток», «молодость», «старость» и т. д. [Нью Анна, Инь Сюй: 40–41].

Подводя итог, можно сказать, что трактовка возраста в современном русском и китайском языках в основном совпадает: понятие возраста применимо не только к человеку, но и к растениям и животным; возраст может быть относительным, то есть этапом жизни человека, растений и животных; возраст может быть и абсолютным, то есть отрезком времени, который человек, растения и животные пережили с момента своего рождения или роста до момента их изживания. Кроме того, с точки зрения обозначающего

возраст лексикона в русском и китайском языках существуют такие же или похожие словесные выражения. Все это дает хорошую возможность для сопоставительного анализа возрастных метафор в данном исследовании.

Категории возрастных метафор и анализ их образности. С точки зрения воплощенной лингвистики исходные области метафор возраста формируются на всех этапах человеческой жизни, которые тесно связаны со средой обитания, природными явлениями и жизненными привычками людей. Целевыми областями метафор возраста обычно выступают аспекты относительного возраста, то есть стадии роста людей в зависимости от их возраста, и иногда включается понятие абсолютного возраста, то есть значение времени, в течение которого человек живет.

Метафоры природных явлений

Отношения между человеком и природой – вечная тема. Человек – продукт природы, существует в природе и подчиняется ее законам. В процессе адаптации к природе, ее пониманию и преобразованию человек постоянно формирует свои собственные когнитивные способы восприятия природы, основанные на опыте. Люди часто используют природные явления для понимания относительно абстрактных понятий и применяют метафорическое мышление для передачи смыслов, то есть «строят картографический мост между различными концептуальными областями с помощью когнитивной метафоризации» [Сунь И, Цуй Цысин: 146]. В русско-китайской когнитивной схеме природных явлений присутствуют возрастные метафоры времени и создаваемые с помощью них образы.

Метафоры дня и ночи, утренние и вечерние образы. Возрастные метафоры природных явлений в русском и китайском языках выражаются в основном в делении времени, а именно в смене дня и ночи или утра и вечера, которые тесно связаны с функционированием небесных тел. В русском языке ночь часто используется как метафора смерти, а свет и солнце – как метафоры выживания.

(1) ...так что противоположности мрак – ночь – смерть и свет – солнце – бессмертие оказывались вдруг чуть ли не синонимами... (Б. Вахтин. Человеческое вещество)

Русский народ соотносит день и ночь с жизнью и смертью в потоке существования, а понятие возраста является естественным маркером на пути человека от жизни к смерти, поэтому в русском языке «утро жизни» используется как метафора для характеристики детей и подростков [Шведова: 61].

Но все это мало занимало любознательную и пытлившую девушку: еще на утре жизни она додумалась, что вера не в обряде... (Мельников-Печерский П.И. На горах)

Кроме того, «вечер жизни (ночь жизни)» используется в русском языке как метафора старости, а ещё «не вечер (ещё не ночь)» – для обозначения этапа, когда «ещё не старость, ещё есть время» и т. д.

Но тут Лидия вдруг поняла нечто совсем другое: как бы там ни было, а не теткин вечер жизни заставляет ее сейчас плакать (Щербакова Г.Н. Ах, Маня).

(4) *Она ничего не приобретала, но и не теряла. Еще не вечер, и жизнь впереди* (Виктория Токарева. Своя правда).

В русском языке слово «закат» первоначально означало непосредственно закат, сумерки и могло быть метафорой к обозначению периода последних лет жизни.

Однако король знал и пребывал по этому поводу сначала в чрезвычайном беспокойстве, а на закате жизни – в глубочайшей печали (Владимир Абаринов «Хайль Виндзор!»).

Из вышесказанного следует, что дискурс понятий дня и ночи или утра и вечера в русском языке функционирует как возрастная метафора и что слова утро, вечер и закат могут использоваться как метафоры для обозначения разных возрастов жизни соответственно. Это примерно то же самое, что и образные метафоры в китайском языке.

В китайском языке «восходящее солнце» часто используется как метафора молодости, а «заходящее солнце» – как метафора старости.

(6) *您觉得热恋青年更浪漫，还是携手夕阳更浪漫？《李敖对话录》 / Как вы думаете, что романтичнее – быть влюбленным в молодого человека или соединить руки с закатом?* (Диалоги Ли Ао)

Китайский иероглиф «暮» первоначально означает «на закате, вечером» и может использоваться «как метафора старости и немощи» [Сюй Чжуншу: 801]. Напротив, китайские сочетания со словом «сумерки» более многочисленны, например: поздние сумерки, сумерки, сумеречная сцена, вечерние сумерки – и могут быть метафорой старости.

(7) *到后来为实现他的主义，竟将自己的暮景残年，葬送于凄寂的荒野。* (棘心) / *Позже, чтобы реализовать свою доктрину, он даже похоронил свои сумерки в пустынной пустыне* (Эхинацея).

Подводя итог, можно сказать, что русский и китайский языки используют различные периоды суток как метафоры для обозначения разных возрастов: утро и восход солнца – ранний этап жизни, а вечер – поздний этап жизни. Можно сделать вывод, что в возрастных метафорах русского и китайского языков существует большое сходство в восприятии природных явлений и создания образов.

Метафоры сезонных образов. Помимо вышеупомянутых метафор «день – ночь» и «утро – вечер», в русском и китайском языках существуют метафоры,

которые соотносят времена года с различными этапами жизни. Например, в русском языке выражение «весна жизни» – это метафора молодости и расцвета жизни, а выражение «осень жизни» – это метафора старости [Шведова: 62].

(8) *Тот же огнем пылала, когда я за ней бегал! Весна жизни была у нас обоих... Хорошее было время!* (С.А. Гарин. Емельян)

(9) *Стихи он начал писать осенью на даче; в то же время название сборника намекает на осень жизни, когда «зима», т. е. смерть, уже не за горами* (Михаил Сидур. Послание из Атлантиды).

Сезонные образы также используются и в китайском языке в качестве метафоры возраста. Некоторые ученые отмечают, что «китайский язык использует лексемы “весна” и “осень” как аналогии для различных периодов жизни, создавая слова с метафорическими коннотациями для обозначения возраста, такие как Suqiu, сумеречный возраст и сумеречный год» [Wu Yiming 2014: 98]. Например, китайский язык использует «岁暮», т. е. когда год почти закончился, как метафору старости.

(10) *这不仅是“鸟近黄昏皆绕树，人当岁暮定思乡”的情怀，更是建设故土，振兴故土，腾飞故土的凌云壮志！* (人民日报) / *Это не только настроение «птицы кружат вокруг деревьев в сумерках, а люди скучают по родным городам в конце года», но и непреодолимое стремление строить, возрождать и взлетать на родине!* (People's Daily).

Осень – это сезон зрелости и сбора урожая, поэтому в китайском языке, как и в русском, осень и золотая осень используются как метафоры не только для обозначения старших этапов жизни человека, но и для акцентирования изобилия и полноты этой возрастной группы.

(11) *我偏要说，老年是人生的金秋——大好的丰收季节。* (人民日报) / *Я склонен сказать, что старость – это золотая осень жизни – сезон великого урожая* (People's Daily).

Как видно, сезонные образы соотнесены с понятием возраста как в русском, так и в китайском языках: понятия «весна» и «осень» являются метафорами раннего и позднего этапов жизни соответственно.

Метафоры геоморфологических образов. Будь то в России или в Китае, горы и реки являются широко распространенными геоморфологическими формами, поэтому использование различных геоморфологических метафор для обозначения возраста является обычным явлением в русском и китайском языках. Например, слово «склон» в русском языке обозначает покатую поверхность холма и часто используется в следующих устойчивых словосочетаниях: «на склоне лет / дней / жизни», что означает «в старости, ближе к старости» [Галаванова: 964].

(12) *Меж тем женщина, которую он полюбил на склоне жизни, потребовала решающего ответа* (Данин Д.С. Нильс Бор).

То же самое относится и к китайскому языку. Например, китайская идиома «日薄西山», заимствованная из китайского исторического рассказа, «обозначает тот факт, что солнце скоро зайдет, и является метафорой старения человека и приближения смерти» [Чжао Цзюань: 672] «Сишань» первоначально означало место, где заходит солнце, а здесь это метафора старости с точки зрения географического положения, где заходит солнце.

(13) *而我也年逾七十，日薄西山了。《物种起源》* / И мне уже больше семидесяти лет, и солнце садится.

В дополнение к вышесказанному – в русском языке есть выражение «песок сыплется» как предсмертные годы жизни.

(14) *Я пошла к очень старенькому доценту Коновалову, а из него песок сыплется, и он ни фигу не помнит...* (Сарибан А.А. Дневник)

Как мы видим, несмотря на то, что явление проецирования образов, таких как рельеф, на концепт возраста существует как в русском, так и в китайском языках, в то же время существуют некоторые различия в способе проецирования образов и соответствия между русским и китайским языками, что связано с особенностями рельефа, а также с историей и культурой двух стран.

Метафоры растительности

Человек и растения неразрывно связаны друг с другом. Растения впитывают полезные вещества из земли, а благодаря процессу фотосинтеза образуют и обеспечивают человека кислородом, пищей, лекарствами, древесиной и т. д. В процессе сельскохозяйственного производства и взаимодействия человека и растений происходит обеспечение жизни не только материальными, но и духовными благами. В соответствии с этим взаимодействием в русском и китайском языках появляется много образной лексики, обозначающей различные возрастные этапы.

Метафоры травянистых растений. Травянистые растения обладают относительно слабо развитой древесной частью стебля и обычно имеют сезон вегетации, сезон увядания, или сезон гибели. Травянистая растительность распространена как в России, так и в Китае. Сопоставление метафор на основе названий трав с возрастными категориями имеет много примеров как в русском, так и в китайском языках. Например, одуванчик – распространенное в России растение, и, исходя из собственных наблюдений и опыта, русские наделяют одуванчик такими характеристиками, как мягкость и слабость, поэтому разговорное шутовское выражение «божий одуванчик» является метафорой «тихого, хрупкого, приятного на вид пожилого человека» [Шведова: 541].

(15) *Какие-то старушки московские, божьи одуванчики, котлетки приносили, теплую картошку, завернутую в полотенце* (Алексиевич С. Время second-hand).

Русское выражение «сладкая ягода» часто используется как метафора молодой, прекрасной девушки в русских обрядах или песенно-танцевальном творчестве.

(16) *Ох, ты моя ижинька, куда я тебя снаряжаю* (свадебная песня) [СРНГ 12: 80].

Русское слово «репа» часто используется как метафора для обозначения девушки или женщины с широким и скуластым лицом из-за того, что корнеплод обладает плоской округлой формой, схожей с формой лица.

(17) *Да иде там ена прыгожая! Репа репой!* [СРНГ 35: 65].

В китайском языке типичными словами, связывающими образы травянистых растений с понятием возраста, являются «саженец» и «саженцы», которые используются как метафоры для обозначения детей. Поскольку «саженец» в китайском языке обозначает молодое растение, которое необходимо тщательно удобрять, поливать и ухаживать за ним, чтобы оно росло, прежде чем расцветет и принесет плоды, его часто используют в контексте воспитания детей.

(18) *尤其是中小学教师和幼儿教育工作者，负有培养革命接班人的幼苗的重任。（邓小平文选）* / *Учителя начальной и средней школы и воспитатели детей младшего возраста в частности выполняют важную задачу по возвращению ростков наследников революции* (Избранные труды Дэн Сяопина).

(19) *正是淘气的年岁，让他们规规矩矩咿咿呀呀地吹那些练习曲，一会儿就如同上刑一般。祝盾为把这些小苗培育成材，不知付出了多少心血。（人民日报）* / *Это капризный возраст, пусть они регулярно лепечут, играют эти тренировочные песенки, момент похож на пытку. Я не знаю, сколько сил Чжу Дунь потратил на воспитание этих саженцев* (People's Daily).

Поскольку полынь издавна широко использовалась в Китае для лечения болезней, ей часто придавали большое положительное значение. Например, пожилые люди часто почитают моксу (высушенную полынь), поэтому данный термин используется людьми старшего возраста.

(20) *我年已及艾，还有什么不满意的事？（读者）* / *Я в возрасте полыни, какие вещи меня не устраивают？* (Читатель)

(21) *50岁——年逾半百、知非之年、知命之年、艾服之年、大衍之年。（读者）* / *50 лет – половина ста лет, год знания того, что неправильно, год знания того, что правильно, год принятия полыни, год великого распространения* (Читатель).

Кроме того, образ *полыни* не только часто используется в качестве метафоры пожилых людей, но и мо-

жет быть перенесен на молодых: *меньший полынь* означает молодой и красивый (Ся Чжэньнун: 1983).

(22) 我现在回忆起来, 发现丈夫是年方少艾的妻子不知不觉地教导成人的。(读者) / *Теперь, оглядываясь назад, я осознаю, что моя супруга, будучи в расцвете молодости (как молодая полынь), невольно помогла мне возмужать.* (Читатель).

Как мы видим из примеров, между русскими и китайскими возрастными метафорами существует большая разница в плане восприятия и создания образов травянистых растений. Во-первых, разница обусловлена тем, что русский и китайский народы по-разному воспринимают географические особенности, внешний вид и эффективность растений; во-вторых, немаловажным фактором в возникновении указанных различий является и разное отношение к тем или иным травам.

Метафоры древесных растений. Многолетние древесные растения относительно высокие и растут гораздо дольше, чем травянистые. Типичные русские слова, использующие метафоры древесных растений для обозначения возраста, – береза, сосна, дуб и т. п. Например, во многих русских литературных произведениях широко встречается образ березы, у которой прямой красивый ствол, поэтому данный образ часто используется в русском языке как метафора молодой и красивой девушки.

(23) *Улыбнулись сонные березки, Растрепали шелковые косы* (Есенин С.А. С добрым утром! («Задремали звезды золотые...»)).

Русское слово «сосна» часто сопоставляется с женщинами пожилого возраста, например: *А на самой последней тупине, где ночные воды лижут непрестанно зуб-камень, встала посередь кукушкиных ковров единая сосна, рослая старуха, глухо шумящая на ветру* (Леонов Л.М. Гибель Егорушки).

В китайском языке древесные растения, метафорически обозначающие поздние, предсмертные годы, – это тутовые и вязовые деревья. Сложное словосочетание *Sangu* воспроизводит вид солнца, освещающего конец тутового дерева на закате, отсюда и метафора заката.

(24) 新中国成立后, 张澜虽已年届80高龄, 但他桑榆未晚, 壮心不已, 仍以极大的热情参加人民主政权工作。(报刊精选) / После основания Нового Китая, хотя Чжан Лану было уже 80 лет, он по-прежнему с большим энтузиазмом участвовал в работе народно-демократического режима (Избранные газеты).

Аналогичное словосочетание в китайском языке – «松柏», собирательное название сосны и кипариса – вечнозеленых деревьев, широко распространенных в среднем и нижнем течении китайских рек Янцзы и Хуанхэ, к которым китайский народ питает нежные чувства с древних времен. Поскольку сосна

и кипарис долго растут и являются вечнозелеными, их часто используют в качестве метафоры здорового и долгоживущего старика.

(25) 『关心, 从聆听开始』热线接听服务、『与你同行』残疾人服务、『松柏之爱』老人服务等。(人民日报) / Горячая линия «Прояви заботу – выслушай», услуги для инвалидов «Рядом с тобой», услуги для пожилых «Любовь к старшим, как к соснам и кипарисам» и т. д. (People's Daily)

В вышеупомянутых русско-китайских возрастных метафорах образность древесных растений в основном сосредоточена на высоких деревьях, чьи особенности роста и внешнего вида являются основой для создания метафорического отображения. Наблюдения, опыт и познания русских и китайцев в отношении древесных растений более ярко представлены в возрастных метафорах.

Метафоры цветов и плодов. Особенности роста и морфологические характеристики растений всегда были в центре внимания человека, в частности цветы и плоды, которые вызывают у человека сильную сенсорную стимуляцию. Цветы обычно ярко окрашены, изящны и ароматны, поэтому человек наблюдает за их ростом достаточно часто. Например, цветы (цветок) часто используются в русском языке как метафора образов детей, подчеркивая невинность и красоту их природы.

(26) *На этих растительных метафорах и выросли свернувшие в сторону дети цветов* (Генис А. Ритуалы Вудстока стали традицией).

В китайском языке цветы также часто обозначают детей, а фраза «цветы родины» часто используется для выражения заботы и привязанности к детям.

(27) 儿童是祖国的花朵, 是时代的希望, 美好的明天要靠他们去开拓和创造。(中国儿童百科全书) / Дети – цветы родины и надежда эпохи, и именно от них зависит развитие и создание лучшего завтра (Китайская детская энциклопедия).

Метафорическое сопоставление цветов и детей одинаково в русском и китайском языках. Однако в русском языке также используется выражение нераспустившийся бутон (цветочный бутон) как метафора для обозначения людей, которые еще молоды, не достигли зрелости и т.д.

(28) *Мы еще не созрели для славы. Мы еще были бутоны. Аполлон еще не требовал нас к священной жертве* (Катаев В.П. Алмазный мой венец).

В отличие от этого примера, китайское слово «бутон» чаще всего используется как метафора для обозначения детей.

(29) 或许我们因此而扼杀了未来的爱迪生……”于是, 培养科技小蓓蕾活动成为南京市小学生课余生活的主要内容。(人民日报) / Возможно, таким образом мы убили Эдисона будущего... Таким образом, деятельность по выращиванию маленьких бутонов науки

и техники стала основной частью внешкольной жизни учеников начальной школы в Нанкине (People's Daily).

Русское слово «поросль» означает побеги растения, а «молодая поросль» часто используется как метафора молодых людей, молодого поколения.

(30) *Молодая поросль государства рабочих и крестьян демонстративно отрецивалась от всего, что соединяло прошлое с настоящим* (Бородин С.А. Набатный звон заветов предков).

В китайском языке растение кардамон – это вечнозеленая трава с трубчатыми белыми, слегка красноватыми цветками, дарящими людям ощущение свежести и чистоты. Поэтому в идиоме «кардамоновые годы» цветы кардамона используются как метафора прекрасных лет 13–14-летней девочки. Идиома происходит из стихотворения «Прощание» Ду Му, поэта династии Тан: «грациозно вьется до тринадцати лет кардамон в начале февраля». Кардамон в стихотворении – это метафора грациозной осанки и легкого, красивого поведения молодой девушки.

(31) 个豆蔻年华如花似玉的中国女孩，孤身一人在异国他乡认真、勤奋地生活着... (1994年报刊精选) / Цветущая китайская девочка в подростковом возрасте, одна в чужой стране, живет искренне и прилежно... (Избранные газеты и периодические издания, 1994).

Полное название цветочного письма на китайском языке – huaxinfeng (花信风), которое используется для обозначения периода цветения [Ся Чжэньнун: 929]. Цветочное письмо первоначально относилось к посланию распустившихся цветов, метафоре наступления совершеннолетия женщины.

(32) 当下随着娘姨上楼，只见后厢房门口，有个花信年华的女子，打起门帘，含笑等待。(《红顶商人胡雪岩》) / Когда мы с тетей поднялись наверх, я увидела у двери в заднюю комнату женщину в цветочках, которая подняла занавеску и ждала с улыбкой на лице (Красный бизнесмен Ху Сюэян).

Кроме того, китайское слово Biu Mei (標梅) означает сливу, падающую вниз, когда она созревает, что является метафорой женщины, достигшей брачного возраста.

(33) 標梅诗有赠，羔雁礼将行。(《送桓子之郢成礼》) / Стихотворение Биу Мэй – это подарок, и церемония «Ягненок и гусь» вот-вот начнется. (Отправка Хуаньцзы к Ину станет обрядом посвящения).

Нетрудно обнаружить, что в отображении образов цветов и фруктов в русском и китайском языках есть как общие черты, так и индивидуальные: образы цветов можно соотнести с детьми, а фруктов – с девушками; однако есть и различия, например в употреблении образов бутонов.

Метафоры, связанные с животными

Метафоры лошади. Для русского народа, связанного с кочевой культурой, лошадь – одно из самых

ранних домашних животных, которое было приручено, поэтому взаимодействие русских с лошадьми происходит в разных формах, а опыт и познание лошадей сильно отличаются от опыта и познания земледельческой цивилизации. Например, образы «конь» (жеребец) и «лошадь» (кобыла) в русском языке обычно символизируют тяжелый труд и опыт, а «кляча» (неумелая лошадь) часто является метафорой перегруженной работой пожилой женщины, в то время как «старый конь» (старая лошадь) – метафорой старого и опытного человека [Кузнецов: 434].

(34) *Старый конь “Жигулей” не испортит. Бывшим менеджерам “Автоваза” нашли новое применение* (Пальшин К. Старый конь «Жигулей» не испортит).

Русская пословица «старее поповой кобылы» (старше лошади священника) может быть метафорой человека, который очень стар, очень пожилой [Мокиенко: 197], тогда как «мышинный жеребчик» (мышастый жеребенок) имеет уничижительную окраску и является метафорой пожилого мужчины, который выглядит молодым и всегда ухаживает за молодыми женщинами [Кузнецов: 567].

(35) – *Все равно он на тебе, деушка, не женится, мышинный жеребчик...* (Лазарчук А., Успенский М. Посмотри в глаза чудовищ).

Для китайцев, имеющих долгую историю сельскохозяйственной цивилизации, лошадь тесно связана с их социальной и производственной деятельностью. Китайский язык богат метафорами, связанными с лошадьми, в том числе метафорами возраста, такими как «старая лошадь знает дорогу» и «старый конь в конюшне».

(36) *寄希望于台湾的老一辈老马识途，为实现祖国统一大业作出自己的贡献。(人民日报) / Хочется надеяться, что старшее поколение на Тайване будет знать свое дело и внесет свой вклад в реализацию великого дела воссоединения родины* (People's Daily).

(37) *来对壮年风貌，而今白发斑斑，却幸老骥伏枥，为人民还能做此事情，这是我的幸福。(报刊精选) / Я вступил в расцвет своей жизни, и теперь у меня седые волосы, но мне повезло, что старый конь все еще способен делать это для людей* (Избранные газеты).

Для кочевых и земледельческих племен существует определенная разница в использовании и значении лексемы «лошадь», и эта разница отражается не только в метафоре возраста, но и в оценке образов лошади на основе аксиологических признаков.

Метафоры детенышей животных. Общеупотребительными в русском языке также являются названия детенышей животных в качестве метафор при обозначении детей, например: птенец, котенок, щенок и другие.

(38) *И если б увидел славянофилов, наверно бы их понял, взял бы Хомякова и Юрия Самарина и сказал*

бы, вот птенцы моего гнезда, хотя, по-видимому, они и против меня говорили (Достоевский Ф.М. Из записных тетрадей).

Образы животных в русском языке также часто являются метафорой, обозначающей людей определенного статуса и возраста. Например, крапивник (птица-кокетка) – это метафора внебрачного ребенка.

(39) *Будь ты проклят... (Ищет оскорбления) Крапивник! (Приходит в ужас от того, что она только что произнесла). Паша... сынок... (Плачет).* (Вампиров А. Прошлым летом в Чулимске).

Феномен использования наименований молодых животных в качестве метафор для обозначения подрастающего поколения существует и в китайском языке. Например, птенец, молодая птица или молодой орел часто используются в качестве метафоры для обозначения детей.

(40) 手拉手互助活动是培养跨世纪雏鹰的好形式, 二十一世纪雏鹰如何培养关系到党和国家未来的命运。(人民日报) / Взаимопомощь «рука об руку» – это хорошая форма воспитания орлов в течение века, и от того, как будут воспитываться орлы в XXI веке, зависит будущая судьба партии и страны (People's Daily).

Метафоры собаки. В русском языке образные метафоры собаки очень распространены. Например, образ старого пса имеет как положительную, так и отрицательную оценочную окраску: первый относится к старому и опытному человеку, второй может быть сопоставлен с отвратительным стариком.

(41) *Старый пес, да верно служит* (пословица).

(42) *Старый пес не обманет* (пословица).

(43) – *Да ты, старый пес, мою карму даже не видел!* – сказала Настасья (А. Силаев. Подлое сердце родины).

В китайском языке большинство образных метафор, связанных с собаками, являются концептуальными метафорами.

Метафоры, связанные с пищей

Важность пищи для обеспечения человека необходимыми калориями и питательными веществами очевидна. История приготовления, дегустации и потребления пищи – это также процесс постепенного накопления знаний человека о еде. Состав кушаний и гастрономические привычки разных народов формируют отличительные черты их пищевой культуры, которая может сильно различаться у двух народов – в основном по составу продуктов и стилю приготовления еды. В русско-китайских возрастных метафорах задействованы и пищевые образы.

Метафоры хлеба. С древних времен хлеб является основным продуктом питания в России, существует множество видов хлебных изделий разных размеров и форм: крендель (маленький фигурный

хлеб), плюшка (белый витой хлеб), батон (длинный хлеб) могут быть молодым парнем, молодой девушкой и пожилым мужчиной соответственно [Боровкова 1: 116].

(44) *Молодой мужчина для него был “крендель”. Молодая женщина – “плюшка”. Мужчина в возрасте назывался “батон”* (Геласимов А. Рахиль).

Русское слово «плюшка» – это маленькое круглое сладкое хлебное изделие, которое может быть метафорой как тучного ребенка или девочки, так и пухлой привлекательной девушки.

И на жену валит... у него жена такая же пышка, и та смелее оказалась... (Ремизов В. Воля вольная)

Китай имеет долгую историю культуры питания и региональные различия в основных продуктах. В возрастной метафоре прямая связь с лапшой пока не развита, однако в традиционной китайской культуре на третий день после рождения младенца устраивается банкет с супом, на котором подается лапша – символ долголетия. Поэтому в китайском языке время вечеринки с супом, то есть «время супа-пирога», используется как метафора для обозначения детей, родившихся три дня назад.

(46) 汤饼之期: 婴儿出生三朝, 称为“汤饼之期”。语出刘禹锡《送张盩诗》。(读者) / Период суповой лепешки: три дня жизни младенца называются «периодом суповой лепешки». Это из «Поэмы об отправке Чжан Вэя» Лю Юйси. (Читатель).

Очевидно, что в метафорах русской культуры образы макаронных изделий более графичны, полны и отношения отображения более разнообразны, в то время как в метафорах китайской традиции подобные образы относительно однородны.

Метафоры пищевых крошек. При проглатывании пищи, особенно при поедании хлеба, неизбежно образуются крошки. Поэтому русское существительное «крошка», которое первоначально означало крошки пищи или маленький кусочек пищи, часто используется в качестве ласкательного термина для маленьких детей.

(47) *Но Государыня, отворив дверь, вызвала из следующей комнаты своих чудных детишек, и эти крошки, быв в платицах из одинаковой материи с Государыней* (Шомпулев В.А. Записки старого помещика).

Среди других слов, используемых в русском языке в качестве метафор для обозначения маленьких детей, – «крохотка», «крошечка» (чуть-чуть) и т. д.

(48) *Не снись мне так часто, крохотка, мать свою не суди* [Боровкова 1: 389].

(49) *Здравствуй, крошечка Натуся! Письмо твое получил, где нарисован домик* (А. Анфиногенов. А внизу была земля).

Использование пищевых крошек в качестве метафоры для обозначения детей в русском языке

ке характерно в основном для разговорной речи, а в китайском языке не было обнаружено соотнесения пищевых крошек с возрастом.

Метафора овощей/грибов. Овощи – один из важнейших продуктов в ежедневном рационе, обеспечивающий организм человека необходимыми витаминами, минералами и т. д. Кочерыжка (основание капусты) – широко распространенный в России овощной ингредиент, богатый сахаром, белком, витамином С и минералами, является может применяться для приготовления супов и салатов. Соответственно, выражение «старая кочерыжка», не годная для еды, часто используется как метафора для обозначения стариков и старух [Боровкова: 389].

(50) *Старая кочерыжка прошла, чуть на меня не наступила!* (Кормер В.Ф. Крот истории, Или революция в республике).

Перец также является одним из самых распространенных овощей в России, а шутивное разговорное выражение «старый перец» может использоваться как метафора для обозначения мужчин, которые уже немолоды [Боровкова 1: 169].

(51) *Вынул Жорика и самого сидеть на телефоне, и контролировать деятельность старого перца Николая Степаныча, который за чисто символическую сумму согласился сидеть на телефоне – регистрировать звонки* (Алексей Грачев. Ярый-3).

Еще одно русское выражение с похожим метафорическим значением – «старый хрен», которое обычно обозначает старика, старикашку [Боровкова 1: 182].

(52) – *Потому что я – старый хрен и не слишком надеюсь когда-нибудь его увидеть* (Дина Рубина. Русская канарейка).

Грибы – одно из самых традиционных русских блюд, у русских людей есть привычка собирать и готовить из них разные блюда. Так, мухомор – это ядовитый гриб, а «старый мухомор» – метафора, обозначающая неприятного старика.

(53) *Характер у меня мухоморный, и сам я старый мухомор...* (Федор Кнорре. Родная кровь).

В китайском языке также существует более широкое отображение соотношений между людьми разных возрастов и различными сортами овощей. Например, форма редиса напоминает тело человека, и выражение «маленькая головка редиски» часто используется в китайском языке как метафора для обозначения детей.

(54) *在遥远的孩提时代，我还是小萝卜头一个，父亲温暖的大手牵着我的小手去状元楼吃生鱼片。* (人民日报) / *В далеком детстве, когда я был маленькой морковной головкой, большая теплая рука моего отца держала мою маленькую руку, чтобы пойти в Дом ученых поест сашими* (People's Daily).

Имбирь – широко используемый в Китае овощ, и чем старше имбирь, тем острее его вкус, поэтому в китайском языке он часто используется как мета-

фора для обозначения пожилых людей, более знающих и опытных.

(55) *虽说姜是老的辣，但暮年已至激情骤减，年轻时的那份冲劲，早已烟消云散。* (人民日报) / *Хотя имбирь стар и прян, но с наступлением сумеречных лет страсть внезапно поубавилась, юношеский задор давно исчез* (People's Daily).

Объекты, которые часто сопоставляются с образами овощей в русско-китайских возрастных метафорах, в основном ориентированы на пожилых людей, за исключением сопоставления маленькой морковной головки с детьми в китайском языке, которое в меньшей степени затрагивает другие возрастные группы.

Метафоры предметов повседневного обихода

Предметы повседневного обихода – это предметы, которые люди часто используют в своей повседневной жизни. Их можно разделить на декоративные, кухонные, бытовые и т. д. в зависимости от назначения. Хотя предметы первой необходимости разных стран и национальностей постепенно унифицируются в процессе мировой интеграции, в русском и китайском языках по-прежнему сохраняются некоторые уникальные культурные особенности, связанные с их применением. Например, слово «перечница» в русском языке первоначально обозначало маленькую бутылочку с отверстием для перца, а впоследствии выражение «старая/чёртова перечница» стало использоваться как метафора пожилой женщины.

(56) – *Мыться? – закричала Зина. – Я тебе умоюсь, чертова перечница!* (Грекова И. Перелом).

Кроме того, русское слово «сосунок» (от глагола «сосать», ср. «соска») метафорически обозначает молодого, неопытного человека [Боровкова 2: 294].

(57) *То насканивал этот кривогузый сосунок Тухачевский, что будто из-за Сталина он Варшаву не взял* (А. Солженицын. В круге первом).

По сравнению с русским языком, в китайском языке гораздо богаче представлены образные метафоры, обозначающие повседневные предметы. Например, в Древнем Китае и мужчины, и женщины носили длинные волосы, а аксессуаром, используемым для удержания волос, была так называемая «шпилька», чтобы закалывать подобранные волосы или удерживать головной убор. Использовали заколки с наступлением возраста зрелости, таким образом «шпилька» обозначает наступление возраста совершеннолетия, когда и женщина, и мужчина могут накрутить и удерживать свои волосы с помощью заколки (Ся Чжэньнун: 1004). Среди них и 及笄、笄岁、笄年、笄辰、方笄、初笄、初笄之年、加笄、弱笄、笄纓、未笄、未笄之日、金钗之年 – все они обозначают наступление совершеннолетия или начало взрослой жизни [Che Shuya, Duan Jiayin: 144].

(58) *仪式结束后，人们前来恭喜我和我的妻子，特别是另几位及笄女子的父亲向我道喜。* (读者)

/ После церемонии люди пришли поздравить меня и мою жену, особенно поздравляли отцы нескольких других женщин, достигших совершеннолетия (Читатель).

В китайском языке «корона» означает ношение шляпы, а в древности она также использовалась как термин для обозначения мужчины, которому исполнилось двадцать лет и который «коронован» [Ся Чжэньнун: 769], выражение «слабая корона» и «корона» могут также относиться к мужчине, который скоро достигнет совершеннолетия или ранней взрослости [Че Шуя, Дуань Цзянь: 144].

(59) 到了弱冠之年, 李起英首次参加乡试大考, 便中了一个贡生。(李嘉诚家族传) / Достигнув возраста слабой короны, Ли Киин сдал свой первый серьезный экзамен в сельской местности и получил гуншэн (Биография семьи Ли Ка-шина).

(60) 我虽未能十有五而志于学, 但年未及冠已有向学之心, 总像求取圣水那样虔诚地期待着显现活水的源头。(人民日报) / Хотя я не смог научиться, я еще не увенчан желанием учиться, и я всегда с нетерпением жду источника живой воды, так же благочестиво, как я ищу святую воду (People's Daily).

Трость обычно используется пожилыми людьми, чтобы помочь себе при ходьбе, поэтому часто служит метафорой.

(61) 70岁——古稀、杖国之年、致事之年、致政之年; 80岁——杖朝之年。(读者) / 70 лет – древний, год посоха государства, год назначения, год правления; 80 лет – год посоха династии (Читатель).

В Древнем Китае младенцев обычно пеленали после рождения, под пеленанием подразумевался тканевый карман, в котором носили ребенка, а под тканью – одеяло, в которое заворачивали ребенка. Поэтому пеленание и пеленальная одежда часто используются в китайском языке как метафора для обозначения младенца или маленького ребенка.

(62) 远房表哥家的孩子尚在襁褓, 八个月婴儿的呢喃唤起女孩爱与被爱的渴望。(人民日报) / Ребенок дальнего кузена еще в младенчестве, и журчание восьмимесячного малыша вызывает у девушки желание любить и быть любимой (People's Daily).

Как видно из примеров, в русских возрастных метафорах сравнительно мало образов предметов быта, устанавливающих связь с разными возрастными этапами, в то время как в китайских метафорах их множество.

Таким образом, в статье представлен анализ, типология и особенности возрастных метафор в русском и китайском языках с точки зрения воплощенной лингвистики, на материале группы лексики возрастной тематики, извлеченной из Русского национального корпуса и Корпуса CCL.

Исследование показало, что в русском и китайском языках существует шесть основных групп воз-

растных метафор с одинаковой или сходной метафорической основой: природные явления, формы рельефа, растения, животные, пища и предметы повседневного обихода. Данные типы возрастных метафор в русском и китайском языках имеют как сходства, так и различия: с одной стороны, подтверждается гипотеза об общности механизма, основанного на принципе «воплощенного познания» у двух народов, с другой стороны, проанализированные примеры свидетельствуют о национально-специфических особенностях метафорического отображения и гетерогенности кросс-культурного опыта и познания.

В основе механизма возрастной метафоры в русском и китайском языках лежат отношения взаимодействия между языком и реальностью, то есть использование одного известного понятия или предмета для обозначения другого, с определенной степенью корреляции или сходства между ними. Эти отношения отображения зависят от воплощенных и культурных ограничений разных народов и аутентично отражаются в соответствующих языках. С точки зрения задач, поставленных в данной работе, общность использования метафоры возраста в русском и китайском языках основана на том, что оба народа, русский и китайский, имеют в ряде случаев сходный опыт. В качестве исходной области метафоризация предполагает использование образов, которые можно встретить повсюду – в природе и жизни. На этой основе выстраивается связь между ними и относительно устойчивыми возрастными объектами, такими как поведенческие или характерологические черты (например, образные метафоры, связанные с образами собак, лошадей; ландшафта, цветов, растений; дня, ночи, времен года и т. д.), особенности предметного воплощения и их функций (образы предметов ежедневного обихода, продуктов питания, блюд и т. д.). Суммируя, можно сделать вывод, что общность возрастных метафор в русском и китайском языках основана на сходном для обоих народов опыте. Разница в основном обусловлена расхождениями в отображении отношений между исходным и целевым доменами, которые макроскопически определяются различиями в когнитивных моделях, способах мышления и условиях жизни двух народов – русского и китайского.

Заключение. В заключение следует отметить, что сопоставительный анализ русско-китайских возрастных метафор на основе воплощенной лингвистики более полно показывает общие и индивидуальные характеристики образных групп возрастной метафоры и их многочисленные отношения в двух языках в теоретико-практическом плане. Следующим шагом в углубленном изучении данной проблематики может стать расширение сферы исследования путем

привлечения для анализа образности тела и его частей, что поможет более полно обозначить связи возрастных метафор и их экстралингвистической основы в обоих языках.

Наконец, следует отметить, что воплощенная лингвистика – это философия языка, основанная на собственном опыте человека. С этой точки зрения и русский, и китайский языки имеют глубокую идеологическую традиции. Для русской лингвистики важную роль при анализе структуры и правил языка играют логические принципы; а с точки зрения китайской лингвистической традиции, важнее философия языка, основанная на собственном опыте человека. Китайская концепция «речи и смысла» коренится в «жизненной ориентации», которая является ядром китайской антропоцентрической мысли – «Дао» [Чжао Айгуо: 34]. Таким образом, традиционная китайская доктрина даосизма также подчеркивает важность личного восприятия и переживания мира индивидом.

Библиографический список

Источники

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Санкт-Петербург: Изд-е книгопродавца, 1880. 203 с.

Дун Данянь. Словарь современной китайской классификации. Шанхай: Изд-во «Шанхайский словарь», 2007. 208 с. (На кит. яз.)

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. С. 434–567.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.04. 2025).

Словарь русских народных говоров / сост. Л.И. Балаханова и др., гл. ред. Ф.П. Филин. Москва; Ленинград: Наука, 1977. Т. 12. 80 с. (СРНГ)

Словарь русских народных говоров / сост. Н.И. Андреева-Васина и др.; гл. ред. Ф.П. Филин. Москва; Ленинград: Наука, 2001. Т. 35. 65 с. (СРНГ)

Словарь современного русского литературного языка / под ред. Г.А. Галавановой, Ф.П. Сороколетова. Москва: Изд-во Академии наук, 1962. Т. 13. 964 с.

Словарь современного русского литературного языка / сост. Балаханова Л.И. и др. Москва: Ин-т рус. яз., 1991. Т. 2. 587 с.

Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой; Ин-т рус. яз. РАН. Москва: Азбуковник, 1998. С. 61–62

Сюй Чжунцун. Китайский словарь. Ухань: Бюро Чунвэнь; Чэнду: Изд-во Сычуаньского словаря, 2018. 2487 с. (На кит. яз.)

Чжао Цзюань. Словарь китайских идиом. Ухань: Бюро Чунвэнь, 2022. С. 672. (На кит. яз.)

Чэнь Фухуа. Словарь древнекитайского языка. Пекин: Коммерческая пресса, 2014. 1043 с. (На кит. яз.)

CCL 北京大学汉语语料库 Center for Chinese Linguistics PKU (ККЯПУ – Корпус китайского языка Пекинского университета). URL: <http://www.aihanyu.org> (дата обращения: 01.04.2025).

Исследования

Бао Лейпин. Анализ теории жизненного пути с точки зрения времени // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 120–133. (На кит. яз.)

Боровкова А.В. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1–2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 116–389.

Ван Инь. Десять дискуссий о сходстве – новое решение концепции сходства в когнитивной лингвистике // Современные исследования иностранных языков. 2019. № 1. С. 57–66. (На кит. яз.)

Ван Инь. Когнитивная лингвистика // Локализованные исследования по когнитивной лингвистике. Пекин: Коммерческая пресса, 2020. 216 с. (На кит. яз.)

Вэнь Сюй, Ян Кун. Курс когнитивной лингвистики. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2022. 50 с. (На кит. яз.)

Дин Ивэй. Национальность метафорического мышления и языковой репрезентации // Академический обмен. 2018. № 12. С. 154–158. (На кит. яз.)

Лю Чанхуа. Национальность метафор // Журнал Сианьского института иностранных языков. 2000. № 4. С. 9–12. (На кит. яз.)

Максимова О.А. Старость или “третий возраст”? Дискурсы субъективного восприятия индивидами собственных возрастных изменений // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 12 (2). С. 22–44.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 197 с.

Ню Анна, Инь Сюй. Многомерный сравнительный анализ возрастной лексики русско-китайских языков // Преподавание русского языка в Китае. 2023. № 2. С. 33–44. (На кит. яз.)

Сергиенко Е.А. Субъективный возраст в контексте системно-субъектного подхода // Ученые записки Казанского университета, 2011. № 5. С. 89–100.

Сунь И, Цуй Цысин. Распознавание китайско-английской метафорической группы слов “нога/foot” двухмерное культурное исследование // Иностранные языки и культура. 2021. № 4. С. 145–154. (На кит. яз.)

Ся Чжэньнун. Цихай. Шанхай: Изд-во Шанхайского словаря, 2009. (На кит. яз.)

Че Шуя, Дуань Цзянь. Анализ источника, характеристик и механизма формирования китайских терминов для выражения возраста // Журнал педагогического университета Шаньси (издание социальных наук). 2012. № 5. С. 143–148. (На кит. яз.)

Чжао Айго. Некоторые философские размышления об основных принципах языка и культуры //

Журнал Института иностранных языков Народно-освободительной армии. Китай, 2011. № 1. С. 31–35. (На кит. яз.)

У Яньмин. Анализ типов и культурных значений китайских возрастных терминов // Журнал Гуансийского педагогического университета (издание филологии и социальных наук). 2014. № 3. С. 94–99. (На кит. яз.)

References

Bao Leipin. *Analiz teorii zhiznennogo puti s tochki zreniia vremeni* [An Exploration of the Time View of Life Course Theory]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2005, no. 4, pp. 120–133. (In Chinese.)

Borovkova A.V. *Slovar' russkoi pishchevoi metafori* [Dictionary of Russian food metaphor]. Tomsk, Izd vo Tom. un-ta Publ., 2015, pp. 116–389. (In Russ.)

Che Shuia, Duan' Tsziaian'. *Analiz istochnika, kharakteristik i mekhanizma formirovaniia kitaiskikh terminov dlia vyrazheniia vozrasta* [Exploration of the Source, Characteristics and Formation Mechanisms of Chinese Age Expression Terms]. *Zhurnal pedagogicheskogo universiteta Shan'si (izdanie social'nyh nauk)* [Shanxi Normal University Newspaper (Social Science Edition)], 2012, vol. 5, pp. 143–148. (In Chinese.)

Chzhao Aigo. *Nekotorye filosofskie razmyshleniia ob osnovnykh printsipakh iazyka i kul'tury* [Some Philosophical Reflections on the Basic Doctrine of Language and Culture]. *Zhurnal Instituta inostrannykh yazykov Narodno-osvoboditel'noj armii* [Journal of the PLA Foreign Language College], 2011, no. 1, pp. 31–35. (In Chinese.)

Din Ivei. *Natsional'nost' metaforicheskogo myshleniia i iazykovoi reprezentatsii* [Metaphorical Thinking and Ethnicity of Linguistic Representation]. *Akademicheskij obmen* [Academic Exchange], 2018, no. 12, pp. 154–158. (In Chinese.)

Maksimova O.A. *Starost' ili «Tretii vozrast» Diskursy sub"ektivnogo vospriiatiia individami sobstvennykh vozrastnykh izmenenii* [Starosti or “Third Age” Discourses of subjective perception by individuals of their own age changes]. *Zhurnal sotsial'nykh issledovanii* [Journal of Social Research], 2020, no. 12 (2), pp. 22–44. (In Russ.)

Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoi slovar' russkikh narodnykh sravnenii* [Bolshoi dictionary of Russian folk comparisons]. Moscow, OLMA Media Group Publ., 2008, 197 p. (In Russ.)

Liu Chankhua. *Natsional'nost' metafor* [Ethnicity of Metaphor]. *Zhurnal Sian'skogo instituta inostrannykh ya-*

zykov [Journal of Xi'an Institute of Foreign Languages], 2000, no. 4, pp. 9–12. (In Chinese.)

Niu Anna, In' Siui. *Mnogomernyi sravnitel'nyi analiz vozrastnoi leksiki russko-kitaiskikh iazykov* [A Multi-dimensional Comparative Analysis of Russian-Chinese Epithet Age Discourse]. *Prepodavanie russkogo yazyka v Kitae* [Teaching Russian in China], 2023, no. 2, pp. 33–44. (In Chinese.)

Sergienko E.A. *Sub"ektivnyi vozrast v kontekste sistemno-sub"ektivnogo podkhoda* [Subjective age in the context of the system-subject approach]. *Uchenye zapiski* [Kazanskogo universiteta], 2011, vol. 153, no. 5, pp. 89–100. (In Russ.)

Sia Chzhen'nun. *Cihai* [Sea of Words Dictionary]. Shanghai, Shanghai Rhetoric Press Publ., 2009. (In Chinese.)

Sun' I, Tsui Tsysin. *Raspoznavanie kitaisko-angliiskoi metaforicheskoi gruppy slov «noga/foot» - dvukhmer-noe kul'turnoe issledovanie* [An Embodied-Cultural Dual-Dimensional Examination of Chinese-English “Foot” Metaphor Clusters]. *Inostrannye yazyki i kul'tura* [Foreign Languages and Cultures], 2021, vol. 4, no. 4, pp. 145–154. (In Chinese.)

U Ian'min. *Analiz tipov i kul'turnykh znachenii kitaiskikh vozrastnykh terminov* [Exploring the types and cultural implications of Chinese age referents]. *Zhurnal Guansijskogo pedagogicheskogo universiteta (izdanie filosofii i social'nyh nauk)* [Journal of Guangxi Normal College (Philosophy and Social Science Edition)], 2014, no. 3, pp. 94–99. (In Chinese.)

Van In'. *Desiat' diskussii o skhodstve - novoe reshenie kontseptsii skhodstva v kognitivnoi lingvistike* [Ten Debates on Likeness - A New Interpretation of the Likeness View in Embodied Linguistics]. *Sovremennye issledovaniya inostrannykh yazykov* [Contemporary Foreign Language Studies], 2019, vol. 1, pp. 57–66. (In Chinese.)

Van In'. *Kognitivnaia lingvistika* [Embodied Linguistics-Localization]. *Lokalizovannye issledovaniia po kognitivnoi lingvistike* [Study of Cognitive Linguistics]. Beijing, Commercial Press Publ., 2020, 216 p. (In Chinese.)

Ven' Siui, Ian Kun. *Kurs kognitivnoi lingvistiki* [Cognitive Linguistics Tutorial]. Beijing, Peking University Press Publ., 2022, 50 p. (In Chinese.)

Статья поступила в редакцию 03.07.2025; одобрена после рецензирования 24.07.2025; принята к публикации 25.07.2025.

The article was submitted 03.07.2025; approved after reviewing 24.07.2025; accepted for publication 25.07.2025.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ОТПЕЧАТОК ВРЕМЕНИ. ПО СТРАНИЦАМ АЛЬБОМА О СЕМЕЙСТВЕ СРЕЗНЕВСКИХ...

Мы редко встречаемся с книгами, которые влюбливают нас в автора, описанные им лица и события – создают особое настроение и ощущение духовной глубины, свежести, исторической достоверности и светлой веры в то, что красота спасет мир...

Раздел «Книжная полка» в этом номере необычный. Мы поместили в нем отклики двух ученых, представителей разных научных школ и направлений – доктора филологических наук, профессора Н.С. Ганцовской (Костромской государственной университет) и кандидата филологических наук, доцента О.В. Васильевой (Санкт-Петербургский государственный университет) – на книгу директора Музея академика И.И. Срезневского Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина Н.В. Колгушкиной «“Дорогой для меня цвет семейности”. Фотоальбом династии Срезневских» (Рязань, 2025), посвященную трем векам благочестивой жизни и деятельности рода Срезневских¹.

Что мы знаем о наших талантливых филологах? Исследователей больше привлекают их научные труды, открытия, дискуссии, а биографии часто изучены фрагментарно, без должного проникновения в историко-культурный ландшафт традиции и архивных разысканий, без понимания той высокой роли, которую играли семейные ценности в становлении личности. В альбоме Н.В. Колгушкиной именно эта духовная ипостась жизни и творчества выдвинута на первый план: от памяти предков, связанных коренными узами с отчим домом – далеким рязанским селом Срезнево, затерянным в полях и лугах по-над Окой, до ближнего круга И.И. Срезневского и его потомков в XX–XXI вв.

Особенно подробно рассказывается о судьбах детей и внуков Измаила Ивановича в сложных перипетиях XX столетия, разрушивших привычный уклад жизни Срезневских, но сохранивших родственные связи, русские семейные традиции, веру и преданность своей династии. Эти «очерки» Н.В. Колгушкиной представлены не в привычной нам форме текста

как смыслового усилителя иллюстраций. Здесь фотографии, рисунки, портреты и другие уникальные архивные документы выступают в качестве главной нити, скрепляющей композицию книги в единое целое и придающей ей пленительный аромат старинного альбома. Даже его оформление говорит о том, что перед нами особенная книга. Листая ее, читатель погружается в инобытие и начинает жить другим измерением – видит краски почти летописной биографии нескольких поколений Срезневских и с ними вместе проходит нелегкий, но счастливый путь от прошлого к настоящему. Это преломление времени в альбоме Н.В. Колгушкиной передано непосредственно и живо, с таким высоким историческим смыслом, что забытые иллюстрации и портреты получают почти кинематографический облик со своей многоплановостью, сюжетными линиями, драматизмом и очарованием облика одной большой и дружной семьи.

Для того, чтобы подготовить рецензию на редкую книгу без видимого текста (он занимает всего несколько страниц), нужно обладать незаурядными способностями и живой душой читателя, восприимчивого к прекрасному, который видит и чувствует за каждой иллюстрацией отпечаток времени с его философией, эстетикой, модой – *живой жизнью!* Ведь старые фотографии сродни художественному шедевр: у каждой свой неповторимый стиль, орнамент, образ. Перед нами художественная иллюстрация времени. И дело не только в «виньетках» и артистических находках фотографа, а в его психологическом воздействии на зрителя. Он как будто направляет наш взгляд в нужном направлении, ведет за руку по коридорам таинственной галереи, делает акцент то на форму, то на цвет, то на расположение предметов и лиц. Они изображены в движении и гармонии своего времени, осмысленны и при кажущейся статичности эмоциональны, очень характерны.

Поэтому перед рецензентами стояла непростая задача не только описать эти произведения искусства, но и увидеть «композиционные техники», подчеркнуть главное в изображении и духе эпохи. Оба автора по-своему подошли к решению сложной проблемы.

О.В. Васильева почти как филолог-художник живописала альбомные иллюстрации с музейным трепетом и влюбленностью в художественные детали. Она очень тщательно всматривается в черты лица Срезневских, замечает и мудрость, и грусть, и выразительность глаз, и детские наряды, и вечный сюжет – мать и дитя. Показателен и гардероб взрослых:

¹ См. также краткую заметку-рецензию о книге на портале «Грамота.ру: *Никитин О.В.* Знаменитый филолог XIX века Измаил Иванович Срезневский и его семья: в Рязани вышел уникальный фотоальбом. URL: <https://gramota.ru/journal/rekomenduem/znamenityy-filolog-xix-veka-izmail-ivanovich-sreznevskiy-i-ego-semya-vyshel-unikalnyy-fotoalbom?ysclid=mh7xkenmgd392831699> (дата обращения: 27.10.2025).

статные мундиры и непринужденная домашняя обстановка, в госпитале и на занятиях спортом – везде *свои* образы сфотографированного времени. Такой нешаблонный художественный взгляд на мир автора рецензии, проникающий в душу запечатленных на репродукциях нескольких поколений Срезневских, необычен и в контексте обсуждаемой книги исключительно важен. Он позволяет несколько сместить акцент в сторону описания жизненных красок – той неподдельной эстетики бытия, которая пронзительно звучит с каждой картинки. Они все в понимании О.В. Васильевой *говорящие*: «Ясные, светлые лица, умные глаза. Русская интеллигенция в спокойные годы Российской империи»... Скачки во времени прорисованы убранством интерьера, выразительностью поз, прическами, полуулыбками, едва уловимыми интонациями и движениями, женской элегантностью и мужским достоинством – О.В. Васильева нежно и художественно *достоверно* воссоздает быт семьи Срезневских.

Н.С. Ганцовская сделала акцент на биографическом и лингвистическом пути главного героя книги – академика Измаила Ивановича Срезневского, подчеркнула важность сопряжения исторического времени и пространства в его научном наследии и связала филологическую традицию ученого с достижениями костромских языковедов, продолжающих дело И.И. Срезневского. Справедливы и грустны слова мудрого педагога Н.С. Ганцовской о том, что в России почти нет музеев, посвященных личностям филологов, так славно потрудившихся на ниве духовного возрождения общества. Память о них священна. Они для нас и сейчас единственные Любомудры – *мерило праведное* в скитаниях по лингвистическим морям и океанам.

Таким образом, перед читателем два разных отклика об одной книге, передающей последующим поколениям вечные ценности человеческой жизни. У каждого рецензента не только своя визуальная доминанта, но и личное «распознавание» сюжета альбома. При этом оба разбора объединяет то, что и О.В. Васильева, и Н.С. Ганцовская постарались увидеть красоту гармонии и смысла в семейных традициях династии Срезневских сквозь призму совместной работы, связавшей детей легендарного ученого, – «Материалов для словаря древнерусского языка» (1890–1912) – тезауруса-памятника сла-

вянским письмам, и сейчас стоящего на пьедестале рукотворных лексиконов как образец кропотливой работы семьи Срезневских, ее сплоченности общей идеей, имевшей высокий аксиологический смысл и для домашнего очага, и для всей России. «Словарь» стал отражением лучших свойств «племени» Срезневских, стержнем духовной силы, любви и верности историческим фактам и идеалам.

Неформальные рецензии сейчас – это большая редкость, как и филологи-творцы, умеющие красиво, неконъюнктурно и умно излагать свои мысли. В семиотике пространства альбома о роде Срезневских сошлись две линии: необычный эксперимент автора по воссозданию биографии известной фамилии и живые, ритмичные интонации современных ученых, которые сумели уравновесить минимализм текста личной рефлексией – под их пером и метаязык искусства стал взаимодействовать с невидимым словом. Как фотографу всегда важно поймать момент, так и рецензенту необходимо *проникнуть* в изображение, показать его судьбоносный смысл, добавить нужные акценты, отойти от стандартной схемы – визуализировать прошлое, сделать его понятным современному читателю, ввести в научный оборот как уникальный источник *синкретической литературы* XXI в., балансирующей на грани разных видов искусств – от изобразительного до поэтического, драматического с элементами нравственной проповеди и жанрами научного текста.

Альбом Н.В. Колгушкиной – это и учебник, и даже монография со своей выстраданной исследовательской гипотезой, и, если угодно, интеллектуальный феномен. Нам кажется, что с такой высокой и ответственной задачей – оценить с позиции научно-художественной критики *произведение* Н.В. Колгушкиной, небезразлично поразмышлять над прочитанным и увиденным, «разъять» замысел автора – О.В. Васильева и Н.С. Ганцовская справились великолепно – гармонично, тактично к создателю концепции книги, по-человечески красиво и филологически состоятельно.

Олег Викторович Никитин,

доктор филологических наук, профессор
Государственного университета просвещения,
член редколлегии журнала
«Вестник Костромского
государственного университета»

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 210–216. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 210–216. ISSN 1998-0817

Рецензия на книгу

УДК 811.161.1'373.21

EDN DAMPDR

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-210-216>

СРЕЗНЕВСКИЕ. С XVIII ВЕКА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Рец. на кн.: Колгушкина Н.В. «Дорогой для меня цвет семейности»: Фотоальбом династии Срезневских / Н.В. Колгушкина; под общ. ред. О.В. Никитина. Рязань: РГУ имени С.А. Есенина, 2025. 136 с., илл.

Васильева Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, o.vasilieva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0816-2373>

Аннотация. Издан уникальный фотоальбом, представляющий род Срезневских в России и за ее рубежами с XVIII до XXI вв. Автор – Нина Васильевна Колгушкина, заслуженный учитель РФ, директор Музея академика И.И. Срезневского (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина). Собранные Н.В. Колгушкиной ценные архивные фотографии и портретные изображения представляют читателям в лицах выдающегося профессора-слависта, этнографа, автора первого в России словаря древнерусского языка И.И. Срезневского, его отца, супругу и их потомков в десяти поколениях. Более ста фотографий, первые из которых относятся к середине XIX в., рисунки, выполненные самим академиком, его дочерью, художником И.А. Галактионовым, а также подписи к изображениям рассказывают о жизни большой и дружной семьи, об их известных друзьях, о том, чему посвятили себя дети И.И. Срезневского и их потомки.

Ключевые слова: И.И. Срезневский, фотоальбом, история культуры, аксиология, генеалогия, Н.В. Колгушкина, история рода Срезневских.

Для цитирования: Васильева О.В. Срезневские. С XVIII века до наших дней. Рец. на кн.: Колгушкина Н.В. «Дорогой для меня цвет семейности»: Фотоальбом династии Срезневских. Рязань, 2025. 136 с. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 210–216. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-210-216>

Book Review

THE SREZNEVSKYS. FROM THE 18TH CENTURY TO THE PRESENT DAY

Book Review: Kolgushkina N.V. «The Colour of Family Life, Dear to Me»: Photo Album of the Sreznevskys Dynasty, ed. by O.V. Nikitin. Ryazan, Yesenin Ryazan State University, 2025, 136 p.

Olga V. Vasilyeva, PhD in Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, o.vasilieva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0816-2373>

Abstract. A unique photo album presenting the Sreznevsky family in Russia and abroad from the 18th to the 21st centuries has been published. The author is Nina Kolgushkina, Honoured Teacher of the Russian Federation and Director of Academician Izmail Sreznevsky Museum (Yesenin Ryazan State University). Valuable archival photographs and portraits collected by Nina Kolgushkina present the outstanding professor of Slavic studies, ethnographer, and author of the first national dictionary of the Old Russian language, Izmail Sreznevsky, to readers in person; as well as his father, wife, and their descendants for ten generations. Over one hundred photographs, the earliest of which date back to the mid-19th century, are presented. The drawings made by the academician himself, his daughter, the artist I. A. Galaktionov, as well as the captions to the images, tell about the life of the large and friendly family, about their famous friends, about what the children of Izmail Sreznevsky and their descendants dedicated themselves to.

Keywords: Izmail Sreznevsky, photo album, cultural history, axiology, genealogy, Nina Kolgushkina, history of Sreznevsky family.

For citation: Vasilyeva O.V. The Sreznevskys. From the 18th Century to the Present Day. Book Review: Kolgushkina N.V. «The Colour of Family Life, Dear to Me»: Photo Album of the Sreznevskys Dynasty, ed. by O.V. Nikitin. Ryazan, Yesenin Ryazan State University, 2025, 136 p. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 210–216 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-210-216>

В конце сентября в Рязани состоялась презентация издания ««Дорогой для меня цвет семейности»: Фотоальбом династии Срезневских» (Рязань, 2025) [Колгушкина 2025], подготовленного Н.В. Колгушкиной. Нина Васильевна, директор музея И.И. Срезневского, созданного в 2007 г. в Рязанском государственном университете, на протяжении десятилетий бережно собирает документы, связанные с жизнью выдающегося ученого-слависта, академика, историка языка, профессора Измаила Ивановича Срезневского, родовое имение которого – село Срезнево Рязанской губернии, где почти два века в Покровском храме служили предки Измаила Ивановича и где сам он похоронен. К 200-летию академика Срезневского, которое отмечалось в 2012 г., Нина Васильевна Колгушкина подготовила книгу о выдающемся ученом [Колгушкина 2011], о его предках и потомках. Книга появилась в результате долгой кропотливой работы в архивах, разысканий, направленных как в прошлое, так и в настоящее, поскольку у Измаила Ивановича Срезневского и его жены, Екатерины Федоровны, было 8 детей, а их потомки живут сейчас в разных странах. И вот – новое издание, на этот раз представляющее И.И. Срезневского, его родителей и многочисленных потомков в лицах. Как сказано в предисловии, «альбом будет хорошим дополнением к книге Н.В. Колгушкиной «Академик И.И. Срезневский в культурном пространстве России» (Рязань, 2011), где подробно раскрывается неофициальная биография ученого, говорится о семейных традициях, рассказывается о его предках и потомках, о деятельности Музея академика И.И. Срезневского в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина. Так постепенно филологическое имя ученого становится символом высокой духовной традиции, а его наследие оживает в душах и сердцах наших современников» (С. 11)¹.

Фотоальбом династии Срезневских «Дорогой для меня цвет семейности», изданный тиражом 250 экземпляров в Рязанском государственном университете имени Сергея Есенина, замечателен как по замыслу, так и по исполнению. На форзаце помещена родословная династии Срезневских, начиная с родителей Измаила Ивановича – Ивана Евсеевича и Елены Ивановны, которые родились в далеком от нас XVIII столетии, и заканчивая нашими современниками, самое младшее поколение которых появилось на свет уже в XXI в. Двенадцать поколений рода, более ста имен с указанием не только дат жизни, но и городов, в которых жили и работали в прошлом и живут сейчас потомки Срезневского. География сама по себе интересна: Иван Евсеевич, отец ученого – село Срезнево, Рязань, Москва, Ярославль,

Харьков; Елена Ивановна, мама – Санкт-Петербург, Ярославль, Харьков; в этих же трех городах протекала жизнь и самого Измаила Ивановича (в таблице по понятным причинам не попали многие десятки, если не сотни названий городов и сел Европы, в которых Измаил Иванович изучал языки и обычаи славянских народов). Почти все дети Срезневского, кроме Б.И. Срезневского (он также преподавал в Тартуском, Воронежском Киевском университетах), жили и работали в Санкт-Петербурге, где на протяжении трех с лишним десятилетий (практически всю вторую половину жизни) в Академии Наук и Санкт-Петербургском университете, а также в Русском географическом обществе и Археологическом обществе трудился их отец. Однако в дальнейшем судьба отечества отразилась на биографиях людей – и мы видим, что уже следующее поколение, внуки академика Срезневского, жили не только в Санкт-Петербурге, Москве и Тарту, но и в Бразилии, к которой в следующем поколении добавились США и Германия, а в новое время снова видим среди адресов Санкт-Петербург, Москву и Киев. Но это любопытное родовое древо – лишь информативный закадровый комментарий к дивному содержанию фотоальбома – старинным фотографиям (первые из них относятся к середине XIX в.), портретам и рисункам (один из которых был сделан самим И.И. Срезневским), запечатлевшим Измаила Ивановича в разные годы его жизни, как одного, так и в кругу семьи, и среди друзей, его отца, жену академика, Екатерину Федоровну, детей, внуков и правнуков академика.

Альбом состоит из нескольких разделов. Первый раздел, «Измаил Иванович Срезневский и его семья», открывается наиболее известным изображением И.И. Срезневского, выполненным фотографом Императорской Академии Художеств А. Карелиным в Нижнем Новгороде в 1877 г. Это единственная фотография в альбоме, напечатанная вместе с оборотом, где под витиеватым фирменным знаком нижегородского фотосалона от руки написано «Измаил Ивано-

¹ Здесь и далее в тексте ссылки на рецензируемое издание.

вич Срезневский», а из комментария к фотопортрету узнаем, что он хранится в семейной коллекции потомков И.И. Срезневского в Киеве. Измаил Иванович выглядит здесь маститым старцем с добрыми, мудрыми и немного грустными глазами и окладистой бородой – а ведь ему всего лишь 65 лет. К сожалению, судьба отпустила этому выдающемуся человеку только 67 лет, так что это действительно одно из последних его изображений.

По всей вероятности, портретов матери И.И. Срезневского не сохранилось (а, возможно, и не существовало), зато есть портрет отца, Ивана Евсеевича, представленный в альбоме карандашной копией, которую выполнила его внучка, одна из дочерей И.И. Срезневского, в 1890-м г. Красивое строгое лицо, внимательный взгляд из-под высоких бровей, форменный сюртук с высоким воротником. Иван Евсеевич был профессором Ярославского Демидовского училища высших наук, а затем Харьковского университета. Сын бедного сельского священника, в юном возрасте принял решение учиться – и закончил сначала Рязанскую семинарию, а потом, подобно М.В. Ломоносову, пешком добрался до Москвы, где стал студентом Московского университета, по окончании которого занимался преподаванием, литературой и философией. Он скончался, когда Измаилу было 7 лет, поэтому воспитание сына легло на плечи матери. Но очевидно, что Измаил Иванович унаследовал от родителей склонность к наукам, в свою очередь передав ее по наследству детям, так что Иван Евсеевич по праву считается родоначальником научной династии Срезневских.

После портрета отца в альбоме представлено изображение И.И. Срезневского в возрасте 42 лет, когда он уже получил кафедру в Санкт-Петербургском университете и избран академиком Императорской академии наук. Привлекают внимание большие выразительные глаза. Взгляд устремлен в сторону, возможно, на собеседника, которого Измаил Иванович слушает с величайшим вниманием.

А далее – в овальной рамке фотопортрет Екатерины Федоровны, жены Срезневского, делившей с ним радости и печали, матери восьмерых детей. Фото 1850-х гг., Екатерина Федоровна молода, хороша собой, сидит вполоборота, задумчиво устремив взгляд куда-то вдаль. Гладко уложенные волосы, кружевной воротник, светлое лицо, свободная поза.

На следующем фото – ее отец, учитель математики Харьковской гимназии. А после еще одной фотографии Срезневского, где ему уже около пятидесяти, он уже профессор и носит привычную нам бороду, хотя еще не очень длинную – фотография трех детей Измаила Ивановича и Екатерины Федоровны. Борис здесь – самый маленький, сидит на игрушечной лошадке, держась обеими руками. Сестры чуть

постарше, одна присела рядом с братом, другая стоит, опираясь на перила. На девочках широкие, ниже колена юбки со множеством складок, белые нарядные блузки с яркой отделкой. Замерли на мгновение – но, кажется, вот-вот сорвутся с места и побегут наперегонки. А на следующем фото Борис уже старший, а младшая Вера сидит в трехколесной колясочке. Дети внимательно смотрят на нас.

Дальше помещен карандашный рисунок, сделанный самим Срезневским: Екатерина Федоровна склонилась над колыбелью с младенцем. Когда родился Всеволод, Измаил Иванович был за границей по долгу службы и, конечно, тосковал в разлуке с семьей. Он очень хотел, чтобы Екатерину Федоровну сфотографировали так, как он нарисовал, склоненной над сыном, и фотографию прислали ему, но это оказалось невозможным. Вечный сюжет – мать и дитя – остался запечатленным только в карандаше, в том виде, как это представлялось любящему мужу и отцу вдали от дома.

А вот групповое фото: уже совсем седой Измаил Иванович с выросшими сыновьями. Здесь Всеволоду (тому самому младенцу с рисунка) уже 20 лет, а младшему, Борису, 10. Всеволод, как и отец, сидит за небольшим круглым столом, читает письмо, а Боря расположился у ног Срезневского. Измаил Иванович положил руку на плечо младшего сына и внимательно слушает старшего.

На следующей, киевской фотографии мы видим Срезневского уже не только с домашними, но и с художником Ф.Г. Солнцевым, когда они вместе описывали фрески Софийского собора (1867 г.). Срезневский и Солнцев сидят, держа друг друга за руки, а Вячеслав, второй по старшинству сын Срезневского, стоит в центре, приобняв отца и положив вторую руку на плечо художника. А на фотографии 1870-х гг. (из архива немецких потомков Срезневского) – лето, густая зелень сада, чайный столик, вокруг которого расположилось полтора десятка отдыхающих: Срезневские принимают у себя в гостях Льва Николаевича и Софью Андреевну Толстых. Фото 1880-х – из домашней коллекции американских потомков академика: Новый год в семье Срезневских. Екатерина Федоровна в окружении уже не только детей, но и внуков.

Еще один рисунок, на этот раз акварель художника И.А. Галактионова: Срезневские на конном выезде в имении Красные Струги, 1870-е гг. Три дамы и пятеро молодых мужчин чинно сидят верхом на лошадях, трое ближе к нам, остальные во втором ряду, все изображены строго в профиль, слегка откинувшись назад и устремив взгляды по ходу движения. Под рисунком подпись, сделанная от руки чернилами: Кавалькада. И 8 имен следом.

А вот XX в. Снова групповая фотография: уже пожилая Екатерина Федоровна Срезневская с деть-

ми и внуками на даче. 1908 г., уже и дети в почтенном возрасте, зато внуки юны и обворожительны. На следующем фото – снова лето, дача, столик под березами, букеты полевых цветов, а в креслах сидят Екатерина Федоровна и ее уже очень взрослые дочери. Молодежи нет, она куда-то упорхнула, убежала, уехала. А пожилые женщины сидят вокруг стола и читают письма.

И вдруг – нарушение хронологии: юная Ольга Измайловна, старшая дочь Срезневских. 1867 г., ей 23, она очаровательна. Рядом с фотопортретом читаем, что через 30 лет она станет членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук, завершив подготовку к изданию не оконченных отцом Материалов для словаря древнерусского языка.

Владимир Измайлович, старший сын Срезневских. Управляющий статистическим отделением Министерства юстиции, секретарь Русского географического общества. На фотопортрете ему 50 лет, но только пробивающаяся седина выдает зрелый возраст: ни одной морщинки на высоком светлом лбу.

Вячеслав Измайлович, второй сын. Филолог, историк-славист, этнограф (во всех этих ипостасях, как видим, продолживший дело отца), а также изобретатель фотоаппаратуры и первый председатель Российского олимпийского комитета. Фотопортрет 1912 г., Вячеславу Измайловичу 63 года. Седые усы и аккуратно подстриженная борода, белоснежный воротник-стойка, внимательный взгляд.

Людмила Измайловна, вторая дочь. Окончила Санкт-Петербургскую Академию художеств, занималась гравировкой по дереву. Училась у историка-археолога Д.В. Поленова и его сына, художника В.Д. Поленова. После смерти отца издала его труд «Славяно-русская палеография XI–XIV вв.»

Далее – фотопортрет третьей дочери. Надежда Измайловна Алмазова – художник, литературовед, поэтесса, палеограф, член Общества истории и древностей российских при Московском университете.

Пять портретов детей Срезневского, пять кратких биографий. Думается, что за ними должны быть и остальные три. Но перелистываем страницу альбома – и неожиданно видим две групповые фотографии. Множество лиц, все женщины и некоторые из мужчин в белых одеждах. Первая мировая. На фото Карла Буллы – попечительский комитет с врачами и сестрами милосердия военного госпиталя имени Л.Н. Толстого, созданного Людмилой, Надеждой и Всеволодом Срезневскими в Петрограде. На заднем плане – бюст Толстого, украшенный венком и цветами, члены комитета и врачи с медсестрами расположились в три ряда. На второй фотографии Карла Буллы – целая пирамида: мужчины в последнем, девятом ряду стоят под самым потолком, в первом расположились полулежа. Это раненные, находив-

шиеся на лечении в госпитале, основанном детьми И.И. Срезневского, вместе с врачами и медсестрами.

И снова – фотопортреты. Вера Измайловна, младшая дочь Срезневских. Певица, профессор консерватории. Фотография 1880-х гг., Вере чуть больше двадцати, голова чуть повернута в сторону, как будто ее кто окликнул.

Фотопортрет младшего сына Срезневских, Всеволода, сделан в Ленинграде в 1930-м г. Из сопроводительного текста узнаем, что Всеволод Измайлович – историк, археограф, палеограф, библиограф, член-корреспондент Императорской Академии наук, закончил в Санкт-Петербургском университете юридический факультет и факультет восточных языков, написал ряд очерков о жизни и деятельности отца. А следом за его фотопортретом, где Всеволоду Измайловичу 63 года, помещена фотография конца XIX в., с которой смотрят на нас молодые сотрудники Библиотеки Академии наук (Всеволоду Измайловичу здесь 30 лет, примерно столько же и его коллегам). Ясные, светлые лица, умные глаза. Русская интеллигенция в спокойные годы Российской империи.

Второй раздел альбома, «Вячеслав Измайлович Срезневский в профессиональной деятельности», открывается групповым фото 1882 г., на котором запечатлены исключительно мужчины, средних лет и в возрасте, серьезные и важные: фотографический отдел Императорского Русского технического общества, членом которого состоял Вячеслав Измайлович Срезневский. Следом – фотография 1912 г., сделанная на открытии Второй фотографической выставки Российской Империи. Вячеслав Измайлович был тогда председателем Распорядительного комитета. Мужчин на этом фото больше, некоторые уже не в сюртуках, а в парадных мундирах, в середине первого ряда сидит и дама в богатых мехах. На заднем плане в рамках на стенах большие фотографии. Все очень торжественно. И совсем иначе – на следующем фото: четверо мужчин сидят вокруг стола, что-то рассматривают и обсуждают. 1918 г., Вячеслав Измайлович Срезневский среди сотрудников журнала «Фотограф». Раскрытый альбом в руках, книги на столе, деловая обстановка. Видно, что собрались единомышленники, фотографу удалось передать творческую атмосферу. А вот Вячеслав Измайлович позирует, возможно, кому-то из своих коллег. Высокий головной убор, взгляд пытливо устремлен на нас, лихо торчат в стороны длинные усы, на необычном для нашего времени одеянии – значок. Подпись к фотопортрету гласит: «Помощник главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи», спортсмен-организатор, первый Председатель Российского олимпийского комитета (1911). На следующем фото – восемь мужчин на льду катка, большинство на коньках, хотя все (кроме одного) в длинных

пальто, держат в руках большие листы с таблицами: судейская коллегия состязаний по скоростному бегу на коньках в Юсуповском саду. Одна фотография интереснее другой. Вот – почти сотня лиц, дамы и господа, причем мужчины самых разных возрастов, кто с небольшими усиками, а кто и с длинными седыми бородами, а в переднем ряду, полулежа, и сзади – подростки и юноши, многие в форме, с нашивками на рукаве, кое-кто в матерчатых треугольных галстуках, какие потом носили пионеры: Вячеслав Измайлович Срезневский среди участников I-го Всероссийского съезда инструкторов и лиц, интересующихся скаутизмом, 1915 г.

Следом – фотографии внуков и правнучек. Новые лица, новые города. Саратов, 1914, Ленинград, 1925. Это уже третий раздел альбома – «Вячеслав Измайлович Срезневский и его потомки». Фотопортрет своего зятя выполнил сам Вячеслав Измайлович. Хорошо видна его подпись под фотографией: «Славному оригиналу (?) в знак искренней симпатии от автора. Петроград. 25 Декабря 1918 г.».

Даже не верится, что следующая фотография выполнена в 1930-е гг. Как на дореволюционных снимках, 16 мужчин собрались в просторном зале. Трое в мундирах, остальные в штатском. Раскрыт рояль, на полу лежит медвежья шкура, старинная мебель, фолианты в книжном шкафу и на полках: собрание мужского клуба в квартире Станислава Антоневиича и Ксении Вячеславовны Срезневской на Гагаринской улице. Ленинград, 1930-е гг. – и мужской клуб. А вот в гостях у дочери с зятем сам Вячеслав Измайлович. Предновогоднее чаепитие. Музыкальные вечера – там же, на Гагаринской. В руках у хозяина дома необычная гитара с двойным грифом, точнее – с полутонным: на одном семь струн, на дополнительном – еще три.

На следующем фото широко улыбается женщина с медалью на груди: приемная дочь Ксении Вячеславовны Срезневской, сотрудница Государственной публичной библиотеки (ныне – РНБ), была награждена за самоотверженный труд по спасению книжного фонда в блокадном Ленинграде в годы Великой Отечественной войны. А вот – она же, но уже в 1970-е, в родной библиотеке.

И снова – 1926 г. Молодое лицо – Вячеслав Вячеславович, другой внук И.И. Срезневского, доктор медицинских наук, главный врач Сестрорецкого курорта. Его жизнь оборвалась в 1942-м г.

И еще скачок во времени: Санкт-Петербург, 1890-е гг., на фотографии – очаровательная молодая женщина с мандолиной в руках, окруженная семью девочками в темных форменных платьях и белых фартуках. Валерия Тюльпанова (Срезневская) среди слушательниц Бестужевских курсов в Царском селе. Слушательницам – лет по десять. Внимательно смотрят на свою наставницу, на инструмент в ее ру-

ках. На Валерии темное платье с белым воротничком, длинные волосы аккуратно собраны в прическу. И совершенно другая барышня на следующей фотографии. Прошло 10 лет, короткая стрижка, платье в стиле эпохи (а это время модерна), с полупрозрачными полосами кружев. Валерия сидит спиной вполоборота к нам. Это будущая жена Вячеслава Вячеславовича. Модные платья, модные прически и шляпки. Из подписи к очередной фотографии (1917 г.) узнаем, что Валерия Срезневская – подруга Анны Ахматовой. А вот и сама юная Аня Горенко. Царское Село, 1910 г. Томный взгляд куда-то вверх, кисейное белое платье, на черных кудрях – то ли шляпка, то ли корона. Рядом – стихотворение Анны Андреевны, написанное ею через полвека, в 1964 г., посвященное В.С. Срезневской в день ее смерти. Почерк у Ахматовой летящий и ясный:

Почти не может быть, ведь ты была всегда:
В тени блаженных лет, в блокаде и в больнице,
В тюремной камере и там, где злые птицы,
И травы пьяные, и страшная вода.
О как менялось все, но ты была всегда.
И мнится, что души отъяли половину.
Ту, что была тобой, – в ней знала я причину
Чего-то главного. И все забыла вдруг...
Но звонкий голос твой зовет меня оттуда
И просит не грустить и смерти ждать, как чуда.
Ну что ж! Попробую...

И снова – назад, к жизни: семейная фотография, Вячеслав Вячеславович Срезневский с женой и дочерью Ольгой. Ленинград, 1926 г. Маленькая девочка в белом платьице и белых ботиночках стоит на столе и крепко обнимает за шею маму. Кажется, девочка немного напугана, но рядом с мамой ей уже не так страшно, хотя смотрит она с опаской. К тому же с другой стороны от девочки сидит за столом отец, так что нечего бояться. Прекрасная фотография, прекрасные лица. А вот – та же маленькая Оля с огромной мохнатой собакой. Положила на нее ручки, а собака лежит, высунув язык: лето, жарко. Вот Оля с папой и игрушечной лошадкой. Милая домашняя сцена. Листаем альбом: на следующем фото Вячеслав Вячеславович в костюме с галстуком, среди врачей и медперсонала на работе в клинике. Дальше – он уже главный врач Сестрорецкого курорта, среди сотрудников санатория, вместе с отцом, Вячеславом Измайловичем, женой и уже двумя детьми. Хотя ребят на фотографии много, не меньше, чем взрослых. Кто сидит на коленях у родных, кто стоит, прилежно смотря на фотографа. Лето, сосны, за ними берег залива. Чудесное время детства.

На следующей фотографии – подросшие дети. Оле 16, Андрею 11 лет. Ленинград, 1941 г. Они пережили блокаду вместе с мамой. А отец умер на рабочем месте в военном госпитале. От голода.

И вот уже Ольга взрослая. С мужем, в молодости. Потом с дочерьми, в преклонных годах. Фотография боевых и трудовых наград ее и супруга, которые хранят их дочери.

И снова – XIX в. Следующий, четвертый раздел альбома: Борис Измаилович Срезневский и его потомки. На фотопортрете – представительный мужчина с высоким лбом, умными глазами и окладистой бородой. Подпись гласит: «Третий сын Измаила Ивановича Срезневского. Профессор физики и метеорологии в Императорском Московском и Тартуском университетах, основатель Тартуской метеорологической обсерватории и директор Киевской метеорологической обсерватории. Академик УССР, один из основателей синоптической, сельскохозяйственной метеорологии и гидрографии». А вот он семнадцатилетний, студент физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Книжки на столе, серьезный, пытливый взгляд. Снова фото конца XIX столетия: Борис Измаилович за роялем; Киев. Вот он с двумя дочерьми и сыном в сквере метеорологической станции; Юрьев. Нежный фотопортрет, вероятно, тех же девочек, когда им было на 13 лет меньше, в нарядных светлых платьях, трогательно склонившихся друг к другу; Петербург. А вот очень необычное фото: сестер уже четверо, они взрослые барышни, фотограф расположил их одну над другой; Юрьев, 1910-е гг. У всех высокие пышные прически, у младшей, сидящей первой, к тому же еще и косы по сторонам, а наверху кокетливый бант. Она явно улыбается нам, у двух сестер постарше угадывается полуулыбка, но старшая строго взирает на нас сверху. Но, может быть, это просто такой необычный ракурс. Хотя и на следующем, отдельном фотопортрете лицо Ольги Борисовны Срезневской строго. Высокое, красивое, без тени улыбки. Из подписи узнаем, что Ольга Борисовна преподавала музыку. А вот портрет ее сестры, Елены. Строгий темный костюм, часы на цепочке, тонкая талия. И тоже очень серьезна. Преподавала в Тарту немецкий и русский языки. А вот она же с мужем. Красивое белое платье, шляпа с широкими волнистыми полями – и легкая улыбка на губах. Из подписи к следующей их семейной фотографии, где Елена уже совсем с другой прической, а муж ее не в элегантном костюме, а в военной форме, но оба по-прежнему чудесно улыбаются, узнаем, что через 23 года, в 1938-м, он будет арестован, осужден и расстрелян, а реабилитация случится только 31 декабря 1990 г. Листая альбом дальше, читаем, что их сын, снявшийся на фоне родного ему Тартусского университета, стал биологом и был одним из лучших экскурсоводов Эстонии. Его сестра так же, как и он, работала в Тартусском университете. На фотографии 1987 г. – внук и внучки Бориса Измаиловича Срезневского на встрече в Тар-

ту. Правнуки Измаила Ивановича. А на следующей фотографии – молодые лица: правнуки уже Бориса Измаиловича, родившиеся в 1950-е гг., наши современники. Поколения сменяют друг друга, на смену черно-белым фото приходят цветные.

Но вот снова скачок в прошлое: 1897 г., фотосалон Царского Села, прелестная барышня, присевшая на резную скамью с раскрытой книжкой в руках, на плечи небрежно наброшена накидка с белой меховой оторочкой. Вторая жена Бориса Измаиловича, Зиновия Федоровна, заменившая его дочерям рано умершую мать. А вот любопытная киевская фотография 1900-х гг., где она с сестрами: все три женщины в элегантных костюмах для верховой прогулки, со стеками в руках, в шляпах с широкими полями, украшенных перьями и цветами, в белых перчатках. Выразительные позы, внимательные лица. И совсем все иначе на следующем фото того же времени: двор, большие качели, шестеро детей и трое взрослых – Борис Измаилович и Зиновия Федоровна с младшими детьми и нянями на даче. А вот они же, но уже без нянек, только родители и дети, очень компактно расположились между перил крутой деревянной лестницы, Борис Измаилович держит жену за руку, а дети сидят и стоят вокруг них. Вот они принимают у себя на даче Людмилу Измаиловну. А вот – маму Бориса Измаиловича вместе с другими ее детьми, сестрами и братьями хозяина дачи. Три поколения Срезневских на одном летнем снимке в саду. На следующем фото – Борис Измаилович с зятем, Николаем Петровичем Алмазовым, стоят на дорожке парка рядом с приборами на высоких треногах: Борис Измаилович был изобретателем метеорологической аппаратуры. А вот они с женой в Киеве принимают у себя в доме гостей. На этой фотографии Борис Измаилович, сидящий в центре, очень похож на отца. А вот дивное фото 1931 г.: сено сметано в стожок, прислонившись к которому стоят супруги Срезневские с сотрудниками Киевской обсерватории. Но не они метали сено: на Борисе Измаиловиче белый пиджак и белые ботинки, дамы в кокетливых шляпках и туфельках, одна с букетом ромашек в руках. Отдых на природе.

Следующее поколение: Измаил Борисович, младший сын Бориса Измаиловича. Сначала – студент физико-математического факультета Петроградского университета. а затем – профессор математики Ленинградского государственного университета. Погиб в 1942 г. в блокадном Ленинграде. Вот Зиновия Федоровна с внучкой на руках, а вот та же маленькая девочка со своим седым дедушкой на метеостанции Киевской метеорологической обсерватории. Дедушка что-то измеряет, а внучка смотрит, как он это делает. А вот фото ее мамы, четвертой дочери Б.И. Срезневского. Фотографии других внуков Бориса Измаиловича.

ча. Разные поколения, разные судьбы. На смену киевским фотографиям приходят германские.

Пятый раздел альбома называется «Потомки Измаила Ивановича Срезневского – хранители семейной истории». Фотография 2002 г.: первая встреча биографов семьи Срезневских с потомками Измаила Ивановича из Санкт-Петербурга. Биографы – Галина Александровна Богатова (Институт русского языка имени В.В. Виноградова, Москва) и Нина Васильевна Колгушкина, на тот момент – создатель Музея академика И.И. Срезневского в рязанской средней школе № 31. Потомки – праправнучка Измаила Ивановича Ольга Вячеславовна Срезневская, её дочь и внук. А вот фото другой праправнучки академика – Натальи Юрьевны Гусельниковой, с внуком. Вот праправнучки И.И. Срезневского в школе № 31 г. Рязани на открытии Музея их прапрадеда; 1992 г. Фото праправнучка И.И. Срезневского с семьей на фоне портрета их знаменитого предка. Фотография с могилы И.С. Срезневского, сделанная в день 200-летия со дня рождения академика; село Срезнево, 14 июня 2012 г. Фото из Германии: Борис Фрелих (1945 г. р.) – праправнук Измаила Ивановича Срезневского, художник, профессор графики. Фото из Америки: Кирилл Игоревич Срезневский – праправнук Измаила Ивановича Срезневского. Фотография членов президиума Международной научной конференции «И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского»; Рязань, 2012 г. Вот фотография прапраправнучки И.И. Срезневского Хелены Лисенко и Нины Васильевны Колгушкиной, директора Музея академика И.И. Срезневского, на открытии первого Всероссийского форума русского языка, посвященного наследию академика И.И. Срезневского; Рязань, 2016 г. На фото 2018 г. Нина Васильевна обсуждает с потомком И.И. Срезневского по таллинской линии музейную коллекцию фотографий династии Срезневских, а на следующем показывает потомкам по московской линии их родовое древо.

Так мы долистали до конца фотоальбом, круг замкнулся. И совершенно справедливо, что именно он занял первое место в номинации «Издание, вносящее вклад в диалог культур» Рязанского фестива-

ля национальной книги «Читающий мир» [Трухина], а его автор, Нина Васильевна Колгушкина, за неустанную и такую непростую работу по собиранию сведений об И.И. Срезневском, его предках и потомках, которую она успешно ведет уже более тридцати лет, стала лауреатом премии имени академика Срезневского. Хочется надеяться, что небольшой тираж издания не помешает знакомству самых широких кругов читателей с этим замечательным фотоальбомом, в котором так ярко отразилась жизнь многих поколений рода Срезневских в разные эпохи, прожитые Россией.

Список литературы

Колгушкина Н.В. «Дорогой для меня цвет семейности»: Фотоальбом династии Срезневских / под общ. ред. О.В. Никитина. Рязань: РГУ имени С.А. Есенина, 2025. 136 с.

Колгушкина Н.В. Академик И.И. Срезневский в культурном пространстве России. Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2011. 396 с.

Трухина Л. Книжные радости // Рязанские ведомости. 2025. 26 сент. № 72 (6376). URL: <https://rv-ryazan.ru/knizhnye-radosti/> (дата обращения: 27.09.2025).

References

Kolgushkina N.V. «Dorogoi dlia menia tsvet semeinosti»: Fotoal'bom dinastii Sreznevskikh ["Dear to me, the flower of the family": Photo album of the Sreznevsky dynasty], ed. by O.V. Nikitin. Riazan', S.A. Yesenin Russian State University Publ., 2025, 136 p.

Kolgushkina N.V. Akademik I.I. Sreznevskii v kul'turnom prostranstve Rossii [Academician Izmail Ivanovich Sreznevsky in the cultural space of Russia]. Riazan' S.A. Yesenin Russian State University Publ., 2011, 396 p.

Trukhina L. Knizhnye radosti [Bookish joys]. Riazanskies vedomosti [Ryazan Vedomosti], 2025, 26 Sep., no. 72 (6376). URL: <https://rv-ryazan.ru/knizhnye-radosti/> (access date: 27.09.2025).

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; принята к публикации 15.10.2025.

The article was submitted 10.10.2025; accepted for publication 15.10.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 217–221. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 217–221. ISSN 1998-0817

Рецензия на книгу

УДК 811.161.1'28

EDN DZOA00

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-217-221>

ФОТОАЛЬБОМ КАК СИМВОЛ КУЛЬТУРЫ

Рец. на кн.: Колгушкина Н.В. «Дорогой для меня цвет семейности»: Фотоальбом династии Срезневских / Н.В. Колгушкина; под общ. ред. О.В. Никитина. Рязань: РГУ имени С.А. Есенина, 2025. 136 с., илл.

Ганцовская Нина Семёновна, доктор филологических наук, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Аннотация. Данная рецензия на фотоальбом династии Срезневских написана в стиле научного очерка и имеет целью усилить интерес к выдающимся русским лингвистам прошлого, чья деятельность протекала на лоне семейной жизни и во многом являлась плодом их совместного проживания, а также и результатом их научного и культурного сотворчества. Отмечается авторское первенство Н.В. Колгушкиной, впервые в русской истории сделавшей это в виде визуализации фотоснимками с хорошим комментированием жизнедеятельности великого лингвиста (первоначально альбому предшествовала книга Н.В. Колгушкиной о И.И. Срезневском и его семье) и его многочисленных потомков не только на фоне семьи, друзей и коллег, но и при ясно выраженной на фотографиях их помощи и дружеской поддержке. Неординарный, общественно значимый замысел автора альбома при теоретической поддержке общего редактора профессора О.В. Никитина, обилие фотографий при хорошем их комментировании и высокое качество полиграфического исполнения книги-альбома позволяют считать данное произведение выдающимся достижением русской культуры.

Ключевые слова: И.И. Срезневский, исторический словарь, семья Срезневских, фотоальбом, биография.

Для цитирования: Ганцовская Н.С. Фотоальбом как символ культуры. Рец. на кн.: Колгушкина Н.В. «Дорогой для меня цвет семейности»: Фотоальбом династии Срезневских. Рязань, 2025. 136 с. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 217–221. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-217-221>

Book Review

PHOTO ALBUM AS A SYMBOL OF CULTURE

Book Review: Kolgushkina N.V. «The Colour of Family Life, Dear to Me»: Photo Album of the Sreznevskys Dynasty, ed. by O.V. Nikitin. Ryazan, Yesenin Ryazan State University, 2025, 136 p.

Nina S. Gantsovskaya, DSc in Philology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Abstract. This review of the photo album of the distinguished intelligent Sreznevsky family is published in the style of a scholarly essay and aims to heighten interest in these outstanding linguists of Russia's past, whose work unfolded within the bosom of family life and was largely the fruit of their shared paths, as well as the result of their scientific and cultural collaborations. The authorship of Nina Kolgushkina, who was the first in Russian history to do this through the visualisation of the great linguist's life through photographs with insightful commentary, is noted (the album's predecessor was originally a book by Nina Kolgushkina about Izmail Sreznevsky and his family). Furthermore, his numerous descendants are not only depicted against a backdrop of family, friends, and colleagues, but also their mutual assistance and friendly support are clearly expressed in the photographs. The extraordinary, socially significant concept of the album's author, with the theoretical support of the general editor, Professor Oleg Nikitin, the abundance of photographs with their good commentary, and the high quality of the book album's printing allow us to consider this work to be an outstanding achievement of the Russian culture.

Keywords: Izmail Sreznevsky, historical dictionary, Sreznevskys, photo album, biography.

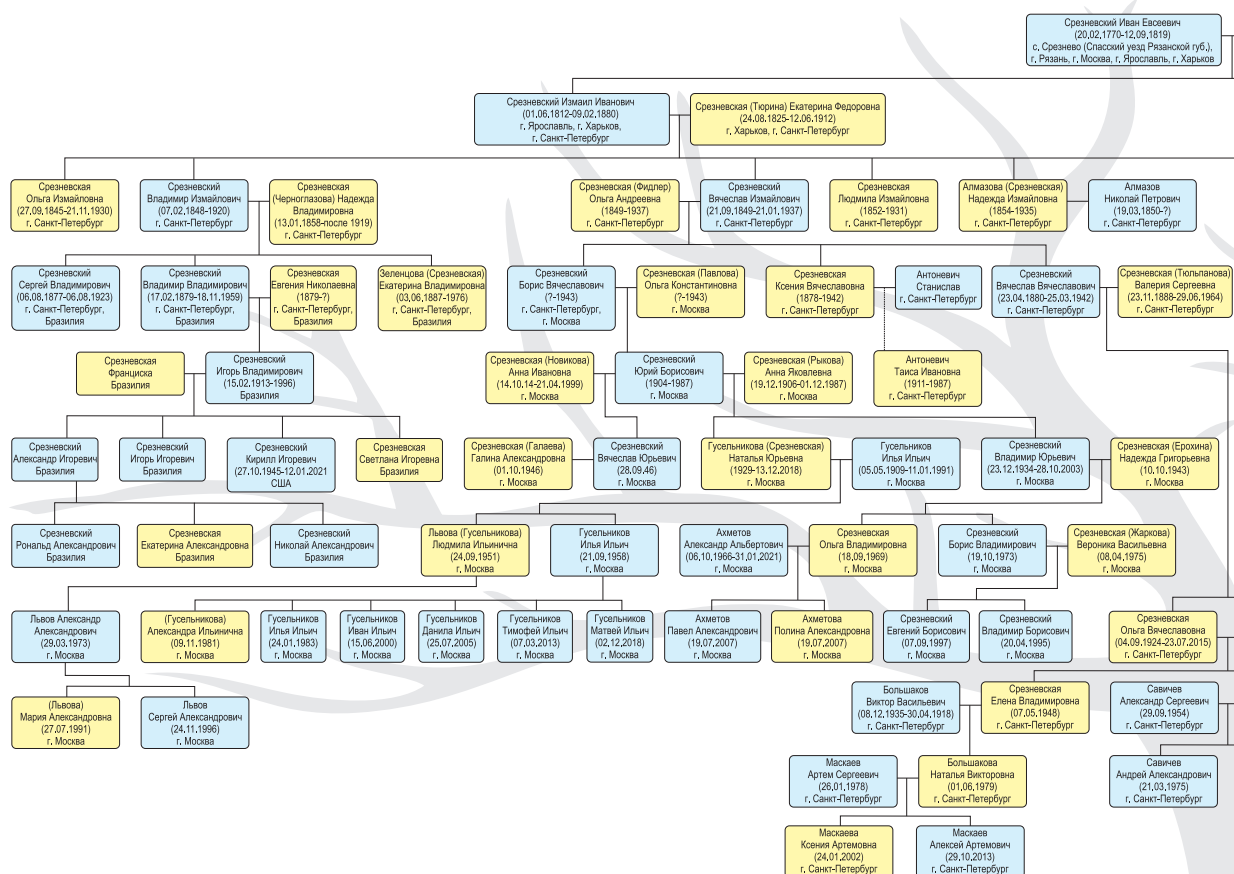
For citation: Gantsovskaya N.S. Photo Album as a symbol of culture. Book Review: Kolgushkina N.V. «The Colour of Family Life, Dear to Me»: Photo Album of the Sreznevskys Dynasty, ed. by O.V. Nikitin. Ryazan, Yesenin Ryazan State University, 2025, 136 p. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 217–221 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-217-221>

В текущем году в области русской культуры случилось неординарное событие: в Рязани вышел в свет обильно иллюстрированный, с прекрасными комментариями фотоальбом, посвящённый семье выдающегося историка-слависта, классика русского языкознания Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880).

Историко-лингвистические труды И.И. Срезневского представляют огромную ценность не только в русском, но и в мировом масштабе. Из них особую известность имеет его первое в русской науке трёхтомное лексикографическое произведение «Материалы для словаря древнерусского языка», последний, третий том которого был напечатан в 1912 г. Отделением русского языка и словесности Академии наук уже после смерти учёного, в столетнюю годовщину его рождения. Работу над словарём он вёл всю жизнь, и главная цель его грандиозного замысла была такой же, как и у знаменитого творения В.И. Даля («Толкового словаря живого великорусского языка») – создать лексическую «сокровищницу» русской речи, т. е. дать максимально полное представление о состоянии и словарном составе русского языка, но не в его современном состоянии, как у В.И. Даля, а в исторической проекции (здесь мы перефразируем слова автора вводной статьи к Словарю И.И. Срезневского чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова: «Главная цель словаря, по Срезневскому, – это “быть сокровищницей языка, памятником быта и образованности народа, насколько

ко они выражаются в языке»»). А чтобы словарь стал сокровищницей, он должен содержать по возможности весь лексико-фразеологический состав привлекаемых источников, и на эту сторону своего словаря И.И. Срезневский обращал сугубое внимание» [Бархударов: б/н]. Будучи несравненным знатоком истории русского языка и владея обширными историческими источниками И.И. Срезневский сорок лет трудился над этим произведением, но так и не успел его завершить. Дело довела до конца его дочь Ольга Измайловна, с помощью брата Вячеслава и других членов семьи. А у И.И. Срезневского было 8 детей, очень дружная семья – и все они, дети, внуки, правнуки, были выдающимися людьми. Их родиной было имение Срезнево вблизи Рязани, которое, где бы они ни жили впоследствии, семья Срезневских никогда не забывала.

Вот эта вкратце описанная нами лингвистическая история его семьи и была показана в альбоме Н.В. Колгушкиной. Как справедливо замечает О.В. Никитин, в нем нет научных комментариев в принятом понимании, библиографии трудов И.И. Срезневского, но каждая фотография – осколок той вдохновенной эпохи, когда было место научному подвигу. И этот подвиг совершили И.И. Срезневский и его дети, сделав Словарь делом жизни ВСЕЙ семьи. Теперь благодаря архивным разысканиям Н.В. Колгушкиной мы знаем всех участников этого лексикографического феномена в лицо, мы видим их портреты,

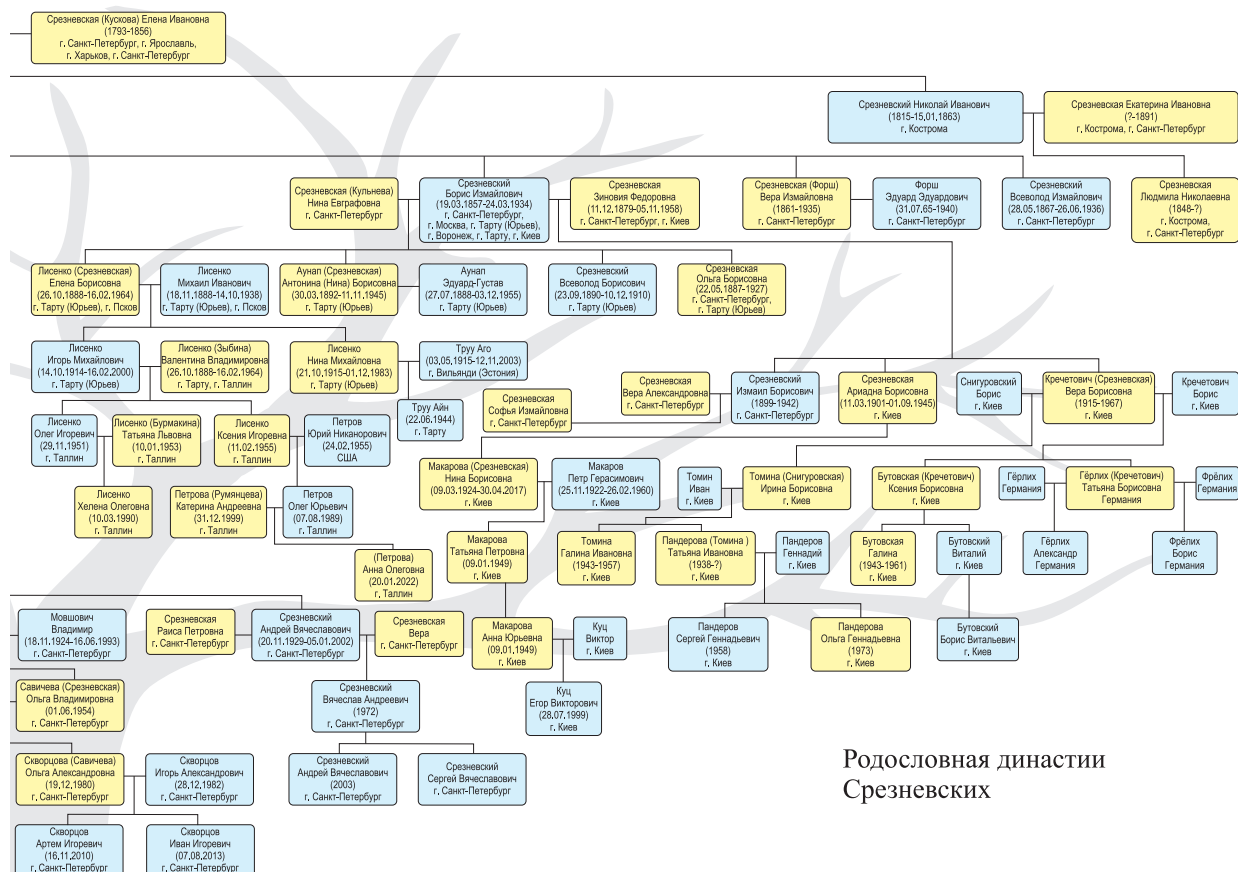
вглядываемся в бытовые детали и как бы оказываемся вместе с автором альбома в том времени, настолько пронзительны своей исторической достоверностью, чистотой и благородством эти иллюстрации.

Как пишет в своём предисловии к альбому Дмитрий Боков, ректор РГУ имени С.А. Есенина, «первый и единственный музей академика И.И. Срезневского находится у нас, в РГУ имени С.А. Есенина. Его директор, заслуженный учитель Российской Федерации Нина Васильевна Колгушкина, ведет большую просветительскую и исследовательскую работу: она собрала уникальные экспонаты из семейных коллекций нескольких поколений династии Срезневских, разыскала его потомков в славянских странах, в Германии, Эстонии, США и даже Южной Америке. Некоторые из них принимали участие в международных славистических конференциях, проходящих каждые пять лет в нашем университете. Музей стал организатором трех Всероссийских студенческих форумов русского языка, посвященных памяти выдающегося земляка. Ежегодно на площадке музея проводятся Рязанские научные чтения школьников «Памяти академика И.И. Срезневского»» (С. 5)¹. К этому надо добавить, что и костромские лингвисты знают о научных чтениях памяти И.И. Срезневского, следят за ними и принимают них участие (см., на-

пример, статью Н.С. Ганцовской и С.В. Окуловской о служебной лексике в костромских говорах, построенную на основе данных «Материалов...» И.И. Срезневского [Ганцовская]).

Эти прекрасные мероприятия начались с инициативы учителя школы № 31 г. Рязани Н.В. Колгушкиной, организовавшей школьный музей, который затем преобразился в университетский. Побольше бы таких энтузиастов! Отметим, что на начальном этапе формирования музейной коллекции активное участие принимали академик О.Н. Трубачев с супругой и многие ученые-слависты из России. Сколько усилий требовалось Н.В. Колгушкиной, чтобы «пробить» это дело на исторической родине И.И. Срезневского – в Рязани! Это сейчас всем понятно, что сделал И.И. Срезневский, есть и губернаторская премия его имени, а в 1980–1990-х гг. были совсем другие настроения, и в почете находились более «модные» имена. И.И. Срезневский всегда стоял вне времени, хотя был погружен в него так глубоко и филологически фанатично, что успел сделать очень много – не только в лексикографии, но и в юриспруденции, фольклористике, этнографии, палеографии, истории русского языка, духовной культуре и искусстве, педагогическом образовании. Как бы хотелось иметь отдельные музеи замечательных русских филологов: А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, Д.Н. Ушакова и др., конечно, не только в шко-

¹ Здесь и далее в тексте ссылки на рецензируемое издание.

Родословная династии Срезневских

лах, но и при библиотеках и вузах, и, конечно, музеи тех деятелей русской литературы, культуры и просвещения, которые крепкими узами были связаны с русской провинцией (Ф.Ф. Фортунатов – с вологодским краем и Карелией, Ф.И. Буслаев – с пензенским краем, А.А. Шахматов – с Саратовской губернией...). Из числа энтузиастов подобного рода в Костроме, например, назовём недавно ушедшего от нас Владимира Константиновича Сморчкова, директора музея Костромского государственного университета, окончившего КГПИ им. Н.А. Некрасова, а прежде – прекрасное Солигаличское педучилище. Он собрал и с большим знанием дела опубликовал сведения о многих выдающихся костромских краоведах и, замечательном в своём роде, но кратковременном Костромском государственном университете, созданном в первые годы Советской власти [Сморчков].

Нельзя обойти вниманием также в деле создания фотоальбома знания и деловые качества, по сути, его движущей силы и общего редактора – профессора О.В. Никитина, являющегося совместно с Н.В. Колгушкиной автором вступительного очерка «Альбом есть памятник души...» и комментариев к иллюстрациям.

Структурно книга-альбом сформирована грамотно. Это позволяет в хронологическом ключе увидеть зарождение семейных традиций, расцвет духовной культуры Срезневских, их приятельные связи, интересы, профессиональные увлечения и достижения, круг общения – всё то, что и составляет «цвет семейности». Перечислим эти разделы: раздел I. Измаил Иванович Срезневский и его семья; раздел II. Вячеслав Измаилович Срезневский в профессиональной деятельности; раздел III. Вячеслав Измаилович Срезневский и его потомки; раздел IV. Борис Измаилович Срезневский и его потомки; раздел V. Потомки Измаила Ивановича Срезневского – хранители семейной истории; раздел VI. Потомки Измаила Ивановича Срезневского на Рязанской земле.

В предисловии к альбому Н.В. Колгушкина и О.В. Никитин дают ценное указание о том, что «в истории русской культуры семейный альбом как явление занимает особое место не только в личной жизни его участников, фотопортреты которых там помещены. Это своего рода летопись страны, общества – символ прошлого. Люди, запечатленные на старых пленках, обстановка, мебель, одежда – всё как бы застывает в нашем сознании и превращается затем в удивительную хронику нескольких поколений, в достоверную реконструкцию быта, социальных отношений и культурных преданий (С. 10).

О.В. Никитин, один из самых образованных и неравнодушных ценителей вклада выдающихся отечественных лингвистов в развитие науки о русском языке, почти забытых в последнее время много сле-

лал для возобновления интереса к многогранной и чрезвычайно ценной их педагогической и культурной деятельности, трудам, популяризации наследия. Он является инициатором конференций, прошедших в Петрозаводске, Москве, Санкт-Петербурге, Рязани и иных городах с многочисленным составом участников и ценными сборниками статей по их следам, а также организатором спецвыпусков научных журналов, посвящённые юбилеям Ф.Ф. Фортунатова, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и др. И выпуск фотоальбома семьи Срезневских во многом случился по инициативе Олега Викторовича. Вот что он говорит о целях и задачах публикации альбома: «Представленный читателям альбом будет хорошим дополнением к книге Н.В. Колгушкиной “Академик И.И. Срезневский в культурном пространстве России” (Рязань, 2011), где подробно раскрывается неофициальная биография ученого, говорится о семейных традициях, рассказывается о его предках и потомках, о деятельности Музея академика И.И. Срезневского в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина. Так постепенно филологическое имя ученого становится символом высокой духовной традиции, а его наследие оживает в душах и сердцах наших современников. И теперь, открывая скромно названные автором “Материалы для словаря древнерусского языка”, ставшие семейным делом Срезневских, мы невольно соотносим лексикографический подвиг великого книжника, его научные деяния с фамильными портретами – непритязательной будничностью, в которой горел неустанный ум Измаила Ивановича, заразившего своей земной историей многие поколения русских просветителей. Открытия и сомнения И.И. Срезневского превратились в гениальные догадки последователей ученого. И мы снова читаем его имя...» (С. 11).

Обратим внимание на начальные фотографии альбома. На первой странице альбома находится фотография из семейной коллекции потомков И.И. Срезневского, академика Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, в виде красивого седобородого старца, выполненная в Нижнем Новгороде в 1877 г. известным фотохудожником Императорской Академии художеств А. Карелиным. Затем даётся портрет безбородого, относительно молодого Измаила Ивановича в 1854 г., но уже ординарного академика Санкт-Петербургской Императорской академии наук. Далее следует фотопортрет Екатерины Фёдоровны Срезневской (урождённой Тюриной) (1825–1912), верной спутницы жизни учёного, матери восьмерых детей. Через некоторое количество страниц, где размещены трогательные фотографии маленьких детей четы Срезневских, наше внимание обращает групповое фото, подписанное следующим образом: «В гостях у семейства Срезневских: Лев Николаевич Толстой (сидит второй сле-

ва) и Софья Андреевна Толстая (сидит в центре спиной вполоборота). Справа сидят: Измаил Иванович и Екатерина Фёдоровна Срезневские» (С. 27). И таким образом мы видим более сотни интереснейших семейных фотографий разных поколений семьи Срезневских дома и на природе, на даче, просто в поле, в официальной обстановке, в госпитале среди раненых, на коньках при занятиях спортом, в своей семье и при общении с разными людьми, в том числе фотопортреты Валерии Сергеевны Срезневской (Тюльпановой) и её подруги Ани Горенко (Ахматовой), чья дружба продолжалась всю жизнь, со стихотворением, посвящённым Анной Андреевной «милому другу» Валерии Срезневской, написанному в день её смерти, – начиная с конца XVIII в. до времён блокадного Ленинграда.

Мы могли бы и дальше рассматривать безумно интересную историю одной семьи в иллюстрациях и рассказывать о судьбах потомков И.И. Срезневского в XX–XXI вв. Но лучше всего за нас это сделают документальные снимки – свидетельства очень непростой эпохи, разбросавшей Срезневских по разным странам и континентам. Именно поэтому мы хотим обратить особое внимание читателей на «Родословную династии Срезневских», помещённую на форзацах альбома. Она доведена до XXI в. Больше всего Срезневских в Санкт-Петербурге и Москве, а ещё в Киеве, Таллине, за границей. Род Срезневских не истощился: каждый по-своему интересен и обладает своими талантами. Хочется надеяться, что этот огонь памяти не угаснет со временем. А книга Н.В. Колгушкиной будет отличным напоминанием всем нам почитать своих предков и дорожить летописью страны, взрастившей настоящих героев. Имя Измаила Ивановича Срезневского первое среди главных радетелей славистики. Дух ученого продолжает жить в трудах современных исследователей, продолжающих дело составления исторических словарей в Москве и Санкт-Петербурге, в университетах областных городов. Значит, традиции И.И. Срезневского – *срезневведение* – живая наука!

Ещё раз хочется сказать огромное спасибо инициаторам и составителям – Н.В. Колгушкиной и О.В. Никитину – данного ценного памятника жизни замечательной, интеллигентной русской семьи во главе с великим, но таким земным учёным, как Измаил Иванович Срезневский.

Список литературы

Бархударов С.Г. [Вступление] // Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. Т. 1: А–К. Москва: Знак, 2003. Б/н.

Ганцовская Н.С., Окуловская С.В. «Живая старина» в авторских словарях диалектной лексики

Костромского края // Традиции И.И. Срезневского в русской лексикологии и лексикографии XXI века. К 210-летию со дня рождения академика И.И. Срезневского: сборник статей V Межд. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е.П. Осипова. Рязань: РГУ имени С.А. Есенина, 2022. С. 186–193

Колгушкина Н.В. «Дорогой для меня цвет семейности»: Фотоальбом династии Срезневских / под общ. ред. О.В. Никитина. Рязань: РГУ имени С.А. Есенина, 2025. 136 с.

Сморчков В.К. Первый костромской вуз: время, люди, судьбы. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2013. 500 с.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. Т. 1: А–К. Москва: Знак, 2003. 776 с.

References

Barkhudarov S.G. [Vstuplenie] [Introduction]. *Sreznevskii I.I. Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka. V 3 t. T. 1: A–K* [Sreznevsky, I.I. Materials for a Dictionary of the Old Russian Language. In 3 volumes. Vol. 1: A–K]. Moscow, Znak Publ., 2003, without numbering.

Gantsovskaja N.S., Okulovskaja S.V. “Zhivaia starina” v avtorskikh slovariakh dialektnoi leksiki Kostromskogo kraia [“Living Antiquity” in Authors’ Dictionaries of Kostroma Region Dialect Vocabulary]. *Traditsii I.I. Sreznevskogo v russkoi leksikologii i leksikografii XXI veka. K 210-letiiu so dnia rozhdeniia akademika I.I. Sreznevskogo: sbornik statei V Mezhd. nauch.-prakt. konf.* [Traditions of I.I. Sreznevsky in Russian Lexicology and Lexicography of the 21st Century. On the 210th Anniversary of the Birth of Academician I.I. Sreznevsky: Collection of Articles from the V Int. Research and Practical Conf.], ed. E.P. Osipova. Ryazan, Riazan', S.A. Yesenin Russian State University Publ., 2022, pp. 186–193.

Kolgushkina N.V. «Dorogoi dlia menia tsvet semeinosti»: Fotoal'bom dinastii Sreznevskikh [“Dear to me, the flower of the family”: Photo album of the Sreznevsky dynasty], ed. by O.V. Nikitin. Riazan', S.A. Yesenin Russian State University Publ., 2025, 136 p.

Smorchkov V.K. *Pervyi kostromskoi vuz: vremia, liudi, sud'by* [The First Kostroma University: Time, People, Fates]. Kostroma, N.A. Nekrasov KSU Publ., 2013, 500 p.

Sreznevskii I.I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka. V 3 t. T. 1: A–K* [Materials for a Dictionary of the Old Russian Language. In 3 vols. Vol. 1: A–K]. Moscow, Znak Publ., 2003, 776 p.

Статья поступила в редакцию 12.10.2025; принята к публикации 15.10.2025.

The article was submitted 12.10.2025; accepted for publication 15.10.2025.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях.

Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию через форму подачи статей на сайте:

<https://vestnik.kosgos.ru>

Все интересующие Вас вопросы можно уточнить по электронной почте: vestnik@kosgos.ru.

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc или *.docx. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf.

В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович). Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Вестник Костромского государственного университета. 202X. Т. XX, № X. С. XX–XX. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 202X, vol. XX, no. X, pp. XX–XX. ISSN 1998-0817

Научная статья

Указывается специальность

УДК

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-202X-XX-X-XX-XX>

Название (*жирным шрифтом, строчные буквы*)

Фамилия Имя Отчество автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, город, страна, e-mail, ORCID автора в формате: <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Аннотация. (*150–200 слов*).

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.
2. Описание хода исследования.
3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т. д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: (*7–10 слов, разделенных запятой*).

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. XX, № X. С. XX–XX. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-202X-XX-X-XX-XX>

Благодарности: (*указывается ссылка на грант*).

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

Research Article

Name of the article

Author...

Abstract. 150–200 word.**Keywords:** 7–10 word, separated by a comma.**For citation:** Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. XX, no. X, pp. XX–XX (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-202X-XX-X-XX-XX>**Acknowledgments:**

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Источники

БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. Репринт. воспроизведение изд. 1903–1909 гг. Москва: Прогресс: Универс, 1994.

Исследования

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 138–159. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159>

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1880, vol. 2, no. 4, pp. 457–506. (In Russ.)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 138–159. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159>

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 12.02.2025.

The article was submitted 19.12.2024; approved after reviewing 14.01.2025; accepted for publication 12.02.2025.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК,
СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы также оформляются в виде примечаний.

Например:

Архивные материалы:

¹ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой 12: 415]; [СРНГ 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С., 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

Список литературы должен быть разделен на две рубрики: *Источники* (сюда включаются словари, архивные материалы, литературные произведения, исторические источники) и *Исследования*. При этом *References* оформляется только для рубрики *Исследования*.

Список литературы должен быть представлен *в алфавитном порядке*: сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после — все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов(н.п.)В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божиллов И., Тотоманова А., Билярски И. Борилов синодик. София: Публишинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. Москва: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. Москва; Ленинград: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Москва: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. Москва: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копирования в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. Москва: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. Москва: НПК «Интел-вак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly* Altyn and Plautus' *Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 138–159. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159>

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижев и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках. Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в References неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Копировать транслитерированный текст в список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

- перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;
- заменить знак «//» на точку;
- заменить знак «/» на запятую;
- перевести на английский язык место издания (например, было Москва – после редактирования: Moscow);
- заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;
- после транслитерации названия издательства добавить Publ.;
- при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 s. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;
- курсивом выделить название источника и название журнала;
- в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. Москва: НЛО, 2006. 332 с
Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник. 1935. № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “Gorestnaja profanacija” (Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkov o revoljucii 1848 g. v Parizhe) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoricheskij sbornik* [Historical collection], 1935, no. 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Nepomniashchii V.S. *Pushkin v svete ochevidnostei* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir* [New world], 1998, no. 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Сластенина. Москва: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Eremkina et al., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka: dis. ... d-ra filol. nauk* [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskii mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo»*. *Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!
3. Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.
4. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

5. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)

6. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

7. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2025 – Т. 31 – № 4

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Реестровая запись: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать **. **.2025.
Дата выхода в свет _____ 2025.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 28,5.
Уч.-изд. 29,6 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № ***.

Подписной индекс: **18902**
Адрес учредителя, издателя и редакции журнала:
156005, Костромская обл., г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17/11
Телефон: **(4942) 63-49-00 (доб. 3130).**
Адрес электронной почты: **vestnik@kosgos.ru**
Сайт журнала: **<https://vestnik.kosgos.ru/>**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна